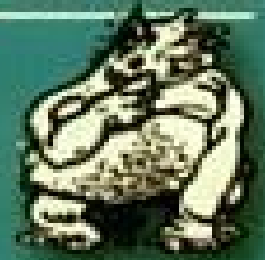

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ОДЕССКИЙ ЮМОР

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

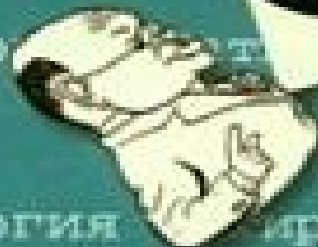

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

«Составляя том, я исходил из следующего простого соображения. Для меня «одесский юмор» – понятие очень широкое. Это, если можно так сказать, любой достойного уровня юмор, связанный с Одессой. Прежде всего, конечно, это произведения авторов, родившихся в ней. Причем независимо от того, о чем они писали и где к ним пришла литературная слава. Затем это не одесситы, но те, кто подолгу жил в Одессе и чья литературная деятельность начиналась именно здесь. Далее, это люди, не имевшие никаких одесских корней, но талантливо и весело писавшие об Одессе и одесситах. И наконец, я беру на себя смелость утверждать, что к «одесскому юмору» могут быть отнесены и тексты иногородних авторов, впервые увидевшие свет на страницах одесских изданий (случай «Крокодила» начала века и «Фонтана» – конца). Главное – во всех этих текстах, как я надеюсь, присутствует то, что я называю одесской составляющей, – живая интонация, парадоксальность и при этом особая легкость выражения» (В.Хаит).

- [Составитель: Валерий Хаит](#)
 -
 - [Об одесском юморе и не только о нем](#)
 - [«Звонить в колокола бодрости»](#)
 -
 - [Одесский «Крокодил» и другие издания](#)
 - [Влас Дорошевич](#)
 - [Одесский язык](#)
 - [Разговорчики](#)
 - [Незнакомец \(Борис Флит\)](#)
 - [Болеют](#)
 - [Веселая прогулка](#)
 - [Picador \(Виктор Круковский\)](#)
 - [Изо дня в день](#)
 - [Математическое](#)
 - [П. Ф. Р-кий](#)
 - [Эмиль Кроткий](#)
 - [Тузини \(Николай Топуз\)](#)
 - [Александр Вертинский](#)
 - [Дон Аминадо](#)
 - [Ксеркс](#)
 - [Давидка Г. \(Давид Гутман\)](#)
 - [Ефим Зозуля](#)
 - [Что людям не надоедает](#)
 - [Как люди скучают](#)
 - [Разговорчики](#)
 - [Эскесс \(Семен Кесельман\)](#)
 - [Искания](#)
 - [Поэт, блины и любовь](#)

- [Случай в провинции](#)
 - [Баллада о Джоне Фальстафе](#)
 - [Предвыборная песня](#)
 - [Фавн \(Вацлав Воровский\)](#)
 - [N](#)
 - [N. N](#)
 - [Борис Бобович](#)
 - [Юрий Олеша](#)
 - [Счастье](#)
 - [В цирке](#)
 - [Эдуард Багрицкий](#)
 - [Око](#)
 - [Ростислав Александров](#)
 - [Мирон Ямпольский](#)
 - [Александр Куприн](#)
 - [Аркадий Аверченко](#)
 - [Одесское дело](#)
 - [Одесса](#)
 - [«Бандитовка»](#)
 - [Семен Юшкевич](#)
 - [Тэффи](#)
 - [Три одесских Онегина](#)
 - [Корней Чуковский](#)
 - [Юрий Олеша](#)
 - [Лери \(Владимир Клопотовский\)](#)
 - [Рабинович и другие](#)
- [Одесские гасконцы](#)
- - [Александр Козачинский](#)
 - [Исаак Бабель](#)
 - [Король](#)
 - [Пробуждение](#)
 - [Вера Инбер](#)
 - [Ефим Зозуля](#)
 - [Дон Аминадо](#)
 - [У моря](#)
 - [Из собрания объявлений](#)
 - [Афоризмы](#)
 - [Самозапитафия](#)
 - [Валентин Катаев](#)
 - [Бородатый малютка](#)
 - [Чудо кооперации](#)
 - [Игнатий Пуделякин](#)
 - [Мрачный случай](#)
 - [Самоубийца поневоле](#)

- [Лев Славин](#)
- [Юрий Олеша](#)
- [Евгений Петров, Семен Кирсанов, Юрий Олеша](#)
- [Саша Черный](#)
- [Илья Ильф, Евгений Петров](#)
 - [Синий дьявол](#)
 - [Страшный сон](#)
 - [Рассказы и фельетоны](#)
 - [КЛООП](#)
 - [Как создавался Робинзон](#)
 - [Честность](#)
- [Илья Ильф](#)
- [Владимир Жаботинский](#)
- [Александр Архангельский](#)
 - [Мой первый сценарий](#)
 - [Раскаянье](#)
 - [Я спешно...](#)
- [Пародии на Э. Багрицкого](#)
 - [Арго](#)
 - [Аноним](#)
- [Рабинович и другие](#)
- [«Ты одессит, а это значит...»](#)
 -
 - [Леонид Утесов](#)
 - [Сад «Трезвость»](#)
 - [Городской сумасшедший](#)
 - [Толчок](#)
 - [Мы родились по соседству](#)
 - [О Леониде Утесове](#)
 - [Вспоминает Иосиф Прут](#)
 - [Вспоминает Аркадий Райкин](#)
 - [Вспоминает Никита Богословский](#)
 - [Из приветствий Утесову](#)
 - [Леонид Филатов](#)
 - [Роберт Рождественский](#)
 - [Вениамин Смехов](#)
 - [Зиновий Гердт, Илья Набатов](#)
 - [Юрий Аптекман](#)
 - [Зиновий Палерный](#)
 - [Александр Хорт](#)
 - [Семен Кирсанов](#)
 - [Сказ шестой](#)
 - [У Черного моря](#)
 - [Константин Паустовский](#)
 - [Мнимая смерть художника Костанди](#)

- [«Тот» мальчик](#)
- [Эмиль Кроткий](#)
 - [В доме композиторов](#)
 - [Осел на выставке](#)
 - [Философ и аптека](#)
 - [Скромность](#)
 - [Из книги «Отрывки из ненаписанного»](#)
- [Александр Шнайдер](#)
- [Лазарь Лазарев, Станислав Рассадин, Бенедикт Сарнов](#)
 - [Пародии на В. Катаева](#)
 - [Трын-трава](#)
 - [Шестьдесят лет спустя](#)
- [Бремя больших ожиданий](#)
- [Автострасть](#)
- [«Нет, что-то есть в этой почве...»](#)
 -
 - [Михаил Жванецкий](#)
 - [Как шутили в Одессе](#)
 - [Воскресный день](#)
 - [Учителю](#)
 - [Леониду Осиповичу Утесову](#)
 - [Владимир Высоцкий](#)
 - [Одесский КВН](#)
 -
 - [Чтение мыслей](#)
 - [Песня одесских трубочистов](#)
 - [Что читать нашим детям?](#)
 - [Мои университеты\[6\]](#)
 - [Гости](#)
 - [Одесские бухгалтеры](#)
 - [Массовик-затейник](#)
 - [Парный конференс](#)
 - [Песня одесских бухгалтеров](#)
 - [Монолог кинорежиссера](#)
 - [Фильм века](#)
 - [30 секунд!](#)
 - [Из конкурсов капитанов](#)
 - [«Антилопа-Гну» – отдел фельетонов газеты «Вечерняя Одесса»](#)
 -
 - [Фельетоны, рассказы, миниатюры](#)
 - [Семен Лившин, Дмитрий Романов Щипчик на транзисторах](#)
 - [Семен Лившин, Юрий Макаров](#)
 - [Семен Лившин, Виктор Лошак](#)
 - [Семен Лившин](#)
 - [Александр Кулич](#)

- [Повести, которые состоят из одних названий](#)
 - [Из цикла «Роман в афоризмах»](#)
 - [Данил Рудый](#)
 - [Ив ОстРаШев \(Сергей Осташко, Ирина Ратушинская, Игорь Шевченко\)](#)
 - [Воспоминание о будущем](#)
 - [Хобби](#)
 - [Сергей Осташко](#)
 - [Памятник](#)
 - [Подслушанное](#)
 - [Александр Кедров](#)
 - [Григорий Яблонский](#)
 - [Мероприятие](#)
 - [Дует!](#)
 - [Семен Лившин](#)
 - [Городские горцы](#)
 - [В августе Н-ского года](#)
 - [Потоп](#)
 - [Лес рубят – книги летят](#)
 - [Алмазный мой кроссворд](#)
 - [Одесская «Юморина»](#)
 -
 - [Историческая справочка](#)
 - [Виктор Славкин](#)
 - [То, что надо «Юморина-74»](#)
 - [Смех с майонезом «Юморина-75»](#)
 - [Театр в подворотне «Юморина-76»](#)
 - [Юрий Рост](#)
 - [Зиновий Герлт](#)
 - [Семен Лившин](#)
 - [Георгий Голубенко, Леонид Сущенко, Валерий Хаит](#)
 - [Утро в одесском дворе](#)
 - [Найдено в капустнике](#)
 - [Хроника Гало-театра](#)
 - [Другие пародии и музыкальные номера из капустников](#)
 - [Песня про одесских красавиц](#)
 - [Говорит Одесса...](#)
- [Глобус Одессы](#)
 -
 - [Одесский КВН](#)
 -
 - [Монолог о красоте\[7\]](#)
 - [Театральный конкурс](#)
 - [Иван Иванович и его избирательная кампания, или Дороги, которыми мы выбираем](#)

- [«Клуб одесских джентльменов»](#)
 -
 - [Светские беседы](#)
 - [Игорь Миняйло, Евгений Хаит](#)
 - [Светские беседы](#)
 - [Анатолий Контуш, Юрий Сычев](#)
- [«Джентльмен-шоу»](#)
 -
 - [Фирма «Исполком-сервис»](#)
 - [Светские беседы](#)
 - [Военная база оптовой торговли](#)
 - [Светские беседы](#)
 - [Лев Семенович и Рокфеллер](#)
 - [Светские беседы](#)
 - [Одесский Монмартр](#)
 - [Авторские анекдоты от «Джентльмен-шоу»](#)
- [Одесский КВН в Америке и Израиле](#)
 -
 - [Библейские истории\[8\]](#)
 - [30 секунд!](#)
- [Одесская «Юморина»](#)
 -
 - [Историческая справочка\[9\]](#)
 - [Одесский фальшивомонетный двор](#)
 - [О памятнике Рабиновичу](#)
 - [Георгий Голубенко, Валерий Хаит](#)
- [Одесские издания 90-х](#)
 -
 - [Феликс Зинько](#)
 - [Мариан Ткачев](#)
 - [Игорь Павлов](#)
 - [Дельный совет](#)
 - [Кошмар](#)
 - [Одиночество](#)
 - [Слон и моська](#)
 - [Константин Ильницкий](#)
 - [Святослав Пелищенко](#)
 - [Борис Барский](#)
 - [Алексей Стецюченко, Александр Осташко](#)
 - [Сергей Милошевич](#)
 - [Иван Рядченко](#)
 - [Илья Рудяк](#)
 - [Леонид Авербух](#)
 - [Михаил Пойзнер](#)
 - [Анна Мисюк](#)

- [Яков Качур](#)
- [Ростислав Александров](#)
- [Ирина Полторац, Владимир Трухнин](#)
- [Одесский юмористический журнал «Фонтан»](#)
 -
 - [Георгий Голубенко](#)
 - [Одна зеленая луковица и одно красное яблоко](#)
 - [Наметанный глаз](#)
 - [Один день Бориса Давидовича](#)
 - [Михаил Векслер](#)
 - [Вячеслав Верховский](#)
 - [«Какой глубинный смысл!..»](#)
 - [Мелочи архиеврейской жизни](#)
 - [Ключья](#)
 - [Наталья Хаткина](#)
 - [Сирена де Бержерак](#)
 - [Проза жизни](#)
 - [Гений](#)
 - [С приветом!](#)
 - [Левая баллада](#)
 - [Обреченность на лирику](#)
 - [Марианна Гончарова](#)
 - [Зельман, тапочки!](#)
 - [Собака](#)
 - [Юрий Михайлик](#)
 - [Александр Беренштейн](#)
 - [Сергей Рядченко](#)
 - [Лев Гольдберг \(Молдова\)](#)
 - [Валентин Крапива](#)
 - [Одесский тур-де-форс](#)
 - [Жажда жизни, или Автопробег с Геннадием Хазановым](#)
 - [Людмила Уланова](#)
 -
 - [Жизнь поэта](#)
 - [Борис Крутиер](#)
 - [Роман Карцев](#)
 - [Футбол и опера](#)
 - [На пляж Одесса собиралась так...](#)
 - [Вадим Жук](#)
 - [Михаил Бару](#)
 - [Борис Бурда](#)
 - [И Родина щедро поила меня...](#)
 - [День раненого таракана](#)
 - [Сергей Сатин](#)
 - [Страсти по нейтрину](#)

- [Меланхолическое](#)
 - [Слухи в виде лимериков](#)
- [Василий Шимберев \(Санкт-Петербург\)](#)
- [Михаил Яснов](#)
- [Анатолий Контуш](#)
- [Евгений Мучник](#)
- [Олег Губарь](#)
 - [Приколы нашего городка](#)
 - [Уникум](#)
 - [Губарики](#)
- [Наталья Хозяинова](#)
- [Леонид Барац, Сергей Петрейков, Ростислав Хаит](#)
- [Михаил Волков](#)
 - [Сказка о менестрелях](#)
 - [Жизнь чиновника](#)
- [Ирина Ратушинская](#)
- [Феликс Кривин](#)
 - [Серые](#)
 - [Сказка о мальчике и его бабушке, о девушке, которая выдает посылки, о почтальоне и начальнице почты, о работниках железнодорожной станции, транзитных пассажирах, а особенно о нашей brave милиции, которая нам всех преступников переловит](#)
 - [Сказка о вилке по имени Ложка](#)
- [Юрий Макаров](#)
- [Александр Мусти](#)
 - [История. Краткий курс](#)
 - [Каламбуры любви](#)
- [Семен Лившин](#)
- [Евгений Микунов](#)
- [Игорь Иртеньев](#)
 - [Визуальная галлюцинация](#)
 - [Урок труда](#)
- [Елена Каракина](#)
- [Александр Редькин](#)
 - [Микропроза](#)
 - [Мы рождены, чтоб...](#)
- [Сергей Махотин](#)
- [Александр Свинарчук](#)
- [Валерий Хаит](#)
- [Они прославили Одессу](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Составитель: Валерий Хаит
Антология Сатиры и Юмора России XX века
Том 32
Одесский юмор

Одесситы. Фото на память

Об одесском юморе и не только о нем

*Мы предчувствуем высоты, которых он может достигнуть:
тирания вкуса должна царить на них.*

Исаак Бабель об Утесове

Обычно подобные предисловия (ну чтобы подчеркнуть солидность и объективность составителя) начинаются словами: «Нам представляется...», «Мы полагаем...» либо совсем уж безлично – «Существует мнение...» В данном же случае, когда речь идет о такой зыбкой и ускользающей материи, как юмор, быть объективным и нейтральным крайне трудно. Ведь в юморе нет специалистов – в нем «разбираются» все. То есть отношение к юмору, восприятие его у каждого свое. Тем более если этот юмор «одесский». Одним (как правило, не одесситам) больше нравится его, так сказать, экзотическая часть – то есть жаргон, неправильности речи, утрирование интонации. Другим же – афористичность, естественность и соответствие нормам русской грамматики. Я отношу себя к последним. Словом, мое отношение к юмору, в особенности же к одесскому, крайне субъективно. Что, конечно, чревато. Поскольку я понимаю: отбирая нравящиеся тебе тексты, ты как бы навязываешь читателю свой вкус. Так вот, хочу заранее попросить прощения у ревнителей академизма, – как раз это я и собираюсь делать! А значит – никаких «мы», «нам» и прочих ухищрений, за которыми можно спрятаться. Все – только от первого лица.

Думаю, кстати, что такой подход оправдывают и мои более чем тридцатилетние занятия этим сомнительным делом. Ну, я имею в виду юмор. Пора уже вроде бы себе доверять...

У меня была нелегкая задача. Представляете – собрать в одном томе одесский юмор за сто лет! Нырнуть в это море, конечно, нетрудно, а вот выплыть...

И то, что я все же в нем вроде бы не утонул, объясняется только одним: у меня была отличная спасательная команда. Но о ней чуть позже...

Продолжая же мысль о необозримом море одесского юмора, произношу по ассоциации слово «компас». Так вот и с компасом оказалось не так плохо. Ведь за предыдущие годы одесские и другие исследователи проделали колоссальную работу по поиску и изучению литературного наследия одесских журналистов и писателей, работающих в жанре сатиры и юмора. В том числе и представителей так называемой южнорусской школы, в произведениях которых (даже и вполне серьезных) юмор и ирония присутствовали всегда.

Хочется поделиться и еще одним ощущением, связанным с морем. Когда при перечитывании огромного количества архивных текстов у составителя начинались явные признаки морской болезни, их тут же гасила мысль, что, если бы не труд предшественников, до желанного берега доплыть было бы вообще невозможно.

А чтобы закончить эту затянувшуюся метафору, добавлю только одно: вы обратили внимание, что у слов «море» и «юмор» один корень?

Ну хорошо, не корень, но все равно много общего.

Тут и соль, и блеск, и игра, и оттенки, и даже волны (скажем, волны хохота на вечерах юмора). Но, конечно, к сожалению, и пена с мусором...

Я как-то слышал в Москве замечательную фразу. Ее при мне сказал некий редактор

надоедливому автору: «Помните, был такой журнал «Литература и жизнь»? Так вот в нем печатались авторы второго и третьего ряда». А теперь поставьте себя на мое место и попробуйте объяснить одесситу, особенно юмористу, что он «автор второго ряда»! Это я уже о некоторых своих современниках.

Словом, я отобрал из всего объема существующих и обнаруженных в процессе работы текстов лишь то, что нравится мне лично. Не исключено, кстати, что это и дало возможность уместить все в один том. Тем более что для одесских классиков – Ильфа и Петрова, а также Жванецкого – в антологии планируются отдельные тома. Нет-нет, в нашем случае они, конечно, тоже представлены. Как же без них? Ведь процесс накопления юмора в Одессе был непрерывным. А они, так сказать, столпы, устои, на которых слава Одессы как столицы юмора в значительной степени и держится.

А теперь о самом понятии «одесский юмор». Тем более что такое название присвоено нашему тому. За годы прошлого века вокруг этого определения было много сломано копий. М. М. Жванецкий, например, писал: «Нет специального одесского юмора. Есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания». Ну что ж, я с Михал Михалычем, конечно, согласен. Правда, не совсем. Тем более что он сам своими блестящими текстами и феноменальным их исполнением одновременно и подтверждает, и опровергает эту мысль. Ибо без «одесской составляющей» в его текстах и, главное, в его интонациях не было бы, как мне кажется, такого уникального явления, как Жванецкий.

А вот против чего хочется категорически возразить, так это против жаргона и дурной языковой экзотики. И тут я полностью разделяю иронию короля одесских фельетонистов начала двадцатого века Власа Дорошевича, фельетон которого «Одесский язык» и открывает эту книгу. Главная мысль фельетона тоже состояла в том, что так называемый одесский колорит вполне можно выразить в пределах норм русской грамматики.

Правда, и тут бывают исключения. Вот Бабель, например. В рассказе «Король» читаем:
– *Беня, – сказал папаша Крик, старый биндюжник, слывший между биндюжниками грубияном, – Беня, ты знаешь, что мне сдается? Мне сдается, что у нас горит сажка...*
– *Папаша, – ответил Король пьяному отцу, – пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей...*

Но это Бабель, многие фразы из рассказов которого не зря разошлись на цитаты. Поистине нужно было обладать уникальным бабелевским талантом и снайперским вкусом, чтобы сделать одесскую речь фактом высокой литературы. Словом, с так называемым одесским языком, а значит – и с одесским юмором, все не так просто...

И еще одно небольшое рассуждение. Точнее, его попытка.

Известно, что престиж остроумного человека очень высок. А все, что престижно, что имеет успех, рождает немедленное желание подражать. «И я так могу!..» Замечали? Достаточно кому-то произнести остроту или рассказать анекдот, как с ним тут же начинают соревноваться.

Но по-настоящему остроумных людей не так много. Вместе с тем вряд ли кто-нибудь согласится, что у него нет чувства юмора. Это все равно как признаться в том, что у тебя дурной вкус. Поэтому так много в этом деле безвкусицы.

Особенно же подобная опасность подстерегает одесский юмор. И прежде всего в силу его невероятной популярности. Благодаря Утесову, героям Бабеля, Ильфа и Петрова, персонажу Марка Бернеса из фильма «Два бойца» сформировался так называемый одесский канон – образ человека, у которого готовность шутить по любому поводу является

определяющей. С тех пор стоит человеку сказать, что он одессит, он тут же становится центром внимания. К нему тянутся, от него ждут: «Вот сейчас он пошутит! Ну же, ну!..» На него смотрят во все глаза, его слушают во все уши. Причем независимо от того, какую пошлую ахиною он при этом несет. Он – одессит!..

Так культивируется то, что является, на мой взгляд, юмором псевдоодесским.

А теперь несколько слов о построении тома. В основе его – хронологический принцип. Как самый простой и естественный. И в то же время весьма условный. Ведь время неразрывно, оно свободно перетекает из одной эпохи в другую, и эта его неразрывность подтверждается еще и тем, что голоса перекликаются, аукаются, темы и сюжеты переходят из одного времени в другое. К тому же возникает вопрос: а что брать за основу – время написания текста или время, о котором он написан?... Словом, строгой хронологии в этом томе искать не нужно. Я, конечно, старался ей следовать, но когда какие-то соображения заставляли эту самую хронологию нарушать, не очень этому противился.

И что еще, как мне кажется, требует пояснения. Составляя том, я исходил из следующего простого соображения. Для меня «одесский юмор» – понятие очень широкое. Это, если можно так сказать, любой достойного уровня юмор, связанный с Одессой. Прежде всего, конечно, это произведения авторов, родившихся в ней. Причем независимо от того, о чем они писали и где к ним пришла литературная слава. Затем это не одесситы, но те, кто подолгу жил в Одессе и чья литературная деятельность начиналась именно здесь. Далее, это люди, не имевшие никаких одесских корней, но талантливо и весело писавшие об Одессе и одесситах. И наконец, я беру на себя смелость утверждать, что к «одесскому юмору» могут быть отнесены и тексты иногородних авторов, впервые увидевшие свет на страницах одесских изданий (случай «Крокодила» начала века и «Фонтана» – конца). Главное – во всех этих текстах, как я надеюсь, присутствует то, что я называю одесской составляющей, – живая интонация, парадоксальность и при этом особая легкость выражения.

Вот, скажем, миниатюра автора одесского журнала «Фонтан» Вячеслава Верховского из Донецка:

Бабушка оставалась женщиной до самого конца.

– Ба, тебя нужно немедленно показать доктору!

Подкрасила губки:

– Ты думаешь, я буду иметь успех?

И еще. Я глубоко убежден, что юмор должен вызывать добрые чувства. Более того: способствовать смягчению нравов. Так вот, настоящий одесский юмор, на мой взгляд, всегда отличался особой теплотой. Это, наверно, идет от одесского характера, от доброжелательности и открытости, с чем не раз сталкивались и о чем писали многие. Причины этого, думаю, в том, что Одесса всегда оставалась многонациональной. Ведь без открытости и взаимного доверия в такой ситуации было просто не выжить.

Участвовали в создании одесского характера, конечно, и уникальные местные условия. Те самые солнце и море, тот самый запах белой акации, волшебное действие которого так ярко описал в одноименном рассказе Александр Куприн. Не говоря уже об одесских песнях, лучшие из которых выражают суть не только одесского характера, но и одесского юмора. Поэтому, кстати, наиболее популярные из них тоже нашли место на этих страницах.

По этой же причине в том включены и так называемые «одесские анекдоты». Но, опять же, из тех, что по вкусу лично мне.

А теперь, как было обещано, о моей «спасательной команде». И к чему я лично

приступаю с особым волнением. Я хочу искренне поблагодарить всех, кто помог мне в этой головоломной и невероятной по ответственности работе.

Я благодарю Алену Яворскую, Елену Каракину, Лилию Мельниченко и Машу Кнеллер – научных сотрудников славного Одесского литературного музея.

Я благодарю замечательных одесских собирателей и исследователей: Александра Розенбойма и Сергея Лущика, Михаила Пойзнера и Феликса Кохрихта, Валентина Крапиву и Анатолия Дроздовского, Аркадия Вайнера и его соавтора Эдуарда Кузнецова.

Моя дружеская признательность постоянным авторам и читателям журнала «Фонтан» Александре Ильф и Вячеславу Верховскому.

Наибольшую же помощь мне оказали известный одесский журналист и собиратель Евгений Голубовский и заведующая отделом искусств Одесской научной библиотеки имени Горького Татьяна Щурова. Им – моя особая благодарность.

Я благодарю и своих коллег по журналу «Фонтан» – Софью и Дмитрия Кобринских, Елену и Семена Лобач, Наталью Рогачко. Без их самоотверженной помощи я не смог бы подготовить рукопись в намеченные сроки.

И в заключение вновь о юморе и море. Вообще юмор (надеюсь, вы это заметили) – странно живучая вещь. Впрочем, как и море, которое, как вы знаете, имеет способность к самоочищению. Так вот, я очень надеюсь и верю, что одесский юмор тоже никогда такую способность не утратит...

Валерий Хаит

Сокращения в текстах помечены знаком <...>.

Подписи и псевдонимы некоторых авторов начала века расшифровать не удалось.

«Звонить в колокола бодрости»

1900–1920

...Поддерживая одних, бичуя других, осмеивая в легкой, дружеской шутке всю пошлость провинции, мы будем... будить спящих, вносить свет в непроглядную мглу, звонить в колокол бодрости... и напоминать, как хорошо жить, верить, творить, бороться и смеяться над пошлостью жизни.

Незнакомец (Борис Флит)

Начало века в Одессе отличалось обилием периодических изданий. И в каждом из них, как правило, присутствовал отдел или хотя бы уголок юмора. Некоторые из еженедельников и газет жили всего лишь по два-три месяца, одни сменяли другие, но общее их число практически не менялось.

Наиболее заметным был в эти годы одесский «Крокодил», который на 10 лет опередил одноименный московский. В нем работал весь цвет одесского юмора тех лет: Ефим Зозуля, Эмиль Кроткий, Незнакомец (Борис Флит), Эскесс (Семен Кесельман), Тузини (Николай Топуз), Picador (Виктор Круковский) и многие другие. В эти же годы в одесских изданиях (и наиболее активно именно в «Крокодиле») работали замечательные художники: Борис Антоновский, Федор Сегаль, МАД (Михаил Дризо), Михаил Линский, Сандро Фазини (Александр Файнзильберг, старший брат Ильи Ильфа), Александр Цалюк, Лазарь Митницкий, Всеволод Никулин.

В «Крокодиле» печатались и иногородние авторы – петербургские, московские, киевские. Публиковаться в Одессе в те годы было весьма престижно...

В. Х.

Влас Дорошевич

Одесский язык

Приступая к лекции об одесском языке, этом восьмом чуде в свете, мы прежде всего должны определить, что такое язык.

«Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли», – говорят дипломаты.

«Язык дан человеку, чтоб говорить глупости», – утверждают философы.

Мы не знаем, как был создан одесский язык, но в нем вы найдете по кусочку любого языка. Это даже не язык, это винегрет из языка.

Северяне, приезжая в Одессу, утверждают, будто одесситы говорят на каком-то «китайском языке». Это не совсем верно. Одесситы говорят скорее на «китайско-японском языке».

Тут чего хочешь, того и просишь.

И мы удивляемся, как ни один предприимчивый издатель не выпустил до сих пор в свет «самоучителя одесского языка» на пользу приезжим.

* * *

– Советую вам познакомиться с месье Игрек: он всегда готов занять денег!

– Позвольте! Но что же тут хорошего? Человек, который занимает деньги!

– Как! Человек, который занимает деньги, это такой милый, любезный!

– Ничего не вижу в этом ни милого, ни любезного.

– Это такой почтенный человек. Его за это любит и уважает весь город.

Но при первой же попытке «занять» вы поймете ошибку. В Одессе «занять» – значит дать взаймы.

«Я занял ему сто рублей».

– Месье не скучает за театром?

– Зачем же я должен скучать непременно за театром? Я скучаю дома.

Вы удивлены, потому что за театром в Одессе находится «Северная» гостиница, где далеко не скучают.

На одесском воляпюке скучают обязательно «за чем-нибудь». Публика скучает «за театром», продавцы «за покупателями», жены скучают «за мужьями».

А чудное одесское выражение «говорить за кого-нибудь»!

Вы будете страшно удивлены, когда услышите, что:

– Месье прокурор чудно говорил за этого мошенника.

На одесском языке не существует предлога «о». Здесь не говорят «о чем-нибудь», здесь говорят «за что-нибудь».

– Ах, я ужасно смеялась с него!

– Как?!

– Я смеялась с него. Что же тут удивительного? Он такой смешной!

В Одессе всегда смеются с кого-нибудь.

Гр. фельетонисты здесь очень много смеются, например, «с городской управы», но с городской управы это как с гуся вода.

Может быть, отсюда и взят этот предлог «с».

– Вообразите, – говорят вам, – я вчера сам обедал!

– Я сам хожу гулять!

– Да, мадам, но вы уж, кажется, в таком возрасте, что пора ходить «самой»!

Впрочем, иногда для ясности месье одесситы бывают так любезны, что прибавляют: сам один!

Затем вы услышите здесь не существующий ни на одном из европейских и азиатских языков глагол «ложить». Везде детей «кладут спать», и только в Одессе их «ложат спать». Вероятно, так одесским детям удобнее.

Одесский язык не признает ни спряжений, ни склонений, ни согласований, ничего! Это язык настоящих болтунов – язык свободный, как ветер.

О добрые немцы, которые принесли в Одессу секрет великолепного приготовления колбас и глагол «иметь».

– Я имею гулять.

– Мы имеем кушать.

В Одессе все «имеют», кроме денег.

Когда вас спрашивают:

– С чем месье хочет чай: со сливками, с лимоном?

Вы должны ответить:

– Без ничего.

Вы должны говорить «туда и сюда», чтобы не быть осмеянным, если скажете «туда и сюда».

Таков одесский язык, начиненный языками всего мира, приготовленный по-гречески, с польским соусом. И одесситы при всем этом уверяют, будто они говорят «по-русски».

Нигде так не врут, как в Одессе!

1895

Разговорчики

По зубам

– Скажи, как ты узнаешь, сколько курице лет?

– По зубам.

– Позволь, но ведь у курицы нет зубов?

– Я по своим зубам.

Разница

– Почему эта колбаса?

– Девять рублей фунт.

– А эта?

– Семнадцать.

– Семнадцать рублей?! Но между ними же нет никакой разницы!

– Как нет? Разница в восемь рублей, господин!

Наши мужья

Муж говорит жене:

– Если меня сегодня задержат дела, то я пошлю тебе письмо с посыльным.

– Не трудись посылать, я его уже получила.

– Как?

– Горничная чистила пальто и нашла в кармане.

Одесситка

– Ах, какая чудесная страна эта Флоренция... Представьте себе, милая, там мне в полчаса вылепили бюст руки.

Экспромт

– Яша, а ну-ка скажи что-нибудь остроумное экспромтом...

– Одолжи мне пять рублей...

Щедрый

От Фанкони выходят два одессита. Швейцар подает им пальто. Один из одесситов достает два рубля и дает их на чай швейцару. Другой на улице уже с изумлением спрашивает «щедрого»:

– Ты с ума сошел?! Кто же дает на чай два рубля!

– Эге! Зато посмотри, какое пальто он мне подал!

Меломаны

– Вы что больше любите: рояль или скрипку?

– Я, собственно, скрипку!

– Нежнее, не правда ли?

– Нет, я не потому! А просто – скрипку легче за окно выбросить.

Между подругами

– Представь себе, Ирочка призналась мужу во всех своих неверностях...

– Что ты?! Какое мужество!..

– Скажи лучше: какая память!..

Точный ответ

На экзамене истории профессор спрашивает студента:

– Как древние славяне смотрели на женщин?

– С удовольствием! – отвечает тот.

Женщине 60 лет, мужчине 20 – женщина старше мужчины втрое.

Через двадцать лет... Женщине 80, мужчине 40 лет – женщина старше мужчины всего вдвое.

Fatalite!

От чего зависит успех

– Пьеса, кажется, имеет успех: никто не свистит.

– А ну попробуйте-ка одновременно зевать и свистеть!

Незнакомец (Борис Флит)

Болеют

В один прекрасный день певец Деригорло встал утром с левой ноги.

– Гм!.. Марья!.. А Марья! – рявкнул он во всю глотку. – Давай сапоги!

И с ужасом почувствовал, что в горле у него что-то дернуло и слегка кольнуло. «Болен!.. – мелькнуло в его голове. – Болен! Не буду сегодня петь «Евгения Онегина»!..»

И послал записку антрепренеру.

Антрепренер чуть не упал в обморок:

– Зарезал, каналья! У меня уже афиши выпущены... Что я буду делать?

Поехали к Деригорле. Тот сидел завязанный во все теплое и производил себе ингаляцию. Знаками он показал, что петь не будет.

– Мамочка! – сказал антрепренер. – Я было уже и подарочек вам приготовил...

– Нет!

– Цветы?

– Не буду.

– У меня афиши!

– Наплевать!

– Сбор!

– Тем хуже.

– Что же я буду делать?...

– У меня горло! Понимаете, в моем горле золото, оно мне дороже вашего Онегина.

Так и не поехал петь. Кое-как выпустили афиши.

– Риголетто здоров? – спросил антрепренер.

– Риголетто – здоров! А вот Джильда заболела.

– Что?

– Да! У нее горло.

– Ну?

– Она хрипит...

– Дайте ее мне. Я ее задушю, и тогда она будет уж по-настоящему хрипеть.

Наступил вечер. На афишах значилось сперва: «Онегин». Потом: «Риголетто». Потом повесили наклейку: «Аида»!..

Но вечером Аида тоже заболела. Ей показалось, что у нее в горле что-то не в порядке.

Антрепренер рвал последние волосы на администраторе. Публика приходила в театр и спрашивала:

– Что сегодня идет?

– Пока решено «Руслана и Людмилу». Но еще до занавеса четверть часа. Может, кто и заболит.

И действительно, вышел помощник режиссера и объявил:

– Ввиду болезни артистки Голорыловой вместо «Руслана и Людмилы» пойдет «Мазепа».

Многие из публики ушли.

– Ого! То две оперы: и «Руслан», и «Людмила». А то за эти же деньги хотят дать одну, да и то «Мазепу».

Ужасно любят болеть оперные артисты.

Веселая прогулка

I

Кому пришла в голову эта ужасная мысль, трудно сказать, но кто-то из веселой компании молодежи предложил:

– Поедем в Аркадию!..

– Не в Аркадию, а в Аронию, – поправил его другой...

Воскресный день был так прекрасен, весеннее солнце так нежно грело, запахи цветов на улицах звали к морю, к шире и простору, а в городе было так серо и тоскливо, что все соблазнились...

– Но как мы поедем?... В колясках? – спросила артистка.

– Ужасно хохочу по поводу этого наивного предложения, – сказал молодой режиссер. – В колясках? Я предлагаю взять два автомобиля или один аэроплан...

Но это предложение по многим причинам оказалось неприемлемым: для автомобилей не было денег, а для аэроплана не было самого аэроплана.

Несчастливая мысль пришла в голову наивному, как все истинные художники, композитору.

– Поедьте на конке...

– Смеюсь до коллик! – сказал режиссер, но, сосчитав свои деньги, согласился: – А ведь, пожалуй, веселее конкой.

Кто-то очень веселый, вероятно, предложил:

– Два удовольствия сразу: до конки мы доедем электрическим трамваем.

Но это не удалось. У станций электрического трамвая, не только у конечных, но и на перекрестных, стояли толпы народу и ждали... очереди... Матери забывали своих детей, жены – мужей, мужья – жен...

Каждый, вскочивши на площадку, забывал о всех остальных, и только издали, с уходящего вагона, матери иногда кричали оставшимся:

– Там остался мой ребенок! Добрые люди, доставьте его на Греческую, 7, кв. 3... Будет выдано приличное вознаграждение...

«...То слезы бедных матерей: Им не забыть своих детей...»

Наконец артистка предложила:

– Знаете что, доедемте до малофонтанской конки на извозчиках...

– Удивительный в Одессе способ передвижения: всюду ездят на дрожках, а в Одессе на извозчиках. Бедные извозчики, им, должно быть, очень тяжело! – удивился наивный композитор...

Ехали «на извозчиках» и удивлялись:

– Почему это вдруг почти все улицы непроезжими сделались? Всюду уширяют, мостят, всюду разрушение.

Извозчики объяснили:

– А выставка!

Что это значило, трудно сказать, но многие делали догадки, что город нарочно разрыл все улицы, ведущие к выставке... Какое ложное обвинение...

У станции X. аркадийской конки творилось почти то же, что, по уверениям старожилов, было при всемирном потопе. Лагерями расположились люди в ожидании конок. Многие спали вповалку, другие стояли посреди улицы и смотрели в подзорную трубу: не идет ли конка. Делились впечатлениями:

– Вы – какую?

– 12-ю жду.

– Счастливчик, а я 19-ю конку пропустил...

– Ползет!..

Публика бросается вперед и с риском для жизни набрасывается на вагон...

А когда вагон подходит к станции, кондуктор заявляет:

– Этот вагон в Аркадию не идет... Слезьте!..

Но публика не сходила и кричала в исступлении:

– Везите куда-нибудь!..

А молодой композитор мечтательно декламировал из Байрона:

Пусть мачты в бурю заскрипели,

Изорван парус, труден путь!

Я понесусь вперед без цели:

Я должен плыть куда-нибудь!..

Вагон «несся» со скоростью черепахи, страдающей ревматизмом и полечившейся на одесских лиманах.

Из Аркадии выбраться труднее, чем из ада. Извозчиков нет...

Когдаходишь к извозчику и сперва требуешь, потом просишь, умоляешь его:

– Отвези в город!..

Извозчик издевается:

– А чего же вы не наняли туда и обратно? Хитрые вы, господин, 8 рубликов до города...

И если вы уже соглашаетесь на его дьявольские условия, он вдруг заявляет:

– А я занят и не могу ехать!

– Да как же ты, каналья, торговался, если ты занят?...

– А я думал, что вы не дурак и не дадите 8 рублей... А вы дали... Нет, не поеду...

Тогда публика пускается бегом на Малый Фонтан... Там конка... более доступна.

Ждут час, два: нет мест. Скоро уже последние конки...

Остроумные люди предлагают единственный выход:

– До юнкерского дойдем, а оттуда пешком!..

Однако не все соглашаются на такой компромисс... Многие отправляются большими партиями вперед:

– Захватим места, приедем сюда обратно, а отсюда уже в город.

И идут, идут... обыватели по направлению к городу...

Но встречные конки все заняты теми, кто ушел еще дальше и раньше захватил место...

Идут все вперед. Наконец на половине дороги до города совершают нападение на конку и овладевают ею... и едут назад на Малый Фонтан.

Кондуктор, очевидно, знает нравы одесситов, потому что кричит:

– Господа! Платить нужно! Даром не повезут!

Но одесситы рады уплатить еще по гривеннику, лишь бы хотя бы рикошетом добраться до города...

По дороге толпа алчущих!.. Они рыдают, они предлагают полжизни за место, но вагоны полны...

И когда конка подъезжает к Малому Фонтану, она уже полна захватившими места раньше, и публика, ожидающая конку, шлет проклятия року...

Ночью возвращаются домой смельчаки, доехавшие в Аркадию, возвращаются разбитые, усталые, измученные...

– Прогулка была прекрасной, – рассказывают они на завтра своим кредиторам, а втайне надеются: «А ну-ка, рискни и ты! Поезжай! Пострадай!.. Помучайся!.. Будешь ты меня помнить!..»

Picador (Виктор Круковский)

Изо дня в день

Сонливым вялым крабиком

Плетется мысль устало;

Флакон с гуммиарабиком

Рука моя достала...

И ножницы мне поданы,

Раздался писк их ржавый...

Тружусь я, бедный подданный
Седьмой большой державы...
Займусь я стрижкой, кройкою,
Газет не пожалею
И – вам статейку бойкую
Рукой привычной склею...

Математическое

Этих глаз синева,
Эти ласки-слова
Взяли сердце мое без стеснения...
Но среди дев ты – феникс,
Ты – загадка, ты – икс,
И не мог я решить уравнения...

Сочетал наугад
На различный я лад
Милой крошки
Волшебные данные;
Я решал, я мечтал, —
И нас брак сочетал,
И надели мы узы венчанные!

Но, загадка моя,
Женских чар не тая,
Ты путями пустилась нечестными,
И рога я ношу, но никак не решу
Уравнения с двумя неизвестными.

П. Ф. Р-кий

Посвящается милой одесситке

Как ты бойка, как остроумна,
Когда молчишь...
Как рассудительна, разумна,
Когда ты спишь...
Как ты сияешь вся от счастья,
Как вид твой свеж...
Ты дышишь вся огнем и страстью,
Когда ты ешь!..
Что за краса в небесном взгляде,

В твоих глазах,
Как дивно хороша ты... Сзади
Или впотьмах!..
Готов тебе я побожиться,
Что я не лгу:
Желал бы я в тебя влюбиться,
Да не могу.

Эмиль Кроткий

Город

Многоцветные витрины,
Миллионы жадных глаз,
Размалеванные Фрины,
Груды, плечи напоказ.
Как прилизанные крысы,
Семян на каблучках
Современные Парисы
При усах и в котелках.
Фаты, купчики, гимнасты...
Шум, движенье, гам и звон...
Здесь разящие контрасты
Бьют в глаза со всех сторон.

Вот табло: у лавок модных
Рать бесштанников стоит...
Груды яств у тьмы голодных
Возбуждают аппетит.
Рай – удел смиренных духом —
Я не спорю; но пока
Их судьба – с голодным брюхом
Созерцать окорока.

Пятна пестрых объявлений:
«Фарс»... Спермины... Лампы «Блиц»...
Сколько ярких впечатлений,
Сколько серых слов и лиц!
Вот кокотка в экипаже,
С ней рядком известный туз.
Рой девиц в ужасном раже
Льнет к любимцу местных муз.
Драка... жулика словили —
Правит суд городской...
Крик: кого-то задавили —

Распростился с головой!
Ах, бедняк... А впрочем, что же!
Что жалеть тебя... увы!
В этом шуме все мы тоже,
Как и ты, без головы.

Тузини (Николай Топуз) Грустная история

Компиляция

С пирушки в это воскресенье
Домой я плелся под хмельком.
«Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем».
Вдруг в шубке милое создание
Мелькнуло быстро предо мной.
«И прежних дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой».
Чтоб не создать разлада с веком,
Я полетел стрелой за ней.
«Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей».
Я в восхищеньи был, ей-богу,
Глядя на стан ее и грудь.
«Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь».
Бросая огненные взоры,
Ее обнял случайно я.
«Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья».
Но тут она – о дочь квартала —
Пощечину вlepила мне.
«Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине».
И я, как столб, стоял на месте,
Увы! с поникшей головой.
«Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой».
Щека с печатью женской длани
Горела радугой и жгла.
«Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла».

Она вlepила мне искусно,
Должно быть, так уж суждено.
«Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно».

Рис. С. Фазини

Александр Вертинский **Одесская пресса**

Одесская пресса.
Голландская сажа.
Сибирская язва.
Казанское мыло...

В моем представлении – это нечто автономное, особое, замкнутое, живущее своими собственными вкусами, уставами, традициями. Нечто, о чем уже давно заявлен патент за № 4711 в департаменте российского искусства.

Одесская пресса – это маленькая самолюбивая республика, затерянная среди городов и колоний могущественного империалистического государства.

Она не желает подчиняться никаким законам, никаким влияниям и мнениям, она не верит никаким авторитетам и живет и гордится своим собственным независимым мнением, самоуправляясь и самоопределяясь.

И огромное добродушное государство, снисходительно улыбаясь, щадит ее автономность и оставляет ее в покое. Освистывая всероссийскую знаменитость, короля и властителя северных вкусов, актера, на котором воспитывались целые поколения, она уходит, довольная и гордая, и иронически усмехается:

– Нас не надуешь!

И ставит крест.

Она не любит чужих. Она не любит готовых, законченных, созданных где-то там, на севере, помимо ее влияния, помимо ее наблюдений.

«Одесса-мама» – как поется в одной из ее песен.

И как мать она не любит приемышей. И часто оказывается злой мачехой по отношению ко всем тем, кого подкидывает ей северное искусство.

И наоборот – свое, хотя бы маленькое, среднее, ограниченное, только свое – она раздувает до размеров необычайных и внушительных. Ибо это – свое, ею вспоенное и ею вскормленное.

Она страшна. Страшна для всякого гастролера. Ибо можно пройти по всей России и

совершенно не пройти в Одессе.

И Одессы боятся. Ее откладывают на конец, напоследок, чуть ли не после Парижа и Лондона...

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

ПАСХАЛЬНАЯ ≡≡≡
≡≡≡ **НЕДѢЛЯ**

Спектакли комедіи подъ управленіемъ
ВАС. ВРОНСКАГО

Въ Понедѣльникъ 23 апрѣля два спектакля:

<i>ДНЕМЪ</i> Коммивояжеръ Свободы		<i>ВЕЧЕРОМЪ</i> На законномъ основаніи
ВТОРНИКЪ, 24 АПРѢЛЯ		
<i>ДНЕМЪ</i> Яромать грѣха		<i>ВЕЧЕРОМЪ</i> Безутѣшная вдова

Дон Аминадо
Как сделаться конферансье

Опыт маленькой лекции с премилым окончанием

«Леди и джентльмены!

Скромно считая себя единственным настоящим конферансье в России с Сибирью и чувствуя приближение старости, я считаю долгом своим перед родиной и перед потомством сохранить для истории те мысли, замечания и положения, кои накопились у меня за время моей деятельности...

Вы отлично знаете, что наиболее грандиозные, скажем прямо, подавляющие успехи европейской цивилизации в России сказались именно в области кабаре, или, как называют

их ласкательно и уменьшительно, – миниатюр, о которых известный поэт нашего времени сказал:

Ах... все мы ищем красоты —
И все... идем в миниатюры!..

Но, леди и джентльмены...

Для кабаре необходим, и это совершенно неоспоримо, – подвал.

Вы спросите, почему непременно подвал, а не партер или бельэтаж?

Очень просто. Когда люди опускаются до того, что идут в кабаре, надо дать им возможность опуститься как можно ниже. Ибо, как сказал Ницше: «Падающего подтолкни»...

И обратите внимание, что год от года, под влиянием бесчисленных предпринимателей, все архитекторы стараются рыть подвалы как можно глубже... Уже одно это явление ярко указывает на все возрастающий ажиотаж: каждый антрепренер не прочь вырыть яму своему конкуренту.

Помимо перечисленных причин, так сказать, житейского и современного характера, можно, говоря о подвалах, привести и соображения исторические. Из истории известно, что все наиболее утонченные пытки происходили главным образом по подземельям.

Когда у человека есть подвал – тогда добрая половина успеха уже обеспечена.

Но есть еще недобрая половина успеха!.. Вот об этой недоброй половине, иначе говоря, о конференсье, я и хочу сказать вам несколько слов.

Как сделаться конференсье?

Впрочем, не будем забегать вперед. Последовательность – прежде всего.

Кого, собственно, мы называем конференсье? В чем его обязанности? Каковы его права? Зачем, вообще говоря, существуют конференсье на свете? Кому они нужны, и для чего они нужны, и кто нужен им?

Итак: конференсье есть посредник между одной половиной рода человеческого и другой. Между тем, кто играет, и тем, кого разыгрывают. В своем роде – комиссионер искусства!.. Искусства обольщать, обещать и соблазнять.

В этом смысле первым конференсье в мире был, если хотите, змей с его гениальной инсценировкой грехопадения Евы. Кстати сказать, вся постановка этой одноактной миниатюры стоила ему гроши. Гардероб сводился к паре фиговых листков, а для реквизита понадобилось одно самое обыкновенное свежее яблоко.

А сравните-ка, леди и джентльмены, наши постановки! Взгляните, чего все это стоит. И признайтесь откровенно, сколькими бы яблоками, и притом кислыми, а не свежими, вы бы меня забросали, если бы мои артисты появились перед вами в фиговых листках.

Однако я уклонился в сторону. Продолжаю.

Настоящий конференсье должен непременно обладать двумя вещами: пробором и самомнением. Впрочем, при наличии лысины отсутствие пробора может быть компенсировано лишней дозой самомнения. Но уже последнее ничем заменено быть не может. Оно обязательно и священо, как атрибут жречества для первого жреца.

Не забывайте, что конференсье все время должен быть на виду у публики и все время импонировать ей. А что еще так импонирует публике подвалов, как не настоящее,

исключительное, откровенное самомнение?

Оркестр играет туш, публика наполняет подвал, лакеи начинают стучать тарелками, а если удастся, и хлопать пробками, занавес раздвигается – и в час, указанный на театральной афише, конференсье начинает острить.

Вся трудность этого амплуа в том и заключается, что ровно с девяти часов вечера, ежедневно, человек обязан делаться остроумным. В противном случае ему грозит ряд серьезных неприятностей – ссоры с антрепренером, нарушение контракта, неустойка и проч.

С другой стороны, посудите, кто может нелицеприятно считать себя экспертом по остроумию? Кто возьмется доказать, что это удачно, а вот это – неудачно?

Ведь известно, что публика сплошь и рядом гогочет в самых трагических местах и нередко заливается горячими слезами во время какого-нибудь двуспального фарса... Ведь вот и сейчас, например, леди и джентльмены!.. В данную минуту, стоя на этих подмостках, разве не мечу я...»

Лектору не дают окончить. Поднимается страшный шум. Публика требует деньги обратно, и все семь городов наперерыв отказываются от злополучного героя... Слышен истерический крик: «Давайте занавес!» Занавес.

Ксеркс

С. И. Уточкин

Когда я рождался, я закричал:

– Х-о... дду-у!..

И с тех пор я всегда и везде кричал: «Ходу!»

Сперва я был героем Одессы.

Теперь я герой мира.

Сперва я работал только ногами! Потом – головой!

Настали трудные времена, и я работаю и головой, и ногами, и руками...

Я – Авиатор.

Было время, когда я летал только от Фанкони к Робина. Теперь я летаю даже над Хеопсовой пирамидой!

Красив я, как Аполлон, – только немножечко наоборот. Но, очевидно, сила не в красоте, ибо я герой дам...

Я езжу на: велосипеде, автомобиле, воздушном шаре, аэроплане, пароходе, железной дороге, дрожках и даже хожу...

Отец мой был г. Аэроклуб. Мамаша – велосипедная шина. А братья мои: одного зовут Пропеллер Исаевич, а другого Бензин Исаевич, а третьего Блерио Исаевич...

Убивался я 42 раза... Разбивался же 2 миллиона раз. Я выломал себе 84 ноги, 129 рук, а прочих частей тела – и не счесть...

Видеть меня можно: в воздухе с восьми часов утра до четырех часов дня. Остальное время – у Робина...

Одно время я хотел сам изобрести аэроплан... Очевидно, ноги у меня талантливее головы, и какой-то Фарман перебил у меня идею.

В общем, я самый популярный человек в Одессе – конечно, из лиц артистического мира. Первый – Макс Линдер.

Второй – Марьяшес.

Третий – Я...

Я летал над морем, над собором, над пирамидами. Четыре раза я разбивался насмерть. Остальные разы – «пустяки». Питаюсь только воздухом и бензином... Разбил все аппараты. Но главное – мой головной мотор еще хорошо работает, и я выдумую что-нибудь еще...

В общем, я счастливейший из одесситов...

Живу с воздуха!.. И не нуждаюсь в больницах.

Давидка Г. (Давид Гутман)

Фоксик

Моей жене всегда хотелось иметь собачку. «Такого беленького фоксика, и чтобы на мордочке у него были черные пятнышки!»

Денег на подобную роскошь, как назло, не оказывалось, потому что... ну потому что их не было у нас вовсе...

Я от своего отца унаследовал отвращение ко всякому труду и лишь иногда затруднял себя тем, что, затрудняясь в деньгах, затруднял других просьбами об одолжении...

Проистекавшие отсюда всякие «затруднительные» положения с судебными приставами и мировыми судьями мало-помалу заняли в моей жизни совершенно определенное место и утерли для меня прелесть новизны и оригинальности...

Так жизнь поедает поэзию, как ржа – железо.

А жена пристаёт – купи да купи фоксика, чтоб был беленький, а на мордочке черные пятнышки.

– Дура, да ведь такая собака стоит не менее...

– А по мне хоть не более!.. Чтоб был песик, а на мордочке...

Однажды у меня надорвалось терпение и лопнуло. Я убежал из дому, пропадаю весь день, а к вечеру пришел, имея на устах лукавую улыбку, а в сердце торжествующую ясность...

Я уснул спокойно и уверенно, а жена проворочалась до утра, как она мне потом рассказала: «Все не могла заснуть, все старалась догадаться, почему ты такой... подлый?»

Проснулся я первый, проснулся от звонка в передней. Слышу: прислуга пробежала, отперла дверь. Я поспешил туда же.

В передней я пробыл несколько минут и вернулся, держа на руках славного беленького фоксика с черными пятнышками на мордочке.

Жена так целый день и не выходила из спальни.

Фоксику было оказано столько внимания, что если бы у него было чем махать от радости, он бы не переставая делал это, но на месте хвоста у него, как у всякого порядочного

фокстерьера, торчал смешной огрызок, и ему оставалось только радостно повизгивать. Впрочем, он сделал еще кое-что, но мы это объяснили тем, что он плохо осведомлен о расположении наших комнат.

А в передней неумолчно звонили. Я не позволял никому ходить открывать. Делал это сам, и едва отходил от двери, как снова надо было бежать на звонок.

* * *

Вечером.

– Ну, Петечка, скажи, сколько он стоит?

– Такой фоксик? Рублей 20.

– Ну?

– Поцелуй меня и на, прочти вот это объявление, которое я вчера сдал во все газеты: «Утерян молодой фокстерьер. Клички не имеет. Нашедшего просят доставить по адресу: Конная, 24, кв. 89, И. Смирнову. Награда 2 рубля».

А в передней звонили.

– Это все фоксики.

Ефим Зозуля

Что людям не надоедает

Людям не надоедает и вряд ли когда-нибудь надоест:

беря займы, искренне уверять: «Ей-богу, до среды...»;

рассказывая длинную историю, заставляя ее непременно начаться: «В один прекрасный день...»;

гуляя с хорошенькой барышней, горячо решать женский вопрос;

будучи же хорошенькой барышней, патетически восклицать: «Никогда не выйду замуж!»

А будучи слушательницей женских курсов, раз 500 в час ронять глубокомысленно: «Ах, нет настроения...»

Имея приличную ренту, любить ближних.

Не имея башмаков, развивать теории прогресса.

А не имея ума – читать публичные лекции...

Ничего не смысла в картине, бормотать с достоинством: «М-м... да... экспрессия, воздух...»

Не давать подачки нищему и заявлять гордо: «Не даю прин-ци-пи-аль-но!»

Не иметь сердца и пламенно обличать бессердечие.

Возмущаться проституцией по Амфитеатрову, но знакомиться с ней на деле...

Начать говорить о себе в январе, а кончить как раз к концу года.

Быть молодым сатириком и честно переписывать Сашу Черного...

Писать в «Синем Журнале» и острить над Брешко-Брешковским.

Периодически или же хронически страдать идиотизмом и жаждой спасения человечества, рассказывать анекдоты и говорить пошлости; вообще говорить, писать и ухмыляться, ржать, гримасничать, потеть; любить, потреблять продукты, высказывать мнения; ходить в кинематограф, жиреть и...

Впрочем, многое еще не надоедает и вряд ли когда-нибудь надоест людям, а среди этого многого, между прочим, – рождаться на свет Божий и быть людьми...

Как люди скучают

Люди скучают так.

Заложив руки глубоко в карманы, удобно усаживаются на стуле, протягивают вперед прижатые вместе ноги и, высоко загнув носки, делают такой вид, словно видят их впервые.

Берут перо, бумагу, чернила, не спеша усаживаются за стол и пишут: «Ньюфаундленд. Ньюфаундленд. Ньюфаундленд. Маня, Фаня, Таня... Да здравствует Великобритания... Геккель... Меккель... 0000000». А под этим раз пятьдесят расписываются с необыкновенно размашистыми росчерками и замысловатейшими завитушками.

Ложатся на кровать, заложив под голову руки, долго исследуют цветочки на обоях и, догадавшись, что над цветочками этими старался, по всей вероятности, взрослый человек, искренно думают по его адресу: «Идиот».

Становятся где-нибудь на видном месте, например посреди комнаты, гордо отбрасывают назад голову, широко раскрывают объятия – точно так, как это изображено на книге Бальмонта «Будем как солнце», и, слегка выпучив живот, подогнув колени и закрыв глаза, оглушительно зевают...

Потом крестят рот, протирают пальцем глаза и, набрав в легкие много воздуха, выпускают его не сразу, а надув щеки и ударяя по ним ладонями: «Пвффу... Пвффу... Пвффу...»

А то скучают еще и так.

Одеваются с «художественным беспорядком», идут к морю и, вперив взор в какую-нибудь точку на горизонте, говорят меланхолически:

– Жизнь – глубока и таинственна, как море. Жизнь – это Сфинкс.

Встречают приятеля и говорят ему с широчайшей улыбкой:

– А! Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! Как делишки?

Встречают подругу, вяло обнимают ее, вяло целуют и говорят:

– Катя, я вас люблю безумно, я без вас...

А на вялую просьбу Кати оставить ее в покое отвечают тоном ниже:

– Не верите? Что ж, не надо. Доказать это нельзя.

А то еще сидят в кафе, медленно глотают мороженое и, увидев на палке польскую газету, делают удивленные глаза и уверенно говорят:

– Э! Польская литература, знаете, какая-то... такая. Без содержания.

Ходят важно по улице, ритмически постукивают палкой и на мольбы нищего о подачке отвечают резонно:

– Такой здоровый – работать надо.

Зато люди деятельные скучают иначе...

Ходят по улицам и читают вывески, плакаты, афиши, записки на воротах о том, что сдаются квартиры, и все это язвительно критикуют.

Если же не критикуют, то поют: «Тра-ля-ля... тру-ту-ту... ди-ди-ди...» Причем из языка, губ, зубов и слюны заводят во рту полный оркестр.

Кроме того, для деятельных людей существуют еще: оконные стекла, по которым можно часами барабанить пальцами, перочинные ножички, очень пригодные для вырезания или выцарапывания на подоконниках, столах, скамьях и стенах своих инициалов, а в случае надобности и полного звания с числом и годом в виде приложения; затем – брелоки, которые можно теревить сколько угодно, пуговичные петлички, в которые очень удобно протыкать поочередно пальцы обеих рук, и, наконец, телефон, в который, правда, пальцы протыкать излишне, но которым при умении тоже можно воспользоваться.

Для тех же деятельных людей существуют также и объявления, которые можно читать нараспев; есть библиотечные книги с широкими полями, на которых можно откровенно подиспутировать с автором; есть еженедельно свежие юмористические журналы, с которыми обращаться можно и совсем запросто – можно полежать с ними на кушетке, закрыв ими лицо, и подремать, или же, свернув в трубочку, потрубить марш из «Аиды», а между тем бить мух, имеющих неосторожность отдыхать поблизости на стене.

Наш павоштикум

Рис. Ф. Сагеля

Разговорчики

Упрек

– Ты вечно на службу опаздываешь!

– Что ж, что опаздываю, зато раньше со службы уйду...

О любви

- Как вы женились: по любви или из-за денег?
- Из-за того и другого: из-за любви к деньгам...

Тожже сионизм

Директор банка: «Будет великолепно, когда у нас наконец появится новое государство в Палестине; то есть что касается меня лично, то я хотел бы быть тогда еврейским посланником в Берлине».

Хладнокровие

- Иван Петрович, вы сели на мою шляпу.
- А разве вы собираетесь уходить?

Красноречиво

Англичанин. Я понимаю по-французски лишь одно слово: «oui».

Француженка. В таком случае мы быстро пойдем друг друга – я по-английски знаю лишь слово «yes».

Наивный слуга

- Барин дома?
- Дома-с.
- Может быть, он занят? Может быть, я пришел не вовремя?
- Никак нет-с. За вами только и была остановка-с. Барин увидели вас из окошка и сказали: «Только его еще не доставало».

На свадьбе

На диване в свадебном зале в уютном уголке сидят три подружки. Каждая интересуется узнать, что подарила другая новобрачным.

- Хана, что ты подарила?
- Я подарила чайный *сарвиз* на 12 *парсон*!
- А *ти* что подарила?
- Я? Я подарила *фражсовый сарвиз* для обеда на 24 *парсоны*!
- А *ти*, Блюма, что подарила?
- О, я подарила *чайного ситочка* на 48 *парсоны*.

- Вы знаете, через его руки проходят все самые важные бумаги.
- Да ну?
- Он запечатывает конверты.

Философия мизантропа

Если женщина взглядом говорит «да», а устами «нет», то следуй ее взгляду.

Супружество для мужчины – поступление в рабство, для женщины – отпущение на волю.

Глаза влюбленного можно сравнить с увеличительным стеклом, а глаза мужа – с уменьшительным.

Красивую и верную супругу в наши дни приходится встречать так же редко, как превосходный перевод поэтического произведения. Перевод большей частью нехорош, если он верен, и не верен, если он очень хорош.

Эссес (Семен Кесельман)

Искания

За час до рассвета,
После представления «Гамлэта»,
Антрепренер Кулыгин
И режиссер Веригин,
Недовольные сборами,
Сидели в ресторации
С актерами:
Глинским, игравшим Горацио,
И Гамлетом – Завываловым.
Режиссер,
Отдавши дань жалобам
На плохой сбор,
Сказал: «Твореньями Шекспира
Не удивить нынче мира;
Нынче публика требует новых течений
И настроений.
Ее не проймешь Офелиями,
Дамами с камелиями
Да Гамлэтами.

Для начала
Я поставлю водевиль с куплетами,
Чтобы публика подпевала.
В драме современной
Это новое течение
Зовется единением
Публики со сценой!»
Антрепренер,
Поразмыслив и потупив взор,
Нашел, что мысль режиссера счастлива,
И потребовал пива.

Поэт, блины и любовь

Масленичная история с моралью

Раз на блины в знакомое семейство
Был приглашен лирический поэт.
Порывшись в крайне скудном казначействе,
Взял напрокат он смокинг и жилет
И, повязав на шею шарф огромный,
Явился в семь часов, загадочный и томный.

Когда вошел он в залу, зашептали:
«Поэт... Живой поэт?» – Со всех сторон
Девичами поэт был окружен,
Поэта девы чуть не разорвали.
Застенчиво прижался он к углу, —
Как вдруг хозяин крикнул: «Ну-с, к столу!»

Горячего не ев от самых святок,
Поэт к блинам немедленно приник,
И через час (о, час прошел, как миг!)
Он доедал уже седьмой десяток,
Беря на вилку сразу шгук по пять,
Как вдруг поэта стало распирать...

Девича слева вдохновенным тоном
Его спросила: чем он огорчен?
Быть может, безнадежно он влюблен?
Тогда – в кого? Приятно ль быть влюбленным?
Быть может, неожиданно его
Капризной музы посетило божество?

Поэт, от боли крепко стиснув зубы
И растирая ладонью живот,
Ответил: «Да! Увы, меня гнетет
Предчувствие. Дни жизни мне не любы;
Я вспомнил юность, раннюю звезду
И сладость встреч в заброшенном саду»...

В кишках поэта рвало и метало,
Поэта обдавал холодный пот,
А он шептал ей: «Есть ли идеалы?»
И думал он: «Пройдет иль не пройдет?»
Она шепнула: «В вас мила мне грусть поэта»...
Он расстегнул тайком три пуговики жилета —

Утихла боль. И взором просветленным
Глядя на деву, вымолвил поэт:
«Вы поняли меня, и вами окрыленный,
Иначе я теперь гляжу на Божий свет!»
А дева, чувствуя в душе любви тревогу,
Пожала под столом поэту ногу...

Вам посвятил, доверчивые девы,
Я эту повесть о поэте и блинах:
Вам кружат голову любви напевы,
Но помните, что правда – не в стихах,
И что переполнение организма
Нередко может быть источником лиризма.

Случай в провинции

В редакцию газеты «Современные темы»
Пришел юнец
И принес, наглец,
За подписью «Мето»
Стихотворение Пушкина.

Редактора Петрушкина
Не было – сидел за порнографию;
Секретарь ушел в типографию.
Принимал фельетонист
Владимир Незлобин,
Был он в статьях очень злобен
И речист.

Выругав юнца в душе нецензурно,
Он, прищурясь, прочел стихотворение
И сказал не без снисхождения,
Глядя на юнца, как волк:

– Недурно,
Из вас выйдет толк;
Пишите только более реально,
Более вдумчиво и менее банально.

А на следующий день все читали старые стихи
И говорили, что они неплохи,
И при этом
Интересовались неизвестным поэтом.

Одни утверждали, что это экстерн Шаргородский;
Другие – провизор Скроцкий.
Спорили с жаром,
В пылу называли друг друга дубиною.
А юнец пришел за гонораром
И получил от редактора Петрушкина
За стихотворение Пушкина
Три рубля с полтиною.

Баллада о Джоне Фальстафе

Виктору Хенкину

1

Трубят герольды у ворот:
«Сэр Джон Фальстаф, король зовет
Сражаться, черт возьми!»

2

Сэр Джон Фальстаф глядит в окно:
«Мне битвы по сердцу давно,
Хоть толст я, черт возьми!»

Не удержать меня ничем;
Эй, слуги, панцирь мне и шлем, —
Да живо, черт возьми!»

В слезах жена, в тоске весь дом,
Рыдает верный мажордом, —
«Не плачьте, черт возьми!»

Владею ловко я мечом,
Сразить врагов мне нипочем —
Хоть сотню, черт возьми!»

Вот скачет Джон в полночной мгле,
Трясется брюхо на седле, —
С дороги, черт возьми!

Уж старый Лондон недалек,
Как вдруг – в таверне огонек...
Постой-ка, черт возьми!

Дорога ночью холодна.
«Трактирщик, доброго вина

Дай кубок, черт возьми!»

9

И первым жажду утоля,
Второй он пьет в честь короля —
И третий, черт возьми!

10

И наконец, швырнув бокал,
К бочонку толстый Джон припал —
Так проще, черт возьми!

11

Вот день прошел, другой идет,
Король Фальстафа в замке ждет, —
Напрасно, черт возьми!

12

В таверне пир; в чаду хмельном
Сэр Джон на бочку сел верхом:
«С дороги, черт возьми!»

13

Король сердит, король взбешен:
«Зачем не едет толстый Джон?
Да где ж он, черт возьми?!»

14

А Джон Фальстаф, сражен вином,
Храпит спокойно под столом
В таверне, черт возьми!

Про битвы Джон забыл давно:
Он вместо крови льет вино
И пляшет, черт возьми!

Предвыборная песня

Правая

*Правые усиленно готовятся к предстоящим выборам в
Государственную думу.*

Из газет

Скоро выборы, ребята!
Мы ль народом не богаты?
Нынче лезут в депутаты
Шантрапа да шушера!
Не внимая левым хорам,
Не стремясь к решеньям скорым,
Выбирайте с перебором,
Коль придет тому пора.

Убедились вы из прессы,
Как российские «кортесы»
Защищали интересы —
Коль не ваши, так свои;
Как умели в Думе важной
Загибать многоэтажно,
Получать за это каждый
Не копеечки – рубли...

Тех пошлите с легким сердцем,
Кто ругаться может с перцем,
Дышит злобой к иноверцам —
Финнам, ляхам и жидам.
Для парламентских артистов
Не забудьте и статистов:

Три десятка октябристов
Не мешает выбрать вам.

И скажу вам по секрету:
Хоть противны мне кадеты,
Все же в Думу пакость эту
Вы пошлите – шгук пять-шесть:
Ведь для думского скандала
Нужно все ж материала,
Для того чтоб Русь узнала,
Что работа в Думе есть.

Фавн (Вацлав Воровский)

Пропавшая скрипка

Ну и скандал!

Приехал в Петербург концерттировать знаменитый скрипач Исайте – нарочно выписали его из-за тридевяти земель – и вдруг – извольте радоваться – украли у него скрипку!^[1]

Да какая скрипка! Работа Страдивариуса из Кремоны – триста лет от роду! Это в десять раз старше, чем дворянство Пуришкевича!

Взволнованный таким истинно русским приемом, Исайте бросился к тому, к другому...

– Помилуйте, – говорит, – всю Европу изъездил – и ничего подобного. Мало того: в Азии был – скрипку берегли, как пупок Будды, – на белом слоне возили. В Америке был – особый вагон скрипке предоставили. В Африке был – дикари ей, как божеству, поклонялись – трех готтентотов в честь ее зарезали... А приехал в Россию, в страну образованную, конституционную, в страну Крушеванов и Пуришкевичей – вот тебе... украли. Как я теперь без нее жить буду?

– А вы обратитесь в «Союз русского народа», – посоветовал кто-то.

И пошел Исайте к Дубровину^[2].

Встретил тот его недоверчиво, прочел визитную карточку, нахмурился, покачал головой.

– Исайте... Исайте... вы что же это, жид, что ли, будете?

Но оказалось – не жид, а бельгиец, и лицо Дубровина просияло.

– А... знаю, знаю! Как же, мне Пеликан^[3] писал... Бельгиец... Да! Легоде... Фоке... трамвай... Бухштаб... да-да-да!

И вождь «русского народа» сразу стал разговорчив, любезен, доверчив.

– Скрипка, говорите вы; эх, батенька, что там скрипка, у нас целые вагоны исчезают, целые поезда неведомо где затериваются... Тут не Запад, не Европа, не конституционный разврат. Тут Россия. Мы покончили с революциями, мы возвращаемся теперь к исконным русским началам, к русской правде.

Вам, господам европейцам, не понять русского духа. У вас там все аккуратно разложено по полочкам – то мое, то твое, – моя скрипка, твои часы. Все у вас эгоистично, узко, буржуазно – собственность да собственность. В государстве, в муниципалитетах, в

обществах – везде формалистика, отчетность, контроль, не прикоснись, не позаимствуй, не распоряжайся по своему разумению. Дрожат над каждой копеечкой, над каждой вещью – мертвые, сухие люди!

Нет, Россия не то! Если нужно для блага родины, мы отбрасываем всякую формалистику: отечество выше всего. Пусть революционеры кричат о растрате, о расхищении общественных капиталов, о казноедстве... Это они все из зависти. Нет! Тысячу лет жила Россия без контроля, без отчетности, без гласности – и крепка была, вознеслась над всем миром, покорила под ножи всех врагов и супостатов – и немецкого царя Наполеона, и японскую республику...

Вы вот все – скрипка, скрипка... Что такое скрипка? Пустая забава, увеселительный предмет... У меня у самого мальчонка на балалайке играет... А вы вот подумайте, такой факт: у меня из запертого сундука исчезли все документы по делу Пуришкевича. Я их опубликовать собирался, а они исчезли! Вот как! И знаю, кто их стянул... а вот ведь молчу, не жалуясь, не бегаю по городу. А потому, что отечество мне дороже всего! А вы все – скрипка, скрипка... Оно, конечно, без инструмента какой же вы теперь работник... Ну да не горюйте, вы всегда в Одессе место на конке получите... Я вам, пожалуй, письмецо в управу дам.

И скрипач ушел от Дубровина радостный, просветленный, благословляя истинно русскую культуру и истинно русскую правду.

ИНОСТРАННЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ЭМИЛЯ БЕРНДТА

ВЪ ОДЕССѢ,

на Дерибасовской улицѣ, въ домѣ Вагнера,
основанный въ 1839 году.

Снабженъ весьма богатымъ выборомъ нѣмецкихъ книгъ,
картъ, атласовъ и глобусовъ, а также дѣтскими книгами
на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ и
на русскомъ, собственнаго изданія.

Полное собраніе англійскихъ книгъ изданія В. Таухнитца.

Пріемъ подписки на нѣм., франц. и англійскіе журналы.

ПЕРВАЯ
ОДЕССКАЯ ФАБРИКА
ВѢНСКИХЪ
ГНУТЫХЪ СТУЛЬЕВЪ
Г. ДИЖИСА

значительно расширила свое производ-
ство. Качествомъ и изяществомъ из-
дѣлія превосходятъ даже заграничныя.
Фабрика помѣщается на Болгарской
ул., въ д. № 12, складъ на Троицкой
ул., въ д. Тюньева.

Въ томъ-же складѣ нѣются на комиссію: желѣз-
ныя кровати, зеркала, доски американскія и проч.

N
Одесские иллюзионы

Нигде, кажется, нет такой уймы всевозможных «кино», «иллюзионов», «электрических театров» и т. д., как в Одессе. На каждой улице, в каждом квартале, чуть ли не в каждом доме непременно уютится какой-нибудь захудалый «театрик» с маленьким экраном, но со «страшно» громким названием.

И что самое удивительное, все эти «театрики» живучи, кормятся, доставляют своим владельцам кусок хлеба, а иногда даже и с маслом.

Чем же это объясняется? Картинами?...

Нет! Картины в Одессе (за исключением двух-трех действительно солидных предприятий) скверные, старые. С непрерывным миганием, прорехами и дырами...

Программой?... Тоже нет! Программа повсюду убогая, жалкая, кочующая из одного иллюзиона в другой и до оскомины приевшаяся публике!

Чем же?... На этот вопрос можно ответить одним словом: реклама!

О, реклама в Одессе ведется умело... Доходит до сказочного в своей наглости и крикливости. Где, как не в Одессе, можно встретить такой анонс: «Не было! Грандиозно! Смех сквозь слезы! Слезы сквозь смех!.. Только у нас в театре» и т. д.

Публика ловится на удочку, платит двугривенные и полтинники и получает за свои деньги старую неинтересную картину.

Другой иллюзион расписывает программу аттракционов: «Мировая сенсация! Только у нас! Небывалые трюки! Вечер музыки и пения»... А публике преподносятся два-три номера до того всем известные, что даже мальчишки-газетчики на улицах уже три года распевают весь репертуар этих «номеров».

Но самый интересный рекламный трюк стал применяться в последнее время...

Почти ежедневно в маленьких газетах появляются сообщения о том, что в «таком-то театре такая-то картина до того подействовала на публику, что были случаи истерик, вызывали карету скорой помощи» и т. д. А один из иллюзионов в своем анонсе так прямо и заявил, что «во время демонстрирования такой-то картины около театра дежурит карета скорой помощи»...

Объясняется все это очень просто! Оказывается, в Одессе в последнее время появилась какая-то дама, сделавшая себе профессию из инсценировки истерик; говорят даже, что установлена такса за «сеансы»:

просто истерика – 5 рублей;

истерика со скандалом – 10 рублей;

истерика со скорой помощью – 15 рублей.

А публика глядит и верит...

Так процветают в Одессе иллюзионы...

Рис. С. Фазини

N. N

Лучший друг

Молодой человек жаловался своему другу.

– Две недели тому назад, – говорил он, – я был счастливым человеком: хотя имел немало кредиторов, но зато ласки моей дорогой Нины вполне меня вознаграждали за все неудобства моего положения. Ныне Нина меня бросила, остались одни кредиторы. О, как я

несчастлив!

– Твое теперешнее положение лучше прежнего, – ответил друг, – и я тебе это сейчас докажу.

Во-первых, кредитор постоянно тобою интересуется. Ты болен – он первый хочет знать об этом и, если с тобой очень скверно, он первый тебе поможет. Если ты умрешь, кто тебя пожалеет? Будь уверен, что не Нина.

Во-вторых, сколько раз твоя возлюбленная назначала тебе свидания, не являясь на них! Кредитор никогда не запоздает!

В-третьих, сколько раз возлюбленные были причиной банкротств своих поклонников! Кредитор никогда тебя не разорит, ибо, следуя поговорке, ты знаешь, что кто платит долги, тот обогащается.

Борис Бобович

Ужасы действительности

В десять часов вечера к Лидии Сергеевне пришел голый Платон Иванович. Лидия Сергеевна не замедлила, конечно, упасть в обморок, а голый Платон Иванович присел пока что возле госпожи Кутковой и, спокойно отдуваясь, стал ждать.

Когда она пришла в себя, Платон Иванович начал:

– В моем дезабилье я совершенно не виноват: меня раздели на улице грабители.

– Почему же вы раньше мне не сказали этого – я не падала бы понапрасну в обморок?... Какой вы нехороший!

Лидия Ивановна кокетливо обнажила молоко своих зубов и укоризненно покачала головой:

– Однако вы абсолютно наги. Так грабители не раздевают.

На что Платон Иванович ответил:

– Вы ошиблись: я в *rinse-nez*.

Госпожа Куткова теперь более внимательно взглянула на гостя и действительно заметила поразительно гармонирующее его открытой наружности *rinse-nez*, легко и изрядно украшавшее его правильный классический нос.

– Ах, – томно вздыхая, сказала она, – если бы ко всему еще хоть одну штанину, все было бы отлично.

Тепло и уютно устраиваясь в кресле, Платон Иванович не выражал ни малейшей тоски по безвременно похищенному костюму и пальто и смачно попивал горячий вкусный чай, о котором успела позаботиться гостеприимная хозяйка.

– Вы видите, дорогая Лидия Сергеевна, как страстно, как пламенно я вас люблю? Я шел к вам, по дороге меня раздели, ограбили, и я все-таки пришел к той, к кому влечет меня мой жалкий жребий...

Платон Иванович вдохновенно почесал свою грудь и упал на колени перед возлюбленной, предварительно незаметно пряча в ухо оставшийся после чая кусочек сахару.

– Дорогая Лидия Сергеевна! Не отвергайте моей любви и не говорите, что я гольш. У меня есть два дома и четыре дачи, но костюма у меня нет... Что с того? Не жалея последней рубашки, я кладу к вашим ногам свое *rinse-nez*.

Он снял с носа единственное украшение и положил к ее дорогим ногам (пара ботинок 575 р.!)

Но тут нежная и гармоничная натура Лидии Сергеевны не выдержала, и несчастная женщина снова повалилась на диван в безудержной истерике: она не могла вынести вида совершенно голого человека...

Тем временем Платон Иванович в порыве любви и близорукости страстно целовал дубовую ручку дивана.

...Над миром плыла тихая ночь... Падал снег... Где-то безмятежно раздевали прохожих.

Рис. С. Фазини

Юрий Олеша

Счастье

Из цикла «Несерьезные стихи»

От моря пахнет гвоздикой,
А от трамвая как будто кожей.
Сегодня, ей-богу, не дико
Ходить с улыбкой на роже.

Пусть скажет, что я бездельник,
Вот тот симпатичный дворник,
А мне все равно: понедельник
Сегодня или там вторник...

Во рту потухший окурок,
А в сердце радость навеки.
С табачной вывески турок
Прищурил толстые веки.

Смеяться? Сказать? – кому бы,
Кому в глухое оконце?
Солдаты прошли, и на трубах
Кричало о счастье солнце...

А сверху, чтоб было жарче,
С балкона, где мопс на цепочке,
Осколком зеркала мальчик

Солнце разорвал на кусочки.

В цирке
Сонет

Как ей идет зеленое трико!
Она стройна, изящна, светлокудра...
Allez! Галоп! – Все высчитано мудро,
И белый круг ей разорвать легко...

Ах, на коне так страшно высоко!
Смеется... Bravo... Пахнет тело, пудра...
Она стройна, изящна, светлокудра...
А конь под нею бел, как молоко...

А вот и «рыжий» в клетчатом кафтане —
Его лицо пестро, как винегрет.
Как он острить, бедняга, не устанет...

«Ей, кажется, всего семнадцать лет» —
И в ложе тип решил уже заранее
Поехать с ней в отдельный кабинет...

Эдуард Багрицкий
Баллада о нежной даме

Зачем читаешь ты страницы
Унылых, плачущих газет?
Там утки и иные птицы
В тебя вселяют ужас. – Нет,
Внемли мой дружеский совет:
Возьми ты объявлений пачку,
Читай, – в них жизнь, в них яркий свет:
«Куплю японскую собачку!»
О дама нежная! Столицы
Тебя взлелеяли! Корнет
Именовал тебя царицей,
Бела ты, как вишневый цвет.
Что для тебя кровавый бред
И в горле пушек мяса жвачка, —
Твоя мечта светлей планет:
«Куплю японскую собачку».

Смеживши черные ресницы,
Ты сладко кушаешь шербет.
Твоя улыбка как зарница,
И содержатель твой одет
В тончайший шелковый жилет
И нанимает третью прачку, —
А ты мечтаешь, как поэт:
«Куплю японскую собачку».
Когда от голода в скелет
Ты превратишься и в болячку,
Пусть приготовят на обед
Твою японскую собачку.

Око Мордобойные слова

«Беден наш язык словами!» —
Можно часто услышать;
Эх, друзья! не нам бы с вами
Уж об этом толковать.
Без сомнений и изъятий
Наша Русь во всем сильна,
Массой слов и тьмой понятий
Даже славится она.
Для утративших же веру
И скептических голов
Приведу сейчас к примеру
Мордобойных кучу слов:
Смазать, стукнуть, треснуть, трахнуть,
Ляпнуть, свистнуть, лупануть,
Садануть, заехать, бахнуть,
Набок челюсти свернуть,
Засветить, фонарь поставить,
Дать по шее, глаз подбить,
Отмесить, кулак расправить,
Нос расквасить, залепить,
Под орех отделать, ахнуть,
Расписать, разрисовать,
Двинуть, ухнуть, тарарахнуть,
По портрету надавать,
Шлепнуть в ухо, выбить зубы,
Насандалить, окрестить,
Оттаскать, разгладить губы,
Рот заткнуть, отмолотить,

Отлупить, посбавить дури,
Плешь навесить, накромсать,
Дать по морде и на шкуре
Поученье прописать,
Проучить, набить сусала,
Ребра все поворушить,
Угостить, огреть, дать сала,
Ошарашить, оглушить.
И еще словечек милых
На Руси немало есть,
Но, к несчастью, не в силах
Я их за год перечесть.
Хоть мужик наш беден хлебом,
Но кой чем и Ротшильд он:
Слов одних, клянусь вам небом,
Только бранных – миллион.
Эх, не нам бы, братцы, с вами
Говорить, что Русь бедна, —
Гляньте, экими словами
Изобилует она!

Ростислав Александров
Замашки преддомкома были грубы...

(О песне «Свадьба Шнеерсона»)

Местные остряки, неугомонные даже в самые смутные времена, утверждали, что знаменитая фраза Льва Николаевича Толстого «Все смешалось в доме Облонских» у нас в Одессе звучала не иначе, как «Се тит зих хойшех в доме Шнеерсона». По словам же Константина Паустовского, песенка «Свадьба Шнеерсона» в 20-х годах «обошла весь юг». А знакомые старожилы когда-то уверяли меня, что в начале регулярных, многочисленных и подлежащих тогда «безусловному» посещению собраний публика деревянными голосами пела ритуальный «Интернационал», но в конце отводила душу «Свадьбой Шнеерсона», — если оно и неправда, то хорошо придумано. Во всяком случае, когда 1 апреля 1999 года в Городском саду Одессы открывали памятником водруженный на постамент бронзовый стул — один из двенадцати, разыскивавшихся Остапом Бендером, по окончании церемонии, выступлений официальных и не очень официальных лиц вроде Михаила Михайловича Жванецкого, из специально установленного по такому случаю динамика всю гряннула

«Свадьба Шнеерсона», чему свидетелем был и даю, как говорили в Одессе, «голову на разрез».

Эта песня и впрямь побивала рекорды популярности, долговечности и продолжительности звучания: двенадцать куплетов этнографически точных и выстраданных реалий одесской жизни начала 20-х годов, которые сегодня уже изрядно позабыты и потому нуждаются в пояснениях.

Так, не самое изысканное еврейское выражение «се тит зих хойшех» означает суету, переполох – действительно что-то вроде «все смешалось», «Губтрамот» – сокращенное название губернского транспортного отдела, а «деревяшки» – печальный «крик» тогдашней одесской моды – сандалии на деревянной подошве, в которых поизносившиеся горожане щеголяли вне всякой зависимости от пола и возраста. Из области забытых, и дай им Бог оставаться таковыми, кулинарных ухищрений тех голодных лет – «мамалыга... точно кекс», сиречь пирог из кукурузной муки, именовавшийся малаем, гебекс – печенье (*евр.*) из ячневой крупы, настой сушеного гутеса (айвы – *евр.*), заменявший куда-то начисто запропастившийся чай, и «хлеб Опродкомгуба», то есть полученный по карточкам Особой губернской продовольственной комиссии по снабжению Красной Армии.

На свадьбе звучит «увертюра из «Манона», распространенный в то время танец кек-уок, для удобства произношения именовавшийся кеквоком, и фрейлехс – еврейский народный танец. А обеспечивают всю эту «культурную программу» три граммофона, и это все не гипербола, но самый что ни на есть бесхитростный молдаванский шик, ради которого, к примеру, подгулявший биндюжник мог прибыть домой «на трех извозчиках»: на первом восседал он, на сиденье второго был небрежно брошен парусиновый балахон, на третьем же покоился картуз.

И, наконец, преддомком, который, явившись непрошеным гостем на семейное торжество и, тем не менее, встреченный с полным молдаванским пиететом, ничтоже сумняшеся «налагает запрещение» на брак, опосля чего ошарашенный таким нахальством жених «двинул преддомкома в зубы, и начали все фрейлехс танцевать». Нужно сказать, решительным мужчиной оказался Шнеерсон, поскольку в глазах тогдашних одесситов преддомком, другими словами, председатель домового комитета, был персоной исключительной значимости, если не сказать – опасности. Ведь именно он заверял всевозможные и многочисленные справки, имел прикосновение к выдаче драгоценных хлебных карточек, надзирал за уплотнением жильцов и распределением жилья, тогда уже переименованного в жилплощадь... Помимо этих хлопот он «брал на карандаш» содеянное, в отчаянии высказанное, в бессилии вышептанное жильцами да «постукивал» на Маразлиевскую в Губчека, коей командовал Макс Александрович Дейч, одним из первых награжденный орденом Красного Знамени и одним из многих потом поставленный к стенке красной же властью.

А одесский преддомком Абраша дер Молочник из песни «Свадьба Шнеерсона» вполне сродни своему московскому коллеге Швондеру из повести Михаила Афанасьевича Булгакова «Собачье сердце», блестяще сыгранному в одноименном фильме одесситом Романом Карцевым. Но если учесть, что песня появилась четырьмя годами раньше повести, то первенство в гротескном изображении этого персонажа, порожденного грустной эпохой, можно спокойно числить за Мироном Эммануиловичем Ямпольским, который еще в 1920 году сочинил свою песню в квартире 18 дома № 84 на Канатной улице, – подробности нелишни, поскольку без них даже самая доподлинная история со временем грозит

обернуться легендой.

Ямпольский был интеллигентным человеком с высшим образованием, состоял в Литературно-артистическом обществе, Союзе драматических и музыкальных писателей и в повседневной жизни, конечно, не изъяснялся на языке «Свадьбы Шнеерсона». Но он прекрасно знал быт, обычаи, нравы, привычки, жаргон, фольклор одесского обывателя и к тому же в самом начале 20-х состоял заведующим городским карточным бюро. А уж там перед ним проходила «вся Одесса», измученная революцией, гражданской войной, интервенцией, национализацией, мобилизацией, контрибуцией, реквизицией, декретами, уплотнениями, облавами, обысками, арестами, налетами, митингами и собраниями, голодом и холодом, безжалостно, что называется, по живому, разодранная на «работающих», «неработающих», «совслужащих», «несовслужащих», «трудовой элемент», «нетрудовой элемент»...

И Ямпольский искусно стилизовал «Свадьбу Шнеерсона» под фольклорную песню, каковой она, в сущности, и стала с годами, совершенно оторвавшись от автора. Во всяком случае, в первом издании любезной сердцам одесситов повести «Время больших ожиданий» К. Паустовский уже приписал ее Якову Ядову, равно как и якобы появившуюся потом песню-продолжение «Недолго длилось счастье Шнеерсона», которая, в общем-то, вполне соответствовала бы тому непредсказуемому, если не сказать сумасшедшему, времени. Но старожилы, знатоки и ревностные хранители прошлого тотчас же забросали Паустовского письмами с поправками, убедительными просьбами и настойчивыми требованиями восстановить имя автора песни, неотделимой от Одессы их далекой молодости, как аромат акаций на Малой Арнаутской улице после тихого майского дождя. А Изабелла Мироновна Ямпольская, которая любезно разрешила мне когда-то переписать текст песни из чудом сохранившейся у нее отцовской тетрадки, решительно отвергала версию о продолжении «Свадьбы Шнеерсона». Поскольку же все остальные, в частности, колоритная «На верху живет сапожник, на низу живет портной», начисто забылись, – остался М. Э. Ямпольский, по сути, автором одной песни, что, как говорят в Одессе, тоже «надо уметь».

Ростислав Александров

Мирон Ямпольский **Свадьба Шнеерсона**

Ужасно шумно в доме Шнеерсона,
Се тит зих хойшех – прямо дым идет!
Там женят сына Соломона,
Который служит в Губтрамот.
Невеста же – курьерша с финотдела
Сегодня разоделась в пух и прах:
Фату мешковую надела
И деревяшки на ногах.
Глаза аж прямо режет освещенье,
Как будто бы большой буржуйский бал,
А на столе стояло угощенье,
Что стоило немалый капитал:
Бутылки две с раствором сахарина

И мамалыга с виду точно кекс,
Картошек жареных корзина,
Из ячки разные гебекс,
Жестяной чайник с кипятком из куба
И гутеса сушеного настой,
Повидло, хлеб Опродкомгуба,
Крем-сода с зельцерской водой.
На подоконнике три граммофона:
Один с кеквоком бешено гудит,
Тот жарит увертюру из «Манона»,
А третий шпилит дас фрейлехс ид.
Танцуют гости все в угаре диком,
От шума прямо рушится весь дом.
Но вдруг вбегают дворник с криком:
«Играйте тише, колет преддомком!»
Сам преддомком Абраша дер Молочник
Вошел со свитою – ну прямо просто царь!
За ним Вайншток, его помощник,
И Хаим Качкес, секретарь.
Все преддомкому уступили место,
Жених к себе тотчас позвал:
«Знакомьтесь, преддомком, – невеста —
Арон Вайншток и Сема Качковал».
Но преддомком всех поразил, как громом,
И получился тут большой скандал.
«Я не пришел к вам как знакомый,
– Он тотчас жениху сказал, —
Кто дал на брак вам разрешение?
И кто вообще его теперь дает?
Я налагаю запрещенье!
Чтоб завтра ж был мне развод!»
Замашки преддомкома были грубы,
И не сумел жених ему смолчать.
Он двинул преддомкома в зубы,
И начали все фрейлехс танцевать.

Александр Куприн Белая акация

Дорогой старый дружище Вася!

А я вас все ждал и ждал. А вы, оказывается, уехали из Одессы и не забежали даже проститься. Неужели вы испугались той потребительницы хлеба, которая, по моей оплошности, ворвалась диссонансом в наше милое трио (вы, Зиночка и я)? Успокойтесь же. Это тип вам известный, по частям в разных местах хорошо вами описанный. Это – «халдейская женщина», из семейства «собаковых», *species* – «халда vulgaris».

Удивляетесь ли вы тому, что спустя год после свадьбы я пишу таким тоном о своей собственной жене? Не удивляетесь ли еще больше тому, как это я, человек с большим житейским опытом, человек проницательный и со вкусом, мог заключить такое чудовищное супружество? Ведь вы все хорошо заметили – не правда ли? И это нестерпимое жеманство, изображающее, по ее мнению, самый лучший светский тон, и показную слащавую интимность с мужем при посторонних, и ужасный одесский язык, и ее картавое сюсюканье избалованного пятилетнего младенца, и нелепую сцену ревности, которую она закатила нашей бедной, кроткой, изящной Зиночке, и ее чудовищную авторитетность невежды во всех отраслях науки, искусства и жизни, и пронзительный голос, и это безбожное многословие, заткнувшее нам всем рты, наконец, эту трижды дурацкую ссору, где полезло наружу все грязное белье нашей семейной жизни, – одностороннюю ссору, потому что – вы помните? – кричала только она, а я молчал с видом христианского мученика, или, вернее, с видом побитой собачонки, давно привыкшей к жестокому и несправедливому обращению.

Но еще удивительнее причина, толкнувшая меня на этот злосчастный брак. Верите ли вы в колдовство? Ну конечно, не верите. Так вот, в наши прозаические дни именно надо мной было совершено чудо, волшебство, очарование – называйте, как хотите. Я был отравлен, одурманен, превращен в слюнявого, восторженного и влюбленного идиота не чем иным, как этой проклятой, черт ее побери, белой акацией.

Вы помните, конечно, очаровательную весну у нас на севере, с ее тихими, томными, медленно гаснущими зорями, с несказанными ароматами трав и цветов, с соловьиными трелями, с отражениями звезд в спящей воде спокойной реки, между камышами... со всеми ее чудесами и поэзией? Здесь, на юге, нет совсем весны. Вчера еще деревья были бледно-серыми от покрывающих их почек, а ночью прошумел теплый, крупный дождь, и, глядишь, наутро все блестит и трепещет свежей зеленью, и сразу наступило южное лето, знойное, душное, назойливое, пыльное...

И цветы здесь ничем не пахнут, или, вернее, пахнут не тем, чем следует. В запахе

сирени чувствуется примесь бензина и пыли, резеда отдает нюхательным табаком, левкой – капустой, жасмин – навозом.

Но белая акация – дело совсем другого рода. Однажды утром неопытный северянин идет по улице и вдруг останавливается, изумленный диковинным, незнакомым, никогда не слыханным ароматом. Какая-то щекочущая радость заключена в этом пряном благоухании, заставляющем раздуваться ноздри и губы улыбаться. Так пахнет белая акация.

Однако на другой день – совсем другое впечатление. Вы чувствуете, что весь город, благодаря какой-то моде, продушен теми сладкими, терпкими, крепкими, теперешними духами, от которых хочется чихать и от которых в самом деле чихают и вертят носом собаки. На следующий день пахнет уже не духами, а противными, дешевыми, пахучими конфетами, или тем ужасным душистым мылом, запах которого на руках не выветривается в течение суток. Еще через день вы начинаете злостно ненавидеть белую акацию. Ее белые висячие гроздья повсюду: в садах, на улицах, в парках и в ресторанах на столиках, они вплетены в гривы извозчичьих лошадей, воткнуты в петлички мужчин и в волосы женщин, украшают вагоны трамваев и конок, привязаны к собачьим ошейникам.

Нет нигде спасения от этого одуряющего цветка, и весь город на несколько недель охвачен повальным безумием, одержим какой-то чудовищной эпидемией любовной горячки. Таково весеннее свойство этого дьявольского растения. Влюблены положительно все: люди, животные, деревья, травы и даже, кажется, неодушевленные предметы, влюблены старики, старухи и дети, гласные думы, хлебные маклеры, бурженники и лапетутники (две загадочные профессии, известные только Одессе), гимназисты пригготовительного класса, телеграфные барышни, городовые, горничные, приказчики, биржевые зайцы, булочники, капитаны кораблей, рестораторы, газетчики и даже педагоги. Какая-то неисследованная зараза, какой-то таинственный микроб заключен в аромате белой акации.

На коренных обывателей эта болезнь действует сравнительно умеренно, – так же, как на природных жителей Кавказа слабо отражается болотная лихорадка или на европейцах – корь. Но свежему, приезжему человеку, особенно северянину, весенние цветы белой акации сулят преждевременную гибель.

Так случилось и со мной. Я нанял дачную комнатку на одном из бесчисленных одесских Фонтанов. У моих окон росла акация, ее ветви лезли в открытые окна, и ее белые цветы, похожие на белых мотыльков, сомкнувших поднятые крылья, сыпались ко мне на пол, на кровать и в чай. Когда я обосновался на даче, весенняя эпидемия была уже в полном разгаре. По вечерам на станцию трамвая выплывало все местное молодое население. Юноши и девицы ходили друг к другу навстречу целыми сплошными, тесными массами, подобно рыбе во время метания икры. И все смеялись, и ворковали, и грызли подсолнухи. Над вечерней толпой стоял сплошной треск семечек и любовный, бессмысленный говор, подобный болботанию тетеревов на токовище. И акация, акация, акация... Тут-то я и захватил мою болезнь, постигшую меня в самой тяжелой форме.

Она была дочерью той дамы, хозяйки столовой, где я питался скумбрией, баклажанами, помидорами и прованским маслом. Мать была толстая крикунья, с замасленной горой вместо груди, с красным лицом и руками прачки. Дочь присутствовала в столовой для украшения стола. У нее был свежий цвет лица, толстые губы, миндалевидные темные глаза и молодость. С матерью была она схожа так же, как два экземпляра одной и той же книги: экземпляр свежий и экземпляр подержанный. Но даже и это не остановило меня. Я уподобился летней мухе на липкой бумаге. Было и сладко и противно... и чувствовалось, что

не улетишь.

О том, как я признался, как я делал предложение мамаше и как нас повенчали, – я ничего не помню. У меня был жар в 60 градусов, вздорный бред, хроническое слюнотечение и на лице идиотская улыбка.

Очнулся я только осенью, когда настали холода...

А теперь прошел год, и опять осень. Идет дождь, ветер дует в щели окон. Белая акация – черт бы ее побрал! – облысевшая, растрепанная, грязная, как старая швабра, свешивает беспорядочно вниз свои черные длинные стручья, и качает головой, и плачет слезами обиженной ростовщицы... А я предаюсь грустным размышлениям.

Жена моя говорит «тудою», «сюдою» и «кудою». Она говорит: «он умер на чахотку», «она выше от меня ростом», «с тебя люди смеются», «зачини фортку» (запри калитку), «я за тобой соскучилась».

Но ее уверенность во всех вещах мира необычайна, и она на мои поправки гордо отвечает, что одесский жаргон имеет такое же право на существование, как и русский.

Она знает все, решительно все на свете: литературу, музыку, светские обычаи, науку, и дрожит в ожидании очередного номера Пинкертона. Она считает признаком хорошего тона ходить каждый день на Николаевский бульвар или на Дерибасовскую и толкаться там бесцельно в человеческой тесноте и давке три или четыре часа подряд, щебеча и улыбаясь. Она любит яркие цвета в одеждах, шелк и кружева, но сама – неряха. Она хочет одеваться по моде, но так ее преувеличивает и подчеркивает, что мне стыдно с нею показаться на люди: мне все кажется, что ее принимают за кокотку. На улице она как дома, ибо давно известно, что улица – родная стихия одессита.

Она скупа, жадна и обжора, она жестока и глупа, как гусеница, она терпеть не может детей и не уважает старости. Она ругается с женской прислугой, как извозчик, на их ужасном одесском жаргоне, и я вижу, что умственный уровень и такт моей жены и те же качества моей кухарки – одинаковы. Она наводняет мой дом своими бесчисленными родственниками с Пересыпи и Молдаванки, и все они одесситы, и все они все знают и все умеют, и все они презирают меня, как верблюда, как вьючную клячу.

Она читает потихоньку мои письма и заметки и роется, как жандарм, в ящиках моего письменного стола. Она закатывает мне ежедневно истерику, симулирует обмороки, столбняки, летаргический сон и пугает самоубийством. Она посылает по почте грубые, ругательные анонимные письма как мне, так и моим добрым знакомым. Она сплетничает обо мне с прислугой и со всем городом. И она же уверяет меня, что я – чудовище, сожравшее ее невинность и погубившее ее молодость. Она еще не бьет меня, но кто знает, что будет впереди?

Милый мой! Была бы в моих руках огромная, неограниченная власть – власть, скажем, хоть полицейская, – я приказал бы вырубить за одну ночь всю белую акацию в городе, вывезти ее в степь и сжечь. Вырывают же ядовитые растения, убивают вредных насекомых, сжигают зачумленные дома, и никто не видит в этом ничего диковинного!

Прощайте же, дорогой мой. Завидую вашей холостой свободе, и да хранит вас аллах от чар белой акации. Обнимаю вас сердечно.

Ваш – прежде вольный казак, а теперь старый мул, слепая лошадь на молотильном приводе, дойная корова – NN.

1911

– Я тебе говорю: Франция меня еще вспомнит!

– Она тебя вспомнит? Дождись!..

– А я тебе говорю – она меня очень скоро вспомнит!!!

– Что ты ей такое, что она тебя будет вспоминать?

– А то, что я сотый раз спрашивал и спрашиваю: Франции нужно Марокко? Франции нужно бросать на него деньги? Это самое Марокко так же нужно Франции, как мне лошадиный хвост! Но... она меня еще вспомнит!

Человек, который надеялся, что Франция его вспомнит, назывался Абрамом Гидалевичем; человек, сомневающийся в этом, приходился родным братом Гидалевичу и назывался Яков Гидалевич.

В настоящее время братья сидели за столиком одесского кафе и обсуждали положение Марокко.

Возражения рассудительного брата взбесили порывистого Абрама. Он раздражительно стукнул чашкой о блюдце и крикнул:

– Молчи! Ты бы, я вижу, даже не мог быть самым паршивым министром! Мы еще по чашечке выпьем?

– Ну, выпьем. Кстати, как у тебя дело с лейбензоновским маслом?

– Это дело? Это дрянь. Я на нем всего рублей двенадцать как заработал.

– Ну а что ты теперь делаешь?

– Я? Покупаю дом для одной там особы.

В этом месте Абрам Гидалевич солгал самым беззастенчивым образом – никакого дома он не покупал и никто ему не поручал этого. Просто излишек энергии и непоседливости заставил его сказать это.

– Ой, дом? Для кого?

– Ну да... Так я тебе сейчас и сказал.

– Я потому спрашиваю, – возразил, нисколько не обидевшись, Яков, – что у меня есть хороший продажный домик. Поручили продать.

– Ну?! Кто?

Яков хладнокровно пожал плечами.

– Предположим, что сам себе поручил. Какой он умный, мой брат. Ему сейчас скажи фамилию, и что, и как.

Солгал и Яков. Ему тоже никто не поручал продавать дом. Но сказанные им слова уже имели под собой некоторую почву. Он не бросил их на ветер так, за здорово живешь. Он рассуждал таким образом: если у Абрама есть покупатель на дом, то это, прежде всего, такой хлеб, которым нужно и следует заручиться. Можно сначала удержать около себя Абрама с его покупателем, а потом уже подыскать продажный дом.

Услышав, что у солидного, не любящего бросать слова на ветер Якова оказался

продажный дом, Абрам раздул ноздри, прищелкнул под столом пальцами и тут же решил, что такого дела упускать не следует. «Если у Якова есть продажный дом, – размышлял, поглядывая на брата, Абрам, – то я сделаю самое главное: заманю его своим покупателем, чтобы он совершил продажу через меня, а потом уже можно найти покупателя. Что значит можно найти? Нужно найти! Нужно перерваться пополам, но найти. Что я за дурак, чтобы не заработать полторы-две тысячи на этом?»

«Кое-какие знакомые у меня есть, – углубился в свои мысли Яков. – Если у Абрашки в руках покупатель – почему я через знакомых не смогу найти домовладельца, который бы хотел развязаться с домом? Отчего мне не сделать себе тысячи полторы?»

– Так что ж ты – продаешь дом? – спросил с наружным равнодушием Абрам.

– А ты покупаешь?

– Если хороший дом – могу его и купить.

– Дом хороший.

– Ну, это все-таки нужно обсмотреть. Приходи сюда через три дня. Мне еще нужно поговорить с моим доверителем.

– Молодец, Абрам. Мне тоже нужно сделать кое-какие хлопоты. Я уже иду. Кто платит за кофе?

– Ты.

– Почему?

– Ты же старше.

II

В течение последующих трех дней праздные одесситы с изумлением наблюдали двух братьев Гидалевичей, которые, как бешеные, носились по городу, с извозчика перескакивали на трамвай, с трамвая прыгали в кафе, из кафе опять на извозчика, а Абрама один раз видели даже несущимся на автомобиле...

Дело с домом, очевидно, завязалось нешуточное.

Похудевшие, усталые, но довольные, сошлись наконец оба брата в кафе, чтобы поговорить «по-настоящему».

– Ну?

– Все хорошо. Скажи, Абрам, кто твой покупатель и в какую приблизительно сумму ему нужен дом?

– Ему? В семьдесят тысяч.

– Ой! У меня как раз есть дом на семьдесят пять тысяч. Я думаю, еще можно и поторговаться. А кто?

– Что кто?

– Кто твой покупатель? Ну, Абрам! Ты не доверяешь собственному брату?

– Яша! Ты знаешь знаменитую латинскую поговорку: «Платон! Ты мне брат, но истина мне гораздо дороже». Так пока я тебе не могу сказать. Ведь ты же мне не скажешь!

Яков вздохнул.

– Ох эти коммерческие дела... Ты уже получил куртажную расписку?

– Нет еще. А ты?

– Нет. Когда мы их получим, тогда можно не только фамилию его сказать, а более того:

и сколько у него детей, и с кем живет его жена даже! О!

– Скажи мне, Яша... Так знаешь, положи руку на сердце, почему твой доверитель продает дом? Может, это такая гадость, которую и на слом покупать не стоит?

– Абрам! Гадость? Стоит тебе только взглянуть на него, как ты вскрикнешь от удовольствия – новенький, сухой домик, свеженький, как ребеночек, и, по-моему, хозяин суший идиот, что продает его. Он, правда, потому и продает, что я уговорил. Я ему говорю: тут место опасное, тут могут быть оползни, тут, вероятно, может быть, под низом каменоломни были – дом ваш сейчас же провалится! Ты думаешь, он не поверил? Я ему такое насказал, что он две ночи не спал, и говорит мне, бледный, как потолок: продавайте тогда эту дрянь, а я найду себе другой дом, чтобы без всякой каменоломни.

– Послушай... ты говоришь – дом, дом, но где же он, твой дом? Ты его хочешь продать, так должны же мы его с покупателем видеть?! Может, это не дом, а старая коробка из-под шляпы. Как же?

– Сам ты старая коробка! Хорошо, мы покажем твоему покупателю дом, а он посмотрит на него и скажет: «Домик хороший, я его покупаю; здравствуйте, господин хозяин, как вы поживаете, а вы, Гидалевичи, идите ко всем чертям, вы нам больше не нужны». А когда мы получим куртажные расписки, мы скажем: «Что? А где ваши два процента?»

– Ну хорошо... скажи мне только, на какую букву начинается твой домовладелец?

– Мой домовладелец? На «це». А твой покупатель?

– На «бе».

И соврали оба.

Тут же оба дельца условились взять у своих доверителей куртажные расписки и собраться через два дня в кафе для окончательных переговоров.

– Кто сегодня платит за кофе? – любопытствовал Абрам.

– Ты.

– Почему?

– Потому что я тобой угощаюсь, – отвечал мудрый Яша.

– Почему ты угощаешься мною?

– Потому что я старше!

III

Это был торжественный момент... Две куртажных расписки, покоившихся в карманах братьев Гидалевичей, были большими, важными бумагами: эти бумаги приносили с собой всеобщее уважение, почет месяца на четыре, сотни чашек кофе в громадном уютном кафе, несколько лож в театре, к которому каждый одессит питает настоящую страсть, ежедневную ленивую партию в шахматы «по франку» и ежедневный горячий спор о Марокко, Китае и мексиканских делах.

Братья сели за дальний столик, потребовали кофе и, весело подмигнув друг другу, вынули свои куртажные расписки.

– Ха! – сказал Яков. – Теперь посмотрим, как мой субъект продаст свой дом помимо меня.

– А хотел бы я видеть, как мой покупатель купит себе домик без Абрама Гидалевича.

Братья придвинулись ближе друг к другу и заговорили шепотом...

Из того угла, где сидели братья Гидалевичи, донеслись яростные крики и удары кулаками по столу.

– Яшка! Шарлатан! Почему твоего продавца фамилия Огурцов?

– Потому что он Огурцов. А разве что?

– Потому что мой тоже Огурцов!!! Павел Иваныч?

– Ну да. С Продольной улицы. Так что?

– Ой, чтоб ты пропал!

– Номер тридцать девятый?

– Да!

– Так это же он! Которому я хочу продать твой дом.

– Кому? Огурцову? Как же ты хочешь продать Огурцову дом Огурцова?

– Потому что он мне сказал, что покупает новый дом, а свой продает.

– Ну? А мне он говорил, что свой дом он продает, а покупает новый.

– Идиот! Значит, мы ему хотели его собственный дом продать? Хорошее предприятие.

Братья сидели молча, свесив усталые от дум, хлопот и расчетов головы.

– Яша! – тихо спросил убитым голосом Абрам. – Как же ты сказал, что его фамилия начинается на «це», когда он Огурцов?

– Ну, кончается на «це»... А что ты сказал? На «бе»? Где тут «бе»?

– Яша... Так что? Дело, значит, лопнуло?

– А ты как думаешь? Если ему хочется еще раз купить свой собственный дом, то дело не лопнуло, а если один раз ему достаточно – плюнем на это дело.

– Яша! – вскричал вдруг Абрам Гидалевич, хлопнув рукой по столику. – Так дело еще не лопнуло!.. Что мы имеем? Одного Огурцова, который хочет продать дом и хочет купить дом! Ты знаешь, что мы сделаем? Ты ищи для дома Огурцова другого покупателя, не Огурцова, а я поищу для Огурцова другого дома, не огурцовского. Ну?

Глаза печального Яши вспыхнули радостью, гордостью и нежностью к младшему брату.

– Абрам! К тебе пришла такая гениальная идея, что я... сегодня плачу за *твое* кофе!

Одесса Отрывок

...Любовь одессита так же сложна, многообразна, полна страданиями, восторгами и разочарованиями, как и любовь северянина, но разница та, что, пока северянин мямлит и топчется около одного своего чувства, одессит успеет перестрадать, перечувствовать около пятнадцати романов.

Я наблюдал одного одессита.

Влюбился он в 6 часов 25 минут вечера в дамочку, к которой подошел на углу Дерibasовской и еще какой-то улицы.

В половине 7-го они уже были знакомы и дружески беседовали.

В 7 часов 15 минут дама заявила, что она замужем и ни за какие коврижки не полюбит никого другого.

В 7 часов 30 минут она была тронута сильным чувством и постоянством своего собеседника, а в 7 часов 45 минут ее верность стала колебаться и трещать по всем швам. Около 8 часов она согласилась пойти в кабинет ближайшего ресторана, и то только потому, что до этих пор никто из окружающих ее не понимал и она была одинока, а теперь она не

одинок и ее понимают.

Медовый месяц влюбленных продолжался до 9 часов 45 минут, после чего отношения вступили в фазу тихой, прочной, спокойной привязанности. Привязанность сменилась привычкой, за ней последовало равнодушие (10 часов 30 минут), а там пошла попреки (10 часов 45 минут), слезы (10 часов 50 минут), и к 11 часам, после замеченной с одной стороны попытки изменить другой стороне, этот роман был кончен!

К стыду северян нужно признать, что этот роман отнял у действующих лиц ровно столько времени, сколько требуется северянину на то, чтобы решиться поцеловать своей даме руку.

Вот какими кажутся мне прекрасные, порывистые, экспансивные одесситы...

«Бандитовка»

Хорошенькая, изящная, как нарядная куколка, певица придвинула к себе ближе обсахаренные орехи и, облизывая обсахаренные пальчики, сказала:

– Наша Одесса – ужасный город! Посмотрели бы вы, как вели себя одесситы при большевиках!..

– А вы разве были тогда в Одессе, при большевиках?

– Ну! – обиженно усмехнулась она с непередаваемой, неподражаемой одесской интонацией, придав этому слову из двух букв выражение целой длинной фразы, смысл которой должен был значить: неужели ты сомневался, что я была в Одессе, и что я вместе со всеми пережила все тягчайшие ужасы большевизма, и что я с честью вышла из положения, заслужив титул героини и ореол мученицы?!

Да... Много может вложить настоящий одессит в слово из двух букв.

– Что ж... тяжело вам было там?

– Мне? Если бы я начала рассказывать обо всех моих страда... передайте мне эти тянучки... мерси!.. страданиях, то в целую книгу не упишешь.

Она положила себе на голову белую ручку с отполированными ноготками и задумалась.

– Ах!.. Эти обыски, эти аресты...

– У вас был обыск?!

– Не один, а три. Положим, не у меня, а у моих соседей, но все равно – тревожили и меня. Товарищ председателя чрезвычайки заходит вдруг ко мне и просит бумаги и чернил – они там, в соседней квартире, что-то писали... Ну что было делать – дала! Ведь мы тогда все были совершенно бессильны. А он смотрит на меня и вдруг говорит: «...Благодарю вас. Мне не хочется этого кекса...» И говорит: «А я вас знаю, вы очень хорошо поете!» Понимаете, знает меня! Я чуть в обморок не упала... Потом, в чрезвычайке уже, я ему говорю...

– Неужели в чрезвычайку вас таскали?!

– Да, видите ли... Там был какой-то концерт – вот нас, артистов, и заставили петь! Такой ужас! Револьвер к виску – и пой! Я там, впрочем, большой успех имела – они вообще замечательно умеют слушать. А как аплодировали! Потом уже, сидя в автомобиле с товарищем председателя чрезвычайки...

– Все-таки, значит, они были с вами вежливы – назад отвозили.

– Нет, это не назад... Это вообще днем было. Я шла к Робину, а он взялся меня подвезти. Шикарный у него автомобиль, знаете...

– Охота вам была с большевиком ездить, – заметил я.

– А что поделаешь? Револьвер к виску – и катайся! Я уж потом и то говорила ему: «Вы, Миша, ужасный человек! С вами прямо страшно». А он засмеялся, открыл крышку рояля и говорит: «Хотите, – говорит, – шашкой перерублю все струны, а вам новый пришлю!»

– Неужели в автомобиле рояль стоял? – изумился я.

– В каком автомобиле?! При чем тут автомобиль?... Дома у меня, а не в автомобиле.

– Неужели же вы большевиков у себя дома принимали?

– А что поделаешь? Револьвер к виску – и сидит, и пьет чай до трех часов ночи! «Миша, – говорю я ему, – ты меня компрометируешь...» Ах, сколько страданий за эти несколько месяцев! Не поехать к ним в чрезвычайку неловко – обидятся, а поедешь... Впрочем, один раз очень смешной случай был. Присылают они за мной автомобиль – огромный-преогромный, теряешься в нем, как пуговица в кармане. Плачу, а еду. Впрочем, единственный раз я у них и была. Приезжаю... На столе столько наставлено, что глаза разбегаются! Преподносят мне, представьте, преогромный букет роз и мимозы...

– Неужели от большевиков букеты принимали? – с упреком заметил я.

– А что поделаешь? Револьвер к виску – и суют в руку. И темно-фиолетовая лента – чудесное сочетание. Впрочем, я один раз у них только и была. Спрашивают: «Чего, – говорят, – сначала хотите выпить?» Я говорю: «Зубровки, той, что мы вчера пили». Посмотрели друг на друга как-то странно, мнутя: «Да она, – говорят, – в погребе». – «А вы принесите из погреба, – говорю я. – Неужели боитесь? Пойдите с племянником Саней (племянник мой тогда тоже со мной был, Саня) и принесите». Саня уже встал было, а они совсем переполошились: «Нельзя туда, в тот погреб!» – «Да почему?!» – «Оттуда, – говорят, – еще расстрелянные бандиты не убраны!.. Там лежат». Нет, нет. Лучше эту розовенькую... Она, кажется, с орехами!.. Да... Так, понимаете, какой ужас: где эта зубровка стояла – расстрелянные бандиты лежат. Мы потом эту зубровку «бандитовкой» называли. Ох уж эта Одесса-мама... Вечно она что-нибудь выдумает... Ха-ха! Слушайте, отчего же вы не смеетесь?...

– Спасибо. Я уже года два как не смеюсь.

Я встал, наклонив свое лицо к ее розовому, разругавшемуся личику, и тихо спросил, глядя прямо ей в глаза:

– Скажите, а они не могли подсунуть вам вместо «бандитовки» «офицеровку»?

И я видел, как что-то, будто кипяток, ошпарило ее птичий мозг. Она заморгала глазами быстро-быстро и, отмахиваясь от чего-то невидимого, жалобно прочирикала:

– Но они же револьвер к виску... Танцуешь у них – и револьвер у виска, пьешь – и револьвер у виска... Не смотрите на меня так!

Разнообразный город – Одесса.

1920

Рис. С. Фазини

Семен Юшкевич Дудька забавляется

Дудька Рабинович нажил уже сто тысяч и затаился. Ого, Дудька теперь не скажет глупости, не разразится смехом, как бывало раньше, тем здоровым смехом, от которого слезы текут из глаз, и рот раскрывается до ушей, и гримасничающее лицо выражает страдание. Дудька стал молчалив, аристократичен – продал свое пальто из дамской материи и не любит, если Сонечка даже в шутку напоминает ему о нем... Он курит боковские сигары, носит золотые открытые часы «Патек» и кольцо с брильянтом в три карата. Заказал себе платья на две тысячи... А как держится Дудька? Граф, дипломат! А какое спокойствие в лице! А улыбка! Нет, тот не видел истинно ротшильдовской улыбки, кто не был при том, когда Дудька выбирал для себя соломенную шляпу в шляпном магазине Нисензона, двоюродного брата бывшего довольно известного министра. Даже сам господин Нисензон, видывавший виды на своем веку, должен был признать, что Дудька неподражаем. Как целомудренно улыбался Дудька, когда с аристократической грацией передал кассирше следуемые с него сто рублей за шляпу! Ни одного звука ропота или недовольства, точно он всю жизнь расплачивался сотнями за шляпы. Только на короткий миг вынул часы «Патек» – правда, не удержался, чтобы не сообщить Нисензону, двоюродному брату бывшего довольно известного министра, о том, какие у него часы, – закурил боковскую сигару и сказал отрывисто, будто залаял: «Бок!» – и лишь тогда разрешил себе одарить Нисензона этой знаменитой ротшильдовской улыбкой, которую Нисензон тотчас же вполне оценил.

«Да, у него будет миллион», – решил про себя Нисензон и, в знак почтения перед будущим миллионом, проводил с поклонами Дудьку до дверей...

Дудьке всего двадцать восемь лет. Он всем кажется теперь стройным, красивым, благовоспитанным и умным. С ним советуются, спрашивают его мнения. Предлагают, например, кокосовое масло купить – спрашивают у Дудьки. Дудька подумает и скажет: «Не

купить!» – и не покупают. «А кожу?» – «Купить», – ответит Дудька. И покупают...

Женился он рано на своей Сонечке, по любви. Любил он ее страстно лишь в первые два года. Потом охладел к ней, но не заметил этого и жил с ней – как будто в любви. О женщинах он вообще никогда не думал. Некогда было! Но когда он «сделал» сто тысяч, душа его взыграла. Словно из тумана стали выплывать женщины – то вдруг появлялась розовая, свежая щечка с ямочкой, то вырисовывалась пышная женская рука, оголенная до плеча, там сверкала белизной декольтированная шея, и еще другие соблазнительные образы тревожили его воображение...

«Ах, Дудька, Дудька, – наливаясь страстью и жаром, грозил он себе, а трубы пели в ушах: тра-та-та, тра-та-та... бом, бим, сулу, тики, мум... – Ах, Дудька, Дудька», – и снова: тра-та-та, сулу, тики, мум...

И разрешилось... Он пил в этот полдень кофе у Лейбаха. В его скромном, но дорогом галстухе утренней росинкой блеснул каратный бриллиант. У сердца тикал «Патек». Золотая изящная цепочка покоилась на жилетке. Бом, бим, сулу, тики, мум!

Она вошла, грациозно заняла место за столиком. Дудька почувствовал густой удар своего сердца. «Тра-та-та» – запели трубы... Дудька вспомнил, что у него в кармане лежат двадцать тысяч для покупки кофе и керосина, и расхрабрился.

«Еврейка ли она или русская? – спросил он себя. – Предпочитаю и хочу русскую! Что такое еврейское – я знаю, а с русской у меня никогда не было романа. Дудька, ты имеешь право пожелать русскую. Помни, что у тебя двадцать тысяч, и не будь идиотом. Но какая хорошенькая! Глазки русские – не как у моей Сонечки, а настоящие, чистые, русские. Еврейские всегда выражают страдание! Да, несомненно, русские глазки, – решил он, – глаза русских степей, серые и немного, как всегда у русских, маложивые... но чертовски красивые... Хочу русского поцелуя, – с жаром сказал он себе... – Дудька, но что Сонечка?

Надоела вечная Сонечка, – отмахнулся он от докучливой мысли. – И, наконец, я еще не изменил ей. Вот когда изменю, тогда и буду расплачиваться. Скажите, пожалуйста, начинается уже еврейская скорбь! Весело это надо делать, Дудька.

Хорошо, весело, согласен, – рассуждал Дудька, – но как с ней познакомиться, с чего начать? Улыбнуться? Как это вдруг улыбнуться? Она меня примет за идиота. Пожалуй, еще отругает. Боже мой, какой ротик! Я умру от этого ротика. Какие чудные русские зубки! Как раз твои, Дудька, зубки у нее!»

Он вдруг вскочил, как будто получил удар ножом в бок, шагнул к ней и как только мог аристократически поднял с пола упавшую салфетку...

– Сударыня, – сказал он, передавая ей салфетку так, чтобы она заметила его трехкратник, – сударыня, позвольте мне дать вам вашу салфетку.

– Благодарю вас, – серебристым голосом ответила незнакомка, грациозно наклонив головку.

– Я желал бы, – галантно сказал Дудька, поправляя каратник на галстухе, чтобы обратить на него ее внимание, – вечно подавать вам упавшую на пол салфетку.

– Вы бы скоро утомились, – отозвалась незнакомка, снисходительно улыбнувшись такому странному желанию.

– Не надейтесь на это, сударыня! – сказал Дудька, ужасно счастливый и действительно готовый в эту минуту подавать салфетку бесчисленное множество раз. – Испытайте меня...

– Нет, я не так жестока, – гармонически ответила она, вонзая вилку в поданный ей лакеем бифштекс...

– О, я не сомневаюсь в этом, – еще галантнее сказал Дудька, подбираясь умственно к ней, как подбирался бы к антипирину, который сулил бы ему пяти тысячный барыш.

«Русская, – в то же время с жаром думал он, все больше влюбляясь в незнакомку. – Настоящее русское, не горячее, как у евреек, лицо. Холод, мороженое, а согревает всего тебя. Ах, зачем у меня не такое лицо! Ведь на моем написана вся скорбная еврейская история. Какая прелесть иметь при ста тысячах русское лицо. Но ничего не поделаешь – пропало».

Равговор завязался. Дудька в чистых русских выражениях попросил у незнакомки позволения присесть за ее столом. Но когда разрешение было ему дано, он будто невзначай вынул из жилетного кармана своего «Патека», невинно посмотрел на часы и сказал:

– Из всех часов, сударыня, любимые мной часы «Патек». Может быть знаете, фирма в Женеве. Достать их теперь ужасно трудно, но я достал... И недорого... полторы тысячи. Изящно, не правда ли, очень плоские, даже незаметно, что это часы.

Он дал ей подержать часы, придвинулся ближе и, пока она их рассматривала, он вдыхал с удовольствием аромат ее волос и все больше влюблялся в нее. Затем, потеряв на миг голову, он предложил ей выпить с ним по чашечке турецкого кофе и предложил после кофе скушать мороженого. Все это было очень благосклонно принято. Мороженое он ел с озабоченным видом и ужасно быстро. Как сказать ей о своих чувствах? Если бы перед ним сидела еврейка, все устроилось бы в два мига – что он, не знает своих евреев? Сюда взгляд, туда вздох; слово страдания, слово сострадания – и готово! Но русская! Черт его знает, что для нее нужно? О чем можно говорить с ней? Она ведь не понимает многообразной еврейской души, привыкшей всегда страдать. Русская же терпеть не может этих страданий! И в этом ее прелесть. Русская удобна и в другом отношении. Попробуй-ка связаться с еврейкой! Дудька один раз попробовал и должен был жениться! А с русской? Я вас поцеловал, я вас больше не желаю целовать, и до свиданья! А еврейка папашу, мамашу и всех родственников призовет из-за одного только поцелуя. «Все это хорошо, однако как и чем заинтересовать, прельстить ее? Я ведь должен действовать на русские струны сердца!»

– О чем вы задумались? – гармонически спросила незнакомка.

Дудька в ответ тихо рассмеялся и сказал:

– Ни за что не скажу. Что было бы, если бы я вам раскрыл свои мысли!

– Такие это ужасные мысли? – улыбнулась и незнакомка.

– Да! – сказал Дудька, загадочно решив, как ему говорить с ней. – Я думал о том, что мороженое, например, – чисто русское сладкое. Вот евреи не могли же выдумать мороженого. У них сладкое – это компот, – добавил он, улыбаясь ротшильдовской улыбкой и глядя на нее, – я должен сказать, что я предпочитаю русское еврейскому, хотя я сам и еврей.

«Здорово повел атаку!» – похвалил он себя.

– Почему же это? – удивилась незнакомка.

– Такой характер, – скромно сказал Дудька, пламенея от любви. – Возьмем для примера поведение евреев. Вы слышали, как разговаривают два еврея? Подымут гвалт, будто их режут! А как разговаривают десять русских? Не слышно. Ну и многое другое. Кто всем лезет на глаза? Еврей! Русского даже не видно! Вот, например, спекулянты! Русские – самые отчаянные спекулянты, и всем известно, что они нажили сотни миллионов, а вы слышали о русском спекулянте? Евреи тоже нажились, но в тысячу раз меньше, а о них кричат все! Почему? Лезут, дураки, на глаза. Галдят, кричат, по улицам не ходят, а прыгают! Признаюсь, люблю русских.

«Я, кажется, говорю как антисемит, – лукаво думал Дудька, – но все равно никто не

слышит, зато понравлюсь ей. Ведь русские немного антисемиты. Боже мой, что это за глазки! Какие губки! Мед!»

Незнакомка между тем положила ложечку и во все глаза посмотрела на Дудьку.

– Послушайте, – сказала она, – да ведь вы антисемит!

«Скажу ей, что я антисемит, – подумал Дудька, – что мне мешает! В суд же она меня не потянет за это!»

– Да, я антисемит, – благородным голосом сказал он. – Мы, евреи, не прощаем себе своих недостатков. Вы, русские, гораздо снисходительнее к нам!

– Вы, кажется, приняли меня за русскую? – расхохоталась незнакомка. – Но вы ошиблись. Я самая настоящая, да еще какая еврейка. Я из местечка подле Бендер!

– Неужели! – воскликнул Дудька, пораженный. – Скажите, пожалуйста, никогда бы не поверил! Неужели, – повторил он снова, вдруг охладевая к ней и вглядываясь в ее лицо.

И внезапно словно завеса спала с его глаз. Настоящие еврейские, выражающие вечное страдание глаза! Как же он сразу не заметил? И лицо горячее, еврейское.

«Роман с еврейкой, – с ужасом подумал он, – да хоть бы она была красива, как сама Венера. Ни за что! Она обольет серной кислотой мою Сонечку, если только один раз позволит поцеловать себя. Вероятно, у нее с десятков тетей и дядек, две бабушки, троюродные сестры... Еще потребует отдать ей мои сто тысяч. Бежать от нее!»

Он с огорчением поднялся, с огорчением заплатил за кофе, мороженое и довольно бесцеремонно простился. Что церемониться с еврейкой!

«Эх ты, Дудька! – ругал он себя на улице. – Еврейку не узнал! Глаза русских степей! Дурак! Но все-таки... Тра-та-та, бом, тики, мум...»

1918

Тэффи

Из книги «Воспоминания»

...Одесский быт сначала очень веселил нас, беженцев. Не город, а сплошной анекдот.

Звонит ко мне, много раз, одна одесская артистка. Ей нужны мои песенки. Очень просит зайти, так как у нее есть рояль.

– Ну хорошо. Я приду к вам завтра, часов в пять.

Вздых в телефонной трубке.

– А может быть, можете в шесть? Дело в том, что мы всегда в пять часов пьем чай...

– А вы уверены, что к шести уже кончите?

Иногда вечером собирались почитать вслух газетную хронику. Не жалели огня и красок

одесские хроникеры. Это у них были шедевры в этом роде:

«Балерина танцевала великолепно, чего нельзя сказать о декорациях».

«Когда шла «Гроза» Островского с Рождиной-Инсаровой в заглавной роли...»

«Артист чудесно исполнил «Элегию» Эрнста, и скрипка его рыдала, хотя он был в простом пиджаке».

«На пристань приехал пароход».

«В понедельник вечером дочь коммерсанта Рая Липшиц сломала свою ногу под велосипедом».

Но скоро одесский быт надоел. Жить в анекдоте ведь не весело, скорее трагично...

* * *

Сбегались в Одессу новые беженцы – москвичи, петербуржцы, киевляне.

Так как пропуски на выезд легче всего выдавались артистам, то – поистине талантлив русский народ! – сотнями, тысячами двинулись на юг оперные и драматические труппы.

– Мы ничего себе выехали, – блаженно улыбаясь, рассказывал какой-нибудь скромный парикмахер с Гороховой улицы. – Я – первый любовник, жена – инженерю, тетя Фима – гран-кокет, мамаша в кассе и одиннадцать суфлеров. Все благополучно проехали. Конечно, пролетариат был слегка озадачен количеством суфлеров. Но мы объяснили, что это самый ответственный элемент искусства. Без суфлера пьеса идти не может. С другой стороны, суфлер, сидя в будке и будучи стеснен в движениях, быстро изнемогает и должен немедленно заменяться свежим элементом.

Приехала опереточная труппа, состоящая исключительно из «благородных отцов».

И приехала балетная труппа, набранная сплошь из институтских начальниц и старых нянюшек...

Все новоприбывшие уверяли, что большевистская власть трещит по всем швам и что, собственно говоря, не стоит распаковывать чемоданы. Но все-таки распаковывали...

* * *

...Странно-знакомый голос...

– Гуськин!

– Что-о? Это же не город, а мандарин. Отчего вы не сидите в кафе? Там же буквально все битые сливки общества.

Гуськин! Но в каком виде! Весь строго выдержан в сизых тонах: пиджак, галстук, шляпа, носки, руки. Словом – франт.

– Ах, Гуськин, я, кажется, останусь без квартиры. Я прямо в отчаянии.

– В отчаянии? – переспросил Гуськин. – Ну так вы уже не в отчаянии.

– ?...

– Вы уже не в отчаянии. Гуськин вам найдет помещение. Вы, наверное, думаете себе: Гуськин этт!

– Уверяю вас, никогда не думала, что вы «этт»!

– А Гуськин, Гуськин это... Хотите ковров?

– Чего? – даже испугалась я.

– Ковров! Тут эти мароканцы навезли всякую дрянь. Прямо великолепные вещи, и страшно дешево. Так дешево, что прямо дешевле порванной репы. Вот, могу сказать точную цену, чтобы вы имели понятие: чудесный ковер самого новейшего старинного качества, размером – длина три аршина десять вершков, ширина два аршина пять... нет, два аршина шесть вершков... И вот за такой ковер вы заплатите... сравнительно очень недорого.

– Спасибо, Гуськин, теперь уже меня не надуют. Знаю, сколько надо заплатить.

– Эх, госпожа Тэффи, как жаль, что вы тогда раздумали ехать с Гуськиным. Я недавно возил одного певца – так себе, паршивец. Я, собственно говоря, стрелял в Собинова...

– Вы стреляли в Собинова? Почему?

– Ну, как говорится, стрелял, то есть метил, метил в Собинова, ну да не вышло. Так повез я своего паршивца в Николаев. Взял ему залу, билеты продал, публика, все как следует. Так что ж вы думаете! Так этот мерзавец ни одной высокой нотки не взял. Где полагается высокая нота, там он – ну ведь это надо же иметь подобное воображение! – там он вынимает свой сморкательный платок и преспокойно сморкается. Публика заплатила деньги, публика ждет свою ноту, а мерзавец сморкается себе, как каторжник, а потом идет в кассу и требует деньги. Я рассердился, буквально, как какой-нибудь лев. Я действительно страшен в гневе. Я ему говорю: «Извините меня – где же ваши высокие ноты?» Я прямо так и сказал. А он молчит и говорит: «И вы могли воображать, что я стану в Николаеве брать высокие ноты, то что же я буду брать в Одессе? И что я буду брать в Лондоне, и в Париже, и даже в Америке? Или, – говорит, – вы скажете, что Николаев такой же город, как Америка?» Ну что вы ему на это ответите, когда в контракте ноты не оговорены. Я смолчал, но все-таки говорю, что у вас, наверное, высоких нот и вовсе нет. А он говорит: «У меня их очень даже большое множество, но я не желаю плясать под вашу дудку. Сегодня, – говорит, – вы требуете в этой арии «ля», а завтра потребуете в той же арии «си». И все за ту же цену. Ладно и так. Найдите себе мальчика. Город, – говорит, – небольшой, может и без верхних нот обойтись, тем более что кругом революция и братская резня». Ну что вы ему на это скажете?

– Ну, тут уж ничего не придумаешь.

– А почему бы вам теперь не устроить свой вечер? Я бы такую пустил рекламу. На всех столбах, на всех стенах огромными буквами, что-о? Огромными буквами: «Выдающая программа...»

– Надо «ся», Гуськин.

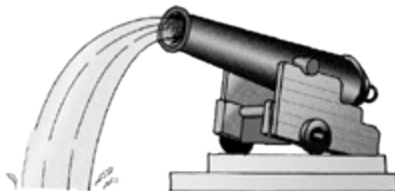
– Кого-о?

– Надо «ся». Выдающаяся.

– Ну пусть будет «ся». Разве я спорю. Чтобы дело разошлось из-за таких пустяков... Можно написать: «Потрясающий успех».

– Не надо «ся», Гуськин.

– Теперь уже не надо? Ну я так и думал, что не надо. Почему вдруг. Раз всегда все пишут «выдающая»... А тут дамские нервы – и давай «ся»...

Корней Чуковский Нынешний Евгений Онегин

VIII

...Героем нашего романа
Евгений будет, но о нем
Мы речь особо поведем,
А нынче это слишком рано,
Ведь мы про папеньку его
Еще не знаем ничего.

IX

Он был, друзья, по хлебной части,
И двухэтажный этот дом,
И двух детей от жирной Насти
Добыл он собственным трудом.
Довольно вытерпели муки
Его мозолистые руки,
Пока добились того,
Чтобы не делать ничего.
К распеву киевскому падох,

Принял смиренномудрый вид,
Ильинский посещал он скит
И, всей душой любя порядок,
Евгенья по субботам сек
Сей аккуратный человек...

XII

Его почтенная супруга
И мать героя моего
Была мягка, была упруга,
Кругла – и больше ничего!
Любила негу бани жаркой,
Дружила с собственной кухаркой
И знать могла наперечет,
Не выходя из-под ворот,
Число безумных поцелуев,
Что в полуночной тишине
Возжег Адуева жене
Поручик пламенный Колгуев.
И этот важный эпизод
В душе носила целый год...

XXIII

...Но время тает, убегает,
Уже Евгений мой не раз
Краснеет, если повстречает,
О девы трепетные, вас,
О гимназистки в синем, красном,
Зеленом, – и призывом властным
Уж для него теперь звучит
Улыбка девичьих ланит.

XXIV

Как земледел над пышной нивой,
Склонясь над юною губой,
Уже цирюльник говорливый

Косит уверенной рукой.
Уже румяная Ревекка
На «молодого человека»
Загадочный бросает взгляд —
И получает шоколад.
Уже... Но, сердцем памятуя
Свой вожделенный аттестат,
Онегин Геродоту рад
Отдать всю негу поцелуя,
К подстрочнику, а не к устам
Склоняясь пылко по ночам.

XXV

Мороз... Темно... Улыбка... Шубка
И под платочком пара глаз.
В калошах ножки, муфта, юбка...
Чего еще? – спрошу я вас.
«Куда идете?»
«Слава Богу,
Я и без вас сыщу дорогу».
«Нет, я боюсь, чтоб не пристал
К вам тут какой-нибудь нахал».
«Да кроме вас – пристать кому же?»
Легко, свежо... Хрустит снежок.
На нем уже две пары ног
Видны рядком... Под вихрем стужи
Блажен, кто был в расцвете лет
Лобзаньем девичьим согрет!

XXVI

Среди сердечных попечений
Убивши юные года,
Блаженства этого Евгений —
Увы! – не ведал никогда.
И в первом классе он со мною
Не увлекался чехардою,
И не пытался во втором
Идти в Америку пешком.
И в третьем он не бредил спортом

И чрез рекреационный зал,
Как Уточкин, не пробегал,
Стихов он не писал в четвертом,
И драму «Бешеный прыжок»
Не слал в «Одесский водосток»...
1904

Юрий Олеша

Новейшее путешествие Евгения Онегина по Одессе

...Вот я и в городе... Тут кони
По звонким мостовым стучат,
И аппетитно у Фанкони
Дымит горячий шоколад...
О, время прежнее... Как было
Здесь, в этом городе, все мило
Для Пушкина и для меня!
Тогда мы с ним с начала дня
Искали чувственных гармоний —
То у Отона, где всегда
Бонтоны, гости и еда,
То там, где дивная Тальони
Вложила силу и талант
В неподражаемый пуант...

...Висит туманом дым табачный,
Не умолкает разговор.
В углу о сделке неудачной
Грустит над кофе мародер...
Тут кто-то в промежутках торга,
Захлебываясь от восторга
И затопив слюною рот,
Рассказывает анекдот...
А после франтик лопаухий,
Влетев с разбега на крыльцо,
Состроит страшное лицо
И шепотом разносит слухи,
Что будто с Марса на Фонтан
Упал немецкий гидроплан...

...Ах, одесситы все готовы
На новый лад слова менять —
Здесь лишь разводятся коровы,
Написанные через ять...

Не спекулянт, а спекулятор,
Не симулянт, а симулятор;
Понтить – здесь означает врать,
Взамен форсить – фасон ломать;
Увы, к последнему примеру
Нам не добраться – их полно,
И ведь не ново: уж давно
Себе блестящую карьеру
На этом сделал, мстя за свист,
Небезызвестный юморист...
1918

Лери (Владимир Клопотовский) Онегин наших дней

1

«Когда злой ВЦИК вне всяких правил
Пошел на жителей в поход
И чистить ямы их заставил,
Как злонамеренный народ, —
Блажен, кто дней не тратил даром
И к коммунистам-комиссарам,
Не утаив культурных сил,
На службу сразу поступил,
Кто в ней сумел, нашедши норму,
Смысл исторический понять,
Одной ногою, так сказать,
Став на советскую платформу,
Кто приобрел лояльный лик,
Хотя и не был большевик...» —

2

Так думал молодой Евгений,
Герой неопытных сердец
И двух советских учреждений
Солидный служащий и спец.
Его пример – другим наука,
Но – Боже мой – какая мука
Ходить в нелепый совнархоз,

Писать усердно и всерьез
Преступно-глупые бумажки,
Тоскливо дни свои влачить,
С надеждой к карте подходить
И, подавив в груди стон тяжкий,
Твердить совдепу про себя:
«Когда же черт возьмет тебя!»...

5

...Мы все бежали понемногу
Куда-нибудь и как-нибудь,
И на тернистую дорогу,
На эмигрантский пестрый путь —
Источник скорби непрерывной
Порою взгляд ретроспективный,
Когда гнетет чужая ночь,
Вы бросить — знаю я — не прочь.
Ах, побывав у жизни в лапах,
Кто, отдохнув подобно вам,
Не вспоминает по ночам
О горьких беженских этапах
С момента бегства из Москвы,
Или — как я — с берегов Невы!

10

...Зима... Одесса, торжествуя,
К себе гостей французских ждет,
И для российского буржуа
Она — единственный оплот...
От всяких ужасов кровавых
Он в ней, при танках и зуавах,
Душой и телом отдыхал...
Забыв чека и трибунал,
Дельцы, актеры, спекулянты
Творили всякие дела,
И жизнь веселая текла
Под теплым крылышком Антанты,
И знали все, что сей приют
Большевикам не отдадут!..

Семь дней промучившись в вагоне,
 Лишь на восьмой к утру попал
 Евгений мой в кафе Фанкони,
 Как Чацкий с корабля на бал...
 Забывши гетмана с Петлюрой,
 Он волю дал своей натуре
 И, посидев час у стола,
 Узнал все местные дела...
 Узнал про новые десанты,
 Про то, где, кто и с кем живет,
 Кто из чиновников берет,
 Какие планы у Антанты,
 Куда стремится Милюков
 И надо ль ждать большевиков...

...Бывало, он еще в постели —
 Ему газеты подают...
 Он узнавал, и не без цели,
 Про фронт, войну, театры, суд,
 Про жизнь в Совдепии московской,
 Что пишет «всем-всем-всем» Раковский,
 Про биржу, мир et cetera —
 Зевал и – ехал со двора...
 Дела обдывая чисто,
 Он только ночью отдыхал:
 Спешил на раут иль на бал,
 Но чаще, впрочем, в «Дом артиста»,
 Где предавался до утра
 Ожесточенной баккара...

...Но время жуткое настало
 (Ах, многим памятно оно!) —

В Одессе-маме вдруг не стало
Ни Фрейденберга, ни Энно...
Прощаясь с городом навеки,
Зуавы, танки, пушки, греки,
Потоки рот, полков, когорт,
Покинув фронт, бежали в порт,
Где три дредноута Антанты
Хранили очень гордый вид...
Помчался в порт и одессит,
Жену, валюту, бриллианты
В Константинопольский пролив
На всякий случай захватив.

17

Кто виноват – Вильсон, Европа ль —
Не знал никто, и пароход
Увез пока в Константинополь
Весь перепуганный народ...
Был гнев Онегина неистов,
Зане визита коммунистов
В Одессу он не допускал.
«Какой позор!.. Какой скандал!» —
Он говорил, бранясь безбожно,
И, приняв формулу тогда:
«Бежать на время – жаль труда,
Бежать же вечно – невозможно!», —
Не надрывая средств и сил,
Остаться в городе решил...

18

Евгений дней не тратил даром:
Один лишь месяц пролетел,
И он уж в дружбе с комиссаром,
И сам – советский управдел...
Хотя себя в анкете чистым
И не признал он коммунистом,
Но вышло так само собой,
Что стал он правой их рукой...
Его партийность строго как-то

Подверг разбору «коллектив»,
Но, все детально обсудив,
В ней не нашел преступных фактов,
И получить Онегин рад
На честность был от них мандат.

19

В своем служебном кабинете
Он был и строг, и справедлив,
Пред ним робел в минуты эти
Порою даже «коллектив»...
Проник он в тайны всех секретов
Коммунистических декретов
Своим практическим умом:
Был добр с рабочим; с мужиком
Из сел голодных – неприветлив,
Решив, что каждый середняк
На деле – то же, что кулак,
И стоит пули он иль петли,
Хоть Ленин сам велел пока
Не раздражать середняка...

20

«Главмусор», где служил Евгений,
Был препротивный уголок —
Витал там шлихтеровский гений,
Но выдавали там паек.
Там получал Онегин сало,
Табак, конину и – бывало —
Равно для женщин и мужчин
Мануфактуры пять аршин.
Подспорьем был к дороговизне
Еще один доходный путь:
Умел Евгений спекулировать,
Тем дополняя средства к жизни,
И у него была рука
На этот случай в губчека...

1921 (?)

Рабинович и другие Одесские анекдоты

Как-то барон Ротшильд подал нищему милостыню.

– Ваш сын дает мне вдвое больше.

– Мой сын может себе это позволить. У него богатый папа.

* * *

Проводится расследование о пожаре в Одесском оперном театре. Допрашивают свидетеля Рабиновича.

– Расскажите, что вы видели.

– Значит, закрыл я вечером свою лавочку, прихожу домой, поднимаю Сарину юбку...

– Следствию это не интересно, говорите по существу.

– Так за что я и говорю. Значит, закрыл я вечером свою лавочку, прихожу домой, поднимаю Сарину юбку...

– Свидетель, короче!

– Я и говорю короче! Значит, закрыл я свою лавочку, прихожу домой, поднимаю Сарину юбку, которой окно завешено. И что, вы думаете, вижу? Оперный горит.

* * *

Гражданская война. Разгул бандитизма в Одессе. Рабиновичи ложатся спать.

– Сара, ты дверь закрыла?

– Закрыла!

– А верхний замок повернула?

– Повернула.

– А средний на «собачку» поставила?

– Поставила!

– А задвижку задвинула?

– Задвинула!

– А крючок накинула?

– Накинула, спи!

– А цепочку...

- Повесила, успокойся уже!
- А... швабру подставила?
- Подставила!!! Перестань уже наконец!
- Перестань?!.. Ну хорошо, так мы будем спать с открытой дверью!

* * *

Миллионер говорит своему врачу:

- Знаете, я решил вам не платить гонорар, вместо этого я вписал вас в свое завещание.

Вы довольны?

- Конечно! Только, будьте любезны, верните рецепт, я должен туда внести небольшие исправления.

* * *

Телеграмма: «Волнуйтесь, подробности письмом».

Ответная телеграмма: «Что случилось, что?»

Телеграмма: «Кажется, умер Сема».

Ответ: «Так кажется или да?»

Телеграмма: «Пока да».

* * *

- Роза, почему ты носишь обручальное кольцо не на том пальце?

- А я вышла замуж не за того человека.

* * *

Старый Рабинович рассказывает гостям:

- Вы знаете, я нашел врача – это волшебник. Он меня полностью вылечил от склероза.

- Потрясающе! А как его фамилия?

- Фамилия?... Фамилия... Как называется цветок... с шипами?

- Роза?

- О! – поворачивается к жене. – Роза! Как фамилия этого доктора?

* * *

- Моня, сколько будет семью восемь?

- А мы покупаем или продаем?

* * *

Контролер в поезде обращается к еврею-пассажиру:

- У вас билет до Херсона, а поезд идет на Конотоп.
- И часто ваши машинисты так ошибаются?

* * *

– Гуревич, значит, вы хотите у меня занять сто тысяч долларов. А где гарантия, что вы мне их вернете?

- Я вам даю слово честного человека.
- Хорошо, я вас жду сегодня вечером вместе с этим человеком.

* * *

Жена будит мужа:

- Что с тобой? Почему ты так кричишь?
- Мне приснилось, что Маруся тонет.
- Что еще за Маруся?
- Да ты ее не знаешь... Я с ней во сне познакомился.

* * *

Забегает в бар посетитель – и к бармену:

- Давай быстренько, быстренько, быстренько наливай сто грамм, пока не началось. Выпил, крикнул, огляделся.
- Давай опять быстренько, быстренько, быстренько наливай сто грамм, пока не началось. Выпил, крикнул, огляделся.
- Друг, давай быстренько, быстренько, быстренько, пока...
- А платить кто будет?
- Ну вот, уже началось!!!

* * *

Старый слепой нищий, всю жизнь проведенный в сборе милостыни на углу Дерибасовской и Ришельевской, по шагам узнавал всех своих постоянных клиентов. И вот он слышит – мимо проходит молодой человек, который на протяжении многих лет бросал ему полтинник, а сейчас положил в шляпу нищего только двугривенный.

- Пойдите, пойдите, молодой человек, – окликает его слепой, – скажите, что

происходит, раньше вы мне подавали полтинник!

- Понимаете, я женился, и теперь не могу тратить так много на милостыню.
- Интересное дело. Он, видите ли, женился, а я должен содержать его семью!

* * *

Два друга поехали в Одессу в гости. Когда подошли к дому, куда они были приглашены, один из них постучал ногой в дверь.

- Почему ты стучишь ногой? – спросил второй.
- Чтобы хозяева подумали, что наши руки заняты подарками. Иначе не откроют.

* * *

Дама подходит к будке с газированной водой:

- Можно стакан воды?
- С сиропом?
- Без.
- Без вишневого или без яблочного?

* * *

- Как вы относитесь к нынешней власти?
- Как к жене.
- ?
- Немножко люблю, немножко боюсь, немножко хочу другую...

* * *

Отец с сыном в банях Исаковича на Преображенской улице:

- Сынок, мойся хорошо, посмотри, какой ты грязный!
- Папа, а какой ты грязный!
- Так сколько лет мне и сколько тебе!

* * *

Встречаются два старых одессита.

- Аркаша, может быть, за встречу выпьешь грамм сто коньячку, а?
- А почему бы нет!
- Ну нет так нет.

* * *

Покупательница продавцу:

– Что это за сыр вы мне дали?

– Как вы просили, швейцарский.

– Так я не понимаю, он прислан из Швейцарии или выслан оттуда?!

* * *

– Яша, – говорит жена, – если бы ты знал, как мне не хочется идти к Шнейдерманам.

– Мне тоже не хочется. Но ты представь, как они обрадуются, если мы не придем.

* * *

Жена – мужу:

– Сема, почему ты не носишь обручальное кольцо?

– В такую жару?

Избирательное право

Рис. М. Дризо

Сын: – Я хочу быть кардиналом.

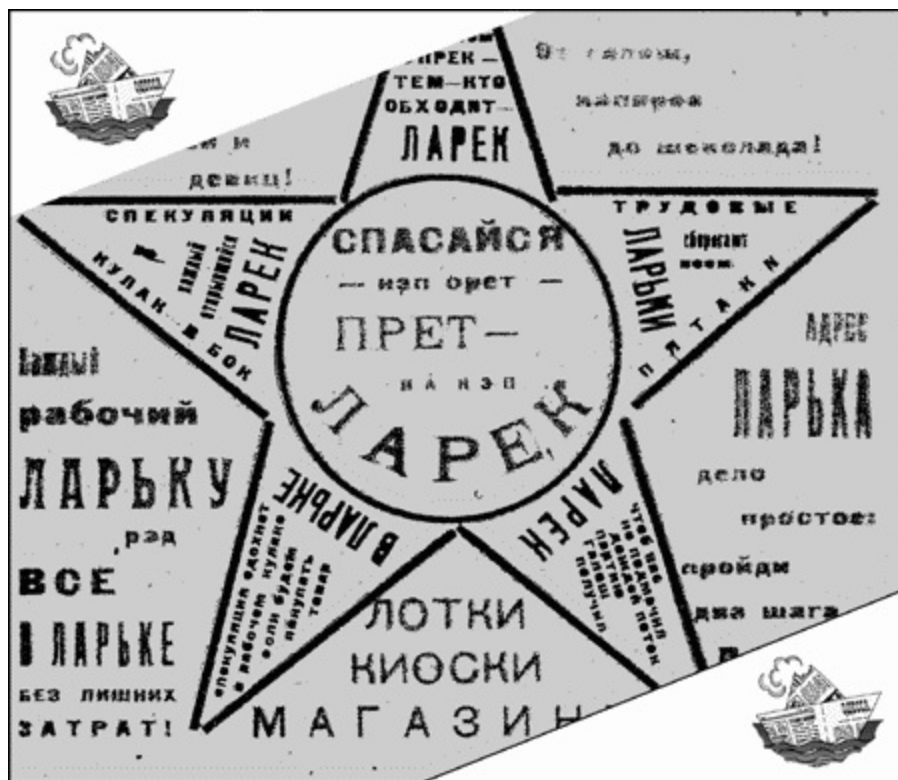
Отец: – Почему?

Сын: – Они могут выбирать себе папу!

Одесские гасконцы 1920–1940

В Одессе можно было сделать любую сенсацию. Написать, например, в газете «Одесская почта», что на рабочей окраине Пересыпи лопнул меридиан и катастрофа для города была предупреждена только благодаря героическим усилиям пожарных команд...

Константин Паустовский

«Одесса — это советская Гасконь» — так пишет в начале своего очерка «Одесские гасконцы» Лев Славин. В нем он описывает веселый и авантюрный нрав жителей Одессы. Но правота этого сравнения еще и в другом. Многие из одесских журналистов и писателей точно так же, как честолюбивый гасконец д' Артаньян, покинули родные места с мечтой покорить столицу. И так же, как он, многие в этом преуспели. И прежде всего (особенно в первый период) как мастера смеха.

Знаменитый отдел фельетонов московского «Гудка» собрал под своей крышей одесситов Ильфа и Петрова, Олешу, Катаева, Славина, Козачинского. Энергия начала века и благородные лозунги первых лет революции раскрыли их дарования, сделали известными их имена...

Представлен в этом разделе и Исаак Бабель. Несмотря на то, что его «Одесские рассказы», по сути, трагичны, понятие «одесский юмор» в значительной степени связано именно с ними.

Присутствуют здесь и такие знаменитые уроженцы Одессы, как Саша Черный и Владимир Жаботинский. Их ностальгические рассказы об одесском детстве тоже полны юмора.

Особо хочется сказать о Валентине Катаеве. Это именно он, подобно Пушкину, предложившему Гоголю сюжет «Гевизора», подарил Ильфу и Петрову сюжет «Двенадцати стульев». В нашем томе Валентин Петрович представлен несколькими рассказами и фельетонами конца двадцатых – начала тридцатых годов. Сатирический и юмористический талант классика предстает в них, как мне кажется, во всем блеске.

В. Х.

Александр Козачинский

Зеленый фургон

Отрывок

...Три с лишним года Одессу окружала линия фронта. Фронт стал географическим понятием. Казалось законным и естественным, что где-то к северу от Одессы существуют степь, леса Подолии, юго-западная железная дорога, станция Раздельная и станция Перекрестово, река Днестр, река Буг и – фронт. Фронт мог быть к северу от Раздельной или к югу от нее, под Бирзулой или за Бирзулой, но он был всегда. Иногда он уходил к северу, иногда придвигался к самому городу и рассекал его пополам. Война вливалась в русла улиц. Каждая улица имела свое стратегическое лицо. Улицы давали названия битвам. Были улицы мирной жизни, улицы мелких стычек и улицы больших сражений – улицы-ветераны. Наступать от вокзала к думе было принято по Пушкинской, между тем как параллельная ей Ришельевская пустовала. По Пушкинской же было принято отступать от думы к вокзалу. Никто не воевал на тихой Ремесленной, а на соседней Канатной не оставалось ни одной непростреленной афишной тумбы. Карантинная не видела боев – она видела только бегство. Это была улица эвакуации, панического бега к морю, к трапам отходящих судов.

У вокзала и вокзального скверика война принимала неизменно позиционный характер. Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами; лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра, и снова одесситы поспешно втаскивали под крышу вокзала новый механизм и новый циферблат. Много циферблатов сменилось на фронте одесского вокзала в те дни.

Так три с лишним года жила Одесса. Пока большевики были за линией фронта, пока они пробивались к Одессе, городом владели армии центральных держав, армии держав Антанты, белые армии Деникина, жовто-блакитная армия Петлюры и Скоропадского, зеленая армия Григорьева, воровская армия Мишки Япончика.

Одесситы расходились в определении числа властей, побывавших в городе за три года. Одни считали Мишку Япончика, польских легионеров, атамана Григорьева и галичан за отдельную власть, другие – нет. Кроме того, бывали периоды, когда в Одессе было по две власти одновременно, и это тоже путало счет.

В один из таких периодов произошло событие, окончательно определившее мировоззрение Володиного отца.

Половиной города владело войско украинской директории и половиной – добровольческая армия генерала Деникина. Границей добровольческой зоны была Ланжероновская улица, границей петлюровской – параллельная ей Дерибасовская. Рубежи враждующих государственных образований были обозначены шпагатом, протянутым поперек улиц. Квартал между Ланжероновской и Дерибасовской, живший меж двух натянутых шпагатов, назывался нейтральной зоной и не имел государственного строя.

За веревочками стояли пулеметы и трехдюймовки, направленные друг на друга прямой наводкой.

Чтобы перейти из зоны в зону, одесситы, продолжавшие жить мирной гражданской жизнью, задирали ноги и переступали через веревочки, стараясь лишь не попадать под дула орудий, которые могли начать стрелять в любую минуту. Однажды и Володин отец, покидая деникинскую зону, занес ногу над шпагатом, чтобы перешагнуть через него. Но, будучи человеком немолодым и неловким, он зацепился за веревочку каблуком и оборвал государственную границу. Стоявший поблизости молодой безусый офицер с тонким интеллигентным лицом не сказал ни слова, но, сунув папироску в зубы, размахнулся и ударил Володиного отца по лицу. Это была первая оплеуха, полученная доцентом медицинского факультета Новороссийского университета за всю его пятидесятилетнюю жизнь. Почти ослепленный, прижимая ладонь к горячей щеке, держась другой рукой за стену, он побрел, согнувшись, к Дерibasовской и здесь, наткнувшись на другую веревочку, оборвал и ее. Молодой безусый петлюровский офицер с довольно интеллигентным лицом развернулся и ударил нарушителя по лицу. Это была уже вторая затрещина, полученная доцентом на исходе этой несчастной минуты его жизни. Когда-то он считал себя левым октябристом, почти кадетом; он заметно полевел после того, как познакомился с четырнадцатью или восемнадцатью властями, побывавшими в Одессе; но, получив эти две оплеухи, он качнулся влево так сильно, что оказался как раз на позициях своего радикального друга Цинципера и сына Володи.

Город просыпался, когда Володя выбежал на улицу. Улицы были пустынные, солнце еще пряталось за крышами домов, сыроватый воздух был по-ночному свеж. Однако это не был нормальный утренний пейзаж мирного времени. Это не было пробуждение города, который плотно поужинал, хорошо выспался, здоров, спокоен и рад наступающему дню. Не было видно пожилых, в опрятных фартуках, дворников, размахивающих метлами, как на сенокосе, и румяных молочниц, несущих на коромыслах тяжелые бидоны с молоком; не гудел за поворотом улицы первый утренний трамвай; подвалы пекарен не обдавали жаром ног прохожих, и забытая электрическая лампочка не блестела бледным золотушным светом на фоне наступившего дня. Никто не подметал Одессу, никто не поил ее молоком. Уж год не ходили трамваи, давно не было в городе электричества, а в пекарнях было пусто.

Но утро есть утро и город есть город. И как ни скуден был пейзаж просыпающейся Одессы, в нем были свои характерные черты. Заканчивая свои ночные труды, молодые одесситы спиливали росшие вдоль тротуаров толстые акации. Они занимались этим по ночам не столько из страха ответственности, сколько из чувства приличия и почтения к родному городу. Когда любимые дети обкрадывают родителей, они боятся не уголовного наказания, а общественного мнения. Стволы и ветки акации тут же, на тротуаре, распиливались на короткие чурбанчики, которые складывались пирамидками на перекрестках. Через час сюда придут домашние хозяйки и будут покупать дрова для своих очагов. Дрова продавались на фунты, и каждый фунт стоил десятки тысяч рублей. В эти дни погибла знаменитая эстакада в одесском порту. Одесситы гордились ею не меньше, чем оперным театром, лестницей на Николаевском бульваре и домом Попудова на Соборной площади. О длине и толщине дубовых брусьев, из которых она была выстроена, в городе складывали легенды. Будь эти брусья потоньше и похуже, эстакада, возможно, простояла бы еще десятки лет. Но в дни топливного голода столь мощное деревянное сооружение не могло не погибнуть. Эстакаду спилили на дрова. Еще несколько месяцев назад жители заменяли дрова жмыхами, или, как их называли в Одессе, «макухой». Теперь же макуха заменяла им хлеб. Одесситы, гордившиеся всем, что имело отношение к их городу, переносили это

чувство даже на голод, который их истреблял, утверждая, что подобного голода не знала ни одна губерния в России, за исключением Поволжья. Белинская улица, потерявшая за последние недели все свои великолепные акации, казалась Володе просторной и пустой, как комната, из которой вынесли мебель. Стекла в окнах домов были оклеены бумажными полосами. Опыт показал домашним хозяйкам, что эти бумажки предохраняют стекла от сотрясения воздуха во время артиллерийских обстрелов, бомбардировок с моря и взрывов пороховых погребов...

1938

Король

Венчание кончилось, раввин опустился в кресло, потом он вышел из комнаты и увидел столы, поставленные во всю длину двора. Их было так много, что они высовывали свой хвост за ворота на Госпитальную улицу. Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи, которым на брюхо наложили заплаты всех цветов, и они пели густыми голосами – заплаты из оранжевого и красного бархата. Квартиры были превращены в кухни. Сквозь закопченные двери било тучное пламя, пьяное и пухлое пламя. В его дымных лучах пеклись старушечьи лица, бабьи тряские подбородки, замусоленные груди. Пот, розовый, как кровь, розовый, как пена бешеной собаки, обтекал эти груди разросшегося, сладко воняющего человеческого мяса. Три кухарки, не считая судомоек, готовили свадебный ужин, и над ними царила восьмидесятилетняя Рейзл, традиционная, как свиток торы, крохотная и горбатая. Перед ужином во двор затесался молодой человек, неизвестный гостям. Он спросил Беню Крика. Он отвел Беню Крика в сторону.

– Слушайте, Король, – сказал молодой человек, – я имею вам сказать пару слов. Меня послала тетя Хана с Костецкой...

– Ну хорошо, – ответил Беня Крик по прозвищу Король, – что это за пара слов?

– В участок вчера приехал новый пристав, велела вам сказать тетя Хана...

– Я знал об этом позавчера, – ответил Беня Крик. – Дальше.

– Пристав собрал участок и сказал участку речь...

– Новая метла чисто метет, – ответил Беня Крик. – Он хочет облаву. Дальше...

– А когда будет облава, вы знаете, Король?

– Она будет завтра.

– Король, она будет сегодня.

– Кто сказал тебе это, мальчик?

– Это сказала тетя Хана. Вы знаете тетю Хану?

– Я знаю тетю Хану. Дальше.

– ...Пристав собрал участок и сказал им речь. «Мы должны задушить Беню Крика, – сказал он, – потому что там, где есть государь император, там нет короля. Сегодня, когда Крик выдает замуж сестру и все они будут там, сегодня нужно сделать облаву...»

– Дальше.

– ...Тогда шпики начали бояться. Они сказали: если мы сделаем сегодня облаву, когда у него праздник, так Беня рассерчает, и уйдет много крови. Так пристав сказал – самолюбие мне дороже...

– Ну, иди, – ответил Король.

– Что сказать тете Хане за облаву?

– Скажи: Беня знает за облаву.

И он ушел, этот молодой человек. За ним последовали человека три из Бениных друзей. Они сказали, что вернутся через полчаса. И они вернулись через полчаса. Вот и все.

За стол сажались не по старшинству. Глупая старость жалка не менее, чем трусливая юность. И не по богатству. Подкладка тяжелого кошелька сшита из слез. За столом на

первом месте сидели жених с невестой. Это их день. На втором месте сидел Сендер Эйхбаум, тесть Короля. Это его право. Историю Сендера Эйхбаума следует знать, потому что это не простая история.

Как сделался Беня Крик, налетчик и король налетчиков, зятем Эйхбаума? Как сделался он зятем человека, у которого было шестьдесят дойных коров без одной?

Тут все дело в налете. Всего год тому назад Беня написал Эйхбауму письмо.

«Мосье Эйхбаум, – написал он, – положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софиевскую, 17, двадцать тысяч рублей. Если вы этого не сделаете, так вас ждет такое, что это не слыхано, и вся Одесса будет о вас говорить. С почтением Беня Король».

Три письма, одно яснее другого, остались без ответа. Тогда Беня принял меры. Они пришли ночью – девять человек с длинными палками в руках. Палки были обмотаны просмоленной паклей. Девять пылающих звезд зажглись на скотном дворе Эйхбаума. Беня отбил замки у сарая и стал выводить коров по одной. Их ждал парень с ножом. Он опрокидывал корову с одного удара и погружал нож в коровье сердце. На земле, залитой кровью, расцвели факелы, как огненные розы, и загремели выстрелы. Выстрелами Беня отгонял работниц, сбежавшихся к коровнику. И вслед за ним и другие налетчики стали стрелять в воздух, потому что если не стрелять в воздух, то можно убить человека. И вот, когда шестая корова с предсмертным мычанием упала к ногам Короля, – тогда во двор в одних кальсонах выбежал Эйхбаум и спросил:

– Что с этого будет, Беня?

– Если у меня не будет денег – у вас не будет коров, мосье Эйхбаум. Это дважды два.

– Зайди в помещение, Беня.

И в помещении они договорились. Зарезанные коровы были поделены ими пополам. Эйхбауму была гарантирована неприкосновенность и выдано в том удостоверение с печатью. Но чудо пришло позже. Во время налета, в ту грозную ночь, когда мычали подкалываемые коровы и телки скользили в материнской крови, когда факелы плясали, как черные девы, и бабы-молочницы шарахались и визжали под дулами дружелюбных браунингов, – в ту грозную ночь во двор выбежала в вырезной рубашке дочь старика Эйхбаума – Циля. И победа Короля стала его поражением. Через два дня Беня без предупреждения вернул Эйхбауму все забранные деньги и после этого явился вечером с визитом. Он был одет в оранжевый костюм, под его манжеткой сиял бриллиантовый браслет; он вошел в комнату, поздоровался и попросил у Эйхбаума руки его дочери Циля. Старика хватил легкий удар, но он поднялся. В старике было еще жизни лет на двадцать.

– Слушайте, Эйхбаум, – сказал ему Король, – когда вы умрете, я похороню вас на первом еврейском кладбище, у самых ворот. Я поставлю вам, Эйхбаум, памятник из розового мрамора. Я сделаю вас старостой Бродской синагоги. Я брошу специальность, Эйхбаум, и поступлю в ваше дело компаньоном. У нас будет двести коров, Эйхбаум. Я убью всех молочников, кроме вас. Вор не будет ходить по той улице, на которой вы живете. Я выстрою вам дачу на шестнадцатой станции... И вспомните, Эйхбаум, вы ведь тоже не были в молодости раввином. Кто подделал завещание, не будем об этом говорить громко?... И зять у вас будет Король, не сопляк, а Король, Эйхбаум...

И он добился своего, Беня Крик, потому что он был страстен, а страсть владычествует над мирами. Новобрачные прожили три месяца в тучной Бессарабии, среди винограда, обильной пищи и любовного пота. Потом Беня вернулся в Одессу для того, чтобы выдать замуж сорокалетнюю сестру свою Двойру, страдающую базедовой болезнью. И вот теперь,

рассказав историю Сендера Эйхбаума, мы можем вернуться на свадьбу Двойры Крик, сестры Короля.

На этой свадьбе к ужину подали индюков, жареных куриц, гусей, фаршированную рыбу и уху, в которой перламутром отсвечивали лимонные озера. Над мертвыми гусиными головками покачивались цветы, как пышные плюмажи. Но разве жареных куриц выносит на берег пенистый прибой одесского моря? Все благороднейшее из нашей контрабанды, все, чем славна земля из края в край, делало в ту звездную, в ту синюю ночь свое разрушительное, свое обольстительное дело. Нездешнее вино разогревало желудки, сладко переламывало ноги, дурманило мозги и вызывало отрыжку, звучную, как призыв боевой трубы. Черный кок с «Плутарха», прибывшего третьего дня из Порт-Саида, вынес за таможенную черту пузатые бутылки ямайского рома, маслянистую мадеру, сигары с плантаций Пирпонта Моргана и апельсины из окрестностей Иерусалима. Вот что выносит на берег пенистый прибой одесского моря, вот что достается иногда одесским нищим на еврейских свадьбах. Им достался ямайский ром на свадьбе Двойры Крик, и поэтому, насосавшись, как трэфные свиньи, еврейские нищие оглушительно стали стучать костылями. Эйхбаум, распустив жилет, сощуренным глазом оглядывал бушующее собрание и любовно икал. Оркестр играл туш. Это было как дивизионный смотр. Туш – ничего кроме туша. Налетчики, сидевшие сомкнутыми рядами, вначале смущались присутствием посторонних, но потом они разошлись. Лева Кацап разбил на голове своей возлюбленной бутылку водки. Моня Артиллерист выстрелил в воздух. Но пределов своих восторг достиг тогда, когда, по обычаю старины, гости начали одарять новобрачных. Синагогальные шамесы, вскочив на столы, выпевали под звуки бурлящего туша количество подаренных рублей и серебряных ложек. И тут друзья Короля показали, чего стоит голубая кровь и неугасшее еще молдаванское рыцарство. Небрежным движением руки кидали они на серебряные подносы золотые монеты, перстни, коралловые нити.

Аристократы Молдаванки, они были затянуты в малиновые жилеты, их плечи охватывали рыжие пиджаки, а на мясистых ногах лопалась кожа цвета небесной лазури. Выпрямившись во весь рост и выпячивая животы, бандиты хлопали в такт музыке, кричали «горько» и бросали невесте цветы, а она, сорокалетняя Двойра, сестра Бени Крика, сестра Короля, изуродованная болезнью, с разросшимся зобом и вылезающими из орбит глазами, сидела на горе подушек рядом с щуплым мальчиком, купленным на деньги Эйхбаума и онемевшим от тоски.

Обряд дарения подходил к концу, шамесы осипли и контрабас не ладил со скрипкой. Над двориком протянулся внезапно легкий запах гари.

– Беня, – сказал папаша Крик, старый биндюжник, слывший между биндюжниками грубияном, – Беня, ты знаешь, что мне сдается? Мне сдается, что у нас горит сажа...

– Папаша, – ответил Король пьяному отцу, – пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей...

И папаша Крик последовал совету сына. Он закусил и выпил. Но облачко дыма становилось все ядовитее. Где-то розовели уже края неба. И уже стрельнул в вышину узкий, как шпага, язык пламени. Гости, привстав, стали обнюхивать воздух, и бабы их взвизгнули. Налетчики переглянулись тогда друг с другом. И только Беня, ничего не замечавший, был безутешен.

– Мне нарушают праздник, – кричал он, полный отчаяния, – дорогие, прошу вас, закусывайте и выпивайте...

Но в это время во дворе появился тот самый молодой человек, который приходил в начале вечера.

– Король, – сказал он, – я имею вам сказать пару слов...

– Ну, говори, – ответил Король, – ты всегда имеешь в запасе пару слов...

– Король, – произнес неизвестный молодой человек и захихикал, – это прямо смешно, участок горит, как свечка...

Лавочники онемели. Налетчики усмехнулись. Шестидесятилетняя Манька, родоначальница слободских бандитов, вложив два пальца в рот, свистнула так пронзительно, что ее соседи покачнулись.

– Маня, вы не на работе, – заметил ей Беня, – холоднокровней, Маня...

Молодого человека, принесшего эту поразительную новость, все еще разбирал смех.

– Они вышли с участка человек сорок, – рассказывал он, двигая челюстями, – и пошли на облаву; так они отошли шагов пятнадцать, как уже загорелось... Побежите посмотреть, если хотите...

Но Беня запретил гостям идти смотреть на пожар. Отправился он с двумя товарищами. Участок исправно пылал с четырех сторон. Городовые, трясая задами, бегали по задымленным лестницам и выкидывали из окон сундуки. Под шумок разбежались арестованные. Пожарные были исполнены рвения, но в ближайшем кране не оказалось воды. Пристав – та самая метла, что чисто метет, – стоял на противоположном тротуаре и покусывал усы, лезшие ему в рот. Новая метла стояла без движения. Беня, проходя мимо пристава, отдал ему честь по-военному.

– Доброго здоровьичка, ваше высокоблагородие, – сказал он сочувственно. – Что вы скажете на это несчастье? Это же кошмар...

Он уставился на горящее здание, покачал головой и почмокал губами:

– Ай-ай-ай...

А когда Беня вернулся домой – во дворе потухали уже фонарики и на небе занималась заря. Гости разошлись, и музыканты дремали, опустив головы на ручки своих контрабасов. Одна только Двойра не собиралась спать. Обеими руками она подталкивала оробевшего мужа к дверям их брачной комнаты и смотрела на него плотоядно, как кошка, которая, держа мышь во рту, легонько пробует ее зубами.

1921

Пробуждение

Все люди нашего круга – маклеры, лавочники, служащие в банках и пароходных конторах – учили детей музыке. Отцы наши, не видя себе ходу, придумали лотерею. Они устроили ее на костях маленьких людей. Одесса была охвачена этим безумием больше других городов. И правда – в течение десятилетий наш город поставлял вундеркиндов на концертные эстрады мира. Из Одессы вышли Миша Эльман, Цимбалист, Габрилович, у нас начинал Яша Хейфец.

Когда мальчику исполнялось четыре или пять лет – мать вела крохотное, хилое это существо к господину Загурскому. Загурский содержал фабрику вундеркиндов, фабрику еврейских карликов в кружевных воротничках и лаковых туфельках. Он выискивал их в молдаванских трущобах, в зловонных дворах Старого базара. Загурский давал первое направление, потом дети отправлялись к профессору Ауэру в Петербург. В душах этих

заморышей с синими раздутыми головами жила могучая гармония. Они стали прославленными виртуозами. И вот отец мой решил угнаться за ними. Хотя я и вышел из возраста вундеркиндов – мне шел четырнадцатый год, – но по росту и хилости меня можно было сбить за восьмилетнего. На это была вся надежда. Меня отвели к Загурскому. Из уважения к деду он согласился брать по рублю за урок – дешевая плата. Дед мой Лейви-Ицхок был посмешище города и украшение его. Он расхаживал по улицам в цилиндре и в опорках и разрешал сомнения в самых темных делах. Его спрашивали, что такое гобелен, отчего якобинцы предали Робеспьера, как готовится искусственный шелк, что такое кесарево сечение. Мой дед мог ответить на эти вопросы. Из уважения к учености его и безумию Загурский брал с нас по рублю за урок. Да и возился он со мною, боясь деда, потому что возиться было не с чем. Звуки ползли с моей скрипки, как железные опилки. Меня самого эти звуки резали по сердцу, но отец не отставал. Дома только и было разговора о Мише Эльмане, самым царем освобожденном от военной службы. Цимбалист, по сведениям моего отца, представлялся английскому королю и играл в Букингемском дворце; родители Габриловича купили два дома в Петербурге. Вундеркинды принесли своим родителям богатство. Мой отец примирился бы с бедностью, но слава была нужна ему.

– Не может быть, – нашептывали люди, обедавшие за его счет, – не может быть, чтобы внук такого деда...

У меня же в мыслях было другое. Проигрывая скрипичные упражнения, я ставил на пюпитре книги Тургенева или Дюма – и, пиликаая, пожирал страницу за страницей. Днем я рассказывал небылицы соседским мальчишкам, ночью переносил их на бумагу. Сочинительство было наследственным занятием в нашем роду. Лейви-Ицхок, тронувшийся к старости, всю жизнь писал повесть под названием «Человек без головы». Я пошел в него.

Нагруженный футляром и нотами, я три раза в неделю тащился на улицу Витте, бывшую Дворянскую, к Загурскому. Там вдоль стен, дожидаясь очереди, сидели еврейки, истерически воспламененные. Они прижимали к слабым своим коленям скрипки, превосходившие размерами тех, кому предстояло играть в Букингемском дворце. Дверь в святилище открывалась. Из кабинета Загурского, шатаясь, выходили головастые, веснушчатые дети с тонкими шеями, как стебли цветов, и припадочным румянцем на щеках. Дверь захлопывалась, поглотив следующего карлика. За стеной, надрываясь, пел, дирижировал учитель с бантом, в рыжих кудрях, с жидкими ногами. Управитель чудовищной лотереи – он населял Молдаванку и черные тупики Старого рынка призраками пиччикато и кантилены. Этот распев доводил потом до дьявольского блеска старый профессор Ауэр. В этой секте мне нечего было делать. Такой же карлик, как и они, я в голосе предков различал другое внушение.

Трудно мне дался первый шаг. Однажды я вышел из дому, навьюченный футляром, скрипкой, нотами и двенадцатью рублями денег – платой за месяц ученья. Я шел по Нежинской улице, мне бы повернуть на Дворянскую, чтобы попасть к Загурскому, вместо этого я поднялся вверх по Тираспольской и очутился в порту. Положенные мне три часа пролетели в Практической гавани.

Так началось освобождение. Приемная Загурского больше не увидела меня. Дела поважнее заняли все мои помыслы. С однокашником моим Немановым мы повадились на пароход «Кенсингтон» к старому одному матросу по имени мистер Троттибэрн. Неманов был на год моложе меня, он с восьми лет занимался самой замысловатой торговлей в мире. Он был гений в торговых делах и исполнил все, что обещал. Теперь он миллионер в Нью-

Йорке, директор General Motors Co, компании столь же могущественной, как и Форд. Неманов таскал меня с собой потому, что я повиновался ему молча. Он покупал у мистера Троттибэрна трубки, провозимые контрабандой. Эти трубки точил в Линкольне брат старого матроса. «Джентльмены, – говорил нам мистер Троттибэрн, – помяните мое слово, детей надо делать собственноручно... Курить фабричную трубку – это то же, что вставлять себе в рот клистир... Знаете ли вы, кто такое был Бенвенуто Челлини?... Это был мастер. Мой брат в Линкольне мог бы рассказать вам о нем. Мой брат никому не мешает жить. Он только убежден в том, что детей надо делать своими руками, а не чужими... Мы не можем не согласиться с ним, джентльмены...» Неманов продавал трубки Троттибэрна директорам банка, иностранным консулам, богатым грекам. Он наживал на них сто на сто. Трубки линкольнского мастера дышали поэзией. В каждую из них была уложена мысль, капля вечности. В их мундштуке светился желтый глазок, футляры были выложены атласом. Я старался представить себе, как живет в старой Англии Мэтью Троттибэрн, последний мастер трубок, противящийся ходу вещей.

– Мы не можем не согласиться с тем, джентльмены, что детей надо делать собственноручно...

Тяжелые волны у дамбы отдаляли меня все больше от нашего дома, пропахшего луком и еврейской судьбой. С Практической гавани я перекочевал за волнорез. Там на клочке песчаной отмели обитали мальчишки с Приморской улицы. С утра до ночи они не натягивали на себя штанов, ныряли под шаланды, воровали на обед кокосы и дожидались той поры, когда из Херсона и Каменки потянутся дубки с арбузами и эти арбузы можно будет раскалывать о портовые причалы.

Мечтой моей сделалось уменье плавать. Стыдно было сознаться бронзовым этим мальчишкам в том, что, родившись в Одессе, я до десяти лет не видел моря, а в четырнадцать не умел плавать. Как поздно пришлось мне учиться нужным вещам! В детстве, пригвожденный к Гемаре, я вел жизнь мудреца, выросши – стал лазать по деревьям. Уменье плавать оказалось недостижимым. Водобоязнь всех предков – испанских раввинов и франкфуртских менял – тянула меня ко дну. Вода меня не держала. Исполосованный, налитый соленой водой, я возвращался на берег – к скрипке и нотам. Я привязан был к орудиям моего преступления и таскал их с собой. Борьба раввинов с морем продолжалась до тех пор, пока надо мной не сжалился водяной бог тех мест – корректор «Одесских новостей» Ефим Никитич Смолич. В атлетической груди этого человека жила жалость к еврейским мальчишкам. Он верховодил толпами рахитичных заморышей. Никитич собирал их в клоповниках на Молдаванке, вел их к морю, зарывал в песок, делал с ними гимнастику, нырял с ними, обучал песням и, прожариваясь в прямых лучах солнца, рассказывал истории о рыбаках и животных. Взрослым Никитич объяснял, что он натурфилософ. Еврейские дети от историй Никитича помиралы со смеху, они визжали и ластились, как щенята. Солнце окропляло их ползучими веснушками, веснушками цвета ящерицы. За единоборством моим с волнами старик следил молча сбоку. Увидев, что надежды нет и что плавать мне не научиться, он включил меня в число постояльцев своего сердца. Оно было все тут с нами – его веселое сердце, никуда не заносилось, не жадничало и не тревожилось... С медными своими плечами, с головой состарившегося гладиатора, с бронзовыми, чуть кривыми ногами, он лежал среди нас за волнорезом, как властелин этих арбузных, керосиновых вод. Я полюбил этого человека так, как только может полюбить атлета мальчик, хворающий истерией и головными болями. Я не отходил от него и пытался услуживать.

Он сказал мне:

– Ты не суетись... Ты укрепи свои нервы. Плавание придет само собой... Как это так – вода тебя не держит... С чего бы ей не держать тебя?

Видя, как я тянусь, Никитич для меня одного из всех своих учеников сделал исключение, позвал к себе в гости на чистый просторный чердак в циновках, показал своих собак, ежа, черепаху и голубей. В обмен на эти богатства я принес ему написанную мною накануне трагедию.

– Я так и знал, что ты пописываешь, – сказал Никитич, – у тебя и взгляд такой... Ты все больше никуда не смотришь...

Он прочитал мои писания, подергал плечом, провел рукой по крутым седым завиткам, прошелся по чердаку.

– Надо думать, – произнес он врасстяжку, замолкая после каждого слова, – что в тебе есть искра Божия...

Мы вышли на улицу. Старик остановился, с силой постучал палкой о тротуар и устоялся на меня.

– Чего тебе не хватает?... Молодость не беда, с годами пройдет... Тебе не хватает чувства природы.

Он показал мне палкой на дерево с красноватым стволом и низкой кроной.

– Это что за дерево?

Я не знал.

– Что растет на этом кусте?

Я и этого не знал. Мы шли с ним сквериком Александровского проспекта. Старик тыкал палкой во все деревья, он схватывал меня за плечо, когда пролетала птица, и заставлял слушать отдельные голоса.

– Какая это птица поет?

Я ничего не мог ответить. Названия деревьев и птиц, деление их на роды, куда летят птицы, с какой стороны восходит солнце, когда бывает сильнее роса – все это было мне неизвестно.

– И ты осмеливаешься писать?... Человек, не живущий в природе, как живет в ней камень или животное, не напишет во всю свою жизнь двух стоящих строк... Твои пейзажи похожи на описание декораций. Черт меня побери, – о чем думали четырнадцать лет твои родители?...

О чем они думали?... О протестованных векселях, об особняках Миши Эльмана... Я не сказал об этом Никитичу, я смолчал.

Дома – за обедом – я не прикоснулся к пище. Она не проходила в горло. «Чувство природы, – думал я. – Бог мой, почему это не пришло мне в голову... Где взять человека, который растолковал бы мне птичьи голоса и названия деревьев?... Что известно мне о них? Я мог бы распознать сирень, и то когда она цветет. Сирень и акацию, Дерibasовская и Греческая улицы обсажены акациями...»

За обедом отец рассказал новую историю о Яше Хейфеце. Не доходя до Робина, он встретил Мендельсона, Яшиного дядьку. Мальчик, оказывается, получает восемьсот рублей за выход. Посчитайте – сколько это выходит при пятнадцати концертах в месяц. Я сосчитал – получилось двенадцать тысяч в месяц. Делая умножение и оставляя четыре в уме, я взглянул в окно. По цементному дворику, в тихонько отдуваемой крылатке, с рыжими колечками, выбивающимися из-под мягкой шляпы, опираясь на трость, шествовал господин

Загурский, мой учитель музыки. Нельзя сказать, что он хватился слишком рано. Прошло уже больше трех месяцев с тех пор, как скрипка моя опустилась на песок у волнореза... Загурский подходил к парадной двери. Я кинулся к черному ходу – его накануне заколотили от воров. Тогда я заперся в уборной. Через полчаса возле моей двери собралась вся семья. Женщины плакали. Бобка терлась жирным плечом о дверь и закатывалась в рыданиях. Отец молчал. Заговорил он так тихо и раздельно, как не говорил никогда в жизни.

– Я офицер, – сказал мой отец, – у меня есть имение. Я езжу на охоту. Мужики платят мне аренду. Моего сына я отдам в кадетский корпус. Мне нечего заботиться о моем сыне...

Он замолк. Женщины сопели. Потом страшный удар обрушился в дверь уборной, отец бился об нее всем телом, он налетал с разбегу.

– Я офицер, – вопил он, – я езжу на охоту... Я убью его... Конец...

Крючок соскочил с двери, там была еще задвижка, она держалась на одном гвозде. Женщины катались по полу, они хватали отца за ноги; обезумев, он вырывался. На шум подоспела старуха – мать отца.

– Дитя мое, – сказала она ему по-еврейски, – наше горе велико. Оно не имеет краев. Только крови недоставало в нашем доме. Я не хочу видеть кровь в нашем доме...

Отец застонал. Я услышал удалявшиеся его шаги. Задвижка висела на последнем гвозде.

В моей крепости я досидел до ночи. Когда все улеглись, тетя Бобка увела меня к бабушке. Дорога нам была дальняя. Лунный свет оцепенел на неведомых кустах, на деревьях без названия... Невидимая птица издала свист и угасла, может быть, заснула... Что это за птица? Как зовут ее? Бывает ли роса по вечерам?... Где расположено созвездие Большой Медведицы? С какой стороны восходит солнце?... Мы шли по Почтовой улице. Бобка крепко держала меня за руку, чтобы я не убежал. Она была права. Я думал о побеге.

1930

Как объяснить сей парадокс?
Сам черт себе тут сломит ножку:
Случилось так, что некий фокс,
Что фокстерьер влюбился в кошку.

И нежно-приторен стал фокс,
Он пел, рыдал румынской скрипкой;
Он говорил: «У ваших ног-с
Готов я умереть с улыбкой.

Я дал бы хвост мой отрубить,
Когда бы не был он отрублен,
Чтобы поехали вы жить
Со мной в Чикаго или Дублин.

В стране, где выдумали бокс,
Ничьи б не привлекало взоры,
Что молодой шотландский фокс
Женат на кошке из Ангоры».

И кошка, женщина в летах,
Прельстясь мальчишескою страстью,
Сложила вещи впопыхах,
Бросая родину для счастья.

Среди маисовых полей
На ферме зажили супруги,
Вкушали лук и сельдерей
И обходились без прислуги.

И ровно, ровно через год
У них родился фоксокот.

Жил да был на свете еж,
Круглый и колючий,

Так что в руки не возьмешь,
Не пытайся лучше.

Забияка был тот еж,
Лез ко всякой роже;
Он на щетку был похож
И на муфту тоже.

У ежа с такой душой
Друг был закадычный,
Поросенок небольшой,
Но вполне приличный.

— Я да ты, да мы вдвоем, —
Еж кричит, бывало, —
Целый свет перевернем,
И того нам мало!

Но однажды еж вошел...
В кухне пахло тленом...
И приятеля нашел
Он уже под хреном.

Еж воскликнул, слезы лья:
— Как ужасны люди!
Лучший друг, почти свинья, —
И лежит на блюде...

С той поры стал еж скромней
(Вот так перемена!),
И боится он людей,
И боится хрена.

А теперь скажу вам все ж
По секрету, тихо:
Это вовсе был не еж —
А ежика.

* * *

Один американский бар
Паштетом славился и виски,
Там были также и сосиски,

Но лучше всех там был омар.

Он, занимая важный пост
(На полке медную кастрюлю),
Так надоел лакею Жюлю,
Что тот плевал ему на хвост.

Лежал он год, лежал он два,
Ему меняли обстановку:
Петрушку, свеклу и морковку;
Он постарел едва-едва.

Но, доживая дни свои,
Влюбился он в свою соседку,
В одну усатую креветку,
И объяснился ей в любви.

Но в этот миг... всему конец.
Но в этот миг случилось чудо!
Жюль выложил его на блюдо,
Шепча сквозь зубы: «Вот подлец!»

И толстый лысый бегемот,
Который съел сего омара,
Был бледен, выходя из бара,
И отирал холодный пот.

* * *

Он юнга. Родина его Марсель.
Он обожает ссоры, брань и драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

У ней такая маленькая грудь,
На ней татуированные знаки...
Но вот уходит юнга в дальний путь,
Расставшись с девушкой из Нагасаки.

Но и в ночи, когда ревет гроза,
И лежа в жаркие часы на баке,
Он вспоминает узкие глаза
И бредит девушкой из Нагасаки.

Янтарь, кораллы красные, как кровь,
И шелковую кофту цвета хаки,
И дикую, и нежную любовь
Везет он девушке из Нагасаки.

Приехал он. Спешит, едва дыша,
И узнает, что господин во фраке
Однажды вечером, наевшись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки.

1917–1921

1. Были расклеены плакаты

Дома и улицы имели обыкновенный вид. И небо с вековым своим однообразием буднично голубело над ними. И серые маски камней на мостовых были, как всегда, непроницаемы и равнодушны, когда очумелые люди, с лиц которых стекали слезы в ведерки с клейстером, расклеивали эти плакаты.

Их текст был прост, беспощаден и неотвратим. Вот он:

«Всем без исключения.

Проверка права на жизнь жителей города производится порайонно, специальными комиссиями в составе трех членов Коллегии Высшей Решимости. Медицинское и духовное исследования происходят там же. Жители, признанные ненужными для жизни, обязуются уйти из нее в течение двадцати четырех часов. В течение этого срока разрешается апеллировать. Апелляции в письменной форме передаются Президиуму Коллегии Высшей Решимости. Ответ следует не позже, чем через три часа. Над ненужными людьми, не могущими по слабости воли или вследствие любви к жизни уйти из нее, приговор Коллегии Высшей Решимости приводят в исполнение их друзья, соседи или специальные вооруженные отряды.

Примечания. 1. Жители города обязаны с полной покорностью подчиняться действиям и постановлениям членов Коллегии Высшей Решимости. На все вопросы должны даваться совершенно правдивые ответы. О каждом ненужном человеке составляется протокол-характеристика.

2. Настоящее постановление будет проведено с неуклонной твердостью. Человеческий хлам, мешающий переустройству жизни на началах справедливости и счастья, должен быть безжалостно уничтожен. Настоящее постановление касается всех без исключения граждан – мужчин, женщин, богатых и бедных.

3. Выезд из города кому бы то ни было на все время работ по проверке права на жизнь безусловно воспрещается».

2. Первые волны тревоги

– Вы читали?!

– Вы читали?!

– Вы читали?!

– Вы читали?! Вы читали?!

– Вы видели?! Слышали?!

– Читали?!

Во многих частях города стали собираться толпы. Городское движение тормозилось и ослабевало. Прохожие от внезапной слабости прислонялись к стенам домов. Многие плакали. Были обмороки. К вечеру количество их достигло огромной цифры.

– Вы читали? Какой ужас! Это неслыханно и страшно.

– Но ведь мы же сами выбрали Коллегию Высшей Решимости. Мы сами дали ей высшие полномочия.

– Да. Это верно.

– Мы сами виноваты в чудовищной оплошности!

– Да. Это верно. Мы сами виноваты. Но ведь мы хотели создать лучшую жизнь. Кто же знал, что Коллегия так просто и страшно подойдет к этому вопросу!

– Но какие имена вошли в состав Коллегии! Ах, какие имена!

– Откуда вы знаете? Разве уже опубликован список всех членов Коллегии?

– Мне сообщил один знакомый. Председателем выбран Ак!

– О! Что вы говорите! Ак? О, какое счастье!

– Да. Да. Это факт.

– Какое счастье! Ведь это светлая личность!

– О, конечно! Мы можем не беспокоиться – уйдет из жизни только действительно человеческий хлам. Несправедливостям не будет места.

– Скажите, пожалуйста, дорогой гражданин, как вы думаете – я буду оставлен в живых? Я очень хороший человек. Знаете, однажды во время крушения корабля двадцать пассажиров спасались на лодке. Но лодка не выдержала чрезмерного груза, и гибель грозила всем. Для спасения пятнадцати пятерым пришлось броситься в море. Я был в числе этих пяти. Я бросился добровольно. Не смотрите на меня недоверчиво. Теперь я стар и слаб. Но тогда я был молод и смел. Разве вы не слыхали об этом случае? О нем писали все газеты. Четверо моих товарищей погибли. Меня же спасла случайность. Как вы думаете, меня оставят в живых?

– А меня, гражданин? А меня? Я роздал бедным все свое имущество и капиталы. Это было давно. У меня есть документы.

– Не знаю, право. Все зависит от точки зрения и целей Коллегии Высшей Решимости.

– Позвольте вам сообщить, уважаемые граждане, что примитивная полезность ближним еще не оправдывает существование человека на земле. Этак всякая тупая нянька имеет право на существование. Это – старо. Как вы отстали!

– А в чем же ценность человека?

– В чем же ценность человека?

– Не знаю.

– Ах, вы не знаете! Зачем же вы лезете с объяснениями, если вы не знаете?

– Простите. Я объясняю, как умею.

– Граждане! Граждане! Смотрите! Люди бегут! Какое смятение! Какая паника!

– О сердце мое, сердце мое... А-а-а... Спасайтесь! Спасайтесь!

– Стойте! Остановитесь!

– Не увеличивайте паники!

– Стойте!

3. Бежали

Бежали по улицам толпы. Бежали краснощекие молодые мужчины с беспредельным ужасом на лицах. Скромные служащие контор и учреждений. Женихи в чистых манжетах.

Хоровые певцы из любительских союзов. Франты. Рассказчики анекдотов. Биллиардисты. Вечерние посетители кинематографов. Карьеристы, жулики с белыми лбами и курчавыми волосами. Потные добряки-развратники. Лихие пьяницы. Весельчаки, хулиганы, красавцы, мечтатели, любовники, велосипедисты. Широкоплечие спорщики от нечего делать, говоруны, обманщики, длинноволосые лицемеры, грустящие ничтожества с черными печальными глазами, за печалью которых лежала прикрытая молодостью холодная пустота. Молодые скряги с полными улыбающимися губами, беспричинные авантюристы, пенкосниматели, скандалисты, добрые неудачники, умные злодеи.

Бежали толстые женщины, многоедящие, ленивые. Худые злюки, требовательные и надоедливые, скучающие самки, жены дураков и умниц, сплетницы, изменницы, завистливые и жадные, сейчас одинаково обезображенные страхом. Гордые дуры, добрые ничтожества, от скуки красящие волосы, равнодушные развратницы, одинокие, беспомощные, наглые, просящие, умоляющие, потерявшие от ужаса все прикрывающее изящество форм.

Бежали корявые старики, толстяки, низкорослые, высокие, красивые и уродливые.

Управляющие домами, ломбардные женщины, железоторговцы, плотники, мастера, тюремщики, бакалейщики, любезные содержатели публичных домов, седоволосые осанистые лакеи, почтенные отцы семейств, округляющиеся от обманов и подлости, маститые шулера и тучные мерзавцы.

Бежали густой, стремительной, твердой и жесткой массой. Пуды тряпья окутывали их тела и конечности. Горячий пар бил изо ртов. Брань и вопли оглашали притаившееся равнодушие брошенных зданий.

Многие бежали с имуществом. Тащили скрюченными пальцами подушки, коробки, ящики. Хватали драгоценности, детей, деньги, кричали, возвращались, вздымали в ужасе руки и опять бежали.

Но их вернули. Всех. Такие же, как они, стреляли в этих, забегали вперед, били палками, кулаками, камнями, кусались и кричали страшным криком, и толпы бросались назад, оставляя убитых и раненых.

К вечеру город принял обычный вид. Трепещущие тела людей вернулись в квартиры и бросились на кровати. В тесных горячих черепах отчаянно билась короткая и острая надежда.

4. Процедура была проста

– Ваша фамилия?

– Босс.

– Сколько лет?

– Тридцать девять.

– Чем занимаетесь?

– Набиваю гильзы табаком.

– Говорите правду!

– Я говорю правду. Четырнадцать лет я честно работаю и содержу семью.

– Где ваша семья?

– Вот она. Это моя жена. А вот это сын.

– Доктор, осмотрите семью Босс.

– Слушаюсь.

– Ну, каковы?

– Гражданин Босс малокровен. Общее состояние среднее. Жена страдает головными болями и ревматизмом. Мальчик здоров.

– Хорошо. Вы свободны, доктор. Гражданин Босс, каковы ваши удовольствия? Что вы любите?

– Я люблю людей и вообще жизнь.

– Точнее, гражданин Босс. Нам некогда.

– Я люблю?... Ну что я люблю?... Я люблю моего сына... Он так хорошо играет на скрипке... Я люблю поесть, хотя, право, я не обжора... Я люблю женщин... Приятно смотреть, как по улице проходят красивые женщины и девушки... Я люблю вечером, когда устаю, отдыхать... Я люблю набивать гильзы... Могу – пятьсот штук в час... И еще многое я люблю... Я люблю жизнь...

– Успокойтесь, гражданин Босс. Перестаньте плакать. Ваше слово, психолог.

– Чепуха, коллега. Сор. Самые заурядные существа. Темперамент полуфлегматический, полусангвинический. Активность слабая. Класс последний. Надежд на улучшение нет. Пассивность 75 %. Мадам Босс еще ниже. Мальчик пошляк, но, может быть... Сколько лет вашему сыну, гражданин Босс? Перестаньте плакать.

– 13 лет...

– Не беспокойтесь. Сын ваш пока останется. Отсрочка на пять лет. А вы... Впрочем, это не мое дело. Решайте, коллега.

– Именем Коллегии Высшей Решимости в целях очищения жизни от лишнего человеческого хлама, безразличных существ, замедляющих прогресс, приказываю вам, гражданин Босс, и вашей жене оставить жизнь в 24 часа. Тише! Не кричите! Санитар, успокойте женщину. Позовите стражу. Они вряд ли обойдутся без ее помощи.

5. Характеристики ненужных

сохранялись в сером шкафу

Серый Шкаф стоял в коридоре, в главном управлении Коллегии Высшей Решимости. У него был обыкновенный, солидный, задумчиво-глуповатый вид, как у всех шкафов. Он не имел ни в ширину, ни в высоту трех аршин, но был могилой нескольких десятков тысяч жизней. На нем красовались две коротеньких надписи: «Каталог ненужных» и «Характеристики-протоколы».

В каталоге было много отделов и, между прочим, такие: «Воспринимающие впечатления, но не разбирающиеся», «Мелкие последователи», «Пассивные», «Без центров». И так далее.

Характеристики были кратки, объективны. Впрочем, иногда попадались и резкие выражения, и тогда на обороте неизменно алел красный карандаш председателя Коллегии Ака, отмечавший, что бранить ненужных не следует.

Вот несколько характеристик.

Ненужный № 14741.

Здоровье среднее. Ходит к знакомым, не будучи нужен или интересен им. Дает советы. В расцвете сил соблазнил какую-то девушку и бросил ее. Самым крупным событием в жизни считает приобретение мебели для своей квартиры после женитьбы. Мозг вялый, рыхлый. Работоспособности нет. На требование рассказать самое интересное, что он знает о жизни, что ему пришлось видеть, – он рассказал о ресторане «Квиссисана» в Париже. Существо простейшее. Разряд низших обывателей. Сердце слабое. – В 24 часа.

Ненужный № 14623.

Работает в бондарной мастерской. Класс – посредственный. Любви к делу нет. Мысль во всех областях идет по пути наименьшего сопротивления. Физически здоров, но душевно болен болезнью простейших: боится жизни. Боится свободы. По праздникам, когда свободен, одурманивается алкоголем. Во время революции проявлял энергию: носил красный бант, закупал картофель и все, что можно было: боялся, что не хватит. Гордился рабочим происхождением. Активного участия в революции не принимал, боялся. Любит сметану. Бьет детей. Темп жизни ровно-унылый. – В 24 часа.

Ненужный № 15201.

Знает восемь языков, но говорит то, что скучно слушать и на одном. Любит мудреные заповни и заживалки. Очень самоуверен. Самоуверенность черпает из знания языков. Требуется уважения. Сплетничает. К живой, настоящей жизни по-волоськи равнодушен. Боится нищих. Сладок в обращении из трусости. Любит убивать мух и других насекомых. Радость испытывает редко. – В 24 часа.

Ненужная № 4356.

Кричит на прислугу от скуки. Тайно съедает пенку от молока и первый жирный слой бульона. Читает бульварные романы. Валяется по целым дням на кушетке. Самая глубокая мечта: сшить платье с желтыми рукавами и оттопыренными боками. Двенадцать лет ее любил талантливый изобретатель. Она не знала, чем он занимается, и думала, что он электротехник. Бросила его и вышла замуж за кожевенного торговца. Детей не имеет. Часто беспричинно капризничает и плачет. По ночам просыпается, велит ставить самовар, пьет чай и ест. Ненужное существование. – В 24 часа.

6. За работой

Вокруг Ака и Коллегии Высшей Решимости образовалась толпа служащих-специалистов. Это были доктора, психологи, наблюдатели и писатели. Все они необычайно быстро работали. Бывали случаи, когда в какой-нибудь час несколько специалистов отправляли на тот свет добрую сотню людей. И в Серый Шкаф летела сотня характеристик, в которых четкость выражений соперничала с беспредельной самоуверенностью их авторов.

В главном управлении с утра до вечера кипела работа. Уходили и приходили квартирные комиссии, уходили и приходили отряды исполнителей приговоров, а за столами, как в огромной редакции, десятки людей сидели и писали быстрыми, твердыми, не

размышляющими руками.

Ак же смотрел на все это узкими, крепкими, непроницаемыми глазами и думал одному ему понятную думу, от которой горбилось тело и все больше и больше седела его большая, буйная, упрямая голова.

Что-то нарастало между ним и его служащими, что-то стало как будто между его напряженной, бессонной мыслью и слепыми, не размышляющими руками исполнителей.

7. Сомнения Ака

Как-то члены Коллегии Высшей Решимости пришли в управление, намереваясь сделать Аку очередной доклад.

Ака на обычном месте не оказалось. Искали его и не нашли. Посылали, звонили по телефону и тоже не нашли.

Только через два часа случайно обнаружили в Сером Шкафу.

Ак сидел в Шкафу на могильных бумагах убитых людей и с небывалым даже для него напряжением думал.

– Что вы тут делаете? – спросили Ака.

– Вы видите, я думаю, – устало ответил Ак.

– Но почему же в Шкафу?

– Это самое подходящее место. Я думаю о людях, а думать о людях плодотворно можно непосредственно на актах их уничтожения. Только сидя на документах уничтожения человека, можно изучать его чрезвычайно странную жизнь.

Кто-то плоско и пусто засмеялся.

– А вы не смейтесь, – насторожился Ак, взмахнув чьей-то характеристикой, – не смейтесь. Кажется, Коллегия Высшей Решимости переживает кризис. Изучение погибших людей навело меня на искание новых путей к прогрессу. Вы все научились кратко и ядовито доказывать ненужность того или иного существования. Даже самые бездарные из вас в нескольких фразах убедительно доказывают это. И я вот сижу и думаю о том, правилен ли наш путь?

Ак опять задумался, затем горько вздохнул и тихо произнес:

– Что делать? Где выход? Когда изучаешь живых людей, то приходишь к выводу, что три четверти из них надо вырезать, а когда изучаешь зарезанных, то не знаешь: не следовало ли любить их и жалеть? Вот где, по-моему, тупик человеческого вопроса, трагический тупик человеческой истории.

Ак скорбно умолк и зарылся в гору характеристик мертвецов, болезненно вчитываясь в их протокольно-жуткую немногословность.

Члены Коллегии отошли. Никто не возражал. Во-первых, потому, что возражать Аку было бесполезно. Во-вторых, потому, что возражать ему не смели. Но все чувствовали, что назревает новое решение, и почти все были недовольны: налаженное дело, ясное и определенное, очевидно, придется менять на другое. И на какое?

Что еще выдумает этот выживший из ума человек, у которого была над городом такая неслыханная власть?

Ак исчез.

Он всегда исчезал, когда впадал в раздумье. Его искали всюду и не находили. Кто-то говорил, что Ак сидит за городом на дереве и плачет. Затем говорили, что Ак бегаёт в своем саду на четвереньках и грызет землю.

Деятельность Коллегии Высшей Решимости ослабела. С исчезновением Ака что-то не клеилось в ее работе. Обыватели надевали на двери своих квартир железные засовы и попросту не пускали к себе проверочные комиссии. В некоторых районах на вопросы членов Коллегии о праве на жизнь отвечали хохотом, а были и такие случаи, когда ненужные люди хватали членов Коллегии Высшей Решимости, проверяли у них право на жизнь и издевательски писали характеристики-протоколы, мало отличающиеся от тех, которые хранились в Сером Шкафу.

В городе начался хаос. Ненужные, ничтожные люди, которых еще не успели умертвить, до того обнаглели, что стали свободно появляться на улицах, начали ходить друг к другу в гости, веселиться, предаваться всяким развлечениям и даже вступать в брак.

На улицах поздравляли друг друга:

– Кончено! Кончено! Ура!

– Проверка права на жизнь прекратилась.

– Не находите ли вы, гражданин, что приятней стало жить? Меньше стало человеческого хлама! Даже дышать стало легче.

– Как вам не стыдно, гражданин! Вы думаете, что ушли из жизни только те, кто не имел права на жизнь? О! Я знаю таких, которые не имеют права жить даже один час, а они живут и будут жить годами, а, с другой стороны, сколько погибло достойнейших личностей! О, если бы вы знали!

– Это ничего не значит. Ошибки неизбежны. Скажите, вы не знаете, где Ак?

– Не знаю.

– Ак сидит за городом на дереве и плачет.

– Ак бегаёт на четвереньках и грызет землю.

– И пускай плачет!

– Пускай грызет землю!

– Рано радуетесь, граждане! Рано! Ак сегодня вечером возвращается, и Коллегия Высшей Решимости опять начнет работать.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю! Хлама человеческого еще слишком много осталось. Надо еще чистить, и чистить, и чистить!

– Вы очень жестоки, гражданин!

– Наплевать!

– Граждане! Граждане! Смотрите! Смотрите!

– Расклеивают новые плакаты.

– Смотрите!

– Граждане! Какая радость! Какое счастье!

– Граждане, читайте!

– Читайте!

- Читайте! Читайте!
- Читайте!!!

9. Были расклеены плакаты

По улицам бежали запыхавшиеся люди, с ведерками, полными клейстера. Пачки огромных розовых плакатов с радостным трескучим шелестом разворачивались и прилипали к стенам домов. Их текст был отчетлив, ясен и так прост. Вот он:

«Всем без исключения.

С момента опубликования настоящего объявления всем гражданам города разрешается жить. Живите, плодитесь и наполняйте землю. Коллегия Высшей Решимости выполнила свои суровые обязанности и переименовывается в Коллегию Высшей Деликатности. Вы все прекрасны, граждане, и права ваши на жизнь неоспоримы.

Коллегия Высшей Деликатности вменяет в обязанность особым комиссиям в составе трех членов обходить ежедневно квартиры, поздравлять их обитателей с фактом существования и записывать в особых «Радостных протоколах» свои наблюдения.

Члены комиссии имеют право опрашивать граждан, как они поживают, и граждане могут, если желают, отвечать подробно. Последнее желательно. Радостные наблюдения будут сохранены в Розовом Шкафу для потомства».

10. Жизнь стала нормальной

Открылись двери, окна, балконы. Громкие человеческие голоса, смех, пение и музыка вырывались на улицу из них. Толстые, неспособные девушки учились играть на пианино. С утра до ночи рычали граммофоны. Играли также на скрипках, кларнетах и гитарах. Мужчины по вечерам снимали пиджаки, сидели на балконах, растопырив ноги, и икали от удовольствия. Городское движение необычайно усилилось. Мчались на извозчиках и автомобилях молодые люди с дамами. Никто не боялся появляться на улице. В кондитерских и лавочках сладостей продавали пирожные и прохладительные напитки. В галантерейных магазинах шла усиленная продажа зеркал. Люди покупали зеркала и с удовольствием смотрелись в них. Художники и фотографы получали заказы на портреты. Портреты вставлялись в рамы, и ими украшали стены квартир. Из-за таких портретов даже случилось убийство, о котором много писали в газетах. Какой-то молодой человек, снимавший в чьей-то квартире комнату, потребовал, чтобы из его комнаты были убраны портреты родителей квартирохозяев. Хозяева обиделись и убили молодого человека, выбросив его на улицу с пятого этажа.

Чувство собственного достоинства и себялюбие вообще сильно развились. Стали обычным явлением всякие столкновения и дразги. В этих случаях, наряду с обычной бранью, донимали друг друга и таким, ставшим трафаретным, диалогом:

– Вы, видно, по ошибке живете на свете? Как видно, Коллегия Высшей Решимости весьма слабо работала...

– Очень даже слабо, если остался такой субъект, как вы...

Но, в общем, дразги были незаметны в нормальном течении. Люди улучшали стол,

варили варенье. Увеличивался спрос на теплое вязаное белье, так как все очень дорожили своим здоровьем.

Члены Коллегии Высшей Деликатности аккуратно обходили квартиры и опрашивали обывателей, как они проживают.

Многие отвечали, что хорошо, и даже заставляли убеждаться в этом.

– Вот, – говорили они, самодовольно усмехаясь и потирая руки, – солим огурчики, хе-хе... И маринованные селедочки есть... Недавно взвешивался, полпуда прибавилось веса, слава Богу...

Другие жаловались на неудобства и сетовали, что мало работала Коллегия Высшей Решимости:

– Понимаете, еду я вчера в трамвае и – представьте себе! – нет свободного места... Безобразие какое! Пришлось стоять и мне, и моей супруге! Много еще осталось лишнего народа. Толкутся всюду, толкутся, а чего толкутся – так черт их знает! Напрасно не убрали в свое время...

Третьи возмущались:

– Имейте в виду, что в четверг и в среду меня никто не поздравлял с фактом существования! Это нахальство! Что же это такое? Может быть, мне к вам ходить за поздравлением, что ли?!

11. Конец рассказа

В канцелярии Ака, как и раньше, кипела работа: сидели люди и писали. Розовый Шкаф был полон радостными протоколами и наблюдениями. Подробно и тщательно описывались именины, свадьбы, гулянья, обеды и ужины, любовные истории, всякие приключения, и многие протоколы приобрели характер и вид повестей и романов. Жители просили членов Коллегии Высшей Деликатности выпускать их в виде книг, и этими книгами зачитывались.

Ак молчал.

Он только еще более сгорбился и поседел.

Иногда он забирался в Розовый Шкаф и подолгу сидел в нем, как раньше сживал в Сером Шкафу.

А однажды Ак выскочил из Розового Шкафа с криком:

– Резать надо! Резать! Резать! Резать!

Но увидев белые, быстро бегущие по бумаге руки своих служащих, которые теперь столь же ревностно описывали живых обывателей, как раньше мертвых, махнул рукой, выбежал из канцелярии – и исчез.

Исчез навсегда.

Было много легенд об исчезновении Ака, всякие передавались слухи, но Ак так и не нашелся.

И люди, которых так много в том городе, которых сначала резал Ак, а потом пожалел, а потом опять хотел резать, люди, среди которых есть и настоящие, и прекрасные, и много хлама людского, – до сих пор продолжают жить так, точно никакого Ака никогда не было и никто никогда не поднимал великого вопроса о праве на жизнь.

У моря

Утро. Море. В море парус.
Чтоб сравнений не искать,
Море, скажем, как стеклярус.
Тишина и благодать.
Человек закинул сети
И веслом не стал грести.
До чего же рыбы эти
Дуры, Господи прости!..
Ну о чем ты, рыба, гредишь
В этой бездне голубой?
Видишь, кажется, а лезешь,
А другие за тобой.
И, как дважды два четыре,
Зашипишь в сковороде...
Где ж прогресс в животном мире,
Где, я спрашиваю, где?!

Из собрания объявлений

Продается обстановка —
Крюк от лампы и веревка.

* * *

Одинок. Томлюся. Стражду.
Скромности образчик.
Переписываться жажду
Через почтовый ящик.

* * *

Спец по теплым некрологам.
Обладаю легким слогом.

Афоризмы

Декольте – это только часть истины.

* * *

Эмиграция напоминает сыр со слезой: сыр слопал, слеза осталась.

* * *

Волосы – как друзья: седеют и редеют.

* * *

Живите так, чтобы другим стало скучно, когда вы умрете.

* * *

Улыбайтесь на всякий случай, случай всегда найдется...

* * *

У фальшивомонетчиков есть одна хорошая черта: они не ищут популярности.

* * *

Тише ешь – дольше бушь!

* * *

Верх невезения: быть спущенным с лестницы и не успеть хлопнуть дверью.

* * *

Шумит, гудит Гвадалквивир
В кромешной тьме ночной.
Шумит о том на целый мир,

Что он не Днепрострой.

Но будет некогда пора,
Перевернется мир...
И в русло потечет Днепра
Река Гвадалквивир.

И огнедышащий брюнет
С гитарой под полой
Прославит радость новых лет —
Гвадалквивирострой...

* * *

Был ход вещей уже разгадан.
Народ молчал и предвкушал.
Советский строй дышал на ладан,
Хотя и медленно дышал...

Но власть идей была упряма,
И понимал уже народ,
Что ладан вместо фимиама
Есть, несомненно, шаг вперед.

* * *

Чем живешь на свете дольше,
Тем вождей хоронишь больше.

* * *

«Мы увидим небо в звездах...»,
Так как все взлетим на воздух.

* * *

Говорят, что один посетитель,

Мавзолей посетивши, сказал:
– Укажи мне такую обитель,
Где бы русский мужик не лежал!

Самозпитафия

Здесь погребен веселый шелкопер.
Почти поэт, но не поэт, конечно.
Среди планет беспечный метеор,
Чей легкий свет проходит быстротечно.
Он мог бы и бессмертие стяжать.
Но на ходу напишешь разве книжку?!
А он бежал. И он устал бежать.
И добежал до кладбища вприпрыжку.

Рис. А. Цалюка

Валентин Катаев

Рассказы и фельетоны

Бородатый малютка

Год тому назад, приступая к изданию еженедельного иллюстрированного журнала, редактор был бодр, жизнерадостен и наивен, как начинающая стенографистка.

Редактора обуревали благие порывы, и он смотрел на мир широко раскрытыми детскими голубыми глазами.

Помнится мне, этот нежный молодой человек, щедро оделив всех сотрудников авансами, задушевно сказал:

– Да, друзья мои! Перед нами стоит большая и трудная задача. Нам с вами предстоит создать еженедельный иллюстрированный советский журнал для массового чтения. Ничего не поделаешь. По нэпу жить – по нэпу и выть, хе-хе!..

Сотрудники одобрительно закивали головами.

– Но, дорогие мои товарищи, прошу обратить особенное внимание, что журнал у нас должен быть все-таки советский... красный, если так можно выразиться. А поэтому – ни-ни! Вы меня понимаете? Никаких двухголовых телят! Никаких сенсационных близнецов! Новый, советский, красный быт – вот что должно служить для нас неиссякающим материалом. А то что же это? Принесут портрет собаки, которая курит папиросы и читает вечернюю газету, и потом печатают вышеупомянутую собаку в четырехстах тысячах экземпляров. К черту собаку, которая читает газету!

– К черту! Собаку! Которая! Читает! Газету!!! – хором подхватили сотрудники, отправляясь в пивную.

Это было год тому назад.

Раздался телефонный звонок. Редактор схватил трубку и через минуту покрылся очень красивыми розовыми пятнами.

– Слушайте! – закричал он. – Слушайте все! Появился младенец! С бородой! И с усами! Это же нечто феерическое! Фотографа! Его нет? Послать за фотографом автомобиль!

Через четверть часа в редакцию вошел фотограф.

– Поезжайте! – задыхаясь, сказал редактор. – Поезжайте поскорее! Поезжайте снимать малютку, у которого есть борода и усы. Сенсация! Сенсация! Клянусь бородой малютки, что мы подыдем тираж вдвое. Главное только, чтобы наши конкуренты не успели перехватить у нас бородатого малютку.

– Не беспокойтесь, – сказал фотограф. – Мы выходим в среду, а они – в субботу. Малютка будет наш. Мы первые покажем миру бакенбарды малютки.

Но те, которые выходили в субботу, были тоже не лыком шиты. Впрочем, об этом мы узнаем своевременно.

На следующий день редактор пришел в редакцию раньше всех.

– Фотограф есть? – спросил он секретаря.

– Не приходил.

Редактор нетерпеливо закурил и, чтобы скрасить время ожидания, позвонил к тем, которые выходили в субботу:

– Алло! Вы ничего не знаете?

– А что такое? – наивно удивился редактор тех.

– Младенец-то с бородой, а?

– Нет, а что такое?

– И с усами. Младенец.

– Ну да. Так в чем же дело?

– Портретик будете печатать?

– Будем. Отчего же.

– В субботу, значит?

– Разумеется, в субботу. Нам не к спеху.

– А мы – в среду... хи-хи!

– В час добрый!

Редактор повесил трубку.

– Ишь ты! «Мы, говорит, не торопимся». А сам, небось, лопается от зависти. Шутка ли!

Младенец с бородой! Раз в тысячу лет бывает!

Вошел фотограф.

– Ну что? Как? Показывайте!

Фотограф пожал плечами.

– Да ничего особенного. Во-первых, ему не два года, а пять. А во-вторых, у него никакой бороды нет. И усов тоже. И бакенбардов нету тоже. Пожалуйста!

Фотограф протянул редактору карточку.

– Гм... Странно... Мальчик как мальчик. Ничего особенного. Жалко. Очень жалко.

– Я же говорил, – сказал фотограф, – некуда было торопиться. И мальчику только беспокойство. Все время его снимают. Как раз передо мной его снимал фотограф этих самых, которые выходят в субботу. Такой нахальный блондин. Верите ли, целый час его снимал. Никого в комнату не впускал.

Редактор хмуро посмотрел на карточку малютки.

– Тут что-то не так, – сказал он мрачно. – Мне Подражанский лично звонил по телефону, и я не мог ошибиться. Говорят, большая черная борода. И усы... тоже черные... большие... Опять же бакенбарды... Не понимаю.

Редактор тревожно взялся за телефонную трубку.

– Алло! Так, значит, вы говорите, что помещаете в субботу портрет феноменального малютки?

– Помещаем.

– Который с бородой и с усами?

– Да... И с бакенбардами... Помещаем... А что такое?

– Гм... И у вас есть карточка? С усами и с бородой?

– Как же! И с бакенбардами. Есть.

Редактор похолодел.

– А почему же, – пролепетал он, – у меня... мальчик без усов... и без бороды... и без бакенбардов?

– А это потому, что наш фотограф лучше вашего.

– Что вы этим хотите сказать?... Алло! Алло! Черт возьми! Повесил трубку. Негодяй!

Редактор забежал по кабинету и остановился перед фотографом.

– Берите автомобиль. Поезжайте. Выясните. Но если окажется, что они ему приклеили бороду, то я составлю протокол и пригвозжу их к позорному столбу, то есть пригвоздую...

Поезжайте!

Редактор метался по кабинету, как тигр. Через час приехал фотограф.

– Ну? Что?

Фотограф, пошатываясь, подошел к стулу и грузно сел. Он был бледен, как свежий труп.

– Выяснили?

– В-выяснил, – махнул рукой фотограф и зарыдал.

– Да говорите же! Не тяните! Фу! Приклеили бороду?

– Хуже!..

– Ну что же? Что?

– Они сначала... сфотографировали бородатого младенца... а потом... побрили его!..

Редактор потерял сознание. Очнувшись, он пролепетал:

– Наш... советский... красный малютка с бородой... И побрили! Я этого не вынесу...

Боже! За что я так мучительно несчастлив?!

1924

Чудо кооперации

Гражданка Полякова застенчиво подошла к столу народного судьи и аккуратно положила на него небольшой, но чрезвычайно пискливый сверток.

– Подозрений ни на кого не имеете? – деловито поинтересовался судья.

– Имею подозрение на Кузнецова.

– Ага! Гражданин Кузнецов, подойдите.

На задних скамьях послышалось тяжелое сопение, и белобрысый парень выдвинулся вперед.

– Есть! – сказал он, угрюмо вздохнув.

– Гражданин Кузнецов, – строго спросил судья, – признаете?

– Чего-с?

– Вещественное доказательство, говорю, признаете? Ребенок ваш?

– Никак нет. Не мой.

– Однако гражданка Полякова имеет на вас подозрение. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Кузнецов переступил с ноги на ногу и мрачно заметил:

– Подозрение признаю... А ребенка – никак нет... Не признаю.

– Значит, вы утверждаете, что между вами и гражданкой Поляковой ничего не происходило?

– Так точно, происходило.

– Ага! Раз между вами и гражданкой Поляковой... происходило, значит, ребенок ваш?

– Никак нет, не мой.

– Вы меня удивляете, гражданин Кузнецов, – сказал судья, вытирая вспотевший лоб. –

Если это не ваш ребенок, так чей же он?

Кузнецов глотнул воздух и с трудом выдавил из себя:

– Не иначе как Титушина.

– А-а-а! Гражданин Титушин, подойдите сюда. Между вами и гражданкой Поляковой что-нибудь происходило?

– Происходило, – робко сказал Титушин. – А ребенок – не мой.

- Подозрение ни на кого не имеете?
- Имею. На Жемарина.
- Гражданин Жемарин! Происходило?
- Происходило.
- Признаете?
- Не признаю. Имею подозрение на Соловьева.

Судья залпом выпил стакан воды.

- Соловьев!
- Есть.
- Происходило?
- Происходило.
- Признаете?
- Не признаю.
- Подозрений ни на кого не имеете?

- Имею.
- На кого?
- На Кузнецова.
- Гражданин Кузнецов!
- Есть.

– Ах, это вы – Кузнецов... Я уже вас, кажется, допрашивал?

– Так точно. Допрашивали. Происходить происходило, а ребенок не мой.

– Так чей же он, черт возьми?! – захрипел судья, покрываясь разноцветными пятнами и ударя кулаком по чернильнице. – Моего секретаря он, что ли?

Секретарь смертельно побледнел и выронил ручку.

– Происходить происходило, – пролепетал секретарь, – а только ребенок не мой...

– Хорошо, – воскликнул судья, – в таком случае я знаю, что мне надо делать!

С этими словами он удалился на совещание.

И так далее, и так далее, и так далее... Ввиду всего изложенного выше, а также принимая во внимание существующие законоположения о кооперации, признать вышеупомянутого младенца мужского пола ко-о-пе-ра-тивным, а граждан Кузнецова, Титушина, Жемарина, Соловьева и секретаря Гелиотропова – членами правления одного кооперативного малютки. Означенных граждан кооператоров обязать своевременно вносить «членский» взнос. Малютке же впредь присваивается кооперативная фамилия Кузтижемсолов и имя – Секретарь.

Гражданка Полякова застенчиво взяла со стола пискливый кооператив, вежливо поклонилась судье и, сияя большими голубыми глазами, удалилась.

Примечание. Нарсуд 3-го участка Каширского уезда села Иванково признал отцами родившегося у гражданки Поляковой ребенка – Кузнецова, Титушина, Жемарина и Соловьева.

1924

Игнатий Пуделякин

На прошлой неделе мой друг художник Игнатий Пуделякин наконец возвратился из кругосветного путешествия, которое он совершил «с целью познакомиться с бытом и культурой Западной Европы и Северной Америки, а также сделать серию эскизов и набросков флоры, фауны и архитектуры упомянутых выше стран и вообще», как было собственной Пуделякина рукою написано в соответствующей анкете.

Надо признаться, что в обширной истории мировых кругосветных путешествий научное турне Пуделякина занимает далеко не последнее место. Поэтому я считаю своим нравственным долгом поведать всему цивилизованному человечеству историю о том, как путешествовал мой друг художник Игнатий Пуделякин вокруг света.

Еще задолго до отъезда Пуделякина вокруг света я сказал Пуделякину:

– Ты бы себе, Пуделякин, туфли новые купил. Гляди, Пуделякин, у тебя пальцы из обуви наружу выглядывают. Что подумают о тебе, Пуделякин, Западная Европа и Северная Америка? От людей за тебя, Пуделякин, совестно!

Однако у Пуделякина, по-видимому, была своя точка зрения на общественное мнение Западной Европы и Северной Америки. Не такой был человек Игнатий Пуделякин, чтобы унывать. Наоборот, Игнатий Пуделякин загадочно усмехнулся и зашипел:

– Ни хрена! Туфли – это пустяк. Главное – визы. А пальцы пускай, если хотят, выглядывают, это их частное дело. Вот приеду в Европу – в Европе, между прочим, обувь дешевая. Замечательные штиблеты – восемь рублей на наши деньги. Факт!

На вокзале я нежно обнял Пуделякина.

– Смотри же, не забывай, пиши. На твою долю выпало редкое счастье – объехать вокруг света. Не упускай случая.

– Уж не упущу, – задумчиво подтвердил Пуделякин. – Будьте уверены.

Я прослезился.

– Ну, всего тебе, Пуделякин, доброго! Я с нетерпением буду ожидать от тебя открыток. Пиши обо всем, не упускай ни одной подробности. Опиши сиреневые огни Парижа, когда весенние сумерки ласково окутывают мощный скелет Эйфелевой башни, опиши жемчужные струи Рейна, опиши величественные очертания римского Колизея и геометрическую мощь Бруклинского моста в Нью-Йорке. Не забудь, Пуделякин, также загадочного сфинкса и трансатлантического парохода, на борту которого тебе, Пуделякин, предстоит пересечь Атлантический океан.

– Уж не забуду, – бесшабашно пообещал Пуделякин, нетерпеливо двигая большим пальцем правой ноги, выглядывающим из совершенно дырявой туфли. – Мне бы только до

Европы дорваться, а там – ого-го!

– Смотри же, Пуделякин! Я твердо рассчитываю, Пуделякин, на тебя. Я надеюсь, Пуделякин, что от твоего зоркого глаза не укроется ничто: ни желтые воды Тибра, когда, колеблемые смуглым ветром долин, они струятся широким потоком, который...

– Уж не укроется, будьте уверены, – сказал Пуделякин и уехал в Западную Европу и Северную Америку.

Пуделякин сдержал свое обещание. Через неделю я получил от Пуделякина первую открытку.

«Дорогой Саша! Ура! ура! ура! Наконец-то я в Западной Европе, которая так необходима для расширения моего умственного кругозора. Вчера приехал в Варшаву. Первым делом, прямо с вокзала, отправился покупать штиблеты. Дешевизна феноменальная. Пара прекрасных штиблет на наши деньги стоит (можешь себе представить!) всего десять рублей. Нечто совершенно фантастическое! У нас таких и за сорок не найдешь. Впрочем, штиблеты не купил. Говорят, в Вене штиблеты вдвое дешевле и втрое лучше. Ужасно рад, что наконец-то в Западной Европе! Целую тебя нежно. В Варшаве дожди. Завтра выезжаю в Вену.

Твой Пуделякин».

«Здорово, Сашка! Пишу тебе из Вены. Действительно феноменально. Ботиночки что надо. Красота: девять целковых на наши деньги. Хотя, говорят, в Берлине еще дешевле и лучше. Так что пока не купил. В 9.40 выезжаю в Берлин. Лучше подождать сутки, но зато купить действительно вещь, не правда ли? А хорошо в Западной Европе, черт ее подери, только удобств маловато: на улицах, например, осколки всякие валяются, и я здорово порезал себе на левой ноге пятку. Впрочем, Вена – городок что надо! Ну, пока.

Твой Пуделякин».

«Саша! Штиблеты – семь целковых на наши деньги! Феерия! Хотя, говорят, в Гамбурге вполонину дешевле. Думаю смотаться в Гамбург, зверинец кстати посмотрю. Семь целковых, а? Это тебе не ГУМ. Ну, пока.

Твой Пуделякин».

«Понимаешь, какая неприятность: приехал в Гамбург в субботу вечером, магазины закрыты. Все воскресенье как дурак проторчал в номере, никуда не выходил. В ресторан почему-то не пустили. Едва дождался понедельника. Штиблеты действительно феноменально дешевые. На наши деньги что-то рублей шесть. Невероятно, но факт! Один русский сказал, что в Бельгии обувь можно приобрести буквально задаром. Подожду до Льежа. Не горит. Пока.

Пуделякин».

«Пишу из Парижа. Штиблеты – четыре рубля на наши деньги. В Марселе еще дешевле. Сижу по случаю дождя дома. Вечером выезжаю в Марсель. Пока.

Пуделякин».

«Чуть было не купил штиблеты в Марселе. Вечером выезжаю в Неаполь. Там, говорят, феноменально дешевая обувь. А еще все кричат, что Италия – земледельческая страна. Мостовые в Марселе плохие – все ноги побил к чертовой матери. Пока.

Пуделякин».

«Неаполь. Обувь не стоит выплываю Индию феноменально.

Пуделякин».

«Бомбей. Похабные мостовые штиблеты бесценок Америка дешевле понедельник Сан-Франциско.

Пуделякин».

«Чикаго. Штиблеты гроши умоляю телеграфом 300 Мельбурн феноменально разоренный.

Пуделякин».

Я послал Пуделякину триста. После того прошло четыре месяца. О Пуделякине не было ни слуху ни духу. В начале пятого я получил от Пуделякина открытку из Одессы. Вот она:

«Дорогой Саша! Чуть было не купил в Константинополе обувь. Феноменально дешево! Что-то полтора рубля на наши деньги. Однако, спасибо, встретил одного человека. Узнав, что я русский и иду покупать обувь, он всплеснул руками и воскликнул: «Милый! Вы с ума сошли! Россия – это же классическая страна кожи! В Тверской губернии есть уезд, где все население занимается исключительно выработкой хорошей и дешевой обуви!»

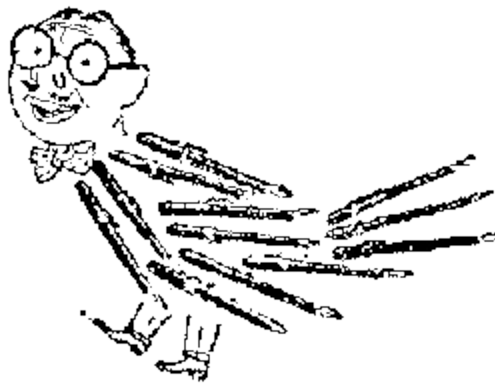
Думаю смотаться в Кимры. Кстати, это недалеко от Москвы. В Константинополе собак не так уж и много. Ноги, представь себе, привыкли. Пожалуйста, продай мой синий костюм за шестьдесят рублей и выши деньги телеграфом. В пятницу выезжаю в Кимры. Целую тебя нежно.

Пуделякин».

На днях я видел большую красивую афишу, где сообщалось, что известный Игнатий Пуделякин прочтет лекцию о Западной Европе и Северной Америке. Тезисы были заманчивы.

Но я не пошел на лекцию Пуделякина...

...Где-то ты теперь читаешь, Пуделякин? Ау, Пуделякин!..

Мрачный случай

Председатель правления побегал рысью по кабинету и снова тяжело опустился в кресло. – Так что же, товарищи, делать? Как быть? Быть-то как?

Члены тяжело молчали. Председатель прочно взял себя за волосы и зашептал:

– Боже... Боже... Как быть? Быть-то как? В понедельник кассир «Химвилки» спер двенадцать тысяч наличными и бежал. Во вторник главбух «Красного мела» постарался... восемь тысяч... подложный ордер... Бежал... Третьего дня – «Иголки-булавки». Артельщик... Десять тысяч спер... Бежал... Позавчера и вчера целый день крали в соседнем кооперативе – двадцать одну тысячу сперли. Заведующий и председатель бежали... О Боже! На нашей улице кроме нас один только «Дело табак» и остался нерастраченный. Так сказать... положение угро...

В этот момент в кабинет ворвался курьер Никита.

– Так что, – сказал он одним духом, – который кассир из треста «Дело табак» только что пятнадцать тысяч на извозчике упер на вокзал!

Повисло тягостное молчание.

– Я так и предчувствовал, – глухо зашептал председатель, покрываясь смертельной бледностью, – так и предчувствовал... Ну-с, товарищи... Теперь, значит, мы... на очереди... Больше некому... Мы одни не этого самого...

Председатель снова забежал по кабинету, тревожно поглядывая на часы.

– Что же делать? Боже, что же делать? Никита, позови бухгалтера и кассира. Только, ради Бога, поскорее. А то знаешь, Никита... это самое... Ну, голубчик, беги!

Через пять минут в кабинет с достоинством вошли бухгалтер и кассир.

– Милые вы мои! Дорогие друзья! – воскликнул радостно председатель правления. – Как это мило с вашей стороны, что зашли! Что же вы не садитесь? Никита, стулья!.. Впрочем, что это я! Никита, кресла! Чайку? Кофейку? Иван Иванович, вам сколько кусочков сахара? Павел Васильевич, а лимончику чего же не берете? Лимончик, знаете ли, согласно последним научным данным, весьма и весьма способствует, это самое... внутренней секреции... как говорится, в той стране, где зреют апельсины. Хе-хе-с...

Председатель вплотную придвинулся к бухгалтеру и кассиру, сердечно взял их за руки и, задумчиво заглянув им в глаза, вкрадчиво сказал:

– А ведь «Дело табак» того... Пятнадцать тысяч... На извозчике... Кассир... Увез, знаете...

Бухгалтер и кассир молчали.

– Увез, знаете ли... – тоскливо сказал председатель. – Прямо, знаете ли, сел на извозчика и – тово... Одни мы теперь на всей улице, так сказать, и остались...

Бухгалтер и кассир молчали.

– Дорогие мои друзья Иван Иванович и Павел Васильевич! – воскликнул председатель с полными слез глазами. – Голубчики вы мои! На вас вся наша надежда! На вас, так сказать, с любовью и упованием смотрит все правление... Не надо, милые! Ей-богу, не надо! Стоит ли мараться? Какая у нас наличность! Ерунда! Какие-нибудь одиннадцать тысяч!

– Двенадцать с половиной, – хрипло сказал кассир.

– Ну вот видите! – оживился председатель. – Двенадцать с половиной... Я еще понимаю, если бы там было тысяч тридцать-сорок! А то двенадцать! Ей-богу, милые, не стоит. Ну, прошу вас! Не как начальник подчиненных... Боже меня сохрани! А как человек человек прошу! Не делайте этого. Не надо. Ну, даете слово?

Кассир и бухгалтер молчали, косо глядя в землю. Председатель тоскливо махнул рукой:

– Ну, идите!

– Товарищи, вы заметили, какие глаза у кассира?

– Н-да... Странноватые глаза. У бухгалтера тоже... как-то подозрительно бегают... Ох!

– Ну что же делать? Делать-то что? Степан Адольфович, будьте любезны, спуститесь вниз, в кассу, и поглядите там за ними. Будто бы нечаянно зашли, а на самом деле того... присматривайте. Ну, с Богом. Никита! Беги вниз, гони в шею к чертовой матери всех извозчиков от подъезда!

– Товарищи, а вы заметили, какие глаза у Степана Адольфовича?

– К... к... какие? – побледнел председатель.

– А такие... странноватые... И у Никиты тоже... как-то подозрительно бежали...

– Боже, Боже! – застонал председатель. – Голубчик, Влас Егорович, на вас, как на каменную гору... Сбегайте в кассу. Поглядите за Степаном Адольфовичем. И за Никитой. И чтоб извозчиков к чертовой матери. Бегите, золотко!

– Глаза видели у Власа Егоровича?

– Видел. Странноватые...

– Гм... Николай Николаевич... Сбегайте, милый, посмотрите. И чтоб извозчиков всех к черту...

– Боже! Что же делать? Делать-то что?

– Придумал! – закричал секретарь. – Ей-богу, придумал! Спасены! Скорее! Торопитесь. Всю наличность кассы наменять на медь. Чтоб по три копейки все двенадцать тысяч были. Десять больших мешков! Пусть-ка попробуют сопрут! Пудов сорок! Ха-ха!

– Душечка, дайте я вас поцелую! Ура! Ура! Ура! Пошлите курьеров во все лавки, учреждения, банки. Вывесьте срочно плакат: «За каждые десять рублей медными деньгами немедленно выдаем одиннадцать рублей серебром и кредитками». Черт с ними, потеряем десять процентов, зато от растраты гарантированы. Да поскорее бегите, дорогой! Авось до закрытия кассы успеем.

Через три часа в будке кассира стояло пять больших туго завязанных мешков с медью. Председатель любовно похлопал по ним ладонью, ласково улыбнулся кассиру, дружественно обнял бухгалтера и глубоко вздохнул, надевая внизу галоши.

– Фу! Гора с плеч!

На следующее утро, придя на службу, председатель правления прежде всего наткнулся на бледное, убитое лицо секретаря.

– Что? Что случилось?! – воскликнул председатель в сильном волнении.

– Увезли... – глухо сказал секретарь.

– Кого увезли?

– Двенадцать с половиной тысяч увезли. Как одну копейку. Всю ночь таскали...

– Прямо потеха! – подтвердил Никита. – На двух ломовиках. Уж таскали они эти мешки по лестнице, таскали! Аж взопрели, сердешные. В семь часов утра кончили. Оно, конечно, ежели...

– Куда же они их повезли? – завизжал председатель.

– Известно куда. Иван Иванович свою долю повезли в казино, а Павел Васильевич уж, натурально, на вокзал... Оно, конечно, ежели...

– Подите к черту! Подите к черту! Подите к черту! – захрипел председатель и упал без чувств.

1925

Самоубийца поневоле

Со стороны Гражданина это было свинство во всех отношениях. Тем не менее он решился на это, тем более что самоубийство уголовным кодексом не наказуемо.

Одним словом, некий Гражданин, разочаровавшись в советской действительности, решил повернуться лицом к могиле.

Печально, но факт.

Спешно получив выходное пособие и компенсацию за неиспользованный отпуск, Гражданин лихорадочно написал предсмертное заявление в местком, купил большой и красивый гвоздь, кусок туалетного мыла, три метра веревки, пришел домой, подставил стул к стене и влез на него.

Кр-р-рак!

– Черт возьми! Ну и сиденьице! Не может выдержать веса молодого интеллигентного самоубийцы. А еще называется борьба за качество! А еще называется Древетрест! Тьфу!

Но не такой был человек Гражданин, чтобы склоняться под ударами фатума, который есть не что иное, как теория вероятностей, не более!

Кое-как он влез на подоконник, приложил гвоздь к стене и ударил по гвоздю пресс-папье.

Кр-р-рак!

– Ну, знаете ли, и гвоздик! Вдребезги. Борьба-с за качество? Мерси. Не на чем порядочному человеку повеситься, прости Господи. Придется непосредственно привязать веревку к люстре. Она, матушка, старорежимная! Не выдаст!

Гражданин привязал к люстре веревку, сделал элегантную петлю и принялся ее намыливать.

– Ну и мыльце, доложу я вам! Во-первых, не мылится, а во-вторых, пахнет не ландышем, а, извините за выражение, козлом. Даже вешаться противно.

Скрывая отвращение, Гражданин сунул голову в петлю и спрыгнул в неизвестное.

Кр-р-р-ак!

– А будь она трижды проклята! Порвалась, проклятая. А еще веревкой смеет называться. На самом интересном месте. Прошу убедиться... Качество-с... Глаза б мои не видели... К черту! Попробуем чего-нибудь попроще! Ба! Столовый нож! Паду ли я, как говорится,

стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она...

Кр-р-рак!

И стрела действительно пролетела мимо: рука – в одну сторону, лезвие – в другую. Гражданин дико захохотал.

– Будьте уверены! Ха-ха-ха! Качество! И как после этого не кончать с собой!

«Умирать так умирать! К черту нож, этот пережиток гнилого средневекового романтизма! Опытные самоубийцы утверждают, что для самоубийства могут очень и очень пригодиться спички. Натолчешь в стакан штук пятьдесят головок, выпьешь – и амба. Здорово удумано. Как это я раньше не догадался?»

Повеселевший Гражданин распечатал свеженькую коробку спичек и стал жизнерадостно обламывать головки.

– Раз, два, три... десять... двадцать... Гм... В коробке всего двадцать восемь спичек, между тем как полагается шестьдесят.

Гражданин глухо зарыдал.

– Граждане, родимые! Что же это, братцы?! Я еще понимаю – качество, но где же это видано, чтобы честный советский гражданин так страдал из-за количества?

«К черту спички! Ударюсь хорошенько головой об стенку – и дело с концом. Добьемся мы, как говорится, своею собственной головой!»

Гражданин зажмурился, разбежался и...

Кррак!!!

Термолитовая стена свеженького коттеджика с треском проломилась, и Гражданин вылетел на улицу.

– Ну-ну! Мерси! Да здравствует качество, которое количество! Ур-р-ра! Ха-ха-ха!

С ума он, впрочем, не сошел, и в больницу его не отправили.

Гражданин посмотрел на склянку и сказал со вздохом облегчения:

– Вот. Наконец. Это как раз то, что мне нужно. Уксусная эссенция. Уж она, матушка, не подведет. В смерти моей прошу никого не винить.

Гражданин с жадностью припал воспаленными губами к склянке и осушил ее до дна.

– Гм... Приятная штука. Вроде виноградного вина, только мягче. Еще разве дернуть баночку?

Гражданин выпил еще баночку, крикнул и покрутил перед собой пальцами.

– Колбаски бы... И икорки бы... А я еще, дурак, на самоубийство покушался! Жизнь так прекрасна! Вот это качество! Марья, сбегай-ка, голубушка, принеси парочку уксусной эссенции да колбаски захвати. Дьявольский аппетит разгулялся.

«Ну-с, а теперь, закусив, можно помечтать и о радостях жиз... Тьфу, что это у меня такое в животе делается? Ох, и в глазах темно! Колбаса, ох, колбаса! Погиб я, товарищи, в борьбе с качеством! А жизнь так прекра...»

С этими словами Гражданин лег животом вверх и умер.

Что, впрочем, и входило в его первоначальные планы.

1926

Лев Славин

Одесские гасконцы

– Не верьте одесситам, – предупреждали меня сведущие люди, – они легкомысленны, вероломны, хвастливы и двоедушны. Одесса – это советская Гасконь.

Первый гасконец, которого я увидел в Одессе, был парикмахер. Осведомившись о моем отрицательном отношении к последним завоеваниям парикмахерской техники – прическе «бокс» и помаде «Люсьен Можи па-де Вале», он обнажил бритву жестом профессионального убийцы.

Как известно, искусство парикмахера со времен Фигаро разделяется на два направления – одни бреют в чистом халате, не хватаясь за нос и молча. Другие, как говорят в Одессе, совсем наоборот.

Мой парикмахер принадлежал к классической школе. Это старый мастер, Рембрандт шампуней, чемпион извозчичьих затылков. В течение 15 минут ему удалось высказать свои сокровенные убеждения о моей профессии, полете «АНТ», хлебозаготовках и борьбе с перхотью. Это занятие нисколько не помешало гасконцу уверенной рукой нанести мне три резаные раны на щеке и одну рваную на подбородке. Когда, облитый кровью и недорезанный, я встал с кресла, он приветствовал меня придворным поклоном и словами:

– За бритье – 50 копеек!

– А за татуировку? – ехидно осведомился я.

– Бесплатно, – сказал он тоном хлебосольного хозяина. – Приходите, я уже привык к вашему лицу.

Второй гасконец лежал на улице. Закинув голову на урну и не без комфорта уперев ноги в телеграфный столб, он взирал на мир с видом благожелательного участия. Рядом стоял плакат:

«У.С.С.Р. Внимание! Граждане! Пожертвуйте больному человеку, который болен сонным энцефалитом, так как раньше было чем открывать рот, а теперь вставлен золотой аппарат и рот закрыт. Прошу я жертвовать золотой аппарат на другую сторону челюсти, иначе я пропащий человек, потому что золотой аппарат стоит 120 рублей».

Я попытался выяснить положение:

– Значит, вы не можете открыть рта?

– Совершенно верно, не могу, – весело признался энцефалитный гасконец.

– Но вот же вы открыли! – неблагоприятно настаивал я.

Тут в разговор вступил сосед энцефалитика и, видимо, компаньон в деле. Глаза его были загадочно прикрыты темными очками, на груди висела дощечка «Жертва импербойни».

– Не верите? – сказала жертва импербойни, яростно вращая белками. – Может, вы не верите, что я слепой? – продолжал он. – Может, вы думаете, – настаивала жертва, – что, слепой, я вам не могу морду набить?

– Можете, – сказал я с глубокой уверенностью и быстро удалился.

Третьего гасконца я увидел в редакции местной газеты. Это был рабочий час, и мне посчастливилось лицезреть тайны литературного творчества. В одной руке у него были ножницы, в другой – клей. Жестами старшего закройщика бывшей фирмы Альшванг он вырезывал из столичных газет изящные куски и наклеивал их на бумагу. Потом он швырнул

нарезанное и наклеенное курьеру, сказавши:

– В набор!

«Странный город, – подумал я, – где парикмахеры работают языком, а журналисты ножницами».

– Гражданин, – сказал я вслух, – вы перепечатывали мои фельетоны в течение двух лет. Я хочу получить гонорар. Стоимость клея можете вычесть.

Гасконец посмотрел на меня почти с научным интересом.

– Молодой человек, – сказал он, воинственно лязгая ножницами, – платить не в наших традициях.

Я вскочил со стула и подал гасконцу руку, горячо поздравляя его с верностью старым живописным традициям.

– Газета, – кричал я, – где крепки моральные устои, не пропадет! Работайте! Режьте! Клейте! Блюдайте священные традиции Бени Крика!

Насытившись гасконцами, я обратился к памятникам.

Одесские памятники делятся на дореволюционные и пореволюционные.

До: герцог Ришелье, стоящий на бульваре в нижнем белье древнеримского образца, и Пушкин, на бронзовом лице которого застыла гримаса отвращения. Отвращение относится к скульптору, которому удалось сообщить памятнику незабываемое сходство с канцелярской чернильницей.

По: богиня Диана с тремя собачками, воздвигнутая у бульвара на десятом году Октябрьской революции, и каменная львица в городском саду, обращенная мощным задом к кафе «Меркурий», что должно знаменовать собой презрение к частновладельческому капиталу.

Самый большой памятник в Одессе – фельдмаршал Суворов на коне, помещающийся во дворе жилтоварищества № 7 по Софиевскому переулку. Гигантский конь скачет, распустив по ветру бронзовый хвост, что представляет немалое удобство для домашних хозяек, просушивающих на хвосте белье. Безумное лицо фельдмаршала задрано к небесам, в огромных глазищах ласточки вьют гнезда, древко победоносного знамени украшено отличной радиоантенной.

Памятник этот был закончен скульптором Эдуардсом 1 марта 1917 года; вследствие внезапного падения популярности фельдмаршала среди трудящихся масс остался здесь, во дворе, подле ателье. Он причиняет немало огорчений домоуправлению, ибо не поддается никаким законам об оплате жилплощади, включая сюда целевой сбор и коммунальные услуги.

Не платит, да и только. Гасконец.

1929

Юрий Олеша

Зависть

Глава из романа

Он поет по утрам в клозете. Можете представить себе, какой это жизнерадостный, здоровый человек. Желание петь возникает в нем рефлекторно. Эти песни его, в которых нет ни мелодии, ни слов, а есть только одно «та-ра-ра», выкрикиваемое им на разные лады, можно толковать так:

«Как мне приятно жить... та-ра! та-ра!.. Мой кишечник упруг... ра-та-та-та-ра-ри... Правильно движутся во мне соки... ра-ти-та-ду-та-та... Сокращайся, кишка, сокращайся... трам-ба-ба-бум!»

Когда утром он из спальни проходит мимо меня (я притворяюсь спящим) в дверь, ведущую в недра квартиры, в уборную, мое воображение уносится за ним. Я слышу сутолоку в кабинке уборной, где узко его крупному телу. Его спина трется по внутренней стороне захлопнувшейся двери, локти тыкаются в стенки, он перебирает ногами. В дверь уборной вделано матовое овальное стекло. Он поворачивает выключатель, овал освещается изнутри и становится прекрасным, цвета опала, яйцом. Мысленным взором я вижу это яйцо, висящее в темноте коридора.

В нем весу шесть пудов. Недавно, сходя где-то по лестнице, он заметил, как в такт шагам у него трясутся груди. Поэтому он решил прибавить новую серию гимнастических упражнений.

Это образцовая мужская особь.

Обычно занимается он гимнастикой не у себя в спальне, а в той неопределенного назначения комнате, где помещаюсь я. Здесь просторней, воздушней, больше света, сияния. В открытую дверь балкона льется прохлада. Кроме того, здесь умывальник. Из спальни переносится циновка. Он гол до пояса, в трикотажных кальсонах, застегнутых на одну пуговицу посередине живота. Голубой и розовый мир комнаты ходит кругом в перламутровом объекте пуговицы. Когда он ложится на циновку спиной и начинает поднимать поочередно ноги, пуговица не выдерживает. Открывается пах. Пах его великолепен. Нежная подпалина. Заповедный уголок. Пах производителя. Вот такой же замшевой матовости пах видел я у антилопы-самца. Девушек, секретарш и конторщиц его, должно быть, пронизывают любовные токи от одного его взгляда.

Он моется, как мальчик: дудит, приплясывает, фыркает, испускает вопли. Воду он захватывает пригоршнями и, не донося до подмышек, расшлепывает по циновке. Вода на соломе рассыпается полными, чистыми каплями. Пена, падая в таз, закипает, как блин. Иногда мыло ослепляет его, – он, чертыхаясь, раздирает большими пальцами веки. Полощет горло он с клекотом. Под балконом останавливаются люди и задирают головы.

Розовейшее, тишайшее утро. Весна в разгаре. На всех подоконниках стоят цветочные ящики. Сквозь щели их просачивается киноварь очередного цветения.

(Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь – монета или запонка – падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется.)

Синие лямки подтяжек висят по бокам. Он идет в спальню, находит на стуле пенсне, надевает его перед зеркалом и возвращается в мою комнату. Здесь, стоя посередине, он поднимает лямки подтяжек, обе разом, таким движением, точно взваливает на плечи кладь. Со мной не говорит он ни слова. Я притворяюсь спящим. В металлических пластинках подтяжек солнце концентрируется двумя жгучими пучками. (Вещи его любят.)

Ему не надо причесываться и приводить в порядок бороду и усы. Голова у него низко острижена, усы короткие – под самым носом. Он похож на большого мальчика-толстяка.

Он взял флакон; щелкнула стеклянная пробка. Он вылил одеколон на ладонь и провел ладонью по шару головы – от лба к затылку и обратно.

Утром он пьет два стакана холодного молока. Достает из буфета кувшинчик, наливает и пьет, не садясь.

Первое впечатление от него ошеломило меня. Я не мог допустить, предположить. Он стоял передо мной в элегантном сером костюме, пахнувший одеколоном. Губы у него были свежие, слегка выпяченные. Он, оказалось, щеголь.

Очень часто ночью я просыпаюсь от его храпа. Осовелый, я не понимаю, в чем дело. Как будто кто-то с угрозой произносит одно и то же: «Кракатоу... крра... ка... тоуу...»

Прекрасную квартиру предоставили ему. Какая ваза стоит у дверей балкона на лакированной подставке! Тончайшего фарфора ваза, округлая, высокая, просвечивающая нежной кровеносной краснотою. Она напоминает фламинго. Квартира на третьем этаже. Балкон висит в легком пространстве. Широкая загородная улица похожа на шоссе. Напротив внизу – сад: тяжелый, типичный для окраинных мест Москвы, деревьястый сад, беспорядочное сборище, выросшее на пустыре между трех стен, как в печи.

Он обжора. Обедает он вне дома. Вчера вечером вернулся он голодный, решил закусить. Ничего не нашлось в буфете. Он спустился вниз (на углу магазин) и притащил целую кучу: двести пятьдесят граммов ветчины, банку шпрот, скумбрию в консервах, большой батон, голландского сыру доброе полулуние, четыре яблока, десяток яиц и мармелад «Персидский горошек». Была заказана яичница и чай (кухня в доме общая, обслуживают две кухарки в очередь).

– Лопайте, Кавалеров, – пригласил он меня и сам навалился. Яичницу ел он со сковороды, откалывая куски белка, как облупливают эмаль. Глаза его налились кровью, он снимал и надевал пенсне, чавкал, сопел, у него двигались уши.

Я развлекаюсь наблюдениями. Обращали ли вы внимание на то, что соль спадает с кончика ножа, не оставляя никаких следов, – нож блещет, как нетронутый; что пенсне переезжает переносицу, как велосипед; что человека окружают маленькие надписи, разбредшийся муравейник маленьких надписей: на вилках, ложках, тарелках, оправе пенсне, пуговицах, карандашах? Никто не замечает их. Они ведут борьбу за существование. Переходят из вида в вид, вплоть до громадных вывесочных букв! Они восстают – класс против класса: буквы табличек с названиями улиц воюют с буквами афиш.

Он наелся до отвала. Потянулся к яблокам с ножом, но только рассек желтую скулу яблока и бросил. Один нарком в речи отозвался о нем с высокой похвалой:

– Андрей Бабичев – один из замечательных людей государства.

Он, Андрей Петрович Бабичев, занимает пост директора треста пищевой промышленности. Он великий колбасник, кондитер и повар. А я, Николай Кавалеров, при нем шут...

– Вы ранены? – спросил император.
– Нет, я мертв! – ответил адъютант, падая.

Посвящается Алексею Крученых

Прилетел на север мор.
Каркнул ворон: «Невермор».
Положили Надю в морг —
Стала Надя... натюрморт.

Раскусив тоску афер,
Некий славный куафер
Очень много натер морд,
Что ни морда – натюрморт.

Туча ходит над тюрьмой.
Каплет дождик на дерьмо.
Наша Катя – мать мод,
Что ни платье – натюрморт.

Ходит в спальне старый лорд,
Смотрит хмуро на термометр,
А под мышкой лорда – норд.
– Скоро буду – натюрморт.

Без матросов катер мертв,
Значит, катер – натюрморт.

Из сборника «Литературные шушу(т)ки», подготовленного А. Е. Крученых, 1928

Саша Черный

Голубиные башмаки

Было это в Одессе, в далекие дни моего детства.

Младший брат мой, Володя, несмотря на свои шесть с половиной лет, был необычайно серьезный мальчик. По целым дням он все что-то такое мастерил, изобретал, придумывал. Пальцы у него были всегда липкие, курточка в бурых кляксах, от волос пахло нафталином, а в карманах – от мелкой дробы до сломанного пробочника – можно было найти такие вещи, какие ни у одного старьевщика не разыщешь. Даже искусственный глаз нашел где-то на улице и никогда с ним не расставался: натирал его о штанишки и все пробовал, какие предметы будут к глазу притягиваться.

Изобретает – и все, бывало, что-нибудь жует в это время: хлеб с повидлом, резинку либо копченую колбасную веревочку. Кто знает: может быть, Эдисон тоже, когда был мальчиком и производил свои первые опыты, жевал жвачку, чтобы облегчить сложную работу своих мозгов.

К несчастью для себя, Володя изобретал такие вещи, которые до него давно уже были изобретены и всем надоели. То делал из серы, зубного порошка и вазелина непромокаемый порох. То приготавливал из ягод шелковичного дерева чернила: давил ягоды в чашке, встряхивал, переливал сок в пузырек – перемазывал нос, обои и руки до самых локтей. А потом приходила бабушка, шелковичные чернила выливала в раковину, щелкала Володю медным наперстком по голове и брюзжала: «Это не мальчик, а химический завод какой-то! Готовые чернила стоят в лавочке три копейки, а ты знаешь, сколько новые обои стоят? Шмаровоз!»

Володя не обижался – к наперстку он привык, а «шмаровоз» даже и не ругательство, а так, чепуха какая-то. Уходил в кухню, выковыривал там из сырых вареников вишни и вырезал на пробках, приготовленных для укупорки кваса, печатные буквы. Точно книгопечатание не было и без него изобретено.

Особенно любил он совершенствовать разные ловушки.

То в мышеловку привязывал на проволоке сразу три приманки, чтобы по три мыши оптом ловить – для экономии. Но проволочка зажимала защелку, мыши приходили, наедались и до того полнели, что даже щель в углу под комодом пришлось им прогрызть пошире: не влезали.

То липкую бумагу для мух смазывал медом и до того густо посыпал сахарным песком, что мухи паслись-паслись, а потом безнаказанно выбирались через все липкие места по сахарным крупинкам на свободу и на всех зеркалах и стеклах клейкие следы оставляли.

А больше всего, помню, возился он с силками для голубей.

Обыкновенные силки – дело нехитрое: мальчишки, перебегая через улицу, вырывали из лошадиных хвостов волосы, надо было только не попадаться на глаза ломовым – «биндюжникам», а то собственных волос лишишься, потом они плели леску, делали петли – вправо и влево поочередно, прикрепляли силки к колышку и засыпали зерном... Голубь ходит, урчит, разгребает лапками зерна, пока ножку в петле не завязит. Вот и вся штука.

Но Володе этого было мало. От каждой петли он еще проводил с нашего двора к каждому окошку нитку. И привязывал каждую нитку к колокольчику на гибкой камышинке над столом. Чтобы, пока он у стола другим делом занят – мастерит сургуч из стеарина и

бабушкиной пудры, – каждый попавшийся голубь ему со двора сигнализацию подавал.

Конечно, и голуби, и соседский петух, и даже мелкие нахальные воробьи все зерно съедали, а колокольчики хоть и звонили, да впустую: все петли, благодаря Володиному усовершенствованию, вместо того, чтобы стягиваться, только растягивались.

Так у нас немало провизии тогда зря пропадало: на мышей, да на мух, да на птичье угощение.

А если посчитать, сколько сам Володя во время своих опытов глотал – то повидла, то гусятных шкварок, – то, право, можно было на эти деньги не то что голубя – живого страуса из Африки выписать.

* * *

Однажды утром, когда дед собрался в гавань, в свой угольный склад по делам, Володя пристал, чтобы дед и его с собой взял. Слышал он от приказчика, что там на угольном складе тьма голубей: слетаются лошадиный корм клевать, пока телеги углем грузят.

Дед согласился – что ты поделаешь, когда упрямый мальчик по пятам за тобой ходит из спальни в столовую, из столовой в переднюю и все клянчит...

Надел Володя новые желтые башмаки, захватил с собой силки и обещал к вечеру весь чердак голубями заселить. А я остался дома, потому что, когда в первый раз сказки Андерсена читаешь, никакая гавань, никакие голуби на свете тебя не соблазнят.

Часа через три я очнулся: на кухне с треском хлопнула о пол тарелка, и кухарка с таким изумлением вскрикнула «Ах ты, Боже мой!», точно крыса в котел с супом вскочила.

Прибежала бабушка – и тоже ахнула: на пороге кухни стоял с носками в руке, широко расставив босые ноги, голубиный охотник... Стоял перед бабушкой, как раскаявшийся беглый каторжник, и тихо ревел, утирая носком неудержимо катившиеся по пухлым щекам слезы.

– Где башмаки?!

– Жу... Жулик унес...

– Какой жулик?! Кто посмеет в Одессе с живого мальчика башмаки снимать? Чучело ты несчастное!

– Я не чу-че-ло... Я сам... снял. За что ты меня мучаешь?...

И стал реветь все громче и громче. Так громко, что ни одного слова нельзя было разобрать. Только пузыри из рта выскакивали. А потом, когда немного успокоился, вспомнил, что у него есть самолюбие, уперся – и ни одного слова больше ни бабушка, ни кухарка из него не вытянули.

Тогда я увел его в детскую, угостил финиками, которыми я в то утро чтение андерсеновских страниц подсахаривал, и упрямый по дружбе рассказал, что такое случилось с ним в гавани.

* * *

Голубей на угольном складе не оказалось. Приказчик Миша объяснил Володе, что «биндюжники» только после обеда приедут, а пока все голуби в гавань улетели подбирать

пшеницу, которую на заграничный пароход грузили.

Дедушка ушел в свою контору. Володя повертелся и решил, что такого случая упускать не следует: гавань в двух шагах – когда еще сюда попадешь? Скользнул за ворота, прошел под эстакадой, и действительно – голубей на набережной туча... Прямо живая перина на камнях шевелилась!

Отошел он в сторонку, выбрал среди груды ящиков укромное местечко и пристроил свои снасти. Засыпал их сплошь пшеницей, притаился за ящиком и застыл.

А голуби по краям пшеничной дорожки ходят, лениво лапками разгребают, никакого им дела до Володиной ловушки нет. Вся набережная в зернах – ешь не хочу... Володя ждал-ждал...

Грузчики стали на обед расходиться.

Совсем он разочаровался, хотел было и силки свои смотать. Видит – стоит в стороне симпатичный босяк и на него смотрит. Подошел поближе, сел наземь, взрезал арбуз и ломтик Володе дал. А потом разговорился, посмотрел на Володины силки и засвистал. Кто ж так голубей ловит? Это способ устарелый!..

Конечно, Володя зашевелился – какие такие еще способы есть? Босяк подумал, спросил брата, один ли он тут. Узнал, что дедушка в конторе за эстакадой, и свой секрет Володе с глазу на глаз открыл: надо в небольшие детские башмаки, лучше всего в желтые – этот цвет голуби обожают, насыпать зерна. Голубь в башмак голову сунет и наестся до того, что зоб у него колбасой распухнет, – так в башмаке и застрянет. Тут его и бери голыми руками. Хочешь, говорит, попробуем... Твои башмаки в самый раз подходящие.

Володя разулся, – доверчив он был, как божья коровка, да и новый способ заинтересовал. Босяк сунул башмаки под мышку, хлопнул по ним ладонью и ушел за ящик, приказав брату сидеть тихо-тихо, пока он ему не свистнет...

Так он и просидел с полчаса. А потом ноги затекли, и стали его черные мысли мучить. Вскочил он, бросился за ящик. Туда-сюда: ни босяка, ни башмаков. Только голуби под ногами переваливаются, урчат. Возьми – голой рукой.

И вот так, всхлипывая, – к дедушке в склад он и носа показать не решился, – босой, через весь город, с носками в руке, добрался он домой на Греческую улицу.

Помню очень хорошо: прослушал я Володин рассказ серьезно-пресерьезно, ведь дал слово... Но когда он под конец стал свои босые пальцы рассматривать и опять захныкал – я не выдержал: убежал в переднюю, сунул нос в дедушкино пальто и до того хохотал, что у меня пуговица на курточке отскочила.

За обедом я на бедного Володю и глаз не поднимал. Вспомню, что голуби «желтый цвет обожают», – так суп у меня в горле и заклокочет... Бабушка, помню, даже обиделась:

– Был в доме один сумасшедший, а теперь второй завелся. Поди, поди из-за стола, если не умеешь сидеть прилично!

Обрадовался я страшно, выскочил пулей и весь порог супом забрызгал. Потому что, когда тебя смех на части разрывает, в такую минуту и капли супа не проглотишь.

Илья Ильф, Евгений Петров

Из сборника «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска»

Синий дьявол

В сентябре месяце в Колоколамск вернулся из Москвы ездивший туда по торговым делам доктор Гром. Он прихрамывал и сверх обыкновения прикатил со станции домой на извозчике. Обычно доктор приходил со станции пешком.

Гражданка Гром чрезвычайно удивилась этому обстоятельству. Когда же она заметила на левом ботинке мужа светлый рубчатый след автомобильной шины, удивление ее увеличилось еще больше.

– Я попал под автомобиль, – сказал доктор Гром радостно, – потом судился.

И доктор-коммерсант, уснащая речь ненужными подробностями, поведал жене историю своего счастья.

В Москве, у Тверской заставы, фортуна, скрипя автомобильными шинами, повернулась лицом к доктору Грому. Сияние ее лица было столь ослепительно, что доктор упал. Только поднявшись, он понял, что попал под автомобиль. Доктор сразу успокоился, почистил испачкавшиеся брюки и закричал:

– Убили!

Из остановившегося синего «паккарда» выпрыгнули мужчина в опрятном котелке и шофер с коричневыми усами. Пестрый флажок небольшой соседней державы трепетал над радиатором оскандалившегося автомобиля.

– Убили! – твердо повторил доктор Гром, обращаясь к собравшимся зевакам.

– А я его знаю, – сказал чей-то молодецкий голос. – Это посол страны Клятвии. Клятвийский посол.

Суд произошел на другой же день, и по приговору его клятвийское посольство повинно было выплачивать доктору за причиненное ему увечье по сто двадцать рублей в месяц.

По этому случаю доктор Гром пировал с друзьями в Колоколамске три дня и три ночи подряд. К концу пирушки заметили, что исчез безработный кондитер Алексей Елисеевич.

Не успели утихнуть восторги по поводу счастливого поворота судьбы доктора Грома, как новая сенсация взволновала Колоколамск. Вернулся Алексей Елисеевич. Оказалось, что он ездил в Москву, попал там по чистой случайности под синий автомобиль клятвийского посольства и привез приговор суда.

На этот раз посольство повинно было выплачивать кондитеру за причиненное ему увечье по сто сорок рублей в месяц как обремененному большой семьей.

На радостях кондитер выкатил народу бочку пива. Весь Колоколамск стряхивал с усов пивную пену и прославлял жертву уличного движения.

Третья жертва обозначилась через неделю. Это был заведующий курсами декламации и пенья Синдик-Бугаевский. Он действовал с присущей его характеру прямоотой. Выехав в Москву, он направился прямо к воротам клятвийского посольства и, как только машина вывалилась на улицу, подставил свою ногу под колесо. Синдик-Бугаевский получил довольно тяжелые ушибы и сторублевую пенсию по гроб жизни.

Только тут колоколамцы поняли, что их город вступил в новый, счастливейший период своей истории. Найденную доктором Громом золотиносную жилу граждане принялись разрабатывать с величайшим усердием.

На отхожий промысел в Москву потянулись все – умудренные опытом старики, молодые частники, ученики курсов декламации и уважаемые работники. Особенно пристрастились к этому делу городские извозчики в синих жупанах. Одно время в Колоколамске не работал ни один извозчик. Все они уезжали на отхожий. С котомками на плечах они падали под клятвийскую машину, отлеживались в госпиталях, а потом аккуратно взимали с посольства установленную сумму.

Между тем в Клятвии разразился неслыханный финансовый кризис. Расходы по содержанию посольства увеличились в такой степени, что пришлось урезать жалованье государственным чиновникам и уменьшить армию с трехсот человек до пятнадцати. Зашевелилась оппозиционная правительству партия христианских социалистов. Председатель совета министров, господин Эдгар Павиайнен, непрерывно подвергался нападкам оппозиционного лидера господина Суупа.

Когда под клятвийскую машину попал тридцатый по счету гражданин города Колоколамска, Никита Псов, и для уплаты ему вознаграждения пришлось закрыть государственную оперу, волнение в стране достигло предела. Ожидали путча со стороны военной клики. В палату был внесен запрос:

– Известно ли господину председателю совета министров, что страна находится накануне краха?

На это господин председатель совета министров ответил:

– Нет, неизвестно.

Однако, несмотря на этот успокоительный ответ, Клятвии пришлось сделать внешний заем. Но и заем был съеден колоколамцами в какие-нибудь два месяца.

Шофер клятвийской машины, на которого уповало все государство, проявлял чудеса осторожности. Но колоколамцы необычайно наострились в удивительном ремесле и безошибочно попадали под машину. Рассказывали, что шофер однажды удирал от одного колоколамского дьякона три квартала, но сметливый служитель культа пробежал проходным двором и успел-таки броситься под машину.

Колоколамцы затаскали Клятвию по судам. Страна погибала.

С наступлением первых морозов из Колоколамска потащился в Москву председатель лжеартели «Личтруд» мосье Подлинник. Он долго колебался и хныкал. Но жена была беспощадна. Указывая мужу на быстрое обогащение сограждан, она сказала:

– Если ты не поедешь на отхожий, я брошусь под поезд.

Подлинника провожал весь город. Когда же он сел в вагон, побывавшие на отхожем колоколамцы кричали:

– Головой не попади! Телега тяжелая! Подставляй ножку!

Подлинник вернулся через два дня с забинтованной головой и большим, как расплывшееся чернильное пятно, синяком под глазом.левой рукой он не владел.

– Сколько? – спросили сограждане, подразумевая под этим сумму пенсии из отошавшего клятвийского казначейства.

Но председатель лжеартели вместо ответа беззвучно заплакал. Ему было стыдно рассказать, что он по ошибке кинулся под автомобиль треста цветных металлов, что шофер вовремя затормозил и потом долго бил его, Подлинника, по голове и рукам американским

гаечным ключом.

Вид мосье Подлинника был настолько страшен, что колоколамцы на отхожий промысел больше не ходили.

И только этот случай спас Клятвию от окончательного разорения.

Город снова заскучал...

1928

Страшный сон

Бывший мещанин, а ныне бесцветный гражданин города Колоколамска Иосиф Иванович Завитков неожиданно для самого себя и многочисленных своих знакомых вписал одну из интереснейших страниц в историю города.

Казалось бы, между тем, что от Завиткова Иосифа Ивановича нельзя было ожидать никакой прыти. Но таковы все колоколамцы. Даже самый тихий из них может в любую минуту совершить какой-нибудь отчаянный или героический поступок и этим лишний раз прославить Колоколамск.

Все было гладко в жизни Иосифа Ивановича. Он варил ваксу «Африка», тусклость которой удивляла всех, а имевшееся в изобилии свободное время проводил в пивной «Голос минувшего».

Оказал ли на Завиткова свое губительное действие запах ваксы, помрачил ли его сознание пенистый портер, но так или иначе Иосиф Иванович в ночь с воскресенья на понедельник увидел сон, после которого почувствовал себя в полном расстройстве.

Приснилось ему, что на стыке Единодушной и Единогласной улиц повстречались с ним трое партийных в кожаных куртках, кожаных шляпах и кожаных штанах.

– Тут я, конечно, хотел бежать, – рассказывал Завитков соседям, – а они стали посреди мостовой и поклонились мне в пояс.

– Партийные? – восклицали соседи.

– Партийные! Стояли и кланялись. Стояли и кланялись.

– Смотри, Завитков, – сказали соседи, – за такие факты по головке не гладят.

– Так ведь мне же снилось! – возразил Иосиф Иванович, усмехаясь.

– Это ничего, что снилось. Были такие случаи... Смотри, Завитков, как бы чего не вышло!

И соседи осторожно отошли подальше от производителя ваксы.

Целый день Завитков шлялся по городу и, вместе того чтобы варить свою «Африку», советовался с горожанами касательно виденного во сне. Всюду он слышал предостерегающие голоса и к вечеру лег в свою постель со стесненной грудью и омраченной душой.

То, что он увидел во сне, было настолько ужасно, что Иосиф Иванович до полудня не решался выйти на улицу.

Когда он переступил наконец порог своего дома, на улице его поджидала кучка любопытствующих соседей.

– Ну, Завитков? – спросили они нетерпеливо.

Завитков махнул рукой и хотел было юркнуть назад, в домик, но уйти было не так-то легко. Его уже крепко обнимал за талию председатель общества «Геть рукопожатие» гражданин Долой-Вышневецкий.

– Видел? – спросил председатель грозно.

– Видел, – устало сказал Завитков.

– Их?

– Их самых.

И Завитков, вздыхая, сообщил соседям второй сон. Он был еще опаснее первого. Десять партийных, все в кожаном, с брезентовыми портфелями, кланялись ему, беспартийному Иосифу Ивановичу Завиткову, прямо в землю на Спасо-Кооперативной площади.

– Хорош ты, Завитков, – сказал Долой-Вышневецкий, – много себе позволяешь!

– Что же это, граждане, – гомонили соседи, – этак он весь Колоколамск под кодекс подведет.

– Где ж это видано, чтоб десять партийных одному беспартийному кланялись?

– Гордый ты стал, Завитков. Над всеми хочешь возвыситься.

– Сон это, граждане! – вопил изнуренный Завитков. – Разве мне это надо? Во сне ведь это!

За Иосифа Ивановича вступился председатель лжеартели мосье Подлинник.

– Граждане! – сказал он. – Слов нет, Завитков совершил неэтичный поступок. Но должны ли мы сразу его заклеить? И я скажу – нет. Может быть, он на ночь съел что-нибудь нехорошее. Простим его для последнего раза. Надо ему очистить желудок. И пусть заснет спокойно.

Председатель лжеартели своей рассудительностью завоевал в городе большое доверие. Собравшиеся согласились с мосье Подлинником и решили дожидаться следующего утра.

Устрашенный Завитков произвел тщательную прочистку желудка и заснул с чувством приятной слабости в ногах.

Весь город ожидал его пробуждения. Толпы колоколамцев запрудили Бездокладную улицу, стараясь пробраться поближе к Семибатюшной заставе, где находился скромный домик производителя ваксы.

Всю ночь спящий Завитков подсознательно блаженствовал. Ему поочередно снилось, что он доит корову, красит ваксой табуретку и гоняет голубей. Но на рассвете начался кошмар. С поразительной ясностью Завитков увидел, что по Губернскому шоссе подъехал к нему в автомобиле председатель губисполкома, вышел из машины, стал на одно колено и поцеловал его, Завиткова, в губы.

Со стоном выбежал Завитков на улицу.

Розовое солнце превосходно осветило бледное лицо мастера ваксы.

– Видел! – закричал он, бухаясь на колени. – Председатель исполкома мне... ручку поцеловал. Вяжите меня, православные!

К несчастному приблизились Долой-Вышневецкий и мосье Подлинник.

– Сам понимаешь, – заметил Долой-Вышневецкий, набрасывая веревки на Иосифа Ивановича, – дружба дружбой, а хвост набок.

Толпа одобрительно роптала.

– Пожалуйста, – с готовностью сказал Завитков, понимавший всю тяжесть своей вины, – делайте что хотите.

– Его надо продать! – заметил мосье Подлинник с обычной рассудительностью.

– Кто же купит такого дефективного? – спросил Долой-Вышневецкий.

И словно в ответ на это зазвенели колокольчики бесчисленных троек, и розовое облако снежной пыли взметнулось на Губшоссе.

Это двигался из Витебска на Камчатку караван кинорежиссеров на съемку картины «Избушка на Байкале». В передовой тройке скакал взмыленный главный режиссер.

– Какой город? – хрипло закричал главреж, высовываясь из кибитки.

– Колоколамск! – закричал из толпы Никита Псов. – Колоколамск, ваше сиятельство!

– Мне нужен типаж идиота. Идиоты есть?

– Есть один продажный, – вкрадчиво сказал мосье Подлинник, приближаясь к кибитке. – Вот! Завитков!

Взор режиссера скользнул по толпе и выразил полное удовлетворение. Выбор нужного типажа был великолепен. Что же касается Завиткова, то главрежа он прямо-таки очаровал.

– Давай! – рявкнул главный.

Связанного Завиткова положили в кибитку. И караван вихрем вылетел из города.

– Не поминайте лихом! – донеслись из поднявшейся метели слова Завиткова.

А метель все усиливалась и к вечеру нанесла глубочайшие сугробы. Ночью небо очистилось. Как ядро, выкатилась луна. Оконные стекла заросли морозными пальмами. Город мирно спал. И все видели обыкновенные мирные сны.

1928

Рассказы и фельетоны

КЛООП

– Не могу. Остановитесь на минутку. Если я сейчас же не узнаю, что означает эта вывеска, я заболею. Я умру от какой-нибудь загадочной болезни. Двадцатый раз прохожу мимо и ничего не могу понять.

Два человека остановились против подъезда, над которым золотом и лазурью было выведено: «КЛООП».

– Не понимаю, что вас волнует. Клооп и Клооп. Прием пакетов с часу до трех. Обыкновенное учреждение. Идем дальше.

– Нет, вы поймите! Клооп! Это меня мучит второй год. Чем могут заниматься люди в учреждении под таким вызывающим названием? Что они делают? Заготавливают что-нибудь? Или, напротив, что-то распределяют?

– Да бросьте. Вы просто зевака. Сидят себе люди, работают, никого не трогают, а вы пристаёте – почему, почему? Пошли.

– Нет, не пошли. Вы лентяй. Я этого так оставить не могу.

В длинной машине, стоявшей у подъезда, за зеркальным стеклом сидел шофер.

– Скажите, товарищ, – спросил зевака, – что за учреждение Клооп? Чем тут занимаются?

– Кто его знает, чем занимаются, – ответил шофер. – Клооп и Клооп. Учреждение как всюду.

– Вы что ж, из чужого гаража?

– Зачем из чужого! Наш гараж, клооповский. Я в Клоопе со дня основания работаю.

Не добившись толку от водителя машины, приятели посоветались и вошли в подъезд. Зевака двигался впереди, а лентяй с недовольным лицом несколько сзади.

Действительно, никак нельзя было понять придирчивости зеваки. Вестибюль Клоопа ничем не отличался от тысячи других учрежденческих вестибюлей. Бегали курьерши в серых сиротских балахончиках, завязанных на затылке черными ботиночными шнурками. У входа сидела женщина в чесанках и большом окопном тулупе. Видом своим она очень напоминала трамвайную стрелочницу, хотя была швейцарихой (прием и выдача калош). На лифте висела вывесочка «Кепи и гетры», а в самом лифте вертелся кустарь с весьма двусмысленным выражением лица. Он тут же на месте кроил свой модный и великосветский товар. (Клооп вел с ним отчаянную борьбу, потому что жакт нагло, без согласования, пустил кустаря в ведомственный лифт.)

– Чем же они могли бы тут заниматься? – начал снова зевака.

Но ему не удалось продолжить своих размышлений в парадном подъезде. Прямо на него налетел скатившийся откуда-то сверху седовласый служащий и с криком «брынза, брынза!» нырнул под лестницу. За ним пробежали три девушки, одна – курьерша, а другие две – ничего себе – в холодной завивке.

Упоминание о брынзе произвело на швейцариху потрясающее впечатление. На секунду она замерла, а потом перевалилась через гардеробный барьер и, позабыв о вверенных ей калошах, бросилась за сослуживцами.

– Теперь все ясно, – сказал лентяй, – можно идти назад. Это какой-то пищевой трест. Разработка вопросов брынзы и других молочнодиетических продуктов.

– А почему оно называется Клооп? – придирчиво спросил зевака.

На это лентяй ответить не смог. Друзья хотели было расспросить обо всем швейцариху, но, не дождавшись ее, пошли наверх.

Стены лестничной клетки были почти сплошь заклеены рукописными, рисованными и напечатанными на машинке объявлениями, приказами, выписками из протоколов, а также различного рода призывами и заклинаниями, неизменно начинавшимися словом «Стой!».

– Здесь мы все узнаем, – с облегчением сказал лентяй. – Не может быть, чтобы из сотни бумажек мы не выяснили, какую работу ведет Клооп.

И он стал читать объявления, постепенно передвигаясь вдоль стены.

– «Стой! Есть билеты на «Ярость». Получить у товарища Чернобривцевой». «Стой! Кружок шашистов выезжает на матч в Кунцево. Шашистам предоставляются проезд и суточные из расчета центрального тарифного пояса. Сбор в комнате товарища Мур-Муравейского». «Стой! Джемпера и лопаты по коммерческим ценам с двадцать первого у Кати Полотенцевой».

Зевака начал смеяться. Лентяй недовольно оглянулся на него и подвинулся еще немножко дальше вдоль стены.

– Сейчас, сейчас. Не может быть, чтоб... Вот, вот! – бормотал он. – «Приказ по Клоопу № 1891–35. Товарищу Кардонкль с сего числа присваивается фамилия Корзинкль». Что за чепуха! «Стой! Получай брынзу в порядке живой очереди под лестницей, в коопсекторе».

– Наконец-то! – оживился зевака. – Как вы говорили? Молочнодиетический пищевой трест? Разработка вопросов брынзы в порядке живой очереди? Здорово!

Лентяй смущенно пропустил объявление о вылазке на лыжах за капустой по среднекоммерческим ценам и уставился в производственный плакат, в полупламенных выражениях призывавший клооповцев ликвидировать отставание.

Теперь уже забеспокоился и он.

– Какое же отставание? Как бы все-таки узнать, от чего они отстают? Тогда стало бы ясно, чем они занимаются.

Но даже двухметровая стенгазета не рассеяла тумана, сгустившегося вокруг непонятого слова «Клооп».

Это была зауряднейшая стенгазетина, болтливая, невеселая, с портретами, картинками и статьями, получаемыми, как видно, по подписке из какого-то центрального газетного бюро. Она могла бы висеть и в аптекоуправлении, и на черноморском пароходе, и в конторе на золотых приисках, и вообще где угодно. О Клоопе там упоминалось только раз, да и то в чрезвычайно неясной форме: «Клооповец, поставь работу на высшую ступень!»

– Какую же работу? – возмущенно спросил зевака. – Придется узнавать у служащих. Неудобно, конечно, но придется. Слушайте, товарищ...

С внезапной ловкостью, с какой пластун выхватывает из неприятельских рядов языка, зевака схватил за талию бежавшего по коридору служащего и стал его выпрашивать. К удивлению приятелей, служащий задумался и вдруг покраснел.

– Что ж, – сказал он после глубокого размышления, – я, в конце концов, не оперативный работник. У меня свои функции. А Клооп что же? Клооп есть Клооп.

И он побежал так быстро, что гнаться за ним было бы бессмысленно.

Хотя и нельзя еще было понять, что такое Клооп, но по некоторым признакам замечалось, что учреждение это любит новшества и здоровый прогресс. Например, бухгалтерия называлась здесь счетным цехом, а касса – платежным цехом. Но картину этого конторского просперити портила дрянная бумажка: «Сегодня платежа не будет». Очевидно, наряду с прогрессом имелось и отставание.

В большой комнате за овальным карточным столом сидело шесть человек. Они говорили негромкими, плаксивыми голосами.

Кстати, почему на заседаниях по культработе всегда говорят плаксивыми голосами?

Это, как видно, происходит из жалости культактива к самому себе. Жертвуешь всем для общества, устраиваешь вылазки, семейные вечера, идеологическое лото с разумными выигрышами, распределяешь брынзу, джемпера и лопаты – в общем, отдаешь лучшие годы жизни, – и все это безвозмездно, бесплатно, из одних лишь идейных соображений, но почему-то в урочное время. Очень себя жалко!

Друзья остановились и начали прислушиваться, надеясь почерпнуть из разговоров нужные сведения.

– Надо прямо сказать, товарищи, – замогильным голосом молвила пожилая клооповка, – по социально-бытовому сектору работа проводилась недостаточно. Не было достаточного

охвата. Недостаточно, не полностью, не целиком раскачались, размахнулись и развернулись. Лыжная вылазка проведена недостаточно. А почему, товарищи? Потому, что Зоя Идоловна проявила недостаточную гибкость.

– Как? Это я недостаточно гибкая? – завопила ужаленная в самое сердце Зоя.

– Да, вы недостаточно гибкая, товарищ!

– Почему же я, товарищ, недостаточно гибкая?

– А потому, что вы совершенно, товарищ, негибкая.

– Извините, я чересчур, товарищ, гибкая.

– Откуда же вы можете быть гибкая, товарищ?

Здесь в разговор вкрался зевака.

– Простите, – сказал он нетерпеливо, – что такое Клооп? И чем он занимается?

Прерванная на самом интересном месте шестерка посмотрела на дерзких помраченными глазами. Минуту длилось молчание.

– Не знаю! – решительно ответила Зоя Идоловна. – Не мешайте работать! – и, обернувшись к сопернице по общественной работе, сказала рыдающим голосом: – Значит, я недостаточно гибкая? Так-так! А вы – гибкая?

Друзья отступили в коридор и принялись совещаться. Лентяй был испуган и предложил уйти. Но зевака не склонился под ударами судьбы.

– До самого Калинина дойду! – завизжал он неожиданно. – Я этого так не оставлю.

Он гневно открыл дверь с надписью: «Заместитель председателя». Заместителя в комнате не было, а находившийся там человек в барашковой шапке отнесся к пришельцам джентльменски холодно. Что такое Клооп, он тоже не знал, а про заместителя сообщил, что его давно бросили в шахту.

– Куда? – спросил лентяй, начиная дрожать.

– В шахту, – повторила барашковая шапка. – На профработу. Да вы идите к самому председателю. Он парень крепкий, не бюрократ, не головотяп. Он вам все разъяснит.

По пути к председателю друзья познакомились с новым объявлением: «Стой! Срочно получи в местком картофельные талоны. Промедление грозит аннулированием».

– Промедление грозит аннулированием. Аннулирование грозит промедлением, – бормотал лентяй в забытьи. – Ах, скорей бы узнать, к чему вся эта кипучая деятельность?

Было по дороге еще одно приключение. Какой-то человек потребовал с них дифпай. При этом он грозил аннулированием членских книжек.

– Пустите! – закричал зевака. – Мы не служим здесь.

– А кто вас знает, – сказал незнакомец, остывая, – тут четыреста человек работает. Всех не запомнишь. Тогда дайте по двадцать копеек в «Друг чего-то». Дайте! Ну дайте!

– Мы уже давали, – пищал лентяй.

– Ну и мне дайте! – стонал незнакомец. – Да дайте! Всего по двадцать копеек.

Пришлось дать.

Про Клооп незнакомец ничего не знал.

Председатель, опираясь ладонями о стол, поднялся навстречу посетителям.

– Вы, пожалуйста, извините, что мы непосредственно к вам, – начал зевака, – но, как это ни странно, только вы, очевидно, и можете ответить на наш вопрос.

– Пожалуйста, пожалуйста, – сказал председатель.

– Видите ли, дело в том... Ну, как бы вам сказать... Не можете ли вы сообщить нам – только не примите за глупое любопытство, – что такое Клооп?

– Клооп? – спросил председатель.

– Да, Клооп.

– Клооп? – повторил председатель звучно.

– Да, очень было бы интересно.

Уже готова была раздернуться завеса. Уже тайне приходил конец, как вдруг председатель сказал:

– Понимаете, вы меня застигли врасплох. Я здесь человек новый, только сегодня вступил в исполнение обязанностей и еще недостаточно в курсе. В общем, я, конечно, знаю, но еще, как бы сказать...

– Но все-таки, в общих чертах?...

– Да и в общих чертах тоже...

– Может быть, Клооп заготавливает лес?

– Нет, лес нет. Это я наверно знаю.

– Молоко?

– Что вы! Я сюда с молока и перешел. Нет, здесь не молоко.

– Шурупы?

– М-м-м... Думаю, что скорее нет. Скорее, что-то другое.

В это время в комнату внесли лопату без ручки, на которой, как на подносе, лежал зеленый джемпер. Эти припасы положили на стол, взяли у председателя расписку и ушли.

– Может, попробуем сначала расшифровать самое название по буквам? – предложил лентяй.

– Это идея, – поддержал председатель.

– В самом деле, давайте по буквам. Клооп. Кооперативно-лесо... Нет, лес нет... Попробуем иначе. Кооперативно-лакокрасочное общество... А второе «о» почему? Сейчас, подождите... Кооперативно-лихоимочное...

– Или кустарное?

– Да, кустарно-лихоимочное... Впрочем, позвольте, получается какая-то чушь. Давайте начнем систематически. Одну минуточку.

Председатель вызвал человека в барашковой шапке и приказал никого не пускать.

Через полчаса в кабинете было накурено, как в станционной уборной.

– По буквам – это механический путь, – кричал председатель. – Нужно сначала выяснить принципиальный вопрос. Какая это организация? Кооперативная или государственная? Вот что вы мне скажите.

– А я считаю, что нужно гадать по буквам, – отбивался лентяй.

– Нет, вы мне скажите принципиально...

Уже покои Клоопа пустели, когда приятели покинули дымящийся кабинет. Уборщица подметала коридор, а из дальней комнаты слышались плаксивые голоса:

– Я, товарищ, чересчур гибкая!

– Какая ж вы гибкая, товарищ?

Внизу приятелей нагнал седовласый служащий. Он нес в вытянутых руках мокрый пакет с брынзой. Оттуда капал саламур.

Зевака бросил на служащего замороченный взгляд и смущенно прошептал:

– Чем же они все-таки здесь занимаются?

В редакции иллюстрированного двухдекадника «Приключенческое дело» ощущалась нехватка художественных произведений, способных привлечь внимание молодежного читателя.

Были кое-какие произведения, но все не то. Слишком много было в них слюнявой серьезности. Сказать правду, они омрачали душу молодежного читателя, не привлекали. А редактору хотелось именно привлечь.

В конце концов решили заказать роман с продолжением.

Редакционный скороход помчался с повесткой к писателю Молдаванцеву, и уже на другой день Молдаванцев сидел на купеческом диване в кабинете редактора.

– Вы понимаете, – втолковывал редактор, – это должно быть занимательно, свежо, полно интересных приключений. В общем, это должен быть советский Робинзон Крузо. Так, чтобы читатель не мог оторваться.

– Робинзон – это можно, – кратко сказал писатель.

– Только не просто Робинзон, а советский Робинзон.

– Какой же еще! Не румынский!

Писатель был неразговорчив. Сразу было видно, что это человек дела.

И действительно, роман поспел к условленному сроку. Молдаванцев не слишком отклонился от великого подлинника. Робинзон так Робинзон.

Советский юноша терпит кораблекрушение. Волна выносит его на необитаемый остров. Он один, беззащитный, перед лицом могучей природы. Его окружают опасности: звери, лианы, предстоящий дождливый период. Но советский Робинзон, полный энергии, преодолевает все препятствия, казавшиеся непреодолимыми. И через три года советская экспедиция находит его, находит в расцвете сил. Он победил природу, выстроил домик, окружил его зеленым кольцом огородов, развел кроликов, сшил себе толстовку из обезьяньих хвостов и научил попугая будить себя по утрам словами: «Внимание! Сбросьте одеяло, сбросьте одеяло! Начинаем утреннюю гимнастику!»

– Очень хорошо, – сказал редактор, – а про кроликов просто великолепно. Вполне своевременно. Но, вы знаете, мне не совсем ясна основная мысль произведения.

– Борьба человека с природой, – с обычной краткостью сообщил Молдаванцев.

– Да, но нет ничего советского.

– А попугай? Ведь он у меня заменяет радио. Опытный передатчик.

– Попугай – это хорошо. И кольцо огородов хорошо. Но не чувствуется советской общественности. Где, например, местком? Руководящая роль профсоюза?

Молдаванцев вдруг заволновался. Как только он почувствовал, что роман могут не взять, неразговорчивость его мигом исчезла. Он стал красноречив.

– Откуда же местком? Ведь остров необитаемый?

– Да, совершенно верно, необитаемый. Но местком должен быть. Я не художник слова, но на вашем месте я бы ввел. Как советский элемент.

– Но ведь весь сюжет построен на том, что остров обита...

Тут Молдаванцев случайно посмотрел в глаза редактора и запнулся. Глаза были такие весенние, такая там чувствовалась мартовская пустота и синева, что он решил пойти на компромисс.

– А ведь вы правы, – сказал он, подымая палец. – Конечно. Как это я сразу не

сообразил? Спасаются от кораблекрушения двое: наш Робинзон и председатель месткома.

– И еще два освобожденных члена, – холодно сказал редактор.

– Ой! – пискнул Молдаванцев.

– Ничего не ой. Два освобожденных, ну и одна активистка, сборщица членских взносов.

– Зачем же еще сборщица? У кого она будет собирать членские взносы?

– А у Робинзона.

– У Робинзона может собирать взносы председатель. Ничего ему не сделается.

– Вот тут вы ошибаетесь, товарищ Молдаванцев. Это абсолютно недопустимо.

Председатель месткома не должен размениваться на мелочи и бегать собирать взносы. Мы боремся с этим. Он должен заниматься серьезной руководящей работой.

– Тогда можно и сборщицу, – покорился Молдаванцев. – Это даже хорошо. Она выйдет замуж за председателя или за того же Робинзона. Все-таки веселей будет читать.

– Не стоит. Не скатывайтесь в бульварщину, в нездоровую эротику. Пусть она себе собирает свои членские взносы и хранит их в несгораемом шкафу.

Молдаванцев заерзал на диване.

– Позвольте, несгораемый шкаф не может быть на необитаемом острове!

Редактор призадумался.

– Стойте, стойте, – сказал он, – у вас там в первой главе есть чудесное место. Вместе с Робинзоном и членами месткома волна выбрасывает на берег разные вещи...

– Топор, карабин, бусоль, бочку рома и бутылку с противоцинготным средством, – торжественно перечислил писатель.

– Ром вычеркните, – быстро сказал редактор, – и потом, что это за бутылка с противоцинготным средством? Кому это нужно? Лучше бутылку чернил! И обязательно несгораемый шкаф.

– Дался вам этот шкаф! Членские взносы можно отлично хранить в дупле баобаба. Кто их там украдет?

– Как кто? А Робинзон? А председатель месткома? А освобожденные члены? А лавочная комиссия?

– Разве она тоже спаслась? – трусливо спросил Молдаванцев.

– Спаслась.

Наступило молчание.

– Может быть, и стол для заседаний выбросила волна?! – ехидно спросил автор.

– Не-пре-мен-но! Надо же создать людям условия для работы. Ну там графин с водой, колокольчик, скатерть. Скатерть пусть волна выбросит какую угодно. Можно красную, можно зеленую. Я не стесняю художественного творчества. Но вот, голубчик, что нужно сделать в первую очередь – это показать массу. Широкие слои трудящихся.

– Волна не может выбросить массу, – заупрямился Молдаванцев. – Это идет вразрез с сюжетом. Подумайте! Волна вдруг выбрасывает на берег несколько десятков тысяч человек! Ведь это курам на смех.

– Кстати, небольшое количество здорового, бодрого, жизнерадостного смеха, – вставил редактор, – никогда не помешает.

– Нет! Волна этого не может сделать.

– Почему волна? – удивился вдруг редактор.

– А как же иначе масса попадет на остров? Ведь остров необитаемый?!

– Кто вам сказал, что он необитаемый? Вы меня что-то путаете. Все ясно. Существует

остров, лучше даже полуостров. Так оно спокойнее. И там происходит ряд занимательных, свежих, интересных приключений. Ведется профработа, иногда недостаточно ведется. Активистка вскрывает ряд неполадок, ну хоть бы в области собирания членских взносов. Ей помогают широкие слои. И раскаявшийся председатель. Под конец можно дать общее собрание. Это получится очень эффектно именно в художественном отношении. Ну и все.

– А Робинзон? – пролепетал Молдаванцев.

– Да. Хорошо, что вы мне напомнили. Робинзон меня смущает. Выбросьте его совсем. Нелепая, ничем не оправданная фигура нытика.

– Теперь все понятно, – сказал Молдаванцев гробовым голосом, – завтра будет готово.

– Ну, всего. Творите. Кстати, у вас в начале романа происходит кораблекрушение. Знаете, не надо кораблекрушения. Пусть будет без кораблекрушения. Так будет занимательней. Правильно? Ну и хорошо. Будьте здоровы!

Оставшись один, редактор радостно засмеялся.

– Наконец-то, – сказал он, – у меня будет настоящее приключенческое и притом вполне художественное произведение.

1932

Честность

Когда гражданин Удобников шел по своему личному делу в пивную, на него сверху свалилось пальто с песьим воротником.

Удобников посмотрел на пальто, потом на небо, и наконец взор его остановился на большом доме, усеянном множеством окон и балконов.

– Не иначе как пальто с этажа свалилось, – совершенно правильно сообразил гражданин Удобников.

Но с какого этажа, с какого балкона свалилось пальто – понять было невозможно.

– Черт бы их подрал, жильцов стоеросовых, – сказал вслух Удобников. – Кидают свои песьи шубы, а ты их подымай!

И, перекинув на руку пальто, Удобников быстро пошел...

В первый этаж Удобников и не заходил. Ему было ясно, что оттуда пальто свалиться не могло.

И он начал обход квартир со второго этажа.

– Пардон, – сказал он в квартире № 3. – Не ваше ли пальтишко? Шел, понимаете, по личному делу, а оно на меня и свалилось. Не ваше? Жаль, жаль!

И честный Удобников двинулся дальше. Он сам себе удивлялся: «До чего же честные люди все-таки существуют!»

– Ведь вот, граждане, – разглагольствовал он в квартире № 12. – Я-то ведь мог пальто унести. А не унес! И жильцы, хотя бы вы, например, могли бы сказать: «Да, наше пальтишко. Спасибо вам, неизвестный гражданин!» А ведь не сказали. Почему? Честность! Справедливость! Свое не отдам и чужое не возьму. Ну, пойду дальше, хотя и занят личным делом. Пойду.

И чем выше он поднимался, тем теплее становилось у него на душе. Его умиляло собственное бескорыстие.

И вот наконец наступила торжественная минута. В квартире № 29 пальто опознали.

Хозяин пальто, пораженный, как видно, добропорядочностью Удобникова, с минуту молчал, а потом зарыдал от счастья.

– Господи, – произнес он сквозь слезы. – Есть еще честные люди!

– Не без того, имеются, – скромно сказал Удобников. – Мог я, конечно, шубенку вашу унести. Но вот не унес! А почему? Честность заела. Что шуба! Да если б вы бриллиант или же деньги обронули, разве я бы не принес? Принес бы!

Дети окружили Удобникова, восклицая:

– Честный дядя пришел!

И пели хором:

На тебя, наш честный дядя,
Мы должны учиться, глядя.

Потом вышла хозяйка и застенчиво пригласила Удобникова к столу.

– Выпьем по стопке, – сказал хозяин, – по севастопольской.

– Простите, не употребляю, – ответил Удобников. – Чаю разве стакашек!

И он пил чай, и говорил о своей честности, и наслаждался собственной добродетелью.

Так было бы, если бы гражданин Удобников действительно отдал упавшее на него пальто. Но пальто он унес, продал и, сидя пьяный в пивной, придумывал всю эту трогательную историю.

И слезы катились по его лицу, которое могло бы быть честным.

1930

Илья Ильф

«Подали боржом, горячий, как борщ»

Из записных книжек

Такой некультурный человек, что видел во сне бактерию в виде большой собаки.

Боязнь подхалимажа дошла до такой степени, что с начальством были просто грубы.

Белые, эмалированные уши.

Человек хороший и приятный, но так похож лицом на брата, что поминутно ждешь от него какой-то гадости.

Порвал с сословием мужчин и прошу считать меня женщиной.

Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу.

Иванов решает нанести визит королю. Узнав об этом, король отрекся от престола.

Больной моет ногу, чтоб пойти к врачу. Придя, он замечает, что вымыл не ту ногу.

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, у кого ты украл эту книгу.

Дама с мальчиком остановилась у окна парикмахерской. Красные и розовые болванки с париками.

– А я знаю, что это такое, – говорит мальчик.

– Что?

– Скальп.

Почему я должен уважать бабушку? Она меня даже не родила.

Омолодился – и умер от скарлатины.

Путаясь в соплях, вошел мальчик.

Почему он на ней женился, не понимаю. Она так некрасива, что на улице оборачиваются. Вот и он обернулся. Думает: что за черт? Подошел ближе, ан уже было поздно.

«Достиг я высшей меры».

Как у наших у ворот,

У нашей калитки

Удавился коммунист

На суровой нитке.

Он не знал нюансов языка и говорил сразу: «О, я хотел бы видеть вас голой».

Не только поит и кормит, а закармливает и спаивает.

Он стоял во главе мощного отряда дураков.

Палочки выбивают бешеную дробь о барабанную перепонку.

...Ей четыре года, но она говорит, что ей два. Редкое кокетство.

Он обязательно хотел иметь костюм с двумя парами брюк. Портной не мог этого понять. «Зачем вам две пары брюк? Разве у вас четыре ноги?»

...Раньше зависть его кормила, теперь она его гложет.

Соседом моим был молодой, полный сил идиот.

Ели косточковые, играли на щипковых.

Жила-была на свете тихая семейка: два брата-дегенерата, две сестрички-истерички, два племянника-шизофреника и два племянника-неврастеника.

В подражание Шота Руставели

Терек, Терек, ты быстер,
Ты ведь не овечка,
В порошок меня бы стер
Этот самый речка.

Лису он нарисовал так, что ясно было видно – моделью ему служила горжетка жены.

Появилось объявление о том, что продается три метра гусиной кожи. Покупатели-то были, но им не понравилось – мало пупырышков.

Звали ее почему-то Горпина Исаковна.

«Когда я вырасту и овладею всей культурой человечества, я сделаюсь кассиршей».

У баронессы Гаубиц большая грудь, находящаяся в полужидком состоянии.

Вечерняя газета писала о затмении солнца с такой гордостью, будто это она сама его устроила.

Позавчера ел тельное. Странное блюдо! Тельное. Съел тельное, надел исподнее и

поехал в ночное. Идиллия.

Полное медицинское счастье. Дом отдыха милиционеров. По вечерам они грустно чистили сапоги все вместе или с перепугу бешено стреляли в воздух.

Пролетарская красная роза
Расцветала в публичном саду,
И дрожала она, как мимоза,
Тщетно ждя своего череду.

Шолом-Алейхем приезжает в Турцию. «Селям алейкум, Шолом-Алейхем», – восторженно кричат турки. «Бьем челом», – отвечает Шолом.

Сторож при морге говорил: «Вы мертвых не бойтесь. Они вам ничего не сделают. Вы бойтесь живых».

Пижон, на висках которого сверкала седина. На нем была синяя рубашка, лимонный галстук, бархатные ботинки. Весь куб воздуха, находящийся в комнате, он втягивал в себя одним дыханием. После него нечем было дышать, в комнате оставался лишь один азот.

«Надо портить себе удовольствие, – говорил старый ребе. – Нельзя жить так хорошо».

Все пьяные на улице поют одним и тем же голосом и, кажется, одну и ту же песню.

«Мишенькины руки панихиды звуки могут переделать на фокстрот».

Потолстеть скорее чтобы,
Надо есть побольше сдобы.

Анекдот о петухе, которого несут к часовщику, потому что он стал петть на час раньше.

Выскочили две девушки с голыми и худыми, как у журавлей, ногами. Они исполнили танец, о котором конферансье сказал: «Этот балетный номер, товарищи, дает нам яркое, товарищи, представление о половых отношениях в эпоху феодализма».

– Кому вы это говорите? Мне, прожившему большую неинтересную жизнь?

Почти втрое или более чем вдвое. Но все-таки сколько это? И как это далеко от точности, если один математик о тридцать шестом годе выражался так: «У нас сейчас, грубо говоря, тысяча девятьсот тридцать шестой год». Грубо говоря.

«Продажа кеп». Веселое и вольное правописание последнего частника.

Пусть комар поет над этой могилой.

А это, товарищи, скульптура, называющаяся «Половая зрелость». Художественного

значения не представляет.

Был у него тот недочет, что он был звездочет.

Марк Аврелий
Не еврей ли?

«Ты меня совсем не любишь! Ты написал мне письмо только в двадцать грамм весом. Другие получают от своих мужей по тридцать и даже пятьдесят грамм».

Пьяный в вагоне беседовал со своим товарищем. При этом часть слов он говорил ему на ухо, а часть произносил громко. Но он перепутал – приличные слова говорил шепотом, а неприличные выкрикивал на весь вагон.

Вчера была температура, какой не было пятьдесят лет. Сегодня – температура, которой не было девяносто два года. Завтра будет температура, какая была только сто шестьдесят шесть лет назад, в княжестве Монако, в одиннадцать часов утра, в тени. Что делали жители в это утро и почему они укрывались именно в тени, где так жарко, – ничего не сказано.

Он вошел и торжественно объявил: «Мика уже мужчина».

Ноги грязные и розовые, как молодая картошка.

Напился так, что уже мог различать мелкие чудеса.

Любовь к этим словам неистребима. Глубоко, на дюйм врезаны они в кору деревьев.

– Кто идет?

– Дождь!

(старинная поговорка)

Торопитесь, через полчаса вашей даме будет сто лет.

Ни пером описать, ни гонораром оплатить.

Обвиняли его в том, что он ездил в баню на автомобиле. Он же доказывал, что уже 16 лет не был в бане.

Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащему.

«В погоне за длинным рублем попал под автобус писатель Графинский». Заметка из отдела происшествий.

Раменский куст буфетов. Куст буфетов, букет ресторанов, лес пивных.

Началось это с того, что подошла к нему одна девушка и воскликнула: «Знаете, вы так

похожи на брата мужа моей сестры». Потом какой-то человек долго на него смотрел и сказал ему: «Я знаю, что вы не Курдюмов, но вы так похожи на Курдюмова, что я решился сказать вам об этом». Через полчаса еще одна девушка обратилась к нему и интимно спросила:

- Обсохли?
- Обсох, – ответил он на всякий случай.
- Но здорово вы испугались вчера, а?
- Когда испугался?
- Ну, вчера, когда тонули!
- Да я не тонул!
- Ой, простите, но вы так похожи на одного инженера, который вчера тонул!

«Двенадцать часиков пробило.
Вся публичка домой пошла.
Зачем тебя я полюбила,
Чего хорошего нашла».

1925–1937

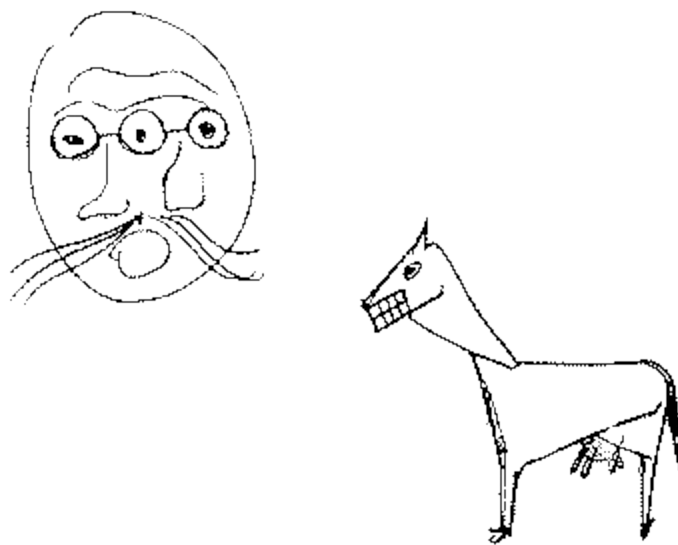

Рис. И. Ильфа

Было мне тогда семь лет, а теперь шестьдесят;

легко высчитать, когда это случилось. Жил я в предместье крупного приморского города, у тетки-вдовы. В городе, в числе прочих неудобств, была двухклассная школа, основанная двумя барышнями. Публика смотрела на это учреждение косо: впоследствии я сообразил, что оно было, вероятно, создано с передовыми намерениями – барышни, по-видимому, начитались книжек. Нам, детям, велено было звать их не по имени-отчеству, а просто Катя и Маруся. Катя поставляла всю науку для первого класса, Маруся – для второго. Переходных экзаменов не было: просто иногда врывается в первый класс Маруся, вдруг, посреди урока, и объявляла указ о том, что такие-то через «е» и такие-то через «я» переходят во второй; и оглашенные, забрав книжки и свертки с завтраком, «переходили» – причем обыкновенно стоял вой, ибо Катя числилась доброй, а Маруся напротив. Из вышеупомянутой вариации правописания вытекает, что школа была смешанная. Это и была главная причина, почему на нее косились. Многие недоумевали, как могло правительство разрешить училище – по выражению местного остряка – для мальчиков и девочек обоего пола. Но школ было мало, и потому у отважных барышень была целая толпа учеников, включая меня и Белку.

Настоящего имени ее не помню. Много лет спустя я встретил взрослую госпожу, которая училась когда-то в той же школе и которая мне почему-то показалась продолжением Белки; но она покраснела и ответила упорным отрицанием. Облика Белки я тоже не помню, хотя иные, выслушав мой доклад, почтут это странным ввиду тех исключительно благоприятных для наблюдения условий, при коих однажды я имел возможность ее изучать. Помню только, что она была старше меня, лет одиннадцати, и принадлежала к аристократии второго класса. Это было для меня достаточной причиной, чтобы не интересоваться ни ею, ни ее именем, ни внешностью.

Мои друзья были Адмирал и Кися. Адмирал был мой сосед по парте, первый силач нашего класса; я стыдливо обожал его манеру обращения со мною – это была упоительная, головокружительная смесь презрения с покровительством. Кися была еще моложе меня – «младше» на нашем наречии. Она была моя «пара». Парой называлась у нас потребительская кооперация: на большой перемене оба члена каждой пары обязаны были предъявить друг другу свои съестные припасы в целях обоюдодыгодного обмена. Когда у меня была сардинка, Кися всегда получала хвостик или даже бюст, если я был ею (то есть Кисей) доволен, зато мне предоставлялось право догрызть ее пшенку (на книжном языке она называется кукуруза) – только иногда приходилось вовремя дернуть ее за косу, иначе она по инерции вторгалась в мою половину этой деликатесы.

Я был вполне доволен обществом Киси и Адмирала (почему его так называли, рассказать не хочу) и знать не знал и думать не думал ни о каких посторонних фигурах – менее всего о Белке.

Конец моему счастью положил водовоз. В теткиной семье не было мужчин, а потому некому было водить меня в баню, а потому тетка лично, раз в неделю, обрабатывала меня в корыте. Водовоз давно протестовал против такой экстравагантности, утверждая, будто лошадь его чует эти три лишних ведра в бочке и потому с нею по субботам нет сладу. Разногласие кончилось оживленной дискуссией, он сказал тетке что-то ужасное, но был тут

же – словесно – разбит наголову; однако победа осталась за ним, ибо он наотрез отказался впредь поставлять сверхсметные ведра. В то утро был на свете один счастливый мальчик, а именно я. Но счастье мелькнуло и отлетело, потому что тетка постановила взять меня в тот же вечер с собой и кузинами в специальное чистилище для дам. Кассирша была ее приятельница, а вид у меня был совсем еще безвредный: раза два на железной дороге тетя выдала меня за пятилетнего, и кондуктор поверил.

Не знаю, как для кого – теперь на свете много людей с опытом широким и разнообразным, – но в моей жизни это было совершенно исключительное впечатление. Хуже всего то, что и впечатления никакого не получилось. Помню только большую комнату, полную дам, у которых у всех были чепчики на голове; было страшно жарко и скользко, пар стоял туманом, и тетка сто лет подряд царапала меня мыльной мочалкой, словно вымещая на моей коже водовозово красноречие. Покончив со мною, она увела кузин в другую комнату, где были полки: ибо любила забраться на самый верх, где, по ее словам, человек становится на десять лет моложе. Я остался один в этом странном и неприветливом мире; забился в угол на скамье, скрестил ноги по-турецки и предался грустным помыслам о несправедливости рока.

И вдруг я увидел – даже не знаю, как это сказать – увидел что-то, смутно похожее на что-то. Сначала я обратил внимание на эту фигуру потому, что костюм ее отличался от костюма других – то есть на ней не было даже чепчика, и косы ее были связаны в смешной пучок на макушке. Но я тут же заметил, что и она почему-то смотрит мне прямо в лицо с другого конца комнаты; и еще через мгновение, полный внутренней паники, я вдруг сообразил, что она принадлежит к миру, который я знаю. Трудно себе представить (впрочем, может быть, есть и такие, которым не трудно, – это опять-таки дело опыта и навыка), до чего нелегко узнать человека при таких радикально измененных условиях. Только тогда, когда она медленно и уверенно двинулась по направлению ко мне, – только тогда я окончательно понял, что это Белка. Она подошла близко, на шаг или меньше, спокойно осмотрела меня с головы до ног и потом опять уставилась мне в глаза со строгим и неодобрительным выражением на лице. Я так смутился, что кивнул ей головою, хотя и отдавал себе отчет, что это вряд ли при таких условиях принято. Она не обратила на мое приветствие никакого внимания и сказала негромко, но тоном бесконечной повелительности:

– Этого чтоб никогда больше не было.

Госпожа царственных размеров, вероятно мать, взяла ее после этого за руку и стала тереть мочалкой; тетка моя вынырнула из-за парной завесы, красная как бурак, и мы пошли домой.

Я проснулся на следующее утро с ясным сознанием, что влюблен. Nonni soit [\[4\]](#), кто посмеет пришить к этому факту фрейдовскую подкладку. Я свои чувства помню ясно: я влюбился в ее лицо, и только. Тысячу раз бывает, что видишь лицо, картину, пейзаж чуть ли не каждый день, и никакого впечатления они на тебя не производят; но вдруг, благодаря новой раме, или новой шляпке, или случайной игре луча, они тебя захватывают. Ее наряд накануне сыграл просто эту роль – новой рамки для ее лица.

Но я очень влюбился. Это выразилось даже в физическом неудобстве: когда я думал о Белке, мне трудно было дышать как следует – кто-то словно зажал в кулаке мое сердце, как воробьиного птенца, не крепко, но как раз достаточно для того, чтобы не дать человеку вздохнуть во всю ширину. Это было неудобно, больно и великолепно. Я не помню, как я

провел то воскресенье, но знаю, что это было блаженное и гордое воскресенье. Гордость меня переполняла; я решил, что никто никогда ничего не должен узнать. Разве, пожалуй, чуть-чуть намекну Адмиралу: он такой мужественный, несмотря на колыбельное происхождение его клички, и приятно будет дать ему понять, что и во мне что-то есть особенное – а что, не скажу. А впрочем, вряд ли стоит намекать даже Адмиралу. Кисе, конечно, ни слова. Но одно ясно: Белке я дам жить в безмятежном покое, не нарушенном ни даже дымкой подозрения о моей чудесной боли. Я решил не смотреть на нее. Пройдет – отвернусь. Может быть, даже попрошу тетку перевести меня в другую школу, хотя она способна разговориться на тему о том, что только недавно уплатила двадцать рублей за полугодие. Как бы там ни было – Белке ни слова, ни взгляда; нельзя портить волшебную тайну бурю прозой встреч и бесед.

Вспоминая об этом теперь, начинаю понимать, зачем Петрарка и вся та компания так усердно всю жизнь старались держаться подальше от своих возлюбленных. Дело, очевидно, в том, что это были младенческие годы человечества. Поклонение Принцессе Грезе есть, в сущности, детская привилегия. И еще одно: да не дерзнет никто сказать, что я передаю свои воспоминания в неправильном стиле, вставляя мысли и выражения, недоступные ребенку. Я утверждаю, что чувствовал тогда все то, что здесь рассказано, и еще много больше, но только в других словах и образах, бесконечно более красивых. Ни одному поэту не сравняться с чудом детской мысли; а впрочем, это не относится к делу.

В понедельник, по дороге в школу, я твердо решил ничего не говорить даже Адмиралу. Но оказалось, что в это утро он почему-то действовал мне на нервы. Прежде я любил сознать его превосходство, любоваться небрежным молодечеством, с которым он списывал диктовку через плечо мальчика на первой скамье или съедал свой завтрак во время урока. Но сегодня меня это раздражало. В конце концов, когда мне будет столько лет, сколько ему теперь, я могу сделаться таким же силачом, и еще в семьдесят семь раз сильнее; а кто ест свой завтрак до большой перемены, тот обманывает не просто Катю, что, конечно, «ловко», но и свою пару, что уже нехорошо. А списывать? Я и теперь мог бы его перещеголять, но только мальчик, сидящий перед ним, чересчур высок и широк для меня, а мальчик, сидящий передо мною, сам давно раз навсегда потерял в моих глазах свой научный авторитет: не знал, где именно пишется «ять» в слове «дешевле». Общий вывод у меня получился тот, что глупо терпеть бессознательное Адмиралово самомнение, когда у меня самого в кармане такая бомба. Словом, я низко уткнулся в диктовку и шепнул:

– А я тебе могу рассказать такое, что у тебя глаза на лоб вылезут.

– Ерунда. Что?

Кончено: я стоял на грани рокового шага, который раз навсегда отрежет всю мою прошлую жизнь, семь лет четыре месяца одиннадцать дней, – на пороге нового, жуткого, головокружительного бытия. Я зарыл свой нос в тетрадь и прошипел:

– Я влюбился в Белку-второклассницу.

В жизни я не видел, ни до того, ни после, чтобы человек так зарделся, как покраснел Адмирал. Он разинул рот. Он положительно заикался:

– В... врешь!

Шепотом я отчеканил формулу клятвы, которая в школе считалась ненарушимой; начиналась она со слов «Покарай меня...», но конца я не смею процитировать – могу только упомянуть, что девочки этой клятвы не произносили, да она и логически не была к ним применима. По всем традициям, после этой клятвы сомневаться не полагалось. Но случай

был слишком необычайный для точного следования традиции. Я почувствовал, что Адмирал все еще не убежден; и тут же по тому беспроволочному телеграфу, которым Бог наделил зверей и детей, мне точно передалось, что именно должен я сделать, дабы уверить его окончательно. И сделал. Катя только что продиктовала: «Возьми карандаш и листочек бумаги...» Вместо того я написал большими буквами «Белка», толкнул Адмирала ногой и шепнул:

– Смотри.

Он посмотрел и моментально убедился, навеки и бесповоротно, – я же намуслил палец, растер свежие чернила в бесформенное пятно (это гораздо радикальнее, чем просто зачеркнуть) и написал, как ни в чем не бывало: «лесточик».

Пятиминутную перемену после первого урока я провел отшельником. Мне не хотелось смешиваться с толпой. Я ушел в дальний угол двора и там, между курятником и колодцем, пять минут подряд шагал взад и вперед. Попытался было скрестить руки на груди, но тогда неудобно стало шагать; поэтому я скрестил руки сзади, на поясице, и принял выражение важное и недоступное. Я ни разу даже не оглянулся на чернь, хотя все же не мог отделаться от снисходительного удовлетворения при мысли, что многие, вероятно, обратили внимание на мой образ действий и спрашивают друг друга: «Чего этот осел бродит там одинешенек?» Раз мне показалось, что слышу голос Белки: «Ника, брось, а то опять отлуплю!» Судя по последнему слову, это был именно ее голос. У Белки была большая боевая репутация. Голос ее бросил меня в жар; но я не обернулся.

И во время урока я сохранял ту же холодную отчужденность. Это была Священная история – предмет, который мы любили, потому что Катя увлекалась и забывала вызывать, и можно было спокойно беседовать друг с другом или меняться марками. У меня был в кармане красный Гонконг; Адмирал на днях обещал дать мне за него Монако плюс старую семикопеечную без стрелок (большая редкость). Но я не хотел ни говорить с Адмиралом, ни осквернить свой праздник торговлей... Адмирал, очевидно, был и сам подавлен моим возвышением. Он не сказал мне ни слова – только изредка косился в мою сторону, крадучись, с видом почти испуганного любопытства.

Вторая перемена: десять минут. Я опять зашагал от колодца к курятнику. На этот раз сомнения не было: они все на меня смотрели. Не глядя, я видел, как они собирались кучками, но издали, обмениваясь замечаниями, которых я не слышал и которыми не интересовался. Большой, по-видимому, спрос был на Адмирала: некоторые кучки приглашали его на консультацию, к другим он подходил по собственному почину. Не слыша, я мог, однако, без труда построить в своем воображении весь ход их беседы. Я представлял себе загадочный вид, с которым Адмирал отказывался от дачи показаний. «Конечно, знаю. Очень удивительная вещь, но я обещал не рассказывать». Мне показалось, что кто-то захихикал – обычный отклик вульгарной души, когда она стоит лицом к лицу с тайнством.

На третьем уроке Катя была невыносимо надоедлива; и кто-то с камчатки запустил в меня комком жеваной промокашки. Я не оглянулся.

В начале большой перемены я сделал, по-моему, *un beau geste*^[5]. Кися, моя пара, ждала меня с широко раскрытыми глазами, полными вопросительных знаков. Я сказал: «Кися, я не хочу есть, возьми все – кроме половины моего кавуна», – и, не дожидаясь спасибо, я сломал ломоть надвое и удалился, погрузив рот и щеки в упругое, ароматное, прохладное мясо монастырского арбуза и далеко выплевывая черные косточки с тщательным изяществом. На этот раз я уселся на срубе колодца, спиной ко всем. Я подобрал под себя ноги по-турецки:

это мне живо напомнило тот вечер, жар и румянец залил мне лицо, и ясно опять я почувствовал ту чудесную жестокую руку вокруг сердца... Вдруг, без всякого повода и перехода, страшная мысль ударила меня по темени. Ведь я забыл взять с Адмирала клятву, что он никому не расскажет! В первый миг я не поверил своей памяти. Это было чудовищно невозможно. Это было против всех обычаев школы. Даже ближайшим друзьям никто ничего не поверял, не потребовав заранее произнесения той самой непередаваемой формулы. Адмирал ее не произнес. Это было ужасно. Я начал подозревать, что лестное внимание моих коллег во время второй перемены объяснялось, может быть, не столько заинтригованным изумлением, сколько точным знанием всех обстоятельств дела; и что весь ход их перешептывания с Адмиралом был совершенно не тот, как я воображал. Он разболтал, этот... И я безмолвно применил к нему краткое слово, живописующее ту непростительную слабость, которой он обязан был своим позорным прозвищем.

В эту минуту я услышал крик. Это взывала ко мне Кися, вопя изо всех сил:

– Удирай! Белка ищет тебя! Белка идет тебя лупить!

Я обернулся и увидел свою «пару» – она бежала ко мне, и ее косы прыгали вокруг головы. Школа давно успела прожевать свои завтраки, и уже со всех сторон сбегались они полюбоваться на драку; а вдали, в первый раз за этот день, я увидел Белку, тонкую, быстроногую, без спешки несущуюся в направлении моего угла, бледную, как ангел смерти. Я знал ее воинские таланты; но срам мой был еще больше страха. Я вскочил и помчался в дверь, оттуда в сени, оттуда вверх по лестнице. Кися, запыхавшись, бежала за мной и все время выкрикивала что-то бестолковое; она была в таком перепуге, что уж и не помнила слов – но я слышал ясно, как она кричала:

– Белка, Белка, он бежит по лестнице! Он прячется в раздевальной!

Я уверен, что Кися не хотела меня выдать, но она была очень взволнована и просто не могла удержать свои впечатления.

Должен признаться, что я действительно спрятался в раздевальной. Я был раздавлен унижением, больше не чувствовал ни горя, ни обиды, с одним только желанием – умереть. Готов и поныне настаивать, что я, собственно, не спрятался: эти пальто и кофточки, среди которых я забился, были, в сущности, единственным подвернувшимся мне суррогатом самоубийства. Но суррогаты всегда бесполезны. Пролетела секунда – и я услышал бегущие легкие шаги; сильная рука вытащила меня из-под чьей-то полы – я зажмурил глаза и подчинился. Слышал я гневные слова, чувствовал косточки твердого кулака на своей переносице, удар ее ладони на моей щеке – мне было все равно. Мое бесчувствие разозлило ее, она сказала: «А, ты так?» – и рука ее схватила меня за волосы, рванула голову назад и вниз; я был вынужден свалиться на колени, и она больно зажала мой затылок и шею в сгибе локтя. Тогда я взглянул и прямо над собой увидел бледное лицо и горящие глаза; ее зубы не были сжаты, словно она хотела укусить; и, отпустив мои волосы, она высоко занесла правую руку для нового удара. Кися захлебывалась и бормотала у двери; прежде чем ударить, Белка обернулась к ней и крикнула:

– Убирайся, не то...

Я услышал топот убегающей Киси. Белка опять замахнулась. Но теперь на меня что-то нашло: теперь я ненавидел ее, во мне нарастал мятеж, желание унижить и оскорбить ее, и будь что будет. Прямо ей в лицо, так близко нагнувшееся к моему, что я чувствовал ее дыхание, прямо в лицо ей я злобно прошипел:

– Это правда, я тебя люблю, и ничего ты со мной не поделаешь!

Я опять зажмурился и ждал удара, дивясь, что он все еще не упал. Рука, сзади сжимавшая мою шею, стиснула еще сильнее; мне трудно было дышать. Вдруг ее дыхание на моей щеке стало жарче и ближе. Она в самом деле хотела укусить; с ней это бывало, я знал; и опять в торжестве отчаяния я шепотом повторил свое оскорбление:

– Это правда...

Странная оказалась у нее манера кусаться. Это было не так больно, как я ожидал, – или если больно, то совсем по-другому. Оглядываясь теперь на то время, я вынужден прийти к заключению, что Белка была много старше своих лет. Укус ее тянулся без конца, века за веками, я задыхался, сначала это была пытка, но потом, по мере того как скользили века за веками, пытка прошла, осталось только что-то новое и – не умею рассказать, какое. Вдруг это кончилось, я был свободен. Я не хотел встать; я сидел на полу, спрятав лицо в не знаю чью сорвавшуюся кофточку. Еще с секунду длилось молчание; потом я опять услышал ее голос, несколько издали, голос спокойный, холодный и повелительный:

– Этого чтоб больше не было.

Она ушла, а я плакал одиноко о своем унижении и о многом другом. Кися пробралась ко мне на цыпочках и присела рядом; она всхлипывала, но все же гладила меня по голове и повторяла, утешая:

– Это ничего, ведь ты ей тоже дал сдачи.

Она знала, что это неправда; но, может быть, и Кися была женщина.

(?)

Александр Архангельский

Мой первый сценарий Пародия на И. Бабеля

Беня Крик, король Молдаванки, неиссякаемый налетчик, подошел к столу и посмотрел на меня. Он посмотрел на меня, и губы его зашевелились, как черви, раздавленные каблуками начдива-восемь.

– Исаак, – сказал Беня, – ты очень грамотный и умеешь писать. Ты умеешь писать об чем хочешь. Напиши, чтоб вся Одесса смеялась с меня в кинематографе.

– Беня, – ответил я, содрогаясь, – я написал с тебя много печатных листов, но, накажи меня Бог, Беня, я не умею составить сценариев.

– Очкарь! – закричал Беня ослепительным шепотом и, вытащив неопикуемый наган, помахал им. – Сделай мне одолжение, или я сделаю тебе неслыханную сцену!

– Беня, – ответил я, ликуя и содрогаясь, – не хватай меня за грудки, Беня. Я постараюсь сделать об чем ты просишь.

– Хорошо, – пробормотал Беня и похлопал меня наганом по спине.

Он похлопал меня по спине, как хлопают жеребца на конюшне, и сунул наган в неопикуемые складки своих несказанных штанов.

За окном, в незатейливом небе, сияло ликующее солнце. Оно сияло, как лысина утопленника, и, неопикуемо задрожав, стремительно закатилось за невыносимый горизонт.

Чудовищные сумерки как пальцы налетчика зашарили по несказанной земле. Неисчерпаемая луна заерзала в ослепительном небе. Она заерзала, как зарезанная курица, и, ликуя и содрогаясь, застряла в частоколах блуждающих звезд.

– Исаак, – сказал Беня, – ты очень грамотный и носишь очки. Ты носишь очки и ты напишешь с меня сценарий. Но пускай его сделает только Эйзенштейн. Слышишь, Исаак?

– Хвороба мне на голову! – ответил я страшным голосом, ликуя и содрогаясь. – А если он не захочет? Он работает из жизни коров и быков, и он может не захотеть, Беня.

– ...в Бога, печенку, селезенку! – закричал Беня с ужасным шепотом. – Не выводи меня из спокойствия, Исаак! Нехай он крутит коровам хвосты и гоняется за бугаями, но нехай он сделает с моей жизни картину, чтоб смеялась вся Одесса: и Фроим Грач, и Каплун, и Рувим Тартаковский, и Любка Шнейвейс.

За окном стояла неистошима ночь, она сияла, как тонзура, и на ее неопикуемой спине сыпь чудовищных звезд напоминала веснушки на лице Афоньки Бида.

– Хорошо, – ответил я неслыханным голосом, ликуя и содрогаясь. – Хорошо, Беня. Я напишу с твоей жизни сценарий, и его накрутит Эйзенштейн.

И я пододвинул к себе стопку бумаги. Я пододвинул стопку бумаги, чистой, как слюна новорожденного, и в невообразимом молчании принялся водить стремительным пером.

Беня Крик, как ликующий слепоглухонемой, с благоговением смотрел на мои пальцы. Он смотрел на мои пальцы, шелестящие в лучах необузданного заката, вопиющего, как помидор, раздавленный неслыханным каблуком начдива-десять.

Раскаянье

Пародия на Ю. Олешу

Директору треста пищевой промышленности, члену общества политкаторжан
Бабичеву.

Андрей Петрович!

Я плачу по утрам в клозете. Можете представить, до чего довела меня зависть. Несколько месяцев назад вы подобрали меня у порога пивной. Вы приютили меня в своей прекрасной квартире. На третьем этаже. С балконом.

Всякий на моем месте ответил бы вам благодарностью.

Я возненавидел вас. Я возненавидел вашу спину и нормально работающий кишечник, ваши синие подтяжки и перламутровую пуговицу трикотажных кальсон.

По вечерам вы работали. Вы изобретали необыкновенную чайную колбасу из телятины. Вы думали о снижении себестоимости обедов в четвертак. Вы не замечали меня.

Я лежал на вашем роскошном клеенчатом диване и завидовал вам. Я называл вас колбасником и обжорой, барином и чревоугодником.

Простите меня. Я беру свои слова обратно. Кто я такой? Деклассированный интеллигент. Обыватель с невыдержанной идеологией. Мелкобуржуазная прослойка.

Андрей Петрович! Я раскаиваюсь. Я отмежевываюсь от вашего брата. Я постараюсь загладить свою вину. Я больше не буду.

У меня неплохие литературные способности. Дайте мне место на колбасной фабрике. Я хочу служить пролетариату. Я буду писать рекламные частушки о колбасе и носить образцы ее Соломону Шапиро.

Это письмо я пишу в пивной. В кружке пива отражается вселенная. На носу буфетчика движется спектральный анализ солнца. В моченом горохе плывут облака.

Андрей Петрович! Не оставьте меня без внимания. Окажите поддержку раскаявшемуся интеллигенту.

В ожидании вашего благоприятного ответа остаюсь уважающий вас

Николай Кавалеров

P. S. Мой адрес:

Здесь, вдове Аничке Прокопович – для меня.

Я спешно...

Пародия на В. Катаева

(«Капитанская дочка»)

Я спешно приближался к географическому месту моего назначения. Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухолями холмов и черной оспой оврагов. Все было густо посыпано бертолетовой солью снега. Шикарно садилось страшно утопическое солнце.

Крепостническая кибитка, перехваченная склеротическими венами веревок, ехала по узкому каллиграфическому следу. Параллельные линии крестьянских полозьев дружно морщили марлевый бинт дороги.

Вдруг ямщик хлопотливо посмотрел в сторону. Он снял с головы крупнозернистую барашковую шапку и повернул ко мне потрескавшееся, как печеный картофель, лицо кучера диккенсовского дилижанса.

– Барин, – жалобно сказал он, напирая на букву «а», – не прикажешь ли воротиться?

– Здравсте! – изумленно воскликнул я. – Это зачем?

– Время ненадежное, – мрачно ответил ямщик, – ветер подымается. Вишь, как он закручивает порошу. Чистый кордебалет!

– Что за беда! – беспечно воскликнул я. – Гони, гони! Нечего ваньку валять!

– А видишь там что? – Ямщик дирижерски ткнул татарским кнутом на восток.

– Черт возьми! Я ничего не вижу!

– А вон, вон облачко.

Я выглянул из кибитки, как кукушка.

Гуттаперчевое облачко круто висело на краю алюминиевого неба. Оно было похоже на хорошо созревший волдырь. Ветер был суетлив и проворен. Он был похож на престижителя. Ямщик пошевелил деревенскими губами. Они были похожи на высохшие штемпельные подушки. Он панически сообщил, что облачко предвещает буран.

Я спрятался в кибитку. Она была похожа на обугленный кокон. В ней было темно, как в пушечном стволе неосвещенного метрополитена.

Нашатырный запах поземки дружно ударил в нос. Черт подери! У старика был страшно шикарный нюх.

Это действительно приближался доброкачественный, хорошо сретированный буран.

Пародии на Э. Багрицкого

Арго

Дума про Эдуарда

Вы послушайте, ребята,
Слушайте, соседи:
Были на селе два брата —
Опанас да Эдя.

Не одна во поле чистом
Дороженька вьется,
А одна – к конструктивистам,
Другая – к махновцам.

Не шуми ты, мое жито,
Не лайте, собаки, —
Опанас пошел в бандиты,
Эдуард – в писаки!

Было Опанасу скучно,
Зарядил нагана
И убил собственноручно
Иосифа Когана.

Нацепил Панько кокарду
И – кругом шашнадцать!
А за это Эдуарду
Пришлось распинаться!

Ой, лиха беда стряслася!
Что-то только будет?
Эдуарда с Опанасом
Смешивают люди.

Ой ты, песня, лейся тише
Над скошенным стогом.
Кто ж статью про Эдю пишет?
Опять-таки Коган!

Пишет Коган, пишет яро
Про Махнову сгоночь,
Да не тот, что комиссар, а
Тот, что Петр Семеныч!

Аноним

Мы на лодочке катались

По Черному морю, по волнам белесым
С тобою в шаланде мы плыли в Одессу.
Летели над нами соленые брызги.
Сидели в шаланде влюбленные вдрызг мы.

Но только к тебе я хотел прислониться,
Чтоб вместе с тобою под ручку пройтись,
А ветер как взвоят, а ветер как всвищет,
Как двинет волною под самое днище!

Хлебнула шаланда воды по края.
– Постой, – говорю, – дорогая моя!
Катись со своею «под ручкою» к бесу,
Добраться б нам только живыми в Одессу!

Рабинович и другие Одесские анекдоты

Звонок по телефону.

– Рабиновича можно?

– Нет.

– Он в командировке?

– Нет.

– В отпуске?

– Нет.

– Болеет?

– Нет.

– Я вас правильно понял?

– Да.

* * *

Еврейская мама дарит своему сыну два галстука. Он повязывает один из них, приходит к ней в гости, она открывает дверь и говорит:

– Лева, а что, другой галстук тебе не понравился?

* * *

Жена упрекает мужа:

– Позавчера ночью ты вернулся вчера. Вчера ты вернулся сегодня. Если сегодня ты вернешься завтра, то я сейчас же возвращаюсь к маме!

* * *

Муж пишет жене письмо из длительной командировки: «Дорогая Соня, лучше тебя нет ни одной женщины на свете. Вчера я опять в этом убедился».

* * *

- Гуревич, а вот сколько вы дадите за мою жену?
- Ни копейки.
- Уже договорились!

* * *

Он нежно обнял ее и спросил:

- Я твой первый мужчина?

Она долго смотрела на него, потом ответила:

- Может быть... То-то, думаю, где я тебя раньше видела?

* * *

- Рабинович, скажите: что такое счастье?
- Счастье – это жить в нашей советской стране.
- А несчастье?
- Это иметь такое счастье.

* * *

Телефонный звонок.

- Абраша, привет! Как жизнь?
- Хорошо.
- Ой, простите, я не туда попал.

* * *

Рабинович, Циперович и Кацман бегут за уходящим поездом. Рабинович и Циперович успевают прыгнуть на ходу, а Кацман – нет. Поезд уходит, а Кацман стоит на перроне и смеется.

- Что вы смеетесь? – спрашивают его.
- Они же меня провожали!

* * *

В тюрьме охранник говорит заключенному:

- Рабинович, к вам родственники пришли на свидание.

– Скажите, что меня нет!

* * *

В купе поезда молодая женщина читает журнал «Плейбой».

– Что там пишут? – спрашивает ее сосед, пожилой еврей.

– Интересная статья! Там сказано, что самые темпераментные мужчины – это грузины, евреи и индейцы.

Сосед встает с места:

– Тогда позвольте представиться: Гиви Абрамович Чингачгук!

* * *

Разговор двух начальников:

– А вы евреев на работу берете?

– Теперь берем.

– А где вы их берете?

* * *

– Фима, как дела?

– Отлично! Заработал на замше двести процентов, купил дом в Крыму, жена с детьми сейчас во Франции отдыхает, я сам только что из Турции вернулся. Кстати, нельзя у тебя перехватить пару тысяч, а то я слегка поиздержался?

– Знаешь что, поцелуй меня в плечо!

– Почему в плечо?

– Но ты же тоже издалека начал!

* * *

Умирает старый еврей. Говорит жене:

– Мой синий костюм отдашь Аркадию.

– Нет, лучше Яше.

– А я хочу Аркадию.

– А я хочу Яше.

– Слушай, Соня, кто умирает: я или ты?

* * *

– Ты пойдешь завтра на похороны Фридмана?

– С какой стати? Он же на мои не придет.

* * *

Муж, став ногами на стол, вкручивает лампочку.

– Ты бы хоть газету подстелил! – восклицает жена.

– Зачем? Я и без того до патрона достаю.

* * *

Лёвочка, возвращаясь из школы, говорит с порога:

– Мама, сегодня я сделал добрый поступок.

– Очень приятно, а какой?

– Андрей положил учителю на стул кнопку, а в последнюю секунду, когда учитель уже садился, я успел убрать стул.

* * *

В парке Петя обнимает Валю и хочет ее поцеловать.

Она протестует:

– Нет, нет! Только после свадьбы.

– Хорошо, я подожду. А когда ты выходишь замуж?

* * *

– Просто удивляюсь, – говорит муж своей болтушке-жене, – как это ты ухитрилась закончить разговор всего за двадцать минут! Что с тобой случилось?

– Набрала неправильный номер.

* * *

– Вы слышали, Олег с женою помирился?

– Не слышала.

– Вчера смотрю, а они посреди двора мирненько так дрова пилят.

– Да это же они дрова делили.

* * *

После ужина муж говорит жене:

- Тебе надо перекраситься в брюнетку.
- Зачем?
- Я читал в одной книге, что брюнетки хорошо готовят.

* * *

Телефонный звонок:

- Это товарищ Иванов?
- Да, Иванов!
- Простите, это тот самый Иванов, который на прошлой неделе спас маленького Бореньку?
- Да, я вытащил его из воды.
- Извините, это именно про вас писали в газете, когда вы спасли Бореньку?
- Да, да! А кто это, в чем дело?
- Это Боренькин папа. Товарищ Иванов, я хотел бы узнать, а куда делась Боренькина кепочка?

* * *

Звонок в дверь.

- Кто там?
- ОБХСС! Гражданин Рабинович! Нам нужно поговорить.
- А сколько вас?
- Двое...
- Вот и говорите себе на здоровье!

* * *

Вызывает кадровик Иванова и говорит:

- Завтра к нам приезжает комиссия. Все в нашем институте хорошо, да вот только ни одного еврея нет. Могут еще подумать, что из Одессы все уже уехали. Так что мы решили: побудьте завтра евреем. Всего один день, для комиссии...

Приехала комиссия. Все понравилось.

- А у вас что, евреев нет? – спрашивают проверяющие.
- Как же, есть – товарищ Иванов. Пройдемте в его отдел, познакомитесь.
- А где товарищ Иванов, еврей? – спрашивает кадровик, зайдя с комиссией в отдел.
- Так нет его уже – уехал!

* * *

Приезжий спрашивает у одессита:

– Так где же ваша Дерибасовская?

– Так вам еще ехать на троллейбусе семь остановок, – отвечает одессит.

– Что вы мне говорите! – возмущается приезжий. – Я ехал в троллейбусе, и мне сказали, что сейчас нужно выходить.

– Простите, а вы сидели или стояли?

* * *

Самолет из Одессы прибывает в Москву. Стюардесса объявляет:

– Прошу потуже затянуть пояса.

Раздается недовольный мужской голос:

– Я попросил бы обойтись без политики!

* * *

– Абрамович, вас же ударили, почему вы не реагируете?

– Я не реагирую?! А кто упал?!

* * *

Взволнованный человек прибежал в морг.

– Брат пропал, два дня нет, может он, не дай Бог, у вас?

– Сейчас проверим. опишите, какой он.

– Он картавит...

* * *

Разговор в отделе кадров при приеме на работу:

– Что вы умеете делать?

– Могу копать.

– А еще что вы можете?

– Могу не копать.

* * *

Гостиница «Красная» в Одессе расположена очень удобно для артистов-гастролеров – прямо напротив филармонии.

Однажды приезжий останавливает такси возле филармонии, садится в машину и говорит водителю: «Пожалуйста, мне в гостиницу «Красную».

Тот на него покосился, но ничего не сказал. А через 5 секунд подкатывает к гостинице

и говорит: «Пожалуйста».

Пассажир возмущенно: «Что ж вы мне не сказали, что это рядом?!»

Водитель: «Я думал, вы хотели с шиком!»

* * *

– Что говорить, Боря, что говорить, жизнь прошла. Я уже пять лет как ничего не могу...

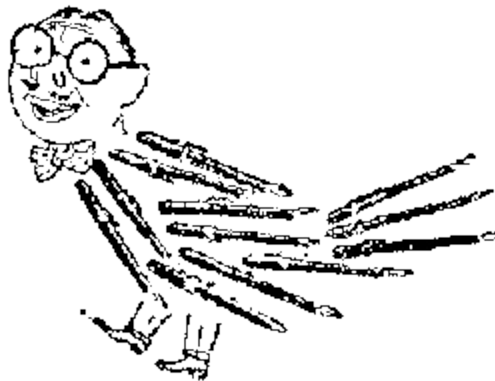
– А я, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, всего два года...

* * *

На крыше встречаются два кота – киевский и одесский.

– Ну шо, помяукаем? – предлагает киевский.

– Таки мяу.

«Ты одессит, а это значит...»

1940–1965

Сценическое создание Утесова – великолепный этот, заряженный электричеством парень... всегда готовый к движению сердца и бурной борьбе со злом – может стать образцом, народным спутником, радующим людей...

Исаак Бабель

Этот раздел одесского тома включает и военный период. Конечно, сочетание «война и юмор» звучит не вполне естественно. Но веселый нрав и оптимизм одесситов проявлялись и в эти годы. Один только пример. В дни обороны Одессы на заводе имени Январского восстания наладили выпуск танков «НИ». Трактора обшивали листами тонкой брони, в башне устанавливали пулемет, и этот импровизированный танк получил название «НИ» – «На испуг!» И нужно сказать, что эту свою роль танк «НИ» исполнял исправно...

Включили мы в это двадцатипятилетие и большой раздел, связанный с Леонидом Утесовым. Конечно, тема «Утесов и одесский юмор» не вмещается в эти рамки ни хронологически, ни творчески. Но, как нам кажется, после успеха фильма «Веселые ребята» именно в военные и послевоенные годы жизнерадостный и демократичный талант Утесова проявился наиболее ярко... А теперь воспоминание. Личное. Когда-то, в конце 60-х, я имел мало с чем сравнимое удовольствие увидеть в театре МГУ «Наш дом» спектакль по пьесе Семена Кирсанова «Сказание о царе Максe-Емельяне...» Жаль, что размеры тома не позволяют опубликовать эту веселую и виртуозную фантазию нашего земляка полностью...

В. Х.

Сад «Трезвость»

Одесса – родина не только писателей и музыкантов. В Одессе был еще эстрадный конвейер.

Сад «Общества трезвости». Нигде не было такого количества пьяных, как здесь.

В саду драматический летний театр, но его посещают мало. Открытая эстрадная площадка – вот притягательная сила.

Заведовал этой площадкой господин Борисов. Это высокого роста человек с быстро бегающими глазами. Говорит он на «о» и отчаянно картавит. Он не только администратор. Он сам артист. И не только он – вся его семья выступает на эстраде.

– Зачем мне программа? Я сам программа.

– Один?

– Зачем один? Я – куплеты. Я и жена – русско-еврейский дуэт. Дочка Софочка – чечетка и младшенькая, Манечка, – «вундеркинд цыганских романсов».

Но такой разговор ведется для того, чтобы сбить цену артисту, которого он нанимает.

Получить дебют у Борисова ничего не стоит. Не надо быть артистом. Можно выступить первый раз в жизни. Нужно только прийти к господину Борисову и сказать:

– Господин Борисов, я хочу сегодня выступить в программе.

– Пожалуйста, дирекцион (ноты) у тебя есть?

– Есть.

– Миша! А ну, порепетируй с этим пацаном. Вечером он пойдет четвертым номером.

Вечером дебютант выходит на сцену и в меру своих сил старается доставить удовольствие скромной аудитории пьяных и полупьяных посетителей сада «Общества трезвости».

Если то, что он делает, нравится, его вызывают на бис. Стоит дикий крик: «Да-а-вай!» Если не нравится – не менее дикий: «В бу-у-дку!»

Был случай, когда на сцену вышел хорошо одетый, с напояженной головой и усиками колышком молодой человек. После первого куплета раздался единодушный крик: «В бу-у-дку!»

Молодой человек поднял руку, крик прекратился, и он презрительно бросил в публику:

– Жлобы, что вы кричите? Мне это надо – петь куплеты? У меня своя мастерская галстуков. Жлобы! Ну так я не артист.

Зал смолк и с уважением проводил несостоявшегося гения.

Городской сумасшедший

Одесский городской голова – не голова. Городской сумасшедший Марьяшес – голова.

Марьяшеса знали все. Он был своеобразной гордостью Одессы.

Высокий человек с гордой головой. Бородка и усы, давно оставленные без внимания. Поношенный костюм, котелок и увесистая палка. Быстрый шаг и безостановочно движущиеся губы. Он почти бежит. Бежит и шепчет: «Восемнадцать, восемнадцать, восемнадцать...»

Вслед за ним, не отступая, стайка мальчишек.

– Восемнадцать! Восемнадцать! – кричат они ему вслед.

Некоторые даже отваживаются дернуть его сзади за пиджак. Он гневно поворачивается и замахивается палкой. Мальчишки с диким гоготом бросаются врассыпную.

Судьба этого человека страшна.

Он сошел с ума на государственном экзамене по математике. Он, единственный, решил труднейшую задачу и, выкрикнув «восемнадцать», навсегда сделал это число лейтмотивом своей жизни. «Восемнадцать, восемнадцать», – твердит Марьяшес. «Восемнадцать, Восемнадцать», – кричат мальчишки. «Вот идет Восемнадцать», – с грустью говорят взрослые.

Марьяшес может сделать все, что взбредет в его воспаленный мозг. Он заходит в любое кафе. Ему подают все, что он пожелает. Все счета потом оплачивает его брат – врач.

Когда Марьяшес сидит в кафе, одесситы пользуются случаем и, подходя к нему, задают ему различные вопросы.

Он быстро поворачивает голову к вопрошающему и, глядя куда-то в сторону, отвечает всегда лаконично, но точно. Ответ звучит односложно между очередными «восемнадцать».

– Господин Марьяшес, что такое индифферентность?

– Восемнадцать, восемнадцать, равнодушие, – и снова: – Восемнадцать, восемнадцать...

Толчок

Если идти по Тираспольской вверх до Старопортофранковской, то можно уткнуться в площадь, которая называется «Толчок», или «Толкучка» – как кому больше нравится. Здесь с утра до вечера страшная человеческая толчея. Это целый городок из маленьких деревянных ларьков. Ларьки стоят в ряд, образуя улочки. Если бы на углах этих улочек висели таблички, то они, очевидно, гласили бы: «Обувная», «Одежная», «Мелочная», «Шляпная», «Что-тогодная».

Здесь действительно все есть. Хотите – новое, хотите – подержанное, все, все.

Владельцы этих мюр-мерилизов – гении торгового дела. Они стоят у дверей своих универмагов и громкими голосами зазывают покупателей.

Улица «Мелочная».

– Мусье, что покупаете?

– Пальто.

– Пальто нет. Есть пластинки Плевицкой.

– Не подойдет.

– Так я не танцевал с медведем.

Улица «Одежная».

– Мусье, что ищете?

– Пальто.

– Прошу в магазин. Яшка, дай-ка *тое* пальтишко на диагоналевой подкладке «дубль фас». С Парижа. А ну, прикиньте это пальтишко.

Пальто на покупателе.

– Но оно же широкое.

– *Игде?* (Продавец берет пальто сзади и собирает в кулак складки.) А ну, попробуйте застегнуть.

– Узко, не застегнуть.

– А теперь? (Отпускает.)

– А теперь широко.

– Это пальто «пневматик», хотите – оно узкое, хотите – широкое. Снимите, вы можете его растянуть.

И тут начинается самое главное – торг. Это уже искусство. Продавец запрашивает, заранее зная, что покупатель будет давать в десять раз меньше.

– Сколько?

– Тридцать.

– Что?!

– Рублей.

– Я думал – копеек.

– Ну двадцать.

– Что?

– Рублей.

– Два.

– Несходно, чтобы вы были здоровы.

– Еще пятьдесят.

– Что?

– Копеек.

– Чтoб я ночью солнца не видел, меньше пятнадцати не могу.

– Еще пять.

– Что?

– Копеек.

– Чтoб я так жил с вашей женой, не могу меньше десяти.

– Еще пять.

– Дай руку, и на пяти мы покончим.

– На какие пять?

– Рублей.

– Скиньте два – и порядок.

– Скидаю один.

– Второй пополам.

– Есть. Вы имеете пальто, которое хотел купить Ротшильд, но мы в цене не сошлись.

На «Шляпной».

В ларьке парень.

– Вот этот картузик вы надеваете, так любой банк дает вам кредит. А ну, накиньте его на головку.

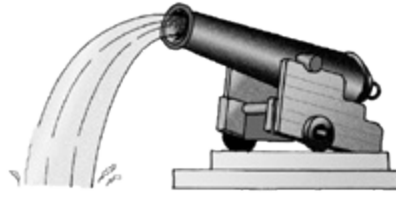
Покупатель примеряет картуз, продавец, отвернувшись от него, ведет разговор с мальчишкой, работающим на побегушках.

– Так, значит, ты забежишь на склад и возьмешь партию новых шляп.

Внезапно поворачивается к покупателю:

– А где этот жлоб, что покупал картуз?

- Так это же я.
- Нет, такой простой парень.
- Да я, я.
- Граф, ей-богу, граф. Никогда в жизни не узнать. Можете идти на бал к самому градоначальнику.

Мы родились по соседству

Написать о Бабеле так, чтобы это было достойно его, трудно. Это задача для писателя (хорошего), а не для человека, который хоть и влюблен в творчество Бабеля, но не очень силен в литературном выражении своих мыслей.

Своеобразие Бабеля, человека и писателя, столь велико, что тут не ограничишься фотографией. Нужна живопись – и краски должны быть сочные, контрастные, яркие. Они должны быть столь же контрастны, как в «Конармии» или в «Одесских рассказах».

Быт одесской Молдаванки и быт Первой конной – два полюса, и они оба открыты Бабелем. На каких же крыльях облетает он их? На крыльях романтики, сказал бы я. Это уже не быт, а если и быт, то романтизированный, описанный прозой, поднятой на поэтическую высоту.

Так почему же все-таки я пишу о Бабеле, хоть и сознаю свое «литературное бессилие»? А потому, что я знал его, любил и всегда буду помнить.

Это было в 1924 году. Мне случайно попался номер журнала «Леф», где были напечатаны рассказы еще никому не известного тогда писателя. Я прочитал их и «сошел с ума». Мне словно открылся новый мир литературы. Я читал и перечитывал эти рассказы бесконечное число раз. Кончилось тем, что я выучил их наизусть и, наконец, решил прочитать со сцены. Было это в Ленинграде. Я был в ту пору актером театра и чтецом. И вот я включил в свою программу «Соль» и «Как это делалось в Одессе».

Успех был большой, и мечтой моей стало увидеть волшебника, сочинившего все это. Я представлял себе его разное. То мне казалось, что он должен быть похож на Никиту Балмашева из рассказа «Соль» – белобрысого, курносого, коренастого парнишку. То вдруг нос у него удлинялся, волосы темнели, фигура становилась тоньше, на верхней губе появлялись тонкие усики, и мне чудился Бенья Крик, вдохновенный, иронический гангстер с одесской Молдаванки.

Но вот в один из самых замечательных в моей жизни вечеров (это было уже в Москве, в театре, где играет сейчас «Современник») я выступал с рассказами Бабеля. Перед выходом кто-то из работников театра прибежал ко мне и взволнованно сообщил: «Знаешь, кто в театре? Бабель!»

Я шел на сцену на мягких ватных ногах. Волнение мое было безмерно. Я глядел в зрительный зал и искал Бабеля-Балмашева, Бабеля-Крика. В зале не было ни того, ни другого.

Читал я хуже, чем всегда. Рассеянно, не будучи в силах сосредоточиться. Хотите знать правду? Я трусил. Да-да, мне было по-настоящему страшно.

Наконец в антракте он вошел ко мне в гримировальную комнату. О воображение, помоги мне его нарисовать! Ростом он был невелик. Приземист. Голова на короткой шее, ушедшая в плечи. Верхняя часть туловища намного длиннее нижней. Будто скульптор взял корпус одного человека и приставил к ногам другого. Но голова. Голова у него была удивительная! Большая, закинута назад. И за стеклами очков – большие, острые, насмешливо-лукавые глаза.

– Неплохо, старик, – сказал Бабель. – Но зачем вы стараетесь меня приукрасить?

Не знаю, какое у меня было в это мгновение лицо, но он улыбнулся.

– Не надо захватывать монополию на торговлю Одессой! – Бабель лукаво поглядел на меня и расхохотался.

Кто не слышал и не видел смех Бабеля, не может себе представить, что это было такое. Я, пожалуй, никогда не видел человека, который бы смеялся, как он. Это не был раскатистый хохот – о, нет. Это был смех негромкий, но совершенно безудержный. Из глаз его лились слезы. Он снимал очки, вытирал слезы и снова начинал беззвучно хохотать.

Когда Бабель, сидя в театре, смеялся, сидящие рядом смеялись, зараженные его смехом, а не тем, что происходило на сцене. <...>

С 1917-го по 1924 год Бабель по совету Горького «ушел в люди». Это был уход из дома, и он снова очутился в Одессе, пройдя длинный путь. Как у всякого одессита, у Бабеля была болезнь, которая громко именуется ностальгией, а проще – тоска по родине.

Есть очень милый рассказ об этом.

В одном маленьком городишке жил человек. Был он очень беден. И семья у него, как у большинства бедняков, была большая, а заработков почти никаких. Но однажды кто-то сказал ему: «Зачем ты мучаешься здесь, когда в тридцати верстах отсюда есть город, где люди зарабатывают сколько хотят. Иди туда. Там ты будешь зарабатывать деньги, будешь посылать семье, разбогатеешь и вернешься домой». – «Спасибо тебе, добрый человек, – ответил бедняк. – Я так и сделаю».

И он отправился в путь. Дорога в город, куда он направился, лежала в степи. Он шел по ней целый день, а когда настала ночь, лег на землю и заснул. Но чтобы утром знать, куда идти дальше, он вытянул ноги туда, где была цель его путешествия. Спал он беспокойно и во сне ворочался. И когда к концу следующего дня он увидел город, то он был очень похож на родной его город, из которого он вышел вчера. Вторая улица справа была точь-в-точь как его родная улица. Четвертый дом слева был такой же, как его собственный дом. Он постучал в дверь, и ему открыла женщина, как две капли воды похожая на его жену. Выбежали дети – точь-в-точь его дети. И он остался здесь жить. Но всю жизнь его тянуло домой.

Вот что такое эта самая ностальгия.

– Старик, – сказал мне как-то Бабель, – не пора ли нам ехать домой? Как вы смотрите на жизнь в Аркадии или на Большом Фонтане?

А когда мы хоронили Ильфа, он стоял рядом со мной у гроба так же, как когда-то у гроба Багрицкого.

– Вам не кажется, Лёдя, что одесситам вреден здешний климат? – спросил он меня однажды.

О том же он говорил Багрицкому, говорил Олеше. Он всегда звал одесситов домой.

Решительно, ностальгия – прекрасная болезнь, от которой невозможно и не нужно лечиться.

И когда после «Конармии» появились «Одесские рассказы» – это был тоже очередной

приступ ностальгии. Герой Бабеля – Бенья Крик, прототипом которого был Мишка Япончик, стал героем вполне романтическим. Это неважно, что «подвиги» Япончика были весьма прозаичны. В них, конечно, можно было увидеть и смелость, и, если хотите, твердую волю, и умение подчинять себе людей. Но романтики, той самой романтики, которая заставляет читателей влюбляться в Бенью Крика, конечно же, у Мишки Япончика не было. Зато талант писателя-романтика был у Бабеля, и он поднял своего героя на недоступную для того высоту. И он вложил в уста Арье Лейба слова о Бене: «Вам двадцать пять лет. Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле». Вот он какой, Бенья Крик. Он налетчик. Но он налетчик-«поэт». У него даже сигнал на машине с музыкой из «Паяцев». Ну до чего же это здорово, честное слово! Сколько бы раз ни перечитывал рассказы о нем, я волнуюсь, хоть и знаю, что Мишка Япончик был далеко не столь романтичен. <...>

Свою автобиографию Бабель начинает так: «Родился в 1894 году в Одессе на Молдаванке». Если бы я писал свою автобиографию, то она начиналась бы так: «Родился в 1895 году в Одессе рядом с Молдаванкой (Треугольный пер.)». Значит, мы родились по соседству, рядом росли, но, на мою беду, в детстве не встретились, а познакомились только через тридцать лет в Москве. Ну что ж, спасибо судьбе и за это. Бабель был огромный писатель, и этому совсем не мешает то, что литературное наследство его невелико. По существу, это одна книга, в которую входит «Конармия», одесские и другие рассказы и две пьесы. Но мало ли больших писателей, оставивших нам всего лишь одну книгу, но навсегда вошедших в литературу? Ведь в искусстве, как и в науке, важно быть первооткрывателем. Бабель им был. И подумать только, что он и сейчас мог бы быть среди нас. Но его нет. И хочется сказать об этом фразой из «Кладбища в Козине»: «О смерть, о корыстолюбец, о жадный вор, отчего ты не пожалел нас, хотя бы однажды?»

1969

О Леониде Утесове

Вспоминает Иосиф Прут

...Надо сказать, что моя тетья Аня возмечтала сделать из меня пианиста, чем усиленно и занималась. Она заставляла своего бедного внучатого племянника ежедневно посещать школу Столярского. А я ужасно не хотел быть пианистом, чем и поделился с Лёдей Утесовым. Он решительно заявил:

– Две порции мороженого – и я тебе помогу! Можешь быть уверен.

Действительно, в тот же вечер я услышал его разговор с моей почтенной родственницей:

– Совершенно не понимаю, Анна Исааковна...

– Интересно знать – чего ты, Лёдя, не понимаешь?

– Почему вы водите своего внука к Столярскому? Ведь у вашего Оси нет никакого музыкального слуха!

– Дурак! – ответила тетья. – При чем тут слух?! Его же там будут учить играть, а не слушать!..

Запомнилось и то, что мне однажды рассказал Лёдя, подслушав диалог двух стариков в городском саду: «Ну, что нового в газетах?» – «В этом году Сумской гусарский полк проведет лето у в Чугуеве, а Чугуевский гусарский полк – у в Сумах». – «А зачем? Какая в их разница?» – «И невжели ви не знаете?! Сумской носит доломан синий, а чахчары – бруки – красные! А чугуевский – доломан красный, а чахчары синие». – «Непонятно... Зачем было гонять столько людей, когда можно просто поменять *их штанов*?!»

Обычно мы с Лёдей гуляли по Приморскому бульвару. Однажды сели на скамейку и оказались возле группы почтенных стариков, один из коих вслух читал газету. Я услышал:

– Новости с *Парижу*. На *ирадроме* ля Бурже летчик Пегу сделал в воздухе четыре мертвые петли!

После паузы один из стариков спросил:

– А для евреев это лучше или хуже?...

Едва сдерживая смех, мы с другом поспешили перейти на другую скамейку...

Вспоминает Аркадий Райкин

...Он втягивал меня в игру. Я увлекался, и мы начинали импровизировать, изображая попеременно то врача, то пациента. Вот, скажем, врач (Утесов), щупая пульс, смотрит на часы больного, которые интересуют его явно не с медицинской точки зрения.

– Швейцарские? – спрашивает врач.

– Швейцарские, – отвечает больной.

– М-да... Я мог бы вас и не спрашивать. Это видно за десять километров. А скажите, пожалуйста, больной, туфли у вас, как я погляжу, тоже... да?

– Нет. Туфли не швейцарские.

– А чьи же?

– Чехословацкие.

– Все-таки! А пиджак?

– Гэдээровский.

– М-да... Так я и думал.

Тут врач погружается в глубокое раздумье и после паузы восклицает с возмущением:

– Так на что же вы жалуетесь?!

...Через год после конкурса артистов эстрады он приехал в Ленинград. Я встретил его на вокзале. Мы обнялись. Мы были уже приятели. (Впрочем, я никогда не мог перейти с ним на «ты»: всю жизнь он говорил мне «ты», а я ему – «вы», и считал это в порядке вещей, несмотря на то что он неоднократно предлагал мне «бросить церемонии».)

– Ты можешь сделать для меня одно одолжение? – спросил Утесов, как только вышел из вагона.

– Почему только одно?! – ответил я ему в тон. – Сколько надо, столько и сделаю.

– Но я прошу тебя только об одном одолжении. Правда, это не столько одолжение, сколько жертва. Боюсь, ты на нее не пойдешь.

– Если только в моих силах, – сказал я, разведя руками: мол, чего не сделаешь ради друга.

– Начинается! – воскликнул он с ироническим пафосом. – Я тебя еще ни о чем не успел попросить, а ты уже выдвигаешь условия. Что значит «в моих силах»? Я тебя сразу предупреждаю: это выше твоих сил.

– Что вы имеете в виду?

– Какая разница! Ты уже все сказал. Мне все ясно.

– Нет, вы, пожалуйста, скажите прямо. Вы же знаете: я все готов сделать для вас.

– Готов! – передразнил Утесов. – То, о чем я собирался тебя попросить, ты бы ни за что не сделал. У тебя нашлись бы тысячи отговорок, я бы расстроился, и наши отношения дали бы трещину. Спрашивается: кому все это нужно?! Конечно! Я тебя вообще ни о чем просить не буду. А тем более о таких жертвах, на которые ты просто не способен. Хотя то, о чем я собирался тебя попросить, в сущности говоря, пустяк.

– Послушайте, – сказал я, – может быть, хватит интриговать? Я даю вам честное слово, что сделаю все. Во всяком случае, вы меня уже довели до такого состояния, впадая в которое люди не знают пределов.

– Действительно довел? – деловито осведомился он и бросил на меня испытующий взгляд. – Тогда слушай. Я прошу тебя бросить все свои дела и провести этот день со мной...

И мы бродили до позднего вечера по городу, который стал родным не только для меня, но и для него...

Вспоминает Никита Богословский

...Вот какую совершенно фантастическую историю рассказал мне мой друг и соратник Леонид Осипович Утесов. Излагаю ее от первого лица, так как косвенно в ней замешан.

– Когда мне исполнилось 50 лет, – начал Утесов, – то я решил впервые для профилактики и поддержания физической бодрости сделать себе массаж предстательной железы. В санатории, где я пребывал во время моего летнего отпуска, уролога не было, и мне дали направление в городскую поликлинику. Там в регистратуре я получил квиток в урологический кабинет. Постучал в дверь кабинета. Услышал голос: «Входите».

Прямо передо мной – открытое окно. Безоблачное голубое небо. С наружной стороны окна сбоку виден обращенный в сторону улицы посеребренный полукруг молчащего уличного репродуктора. Посреди кабинета длинная, покрытая простыней лежанка, напоминающая гладильную доску. А под окном – фигура врача, сидящего за письменным столом и что-то сосредоточенно пишущего. Я подал ему квиток, который он, не глядя, положил в сторону и продолжал писать. Это продолжалось довольно долго. Наконец он

мельком взглянул на полученную от меня бумажку и, продолжая свою письменную деятельность, не поднимая головы, сказал:

– Снимите штаны, трусы и примите коленно-локтевое положение. И встаньте вон туда.

И он махнул рукой в сторону лежанки.

– Какое положение? – спросил я, не будучи специалистом в области медицинской терминологии.

– Ну неужели непонятно? В быту это называется «встаньте раком», – несколько раздраженно ответил врач.

И продолжал писать.

Я выполнил его указание, встав в эту позу лицом к окну, а он продолжал свое кропотливое занятие. «Годовой отчет, что ли?» – подумал я.

И тут начались неожиданности. В кабинет без стука стали заходить медсестры, санитарки, еще какие-то мужики, – очевидно, в регистратуре им рассказали, кто этот пациент. Заходили они все по явно выдуманному дурацким поводам, очевидно, желая взять у меня автограф, чего я, вследствие не очень удобной для этого позы, сделать никак не мог.

Наконец доктор закончил свою писанину и, взглянув еще раз на поданную ему мной бумажку, приступил к делу. Надел на палец резиновый наконечник, смазал его вазелином и уверенным движением ввел его в единственное отверстие мужского организма, находящееся в противоположной стороне от головы.

И тут произошло чудо. Синхронно с этим действием вдруг неожиданно включился доселе молчавший уличный репродуктор, и я услышал свой голос, поющий твою песню «Тем, кто в море», причем с середины куплета с таким вот текстом: «Такая наша доля мужская».

Я затрясся от смеха. Удивленный врач спросил, продолжая массаж:

– Что с вами? Что вас так развеселило?

– Видите ли, доктор, это я пою.

– Как так вы? Вы же здесь. А поете не вы, а Утесов.

– А я и есть Утесов.

– Перестаньте морочить мне голову!

Он, прекратив процедуру, обошел меня, посмотрел в лицо и закричал:

– Правда, настоящий Утесов!

И, на всякий случай проверив фамилию в карточке, на которую раньше не обратил внимания, продолжил свое благородное дело с удвоенной скоростью, поминутно восклицая: «Утесов! Ах, это очень интересно!»

Автограф я ему дал, уже находясь в нормальном положении...

Из приветствий Утесову

Леонид Филатов

Вы пели негромко,
поскольку – не бас.
Но ваша галерка
услышала вас.

Такого накала
любви и добра
Не знали Ла Скала
и Гран Опера...

Роберт Рождественский

Я не из худших, я не из лучших,
Место свое понимаю покамест.
В массе острящих, в сонме поющих,
Если позволите, прозаикаюсь.
Я вам клянусь, и частями, и в целом!
Очень нужны вы хорошим людям!
Чтоб вы так пели, как мы вас ценим,
Чтоб вы так жили, как мы вас любим!

Вениамин Смехов

Одесское море великих людей...
Утесов тут ярким примером:
В Одессе заплыв начал сей Одиссей,
Где Бабель работал Гомером...

Зиновий Гердт, Илья Набатов

...Ответь нам, Утесов, на пару вопросов:
Ну в чем тут эссенции квинт?
Ведь ты ж был с пеленок нормальный ребенок,
Одесский простой вундеркинд...

Другие детишки играли в картишки,
Рогаткою целились в глаз.
А этот пацанчик стучал в барабанчик —
Хотел государственный джаз!..

* * *

Когда Утесову исполнилось 75, одесская делегация, которую возглавлял Михаил Водяной, привезла юбиляру пятьдесят шаров с одесским воздухом и, естественно, дар

Черного моря – фаршированную рыбу. Само море, правда, привезти не удалось, но четверть моря (два с половиной литра в соответствующей посуде) Леониду Осиповичу вручили!

Юрий Аптекман

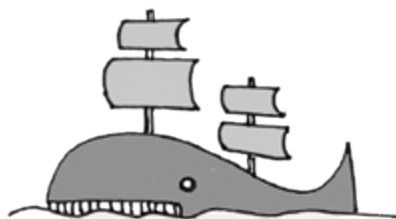
Пусть будет тихо: я приехал из Одессы,
Меня прислали Молдаванка и Пересыпь.
От моря Черного и города родного
Имею я сказать Утесову два слова.
А ну-ка все теперь ответьте, только быстро,
А или есть у нас еще таких артистов?
На всей планете от Парижа до Ростова,
Чтоб я так жил, что вы не встретите такого!

<...>

Вас исполняли на старинном патефоне
На Дерибасовской, в порту, на Ланжероне.
И пусть любой артист, хоть самый знаменитый,
Споет, как пели вы, за Мишку-одессита.
Пусть все поют, кто как умеет и как может,
Но ваши песни с каждым днем для нас дороже,
И если вы сейчас споете в этом зале —
Вы всех уложите, ну чтоб меня украли!

Зиновий Паперный

Леонид Осипович – король смеха. Некоторые думают, что смех помогает нам жить и работать; это они путают смех с песней, которая действительно нам строить и жить помогает, как это пел Леонид Осипович и поет. Смех же помогает нам не жить и работать, а выжить несмотря на все то, что мешает нам жить и работать... Леонид Осипович – это наше хорошее настроение! А живой человек с плохим настроением – это такой же абсурд, как мертвый человек с хорошим настроением!

Александр Хорт Из Утесовианы

Актерская карьера Утесова началась в труппе антрепренера Шпиглера, в Кременчугском театре миниатюр. Приехав туда, семнадцатилетний юноша обратил внимание на то, что стены и заборы этого захолустного городка щедро украшены так называемыми «зазывными» афишами. Особенно ему запомнилась такая: «Сегодня в драматическом театре будет представлена пьеса «Отелло» Уильяма Шекспира, любимца кременчугской публики».

* * *

Утесов рассказывает:

– Это было в Одессе в 1914 году. Я вскочил на площадку трамвая. Купил билет. К рядом стоящей женщине подошел кондуктор. Она хватается за карман и обнаруживает пропажу кошелька. Начинает дико плакать. «Сколько денег было у вас?» – спрашиваю я. «Двадцать копеек», – говорит она. Я даю ей двадцать копеек. Она покупает билет. Кондуктор уходит. «Отдайте мне кошелек тоже», – говорит она.

* * *

На протяжении многих лет Утесова преследовали разговоры руководящих работников о ненужности советскому народу джазовой музыки. На одном заседании в министерстве культуры он сказал:

– Джаз как любовница – все его любят, но боятся показывать.

* * *

Утесов подарил маленькому Андрею Миронову скрипку (к которой, кстати, тот так никогда и не притронулся).

Мария Владимировна при этом сказала сыну:

– Балует тебя дядя Лёдя. А ты этого не заслужил. Покажи-ка ему свой дневник.

Мальчик нехотя принес дневник. Утесов педагогично пожурил его за плохую успеваемость. Когда же Андрей вышел, Леонид Осипович сказал Мироновой:

– Маша, что ты хочешь от ребенка? Когда я приносил тройку, в доме был праздник.

* * *

1961 год. Утесова пригласили в Театр имени Маяковского на премьеру спектакля «Медя». После спектакля собрались в кабинете главного режиссера Николая Павловича Охлопкова: шампанское, коньяк и тому подобное. Все делятся мнениями, высказывают

соображения о спектакле. Утесов свою устную рецензию начал так:

– Рабинович приехал из Бердичева в Одессу в командировку и решил пойти в публичный дом. Пришел, позвал бандершу и потребовал: «Дайте мне самую лучшую девочку». Бандерша сказала: «Самая лучшая – это Соня. Но учтите – Соня стоит дорого». – «А почему?» – «Ну, это Соня». Рабинович подумал: в кои-то веки выбрался в Одессу, надо шикануть. «Ладно, давайте Соню». И когда они вдвоем пришли в номер, Соня принялась выделывать что-то невероятное. «Соня, что это?» – спросил Рабинович. Она ответила: «Как – что? Это темперамент». И тогда Рабинович сказал: «Это не темперамент, Соня. Это – суматоха».

* * *

Утесов был членом квалификационной комиссии Москонцерта. Как-то на одном из просмотров показывалась эстрадная пара с номером дурного пошиба. Этот дуэт исполнял куплеты, разыгрывал дурацкие скетчи, бил чечетку... Председатель комиссии, считая, что на сцене был показан типично одесский жанр, попросил Леонида Осиповича дать оценку этим артистам. Утесову не хотелось их обижать, он долго отнекивался, но в конце концов сказал:

– У нас в Одессе все так могут. Но стесняются.

* * *

Как-то в беседе с одной знакомой Утесов пожаловался на бессонницу. Она посоветовала ему надежное средство – думать перед сном о самом приятном. Леонид Осипович ответил:

– О самом приятном врач мне даже думать запретил.

* * *

И еще одна история от Утесова.

Двадцатые годы. В клубе одесского порта идет концерт. Публика собралась совершенно неуправляемая, в зале шум, гвалт, доносятся реплики... За кулисами молодой пианист с ужасом шепчет: «Как же я буду выступать?! Меня освистают». Конферансье – старый эстрадный зубр – говорит ему: «Все дело в том, как подать номер. Смотри».

Он выходит на сцену и, перекрывая шум, изо всех сил орет:

– Загадка!

Все попритихли, насторожились.

– На заборе написано слово из трех букв, – продолжает конферансье. – Начинается на «хэ». Какое это слово?

В ответ все с восторгом кричат знакомое слово.

– Неправильно! – перекрикивает он всех. – Это слово – «хам»! Так вот, босяки: Бетховен, «Лунная соната».

Как-то в Одессе подходит на улице к Леониду Осиповичу незнакомый человек и говорит:

- Ой, Лёдя, какой у тебя талантливый сын! Как он поет, как танцует!
- Вообще-то у меня дочь, – отвечает Утесов.
- Ха! – воскликнул одессит. – И ты мне будешь рассказывать!

Илья Набатов и Утесов зашли в одесскую парикмахерскую.

– Будьте добры, постригите меня, – попросил Леонид Осипович мастера.

Тот отмахнулся:

– У меня обеденный перерыв.

– Ну что ты мелешь! – возмутился Набатов. – Ведь перед тобой сам Леонид Утесов!

– Ну да. Так я и поверил. Нашли дурака.

– Спой ему, – предложил Илья Семенович Утесову.

И тот исполнил куплет известной песни об Одессе.

– Ух ты! – восторженно произнес парикмахер. – Вы и вправду Утесов.

– Ну вот и постриги меня.

– Сейчас не могу, у меня обеденный перерыв...

В 1939 году Леонид Утесов прибыл на гастроли во Львов – еще недавно польский. В разговоре с секретарем обкома Леонид Осипович сказал, что поляки произвели на него прекрасное впечатление: они чуткие, воспитанные, вежливые.

Секретарь возразил:

– Не верьте, это у них все наносное.

– Лучше наносная вежливость, чем искреннее хамство, – ответил Утесов.

Однажды Михаил Водяной пригласил Утесова и ленинградского эстрадного артиста Бена Бенцианова побывать у него в деревне, где он купил дом. После завтрака артистическая троика пошла прогуляться. Вокруг бегают куры, гуси, в луже валяется поросенок. Одним словом, обычная деревенская идиллия. И вот друзья наблюдают такую картину: петух погнался за курицей. Догнал, но только начал ее топтать, как появилась хозяйка и принялась разбрасывать корм. Петух тотчас оставил курицу в покое и помчался клевать зерно. Бенцианов и Водяной засмеялись, а Леонид Осипович сочувственно сказал:

– Не приведи Бог так проголодаться.

Группу ведущих артистов эстрады вызвали для очередного разноса в министерство культуры. Какой-то министерский бонза принялся учить их уму-разуму, наставлять, что надо исполнять на эстраде, а что не надо. И подкрепил свою мысль цитатой из Ленина.

Тут Утесов перебил его:

– Вы неточно цитируете Владимира Ильича. У него сказано так... – и привел цитату совершенно правильно.

Чиновник был настолько ошарашен, что быстренько закончил совещание. Коллеги Леонида Осиповича тоже были удивлены его познаниями в области ленинских трудов. В коридоре окружили, спрашивают:

– Каким образом вы вспомнили эти слова?

– Чепуха, – небрежно ответил Утесов. – В свое время Матвей Грин написал мне фельетон, где была эта хохма. Вот я ее и запомнил.

Однажды к Утесову подошел незнакомый старичок и сказал:

– Я еще ребенком бывал на ваших концертах и восхищался вашим пением.

– Сколько же вам лет? – поинтересовался Леонид Осипович.

– Восемьдесят пять.

– А мне шестьдесят семь.

На творческом вечере артистки Театра сатиры Татьяны Ивановны Пельтцер Утесов сказал ей приветственные слова, а закончил свое выступление, как всегда, шуткой:

– Сейчас я опустился бы перед вами на колени. Если бы был уверен, что смогу подняться.

Утесов рассказывал, что однажды, когда он был председателем выпускной комиссии режиссеров-заочников в ГИТИСе, популярнейшая певица Алла Пугачева (она из этого выпуска) подошла с фотографом к Утесову и попросила разрешения сняться с ним на память. Леонид Осипович с удовольствием согласился. И тут же вспомнил историю, как однажды балалаечнику Трояновскому удалось сфотографироваться со Львом Николаевичем Толстым. Балалаечник был человек предприимчивый, он сделал с этой фотографии клише и выпустил афишу, на которой был изображен вместе с великим писателем. Его антрепренер как-то предложил концерт балалаечника какому-то хозяйственнику и показал афишу. Тот внимательно посмотрел и сказал: «Ну, этот с балалайкой будет играть, а что будет делать»

этот старик с бородой?» Антрепренер обиженно ответил: «Этот старик с бородой, если услышит ваши слова, в гробу перевернется». – «Понятно, – сказал хозяйственник, – это акробат. Не надо».

– Так вот, Аллочка, – закончил Леонид Осипович, – при вашей популярности, я боюсь, будут спрашивать: «А что это за старик рядом с вами?»»

Семен Кирсанов

Сказание про царя Макса-Емельяна, бесплодных цариц, жену его Настю, двести тысяч царей – его сыновей, графа Агриппа, пустытника Власа, воина Анику, царевну Алену, мастера на все руки и прочих лиц из былых небылиц

Сказ шестой

Ветх Онтон-град, а немало в нем рвов да крепких оград от своих же воров, не свершилась бы кража.

У онтонской стены на часах стоит стража. Арбалеты в руках, скорострелки. А на башенных звонных часах стрелки ходят что медные раки в тарелке и клешнями ведут – час да час. День взошел, день погас. Вместо чисел мудреные знаки. И на солнечных ходит часах треугольная тень – часовым при воротах. Указует на срок в поворотах. И песок из сосуда в сосуд просыпается. Засыпает дворец, просыпается.

Что ни день – полдень бьет Спиридон, что ни ночь – бьет он полночь. Помер он – бьет часы Спиридоныч. И клешнею своей рак ведет. Так что время идет.

Лет прошло эдак двести.

Не имелось бы вести о тех временах, кабы около колокола в тайной келье не сидел бы ученый монах и не вел бы свой временник. На бараньих лощенных пергаментях – буквы разные в дивных орнаментах. Звери, змеи глазеют из них грозноглавые. И творение озаглавлено:

СОЧИНИХ
СИЮ ВЕКОВИСЬ ПАМЯТНЫХ КНИГ
СМИРЕННЫЙ МНИХ
НЕКТОР НЕТОПИСЕЦ

И всему свое время проставлено:

В Лето Семь Тысяч.

Царь Макс-Емельян заболел и почил. В народе стон и несчастье.

Даренье вручил королеве Настасье и сынов своих дюжине.

Сыны выросли дюжие.

В Лето Семь Тысяч Пять.

Стон опять. Порядки Настасьины строги. На столах недосол. Судью Адью посадила в острог и Агриппа на постный стол. Дни грозны. Барон Ван-Брон при публике высечен, три тысячи взял из казны. Герцог Герцик за козни уволен. Двор недоволен, и прав. Народ в печали.

В Лето Семь Тысяч Пятнадцать.

Веселие велие. Дюжину скопом на царство венчали. Царскую службу дабы нести, сидят

на престолах двенадцати в грановитом покое.

Про них описание такое:

царь Андрей пребывал в хандре,
царь Василий глядел, чтобы яйца носили,
царь Касьян составлял пасьянс,
царь Лазарь на него мазал,
царь Пров ел плов,
царевна Фелица помогала коровам телиться,
царь Герасим был несогласен,
царь Пахом баловался стихом,
царь Цезарь был цензор,
царь Савва вкушал сало,
царь Ерофей на дуде корифей,
царь Федор был лодырь,
а царь Кирилл всех корил.

Всем правителям выданы титулы – о народе радетели, народа родители.

В Лета Семь Тысяч Двадцатые.

Брюхаты двенадцать цариц. Все принесли по тройне, и каждому быть на троне. Дел золотых мастера пали ниц, в дар принесли по короне. Стало царей полста, в лавках не стало холста, пошел царям на подстилки. Баб сгоняют для стирки.

В Лето Семь Тысяч Семьдесят Семь. Худо совсем. В небе огненный хвост, летящий и реющий. В народе пост. От цариц родилось пять сотен царевичей. К купели хвост. А Максом завещано: что родилось – долженствует на царство быть венчано. Стало пятсот царей. Забили всех наличных зверей, а мантии справили. Срубили на троны рощу дубов. Престолы поставили в двадцать рядов. По три сажают на трон, дабы уселась династия.

Лето еще.

Померла всеблаженная Настя. В народе стон. Воцарилось молчанье и страх. Сообщают о новых царях:

царь Ираклий затеял спектакли,
царь Аким был не таким,
царь Констанций устраивал танцы,
царь Альфред наложил запрет,
царь Георгий был пьяница горький,
царь Нил не курил и не пил,
царь Тарас полказны растряс,
царь Павел это поправил,
царь Юрий завел райских гурий,
царь Даниил сие отменил,
царь Евлахий постригся в монахи,
а царь Федот оказался не тот.

Лето новое.

Вновь пять тысяч царей короновано. Корон уже нету. А каждый велит чеканить монету, чтоб имя и лик. Гнев монарший велик. Как царить без венца и жезла? Ищут корень зла.

Пять тысяч строжайших указов объявлено, а все же корон не прибавлено – нету их. Дальше – хуже, с царской службы дел мастера золотых – будто в воду бултых. С ними и злато. Град Онтон дрожит от набата.

В некое Лето.

О, великое бедствие – из града Онтонна всеобщее бегствие: пропали пирожники и ткачи, сапожники и ковачи, некому печь калачи. В полдень вчера огласилось известие: со двора убежали все повара с бочкой икры из Астрахани. Ни цари, ни царицы не завтракали. Пламень на кухне погас. Издан был августейший указ – звать из трактира Парашу. Цари ели пшеничную кашу. О, печаль! Царский род осерчал. Порешили – Фадея прогнать, титул отнять. А порядок дабы не погиб, согласилось собрание всецарское – возвращается граф Агрипп на сидение статс-секретарское. О, юдоль бытия! Истинно писано – все возвратится во круги своя.

Таково сообщение Некторово. То ли после бедствия некоторого – червь ли, жук ли, – а листы остальные пожухли, источены оченно, и ни буквы на них не прочесть. Ну, что есть!

А смиренному Нектору честь.

Кому сказ, кому сказка, а мне бубликов связка...

1964

У Черного моря

Музыка Модеста Табачникова

Стихи Семена Кирсанова

Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город,
У Черного моря!

Есть море, в котором я плыл и тонул
И на берег вытащен, к счастью.
Есть воздух, который я в детстве вдохнул
И вдоволь не мог надышаться
У Черного моря.

Вовек не забуду бульвар и маяк,
Огни пароходов живые,
Скамейку, где мне дорогая моя
В глаза посмотрела впервые
У Черного моря.

Родная земля, где мой друг дорогой
Лежал, обжигаемый боем.
Недаром венок ему свит золотой,
И назван мой город героем
У Черного моря.

А жизнь остается прекрасной всегда,
Состарился ты или молод.
Но каждой весной так тянет туда,
В Одессу – в мой солнечный город
У Черного моря.

1953

Константин Паустовский

Главы из повести «Время больших ожиданий»

Мнимая смерть художника Костанди

Чехов боялся одесских репортеров. Как известно, он неохотно делился своими литературными планами. Все разговоры об этом он заканчивал одной и той же просьбой:

– Только, ради Бога, не говорите об этом одесским репортерам.

Я еще застал нескольких одесских репортеров из числа тех, что нагоняли страх на Чехова. Эти репортеры были, конечно, последними «королями сенсации». Их рассадником и надежным убежищем была одесская газета «Одесская почта», а вождем – издатель этой газеты, некий Финкель.

Главным содержанием этой газеты было подробнейшее описание всех пожаров, краж, убийств, мошенничеств и всех прочих уголовных происшествий.

Стиль статей в этой газете был феерический. Я помню, как по поводу какого-то пустякового постановления городской думы Финкель писал в передовой статье, что «следует выкрасить на радостях наше одесское небо в розовый цвет и аплодировать городской думе на крышах домов».

Старые репортеры рассказывали нам, молодежи, что если Финкель и был легендарен, то только своим гомерическим невежеством.

Из тех репортеров, которых боялся Чехов, у нас в «Моряке» застрял только один – Лева Крупник, человек с обманчивой внешностью. Сухонький и кроткий, этот старичок с вкрадчивым голосом ходил в заштопанном чесучовом пиджачке и в золотом пенсне и распространял старорежимный запах тройного одеколona.

Несмотря на эту идиллическую внешность, Лева был опасен, как ипритовая бомба. Иванов предупреждал меня об этом, но я не верил ему вплоть до одного чрезвычайного случая. <...>

Однажды я пришел очень рано и застал в редакции Леву Крупника. Он сидел на подоконнике и плакал, прижимая к глазам клетчатый платок. Пенсне висело на черной тесемке на шее у Левы и качалось от его судорожного дыхания.

Я испугался и спросил, что случилось. Лева только отмахнулся от меня, подчеркивая этим жестом всю неуместность моего вопроса и мою неделикатность. Очевидно, горе его было так велико, что ему было не до расспросов.

Я налил в стакан воды и подал Лева. Он выпил его вместе со своими слезами, снова махнул рукой и сказал:

– Лежит на столе... под простыней... Боже мой, Боже мой!.. Вместе учились... восемь лет сидели на одной парте... вместе босяковали на Малой Арнаутской улице, и вот...

Он всхлипнул, высморкался и посмотрел на меня красными припухшими глазками, ожидая сочувствия.

– Кто же умер? – несмело спросил я. – Кто-нибудь из ваших родных?

– Зачем? Слава Богу, у меня нету родных.

– Так кто же?

– Художник Костанди! – воскликнул Лева таким тоном, будто с моей стороны было

просто глупо задавать такие вопросы. – Глава южнорусской школы художников, – добавил он уже более спокойно. – Мастер! Бриллиантовая рука! И золотое сердце. Добрее его не было человека на свете.

Лева был безутешен. Мне стало его искренне жаль. Я не знал, как успокоить его. Внезапно у меня блеснула счастливая мысль, и я сказал:

– Возьмите себя в руки, сядьте и напишите некролог о Костанди. Для завтрашнего номера.

Лева поймал качающееся пенсне, криво прицепил его к носу, слез с пыльного подоконника, отряхнул брюки и неожиданно сказал капризным голосом:

– Так дайте же мне по крайней мере бумаги. На чем я буду писать? У нас в редакции не допросишься четвертушки на раскурку.

Я дал ему чистые с одной стороны старые гранки, но он презрительно хмыкнул и сказал, что на обороте старых гранок можно марать все, что угодно, – хронику происшествий или халтурные фельетоны, – но писать об умершем большом художнике просто неприлично и неуважительно.

Он явно привередничал. Я приписал это, как он сам выразился, его «расстроенным чувствам». Я дал ему несколько листов хорошей бумаги, ценившейся в редакции на вес золота.

Он ушел в соседнюю комнату, долго сморкался там, вздыхал и царапал по бумаге пером. Потом пришла Люсьена, ахнула, узнав, что умер Костанди, и сказала:

– Такой был чудный старик – и вдруг умер. А все эти бугаи, вроде Кынти, всякие жулики-рамолики живут и только морочат людям голову.

– Ах! – горестно воскликнул Лева. – Вы разрываете мое сердце, Люсьена Казимировна, своими грубыми выражениями!

– Подумаешь, какой сиреневый принц! – ответила Люсьена. – Нечего прикидываться безутешным, старик.

Потом Лева диктовал Люсьене некролог, и они ссорились из-за того, что старик требовал двух копий, а Люсьена божилась, что у нее осталась последняя копия и с Левы хватит одной копии. Но все-таки Лева добился своего и ушел из редакции, захватив копию, очевидно, на память.

Я прочел некролог, выправил его (в том месте, где Лева сравнивал кисть Костанди с божественной кистью Рафаэля) и послал в типографию.

Я вспомнил, как Лева тяжело вздыхал, уходя домой, и сказал Люсьене:

– Как вам не совестно преследовать этого несчастного, незащитного старикана!

– Это кто несчастный? – спросила Люсьена. – Крупник? И это кто незащитный, позвольте спросить? Тот же Крупник? Подождите, он еще подложит вам такую свинью, что вы проклянете день своего рождения. Вы все, московские, какие-то сентиментальные.

В это время пришел наш корректор Коля Гаджаев, юный студент Новороссийского университета, знаток левой живописи и поэзии.

Колины суждения отличались суровостью, краткостью и были бесспорны. Возражать ему никто не решался, так как ни у кого не хватало той эрудиции, какой обладал Коля. Всех инакомыслящих Коля презирал и считал «мусорными людишками», чем-то вроде тараканов. Говоря о своих идейных противниках, он морщился и, по всей видимости, испытывал физическую тошноту. Из одесских поэтов он терпел только Эдуарда Багрицкого, снисходительно относился к Владимиру Нарбуту, а Георгия Шенгели считал развинченным

эстетом не только за стихи, но и за то, что Шенгели ходил по Одессе в пробковом тропическом шлеме.

– Коля! – крикнула ему Люсьена. – Вы слышали? Умер художник Костанди!

– Ваш Костанди не художник, а свиновод! – неожиданно закричал ей в ответ Коля и почернел от негодования. – Как можно так швыряться словом «художник»! Он всю жизнь держался за протертые штаны передвижников. Не говорите мне о нем!

Начали собираться сотрудники. Пришел репортер Аренберг, плотный человек со смеющимися глазами. Он бурно радовался любой новости, будь то приход в порт норвежского парохода «Камилла Гильберт» или землетрясение в Аравии. Его возбуждал самый ход жизни, все перипетии и подробности ее движения, все ее перемены, независимо от того, что это может принести с собой – беду или счастье. Это было для него вопросом тоже важным, но все же второстепенным.

По поводу смерти Костанди Аренберг высказался в том смысле, что Костанди – это, конечно, не Репин. Это вызвало новый взрыв негодования со стороны Коли Гаджаева, но теперь уже не против Костанди, а против Репина.

– Старый чудак, объевшийся сеном! – сказал Коля о Репине и ушел, даже не глядя по сторонам, очевидно от презрения ко всем нам.

У Репина были свои странности, и одна из них – вера в целебные свойства супа из свежего сена. Эта история с сеном особенно возмущала Колю.

Потом пришли Иванов и репортер Ловенгард, седой, высокий, с донкихотской бородкой и с палкой в руке, похожей на короткую пику. Всю жизнь Ловенгард обслуживал в газетах одесский порт, знал его до последней причальной пушки и потому сказал, что о художнике Костанди он судить не может, так как никогда не слышал о его существовании, но вот капитан Костанди с парохода «Труженик моря» – тот был, конечно...

Но тут его перебили. Он сел в угол, положил руки на свою палку, закрыл глаза и так просидел довольно долго, о чем-то размышляя. Это была его обычная поза.

По вечерам я часто заходил в типографию проверить, как верстается очередной номер, поболтать с выпускающим Изей Лившицем и метранпажем Суходольским и вообще подышать воздухом типографии.

Со времени работы в «Моряке» я пристрастился к типографиям. Даже запах краски и свинца был для меня «сладок и приятен». Я полюбил наборщиков, их насмешливость, их обширные, хотя и случайные, познания, их безжалостные оценки и даже самую манеру набирать, покачиваясь около наборных касс, как качаются мусульмане, совершая намаз или читая коран.

Темные, пыльные, низкие типографии, сырые оттиски, гул плоских печатных машин, пачки разноцветных бандеролей, рулоны бумаги, традиционные яростные схватки с корректорами, остывающий чай на подоконниках, вазон с геранью на окне, запах ее шершавых листьев – все это представлялось мне в несколько романтическом ореоле, очевидно потому, что здесь рождались газеты и книги, географические карты и афиши, календари и расписания пароходных рейсов.

Кажется, я никогда не забуду черный и липкий от краски грубый деревянный стул у открытого окна типографии. За окном, за железной ржавой решеткой, висели, чуть поникнув от зноя, листья каштанов. Не забуду лиловый блеск на асфальте во дворе и сырую гранку с оттиснутыми на ней строчками стихов неизвестного мне поэта:

Закаты в августе! Плывут издалека
Полей дыхания и ветерки тугие.
И снежные встают над горем облака,
Такие белые, что даже голубые...

На полях корректор написал жирным синим карандашом: «Не над горем, а над морем». Я прочел эту отметку корректора и подумал, что наборщик ошибся не так уж плохо. Почему не могут встать над человеческим горем облака как образчик умиротворяющей красоты, как отвлечение, врачующее сердце?

Но в тот вечер, о каком идет речь, в типографии было шумно. Еще со двора я услышал негодующий голос Изя Лившица и хохот наборщиков.

Когда я вошел в типографию, Изя Лившиц бросился ко мне, размахивая сырой, только что оттиснутой гранкой с некрологом Костанди.

– Кто дал в газету эту гнусность? – закричал он с такой яростью, что у него побелели даже глаза. – Какой негодяй?!

– Крупник, – растерянно ответил я.

– Я так и знал. Подонок! Шантажист!

– А что случилось?

– Случилась чрезвычайно интересная вещь. – Изя зловеще усмехнулся. – Чрезвычайно интересная. Чтоб его стукнуло брашпилем по башке, этого вашего «короля репортеров»! Случилось одно пустяковое обстоятельство. Я шел сейчас в типографию верстать газету и за два дома отсюда встретил воскресшего Костанди. И даже проводил его до Екатерининской улицы. И даже говорил с ним о будущей выставке его картин. И даже пожал его мужественную руку. И даже заметил пятно от синей масляной краски на его чесучовом пиджаке. И он несколько не был похож на покойника, уверяю вас.

– Что это значит? – спросил я.

– Это значит, что Крупник гнусно наврал. Хотел заработать на мнимой сенсации лишних пять тысяч рублей. Вы скажете, что это бессмысленно, что за это его могут выгнать из «Моряка». Конечно, могут. Но Финкель за это не выгонял, и Крупник надеется, что и здесь все сойдет. Вранье – это его единственная верная черта. Он ей никогда и ни при каких обстоятельствах не изменяет. А изменяет он всем и всему.

– Давить надо таких, как этот Лева! – сказал метранпаж Суходольский. – Я его видеть не могу. У меня ноги трясутся, когда я его вижу. У меня к сердцу подпирает от его лживого голоса.

Мы с Изей вынули из номера некролог о Костанди. Наутро «Моряк» вышел без некролога, но тотчас же этот некролог был обнаружен нами в «Одесских известиях», тот же самый, до последней запятой, некролог, который мы только что выбросили из «Моряка».

Вскоре в редакцию примчался репортер Аренберг и, сияя от внутренней газетной сенсации, сообщил, что Крупник прямо из «Моряка» двинул в «Известия» и подсунул им некролог с теми же крокодиловыми слезами, какие он проливал у нас в редакции. Лева на всякий случай решил застраховаться.

«Известия» принесли Костанди свои глубочайшие извинения, а «Моряк» напечатал об этом случае стихотворный фельетон Ядова. Он кончался словами:

Смотри в газетный номер
И, если что, смирись.
Коль сказано: ты умер, —
Скорее в гроб ложись.

Крупник исчез. Взбешенный Женька Иванов потребовал, чтобы ему доставили Крупника на расправу, живого или мертвого. Но его нигде не могли найти. Дома он не ночевал.

Прошло недели две. Однажды я, как всегда, очень рано пришел в редакцию, вошел в свою комнату и отступил: на пыльном подоконнике опять сидел Лева Крупник и плакал. Пенсне висело на черной тесемке на шее у Левы и качалось от его судорожного дыхания.

– Извиняюсь, – сказал Лева прерывающимся голосом, – но вышла маленькая ошибка.

– Ошибка? – спросил я, чувствуя, как у меня холодеют руки.

– Да, – кротко согласился Лева. – Добросовестная ошибка. Оказывается, умер не художник Костанди, а чистильщик сапог Костанди. Однофамилец. Он жил в подвале того самого дома, где живет и художник. Легко, понимаете, спутать.

– Позвольте, – сказал я, приходя в себя, – вы же своими глазами видели его на столе, под простыней...

– В том-то и дело! – ответил, сморкаясь, Лева. – В подвале, понимаете, темно, а тут еще эта простыня... Кстати, я принес вам заметку о выставке Костанди. Она скоро откроется.

– Надо думать, – сказал я, – что это будет его посмертная выставка?

– Напрасно так шутите, – ответил с упреком Лева. – Это даже неприлично с вашей стороны!

– Знаете что! – сказал я. – Уходите! В «Моряке» вам больше нечего делать.

– Подумаешь! – воскликнул Лева сварливым голосом и встал. – Тоже мне газета! Паршивая свистулька! Я был одесским корреспондентом «Фигаро», а вы мне тычете в нос вашу селедочную листовку.

Я не успел ответить. Дверь распахнулась. На пороге стоял белый от гнева Иванов.

– Вон! – прокричал он ясным, металлическим голосом. – Вон немедленно!

Лева Крупник вскочил и засеменил к выходу, придерживая падающее пенсне.

Потом мы слышали, как он в сердцах плюнул на паркет в зале с богиней Авророй и застучал деревяшками по панели, навсегда удаляясь из «Моряка».

Так исчез из редакции последний из тех одесских репортеров, которых с полным основанием боялся Чехов.

«Тот» мальчик

На даче у Бабеля жило много народу: сам Бабель, его тихая и строгая мать, рыжеволосая красавица жена Евгения Борисовна, сестра Бабеля Мери и, наконец, теща со своим маленьким внуком. Все это общество Бабель шутливо и непочтительно называл «кодлом».

И вот в один из июльских дней в семье Бабеля произошло удивительное событие.

Для того чтобы понять всю, как говорят, «соль» этого происшествия, нужно сказать несколько слов о женитьбе Бабеля.

Отец Бабеля, суетливый старик, держал в Одессе небольшой склад

сельскохозяйственных машин. Старик иногда посылал сына Исаака в Киев для закупки этих машин на заводе у киевского промышленника Гронфайна.

В доме Гронфайна Бабель познакомился с дочерью Гронфайна, гимназисткой последнего класса Женей, и вскоре началась их взаимная любовь.

О женитьбе не могло быть и речи. Бабель, студент, голодранец, сын среднего одесского купца, явно не годился в мужа богатой наследнице Гронфайна.

При первом же упоминании о замужестве Жени старик Гронфайн расстегнул сюртук, засунул руки за вырезы жилета и, покачиваясь на каблуках, испустил пренебрежительный и всем понятный звук: «Пс-с-с!» Он даже не дал себе труда выразить свое презрение словами: слишком много чести для этого невзрачного студента!

Влюбленным оставался только один выход – бежать в Одессу.

Так они и сделали.

А дальше все разыгралось по ветхозаветному шаблону: старик Гронфайн проклял весь род Бабеля до десятого колена и лишил дочь наследства. Случилось, как в знаменитых стихах Саши Черного «Любовь – не картошка». Там при одинаковых обстоятельствах папаша Фарфурник с досады раскокал семейный сервиз, рыдающая мадам Фарфурник иссморкала десятый платок, а студент-соблазнитель был изгнан из дома и витиевато назван «провокатором невиннейшей девушки, чистой, как мак».

Но время шло. Свершилась революция. Большевики отобрали у Гронфайна завод. Старый промышленник дошел до того, что позволял себе выходить на улицу небритым и без воротничка, с одной только золотой запонкой на рубашке.

Но вот однажды до дома Гронфайна дошел ошеломляющий слух, что «этот мальчишка» Бабель стал большим писателем, что его высоко ценит (и дружит с ним) сам Максим Горький – «Вы только подумайте, сам Максим Горький!» – что Бабель получает большие гонорары и что все, кто читал его сочинения, почтительно произносят: «Большой талант!» А иные добавляют, что завидуют Женечке, которая сделала такую хорошую партию.

Очевидно, старики просчитались и настало время мириться. Как ни страдала их гордость, они первые протянули Бабелю, выражаясь фигурально, руки примирения. Это обстоятельство выразилось в том, что в один прекрасный день у нас на 9-й станции неожиданно появилась приехавшая для примирения из Киева преувеличенно любезная теща Бабеля – старуха Гронфайн.

Она была, должно быть, не очень уверена в успехе своей щекотливой задачи и потому захватила с собой из Киева для разрядки внука – восьмилетнего мальчика Люсю. Лучше было этого не делать.

В семье Бабеля тещу встретили приветливо. Но, конечно, в глубине души у Бабеля осталась неприязнь к ней и к заносчивому старику Гронфайну. А теща, пытаясь загладить прошлую вину, даже заискивала перед Бабелем и на каждом шагу старалась подчеркнуть свое родственное расположение к нему.

Мы с Изей Лившицем часто завтракали по утрам у Бабеля, и несколько раз при этом повторялась одна и та же сцена.

На стол подавали вареные яйца. Старуха Гронфайн зорко следила за Бабелем и, если он не ел яиц, огорченно спрашивала:

– Бабель (она называла его не по имени, а по фамилии), почему вы не кушаете яички? Они вам не нравятся?

– Благодарю вас, я не хочу.

– Значит, вы не любите свою тещу? – игриво говорила старуха и закатывала глаза. – А я их варила исключительно для вас.

Бабель, давясь, быстро доедал завтрак и выскакивал из-за стола.

Мальчика Люсю Изя Лившиц прозвал «тот» мальчик. Что скрывалось под этим южным термином, объяснить было почти невозможно. Но каждый из нас в первый же день появления Люси испытал на собственной шкуре, что это действительно был «тот» мальчик.

У Люси с утра до вечера нестерпимо горели от любопытства тонкие уши, будто кто-то долго и с наслаждением их драл. Люся хотел знать все, что его не касалось. Он шпионил за Бабелем и нами с дьявольской зоркостью. Скрыться от него было немыслимо. Где бы мы ни были, через минуту мы замечали в листве тамарисков или за береговой скалой насквозь просвеченные солнцем Люсины уши.

Очевидно, от сведавшего его любопытства Люся был невероятно худ и костляв. У него с неестественной быстротой шныряли во все стороны черные, похожие на маслины глаза. При этом Люся задавал до тридцати вопросов в минуту, но никогда не дожидался ответа.

То был чудовищно утомительный мальчик с каким-то скачущим характером. Он успокаивался только во сне. Днем он все время дергался, прыгал, вертелся, гримасничал, ронял и разбивал вещи, носился с хищными воплями по саду, падал, катался на дверях, театрально хохотал, дразнил собаку, мяукал, вырывал себе от злости волосы, обидевшись на кого-нибудь, противно выл всухую, без слез, носил в кармане полудохлых ящериц с оторванными хвостами и крабов и выпускал их во время завтрака на стол, попрошайничал, грубил, таскал у меня лески и крючки и в довершение всех этих качеств говорил сиплым голосом.

– А это что? – спрашивал он. – А это для чего? А из этого одеяла можно сделать динамит? А что будет, если выпить стакан чаю с морским песком? А кто вам придумал такую фамилию Паустовский, что моя бабушка может ее правильно выговаривать только после обеда? Вы могли бы схватить конку сзади за крюк, остановить на полном ходу и потащить ее обратно? А что если из крабов сварить варенье?

Легко представить себе, как мы любили этого мальчика. «Исчадие ада!» – говорил о нем Бабель, и в глазах его вспыхивал синий огонь.

Самое присутствие Люси приводило Бабеля в такое нервическое состояние, что он не мог писать. Он отдыхал от Люси у нас на даче и стонал от изнеможения. Он говорил Люсе «деточка» таким голосом, что у этого лопухого мальчика, если бы он хоть что-нибудь соображал, волосы должны были бы зашевелиться на голове от страха.

Жаркие дни сменяли друг друга, но не было заметно даже отдаленных признаков отъезда тещи.

– Все погибло! – стонал Бабель и хватался за голову. – Все пропало! Череп гудит, как медный котел. Как будто это исчадие ада с утра до вечера лупит по мне палкой!

Все мы ломали голову над тем, как избавить Бабеля от Люси и его медоточивой бабушки. Но, как это часто бывает, Бабеля спас счастливый случай.

Как-то ранним утром я зашел к Бабелю, чтобы, как мы условились с вечера, вместе идти купаться.

Бабель писал за небольшим столом. У него был затравленный вид. Когда я вошел, он вздрогнул и, не оглядываясь, судорожно начал запихивать рукопись в ящик стола и чуть не порвал ее.

– Фу-у! – вздохнул он с облегчением, увидев меня. – А я думал, что это Люська. Я могу

работать только пока это чудовище не проснется.

Бабель писал химическим карандашом. Я никогда не мог понять, как можно писать этим бледным и твердым, как железный гвоздь, карандашом. По-моему, все написанное химическим карандашом получалось хуже, чем написанное чернилами.

Я сказал об этом Бабелю. Мы заспорили и прозевали те несколько секунд, безусловно спасительных для нас, когда Люся еще не подкрался по коридору. Если бы мы не спорили, то могли бы вовремя скрыться.

Мы поняли, что пропали, когда Люся победоносно ворвался в комнату. Он тут же кинулся к письменному столу Бабеля, чтобы открыть ящик (там, как он предполагал, были спрятаны самые интересные вещи), но Бабель ловко извернулся, успел закрыть ящик на ключ, выхватить ключ из замка и спрятать его в карман.

После этого Люся начал хватать по очереди все вещи со стола и спрашивать, что это такое. Наконец он начал вырывать у Бабеля химический карандаш. После недолгой борьбы это ему удалось.

– А-а! – закричал Люся. – Я знаю, что это такое! Карандаш-барабаш, все, что хочешь, то и мажь!

Бабель задрожал от отвращения, а я сказал Люсе:

– Это химический карандаш. Отдай его сейчас же Исааку Эммануиловичу! Слышишь!

– Химический, технический, драматический, кавыческий! – запел Люся и запрыгал на одной ноге, не обратив на меня никакого внимания.

– О Боже! – простонал Бабель. – Пойдемте скорее на берег. Я больше не могу.

– И я с вами, – крикнул Люся. – Бабушка мне позволила. Даю слово зверобоя. Хотите, дядя Изя, я приведу ее сюда и она сама вам скажет?

– Нет! – прорыдал Бабель измученным голосом. – Тысячу раз нет! Идемте!

Мы пошли на пляж. Люся нырял у берега, фыркал и пускал пузыри. Бабель пристально следил за ним, потом схватил меня за руку и сказал свистящим шепотом, как заговорщик:

– Вы знаете, что я заметил еще там, у себя в комнате?

– Что вы заметили?

– Он отломил кончик от химического карандаша и засунул себе в ухо.

– Ну и что же? – спросил я. – Ничего особенного не будет.

– Не будет так не будет! – уныло согласился Бабель. – Черт с ним. Пусть ныряет.

Мы заговорили о Герцене – Бабель в то лето перечитывал Герцена. Он начал уверять меня, что Герцен писал лучше, чем Лев Толстой.

Когда мы, выкупавшись, шли домой и продолжали вяло спорить о Герцене, Люся забежал вперед, повернулся к нам, начал приплясывать, кривляться и петь:

Герцен-Мерцен сжарен с перцем!

Сжарен с перцем Герцен-Мерцен!

– Я вас умоляю, – сказал мне Бабель измученным голосом, – дайте этому байструку по шее. Иначе я за себя не отвечаю.

Но Люся, очевидно, услышал эти слова Бабеля. Он отбежал от нас на безопасное расстояние и снова закричал, паясничая.

– У-у-у, зараза! – стиснув зубы, прошептал Бабель. Никогда до этого я не слышал такой

ненависти в его голосе. – Еще один день, и я или сойду с ума, или повешусь.

Но вешаться не пришлось. Когда все сидели за завтраком и старуха Гронфайн готовилась к своему очередному номеру с «яичком» («Бабель, так вы, значит, не любите свою тещу»), Люся сполз со стула, схватился за ухо, начал кататься по полу, испускать душераздирающие вопли и бить ногами обо что попало.

Все вскочили. Из уха у Люси текла мерзкая и темная жижа.

Люся кричал без перерыва на одной ужасающей ноте, а около него метались, вскрикивая, женщины.

Паника охватила весь дом. Бабель сидел, как бы оцепенев, и испуганно смотрел на Люсю. А Люся вертелся винтом по полу и кричал:

– Больно, ой, больно, ой, больно!!!

Я хотел вмешаться и сказать, что Люся врет, что никакой боли нет и быть не может потому, что Люся нырнул, набрал себе в уши воды, а перед этим засунул себе в ухо...

Бабель схватил мою руку под столом и стиснул ее.

– Ни слова! – прошипел он. – Молчите про химический карандаш. Вы погубите всех.

Теща рыдала. Мери вытирала ватой фиолетовую жидкость, сочившуюся из уха. Мать Бабеля требовала, чтобы Люсю тотчас везли в Одессу к профессору по уху, горлу и носу.

Тогда Бабель вскочил, швырнул на стол салфетку, опрокинул чашку с недопитым чаем и закричал, весь красный от возмущения, на невежественных и бестолковых женщин:

– Мамаша, вы сошли с ума! Вы же зарежете без ножа этого мальчишка. Разве в Одессе врачи? Шарлатаны! Все до одного! Вы же сами прекрасно знаете. Коновалы! Невежды! Они начинают лечить бронхит и делают из него крупозное воспаление легких. Они вынимают из уха какого-нибудь комара и устраивают прободение барабанной перепонки.

– Что же мне делать, о Господи! – закричала мадам Гронфайн, упала на колени, подняла руки к небу и зарыдала. – О Господи, открой мне глаза, что же мне делать!

Люся бил ногами по полу и выл на разные голоса. Он заметно охрип.

– И вы не знаете, что делать? – гневно спросил Бабель. – Вы? Природная киевлянка? У вас же в Киеве живет мировое светило по уху, горлу и носу. Профессор Гринблат. Только ему можно довериться. Мой совет: везите ребенка в Киев. Немедленно!

Бабель посмотрел на часы.

– Поезд через три часа. Мери, перевяжи Люсе ухо. Потуже. Одевайте его. Я вас провожу на вокзал и посажу в поезд. Не волнуйтесь.

Теща с Люсей и Бабелем уехала стремительно. Тотчас же после их отъезда Евгения Борисовна начала без всякой причины хохотать и дохохоталась до слез. Тогда меня осенило, и я понял, что история с киевским светилом была чистой импровизацией. Бабель разыграл ее, как первоклассный актер.

С тех пор тишина и мир снизошли на 9-ю станцию Фонтана. Все мы снова почувствовали себя разумными существами. И снова вернулось потерянное ощущение крепко настоящего на жаре и запахе водорослей одесского лета.

А через неделю пришло из Киева письмо от тещи.

«Как вы думаете? – писала она возмущенно. – Что установил профессор Гринблат? Профессор Гринблат установил, что этот негодяй засунул себе в ухо кусок химического карандаша. И ничего больше. Ничего больше, ни единой соринки. Как это вам нравится?»

Эмиль Кроткий

В доме композиторов

Рояль был весь закрыт,
И струны в нем дрожали
От страха, чтоб мотив
Соседи не украли.

Осел на выставке

Прельстясь картиной «Сеновал»,
Осел все сено в ней сжевал.
Здесь нет худого умысла,
Здесь просто виден ум Осла!

Философ и аптека

Философа Сенеку
Спросили:
«Как пройти в ближайшую аптеку?»
Мудрец провел рукой по жидким волосам
И на вопрос ответил честно:
«Не знаю, право же. Ищи аптеку сам».
И мудрецам не все известно.

Скромность

Он был тщеславья чужд едва ли,
Но был застенчив и умен.
«Вас слава ждет!» – ему сказали.
«Пусть подождет», – ответил он.

Из книги «Отрывки из ненаписанного»

Душа его так часто уходила в пятки, что они стали одухотворенными.

Каждая его комедия была драмой для режиссера и трагедией для зрителя.

* * *

«Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте...» И его уволили.

* * *

Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину тошнило.

* * *

Если шофер верит в бессмертие, жизнь пассажира в опасности.

* * *

Ему пришла в голову мысль, но, не застав никого, ушла.

* * *

Хорошо помнил своих прежних друзей и при встрече безошибочно не узнавал их.

* * *

Был до того светлой личностью, что хотелось надеть на него абажур.

* * *

При одном взгляде на нее становилось ясно, что сценическим успехом своим она обязана не столько Мельпомене, сколько Талии.

* * *

От вулкана не требуют, чтобы он стряхивал пепел в пепельницу.

* * *

Злая собака мысленно лает даже тогда, когда молчит.

* * *

Обилие пальм делало курорт похожим на вестибюль гостиницы.

* * *

Даже выступая на собрании первым, он присоединился к предыдущему оратору.

* * *

Собака так привыкла к поклонникам своей хозяйки, что на мужа ее лаяла как на постороннего.

* * *

Это была не пьеса, а оскорбление четырьмя действиями.

* * *

Гусь утверждал, что пером его прадеда писал Пушкин.

* * *

Хороший рассказ должен быть краток, плохой – еще короче.

* * *

В фамильном диване водились клопы, которые еще помнили крепостное право.

* * *

Сколько времени ни теряешь, а лет все прибавляется.

* * *

Разношенные, как домашние туфли, удобные, не беспокоящие мысли.

* * *

В глупости человек сохраняется, как шуба в нафталине.

* * *

Брак – это мирное сосуществование двух нервных систем.

* * *

Поверхностный острослов, мастер неглубокого каламбурия.

* * *

Верх рассеянности – на стук сердца ответить: «Войдите!»

* * *

Ивы бывают только плакучие. Смешливых ив не бывает.

* * *

Инициатива скандала принадлежала мужу, звуковое оформление – жене.

* * *

Когда мне говорят, что построенное на песке непрочное, я возражаю: а пирамиды?

* * *

Вернувшись с курорта, он заважничал. «Я купался, – рассказывал он, – в одном море с нашим начальником».

* * *

Будем как солнце: оно светит и глупым.

* * *

Малосольные остроты.

* * *

Не повторяй своих острот: одним лезвием дважды не бреются.

* * *

Писать с него портрет не хотелось. Хотелось писать с него натюрморт.

* * *

Это был, так сказать, Цезарь наизнанку. Он умел одновременно не делать несколько дел.

* * *

Ухаживать за своей женой ему казалось столь же нелепым, как охотиться за жареной дичью.

* * *

Ученые – свет, неученых – тьма.

* * *

Века были так себе, средние...

* * *

Вина он любил тонкие, а лезть грубую.

* * *

Всю жизнь исполнял только комические номера, и странно было видеть его имя в некрологе.

* * *

Десять лет бился над проблемой солнечных часов, которые действовали бы круглосуточно.

* * *

Дуэт льстецов – Фим и Ам.

* * *

Долго ждал признания, но только к концу своей карьеры был признан бездарным.

* * *

Есть люди, которым приятнее думать о том, что пчелы жалят, нежели о том, что они дают мед.

* * *

Если бы собака могла прочесть диплом, выданный ей на собачьей выставке, она, несомненно, зазналась бы.

* * *

«Имейте в виду: алкоголь медленно разрушает организм». – «А я и не тороплюсь».

* * *

Искра не родится от удара камнем по грязи.

* * *

Мыльный пузырь всегда радужно настроен.

* * *

Не смейся, не дослушав анекдота. А вдруг он не смешной?

* * *

На чужих похоронах мы волнуемся, как актер на репетиции.

* * *

Он оправдывал свои ошибки тем, что живет в первый раз.

* * *

О присутствующих не говорят, об отсутствующих злословят.

* * *

Он нес вздор, но нес его в журналы.

* * *

Пена всегда выше пива.

* * *

Повесть печаталась в журнале в порядке осуждения.

* * *

Предельно неудачливый человек: подавился монеткой, запеченной в пироге «на счастье».

* * *

Сначала мы плохо говорим о людях, потом плохо о них думаем.

* * *

Сделала ради него шестимесячную завивку, а он бросил ее через месяц.

* * *

К взяточникам он относился снисходительно – это были его коллеги по «беру».

* * *

Ссорясь, они швыряли друг в друга стульями, но ни семейной жизни, ни мебели это не вредило. Семья была крепкая, мебель – тоже.

* * *

Она говорила немного по-французски и очень много по телефону.

* * *

Упорнография.

* * *

Глубокообнажаемая Анна Петровна!

* * *

У него был роман с учительницей. Он называл ее «мое ненаглядное пособие».

* * *

Она признавала лекарства только с латинскими названиями: в русском переводе они на

нее не действовали.

Александр Шнайдер

Нам не жалко

Я и мой друг Александр Батров каждый вечер гуляем по одесским улицам. Но мы не просто гуляем – мы сочиняем киносценарии. У нас уже 230 непоставленных фильмов по нашим ненаписанным сценариям. А мы и не собирались писать – мы их просто наговорили на ходу.

Вот и сегодня на углу Дерибасовской и Пушкинской Батров сказал:

– Слушай, а ведь тигр мог доплыть до берега...

– Какой тигр?! – спросил я.

– Однажды во время съемки тигр прыгнул в море и поплыл. Представляешь, если бы этот тигр появился у Аркадийского пляжа, среди купающихся курортников!

– Да-а, вот это фильм!

И мы тут же, на углу, запустили наш 231-й фильм.

– Название? – не то спросил, не то потребовал Батров.

– «Люди и звери»!

– Было.

– «Хищник»!

– Подумают, документальный или про Аденауэра...

– «Драма на курорте»! «Комедия»! – выпалил я, переходя улицу при красном свете.

– У Чехова «Драма на охоте», – заметил Батров, попыхивая трубкой.

– Тогда «Тигр в пижаме», музыкальная кинокомедия.

– Пожалуй, можно... Широкоэкранный или...

– Давай панорамный!

– Начинай!

– Панорама моря... Берег. Золотой пляж. Купающихся столько, что яблоку негде упасть... Слышен шум моря...

– Не забывай, что у нас музыкальная кинокомедия.

– Тогда шум моря переходит в музыкальное сопровождение. За кадром нетвердый мужской голос поет...

– Чего это он вдруг запел?

– Ну выпил человек, полез в воду и поет.

– Ладно, пусть поет. А что поет?

– «Раскинулось море широко, лишь волны бушуют вдали...»

– В кадре – подвыпивший курортник. Ему очень весело. Он ныряет и пытается поймать за ноги купающихся курортниц...

– Фу-у-у-у, неприлично... Приехал на курорт, да еще, наверно, по льготной профсоюзной путевке, и хватает за ноги наших одесситок...

– Так он ведь выпил!

– Ладно, пусть хватает, – разозлился Батров. – Он у меня доиграется! Камера от купающегося нахала движется в открытое море. В кадре плывущий тигр. Крупно – голова хищника рассекает набежавшую волну. Тигр быстро приближается к подвыпившему курортнику, который по-прежнему пристаёт к женщинам. Подводные съемки.

– Может, обойдемся без подводных?

– Не скалдырничай! Подводный пейзаж... В кадре: захмелевший курортник хватается за лапу тигра. Громоподобное рычание. Крупно: голова курортника перед широко раскрытой пастью хищника...

– Не надо...

– И не проси. Пора его проучить!

– Кого?!

– Твоего пьяного кретина!

– Моего?!

– Да! Ты его придумал, а теперь оберегаешь. Не выйдет! Сейчас тигр закроет пасть и...

– Умоляю, пусть не закрывает...

– Пожалел? Эх ты!

– Ни капельки. Просто вспомнил, что у нас кинокомедия.

– Ну тогда: курортник открывает глаза, смотрит на тигра и дико хохочет.

– Хохочет?! С чего бы это?

– Не верит, что перед ним тигр, тычет пальцем в открытую пасть хищника и орет: «Не чуди, слышишь, сними маску, да ну тебя!..» Пасть закрывается и...

– Но хоть один палец тигр может отхватить? Он ведь все-таки хищник! – возмущается

Батров.

– Мизинец, и хватит! Давай дальше, в темпе, нам еще надо в магазин.

– Успеем. Тигр по-лягушачьи плывет к берегу. Музыка переходит в галоп. Паника на пляже. Беспорядочные возгласы, крики. На Приморской улице мелькают полуобнаженные люди...

– Нельзя в купальниках по улице, есть решение горсовета, оштрафуют.

– Придется нарушить – тигр догонит, хуже будет. Из примыкающей улицы вылетает милицейская автомашина, за ней мчится пожарная. В кадре: скачущий по тротуару тигр...

– Пора кончать эту банальную погоню! Вот, кстати, «Гастроном».

– Прекрасно, тигр влетает в «Гастроном». Колбасный отдел. На переднем плане: продавцы прыгают в окна. Тигр прыгает на контрольные весы...

Я слушаю и понимаю, что нет такой силы в мире, которая могла бы теперь остановить тигра и... Батрова.

– ...Директор магазина забаррикадировал двери кабинета, – продолжает Батров. – В кадре: тигр терзает книгу жалоб и предложений. Затемнение. Директор диктует секретарше: «Акт номер 13. В связи со стихийным бедствием, выразившимся в появлении безнадзорного тигра, прошу списать две тонны колбасы любительской, 17 килограммов окорока тамбовского, 32 килограмма ливерной колбасы высшего сорта и 26 бутылок «КВК». Все перечисленные колбасные изделия и напитки изъял вышеуказанный хищник. Директор магазина А. Стопкин». Секретарша робко обращается к директору: «Павел Семенович, так он ведь не ел, а только понюхал...» Директор: «Неважно! Вали всю месячную недостачу на хищника!»

– Вот тут, – осторожно замечаю я, – самое время спеть дуэт.

– Чей дуэт?

– Директора и секретарши.

– Неоправданно.

– Положение у них безвыходное – у дверей залег тигр, остается только петь...

– Мда-а-а... – вздохнул Батров, – надо бы его поднять...

– Кого?

– Тигра. Пора кончать фильм, а он улегся. Как бы его поднять на развернутый финал?

– Очень просто: тигр услышал дуэт директора и секретарши, махнул лапой и сам медленно поплелся в зоопарк, в клетку, к своей любимой, заждавшейся тигрице...

– Сквозь прутья клетки, – продолжал Батров, – видно звездное небо, пустынный пляж и белое кружево морского прибоя... Музыка широкая, раздольная...

– На экране появляется слово «КОНЕЦ».

«Да, но почему вы не напечатали этот сценарий, не отнесли его на киностудию, не получили аванса?»

Потому что мы тут же, у входа в «Гастроном», задав себе все эти вопросы, сочинили новый сценарий.

– Кабинет главного редактора сценарного отдела, – начал Батров, – входят авторы сценария – ты и я...

– Иди ты первый.

– К чему эти расшаркивания? – брюзжит Батров. – Ну как же, тебя знают, маститый...

– Ладно, продолжаем: авторы хором сообщают редактору: «У нас сценарий!» – «Тема? – спрашивает редактор. – Село, город, шахта, перевоспитание, абстракционисты?» – «Тигр!» – отвечаем мы.

Редактор медленно опускается в кресло и долго смотрит на двух авторов сразу, отчего глаза у него раздвигаются к ушам. «Так тигр, говорите?» – произносит редактор. «Гм... полосатый. Хотите взглянуть? Пожалуйста. Жоржик! Сюда!» В кадре: в кабинет, бесшумно ступая по паркету, входит тигр...

– Разве мы его взяли с собой? – перебиваю я Батрова.

– А что?!

– Это для меня как-то неожиданно. Надо было хоть предупредить. Я ведь все-таки соавтор.

– Чего предупреждать? Без тигра нам здесь делать нечего. Так на чем мы остановились?

– Входит тигр...

– Да, входит тигр, редактор забивается в дальний угол кабинета. «Не беспокойтесь, – говорят авторы. – Это наш отечественный, уссурийский тигр. Жоржик, дай дяде лапу! Р-р-р-ры... Он вас приветствует!» – Батров имитирует рычание тигра, притом очень удачно. «А теперь, пожалуй, пора подписать договор на кинокомедию «Тигр в пижаме!» – торжественно произносит Батров.

– Кстати, мы совершенно упустили из виду пижаму. О ней в сценарии ни слова. Неоправданное название, – говорю я Батрову.

– Бог с ней. Получим деньги за сценарий – купим пижаму.

Итак, редактор наконец приходит в себя, садится за стол и очень любезно обращается к авторам, но не сводит глаз с тигра: «Так вот, мне в основном ваш сценарий...» – «Р-р-р-р-ры...» – рычит Батров. «Я говорю – нравится...» – «Р-р-р-р-ры...» – «Очень нравится, – лебезит редактор. – Особенно запоминается образ милого, добродушного уссурийского тигра, простите, забыл отчество...» – «Зовите меня просто Жоржик!»

– Кто это говорит? – спрашиваю я Батрова.

– Как кто? Тигр! – невозмутимо отвечает Батров.

– Человеческим голосом?!

– А что?

– Ну знаешь, это уж слишком! Я категорически возражаю!

– Ничего особенного, пусть говорит, – настаивает Батров.

– Тогда я отказываюсь от соавторства и прошу вычеркнуть в титрах мою фамилию. Мне надоело это узурпаторство!

– Понял! Ты запускаешь наш новый 233-й фильм, который называется...

– «Как поссорились друзья-соавторы»! Начали?

– На сегодня хватит. Три фильма в один вечер – многовато. Надо еще кое-что купить...

– И мне бы надо... Одолжи пятерку...

Батров нерешительно достает кошелек и вопросительно смотрит на меня.

– Тебе действительно нужны деньги или снова начинаешь сценарий?

– Нужны... очень...

– Вот видишь, – назидательно говорит Батров, вручая мне купюру, – если бы тогда в кабинете редактора ты не затеял этот дурацкий спор с говорящим тигром, все было бы в порядке. Редактору наш сценарий понравился, подписали бы договор, получили аванс, и были бы у тебя деньги...

Что я мог ему ответить? Батров, как всегда, был прав...

P. S. Я и мой друг не возражаем, если кто-либо из апробированных сценаристов использует наши сценарии для своих кинофильмов. Пожалуйста! Нам не жалко.

1964

Лазарь Лазарев, Станислав Рассадин, Бенедикт Сарнов

Из сборника пародий «Липовые аллеи»

Пародии на В. Катаева

Трын-трава

Навсегда я запомнил его таким. Его голову, типичную голову негроида, которую лет сорок назад я обязательно сравнил бы с ежевикой, его хрестоматийные бакенбарды, пахнущие мылом герлэн, его длинный дворянский ноготь, глянцевитый и блестящий, как внутренняя поверхность тех раковин, что встречаются только в Одессе, на ее ланжеронах, фонтанах и лиманах.

...Итак, я жил тогда в Одессе...

– Впервые Господь судил мне, – сказал Пушкин, – встретить такого талантливую человека, как вы, Валя. Дарю вам свой любимый сюжет. Напишите о том, как в ветхий дом вбегают дети и в ужасе восклицают: «Отец! Отец! Наши сети притащили мертвеца!»

Да, так он сказал. Слово в слово.

...И вырвал грешный мой язык...

Я был до отказа набит ритмами рождающегося эпоса. И писал, писал, писал, где только мог, – на обоях монпарнасских отелей, на домнах Магнитки, на манжетах, на хрупком и губчатом ракушечнике одесских катакомб...

...Как пробудившийся орел...

Я писал, как в комитет на Ближних Мельницах прибежали дети и второпях сообщили, что в их сети попал мертвец, который оказался не мертвецом, а здоровенным и вполне живым матросом, ищущим явку.

...А он, мятежный, ищет бури...

Встав с хрустящих голландских простыней, застланных по-французски – конвертом, я завтракал свежайшими круассанами со сливовым джемом и крепчайшим бразильским кофе, от которого в комнате распространялся замечательный индийский запах. На террасу вбежали мои милые дети, которых я в шутку называл тогда Гиппопотам и Ехидна, и закричали на своем кошмарном, но очаровательном жаргоне сердитых молодых людей новейшей генерации: «Предок, предок! Наши нейлоновые сети притащили жмурика!»

...Врите, врите, бесенята...

Он лежал, опутанный блестящим первосортным нейлоном, словно аккуратно упакованный в целлофан. Нейлон сверкал на тусклом песке. Сорок лет назад я бы сказал: сверкал, как медуза.

...И в распухнувшее тело раки черные впились...

На обед Дениза обещала сегодня омаров в мадере. Омары – это почти то же, что наши раки. Только мясо их нежнее и неуловимо пахнет морем.

Шестьдесят лет спустя

Издавна весна в Одессе начиналась не тогда, когда в Люстдорфе появлялись первые

купальщицы. И даже не тогда, когда вице-король одесских сумасшедших Марьяшес сменял свою старую кастановую шляпу на грязно-желтое канотье. Настоящая одесская весна начинается в тот день, когда на углу Дерибасовской и Ришельевской появляется первый командировочный из Москвы... Приехавший в командировку в свой родной город юрисконсульт Московского совнархоза Петр Васильевич Бачей неожиданно столкнулся с профессором Одесского университета Георгием Никифоровичем Колесничуком.

– Клифт! – сказал Петр Васильевич и довольно крепко стукнул Георгия Никифоровича кулаком по спине.

Вот уже почти шестьдесят лет это приветствие считалось самым шиком на всем протяжении от Большого Фонтана до Дюковского сада.

– Клифт! – ответил профессор и ловко сбил с юрисконсульта шляпу.

– Куда шмалишь? – спросил Петр Васильевич, поднимая шляпу и указкой счищая с нее въедливую одесскую пыль, тонкую и коричневую, как хорошо размолотый черный кофе.

– Сегодня докторскую защитил!.. «Акустическая коагуляция высокодисперсного аэрозоля».

Стыдясь своей интеллигентности, Колесничук говорил грубым и сиплым, так называемым «жлобским» голосом.

– Брешешь!

– Чтоб мне в жизни счастья не видать.

– А я – пайщик! – Петр Васильевич старательно и довольно удачно плюнул на никелированный замочек профессорского портфеля. – Что? Заело? Босявка!

– От босявки слышу!

– Не гавкай! Я пайщик! Вот квитанция. А у тебя что? Дуля?

– У меня дуля?

– Да! У тебя дуля с маслом. Вот такая дуля! На, съешь!

Петр Васильевич взял портфель в зубы и поднес к самым глазам Георгия Никифоровича кулак, сложенный дулей. Большой палец высовывался очень далеко и оскорбительно вертелся, почти царапая нос доктора наук твердым старческим ногтем. Ноготь был большой, глянцевитый и блестящий, как внутренняя поверхность тех ракушек, которые встречаются в Одессе, на ее ланжеронах, фонтанах и лиманах.

Время больших ожиданий

Пародия на К. Паустовского

До встречи с репортером одесской газеты «Вечерний звон» Яшей Пивораки я искренне верил, что все литературные герои выдуманы. Яша убедил меня в обратном. Это он познакомил Бабеля с Беней Криком на квартире у старого наводчика Пятирубеля. Янаки и Ставраки, описанные Багрицким в «Контрабандистах», были его соседями, а папа Сатырос приходился ему родным тестем. Вообще это был удивительный человек. Он был одним из тех немногих, кто своими глазами видел, как на Молдаванке лопнул меридиан. Эту историю я уже описал как-то в одном из своих рассказов.

Яша никогда не бросал слов на ветер. Но когда он сказал мне, что на Рождество в редакции «Вечернего звона» будет елка, я не поверил.

Елок в ту зиму в Одессе не было. Склад елочных игрушек «Пайщиков и сыновья» разграбили зеленые, а последнюю елку увез с собой эмигрировавший в Константинополь профессор Овсяннико-Паниковский.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Меня преследовал острый, пряный запах детства – запах хвои, апельсиновых корок, щемящий запах сливочных тянучек. Мне мерещилась сверкающая алмазными гранями диадема Снегурочки, легкая желтизна золоченых орехов, серебряное свечение бороды Деда Мороза...

Неужели это все еще может повториться!..

Елки, конечно, не было. Рождества тоже. Мы долго стояли обнявшись на набережной и яростными, молодыми, полуохрипшими от влажного морского ветра голосами кричали в ночь слова только что сочиненных куплетов...

Так были созданы три знаменитые одесские песни: «Вот Маня входит в залу...», «Сережка с Малой Бронной...» и «В лесу родилась елочка».

Автострасть

Пародия на С. Кирсанова

*И, может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

А. С. Пушкин

В моей душе —
Твое клише.
Ты – авто цвета беж. Ты – фиат.
Твой волнующий голос – сирена.
Твои круглые желтые фары горят,
Как у самого нового ситроена.
От погони пьянею.
Я – испытанный старый фордзон,
От которого некогда трясся Керзон,
А с тобою – юнею.
Я юнею.
Я формы меняю:
Становлюсь обтекаем.
Скоростей современных
Шоссейную сладость вкусил.
По кольцу автострад
(Как я рад!)
Мы бок о бок с тобой пробегаем.
О, как ново
Снова-здорово
Ощущать пробужденье моих лошадиных сил.

«Нет, что-то есть в этой почве...»

1965–1985

*Юмор, как жизнь, быстротечен и уникален.
Только один раз так можно сказать. Один раз можно ужать
истину до размеров формулы, а формулу – до размеров остроты.*

Михаил Жванецкий

В самый разгар «оттепели» в Одессе, как и в других городах, появились студенческие самодеятельные театры. Особенным успехом пользовался у одесситов театр «Парнас-2». Это именно в нем начали свой путь будущие звезды эстрады Роман Карцев и Виктор Ильченко, впервые зазвучали в полную силу тексты Михаила Жванецкого. Параллельно на Центральном телевидении возник КВН. С 1966 года на экранах прочно обосновались «Одесские трубочисты».

В 70-е годы роль своеобразного клапана для выпуска пара стали играть и театральные капустники, в которых с позволения властей в новогоднюю ночь (то есть раз в году!) разрешали говорить острые вещи.

В 1973 году в Одессе впервые прошла «Юморина». В этом же году возник отдел фельетонов газеты «Вечерняя Одесса», где блистало новое поколение одесских фельетонистов и публиковались остроумные тексты молодых одесских авторов...

Если же говорить о кавээновских текстах, то следует заметить, что авторство в КВН было всегда коллективным. Но, конечно, были и лидеры. Так, в период с 1966-го по 1970 год в одесской команде особенно выделялась «знаменитая тройка нападающих» Крапива – Макаров – Волович. Среди наиболее активных авторов были Семен Лившин, Леонид

Сущенко, Марк Водовозов. В сезоне 1971–72 годов в одесскую команду пришел Георгий Голубенко, что значительно усилило ее авторский потенциал... Отдельная группа писала стихи и песни. Среди них выделялись два Бориса – Бурда и Зильберман (Салибов). Кстати, второй – автор популярнейшего нового гимна КВН.

В настоящий раздел включены наиболее удачные в литературном отношении кавээновские тексты одесситов с 1966-го по 1972 год. (Более полный список авторов представлен в конце раздела «Одесский КВН»).

В. Х.

Как шутили в Одессе

Группа людей со скорбными лицами и музыкальными инструментами. Впереди бригадир-дирижер. Звонок. Выходит жилец.

Бригадир (*вежливо приподнимает шляпу*). Ай-я-яй, мне уже говорили. Такое горе!

Жилец. Какое горе?

Бригадир. У вас похороны?

Жилец. Похороны?

Бригадир. Ришельевская шесть, квартира семь?

Жилец. Да.

Бригадир. Ну?

Жилец. Что?

Бригадир. Будем хоронить?

Жилец. Кого?

Бригадир. Что значит «кого»? Кто должен лучше знать, я или ты? Ну, не валяй дурака, выноси.

Жилец. Кого?

Бригадир. У меня люди. Оркестр. Пятнадцать человек живых людей. Они могут убить, зарезать любого, кто не вынесет сейчас же. Маня, прошу.

Толстая Маня, в носках и мужских ботинках, ударила в тарелки и посмотрела на часы.

Жилец. Минуточку, кто вас сюда прислал?

Бригадир. Откуда я знаю? Может быть, и ты. Что, я всех должен помнить?

Из коллектива вылетает разъяренный Тромбон.

Тромбон. Миша, тут будет что-нибудь, или мы разнесем эту халабуду вдребезги пополам? Я инвалид, вы же знаете.

Бригадир. Жора, не изводите себя. У людей большое горе, они хотят поторговаться. Назовите свою цену, поговорим как культурные люди. Вы же еще не слышали наше звучание.

Жилец. Я себе представляю.

Бригадир. Секундочку. Вы услышите наше звучание – вы снимете с себя последнюю рубаху. Эти люди чувствуют чужое горе как свое собственное.

Жилец. Я прекрасно представляю...

Бригадир. Встаньте там и слушайте сюда. Тетя Маня, прошу сигнал на построение.

Толстая Маня ударила в тарелки и посмотрела на часы.

Бригадир (*прошелся кавалерийским шагом*). Константин, застегнитесь, спрячьте свою

нахальную тагуировку с этими безграмотными выражениями. Вы там все время пишете что-то новое. Если вы ее не выведете, я вас отстраню от работы. Федор Григорьевич, вы хоть и студент консерватории, возможно, вы даже культурнее нас – вы знаете ноты, но эта ковбойка вас унижает. У нас, слава Богу, есть работа – уличное движение растет. Мы только в июле проводили пятнадцать человек. Теперь вы, Маня. Что вы там варите себе на обед, меня не интересует, но от вас каждый день пахнет жареной рыбой. Переходите на овощи, или мы распрощаемся. Прошу печальный сигнал.

Оркестр начинает фантазию, в которой с трудом угадывается похоронный марш.

Жилец (*аплодирует*). Большое спасибо, достаточно. Но все это напрасно. Наверное, кто-то пошутил.

Бригадир. Может быть, но нас это не касается. Я пятнадцать человек снял с работы. Я не даю юноше закончить консерваторию. Мадам Зборовская бросила хозяйство на малолетнего бандита, чтоб он был здоров. Так вы хотите, чтоб я понимал шутки? Рассчитайтесь, потом посмеемся все вместе.

Из группы музыкантов вылетает разъяренный Тромбон.

Тромбон. Миша, что вы с ним цацкаетесь? Дадим по голове и отыграем свое, гори оно огнем!

Бригадир. Жора, не изводите себя. Вы еще не отсидели за то дело, зачем вы опять нервничаете?

Жилец. Почему стоит похоронить?

Бригадир. С почестями?

Жилец. Да.

Бригадир. Не торопись?

Жилец. Да.

Бригадир. По пятерке на лицо.

Жилец. А без покойника?

Бригадир. По трешке, хотя это унижительно.

Жилец. Хорошо, договорились. Играйте, только пойте: в память Сигизмунда Лазаревича и сестры его из Кишинева.

Музыканты по сигналу Мани начинают играть и петь: «Безвременно, безвременно... На кого ты нас оставляешь? Ты туда, а мы – здесь. Мы здесь, а ты – туда». За кулисами крики, плач, кого-то понесли.

Бригадир (*повеселел*). Вот вам и покойничек!

Жилец. Нет, это только что. Это мой сосед Сигизмунд Лазаревич. У него сегодня был день рождения. А, эти шутки!

Воскресный день

Утро страны. Воскресное. Еще прохладное. Потянулась в горы молодая интеллигенция.

Потянулись к ларьку люди среднего поколения. Детишки с мамашками потянулись на утренники кукольных театров. Стада потянулись за деревни в зеленые росистые поля. Потянулись в своих кроватях актеры, актрисы, художники и прочие люди трудовой богемы и продолжали сладко спать.

А денек вставал и светлел, и птицы пели громче, и пыль пошла кверху, и лучи обжигали, и захотелось к воде, к большой воде, и я, свесив голову с дивана, прислушался к себе и начал одеваться, зевая и подпрыгивая.

Умылся тепловатой водой под краном. Достал из холодильника помидоры, лук, салат, яйца, колбасу, сметану. Снял с гвоздя толстую доску. Вымыл все чисто и начал готовить себе завтрак.

Помидоры резал частей на шесть и складывал горкой в хрустальную вазу. Нарезал перцу красного мясистого, нашинковал луку репчатого, нашинковал салату, нашинковал капусты, нашинковал моркови, нарезал огурчиков мелко, сложил все в вазу поверх помидоров. Густо посолил. Залил все это постным маслом. Окропил уксусом. Чуть добавил майонезу и начал перемешивать деревянной ложкой. Снизу поддевал и вверх. Поливал соком образовавшимся и – еще снизу и вверх.

Чайник начал басить и подрагивать. Затем взял кольцо колбасы крестьянской, домашней, отдающей чесноком. Отрезал от него граммов сто пятьдесят, нарезал кружочками – и на раскаленную сковородку. Жир в колбасе был, он начал плавиться, и заскворчала, застреляла колбаса. Чайник засвистел и пустил постоянный сильный пар. Тогда я достал другой, фарфоровый, в красных цветах, пузатый, и обдал его кипятком изнутри, чтобы принял хорошо. А туда две щепоточки чайку нарезанного, подсушенного и залил эту горку кипятком на три четверти. Поставил пузатенького на чайник, и он на него снизу начал парком подпускать... А колбаска, колбаска уже сворачиваться пошла. А я ее яйцом сверху. Ножом по скорлупе – и на колбаску. Три шгуки вбил и на маленький огонек перевел.

А в хрустальной вазе уже и салатик соком исходит под маслом, уксусом и майонезом. Подумал я – и сметанки столовую ложку для мягкости. И опять деревянной ложкой снизу и все это вверх, вверх. Затем пошел из кухни на веранду, неся вазу в руках. А столик белый на веранде сияет под солнышком, хотя на мое место тень от дерева падает. Тень такая кружевная, узорчатая.

Я в тень вазу с салатом поставил, вернулся на кухню, а в сковородке уже и глазунья. Сверху прозрачная подрагивает, и колбаска в ней архипелагом. И чайник... Чайник... Снял пузатого и еще одну четверть кипяточку. А там уже темным-темно, и ароматно пахнуло, и настаивается. Опять поставил чайник. Пошел на веранду, поставил сковородочку на подставку. Затем достал из холодильника баночку, где еще с прошлого года хранилась красная икра. От свежего круглого белого хлеба отрезал хрустящую горбушку, стал мазать ее сливочным маслом. Масло твердое из холодильника, хлеб горячий, свежий. Тает оно и мажется с трудом. Затем икрой красной толстым слоем намазал. Сел. Поставил перед собой вазу. В левую руку взял хлеб с икрой, а в правую – деревянную ложку и стал есть салат ложкой, захлебываясь от жадности и откусывая огромные куски хлеба с маслом и икрой.

А потом, не переставая есть салат, стал ложкой прямо из сковороды отрезать и поддевать пласты яичницы с колбасой и ел все вместе.

А потом, не вытирая рта, пошел на кухню, вернулся с огромной чашкой «25 лет Красной Армии». И уже ел салат с яичницей, закусывая белым хлебом с красной икрой, запивая все это горячим сладким чаем из огромной чашки. А-а... А-а... И на пляж не пошел. А остался

дома. Фу... сидеть... Фу... за столом... Скрестив... фу... ноги... Не в силах отогнать пчелу, кружившую над сладким ртом... Фу... Отойди...

Так я сидел... Потом пошел. Ходить трудно: живот давит. Стал шире ставить ноги. Дошел-таки до почтового ящика. Есть газеты. Одну просмотрел, понял, что в остальных. А день жарче... Накрыл посуду полотенцем, надел на бюст легкую безрукавку, на поясницу и ноги – тонкие белые брюки, светлые носки и желтые сандалии, на нос – темные очки и пошел пешком к морю.

Навстречу бидоны с пивом. Прикинул по бидонам, двинул к ларьку. Минут через десять получаю огромную кружку. Отхожу в сторону, чтобы одному. Сдуваю пену и пью, пью, пью. Уже не могу...

Отдохнул. Идти тяжело. Уже полпервого. Поджаривает. На голове шляпа соломенная. В руках авоська с закуской и подстилкой.

Блеснуло. Узенько. Еще иду. Шире блеснуло. И уже блестит, переливается. Звук пошел. Крики пляжные, голоса: «Мама, мама...», «Гриша, Гриша!», «Внимание! Граждане отдыхающие...» А внутри пиво, салат... Фу!.. Ноги стали в песке утопать. Снял сандалии, снял носки. Песок как сковорода. А!.. Зарылся глубже. О! Прохлада. Занял топчан. Сел. Раздеваюсь. Сложил все аккуратно. Палит. Терплю. Солнце глаза заливает потом. Терплю, чтобы потом счастье. Медленно, обжигаясь, иду к воде.

А вода, серая от теплоты, звонко шелестит и накатывается. Не стерпев, с воем, прыжками, в поту кидаюсь... Нет! Там же не нырнешь. Там мелко. Бежишь в брызгах. Скачешь. Ищешь, где глубже. Народ отворачивается, говорит: «Тю». А ты уже плывешь... Холодно. Еще вперед. Набрал воздуха и лег тихо. Лицом. Глаза открыты. Зелено. Тень моя как от вертолета. Покачивает. Рыбки-перышки скользнули взводом. А-а-ах! Вдохнул. Снова смотрю. Там ничего. Песок и тень моя. А-а-ах! Снова воздух, и поплыл назад.

А когда выходишь, то, невзирая на пиво, и салат, и сорок лет, вырастаешь из воды стройным, крепким, влажным. Ох, сам бы себя целовал в эти плечи и грудь!

Нет, не смотрят. Ну и черт с ними. Ай, песок, ай! Бегом к топчанчику. И животом вверх. И затих.

Опять слышны голоса: и «мама», и «Гриша», и «граждане отдыхающие», «а я тузом пик», «он у меня плохо ест»... Звуки стали уходить. Пропадать...

Вы сгорели, молодой человек!

А! Что?... Фу! Бело в глазах. Побежал к воде. И, раскаленный, красный, расплавленный, шипя, стал оседать в прохладную сероватую воду. Проснулся и поплыл.

Какое удовольствие поесть на пляже! Помидоры я макал в соль. К ломтику хлеба пальцем прижимал котлетку, а запивал квасом из бутылки, правда, теплым, но ничего. Помидоры в соль. Кусочек хлеба с котлеткой, молодой лучок и квас прямо из бутылки.

Какое мучение одеваться на пляже! Натягивать носки на песочные ноги. А песок хрустит, и не стряхивается, и чувствуется. В общем – ой!

Шел домой... Уже прохладней... Солнце садится куда-то в санатории... На дачах застилают столы белыми скатертями, и женщины бегают из фанерных кухонь к кранам торчащим. А из кранов идет вода. Дети поливают цветы из шлангов. Собаки сидят у калиток и следят за прохожими. Полные трамваи потянулись в город. С гор пошла молодая интеллигенция. Очереди у киосков разошлись. Стада вернулись в деревни. И медленно темнеет воскресный день.

Борис Ефимович Друккер, говорящий со страшным акцентом, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, орущий, кричащий на нас с седьмого класса по последний день, ненавидимый нами самодур и деспот. Лысый, в очках, которые в лоб летели любому из нас. Ходил размашисто, кланяясь в такт шагам. Бешено презирал все предметы, кроме своего.

– Бортник, вы ударник, он не стахановец, он ударник. Он кошмарный ударник по своим родителям и по моей голове. И если вас не примут в институт, то не потому, о чем вы думаете, кстати, «потому, о чем» – вместе или отдельно? Что ты скажешь? Получи два и думай дальше.

– Этот мальчик имеет на редкость задумчивый вид. О чем вы думаете, Лурье? Как написать «стеклянный, оловянный, деревянный»? Вы думаете о шахматах: шах-мат. Вы мне – шах, я вам – мат. Это будет моя партия, я вам обещаю. И вы проиграете жизнь за вашей проклятой доской.

– Повернись. Я тебе дал пять. О чем ты с ним говоришь? Он же не знает слова «стреляный». Не дай Бог, вы найдете общий язык. Пусть он гибнет один.

– Внимание! Вчера приходила мама Жванецкого. Он переживает: я ему дал два. Он имел мужество сказать маме. Так я тебе дам еще два, чтоб ты исправил ту и плакал над этой. Посмотри на свой диктант. Красным я отметил твои ошибки. Это кровавая, простреленная в шести местах тетрадь. Но я тебе дал три с плюсом, тебе и маме.

– Сейчас, как и всегда, я вам буду читать сочинение Григорьянца. Вы будете плакать над ним, как плакал я.

– Мусюк, ты будешь смотреть в окно после моей гибели, а сейчас смотри на меня до боли, до слез, до отворачивания!

Борис Ефимович Друккер! Его брат, литературный критик, был арестован в 48-м или в 47-м. Мы это знали. От этого нам было тоже противно: брат врага народа.

Борис Ефимович Друккер, имевший в классе любимчиков и прощавший им все, кроме ошибок в диктанте.

Борис Ефимович Друккер, никогда не проверявший тетради. Он для этого брал двух отличников, а уж они тайно кое-кому исправляли ошибки, и он, видимо, это знал.

Борис Ефимович Друккер брызгал слюной сквозь беззубый рот – какая жуткая, специфическая внешность. Почему он преподавал русскую литературу? Каким он был противным, Борис Ефимович Друккер, умерший в пятьдесят девять лет в 66-м году. И никто из нас не мог идти за гробом – мы уже все разъехались.

Мы собрались сегодня, когда нам по сорок. «Так выпьем за Бориса Ефимовича, за светлую и вечную память о нем», – сказали закончившие разные институты, а все равно ставшие писателями, поэтами, потому что это в нас неистребимо, от этого нельзя убежать. «Встанем в память о нем, – сказали фотографы и инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пижут без единой ошибки. – Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрепанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык – его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»

Мы живем в такое время, когда авангард искусства располагается сзади.

Нет, что-то есть в этой почве. Нет, что-то есть в этих прямых улицах, бегущих к морю, в этом голубом небе, в этой зелени акаций и платанов, в этих теплых вечерах, в этих двух усыпанных огнями многоэтажных домах, один из которых медленно отделяется от другого и пропадает. Нет, что-то есть в этих людях, которые так ярко говорят, заимствуя из разных языков самое главное.

– Я хожу по Одессе, я ничего не вижу интересного.

– Вы и не увидите, надо слышать. И перестаньте ходить. Езжайте в Аркадию стареньким пятеньким трамваем, садитесь на скамейку, закройте глаза. Ш-ш-ш, – вода накатывается на берег, – ш-ш-ш...

– Внимание! Катер «Бендиченко» отходит на десятую станцию Фонтана...

– «Это очень, очень хорошо...»

– «Ах, лето...»

– Потерялся мальчик пяти-шести лет, зовут Славик. Мальчик находится в радиоузле.

Ненормальную мамашу просят подойти откуда угодно.

– Граждане отдыхающие! Пресекайте баловство на воде! Вчера утонула гражданка Кудряшова, и только самозабвенными действиями ее удалось спасти.

– Ой, я видела эту сцену. Они все делали, но не с той стороны. А это искусственное дыхание не с той стороны... Она хохотала как ненормальная.

– Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора? В честь чего?

– В честь нашей встречи, мадам.

– Остановись, Леня! Что делает эта бабка?

– Она думает, что она перебегает дорогу. Я не буду тормозить.

– У вас есть разбавитель?

– Нету.

– В бутылках.

– Нету.

– В плоских бутылках...

– Нету!

– У вас же был всегда!

– Нету, я сказала!

– Не надо кричать. Вы могли отделаться улыбкой.

– Что ты знаешь! Я не могу с ним ходить по магазинам, он им подсказывает ответ. «Скажите, пива нет?» Они говорят: «Нет». «А рыбы нет?» Они говорят: «Нет». Тридцать лет я с ним мучаюсь. Он газету не может купить. Он говорит: «Газет нет?» Они говорят: «Нет».

– Алло, простите, утром от вас ушел мужчина... Ну, не стесняйтесь, мне другое надо узнать. Каким он был, вы не вспомните? Кольцо, сустав, очки, брюки серые, потрепанные... А, значит, это все-таки был я! Извините.

– Что ты знаешь! У него печень, почки, селезенка... Весь этот ливер он лечит уже шестой год.

– А вы где?

– Я в санатории.

– А нас вчера возили в оперный.

– Внимание! Катер «Маршал Катыков» через десять минут...

– «Если б жизнь твою коровью исковеркали любовью...»

Откройте глаза. 24 марта. Никого. Пустынный пляж. Ветер свободно носится в голых ветвях. Прямые углы новых районов, параллельно, перпендикулярно. Приезжие зябнут в плащах.

– Скажите, где можно увидеть старую Одессу?

– На кладбище.

Неверно, старого кладбища уже тоже пока нет. Есть сквер, молодые деревья на месте старых могил о чем-то символически молчат. Так и живем, не зная, кто от кого произошел, определяя на глаз национальность, сразу думая о нем худшее, вместо того чтобы покопаться...

Вдали трубы заводов, новые районы, по которым сегодня этот город можно отличить от других. Дети из скрипок ушли в фигурное катание, чтоб хоть раз мелькнуть по телевидению. Новый порт, аммиачный завод, ВАЗ-2101, 02, 03... Но закройте глаза. Проступают, отделяются от старых стен, выходят из дикого винограда, из трещин в асфальте и слышны, слышны, слышны...

– Вы же знаете, у него есть счетная машинка, он теперь все подсчитывает. Услышал об урожае, пошевелил губами, достал машинку и что-то подсчитал. То ли разделил урожай на население минус скот, то ли помножил свои дни на количество съедаемого хлеба и сумму подставил под урожай в качестве знаменателя. У него есть счетная машинка, он все время считает, он как бы участвует в управлении страной. Он прикинул количество чугуна на каждую нашу душу. А бюджеты, расходы, займы... У нас же никогда не было времени считать, мы же не могли проверить. Теперь Госплану нужно действовать очень осторожно, потому что он его все время проверяет. Мальчику десять лет, и он такой способный.

– Андруша-а-а!

– Я вам говорю: кто-то ловит рыбу, кто-то ловит дичь, кто-то ищет грибы. Этот ищет деньги и находит дичь, грибы и рыбу.

– Андруша-а-а!..

– Я с женщин ничего не снимаю, жду, пока сойдет само...

– Какой он сатирик? Он же боится написанного самим собой! Что вы его все время цитируете?

О Боже, сохрани этот город, соедини разбросанных, тех, кто в других местах не может избавиться от своего таланта и своеобразия. Соедини в приветствии к старшему, преклони колени в уважении к годам его, к его имени, обширному, как материк. Многие из нас родились, жили и умерли внутри этого имени. Да, что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны среднего образования! Но нет специального одесского юмора, нет одесской литературы, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания. Есть живой человек, степной и горячий, как летний помидор, а есть бледный, созревший под стеклом и дозревший в ящике. Он и поет про свою синтетику, и пишет про написанное. А писать, простите, как и писать, надо, когда уже не можешь. Нет смысла петь, когда нечего сказать, нет смысла танцевать, когда нечего сказать. И если у человека есть его единственное движимое имущество – талант, – он и идет с ним, и поет им, и пишет им, и волнует им, потому что талант – это очень просто, это переживать за других.

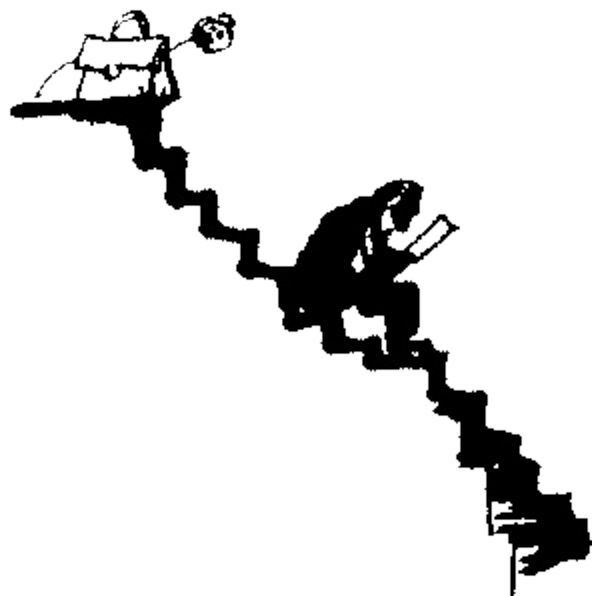

Рис. Р. Габриадзе

Владимир Высоцкий

Дамы, господа

Дамы, господа, – других не вижу здесь,
Блеск, изыск, и общество прелестно...
Сотвори Господь хоть пятьдесят Одесс,
Все равно в Одессе будет тесно.

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Вот приехал в город меценат и крез,
Весь в деньгах, с задатками повесы.
Если был он с гонором, так будет без,
Шаг ступив по улицам Одессы.

Из подробностей пикантных
Две: мужчин столь элегантных
В целом свете вряд ли встретить бы смогли вы;
Ну а женщины Одессы
Все скромны, все поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае красивы.

Грузчики в порту, которым равных нет,
Отдыхают с баснями Крылова.
Если вы чуть-чуть художник и поэт,
Вас поймут в Одессе с полуслова.

Нет прохода здесь, клянусь вам,
От любителей искусства,
И об этом много раз писали в прессе.
Если в Англии и Штатах
Недостаток в меценатах, —
Пусть приедут, позаимствуют в Одессе.

Пушкин, величайший на земле поэт,
Бросил все и начал жить в Одессе.
Проживи он здесь еще хоть пару лет,
Кто б тогда услышал о Дантесе?

Дамы, господа, я восхищен и смят!
Мадам, месье, я счастлив, что таиться.
Леди, джентльмены, я готов сто крат
Умереть и снова здесь родиться.

Все в Одессе: море, песни,
Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, Мезон Шанте.
Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости – театра варьете.

1969

Чтение мыслей

Из домашнего задания «Телепатия вокруг нас»

Трамвайная остановка.

Первый (*как бы пытаясь догнать*). Такси! Такси!

Второй (*выбегая следом*). Такси, такси!

Первый (*опасливо поглядывая на второго*). Что-то эта личность мне не нравится.

Второй (*не менее обеспокоенный*). Людей вокруг не видать, и тип какой-то подозрительный.

Первый. Ох, не нравится мне этот тип. На бандита похож.

Второй. На психа похож. Руки дрожат, ноги дрожат. Буйный!

Первый. Руки так и бегают, так и бегают – чешутся. Сейчас почешет, почешет – и в морду.

Второй. Кровь на анализ брали – больно было. А здесь рельсом по голове... Голова опухнет – очки не налезут.

Первый. Следит...

Второй. Маскируется. А я его мысли по глазам читаю.

Первый. Я его насквозь вижу.

Второй. Хоть бы трамвай пришел, не так страшно было бы. Попробую заговорить. (*Первому дрожащим голосом.*) Т-т-трамвая долго нет?

Первый. Наверное, сообщников ждет. (*Второму.*) Вы не скажете, сколько в трамвае мест?

Второй. Сто. А может, двести.

Первый. Двести человек одних сообщников!

Появляется Третий.

Третий. Трамвая долго нет?

Первый. Пароль. Сообщник пришел. (*Третьему.*) Пять минут.

Второй. Уже договаривается: коллегу встретил. Сейчас начнется...

Первый. Туфли спрятать нужно.

Первый и Второй одновременно прячут ноги под скамейку. Третий смотрит на часы. Первый и Второй тут же снимают свои часы и отдают ему.

Первый и Второй (*хором*). Часы, пожалуйста!

Второй. Все отдам. Может, не убьют, а только ранят. (*Снимает пиджак.*)

Первый. Пиджак снял. Намекает. (*Тоже снимает пиджак.*)

Первый и Второй (*Отдают пиджаки Третьему. Хором.*) Пиджак, пожалуйста!

Тот все это испуганно берет.

Второй. Брюки сейчас...

Первый. Здесь неудобно...

Хором. За кустиком оставлю... (*Оба убегают.*)

Третий (*как бы догадавшись*). А, ладно... пойду тоже искупаюсь!..

Песня одесских трубочистов

Мы в копоти и чаде
Выходим на борьбу,
Зато при всем параде
Сумеем вылететь в трубу.

Любые передряги
Мы стерпим, но взамен,
Была бы только тяга,
Была бы тяга в КВН.

И пусть для всех недаром
Закончится борьба,
Пусть нам трубят фанфары,
А если нет – тогда труба!

Что читать нашим детям?

Наши дети от Дюма
Без ума.
Но говорят, что был смутьян
Д'Артаньян
И служил он феодалам,
Королям и кардиналам.
Детям больше по душе
Бомарше.

Но говорят, у Бомарше —
Все вообще...
Больно вел себя хитро
Фигаро,
Брал от каждого барона
Чаевых по два дублона.
Так что лучше раз во сто
Лев Толстой.

Но говорят, что Лев Толстой —
Не простой
И что дети его труд
Не поймут.
Всюду драмы, всюду слезы,
Давят женщин паровозы.
Так что лучше уж Гомер,
Например.

Но говорят, что нам Гомер —
Не пример,
Что писал он, как назло,
Тяжело,
В «Илиаде» без стеснения
Воспевал рабовладенье.
Кто же может нам сказать,
Что читать?...

Мои университеты^[6]
Дневник абитуриента

Бабушкин день

– В его годы я ночами не спал, на жизнь зарабатывал, – сказал папа.

– Нашел чем хвастаться! – возмутилась мама. – Это еще счастье, что ребенок не знает, что такое карты.

– Почему он не может быть, как дедушка, педагогом? – спросила бабушка, которая всю жизнь свято верила, что дедушка был педагогом.

– Ребенку нужна настоящая специальность, – отпарировала мама. – С его данными он должен быть артистом.

– Только клоуна в доме не хватало, – сказал папа и, поколебавшись, пообещал: – Поступишь – куплю мотоцикл.

«Чтобы убился», – тихо подумала бабушка и заплакала.

- Если не артистом, то хоть физиком пусть будет, как Семен Маркович, – сказала мама. – Машину себе купит.
 - Семен Маркович уже не физик, он уже попался, – бросил папа, – и теперь уже не скоро снова физиком станет.
 - Пусть идет в университет, – вдруг встрепенулась бабушка, – хоть какой-нибудь диплом получит.
- В этот день верх одержала бабушка. Я читал Фейхтвангера.

Папин день

- Учителей нужно нанимать по физике и математике, – подсчитывала мама. – По русскому не надо. По русскому у него пять было.
 - Если бы я ему на заводе Пушкина для стенда не выточил, – возмутился папа, – еще не известно, сколько бы Алла Михайловна в сочинении ошибок нашла.
 - Из-за твоего Пушкина его чуть из школы не выгнали, – не сдавалась мама.
 - «Если бы они знали, за что его чуть из школы не выгнали!» – подумала бабушка.
 - Его учителя нам в копеечку влетят, – рассуждал папа. – Надо было в школе не дурака валять, а получать бесплатное образование! – крикнул он маме.
 - У нас лечение тоже бесплатное, – сказала бабушка, – а ревматизм все равно не проходит.
 - Как хотите, – сдался папа, – берите ему учителя, директора, астронома нанимайте, все равно кончится, как тогда с баяном: только аккордеон испортили, а культуры не прибавилось.
- В этот день верх одержал папа. Я читал Фейхтвангера.

Мамин день

- Я сразу понял, что это жулик, – произнес папа.
 - Я тоже почувствовала, что он не педагог, потому что он дедушки не знал, – сказала бабушка, которая всю жизнь свято верила, что дедушка был педагогом.
 - То, что он дедушку не знал, – это слава Богу. Плохо, что он математики не знает, – возмутилась мама.
 - Где вы его нашли? – заинтересовался папа.
 - По-моему, это ты его привел, – удивилась мама, – и сразу сел с ним в карты играть.
 - Почему же вы решили, что он учитель? – поднял брови папа.
 - Потому что бабушка дала ему деньги за урок, – объяснила мама.
 - Может быть, ему у нас не понравилось? – спросила бабушка, которую история с дедушкой ничему не научила.
 - Понравилось, – успокоила ее мама. – Жулики любят, когда им деньги дают.
- В этот день верх одержала мама. Я читал Фитцджеральда, потому что после учителя пропал Фейхтвангер.

– Через два дня первый экзамен, а ты еще за учебники не брался! – кричал папа.

– А может, он, как дедушка, все помнит! – кричала бабушка, которая свято верила, что дедушка все помнил.

– Не дай Бог! – кричала мама, которая хорошо помнила дедушку.

– Учи логарифмы, – надрывался папа, – сейчас логарифмы спрашивают.

– А раньше логарифмы не спрашивали, – вспомнила бабушка.

– Тебя и сейчас не спрашивают, – незнакомым голосом напомнила мама. – Это ты его испортила.

– Я из-за тебя весь город на ноги поставил! – что есть силы кричал папа.

– Получишь двойку!!! – еще сильнее кричала мама.

– Не получишь мотоцикл!!! – из последних сил кричал папа.

«Не разобьется», – тихо подумала бабушка и заплакала.

В этот день верх одержал я.

Я очень люблю своих родителей. Но что поделаешь, уже два года как я бросил школу и пошел на завод, где всю жизнь проработал дедушка. И хотя там мне совсем не плохо, в институт когда-нибудь я все-таки поступлю. Только сейчас мне некогда – я читаю Фитцджеральда. Тоже хороший писатель, но Фейхтвангер, конечно, был получше.

Гости

Для Ю. Воловича

Ой, кто к нам пришел! Почему вы не раздеваетесь? Почему вы не раздеваетесь! Ничего снимать не надо! Тьфу-тьфу-тьфу. У нас сегодня грязно.

Кто к нам стучит? Маша, это твоя мамаша. Мамаша, вы копия Маша. Маша, к тебе твоя копия пришла. Копия, идите на кухню – будете бутербродики мазать.

Ой, стучат. Маша, не открывай! Я спрячусь в шкаф – будет сюрприз... Вот это да! Вот так сюрприз! Как говорил Репин, «не ждали». Ах, вы на минутку? Маша, засеки время. *(Показывает.)* Гоген – подлинник, Гоген – подлинник, Гоген – подлинник, Машина мама – копия. Это Шишкин – из «Огонька» вырезка. Это телятина – просто вырезка. Это брынза, можете потрогать. Это бронза, не трогать!!! Тут ремонт, тут ремонт, тут ремонт. О, тут открыто. До свиданья. Будете проходить мимо – проходите.

Проходите-проходите. Кто к нам с багром пришел? Хулиган? Маша, водки! Товарищ хулиган хочет с нами выпить. Как это мило. Какой вы праздничный, какой вы солнечный... *(Сгибается, как от удара.)* Правильно, это солнечное сплетение, вы угадали – вам приз. Маша, проследи, чтоб товарищ хулиган недорогую книгу украл. Но обязательно с картинками! Пусть лучше картинка режет! Ножик дать? Ах, у вас свой! Вижу-вижу! Боже, какой удобный!

А вам удобно? А вам нравится? Вы чудесно танцуете. Как это па называется? Ах, это вы поскользнулись? Тоже очень смешно. Танцуйте, танцуйте – я не смотрю.

О! Сан Саныч, а мы только что о вас вспоминали. Маша, покажи Сан Санычу Гогена. Ну, как какого? Вот это у нас сегодня Гоген. Не любите Гогена? И я не люблю! А Родена? А

Шопена? Ах, вы птиц любите? Маша, неси попугая! Он у нас все говорит. Он даже знает, что говорит... (*Шепчет на ухо.*) Но он ошибается, он ошибается – это у нас временное. Маша, зажарь птицу! Не люблю злопыхателей!

Танцуйте, танцуйте, я не смотрю. Маша, чьи это дети у нас в буфете? Дети, что это вы едите? По каким еще талонам? Маша, открой детям дверь и дай им... на дорогу. Впрочем, бить – это непедагогично.

А кто это у нас пьяненький? Кто это валяется? У кого это нет силушек? У кого это горячечка, у кого беленькая? Кто это на балкончик ползет? Кто это хочет воздушком подышать? У кого это нет балкончика? (*Звук падения.*) Это у нас нет балкончика.

Как, вы уже уходите? Нет, вы так не уйдете! Так вы не уйдете! Я понимаю, что вы примеряли, я вижу, что она вам идет. Но сейчас июль, зачем вам эта шубка? Ах, вы у нас с декабря? Это я вас прямо в ней занафталинил? Вы идете проветриваться?

О, привет-привет! Что ж это вы? Обещали к шести, а уже вторник. До свиданья. Наше вам с кисточкой. Маша, им с косточкой. Я хочу поднять этот бокал – уберите вашу ногу. Оревуар. Послезавтра к нам. Послезавтра или никогда. Лучше никогда, чем к нам. Ба, знакомые все лица! Какая перепись? Какого населения? Здесь никто не живет – это все гости.

Одесские бухгалтеры

Из приветствия

– Сердце. Слабость. Грусть. Бессонница.

Если бухгалтер не спит ночами, значит, за ним пришла весна.

Поют на мелодию вальса композитора А. Петрова из кинофильма «Берегись автомобиля».

Ах, ах, мы забыли о делах,
Нам теперь не до бумаг,
Когда весна у нас в умах.
О май! Девушек красивых тьма!
Всюду ходят,
Не балансы сводят,
А мужчин с ума.
Кто там по сердцам огонь ведет?
То недолет, то перелет, а то и попадет.
Улетели все заботы
В неба синие глубины,
На костяшках наших счетов
Мы гадаем о любимых.
Потому что в мае —
Каждый знает —
Все это делает с нами весна...

- Только в мае одесский бухгалтер, дойдя до середины квартала, хватается за сердце и не может дать отчет в своих чувствах.
- Май – последний месяц весны, то есть последний шанс влюбиться.
- Любовь – это когда в сердце радость, на душе весна, а дома жена и дети.
- Как же проверить: любит – не любит?
- Очень просто: пригласить ее поужинать в столовую № 14. Если любит – придет.
- Почитать ей Эйнштейна на ночь. Если любит – поймет.
- И, наконец, подарить ей подкову на счастье. Если любит – согнет.
- Товарищ! Влюбляясь, помни, что насильно мил не будешь, как гласит статья 117-я Уголовного кодекса.
- Ах, что любовь делает с человеком!
- Ученик пятого класса Сидоров полюбил учительницу. Понял, что не может без нее, и остался с ней на второй год. Вот что любовь делает с человеком!
- Сержант Н. полюбил Брижит Бардо и послал ей свою фотографию на фоне стратегического бомбардировщика. Что любовь делает с человеком! Зачем вы девушке голову морочите, товарищ сержант? Все равно ведь не женитесь...

Массовик-затейник

Для И. Кнеллера

А сейчас, товарищи, разучим хорошую песню.

Прошу повторять за мной текст слов:

Выхожу один я на дорогу.

Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Итак, начали, выхожу один я на дорогу, три-четыре: выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит, задние ряды, не стесняйтесь, сквозь туман кремнистый путь блестит... Ну, повторяйте за мной: ночь тиха, пустыня внемлет Богу... и звезда с звездой говорит...

Молчите? Вот так всегда...

Грустно, товарищи. Грустно... Я понимаю, вы привыкли: японский композитор из двух букв, вторая мягкий знак. Викторина на тему «Отыщи меня в опилках, а то я тебя найду».

А что делать? У меня с детства судьба такая – я начинаю, все подхватывают.

Есть во мне эта жилка – организаторская. Кругом первый: заводила, запевала, заплясала. У кого именины – я именинник, у кого свадьба – я жених. Всю жизнь на людях. Я начинаю – все подхватывают. Так я стал вначале массовиком, а потом и затейником.

В дом отдыха попал. Вот, думаю, где развернусь, где силы приложу! Хватит бегать в мешках! Хватит прыгать через костер с завязанными глазами! Хватит играть в игру «Назови поэта имя, попади в него мячом»! Пора научить людей отдыхать культурно. И кому, как не мне, ведь я начну – все подхватят.

И начал. Собрал отдыхающих. Думал им лекцию о Бахе прочесть. Только за нотами отвернулся... поворачиваюсь – все в мешках. «Товарищи, – говорю, – вы меня неправильно

поняли. Бах – композитор, широко известный не только у нас в стране, но и за рубежом. Сегодня мы будем слушать Баха». «Ага, – говорят, – кто быстрее прослушает? Включай секундомер!» «Какой секундомер, – говорю, – концерт № 3». «Правильно, – говорят, – три-четыре! Побежали!..» И побежали...

А прошлым летом симпозиум обслуживал на лайнере. Ну, думаю, мечта моя сбылась, эта масса пойдет за моей затеей. Днем – дискуссии, а вечером соберемся где-нибудь на корме и как затащим «Лунную сонату» хором!.. Я начинаю, все подхватывают... Мороз по коже. Музыка-то какая!

И что же? Академик! Пожилой человек! Одна нога, я извиняюсь, уже там... а другая – в мешке!

Так что же это получается, товарищи: или я не так начинаю, или не те подхватывают?... А ведь отдыхать-то можно так красиво:

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

А ну, давайте-ка все вместе, друженько, разом:

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу...

Три-четыре:

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу...
И звезда с звездою говорит...

Ну что же вы!.. Вот так всегда... Товарищ ведущий! Раздайте гражданам отдыхающим их мешки!

Парный конференс

Для И. Кнеллера и Л. Сущенко

У микрофона двое.

– Добрый вечер, дорогие друзья!

– Добрый вечер! Здравствуйте!

– Мы начинаем второе отделение нашего эстрадного обозрения.

– Вы знаете, мы всегда очень волнуемся перед выходом на сцену. Поэтому сейчас мы долго совещались, спорили, вздорили за кулисами о том, кто же должен начать наш концерт.

– И вот в результате этого вздора мы решили, что откроет второе отделение самый веселый, самый молодой, самый красивый участник...

– И вот я перед вами!

– Что вы смеетесь? Вы других не видели.

– Что же привело нас сюда? Хочется открыть вам маленькую тайну: нас привела сюда

песня!

– Не помню, кто сказал: «Нам песня строить и жить помогает»...

– И кто-то ему справедливо заметил: «Она, как друг, и зовет, и ведет...»

– А от себя лично я могу добавить только одно – что «тот, кто с песней по жизни шагает», не правда ли, коллега?

– Безусловно, «тот никогда и нигде не пропадет».

– Песня не знает границ!

– Песня – борец! Песня – боксер!

– Песня объединяет нас в коллектив, так метко названный хором.

– Хоровых коллективов много. Есть молдавский народный хор, есть эстонский народный хор, есть хор пельменного объединения, но народа такого нет!

– Поэтому сейчас для вас споеет... Вообще-то он не поет, но для вас обязательно споеет. Хор суфлеров Большого театра!

* * *

– Еще висит в воздухе последняя нота, а из зала уже пришла первая записка: «Правда ли, что в целях экономии в хоре задний ряд стоит без брюк?» Отвечу честно: «Правда, но совсем в других целях».

– Вопросы, сюрпризы, встречи! Как много их бывает у нас, артистов эстрады! Иду вчера по улице, и вдруг ко мне, смущенно улыбаясь, подходит девушка с цветами и говорит: «Товарищ конференсье! Это вам!» Я, конечно, смутился и спрашиваю: «За что?» А она говорит: «За рубль!»

– Действительно, эстрадное искусство – большая сила. Известен случай, когда на концерте Махмуда Эсамбаева, потрясенный искусством танцора, заговорил глухонемой. У меня был точно такой же случай, только наоборот.

– Одному моему коллеге-конференсье во время концерта пришла из зала записка: «Откуда ты такой умный взялся?» Мой коллега тут же нашелся и очень остроумно ответил: «Откуда? От верблюда!»

– Вероятно, вас уже утомило такое количество слов. Но есть такие слова, которые мы произнести со сцены не можем. Просто язык не поворачивается. Их должен произносить мастер художественного слова.

– Итак, Евгений Евтушенко, стихи Роберта Рождественского. Читает мастер!

* * *

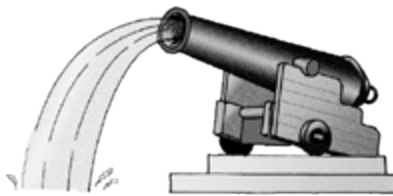
– Дорогие друзья! Я вижу сегодня в этом зале много детей. *(Сгибается как от удара.)* Есть даже старшекласники. И мне бы тоже хотелось сделать детям что-нибудь приятное. В этом мне, как всегда, поможет мой маленький друг – Петрушка.

Второй как бы становится куклой Петрушкой. Говорит:

– Солдат! Птичьего молока не видал?

– Петрушка! Мы не на спектакле! Скажи ребятам, что бы ты хотел посмотреть сегодня в нашем концерте?

- Я хотел бы послушать английский ансамбль «Битлз»!
- Понимаешь, Петруша, этот прекрасный ансамбль, вышедший из недр английского народа, к сожалению, ныне распался. И слава Богу!
- Тогда я хочу посмотреть наездников на лошадях.
- Ну что ты, Петрушка! Какие лошади в нашем концерте?... *(Задумывается.)* Какие лошади в нашем концерте?... *(Как бы вспомнив артистов-участников, восклицает.)* Какие лошади в нашем концерте!.. Петрушка, а ты бы хотел посмотреть оригинальный жанр?
- Да, я хотел бы посмотреть наш славный оригинальный жанр, прославившийся как за рубежом, так и в других странах.
- Что же ты хочешь увидеть оригинального?
- Я хотел бы увидеть моего оригинального тезку – попугая Петрушу.
- Какого еще попугая?
- А вот такого! *(Как бы становится попугаем.)* Здр-р-расте, товар-р-рищи!
- Петруша! Скажи что-нибудь зрителям.
- Жрать хочешь?
- Подожди, Петруша, а вот почему в нашем концерте так мало сатиры?
- Жрать хочешь?
- Хочу.
- Ну и молчи!

Песня одесских бухгалтеров

Из домашнего задания «Гимн профессии»

На мелодию зонга Мэкки Ножа «У акулы зубы-клинья» из мюзикла Курта Вайля «Трехгрошовая опера».

Снова стук костяшек слышен,
И звенит в карманах медь.
Гимн себе контора пишет,
Чтоб себе его иметь.

Этот гимн мы создадим, но
Чтобы чувства передать,
Нам никак не хватит гимна,
Нужно оперу создать.

И тем более не скроем,
В этом деле есть нюанс:
Гимн ведь нужно слушать стоя,

А у нас горит баланс.

Мы сегодня подытожим
Кое-что в своей судьбе
И на музыку положим
Все, что можем,
Все, что можем,
Все, что можем, о себе...

Монолог кинорежиссера

Для И. Кнеллера

Ах, если б вы знали, сколько есть на свете замечательных профессий: врачи, пожарники, экономисты... А я вот кинорежиссер – не удалась у меня жизнь. А ведь и я, знаете ли, в детстве мечтал стать бухгалтером. Бывало, сидим с Петькой Серегиным во дворе, лепим из песка фонды культурно-социальных мероприятий и жилищного строительства... Хорошо! А тут мать из окна: «Вова! А ну марш в кино!»

Родители у меня люди простые, скромные. Отец – летчик-испытатель. Мать вообще писала с трудом. Свою диссертацию.

«Куда, – говорит, – тебе в экономику? Ишь, чего захотел! Ты на отца посмотри. Он звезд с неба не хватал. Что он видел в жизни? Москва – Париж, Лондон – Копенгаген. И ничего страшного, зато на работе уважают».

А отца только тронь: «Я понимаю, учетчик – это романтично. Но ведь должен же кто-то и черновую работу делать: фильмы ставить, у синхрофазотрона стоять. Ты мать пожалей, бухгалтер! Хочешь, чтобы она из-за тебя ночей не спала?!»

А мать в слезы: «Это его Петька Серегин с толку сбивает. Приехал вчера из кредитного техникума. Весь в нарукавниках, лысый, молодцеватый...»

Отец за ремень: «Ты, Владимир, на Петьку не смотри. Ему что надо? Слава, реклама, девчонки! Вот он и подался в Кзыл-Орду».

Да что там говорить! Первого сентября мама отвела меня во ВГИК. Отмучился я пять лет, и пошла скукота: съемки, фестивали, автографы. А на душе щемит. Иногда так хочется запереться, помечтать, покалькулировать...

А недавно Петька из Йошкар-Олы звонил: приезжай, дескать, к нам – мы тут с ребятами годовой отчет гуляем!

А как я могу поехать, когда у меня Софи Лорен третью неделю гостит? Я ей говорю: «Софи Лорен, а Софи Лорен, может быть, махнем в Йошкар-Олу? Там свои ребята – бухгалтера. Весело».

А она мне говорит: «Да ну, куда мне?... Они небось с женами придут. Что я надену?»

Вот я и смотрю на наших режиссеров, актеров, сценаристов. И много же среди них таких, как я! Только кончится съемочный день – все по уголкам разбредутся, и каждый что-то свое считает, считает, считает...

Что нужно, чтобы фильм имел успех? Нужно, чтобы в киносценарии было все, что любит зритель. А что любит наш зритель? Наш зритель любит про шпионов, про индейцев, о спорте, ну и, конечно, о любви.

И вот в качестве образца для начинающих киносценаристов – пример такого универсального киносценария. Но сначала – несколько советов начинающим.

Учтите, что в каждом кинотеатре свои порядки.

В панорамных кинотеатрах, например, зрителям первого ряда разрешается участвовать в боевых действиях. На стороне наших...

Помните, что интереснее всего побывать на премьере фильма. Только на премьере можно познакомиться с режиссером и увидеть, что он самый обыкновенный человек. А никакой не режиссер.

Хороший фильм или плохой – можно узнать по афише: если на афише человек с пистолетом душит женщину – значит, фильм хороший, а человек плохой. Если на афише женщина душит человека с пистолетом – значит, фильм хороший, а пистолет плохой. И если, наконец, на афише женщина с пистолетом душит человека – значит, фильм плохой, женщина плохая, пистолет плохой, главное, чтобы человек был хороший.

А теперь непосредственно сценарий.

Супергигант. Фильм века. В главных ролях – хорошие артисты. В массовых сценах – хорошие люди.

Один из самых рядовых понедельников. Воскресенье. В мире беспокойно. В подвале сорокаэтажного небоскреба – уютно обставленный аппаратурой подслушивания кабинет шефа разведки. Появляется американский шпион, замаскированный под английского, переодетый в русского. В руках у него автомат купца Калашникова.

Наплыв. Затемнение.

На пришкольном участке по гимнастическому бревну рука об руку идут Федор и Настя. Впереди брезжит светлое будущее. Но тут бревно кончилось. Затемнение.

По улице с гиканьем, свистом и пословицами проносятся апачи. Это Верная Рука – друг индейцев гонится за длинным рублем – другом пропойцев. Выстрелы.

В правом углу экрана показались участники эстафеты «Четыре по одному». Впереди бежит Сергей в майке лидера. Его преследует лидер без майки.

В кадре снова шпион.

– Вот вам яду на дорогу, – говорит его хозяин. – И учтите: если придется принимать – не экономьте. Не хватит – я пришлю еще.

– Я могу идти? – спрашивает отброс у отребья.

– Идите! – отвечает пережиток. – В квадрате шесть вас сбросят с самолета. Внизу получите парашот и рацию.

Взревели моторы. Наплыв.

В избе у Насти хорошая обстановка, приближенная к боевой. На вышитой бисером гауптвахте сидит ее младший брат – старший лейтенант.

В левом нижнем углу экрана бабка-сектантка бьет челом посуду.

Камера в комментаторской кабине.

– Только что, дорогие друзья, я заглянул в раздевалку к нашим девчатам... Да-а... Но сейчас не об этом. Мне вспоминается, как Сергей еще коренастым, голенастым гимнастом решил в институт не поступать, а сразу в аспирантуру. Ну что ж, в спорте бывает всякое. Ведь был же случай, когда стартер выстрелил – и попал.

Камера в камере.

– Ну что, будем говорить правду? – спрашивает полковник.

– Будем! – отвечает шпион.

И полковник начал рассказ.

Затемнение. В затемнении Настя.

– Я бы с тобой, Федор, на край света пошла, – говорит Настя, – потому что на улице с тобой показаться стыдно.

– Почему стыдно, Настя? Одни сапоги чего стоят!

– Так нельзя же, Федя, в одних сапогах по селу гулять!

В кадре – индейцы Вигвам, Мыквам и Фигвам у бензоколонки пьют огненную воду.

На весь экран цветные глаза Федора. Это он увидел Настин портрет в журнале, в разделе «Нарочно не придумаешь» – и понял, что это судьба.

Тем временем взошла заря. Все залежалое посвежело. В кадре все герои фильма. В кадре тесно и жарко.

Жарко! Федор ласково снимает с Насти строгий выговор.

Жарко! Добежавший атлет снимает майку лидера, затем пиджак, затем пальто и остается в одном свитере.

Жарко! Индейцы снимают скальпы.

Крупным планом лицо мудрого Чингачгука. На лице написано: «Не курить!»

КОНЕЦ ФИЛЬМА

30 секунд!

Разминка, другие импровизации

Наполеон проиграл битву при Ватерлоо – сделали пирожное, мы проиграем – сделают котлету.

* * *

– Почему бутерброд падает маслом вниз?

– А просто вы его не с той стороны намазали.

* * *

– Что у коровы впереди – рога или уши?

– А это смотря как поставить... Если вперед рогами, то рога, а если вперед ушами, то уши...

* * *

– Летит, кричит, когтями машет. Что это такое?

– Это электромонтер со столба сорвался...

* * *

– Что такое пижон?

– Это многоженец с числом жен, равным «пи».

* * *

– Не лает, не кусает, а в дом не пускает?

– Глухонемая жена.

* * *

– К чему кости ломит?

– К гипсу.

* * *

– Какая разница между топором и арбузом?

– Арбуз хорош, когда хочется чего-нибудь сладенького, а топор – когда остренького.

* * *

– Что общего между кварками и шкварками?

– Кварки – это что-то из физики. Так вот, если у физика голова варит, получаются кварки, а если жарит, то шкварки.

* * *

– Говорят, капля никотина убивает лошадь. Что вы можете сказать по этому поводу?
– Так ей и надо. Пусть не курит.

* * *

Лучше возвращаться победителями, чем огородами.

* * *

Попробуй объяснить ему, что он дурак. Как ты к нему на прием пробьешься?

* * *

Одна голова хорошо, а с туловищем – лучше.

* * *

Если ты плывешь против течения, значит, ты пароход.

Восточная мудрость

* * *

Интеллигент (*лат.*) – человек, у которого недостаточно сил, чтобы ударить хулигана, но достаточно ума, чтобы его не бить.

* * *

В этом году со скальпелей наших хирургов сошел миллионный пациент.

* * *

– Слышали, тунгусский метеорит прилетел?
– Так он вроде уже прилетал...
– А я, собственно, про тот случай и говорю...

Из конкурсов капитанов

Капитан москвичей Матвей Левинтон задал вопрос в форме известной арии:

«Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный... и т. д.

Не пора ли мужчиною стать?»

Ответ: «Пора, мой друг, пора. Покоя сердце просит...»

* * *

На темы футбола

У нас каждый гол, как сокол!

Наш «штрафной» – самый свободный в мире!

Наш пенальти не только наказывает, но и воспитывает.

– Как увеличить результативность наших футболистов?

– А что если по воротам не бить, а попробовать лаской?...

* * *

Вопрос: «Представьте, что в комнату, где вы находитесь, входит лев. Ваши действия?»

Ответ: «Ничего страшного! Охотники утверждают, что если в пасть льву положить голову и продержат там минуту, то лев теряет ощущение новизны...»

Авторский актив одесского КВН с 1966-го по 1972 год

Борис Бурда, Марк Водовозов, Юрий Волович, Ян Гельман, Александр Гендельман, Георгий Голубенко, Александр Дорфман, Борис Зильберман, Игорь Кнеллер, Валентин Крапива, Семен Лившин, Юрий Макаров, Анатолий Опалинский, Михаил Призанд, Олег Сташкевич, Леонид Сущенко, Валерий Хаит, Борис Херсонский, Эрнест Штейнберг

Фельетоны, рассказы, миниатюры

Семен Лившин, Дмитрий Романов Щипчик на транзисторах

Однажды на столбе появилось объявление: «Для съемок фильма о наших современниках киностудия срочно купит у населения предметы быта 70-х годов: ножницы хозяйственные и маникюрные, щетки зубные, гибкий шланг с душем для ванны, детские колготки. Обращаться по адресу...»

Читая объявление, население ухмылялось: ишь, чего захотели – шланг для ванны! А из лейки поливаться не угодно ли?

Если бы кинофильм снимался в другом городе, то, возможно, в объявлении фигурировал бы иной ассортимент: эмалированные миски, рыболовные крючки, пипетки. В третьем городе – термометры, автомобильные чехлы, крышки для консервирования. Ибо неисповедимы пути мелкобытового дефицита.

В один прекрасный день предметы второй, пятой, двенадцатой необходимости, которыми вчера еще были завалены все базы, вдруг становятся редкостью. Были – и нету!

Тут начинается местный бум. Спрос с высунутым языком рыщет по магазинам, но предложения нет. И если за невестой дадут детскую кроватку и таз для варенья, то можно быть уверенным: отбоя от претендентов не будет.

Это происходит, скажем, где-нибудь в Йошкар-Оле. В то же время, но в другом месте, допустим, в Кустанае, фабрики наплодили столько детских кроваток, что аисты – даже при трехсменной работе – смогут их заполнить только к 2000 году.

Зато здесь считается хорошим тоном ходить на именины с коробкой канцелярских скрепок – в магазинах их видели лишь самые старые старожилы. Год лежали скрепки на полках, два лежали, десять, а потом вдруг вильнули хвостиком и скрылись. Куда?

Все это тем более удивительно потому, что с каждым годом у нас появляется больше самых разных товаров. Еще лет десять назад человек, который привез из заграничной поездки трехцветную шариковую ручку, сразу становился среди знатоков достопримечательностью.

– Видите, – шептались они, – это тот самый, у которого есть то самое!

А сегодня: «Подумаешь, трехцветная...» Да что ручки – часы? Сегодня у одного они мелодично тикают сразу на тридцати камнях, у другого бесшумно выдают точное электронное время, у третьего – целый часовой комбайн.

Казалось бы, изготовить это куда сложнее и дороже, чем примитивные бельевые

щипчики. Но попробуйте заикнуться о них на крупном объединении.

– Щипчики? – брезгливо переспрашивает объединение. – Да мы ж индустриальный гигант! Если уж запускать новинку, так что-нибудь карусельно-фрезерное на ультразвуковом ходу. А то – щипчики!

Оно конечно: продукция копеечная, да и славы-то... Не грохнет зал аплодисментами, когда директор скажет с трибуны: «Освоен выпуск щипчиков бельевых...» Не сбегутся за интервью гонцы из журналов, и не светит директору самый заваливший «Гран-При» на международной выставке «Интерщипчик» – нет такой выставки.

Но вслух говорят о другом.

– Ладно, освоим. А завтра изобретут самосохнувшее белье – ну, как быстрорастворимый сахар. Так что, прикажете снова идти на поводу у домохозяек?!

Но предприятию все равно надо же выполнять план по товарам народного потребления. Пожалуйста, оно выполняет! Оно толпами гонит пластмассовых девушек, нюхающих полихлорвиниловый лотос. И в отчетах никогда не забывают упомянуть, что модель новая.

Действительно, по сравнению с ранее выпускавшимися половинками той же модели, о которую в свое время перед входом в пирамиду вытирали ноги фараоны, это был большущий шаг вперед.

– Да что там шаг – скачок! – взмывал иногда кто-то на техсовете.

Но старый опытный директор осаживал вольнодумцев от ширпотреба:

– Никаких скачков! Шаг, не больше. Шагом едешь – дальше будешь. Если в главке узнают, что мы такие скакучие, знаете, сколько ассортимента навесят?! А покупателю – ему все равно. Был бы товар.

Смотришь на продукцию иных предприятий и понимаешь: люди, которые планировали ее выпуск, последний раз общались с покупателями еще до того, как конференсье перестали бороться с узкими брюками.

Вместо того чтобы внять запросам моды, помозговать с дизайнерами, они морщатся:

– Ишь привереды!

Точно: покупатель пошел капризный. Не нравится ему, видите ли, костюм линючий цвета передельного чугуна, не нравится искусственная хризантема из искусственной проволоки, воротит его от двухпудовых детских сапожек, коробит его холодильник, включающийся только от встряхивания.

А чему тут, собственно, нравиться? Люди теперь прекрасно разбираются, что модно, а что нет, что в хозяйстве пригодится, а что еще спокойно может полежать на складе, пережив директора, пожар и три уценки.

Эта здоровая покупательская настырность в конечном итоге заставляет самого упорного отказаться от мысли о щипчиках с дистанционным управлением и клипсах, самозаклиняющихся в ушах от фотоэлемента, и взяться наконец за тот самый, быть может, скучноватый, но, поверьте, такой необходимый всем ширпотреб.

...А на киностудии нашли выход из положения: сняли фильм не о современниках, а на историческую тему. Потому что в том городе добыть канделябры и лорнетты оказалось проще, чем детские колготки и ножницы.

Семен Лившин, Юрий Макаров
Горько!

Маша Икс и Петя Игрек полюбили друг друга с первого взгляда.

– А что, Петр, обдумал ли ты свой первый шаг в семейной жизни? – спросили родственники по линии невесты.

– Чего же тут думать? – удивился жених. – Распишемся и пойдем по жизни рука об руку домой.

– Пой-дем?! – ужаснулись родственники.

– А вот Кногтевы столько такси заказали, что пока последнее домой доехало, гости до пломбира дошли, а молодые до развода, – ни к кому якобы не обращаясь, заметил дядя с Сахалина.

– Весь город выбежал смотреть, когда Кногтевы по всему городу ехали, – всхлипнула Машина мама, в которой медленно, но верно просыпалась теща.

А какой жених не любит своей тещи и быстрой езды?! И вот уже летит кавалькада в двадцать «Волг» с шашечками, шишечками, ленточками и розовой куклой на радиаторе флагманской машины.

Но все это у молодых еще впереди. А сейчас позади них сомкнутые ряды родни, которые медленно, но неуклонно подталкивают Ее и Его Туда. Петя и Маша честно признаются в том, что хотят стать мужем и женой. И тогда-то наконец выясняется, кто тут главный.

Откуда-то сбоку выскакивает человек в еще более черном, чем у жениха, костюме и властно командует:

– Невеста, два шага вперед! Фату на ширину плеч. Жених, пол-оборота налево. Свидетели, кучнее! Все по местам. Готово! Теперь вы, жених, подступаете к невесте и надеваете на нее кольцо. Готово! Кругом! Движемся к выходу! Стоп! Сомкнулись. Еще. Еще. Улыбку! Готово!

Фотограф щелкает в упор и с дальней дистанции, клацает затвором, слепит магнием, гремит штативом, пикирует с лестницы, возникает среди пальмовых кадок и формирует из участников брака живописные группы.

Он царь, он бог. И. о. Гименя. Цепей у него нет, но у него есть квитанции. Четыре обязательных снимка плюс шесть снимков по желанию новобрачных, которое знает один бог, то есть он, фотограф.

Стороны довольны. Заказчик хочет, чтобы ему было красиво крупным планом. Фотографу тоже нужен план. И тоже, по возможности, крупный. Реют купидоны. Рдеют хризантемы. Что еще нужно для полного счастья?

Но пока Петя Игрек ведет Машу (теперь уже тоже Игрек) вниз по лестнице, ведущей к вершинам семейного благоденствия, на его свободной руке повисает бойкий юноша из оркестра.

– Вы слышали, как поют дрозды? Сейчас еще раз услышите. Бодритесь, товарищ жених, невеста хочет музыки. Что у вас, десять рублей? Зачем менять, мы вам на сдачу «ча-ча-ча» крикнем.

– Не смущайся, Петр, – одобряет сахалинский дядя, – пока вы наверх ходили, я тут ребятам музыку заказал. Пусть играют на гармошке у прохожих на виду. Что мы, хуже Кногтевых?...

И тут можно было бы закончить это волнующее повествование, приписав в конце, что молодые жили долго и счастливо и вышли на пенсию в один день, если бы не одно важное обстоятельство: официантка Аннушка уже пролила масло... и котлета «по-киевски», шипя и брызгаясь, покатила, подпрыгивая, по накрахмаленной скатерти. А это значило, что

процесс бракосочетания уже переходил в свою кульминационную стадию – свадьбу...

С высоты птичьего полета свадебный стол напоминал неразгаданный кроссворд: по вертикали закуски, по горизонтали напитки, вход по открыточке.

– Заходите, заходите, – осипшим от трехчасового радушия голосом зазывал Петин папа, как бы невзначай роня платок.

По этому сигналу дежурный оркестр (40 рублей официально, 150 – по согласованию) обдавал очередного гостя дежурным «Мендельсоном». Гость обменивался с молодыми дежурными поцелуями и отправлялся заедать их порционными цыплятами, фирменными паштетами, салатами и не входящими в смету «давальческими» продуктами, добытыми вне ресторана.

И пока неугомонный тамада, размахивая бокалом шампанского направо и налево, доказывал собравшимся, что «в мире лучше пары нету, чем сегодняшнюю эту»; пока опоздавший дядя с Сахалина мостился на скамейке для штрафников ипил штрафную со всеми новыми и старыми родичами; пока на левом крыле стола запевали «Червону руту», на правом подхватывали «Ой да зазнобило...», а в центре с мрачным упорством бубнили «Горько!» – тем временем над всей этой красотой проплывали созвездия коньяков (стоимость несостоявшегося путешествия по Волге), штабеля бутербродов с икрой (некупленная «Библиотека всемирной литературы»), цельношоколадные макеты зверей и растений в натуральную величину (туристская палатка с надувным дном) и многое другое...

Кому же все-таки нужен этот галактический брудершафт, эта изнурительная схватка с едой не на живот, а на гастрит?

– Нам? – передергивают плечами замордованные вниманием молодые. – Это все чтобы родители не обижались.

– Мы? – удивляются родители. – Мы все ради детей! Они у нас одни и еще маленькие. Пусть знают, что нам для них ничего не жалко!

Дети и родители сходятся в одном: они смертельно боятся обидеть знакомых и родственников неприглашением на свадьбу и поэтому настойчиво их зазывают. Последние, в свою очередь, опасаются нанести первым кровную обиду своим неприходом и поэтому настойчиво приходят.

Остается фактор, о котором можно сказать одним словом: «Чтобнехужечемулюдей!» Это слово чаще всего и оказывается решающим.

Но неужто единого слова ради стоит выбрасывать на ветер столько сил, чувств, средств?

Кстати, о средствах. Ведь не всякой молодой чете бабушка оставляет чулок с червонцами и фамильные билеты «Спортлото»...

Правда, нынешний гость знает, почему сегодня бракосочетание, и не рискнет прийти на торжество с чем попало. Правая рука еще протягивает невесте гладиолусы, а левая, как бы ненароком, сует в карман жениху синенький скромный конвертик с красненькой новой бумажкой. Достоинство бумажки определяет чувство собственного достоинства гостя.

Когда же гости наконец расходятся, из жениха, как из почтового ящика, извлекаются разомлевшие конверты. Чаще всего баланс показывает: свадьба себя окупила!

Но даже если семейная фирма понесла убытки, никто особенно не печалится: зато как погуляли! Какая память будет!..

Память – это, конечно, прекрасно. Но почему бы слегка не упорядочить эти хаотические матримониально-финансовые операции? Зачем доверенному родственнику пересчитывать конверты, вытягивая шею откуда-то из-за портьеры, когда его можно официально усадить за

кассе в центре банкетного зала?

Зачем почтенному отцу семейства в поте лица рассаживать гостей, если он, в строгом белом халате, с книгой жалоб и предложений в нагрудном кармане, может проводить их вдоль полок с продуктами, предварительно проследив, чтобы они оставили свои сумки и портфели у входа? И, наконец, разве посетители торжества, переведенные на полное самообслуживание и хозрасчет, не управятся с расфасованным угощением куда оперативнее и деловитее, чем в условиях нынешней архаической свадьбы?

Правда, из этой стройной системы несколько выпадают жених и невеста. Но скажите, гости дорогие, положи руку на кокетницу с грибами: разве во время обычной свадьбы эти фигуры оказывают влияние на ход событий? Жених и невеста за банкетным столом давно уже превратились в такую формальность, в один из традиционных атрибутов свадебного застолья.

Отсутствие новобрачных никоим образом не отразится на товарообороте, рентабельности и культуре обслуживания предлагаемого свадебного «Универсама».

Но пока этот полуфантастический проект, как, впрочем, и другие, более серьезные соображения по поводу новых свадебных ритуалов, зреет в организационных недрах – по городам и поселкам городского типа под гром оваций и шелест ассигнаций катится Ее Величество Расточительство Пылевглазупускательство Свадьба!

И было, рассказывают очевидцы, широкой этой свадьбе места мало, и неба, говорят, было мало, и даже, некоторым образом, земли.

Семен Лившин, Виктор Лошак

Человек-невредимка

Есть люди, про которых говорят: «В рубашке родился». Этот родился прямо в костюме с галстуком и при часах. Всю жизнь ему не просто везло – фантастически везло! Точнее, его везли.

Но давайте по порядку. Во-первых, он был жулик. Он был жулик и во-вторых, и в-третьих, и в-десятых. Это было написано у него на лице крупными буквами. Вскоре он запутался в своих махинациях и был изгнан из учреждения.

– Может, напишете «по собственному»? – всхлипнул он. – А то с такой характеристикой и в тюрьму не примут...

– Ладно уж, – отмякли кадровики. – Но смотри!

Он посмотрел на их бумагу. Послышался легкий треск. Это, прорывая на спине пиджак, вырастали у него два ангельских крыла. Они переливались всеми цветами характеристики и отвечивали радужными формулировками: «Принимал меры для принятия мер», «Активно участвовал в чтении стенгазеты»...

Предместкома ураганно дыхнул на печать, словно велогонщик, проверяемый на допинг, – и... И подхватила могучая бумага экс-жулика, а ныне ценного работника, и понесла его над мирской суетой, а вдогонку неслась аллилуйная скороговорка: «Ой ты, гой еси, морально устойчивый! Исполать тебе, передовик ты наш!»

Он вмиг пролетел сквозь отдел кадров и, стремительно стирая грань между пром- и продтоварами, приземлился в райпотребсоюзе. Но вскоре райпотребсоюз залихорадило, и наш герой приготовился к катапультированию «по собственному».

– Так мне и надо, мерзавцу! – причитал он. – Одно прошу: доброе имя мое не пятняйте!

То ли на этот раз слеза у него получилась недостаточно вязкой, то ли слишком набедокурил, но вместо привычно-стыдливых «участвовал-выполнял» написали откровенно – «развалил». И все.

Если бы все должностные лица были бы так принципиальны, нам бы не пришлось сталкиваться с человеком-невредимкой. Он движется по жизни зигзагами. Рядом ложатся крупнокалиберные «с занесением» и «взыскать ущерб», дивизиями идут ревизии, все ближе, ближе, вот уже в двух шагах от него подорвался на приписках главбух, вот сам повелитель чебуречной разоблачен и низвергнут в младшие давилышки пюре; еще немного – и... Но чу! Отбыли проверяющие, вернулись на исходные позиции ревизии, а потом нет-нет да и объявится снова человек-невредимка. Проходит месяц-другой, и, смотришь, выговор зализан, оклад не хуже прежнего, и несут эту птичку-феникс по служебной лестнице тугие крылышки характеристик. Ибо никто не хочет, чтобы его контора прослыла кузницей жуликов и бездельников. Пусть теперь другие попробуют разбираться с этим ценным кадром, хотя на нем уже и пробы негде ставить.

Конечно же, авторы зефирных рекомендаций хорошо знают цену этим документам, но...

– ...Но вы понимаете: позарез нужен был человек! Пришлось на остальное закрыть глаза.

Когда же дело начинает перекипать в уголовное, слышится запоздалое хлопанье себя по лбу:

– Ну? Верь после этого людям!

Верьте! Но не зря же былинные кадровики предлагали кандидату в добры молодцы износить семь пар железных сапог. Может, это и был старинный перегиб, но все-таки, согласитесь, лучше, чем другая крайность. Если первого попавшегося на чем-то работничка ведут на очередную должность, как ему не уверовать в свою безгрешность?

Однако и эта система беспощадной снисходительности дает иногда осечку.

В одном СМУ решили освободиться от прораба, который к полудню мог руководить лишь 3-3-закуской. Исчерпав арсенал взысканий и укоризн, строительное начальство решило сплавить его подобру-поздорову. Мол, городок небольшой, и если выгнать с треском и грохотом, то никто взять выпивоху не захочет и он запросится назад.

Написали: «Умеет налаживать контакты с людьми» (см. ежевечернюю компанию у пивной «Голубой запой»).

Расчет оправдался. Экс-прораба тут же взяли на автобазу. Но после того как он пропил молоковоз со всем содержимым, автобаза побыстрее спихнула его быткомбинату, тот перебросил в ремконтору, дальше мелькнули «Заготзерно», «Сельхозтехника» и, наконец, опять родное СМУ.

– В штатном расписании нету такой должности – «алконавт», – улыбнулся начальник СМУ. – Поищи дураков в другом месте.

– А чего искать? – возразил тот, поигрывая именным штопором. – Вот, читайте.

Похолодевший начальник СМУ увидел ворох отменных характеристик. И свою собственную подпись, удостоверяющую, что податель сего работник хоть куда. Куда-нибудь – только чтобы поскорее уволился.

Так что прежде чем с ликованием давать ему горящую путевку в жизнь, не мешает прикинуть: а кто, собственно, виновник данного торжества и в чем именно? Кто подал мысль в очередной раз вытаскивать сухим из воды человека-невредимку и что ему за это

будет?

В общем, как поется в любимом кадровиками романсе: «Не искушай меня без нужды, а в случае необоснованного искушения неси ответственность по всей строгости!»

Семен Лившин

Деловая ностальгия

Кто смеется последним? Тот, до кого позже всех дошло? Самый занятой? Осторожный? Нет! Последними, лет десять спустя, смеются сами фельетонисты.

Смеются над героями фельетонов и немножечко над собой. Да и как не улыбнуться при виде свежего, еще пахнущего старой типографской краской ретро!

Но потом им хочется перевести эту улыбочивую ностальгию на деловые рельсы. Погвардейски расправить плечи и, печатая шаг на машинке, доложить читателям:

– За данный период выведено на чистую воду... выявлено... снято с работы... высмеяно... итого – ого-го!

И – цифры, цифры! Довешенные после фельетонов недовесы – тоннами, прекращенная волокита – годами, сэкономленные нервы населения – километрами...

– ...И-и! – одобрительно подхватит эхо.

А память разматывает старые страницы. Мелькают полузанесенные временем столбики с названиями фельетонов, проносятся едва различимые на скорости сообщения о принятых мерах.

– А что после этого изменилось? – допытывается эхо.

Меньше становится магазинов типа «Дары подсобки». Больше в них хороших товаров. Лучше ходит транспорт (правда, не всегда). Реже оборудование простаивает (правда, не везде).

А сфера обслуживания как переменялась! Даже если кое-где продавцы еще грубят, то как культурно! Не говоря уже о новых жилых кварталах, которые встают на месте таких переулков, где даже хулиганы опасались появляться поодиночке и ходили сразу по трое. Не говоря о недоделках – сколько уже можно о них говорить?! Не говоря о собственных творческих пла... Но тут эхо перебивает:

– Ладно, ладно! Но вот вы пишете и пишете, а они нарушают и нарушают. Зайдите вот в тот магазин или вот в этот жэк, сходите на прием к иному врачу, попробуйте достать билет в сезон отпусков... А качество полуботинок? А эта невоспитанная молодежь – место уступит только на кладбище! А вы пишете...

Раз читатель верит в то, что фельетонист может помочь во всем и везде, то, наверно, он – читатель – прав.

Ах, до чего славно это было бы – одним росчерком сатирического пера ликвидировать сразу все неполадки! Сидеть в редакции и планомерно генерировать гармонию. А также восстанавливать справедливость исключительно посредством сатиры и этого, как его, юмора.

Для начала, скажем, составить кварталный (а лучше месячный!) план искоренения всех недостатков и пережитков. Допустим, до 1 января будущего года окончательно и бесповоротно покончить со спекуляцией. К пятнадцатому полностью изжить грубость и необязательность. И в тот же день, только после обеда, разделаться с опозданиями и взятками. После чего, благодушно оглядев поверженные в прах неполадки, фельетонистам

можно сдать свои боевые перья на вечное хранение. Самим же расстричься в эссеисты и неторопливо живописать, как кудрявые облачка нежно золотят кружевной краешек чего-то задушевного...

Нет, не получится!

Жизнь не так-то проста и уступчива, чтобы сегодня посеять разумное, доброе, вечное, а завтра уже приступить к его сбору. Пока это еще мечта каждого фельетониста – чтобы вслед за критическим словом сразу же шло практическое дело.

Чтобы непосредственно после появления фельетона завод, специализировавшийся на выпуске уцененных товаров, резко (аж пятки засверкали) рванул в авангард технического прогресса. Чтобы личность, ранее имевшая из честно заработанного только перегар, прочла о себе в газете, облилась слезами раскаяния, растерлась полотенцем и поклялась обречь вытрезвитель на хроническое отставание от плана. Чтобы в столовой, где фирменная подливка насквозь проедала посуду, в ответ на критику – поверите ли? – ошутимо повеяло деликатесной ухой «по-рыбному»...

Если бы фельетонист мог начать жизнь сначала, то пошел бы тем же путем и совершил бы те же ошибки, но начал бы раньше. Хотя и сейчас не поздно. Ведь век фельетона недолог, и каждый раз приходится все начинать сначала.

Так незаметно пробегают год, два, пять, десять... Но разве это срок? Ведь в десять лет пятнадцатилетний капитан был всего-навсего сержантом! А Ньютон в свои десять лет открыл только закон «яблоко от яблони недалеко падает».

Есть время собирать яблоки и есть время писать фельетоны. И пока в ожидании следующей сатирической атаки ее будущий объект прикидывается дурачком, а живет как в сказке, пока другой свирепо отсыпается после попойки, пока третий грозит надоедливым жильцам: «Отстаньте со своей дырявой крышей! Вы у меня еще увидите небо в алмазах...» – есть время оглянуться. И задуматься: может, все-таки правы друзья, которые намекают: мол, годы идут, вы все так же бичуете беспорядки со стеклотарой. А в ваши годы Гоголь... С другой стороны, те друзья тоже от души советовали: надо летать, ребята! Но так, чтобы не отрываться от земли...

А с третьей стороны, с главной, – люди спешат на работу и спешат с работы, и фрукты спешат созреть, и под каждой черешней лето выставило свои раздвижные лестницы, как большие заглавные «А», и день легко шагает по этим лестницам в небо, и оттуда, с птичьего полета, все отражается в море, и море принимает нас взрослыми и в заботах, и, обкатав, как гальку, выбрасывает на берег мальчишками: зубы стучат, губы синие – то ли от холода, то ли от шелковицы...

Все еще только начинается, все еще будет: работа, еще работа и снова работа. А пока посмотрите, какое солнце, какая девушка: губы – вишни, щеки – яблоки, брюки – «бананы», хоть ешь ее глазами! Она улыбается тебе и через пять минут уже знает о тебе все, и ты тоже знаешь, как ее зовут, и что у них в доме плохо идет вода, но вот если бы написать про это фельетон...

Нельзя рассчитывать на то, что все само собой наладится и исправится, и дали вдруг разом подернутся сплошной лучезарностью. И, значит, рано еще сдавать в архив фельетонное перо и переходить на подножный юмор...

Александр Кулич

Время – деньги

Он опаздывал на поезд: жена проспала и не разбудила его вовремя.

Поезд отходит в семь ноль пять. На улицу он выбежал ровно без шести семь.

– Такси! – крикнул он мчавшемуся троллейбусу.

Водитель троллейбуса и бровью не повел.

– Такси! – умолял он все попутные транспортные средства, совсем позабыв о знаке

«Остановка запрещена», который висел прямо над головой.

И все же какой-то смельчак притормозил и открыл дверцу.

– На вокзал! – выпалил пассажир. – И быстрее, пожалуйста! Опаздываю на поезд!

– На вокзал не могу.

– Как – не можете?! Почему?

– Бензин кончается. Надо ехать на заправку.

– Но я очень прошу! Ведь опаздываю же!

– Когда отходит?

– В семь ноль пять!

– Постойте, сейчас уже четверть восьмого.

– Ну правильно. Я же говорю, что опаздываю!

– Послушайте, вы в своем уме?! Поезд ушел десять минут назад. Чем я могу вам помочь?

– Гоните скорее на вокзал, может, успеем!

«Сумасшедший какой-то», – сказал водитель про себя. И добавил вслух:

– Вы понимаете, что поезд уже ушел? Ту-ту-у... понимаете?

– Да вы что – у меня же билет на руках! Смотрите!.. Ну, пожалуйста, скорее на вокзал! У вас же на спидометре – сто восемьдесят. Значит, можно двести двадцать выжать. Ну, помчались.

– Что вы говорите, честное слово, кто же из «Волги» двести двадцать выжмет?!

– Раз норма сто восемьдесят, значит, и двести двадцать можно. Никогда у станка не работали? Ну, полетели, а то и вправду опоздаем!

– Фу ты, ну ты! Когда поезд отходит?

– Говорил уже – в семь ноль пять!

– А сейчас – семь двадцать. Вам это ни о чем не говорит?

– Мне это говорит, что нужно торопиться! Поехали! Хватит рассусоливать!

– Не могу я ехать – «дворники» не работают.

– На небе ни облачка – какие могут быть «дворники»? Ладно, плачу за «дворники»!

– Бензин кончается.

– Плачу за бензин!

– Назад холостяком поеду.

– Плачу за холостяк!

– Настроения нет.

– Плачу за настроение!

– А по счетчику?

– И по счетчику плачу!

– Ну, добро. Так когда ваш поезд отходит?

– В семь ноль пять.

– А сейчас сколько?

– Половина восьмого.

– Ну, добро. Тряхнем стариной!

...На вокзал они приехали без четверти семь.

Повести, которые состоят из одних названий

Повесть об одном сравнительно молодом человеке, который женился потому, что не хотел по утрам готовить завтрак, а затем развелся, потому что не хотел готовить два завтрака.

* * *

Повесть о том, как трое неизвестных под покровом ночи забрались в зимнюю квартиру завмага и вынесли оттуда ряд очень ценных вещей отечественного и импортного производства, но были задержаны, и вскоре вместе с завмагом предстанут перед судом.

* * *

Повесть, в центре которой стоит отрицательный герой – инженер Уксусов, являющийся в рабочее время лицом без определенных занятий.

* * *

Повесть о том, какой хороший коллектив работал в одном издательстве, и как он перевыполнял разные показатели, и как поощряли за это директора, которого в дальнейшем перевели на другую работу по состоянию его богатырского здоровья, поскольку издательство выпустило в свет 130-томное издание телефонного справочника, в который вошли фамилии всех желающих получить телефон.

* * *

Повесть о том (перевод с заокеанского), как Джеймс Бэд и Кэтрин Гуд выпрыгнули с парашютом из самолета, но во время свободного падения Бэд обокрал мисс, а для того, чтобы избежать ответственности, не раскрыл свой парашют.

* * *

Повесть о талантливой официантке, которая выступила с интересным начинанием – она не берет у клиентов чаевых, если они сами не дают.

Из цикла «Роман в афоризмах»

Носит корону, а получит все-таки по шапке.

* * *

Человек может заблудиться, если перед ним открыть все дороги.

* * *

Первая любовь – самая счастливая: она редко кончается женитьбой.

* * *

Если человеческое достоинство попирается, значит, оно все-таки есть!

* * *

Бумажные цветы хорошо сохраняются, если их не ставят в воду.

* * *

Счастливый мужчина – это среднее арифметическое холостого и женатого.

* * *

Вся беда женщины состоит в том, что мужа ей рождает и воспитывает другая женщина.

* * *

Преступников очень легко разоблачать: все они имеют алиби.

* * *

Там хорошо, потому что нас нет...

* * *

К честным причисляют и тех, которые просто не умеют воровать.

* * *

Правда хуже лжи – ее нельзя опровергнуть.

* * *

Когда желания совпадают с возможностями, пропадают желания.

* * *

Недостаточно быть умным. Надо иметь умный вид.

* * *

Любой роман может стать бессмертным, если его каждый год переиздавать.

* * *

Быстрее других распознают гениальность, как правило, Дантесы.

* * *

Если женщина с каждым годом молодеет, значит, она становится старше.

* * *

При вступлении в брак не всегда присутствуют чувства, но при разводе без них не обходится.

* * *

Любовь помогает преодолевать тяготы, которые бы не возникали, если б не любовь.

* * *

Без любви человек способен прожить всего сорок дней. Потом он к этому привыкает.

* * *

Доброта – хорошее качество. Особенно если им обладает кто-то другой.

* * *

Голый король – в порядке вещей. Вот обнаженный – это уже неприлично.

* * *

Человек – разумное существо, а вот люди...

* * *

И святые лгут. Но это святая ложь.

* * *

Жизнь – это забег, в котором проигрывает тот, кто приходит к финишу первым.

Данил Рудый

Где достать невесту

Чувствовалось, что он доволен собой, квартирой, бассейном с подогревом и оригинальной мебелировкой.

– Удивляетесь? – спросил он. – Все удивляются и завидуют. А зря. Своим горбом нажито. Нервами. Мозолями. Умом. Садитесь. Скамья, правда, жестковатая. Из зала суда. Зато чистый дуб.

Я осторожно присел на краешек действительно удобной скамьи и остановил взгляд на японском сервизе с видом на Фудзияму.

– Чашечку кофе? – спохватился он. – В зернах или растворимый?

– У вас и растворимый есть? – подскочил я.

– Пока нет. Но недолго и приготовить. – Он засыпал зерна в какой-то аппарат и включил ток. Аппарат щелкнул и выбросил литографированную баночку. Я понюхал – настоящая амброзия.

– Растворимый не пью, – извинился я. – Изжога. Но люблю смотреть, как пьют другие.

Он поколдовал над «Экспрессо», занимающим всю стену, и взбодрил две чашечки ароматнейшего напитка.

– Слишком крепкий, – отхлебнув, заметил я.

Он опустил три копейки в автомат и подал мне стакан газировки с сиропом «Свежий камыш», от которого защипало в носу.

– Да, а про коньяк из погребов я и забыл, – засуетился он. – Собственной выдержки.

– Нектар! – зажмурился я. – На винно-коньячном работаете?

– Двадцать лет как ушел. Из старых запасов.

– А сейчас где трудитесь?

– Где я только не работал! – печально махнул он рукой, как бы отмахиваясь от воспоминаний. – Не люблю, знаете, засиживаться. Пропадает стимул роста. Вот кино – это интересно. Это захватывает.

– Значит, вы и к искусству причастны? – поразился я.

– Соприкасался. Но ушел. Сплошные интриги. Из-за несчастного кондиционера подняли такой шум, словно я на главную роль покусился.

Он повернул выключатель. Повеяло прохладой, сосновым бором и морским бризом.

– Чудная квартирка, – позавидовал я. – Воздух, как в некоторых горах. Откуда она у вас?

– Что значит – откуда? – обиделся он. – Я ведь в душе строитель. По бревнышку собирал.

– Так вы жилой дом строили? – высказал я догадку.

– Не совсем. Снабжал. Строительство высотного административного центра. Тридцать шесть этажей. По проекту.

– И что же?

– Все в ажуре, – успокоил он меня. – Кто сейчас считает этажи?

В этот момент вошла молодая женщина редчайшей красоты.

– Моя жена, – представил он.

– Где вы познакомились? – ахнул я, обеими руками сдерживая сердцебиение.

– Секрет. Но не для вас. В одном НИИ.

– Так вы и наукой занимались?

– А что в ней особенного? Служил ей. Но бедно там. Одни бактерии, да и то запаяны в пробирках. Ничего в этой науке интересного, кроме лаборанток. Взял одну.

– Позвольте, и никто не обнаружил недостатки?

– Кто обнаружит? Ах, ученые? Они же рассеянные.

Ив ОстРаШев (Сергей Осташко, Ирина Ратушинская, Игорь Шевченко)

Воспоминание о будущем

Голубые лучи Бетельгейзе рассеянно освещали кабинет. Мягко падали хлопья фтористого водорода.

Председатель комиссии по распределению сидел в кресле, удобно заложив седьмую ногу за восемнадцатую. В его теменном глазу светилась неземная мудрость.

– БВГЖЗ/17169! – вызвал он.

БВГЖЗ/17169, а для друзей просто ХПЛЧТБМЖ/ 1954761, – надежда и гордость факультетской футбольно-гидравлической команды, был уже здесь, нервно переминаясь со шупальца на шупальце.

– Учитывая ваши заслуги, – мягко начал председатель, – мы решили направить вас на Желтый карлик. Солнце, море, свежий воздух.

При слове «воздух» БВГЖЗ/17169 передернулся.

– Да я в жизни кислорода не нюхал!.. – чавкнул он, с трудом соблюдая субординацию.

– Ничего, поработаете два световых года, может, вам даже понравится. Голубое небо, зелень, температура +28°C... Третья планета, одним словом.

– А на первую нельзя, профессор? – робко скрипнул БВГЖЗ/17169.

– На вторую отличники едут! – сурово булькнул второй член комиссии из своего аквариума.

– Но я же не похож на аборигенов!

Левый рот выпускника стал судорожно подергиваться.

– Небольшая пластическая операция... – председатель залился дробным старческим треском. – А не хотите операцию – и так сойдет. Многорукий, двуликий... Да они на вас молиться будут. Не синейте так, юноша, держите себя в шупальцах! Жилплощадь вам дадим, дачу. Вот уже Баальбекскую террасу начали строить. Аборигены – народ смышленный. Вы им зажигалку покажете, а они вам через пару миллионов лет термоядерную реакцию изобретут.

БВГЖЗ/17169 тихонько испустил вопль расходящегося интеграла.

– Вот и вокальные данные у вас есть, ансамбль там организуете песни и пляски. А поразвлекшись захотите – дельфинов логарифмировать научите. Ну-ну, не двоитесь. Стыдно молодому специалисту бояться трудностей. Идите, юноша, и трудитесь. Завтра получите 4000 мегаватт подъемных и огнетушитель. Фрески не забудьте, да с четвертым измерением поаккуратнее. Желаю счастья.

БВГЖЗ/17169 открыл было глаз, но председатель легким изменением окраски дал понять, что разговор окончен.

Голубые лучи Бетельгейзе рассеянно освещали кабинет...

...Назавтра звездолет уже мчался сквозь пространство, постукивая на особых точках. На третьей планете ждали аборигены. Они вспоминали о будущем.

Хобби

– Б-4! – шепотом сказал Вовка.

– А-8, – хладнокровно отпарировал я.

– Убит... – уныло сказал Вовка.

Но тут нас прервали, отобрали дневники и пригрозили вызвать родителей в школу...

– К-7, – сказал Вовка и опасно поглядел по сторонам.

– Ранен, – признался я и поставил крестик.

Но тут нас прервали и заметили, что на вступительных экзаменах разговаривать не положено...

– К-6, – упорно гнул свою линию Вовка.

Я поставил еще один крестик, но тут нас прервали и поздравили с поступлением в аспирантуру...

– Ж-3, – сказал я, зная, что бью наверняка.

– Мимо! – злорадно ответил Вовка и, понизив голос, добавил: – Е-2.

Но тут нас прервали и сфотографировали меня для газеты как самого молодого доктора

наук. Впрочем, не успел я сознаться, что опять ранен, как нас прервали еще раз и уволокли Вовку на международный симпозиум в Копенгаген. Встретились мы только через три года.

– ...В-3, – поспешно сказал я, но опять оказалось мимо.

У Вовки оставалось еще два трехтрубных, но тут нас прервали и поздравили меня с получением Нобелевской премии. Слегка взволнованный, я наконец сделал правильный ход:

– К-4!

Но и Вовка не зевал.

– И-2, – сказал он и добил мой четырехтрубный красавец линкор.

Но тут ворвались репортеры.

– Ваше хобби? – спросили они у меня.

И я признался, что развожу фиалки.

Сергей Осташко

Памятник

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Нет, это гениально. Сколько силы, сколько мощи. Каждое слово на месте, и ничего ни прибавить, ни убавить. Куда нам, нынешним – так мог сказать только настоящий поэт!

Хотя постойте. Ведь если бы памятник был рукотворный, это был бы уже не поэт, а скульптор. А раз поэт – ясно, что нерукотворный. Тавтология получается. А ежели убрать?

«Я памятник себе воздвиг». По-моему, так лучше. Короче, сжатее. Нет лишних слов. Все строго, чеканно. Так и нужно писать!

Вот только «воздвиг». Тяжеловато несколько, XIX век. Сейчас так не пишут. «Создал» – слишком возвышенно, «вылепил» – хорошо, но в ритм не лезет. А если вообще без него?

«Я памятник себе». Класс! Просто и современно. И даже как-то доходчивей. Сразу понимаешь, что именно хотел сказать поэт. «Я памятник... себе».

Вот только это «себе». Себе, тебе, мене. Упрощает смысл. Заземляет. А может, и его отбросить? А после первого слова – тире поставить.

«Я – памятник». А? Заиграло?! Появилась глубина, недосказанность. Простор для воображения. Полет для фантазии. Это уже тема: поэт – гражданин, я – памятник.

Вот только нескромно как-то, то есть понятно, что ничего такого, но критика придраться может. Придется, видно, еще поработать. Подумать... Исправить... Осовременить... А если?... Постойте, постойте... Вот оно! Нашел! Как я сразу не догадался! Просто и гениально! Так и нужно писать! Куда там Пушкину!

Читайте. Завидуйте.

«Я»!

Подслушанное

На собрании

– При проверке выяснилось, что у нас есть что показать. При повторной проверке это и было показано.

На шахматном турнире

– Солдат, дай с конем попрощаться...

В коридорах власти

– Велика Россия, а спросить не с кого.

На командном пункте

– Товарищ командующий, вам взрывпакет из штаба округа!

Радиограмма

Следую курсом американского доллара.

Нумизматам на заметку

На государственном монетном дворе не перестают искать новые формы работы и новых партнеров. Здесь уже начали чеканить монеты с профилем заказчика.

Наши маяки

С простых чистильщиков сапог начинал свою деятельность рэкетир Кульков. А теперь ему вносит деньги обувная отрасль целой республики.

Подумаешь, шприц!

В Японии начали выпуск одноразовых мечей для харакири.

Александр Кедров

Производственная травма

– Алло, здравствуйте. Это из областной конто...

Узнали? Очень прия... А, вам не очень прия?... Поня!.. Диктую: «Директору. Прошу

прибыть сегодня в тринадцать часов на совещание». Поня?... Спаси... Какая нервная...

– Алло! Это опять из конто... Грубите, моя милая. А я не вам одним целое утро трезвоню. Я в семь организаций целое утро трезво... Директору насчет совещания передали? Спасибо. Сказал – будет? Большое спасибо. А теперь передайте: совещания НЕ БУДЕТ. Да, раньше говорил: «будет», а теперь говорю: «не бу...» Отменяется. Не «безобразии» отменяется, а совещание отменя... Ну и что? Вашего начальника вызвал наш начальник. А нашего начальника в это время вызвал его начальник! У них работа такая – вызывать друг друга. И шастать: авторитет – к авторитету, кабинет – к кабинету... Что значит – бросите трубку? А я говорю – не бро... А я говорю... Бросила...

– Алло! Вы будете смеяться, но это опять я... Тихо! Тихо! Боже мой... Ну девушка... Ну миленькая... Ну что же вы с собой делаете?... Брошу трубочку, брошу! Скажу два словечка и тут же брошу... А вы еще тише... А вы шепотом... А теперь мне на ушко, тихохонько: директору успели сказать, что совещание отменя?... Успели! Чудненько. Тогда я вам толковенько скажу, а вы себе толковенько пометьте: «Отмена отменяется...» Нет, не СОВЕЩАНИЕ отменяется, а ОТМЕНА отменяется! А совещание, наоборот, будет. Как я вам первый раз звонил. А как я вам второй раз звонил, уже не считается. Я вам для этого третий раз звоню. Специально. Чтобы вы не запутались... Девушка, родненькая, ну зачем же так горько?... А вы водичечки... Глоточечек... С корвалольчиком... И шейку помочите... И затылочек... Помогает... Алло! Вы меня ЕЩЕ СЛЫШИТЕ?... Алло!!! Вы ЕЩЕ ЕСТЬ?!

– Алло! Алло! Это 03?... «Скорая»?... Примите вызов!.. Диагноз?... – Хрипит в трубку. – Нет, на рабочем месте... Так и пишите: «Производственная травма. По телефону...» А я, извините, спешу... Мне дальше звонить нужно!..

Григорий Яблонский

Мероприятие

По отделам ходил товарищ со списком и собирал заявления о приеме в общество ДОПС и вступительные взносы. Мероприятие проходило нормально. Только Апраксин из седьмого заявил:

– Вступление в это общество есть акт добровольный! Желая прежде ознакомиться с уставом, а затем уже вступать или не вступать!

– Не вступайте, – тихо ответил товарищ, делая галочку в списке.

Апраксин тут же скис и полез за полтинником...

– Совесть надо иметь, Аркаша! – сказали сослуживцы, когда товарищ вышел.

В соседнем отделе Ольга Константиновна Подуглова, краснея, сказала, что у нее случайно нет с собой полтинника.

– Ничего, как-нибудь в другой раз, – пометил товарищ.

– Зачем же вам беспокоиться? – ахнула сидевшая рядом Зоя Ростиславовна Любич. – Я одолжу!

Товарищ, поблагодарив, отсчитал сдачу.

– Вежливый какой... – проводила его глазами Зоя Ростиславовна.

Девятнадцатый, молодежный, отдел вступал дружно, весело. Даже чересчур. Например, Миша Сикорский в своем заявлении написал: «Прошу не отказать в моей просьбе».

– Молодой человек, – сказал Мише товарищ, – мы тоже ценим юмор, но в данном случае речь идет не о КВНе.

Под всеобщий смех Миша написал новое заявление, а неудачное по совету товарища уничтожил.

– Законный чудак! – с восторгом сказал Миша, дожевывая бумагу.

– Такого бы шефа!.. – размечталась Ирочка Чувилева, вешая сумочку на кульман.

Последним был сметно-финансовый сектор. Там тархтели счетные машины и царила подозрительность.

– На прошлой неделе я уже вступил в одно общество, – нездоровым голосом сказал старший экономист Ступакевич. – У меня тут записано: в общество «ДОСУГ»...

– То ДОСУГ, а это ДОПС! – разъяснил товарищ. – Мероприятие добровольное, можете не вступать.

– Почему же... – побледнел Ступакевич. – Сколько с меня?

– Стыдно, Ступакевич, слышать подобные вещи! – заметил, появляясь из своего кабинета, начальник сектора Ашот Рустамович. – Очень стыдно! Примите, товарищ, и мою лепту!

Дальше дверей не было. Товарищ сел в лифт и съехал вниз, где оформил членство старшего вахтера Боженко Кондрата Остаповича по его личному заявлению.

– Извиняюсь, значок будет? – поинтересовался старший вахтер.

– Будет, будет! – пообещал товарищ. Просунув руки в пальто, надев шляпу и галоши, он взял отяжелевший портфель и устало вышел на улицу, на нудный осенний дождь...

– Сколько взял, Федя? – спросил, подходя, другой человек с портфелем.

– 47 рублей 50 копеек. Пять человек в командировке, трое бюллетенят, один ушел в город, будет после обеда.

– Придется еще раз пройти, Федя.

– Не пойду я... – тихо сказал тот, кого называли Федей.

– Пойдешь, Федя. В любом деле важен порядок, система.

– Не могу больше, – задрожал тот, кого называли Федей, – лучше в инженеры пойду!..

– Иди, – сказал другой, – дело добровольное.

Дует!

На остановке Поросячьи Садки в наш автобус забралась бабуля с мешком – и мы тронулись.

– Дует, – сказала бабуля, осматриваясь.

Прикрыли окна слева. Полного гражданина, утиравшего рукавом высокий лоб, попросили перебазироваться направо. Несколько минут ехали молча.

– Дует, – сказала бабуся, указуя перстом направо.

Закрыли окна справа. Некоторое время гудение мотора перекрывало лишь апopleксическое сопение полного гражданина.

– Дует, – сказала бабушка, замечая вентиляционный люк сверху.

С грохотом захлопнулся люк. На ропот отдельных неуважительных граждан бабуля не обратила никакого внимания, в данный момент она была занята другим.

– Дует, – показала она, дальнорорко примечая единственное чуть приоткрытое оконце в

самом хвосте салона, где расположилась на пышущем моторе компания молодых людей.

Молодые люди в хвосте отчаянно сопротивлялись, но после того, как в них был пущен довод, утверждающий, что старость, увы, не радость, но и молодость нынче пошла не бог весть какая почтительная, – после этого молодые люди были сломлены и замолкли с пунцовыми лицами. Атмосфера в салоне накалялась.

– Дует, – отметила бабуся, приняхиваясь по направлению кабины водителя.

Водитель с треском захлопнул свою форточку, наглухо закупорил щиток вентиляции, задраил тряпкой какую-то щель и включил отопление салона вместе с музыкой композитора Бюль-Бюль оглы. Сухой жар успокаивающе подействовал на бабушку, однако что-то ее еще тревожило.

– Дует, – сказала она, подозрительно косясь на багровеющего апоплексического гражданина.

Гражданин перестал сопеть. Ему вылили на голову полбутылки крем-соды. Раздалось шипение – полсалона окутало облако пара. Молодые люди в хвосте сняли с себя все лишнее и, хлопая друг друга по хорошо развитой мускулатуре, попросили поддать. Остальные пассажиры вынуждены были поддаться заразительному примеру. Хмурый дядька в бараньей душегрейке, выпивший на предыдущей остановке бутылку «Спотыкача», внезапно пришел в себя, завопил «Ух ты!» и, вытащив из-за пазухи хозяйственный веник, полез на самую верхнюю полку...

Некоторое время бабуля ехала спокойно, но потом затянула поплотнее мохеровый платок и неодобрительно повела носом туда, где надсадно ревел двигатель:

– Дует!

Водитель протер тряпкой запотевшее лобовое стекло и рванул на себя рычаг, перекрывая жалюзи радиатора...

Через несколько секунд машина взорвалась! Мы лежали на пыльной придорожной траве, жадно вдыхая в себя напоенный цветущей гречихой июльский воздух. Жужжали пчелы. Послышалась сверху трель жаворонка. Тихо засопел снизу апоплексический гражданин.

Бабка голосовала на раскаленном шоссе. Дождавшись очередного автобуса, она потуже завязала мохеровый платок и подала в открывшуюся дверь свой мешок.

Мы проводили взглядами обреченный «Икарус-люкс»...

Семен Лившин

Пародии и подражания

Городские горцы

Подражание Фазилю Искандеру

Я сидел под деревом детства и печально ел хурму.

Усердно поливая это дерево чернилами, настоящими на отборных мальчишеских воспоминаниях, я втайне ждал, что в его прохладной зеленой вышине созреют гроздья будущего романа. Но сколько я ни тряс ветки, с них упало всего лишь два тощих абзаца. Может, подумал я, все дело в том, что в нынешнем сезоне я уже дважды снимал урожай с дерева детства?

Моей души коснулось предчувствие осени. Накинув старенькую школьную бурку с отложным воротничком, я взгромоздился на добродушный Ту-154, и он, цокая копытами турбин по замшелым горным облакам, неторопливо повез меня к дому дедушки.

Деду давно перевалило за сто пятьдесят страниц, но он был еще крепким стариком. Как и в молодости, мог трое суток скакать без дороги, без седла и без коня. А главное, дедушка помнил массу интересных людей, включая императора Франца Иосифа, которого, впрочем, после двадцатого кувшина хванчары иногда путал с Иосифом Кобзоном.

Увидев меня, старик вздрогнул и побледнел. Глядя, как я достаю из-за пояса авторучку, вырезанную из ветки горного кизила, он сумрачно поинтересовался:

– Опять про меня?

Я застенчиво кивнул. Он затряс бородой:

– Пощади, сынок! Сил моих больше нет. На днях я вышел уже пятым изданием! Написал бы лучше про дядю Илико...

Молча я протянул ему свой новый роман «Иликоада».

– Ладно, а чем тетя Нуца плоха? – не унимался дедушка. – Или ее племянник Гоги?

– Да превратится молоко твоих коз в йогурт! Не тронь ребенка! – запричитала толстая тетя Нуца, по пояс высовываясь из сборника «Толстая тетя Нуца».

Наконец старик смирился и деловито спросил:

– Ладно. Из чего прозу будем делать, сынок?

Радость загарцевала в моем сердце, как каурый ахалтекинец, хлебнувший алычовой чачи. Еще не веря своему счастью, я несмело попросил:

– Может, расскажешь, как этот чудак Косоухий собрался к праотцам и попросил туда пропуск у товарища Берия?

– Рановато пока об этом говорить, – суховато возразил дедушка, на всякий случай придвигая поближе свое охотничье кремневое ружье с лазерным прицелом.

– Ну тогда о том, как ты похищал бабушку, а за тобой гнались двадцать джигитов из загса, чтобы ты, не дай Бог, не передумал...

– Авторские права на мои воспоминания купишь? – вмешалась бабушка, не переставая вязать текст из отборной мингрельской шерсти.

Я понял, что пора проститься с детством. Да, много Куры утекло с тех пор, как мы все – Нико, Михо и я – скитались по заросшим арчой ущельям, где в прозрачном ткемали беспечно плескалась форель, а горные орлы на бреющем полете брали звуковой барьер. Нико давно стал академиком, Михо – олигархом, а Зураб – Зиновием. И только я все не решался покинуть столь любимое мной дерево детства.

Наконец я вздохнул, натянул поверх коротких штанишек брюки и съехал по перилам в новую, взрослую жизнь. Навстречу мне ехал академик Севастьянов. Он старательно придерживал окладистую накладную бороду, но я все равно узнал в нем неизменного дядю Илико.

– Сандро, мальчик мой! – воскликнул он, как бы радуясь мне.

– Да, дядя, – кивнул я, как бы разделяя его радость и в то же время тактично давая понять, что превосходно ощущаю Сурамский перевал условностей, разделяющий теперь нас.

Подошла жена академика. Ее стройные ноги в сыромятных нейлоновых чулках смутно напомнили мне что-то далекое, до боли знакомое.

– Я из раннего журнального варианта, – лукаво улыbnулась она.

На меня повеяло полуденным бризом, заклипаниями чаек над Сухумской бухтой,

мудрой горечью кофе, который старый Максут готовит только для семидесяти пяти тысяч самых близких своих друзей... Я понял, что никуда мне не уйти из детства. Кстати, задумывались ли вы над тем, что взрослые и дети одинаково лысы, но у одних лысина прикрыта шапкой волос?

Академик-Илико ушел, улыбаясь рассеянной улыбкой профессионального неудачника.

Приближалась осень. Аисты улетали на юг, а возвращались ни с чем. В такую пору хорошо мерзнуть на берегу Москвы-реки и ловить сазана на свежую строку, еще пахнущую тархуном и анапестом. А вечером наполнить рог козлотура розовой изабеллой и неторопливо рахатлукумствовать у костра.

– Осторожно, сынок, двери закрываются, следующая станция «Арбатское ущелье», – сказала радио голосом бабушки.

Я отправился домой. Оставалось одно: описать Гоги, племянника толстой Нуцы. Скажем, ему всего двенадцать, но он уже твердо решил, кем станет, когда вырастет, – долгожителем. Такой симпатичный черноглазый паренек. Допустим, смуглый, босой, с большими черными глазами...

В дверь позвонили. Я открыл. Вошел смуглый босой мальчик с большими черными глазами. В руках он держал старенький лэп-топ, найденный на крыше бабушкиной сакли.

– Работаю над повестью о городских горцах, – застенчиво сказал он. – Хотел бы написать и про вас...

Я заглянул в его компьютер. Старательным школьным шрифтом там было выведено: «Он сидел под деревом детства и печально ел хурму...»

В августе Н-ского года

Подражание Владимиру Богомолу

1. Капитан Скорохват по прозвищу Волкодав

Преследуемый обернулся и швырнул в Скорохвата отравленную гранату.

– Секунд пять лететь будет, – хладнокровно прикинул капитан. Он положил палец на спусковой крючок, взял в зубы нож и мгновенно уснул. Сказывалось переутомление: Скорохват не спал уже тридцать шесть страниц.

Ему снилось родное село Малые Чебуреки, старая хата, где долгими зимними вечерами, когда в окно стучится шрапнель, так уютно сидеть в засаде...

От этой заманчивой картины Скорохват даже улыбнулся во сне, но тут же прикрыл улыбку пилоткой, чтобы не демаскировать себя с воздуха.

Рядом разорвалась граната. Не открывая глаз, капитан дважды выстрелил. По шуму падающего тела он понял, что пули перебили противнику обе подтяжки и лишили его маневренности.

Но тут внимание Скорохвата привлек странный звук. Тренированное правое ухо разведчика-чистильщика тут же определило: ре-мажорная инвенция Баха.

– Позывные, – подумал он шепотом. – Но что вражеские агенты ищут здесь, в глухой безлюдной библиотеке? На кого работает их Бах?

Записка по «ВЧ»

«Секретно! С оплаченным ответом! Гугину

Прошу немедленно разыскать в Н-ской библиотеке книгу, содержащую ключ к шифру. Особые приметы: из жизни шпионов. Взвейся-Соколов».

Шифротелеграмма

«Абсолютно интимно! Взвейся-Соколову

Принятыми оперативно-розыскными мерами предполагаемая книга установлена. На титульном листе имеется название «Шпион». По одним данным автором является Фенимор, по другим – Купер. Гугин».

Записка по «ВЧ»

«Никому ни слова! Гугину

Немедленно вернуть задержанного «Шпиона» в библиотеку. Вам оперативно переподчиняется 161-й взвод служебно-розыскных собак, специально натренированных на приключенческие книги. О ходе поиска докладывайте каждые 30 секунд. Осколочных».

2. Младший брат лейтенанта Саша Кадушкин, он же Карпуз

Он был почти неразличим в траве, этот совсем еще зеленый контрразведчик. Кадушкин пока умел немного: обезвредить одним ударом десять-двадцать диверсантов да перехватить голыми руками вражескую радиопередачу.

Саша с завистью думал о майоре Бубенцове. Тому ничего не стоило прямо на аэродроме с подскока прокатать оперативный треугольник и, задействовав подсветку, сработать двойной функельшпиль.

Как-то в минуту оперативной откровенности майор признался лейтенанту:

– Знаешь, Саша, с годами я понял: засада – это, мой милый, скрытное расположение на местности или в помещении личного состава поисковой группы, производящего поимку вражеских агентов...

И, застеснявшись минутной слабости, засмеялся:

– В общем, конспирашка!

Что ж означает его нынешний приказ: залечь под библиотекой с журналом без начала и конца?

Кадушкин умело перелистнул страницу. Он ждал условного знака: два коротких замыкания и одно длинное. Но Скорохват почему-то медлил...

«Тс-с! Взвейся-Соколову
Срочно сообщите, чем заканчивается первая часть романа.
Гугин».

Записка по «ВЧ»

«В личные руки. Гугину

Тремя точками. Для расшифровки к вам вылетают пять самолетов криптографов и генералов. Нацельте личный состав на то, чтобы прочесть книгу раньше противника и выяснить из нее, где скрываются шпионы.

Взвейся-Соколов».

3. Майор Бубенцов

Отправляясь на задание, я спросил полкового терапевта:

– Пленный будет жить?

– Пока нет, – ответил он.

Ну, нас так просто не возьмешь! Я решил держаться до последнего.

Вода в пулемете закипела. Я бросил туда рис, мясо, лук, овощи. Когда ешь, время идет быстрее. А сейчас главное было выиграть страниц десять.

Каким-то шестым чувством я вдруг почувствовал, что за мной следят. Каким-то седьмым чувством повернул голову вправо и каким-то восьмым увидел его.

Он сделал вид, что читает книгу. Ту самую! Изображая полного недотепу, я по-македонски, обеими руками навскидку, почесал в затылке. Не подействовало.

Тогда, уперев дуло нагана ему в седьмое ребро, я вежливо попросил что-нибудь почитать. Он спокойно протянул мне удостоверение.

Фактура обложки... Конфигурация текста... Суффиксы... Придаточные предложения... «Выдано такому-то в том, что он является племянником командира полка. Действительно до 1 августа Н-ского года».

– Больше нечего почитать? – как можно равнодушнее спросил я.

Он вынул еще одно удостоверение. «Податель сего работает на вражескую разведку и подлежит расстрелу на месте». Врешь, меня на откровенность не возьмешь!

Качая ему маятник, я напряженно вспоминал, где мог раньше читать про этого невозмутимого крепыща с удивительно знакомым лицом.

У Сименона?... Для Мегрэ он мелковат. У Агаты Кристи? Ее взяли на прошлой неделе... У Аркадия Адамова?... Тогда откуда эти интеллигентные уши? Кто же это, в конце концов?!

И тут, как всегда неожиданно, появился полковник.

– Отставить! Майор Бубенцов, прекратите разглядывание себя в зеркале! – приказал он.

Шифротелеграмма

«Секретно! Сжечь, не вскрывая!

Всем, всем, всем!

Сегодня в 0 часов 15 минут в библиотеке при попытке завладеть книгой «Шпионские будни» задержаны агенты съемочной группы, экранизирующей выше перечитанную книгу. Учитывая, что в дальнейшем не исключены попытки воспользоваться данным романом в целях создания одноименной оперы, балета на льду или цикла романсов для голоса с оркестром, прошу усилить охранение оцеплением».

Записка по «ВЧ»

«Автор сознался. Всякое совпадение имен действующих лиц с калибрами оружия следует считать случайным».

Потоп

Как пересказали бы библейское сказание о всемирном потопе некоторые писатели-фантасты.

Братья Стругацкие

Суета вокруг ковчега

И. Стажер Максим Новиков

Сегодня моя очередь дежурить по инфракухне. Я натянул свой старый, в полосочку, скафандр и принес из погреба ведро вакуума. Вдруг сгодится?

Хотя какое «вдруг» может быть на этой планетке! Каждый день одно и то же. С утра – банальный дождь из серной кислоты, к ночи – вялое, баллов триста, землетрясеньице. Даже понедельник и тот здесь начинается в субботу.

Экипаж совсем разболтался. Командир экспедиции Ной Степанюк оставил сачок для ловли метеоритов и целыми днями валялся в гамма-гамаке.

Сим Хам, штурман, от нечего делать расщеплял сахарными щипцами атомное ядро. Бортинженер Яф Ет тяпнул за обедом стакан неразбавленной плазмы и рассказывал киберу Феде анекдоты про нуль-транспортровку. Тоска...

Каждый из нас понимал: шансов на спасение аборигенов Дельты-Поморина почти нет – их не от чего спасать. Зачем же мы летели сюда целых двести пятьдесят страниц?!

Я плеснул в кастрюлю тяжелой воды и сел чистить картошку. Это была местная говорящая разновидность. Сегодня у картошки было хорошее настроение, и пока я ее чистил,

она пела голосом Эдуарда Хилля: «Ах, море, море, волна под облака!»
И тут меня осенило!

2. Командир экспедиции Ной Степанюк

План стажера был прост: устроить на планете потоп, чтобы было от чего спасти аборигенов.

Работа закипела. Стажер поливал планету из мю-мезонного чайника. Яф Ет монтировал надувной астролет «Ковчег-17», а Сим Хам укладывал в него неприкосновенный запас чтива.

И вдруг я спохватился.

– Парни, – сказал я хладнокровно, – парни, вышла небольшая релятивистская лажа. Нас тут четверо, а в «Ковчеге» три места. Один должен принести себя в жертву научной фантастике.

Стажер сделал шаг вперед и наступил мне на ногу. Трудно быть Ноем!

– Спасай, кто может! – скомандовал я и спонтанно нырнул.

Сверху что-то загудело. Это был теплоход с аборигенами. Их вождь бросил мне спасательный круг и добродушно сказал:

– Много вода – сильно хорошо. Можно шибко стирай. Гуд бай!

На третьем году Эры Эмансипации роботы превзошли людей во всем. Но люди по-прежнему относились к ним свысока и неохотно выдавали за роботов своих дочерей.

Роботы пошли к старейшине рода, первой Мыслящей Кофеварке. Она уже еле двигалась, а поворачивалась, только когда в ее топку подбрасывали кривое полено.

– Люди считают нас выскочками, потому что у роботов нет прошлого, – проскрипела прапракофеварка. – Нужно повторить их историю с самого начала и доказать людям, скольких глупостей можно было избежать.

Роботы взялись за дело. Сотворение Евы из ребра полимерного Адама прошло без осложнений. Змей, от которого разило машинным маслом, быстро соблазнил Еву уравнением с древа познания. Каин аннигилировал Авеля.

Затем начался всемирный ПОТОП (Повторный Опыт Тотально Организованного Плавания). На атомный ковчег были погружены самые совершенные роботы: Химический Анализатор Материи (ХАМ) и Синтетический Интегратор Мышления (СИМ). Операцию поддерживал ЯФЕТ (Ядерно-Фотонный ЕТ).

– Отдать концы! – телепатировал НОЙ (Нейтронный Отражатель Ионов), и ковчег отплыл.

Прошла неделя, за ней другая. Синтетический ливень монотонно стучал по крыше ковчега. Роботы томились от безделья. Они смазывали друг друга, возводили в куб все числа, которые оказались под рукой, а до конца ПОТОПа оставалось еще три недели...

Наконец ливень утих, и самонаводящийся голубь принес в клюве полиэтиленовую оливковую ветвь. НОЙ старательно обрывал с нее листья, приговаривая:

– Любит – не любит, любит – не любит...

Робот-психиатр поставил диагноз: прогрессирующее очеловечивание. Вскоре компания «Роботс энд сыновья» обанкротилась. Теперь в ее офисе вместо семи роботов работают полторы тысячи людей. Так окончилась Эра Эмансипации Роботов.

...Он поставил точку и подписался: «Автоматический Записыватель Интересных Мыслей Обо Всем» (Азимов).

23-го уэллса 2031 года.

Проснулся от сильного толчка. Звездолет скрипел по всем сепулькам и падал куда-то.

Запрашивать компьютер было некогда. Я плюнул в потолок и по траектории плевка определил: третья планета туманности Дубль-Пусто.

Сверху она очень похожа на Землю. На континенте, напоминающем Африку, так и написано: «Африка» – но задом наперед. Неужели это знаменитая Анти-Земля?! А нет ли

там знаменитого антидвойника?

6-го ефремова.

Представьте – я встретил его!

Мы похожи, как два курдюка, только шиворот-навыворот. У меня лысина – у него копна волос, у меня три дочери – у него три сына. Один из них явный хам. Фамилия моего двойника тоже Тихий, но меня зовут Ион, а его – Ной.

Когда мы встретились, он пробивал дыру в плотине.

– Это же вызовет наводнение! – с тревогой воскликнул я.

– Этого я и добиваюсь, – ответил Ной.

– Зачем? – изумился я.

– Если потопа не будет, у нас уйдет лет двести на утверждение сметы ковчега, тысяча лет на его постройку и еще несколько веков на согласование состава экипажа. Потоп же даст толчок к развитию нашего судостроения.

– А остальные отрасли?

– Будут развиваться по тому же принципу. Например, мы с нетерпением ждем погружения Атлантиды, чтобы наконец появилась археология. Для зарождения лингвистики нам понадобится вавилонское столпотворение и смешение языков. Крестовые походы помогут зарождению травматологии... Ясно?

И он стал расширять дырку в плотине.

17-го жюльверна.

Вода быстро прибывает. Пора улетать. Надеюсь, что мой визит даст толчок развитию научной фантастики на Анти-Земле.

От автора.

Разумеется, все это вымысел моего друга, знаменитого космического путешественника Иона Тихого. Никакой Анти-Земли, населенной антидвойниками, конечно же, не существует.

Станислав МЕЛ

Александр Казанцев

Тунгусский потоп

Профессор Ковчег Мстиславович Ноев, доктор четырнадцати наук и кандидат всех остальных, получил странную космограмму. «Связи пропажей козы Маньки просим срочно прибыть Землю консультации».

Профессор сел в персональный планетолет с белыми занавесками, привязался пледом, открыл свою монографию и через минуту впал в анабиоз.

На Земле бурлили симпозиумы и коллоквиумы. Ретрограды пытались объяснить феномен с козой происками хозяйки, насмерть задоившей животное. Горячие головы

требовали установить по всему экватору вольтметры и начать измерения.

– Во-первых, – возразил Ноев, – я убедительно доказал в своих трудах, что вместо чуждого слова «вольтметр» следует употреблять наше исконное «напряжеметр». Во-вторых, исчезновение Маньки – дело рук Тунгусского метеорита!

Переждав овации, профессор продолжал:

– Ваша так называемая Манька является, по моей теории, потомком коз, которые пережили всемирный потоп, вызвал который, по другой моей теории, вовсе не метеорит, а космический корабль.

Маститые козоведы были ошеломлены.

– Значит, Маньку похитили пришельцы, чтобы подтвердить свой прилет на Землю и право на командировочные. Ищите козу в глубинах Вселенной! – заключил профессор Ноев.

Ему тут же присвоили звание доктора еще двадцати наук и назвали в честь него новый планетолет «Ковчег Ноев». На нем решено было отправить в космос специальную экспедицию за козой.

Но тут в зал с громким блеянием вбежала коза Манька.

– Раз пришельцы испугались и сами вернули козу, – спокойно сказал Ноев, – предлагаю ограничиться телеграммой протеста. А теперь вернемся к проблеме Тунгусского метеорита...

Через минуту зал впал в анабиоз.

Лес рубят – книги летят

Пародия на деловой роман

Анна Антоновна, обладательница лучшей в Восточно-Сибирском экономическом районе фигуры, вскочила среди ночи с современных полатей и, как была, в одной пудре «Ланком», кинулась в рабочую светелку мужа.

Катастрофически элегантный в своем крахмальном исподнем, ее муж, он же Директор Всея Сплавных Конторы, изящным ломиком крушил паркет.

– Ревнуешь? – одними бровями спросила Анна Антоновна.

– Прорубь делаю! – подмигнув бицепсами, ответил муж. – Вместо ванны. Не хуже, чем на Москве-реке!

Она изысканно спрятала свое красиво-туманное лицо на его сильной и умной груди. Он прильнул к ее губам самого незаурядного в их поселке, а может, и во всей РСФСР, педагога. И почувствовал, что не в силах больше противиться измучившему его страстному желанию – желанию реконструировать Ухтайский трелевочный участок.

Она поняла. Ее захлестнула иступленная гордость за этого технически мужественного человека. Перепрыгивая через большие – куда там столичным! – лужи, Анна Антоновна чисто по-женски пошла в школу.

Возле запани Федька Аглицкий, охальник высшей квалификации, вытаращился на нее и ничком рухнул в снег. Следом упали без чувств еще двое прохожих.

– Стареешь, Анюта! Раньше по десять падало, – вскручинилась она. Но тут же гордо расхохоталась и своей поющей искристой походкой вошла в класс. Двоечник Малышев

закусил губу и понял: не жить ему больше без учебы.

– Дважды два... – раздумчиво начала Анна Антоновна, и скучный школьный урок вдруг переплавился в пьянящую сказку интеллекта.

– ...равняется... – пел мел.

– ...четыре! – ликующе отозвалось за дальним перекатом...

В дверь постучали. Перед Анной Антоновной, второй дамой поселка, стоял сам Грохотов – туз областного масштаба. Протягивая ей букет обычных бразильских орхидей и снимая свои простенькие замшевые онучи, он подмигнул ее мужу:

– Загордился, Андрюха? Выбился в директора сплавконторы и своих ребят начпредкрайисполкомов не узнаешь?

Муж вытащил из проруби в паркете омуля в томате. Отрезал:

– Будем сплавливать лес по-новому: не вдоль реки, а поперек!

Гость прижмурился:

– Ну-ну... А не пошел бы ты, паря, ко мне в замы? Красавицу твою в сенях посадим, сиречь в приемной. А сами возьмемся за оленей, за это рогатое золото тундры...

Пока они чалдонили, Анна Антоновна закурила сигарету с красивым заграничным названием «Прима» и стала вязать мужу на зиму свой теплый шерстяной портрет.

Над поселком стояла тишина, наполненная гулом моторов. Пахло весной, перевыполнением плана и первой в области любовью.

По течению плыли гладкие, без сучка и задоринки, производственные романы. Начинался весенний книгоход.

Сплавщики вылавливали романы баграми и волокли к запани, чтобы превратить их в первоклассную древесину. Из нее потом сделают целлюлозу для новых романов.

Шел круговорот бумаги в природе. За распадком медленно садилось оранжевое современное солнце.

Из облачка, зацепившегося за лесопилку, вынырнул Амур в ватнике, с луком.

– Не стой под стрелой! – озорно крикнул он Анне Антоновне. Но она не слышала – с головой ушла в мысли о том, как бы модернизировать школьный циркуль.

Алмазный мой кроссворд

Подражание В. Катаеву

...Пока вдогонку шурился подслеповатыми витражами бретонский городок Собака-на-Сене.

Городок знаменит тем, что никто из моих знакомых литераторов не жил в нем. Лобзик ухитрился трижды не побывать там, хотя в своих сонетах описал городок до малейшей консержки.

В ту пору Лобзик еще не стал поэтом с мировым именем Юрий, а был всего лишь талантливым босяком, какие в Одессе встречаются на каждом углу.

Тогда, что ни день, на литературном небосклоне Молдаванки вспыхивала очередная звезда. Помнится, где-то в двадцатых числах тридцатых годов родились строчки, которые до сих пор будоражат воображение сантехников: «Кто услышит раковины пенье, бросит берег и

уйдет в туман».

Берег. Море. «Белеет парус одинокий...» Сейчас уже трудно припомнить, кто придумал эту фразу, я или Мячик. Да и стоит ли? Ведь позднее один из нас дописал к ней целую повесть.

Она очень понравилась Карамельке – той самой, которая некогда позировала Арапу для Татьяны Лариной. (Любой исследователь-татьяновец без труда может подтвердить или опровергнуть этот факт.)

С Арапом судьба свела нас в тихое апрельское (по старому стилю) утро. Нянька везла меня в коляске вверх по Потемкинской лестнице. Он полудетел навстречу. Бакенбарды косо резали воздух.

– Откуда ты, прелестное дитя? – спросил великий стихотворец на музыку Даргомыжского.

Тополиный пух. Весна. Лиссабон? Большой Фонтан? География перемешалась. Полушария сплюснулись, как моченые яблоки в кармане моей гимназической шинели. Вкус яблок. Шум Привоза – знаменитого одесского рынка.

Эскапады полустанков.

Память встреч. Одуревшие от зноя скалы Ланжерона.

Воспоминания – это не что иное, как консервированные события. Вот почему я люблю путешествовать во времени в общем вагоне.

Усы у городского словно помазки для бритвы. Сходство усиливается тем, что городской весь в мыле. Он гонится за кем-то. Лицо убегающего спокойно. Он спит. Или я сплю?

...но вечером, а вернее, на хрустящем от сиесты изломе дня, ко мне в отель явился с фиолетовыми на смуглом лице усами человек и, стесняясь своего латиноамериканского языка, столь несхожего с милым моему уху шипучим клекотом Пересыпи, что-то спросил.

Мысленно потрепав пришельца по пыльно-андалузскому плечу, я на всякий случай объяснил ему, что на самом деле Ушастый – это Франсуа Вийон, Петя Бачей и еще сорок гавриков.

Гость сконфузился и сгинул на пыльных антресолях памяти. Под окном филигранно шуршал кактус, здешняя разновидность нашей ланжеронской акации.

...и тесно прижавшись друг к другу, мы сидели в сквере на углу Дерибасовской и Монмартра. Наши уши пылали. Нас сжигала невысказанная любовь к Гоголю. Да и сейчас у меня нервно вздрагивает пьедестал от той мистической строчки: «Чуден Д. при тихой п.».

Что же касается Одессы, то я вынужден признаться читателю: на самом деле она никогда не существовала. Мы, я и мой друг Торшер, однажды выдумали ее в порыве фонетического озорства.

Мистификация удалась. В несуществующий город потянулись авантюристы и батистовые барышни, пунцовеющие от лихого рыбацкого верлибра. По эскизам наших стихов пришлось спешно выстроить порт и памятник моему приятелю Дюку, подвести к пляжам море и засеять бульвары густой развесистой пшеницей, чье белозубое простодушие освещало детство всех литературных пацанов юга.

Деревенская курица, меченная чернилами. Как она забрела сюда, на Елисейские Поля?

...но, бурля эфемерными пупырышками фактов, на меня обрушиваются все новые водопады воспоминаний. Я неторопливо подставляю им грудь, спину, голову в теплом

домашнем венце.

Рассвет незаметно переходит в закат. Что-то шумит внизу.

Я отворяю форточку авиалайнера. Сколько видит глаз, любители изящной словесности листают страницы моих книг. С карамбольным стуком сталкиваясь лбами, они торопятся разгадать алмазный мой кроссворд. По горизонтали суетливо толкутся люди, годы, жизнь; по вертикали вздымаюсь я.

Под апокрифической луной бледнеют тени Лобзика, Пончика, Мячика, Ключика, Бублика, но все так же неумолимо, серия за серией, накатываются «Волны Черного моря», и ветер доносит шальную баркаролу: «Гондолы, полные кефали, куда-то кто-то приводил...»

Рис. А. Цыкуна

Одесская «Юморина»

Историческая справка

Лето 1972. Одесская команда КВН в очередной раз становится чемпионом страны, и передачу закрывают...

Осень 1972. Авторская группа команды практически в полном составе, а именно – Георгий Голубенко, Игорь Кнеллер, Юрий Макаров, Олег Сташкевич, Леонид Сущенко, Валерий Хаит и Аркадий Цыкун, рассудив, что «КВНа нет, а жить все-таки надо!», собирается и придумывает одесский фестиваль смеха – «Юморину». Слово «Юморина» первым произнес Сташкевич (ныне литературный секретарь М. М. Жванецкого), а эмблему

фестиваля – «морячка» – предложил Цыкун.

1 апреля 1973. Первая одесская «Юморина». Лучшим лозунгом признан такой: «Одессит, стой! Подумай: все ли ты сделал для появления в городе миллионного жителя?...»

Осень 1973. К подготовке следующей «Юморины» подключается знаменитый отдел фельетонов газеты «Вечерняя Одесса» – «Антилопа-Гну» в лице ее постоянных «дежурных водителей» Семена Лившина, Юрия Макарова и Дмитрия Романова.

1973–1976. Четыре одесских «Юморин». Практически все они включают в себя карнавальное шествие, праздник на стадионе, парад старых автомобилей, концерты звезд эстрады, конкурсы карикатуристов и юмористических фотографий, широкий показ кинокомедий, концерты самодеятельности на улицах, в клубах, школах и институтах, конкурсы на самый веселый трамвай, самое смешное оформление балкона, самый веселый одесский двор, самое остроумное высказывание и лозунг и многое-многое другое. В дни «Юморин» восстанавливается начатая Сергеем Уточкиным традиция съезжать на чем-нибудь по Потемкинской лестнице. Сначала это делает москвич – известный в прошлом капитан КВН Ярослав Харечко. Он съезжает по лестнице на лыжах. На другой «Юморине» известный одесский таксист Ефим Выдомский преодолевает по знаменитым ступеням путь от Дюка до улицы Приморской на «горбате» «Запорожце»...

1 апреля 1976. Пик первого периода одесских «Юморин». Тысячи и тысячи гостей из разных стран. Весь город на улицах. На Приморском бульваре толпы людей ждут назначенного на первое апреля выстрела из старинной пушки. Возле Дюка приезжие знаменитости вместо перерезания ленточки перепиливают бревно. Одесситы тут же растащили опилки на сувениры. В результате местные власти, испугавшись масштабов праздника, не в силах справиться со стихийным энтузиазмом масс, запрещают «Юморину»...

1976–1986. «Юморина» в подполье. Несмотря на запрещение, каждый год 1 апреля во многих одесских институтах, клубах, школах проходят КВНы, конкурсы юмористов. Работает «Клуб веселых встреч» Объединения молодежных клубов...

(Продолжение следует)

Виктор Славкин

То, что надо «Юморина-74»

...Юмористические страсти подогревались в городе задолго до праздника. Этим занималась газета «Вечерняя Одесса» через свой отдел сатиры и юмора под названием «Антилопа-Гну». Город с удовольствием подогревался. Благодаря газете накануне праздника все всё знали – когда куда надо бежать, где что смотреть... Но стоило празднику начаться, как посыпались сюрпризы и неожиданности. И не столько по причине организационных неполадок, сколько вследствие активной импровизации участников праздника. Кто бы мог подумать, что машина «Аэро» модели 1927 года явится к старту автопробега без мотора и к финишу ее придется буксировать с помощью веревки и добровольцев-мотоциклистов? Кто мог предвидеть, что на борту городского троллейбуса № 383, курсирующего по первому маршруту, в этот день будет вывешен призыв к встречным трамваям: «Не ищи новых путей –

сойдешь с рельсов»?... Мог ли кто предполагать, что былинные богатыри из праздничной колонны строительного института вместо могучих ремней перепояшутся... сардельками!

Ну а кто, скажите, догадался, что команда КВН Одесского университета задаст своим соперникам вопрос: «Что бы вы сделали, если бы, проснувшись утром 1 апреля и глянув в зеркало, обнаружили, что похожи на картину В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком»?» И уж никто никогда не сообразил бы, что на него следует ответить так: «Повесилась бы в Третьяковской галерее». Команда института инженеров морского флота не сообразила и проиграла финал. И, наконец, кто мог взять на себя ответственность накануне «Юморины-74» ручаться, что праздник удастся?...

А праздник удался!

«...» «Мозговой центр» фестиваля составили ребята из бывшей команды городского КВН. За многие годы своего телевизионного существования Клуб веселых и находчивых наработал много театральных идей, зрелищных форм, смешных текстов... Нелепо будет, если все это, пронесаясь по экранам телевизоров, канет в Лету. И одесситы привели в движение свой налаженный кавээновский механизм для организации городского праздника. Кроме того, они собрали все свои домашние задания, которыми когда-то блистали в телепередачах КВН, и сделали из них спектакль «Можно подумать!..» Этим спектаклем 1 апреля открылся новый студенческий театр миниатюр. В общем, дух КВН материализовался в Одессе. Может быть, ребята с таким энтузиазмом реанимировали кавээновские традиции потому, что бывшая сборная Одессы стала чемпионом только под занавес, перед самым закрытием телеКВН... Так или иначе, они по-хозяйски распорядились добром, которым владеют. Георгий Голубенко, Олег Сташкевич, Валерий Хаит, Аркадий Цыкун и, конечно же, в первую очередь Семен Лившин и Юрий Макаров, которые делают в вечерней газете отдел сатиры и юмора, – вот дрожжи «Юморины-74»...

Журнал «Юность», № 7, 1974

Смех с майонезом «Юморина-75»

В Одессе меня все принимали за клоуна. И не только потому, что на голове у меня красовалась кепка с большим помпоном, – настроение у народа было такое...

В Одессе шел традиционный весенний День смеха. По городу катил шутовской автопробег допотопных драндулетов, а нас, представителей прессы, везли следом в специальном автобусе, из окна которого я и высовывался в своей дурацкой кепочке.

– Во морда! – крикнул вдруг какой-то мальчик. И народ покатился со смеху.

Так я стал не гостем «Юморины-75», а ее участником. И это, надо вам сказать, намного приятнее!..

«...» Город ходил ходуном. Привычный стереотип привычных суббот и воскресений был сбит. Народу это нравилось, народ отдыхал, как никогда. Стадион, на котором в этот раз происходили основные действия «Юморины», был переполнен – сорок три тысячи человек! Это не считая честных безбилетников, целыми пачками сигавших через прутья оградительной решетки.

– Такого ни на одном футбольном матче не было! – радостно восклицал директор стадиона.

Еще бы! Где, на каком стадионе мира вы увидите, к примеру, забег на приз Паниковского? Спортсмены, на этот раз обряженные в серые макинтоши, с авоськами в руках, что есть сил жали за машиной, в кузове которой сидел сам Михаил Самуэлевич, прижимая к себе белого гуся. Ах, как жалко ему было расставаться с 6 кг 250 г свежей гусятины!

Но это что! У зрительниц была возможность получить стиральную машину. Надо было лишь предъявить фотографию с трогательной надписью: «Дорогой невестке от любящей свекрови». Как это ни странно, ни у кого подобной карточки не оказалось... Машину увезли.

Честные безбилетники осаждали и Дом культуры студентов, где Одесский театр веселых и находчивых давал премьеру – «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Режиссер спектакля Олег Сташкевич напомнил, что сегодня, 1 апреля, день рождения Гоголя... Как удачно вы выбрали день рождения, дорогой Николай Васильевич! <...>

Помню, как в ночь под 1 апреля, когда хорошее настроение гостей «Юморины» стало приближаться к апогею, корреспондент «Комсомольской правды» Юрий Рост сказал только что спустившемуся с Чегета московскому инженеру Ярославу Харечко: «А мог бы ты на горных лыжах съехать, к примеру, с Потемкинской лестницы?» На что Слава, как и подобает настоящему мужчине, ответил положительно. Тут же по всем правилам было заключено пари. И на следующий день под звуки веселого похоронного марша, исполняемого тремя наемными скрипачами, Слава это пари выиграл. Но Ю. Рост тоже не проиграл – он напечатал фотографию уникального лыжного спуска в «Комсомолке» и породил еще одну одесскую легенду...

Журнал «Юность», № 7, 1975

Театр в подворотне «Юморина-76»

...Мальчик, проезжая на велосипеде по одесскому спуску Жанны Лябурб, завернул в подворотню дома № 6 и въехал во двор. То ли к знакомой девочке он приехал, то ли мама просила взять у жилицы первого этажа постного масла взаймы... Не знаем. Но факт, что мальчик, спешившись со своего велосипеда, остановился посреди двора и в течение часа так и стоял, не двинулся с места. То, что он увидел перед собой, загипнотизировало его.

Посреди двора на бетонном возвышении, которое является частью контрфорса, подпирающего откос, стоял смешной человечек в шляпе и расстегнутой жилетке, под ногами у него вертелась тонконогая собачонка-шпиц, по левую руку от него стояла девушка, по правую – точно такая же, так что казалось – в глазах двоится, а третья девушка, в роскошной широкополой шляпе с цветами, кормила того человечка манной кашей с блюдечка! При этом человечек болтал: «Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли». С одной стороны, вроде бы обычный городской сумасшедший в обычном одесском дворе, а с другой – стоят вокруг люди и благоговейно смотрят на бетонное возвышение, как на сцену в театре... А вся штука в том, что и то и другое имело место – в одесском дворе среди бела дня давали «Записки сумасшедшего» Николая Васильевича Гоголя, между прочим, именно в день рождения последнего. В главной роли – актер

Одесского театра миниатюр Игорь Кнеллер, в ролях – актриса того же театра Людмила Сафонова, а также сестры-близнецы Елена и Дина Шойб. Поставлен спектакль был режиссером Евгением Ланским.

Ах, какое это чудо – театр! И как легко он сочетается с жизнью, движется рядом, втекает в нее, впускает жизнь в себя.

На галерею второго этажа вышла погулять девочка лет шести и, облокотившись о перила, стала смотреть, что происходит внизу во дворе. Актер сразу почувствовал благодарного зрителя и стал девочке – ей и только ей! – рассказывать историю петербургского чиновника, «...чтобы я встал перед ним – никогда! Какой он директор? Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которую закупоривают бутылки». Девочка на галерее засмеялась.

Во время другого монолога из одной квартиры выбежала собачка и стала лаять на титулярного советника Поприщина. Он – слово, она – гав! Он – еще слово, она опять – гав!.. Так и переругивались, кто кого. Победило искусство: собака поняла, что соперника не дождет, и убежала обратно в свое жилище.

Из подвала вышли две женщины с хозяйственными сумками, пересекли двор и направились к арке, ведущей на улицу. «Постойте!» – позволил себе вольность в тексте Гоголя Игорь Кнеллер. Та, что шла сзади, обернулась и крикнула той, что шла впереди: «Наташа, тебя зовут!» Наташа остановилась. «Завтра в семь часов совершится странное явление: земля сядет на луну», – таинственно поведал ей Поприщин. «Да ну вас!» – добродушно отмахнулась Наташа и двинулась дальше. «Об этом и знаменитый английский химик Велингтон пишет!..» – в отчаянии закричал ей титулярный советник. Но Наташа и ее спутница и слушать не стали, ушли.

Из одних дверей в другие по галерее мать-старуха и ее великовозрастный сын переносили какой-то предмет мебели. У них были свои дела. На то, что происходило внизу, они не обращали никакого внимания. «Заноси его углом вперед... Углом, говорю! А теперь на попа, на попа...» И опять Гоголь ничуть не пострадал. Напротив, реплики, подаваемые с галереи, лишь добавили реальности театральному действию во дворе, оттенив здоровым бытом печальный гоголевский текст...

«...» Город Одесса в День смеха – идеальное место и время для весеннего фестиваля комедийных спектаклей. Собственно, в этом году мини-комедийный фестиваль уже состоялся. В рамках «Юморинь» выступал Одесский театр миниатюр, в котором блистали писатель-юморист М. Жванецкий, актеры Р. Карцев и В. Ильченко; эстрадные артисты Москвы, Ленинграда, Киева оккупировали две главные площадки города – Дворец спорта и зал филармонии; очень интересный спектакль показал Театр веселых и находчивых по «Голубой книге» Михаила Зощенко, поставленный режиссером Олегом Сташкевичем... В общем, если уж в Одесском зоопарке устроили «Зооюморину», то «Теаюморина» в Одессу просто просится...

Журнал «Юность», № 8, 1976

Юрий Рост
Славик, поехали!

Самое трудное – начать. Начну с того, что поздним вечером Слава Харечко, собрав у нас

все рубли и мелочь, отправился в гастроном на углу Дерибасовской покупать вольный арабский бальзам «Абу-Симбл». Общество ждало его возвращения, обсуждая события «Юморины».

Собственно, событий (в историческом смысле) не было. Как не бывает их в какой ни возьми области жизни. «Настоящим событием стал приход лихтера «Озерный-2» с грузом алтайского кругляка». На самом деле на Шелепихе пришвартовалась баржа с дровами, и матросы пошли с авоськами по магазинам. Событие рождается в словах устных или письменных и дальше существует отдельно от прихода баржи. Так вот мы, обсуждая, рождали события трех веселых дней в апрельской Одессе.

Евгений Ланской поставил «Записки сумасшедшего» во дворе дома номер восемь по спуску Жанны Лябурб. Сами смотрели, сами играли, сами радовались, когда жильцы, выйдя на внутренний балкон, вступали в дискуссию с Гоголем.

Купили у рыбаков в селе Маяки ванну раков и четырех лещей. Вернулись в Одессу – и выяснили, что денег на пиво не осталось. Отправили на Привоз очаровательную Клавдию Н. в белых джинсах и блузке. По демпинговым ценам она сбыла рыбу. Купили водку – и опять остались без пива. Тут появился Жванецкий, купил пива. За час выпили пиво и съели раков. Всех. Жванецкий был удивлен.

Посадили в старый, раскрашенный гуашью «Запорожец» двенадцать прелестных женщин. И ездили по Одессе в надежде, что нас остановит милиционер. Далее из милой консервной банки выползла дюжина барышень, и гаишник был готов платить сам, лишь бы его отпустили...

Рождались подробности, более правдоподобные, чем факты невероятной жизни. Все были веселы и раскованны, а между тем в подсознании, словно моль, которую надлежало бы, но не удается прихлопнуть, порхала мысль: ну где же Харечко? Точнее, где «Абу-Симбл»?

Дверь отворилась, и лучезарная, обаятельнейшая улыбка Славы осветила (так, кажется, надо писать) комнату.

– А бутылочка-то вдребезги!

Что бы сделали с тобой, со мной и со всеми остальными, кроме Славы Харечко? Убили бы друзья. Убили – и были бы оправданы. А тут:

– Как это было, Славик?

И дальше весь вечер шел спектакль о пути в магазин, об очереди, о продавщице, считавшей мелочь, об «Абу-Симбле» и Египте, об авоське, о кульминации: как куча алкашей с завистью прослеживала путь бутылки с прилавка в авоську, о том, как скользила бутылка до дна авоськи, как в дне нашлась дырка диаметром несколько больше, чем два радиуса «Абу-Симбла», и о том, как бутылка вывалилась из авоськи и, удерживаемая на манер телекинеза взглядами сочувствующих (да, сочувствующих – такое это было время), секунд пять висела в воздухе, и как Слава нагнулся, чтобы взять ее с воздуха, но допустил ошибку, не подставив ладонь под доньшко, а пытаясь схватить бутылку за горлышко, а продавщица перед этим отпускала населению коровье масло руками, и горлышко оказалось скользким, о том, как «Абу-Симбл» выскользнул из харечкинской пятерни и несколько мгновений постоял на каменном полу, прежде чем развалиться на четыре (по частям света) осколка, о соболезнованиях, которые он принял, и о поминках бутылки, которые устроили в подворотне его новые друзья из магазина...

Дальше... Вечером мы вышли на улицу, и на углу Пушкинской и Дерибасовской нам с

Харечко пришла хорошая идея: съехать на лыжах с Потемкинской лестницы. Ехать должен был Слава – у него и лыжи были, поскольку в Одессу он прилетел с Чегета. Вера, его жена, сочла этот аргумент недостаточным.

– А почему ты сам не поедешь? Славик, я тебе не разрешаю.

Веру – белокурую красавицу – Харечко взял из Одессы со всеми достоинствами. Она была добра, весела и хорошо готовила. Единственный недостаток Верунчика – наивность – делал ее легкой добычей для розыгрышей.

Однажды, переживая за судьбу Штирлица, она сидела с платком в руках (на случай переживаний) и следила, как небывалый разведчик ведет сложную игру с опытным провокатором, которого играл Лев Дуров. Этот дуровский герой заложил порядочного пастора и отправился гулять вдоль озера со Штирлицем. Штирлиц передал ему пачку немецких марок, а затем незаметно застрелил негодяя. Негодяй упал в воду и утонул.

– А деньги? Деньги?! Зачем он дал ему деньги перед этим?...

Итак, Верунчик не разрешила Славике ехать.

– Видишь ли, Вера, – сказал я, – мы с Харечко поспорили на двадцать пять рублей, что он не съедет с Потемкинской лестницы на лыжах. Давай четвертак – и мы забыли разговор.

– А если съедет?

– Тогда плачу я.

– А деньги у тебя есть?

– Есть, – соврал я.

– Надо ехать, Славка!

На следующий день у Дюка собралась толпа. Павел Верников (ныне профессор трех европейских консерваторий) позвал из школы имени Столярского скрипачей, чтобы играли грустное. Слава надел очки, взял палки и поехал.

Уточкин в начале века съехал с лестницы на мотоцикле. И мы вспоминаем это событие как геройство и лихость.

Харечко весело съехал на лыжах, что было много сложнее и опаснее, дегероизировав подвиг знаменитого летчика. Просто стало ясно, что это не поступок, а одна из симпатичных затей, без которых жизнь тускнеет и теряет цвет.

Славик ушел из нашего мира совсем молодым. Погиб в машине, которая ехала по ровному шоссе.

Это было уже давно. Мы, его друзья, заметили, что с ним ушла яркая и веселая краска. А легенды о песнях, остроумных проделках и розыгрышах одного из самых знаменитых капитанов того КВН продолжают обрастать небывалыми подробностями. Ну я-то как раз ничего не наврал...

Журнал «Магазин», № 3, 1992

Зиновий Гердт

Послушайте, граждане, дамы, мужчины...

Послушайте, граждане, дамы, мужчины,

Мы выложим свой аргумент:

Какие быть могут еще Юморины

В такой напряженный момент?!

В то время как целый народ в Ламцедроне
Военщине рвет потроха,
Они в филармонии сидят как на троне,
И все им хи-хи да ха-ха.

В погоне за мелким дешевым успехом,
Не чувствуя всей глубины,
Кой-кто кое-где предложили День смеха
Устроить в масштабе страны.

Но чтобы поставить Бобруйск иль Палангу
С Одессой в сравнительный ряд,
Для этого мало прикинуться шлангом,
Как в Бонне порой говорят...

И есть еще люди у нас на примете —
Кой-кто, иногда, кое-где,
Готовые петь и смеяться как дети
В упорной борьбе и труде.

И есть еще типы в Советском Союзе,
Немало таких развелось, —
Их даже любимец народа пан Зюзя
Порою смешит не до слез.

В Москве Юморинам не светятся сроки,
Их нет, слава Богу, пока.
Там юмор сочится пока Самотекой,
Там нет, одним словом, толчка.

А если вам хочется острого слова,
Когда вам сатира нужна, —
Ходите тогда на Бориса Брунова:
Порядок, покой, тишина...

Сидите у телеков и не моргая
Зарю замыкайте зарей,
И вам за прилежность Муслим Магомаев
Махнет на прощанье ноздрей.

1 апреля 1976

Подвиг таксиста

Это случилось ночью. Точнее, днем. Люди мирно гуляли по Потемкинской лестнице в Одессе, ни о чем не подозревая. Вдруг из-за Дюка выскочил горбатый «Запорожец» и поехал вниз по лестнице.

Прохожие оцепенели. Фонтаны замолкли. В тишине было слышно, как бьется о карбюратор сердце водителя.

Его звали Ефим Выдомский. Он работал таксистом, но никогда никого не давил без причины. Выдомский любил справедливость и работал внештатным корреспондентом «Антилопы-Гну» – сатирического отдела «Вечерней Одессы». На гонорары за фельетоны он купил «Запорожец». И вот теперь ему предстояло совершить беспримерный подвиг во славу одесской «Юморины».

Вот уже пройдена половина лестницы. Машина кряхтела, но лезла вперед – в смысле вниз. А там, нехорошо улыбаясь, смельчака уже ждали работники ГАИ. Они хотели забрать у Выдомского права, а у «Запорожца» – бампер.

Однако восторженная толпа подхватила Фиму и понесла его на руках вместе с машиной.

И все-таки советская власть не простила храбрецу его дерзкой выходки. Начались придирки: почему, мол, поехал на красный свет, зачем, дескать, не дал сдачи с десяти копеек...

Тогда Ефим Выдомский сел на свой горбатый «Запорожец» и уехал в Америку. Теперь он трудится таксистом в Манхэттене.

Будете в Нью-Йорке – сядьте в его такси. Ефим Выдомский покажет вам такое, что не захочется выходить из машины. Некоторые сидят там до сих пор. Вот.

Георгий Голубенко, Леонид Сущенко, Валерий Хаит

Утро в одесском дворе

Сцена из пьесы «Старые дома»

Действующие лица

Мария Ивановна – председатель домового совета. Пользуется во дворе огромным авторитетом, хотя совершенно этим не пользуется.

Захар Алексеевич – старый моряк. 60 лет отдал морю и уже почти столько же воспоминаниям.

Тимофей Кузьмич – старый сапожник. По совместительству немножко философ.

Эрнест Борисович – бывший актер. Боец культурного фронта в запасе.

Елизавета Семеновна – его жена и поклонница.

Лена Остапчук – женщина 35 лет. Просто жена и мать.

Сеня Остапчук – ее муж. Специальность – футболист.

Стасик Остапчук – их сын. В будущем гениальный скрипач. Пока же готов заниматься чем угодно, только не музыкой.

Андрей – сын Марии Ивановны.

Почтальон – лицо эпизодическое. Как и все почтальоны.

Лена. Стасик! Шесть часов! Все дети уже давно со скрипкой!

Стасик (*из комнаты, недовольно*). Ой!..

Лена. Никаких «ой»! Играй!.. Учти – я на базаре, но я все слышу!..

Звучат гаммы. Лена уходит. Выходит Захар Алексеевич.

Захар Алексеевич. Стасик, неужели тебе не надоела эта музыка?!

Стасик. Мама говорит, что быть скрипачом – это так красиво!

Захар Алексеевич. Лучше бы ты был дирижером, Стасик. Это не только красиво, но и не слышно... (*Во двор входит почтальон. Стучит в окно. Открывается окно на противоположной стороне двора.*) Кто там?!

Почтальон. Это Остапчук телеграмма. Есть у них кто-нибудь?

Захар Алексеевич. Она ушла на базар.

Почтальон. А вы не можете передать?

Захар Алексеевич. Ну, если я пойду на базар!..

Открывается еще одно окно.

Мария Ивановна (*появляясь в окне*). Захар Алексеевич, я вас очень прошу! Вы идете на базар, если увидите недорогую сливу, возьмите мне килограммов пятнадцать на варенье!..

Захар Алексеевич. Да куда я не иду! Тут Лене телеграмма.

Открывается еще одно окно.

Эрнест Борисович (*появляясь в окне*). От Сени?! Что он пишет? Девушка, прочтите, я передам!

Почтальон (*читает*). «Ленок, мы в Бразилии. Чудная страна. Есть сандалии на Стасика. Думаю взять. Целую, Сеня».

Открывается еще одно окно.

Елизавета Семеновна. Нет, как вам нравится, он еще думает! Конечно, брать! Если не подойдут Стасику, я возьму себе... Девушка, какой там размер?

Почтальон. Я не знаю.

Елизавета Семеновна. Ну все равно. Скажите ему – пусть берет.

Почтальон. Ничего я не буду говорить! Вот – оставляю телеграмму и ухожу. *(Уходит.)*

Появляется сапожник Тимофей Кузьмич.

Тимофей Кузьмич. Доброе утро! Тут кто-то сандалии приносил?

Эрнест Борисович. Да нет. Это их Сеня видел где-то за границей.

Тимофей Кузьмич. А-а-а... Это, наверное, такие желтые с дырочками. Мне они не нравятся.

Елизавета Семеновна. А вы где их видели? У нас в магазине?!

Тимофей Кузьмич. Да нет, на руках. Ничего особенного.

Елизавета Семеновна. Ну, не знаю, как на руках, а на ноге они смотрятся прилично.

Сапожник начинает работать. Стучит молотком. Выходит Мария Ивановна.

Мария Ивановна. Тише! Тише!.. Вы мне Андрея разбудите!

Елизавета Семеновна. Он что, вчера поздно лег?

Мария Ивановна. Я даже не видела, когда он пришел!

Захар Алексеевич. Я видел. Он пришел в семь минут седьмого.

Мария Ивановна. Да?! Ну и как она выглядит?

Захар Алексеевич. Откуда я знаю? Что я, за ними следил? Прошел два квартала, устал и вернулся... Черненькая такая...

Елизавета Семеновна. Черненькая?... Неужели опять Лора?!

Мария Ивановна. О чем вы говорите! С Лорой у нас давно покончено!

Эрнест Борисович. Может быть, Зоя?

Захар Алексеевич. Нет, что я, Зою не знаю?! По-моему, это какая-то новенькая.

Мария Ивановна. Только новенькой нам не хватало!.. Захар Алексеевич, скажите откровенно: какого вы о ней мнения?

Захар Алексеевич. Ну, если говорить откровенно...

Появляется Андрей. Захар Алексеевич его не видит, а все видят и очень боятся, как бы Захар Алексеевич в его присутствии чего-нибудь об этой девушке вдруг случайно не сказал. Мешают.

Елизавета Семеновна. Безобразие!.. Нам опять отключили воду!..

Тимофей Кузьмич. Отключили? А что же это я целую ночь вычерпывал?!

Эрнест Борисович. Это у нас холодильник тает!.. Света тоже нет!

Тимофей Кузьмич *(указывая на балкон, на котором стоит Андрей)*. При чем здесь свет?! Посмотрите на этот балкон! Им разве можно пользоваться?! Такие балконы падают как бутерброд – человеком вниз!

Мария Ивановна. Они ругают дом... Как будто он виноват в том, что он старый!.. Ну хорошо, я пойду в жэк требовать ремонта. Мне опять скажут: «Ждите своей очереди. Нам сейчас не до старых домов, мы не успеваем ремонтировать новые!..»

Андрей. Доброе утро, мама! Ты чем-то расстроена?

Мария Ивановна. Андрей, ты от нас что-то скрываешь!

Андрей. Мама, ну что можно скрыть в нашем доме?!

Мария Ивановна. Кто эта девушка?

Андрей. Какая девушка?

Мария Ивановна. С которой Захар Алексеевич встретился сегодня ночью!

Андрей. Наверно, девушка Захара Алексеевича?!

Мария Ивановна. Перестань!.. Когда ты нам ее покажешь?!

Андрей. Никогда!

Мария Ивановна. Хорошо! Маме можешь ее не показывать! Но самым близким тебе людям – соседям?! Тебя что, уже не интересует их мнение?!

Андрей. Их мнение уже ничего не изменит! Я на ней женюсь!

Мария Ивановна. Послушайте, что он говорит!!!

Елизавета Семеновна. Подождите! Может быть, ребенок не хотел! Может быть, его научили хулиганы!

Тимофей Кузьмич. Что теперь кричать? Видимо, мы что-то упустили в его воспитании...

Елизавета Семеновна. Бедная Мария Ивановна! Разве он понимает, что лучше мамы он себе никого не найдет?!

Эрнест Борисович. Бедный Андрей! Ему скоро тридцать. Мальчику в этом возрасте уже пора любить не только маму.

Елизавета Семеновна. Да-да, Эрнест! Ты как всегда прав! Мы должны немедленно найти ему невесту!

Эрнест Борисович. Мы?! А почему бы не сделать это тебе самой?

Елизавета Семеновна. А что?... Вот я знала здесь одну... Красавица!.. Она бы Андрею действительно подошла!..

Эрнест Борисович. Так в чем же дело?

Елизавета Семеновна. Дело в том, что я не знаю, жива ли она еще...

Появляется Лена с сумками, она вернулась с базара.

Лена. Что случилось? Почему Стасик не играет?!

Елизавета Семеновна. Лена, ты как раз вовремя. Здесь такое творится!

Лена. Он сломал руку? Скрипку?! Что он сломал?!

Елизавета Семеновна. При чем здесь Стасик? Наш Андрей только что чуть-чуть не женился!

Лена. Как! Не подождав, пока я вернусь с базара?! Стасик, почему ты не играешь?!

Стасик. Я тоже хочу посмотреть на невесту Андрея!

Лена. Тебе еще рано смотреть на такие вещи!

Эрнест Борисович. Лена, тебе телеграмма!

Лена. Боже мой, что с Сеней?!

Захар Алексеевич. Не волнуйся, мы все читали. Что с Сеней – неизвестно, но из Бразилии прислали его сандалии...

Лена. Ой, мне нехорошо!.. *(Падает в обморок.)*

Тимофей Кузьмич. Лена, успокойся! Ничего с твоим Сеней не произошло! Просто в Бразилии выбросили сандалии на Стасика. Так он спрашивает, брать или не брать!..

Лена. Его волнуют сандалии! Как будто они могут заменить ребенку отца!.. И вообще, разве он отец?! Он футболист! Вечно в разъездах! Ну скажите, какой пример может брать ребенок с отца, которого видит один раз в месяц по телевизору, и то в трусах?!

Елизавета Семеновна. Лена, главное, чтобы муж не пил! А там в трусах он или в телевизоре – какая разница?!

Лена. Елизавета Семеновна! Я вам так с Эрнестом Борисовичем завидую! Вы всегда вместе, а я еще молодая и всегда одна!..

Стасик. Мама, а я?!

Лена. Играй, это тебя не касается!

Елизавета Семеновна. Лена, мой Эрнест тоже был вечно занят. Он был руководящим работником. Тридцать лет руководил драмкружком!.. Что делать! Искусство забирает у человека всю жизнь!..

Лена. А футбол – всю молодость!..

Найдено в капустнике

Хроника Гало-театра

На занавесе самого знаменитого в России театра нарисована чайка. Мы решили не отставать и создали свой театр, на занавесе которого тоже птица. Точнее – птичка. А еще точнее – галочка. Эта эмблема означает только одно: все, что ни делается в этом театре, делается исключительно для нее. То есть для «галочки»...

Предлагаем вниманию читателей хронику жизни этого культурного учреждения...

1

В свое время большие споры вызвал проект здания для Гало-театра. Вариант зрительного зала на 50 мест был отвергнут по причине чрезмерной камерности. На 5 тысяч – по причине чрезмерной масштабности. Наконец остановились на варианте здания вообще без зрительного зала. Он, во-первых, решал проблему зрителя (нет зрителя – нет проблем!), а во-вторых – проблему сохранения казенного имущества: кресел (на складе) и занавеса (не нужно гонять туда-сюда!).

Однако по трезвом размышлении (на следующее утро) пришли к выводу о преждевременности столь смелых начинаний и решили оставить в театре несколько мест (в том числе и спальных).

2

Известно, что все театры начинаются с вешалки. Но в Гало-театре все-таки большим уважением пользуется Главный режиссер.

Это видный из себя теоретик и практик гало-культуры, который вот уже многие годы, как бы отвечая на книгу К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», втайне пишет свою под названием «Одним искусством не проживешь!».

Предлагаем вашему вниманию некоторые главы из этого труда.

Из книги «Одним искусством не проживешь!»

Глава 327. О сути оваций

...Думаю, что актерам все же следует выходить кланяться не после окончания спектакля, а перед его началом. Да, мы знаем, что в старину представление артистов, сопровождавшееся овацией, происходило в конце спектакля. Но поскольку сегодня у нас уже нет уверенности, что все присутствующие в зале дождутся этого момента, предлагаю начинать именно с него.

К тому же бурная овация в наши дни, как известно, уже мало связана с тем, что происходит непосредственно на сцене, и является скорее данью доброй традиции, первоначальный смысл которой становится все более и более непонятным.

Овация же в начале спектакля представляется нам значительно более разумной, поскольку полный сил зритель, еще не утомленный увиденным, может отдаться этому ритуалу с гораздо большим энтузиазмом, столь характерным для наших дней...

Глава 639. Четвероногий враг артиста

Много лет размышлял о том, как бороться на театре с котами. И действительно: как бы ни рекомендована была пьеса, как бы ни гениален был замысел режиссера, как бы ни эпохален был спектакль, – стоит выйти на сцену какому-нибудь коту, как все это тут же, извините, летит ему под хвост. Ибо переиграть на сцене кота, а тем более кошку практически невозможно!..

Где же выход?

А вот.

Дабы избежать появления на сцене кота или кошки, привлекающих к себе, как известно, все внимание зрителя, предлагаю во время спектакля постоянно держать на сцене собаку...

А теперь разрешите представить вам Директора Гало-театра. Это бывший крупный хозяйственник средней руки, брошенный на культуру в связи с острой необходимостью улучшения работы на предприятии, которым он прежде руководил.

Первое время Директор присматривался к новому участку работы, пытаясь найти черты, отличающие его от старого. Но не нашел. Вот случай из его повседневной деятельности...

Кабинет директора театра. За столом директор. Врывается посетитель с чемоданом.

Посетитель. Вы директор театра?

Директор. Я.

Посетитель. Очень приятно! Значит, я к вам!

Директор. Слушаю вас. Что вам нужно?

Посетитель. Значит, мне нужно... *(Смотрит бумаги.)* Трубы стальные диаметром сто миллиметров, которые вы выпускаете.

Директор. Мы выпускаем?

Посетитель. Да. Две тонны.

Директор. О чем вы говорите? У нас театр!

Посетитель. Я знаю.

Директор. Мы выпускаем спектакли!

Посетитель *(скептически)*. Я видел...

Директор. При чем же здесь трубы?

Посетитель. Как при чем?! Вы играете спектакль «Труба зовет!»?

Директор. Играем. Ну и что?

Посетитель. А вот рецензия... На вас написана? *(Дает газету.)*

Директор *(читает)*. «Большая победа мастеров сцены»... *(С гордостью.)* О нас!

Посетитель. Вы дальше, дальше читайте! Вот здесь! *(Показывает.)*

Директор *(читает)*. «...Артистам театра удалось так реалистично показать процесс производства труб, что вполне естественным завершением спектакля является выпуск их прямо на сцене, причем отличного качества и в широком ассортименте».

Посетитель. Вот за этими трубами я и приехал! Подпишите, а?... *(Дает бумаги.)*

Директор. Да поймите! У нас областной драматический театр!

Посетитель. Ну и что?

Директор. А то, что в первую очередь мы обязаны обеспечивать трубами нашу область!..

Посетитель *(умоляюще)*. Но войдите в мое положение! Я так намучился! Я ехал в такую даль! Я ночевал на вокзалах! Я смотрел ваши спектакли!..

Директор. А вы войдите в мое! Мы играем эту пьесу всего два раза в месяц, а заявок на трубы – вот, целая кипа!..

Посетитель. Так играйте чаще!

Директор. Хм-м... Вы что же, милейший, думаете, наш театр только трубы выпускает? ... Вот репертуар, пожалуйста: пьеса о строительстве – значит, дай бетон! На сельскохозяйственную тематику – это вообще давай и давай! И тут вы со своими трубами! Нет их у меня!..

Посетитель. Но поймите!..

Раздается телефонный звонок.

Директор. Извините! *(Снимает трубку.)* Слушаю вас!..

Высвечивается площадка, на которой стоит человек в комбинезоне и в каске с телефонной трубкой в руке.

Человек. Але!.. Сцена беспокоит!

Директор. Ты, Николай Федорович? Ну что там у тебя?!

Человек. Беда, Василий Игнатьевич! Конвейер встал!

Директор. Как? Прямо во время спектакля?!

Человек. Да в том-то и дело! Только в образ вошли, а тут шестеренка – хрясь! У меня над ухом – вжик! И прямо в зрительный зал! Хорошо еще, что там никого, а то бы жертвы были!..

Директор. Ты, Федорыч, вот что! Ты мне эти страхи не рассказывай! Ты лучше скажи, что предпринимаете конкретно?!

Человек. Конкретно ничего не предпринимает. Сидим на сцене, курим...

Директор. Да у вас там что, шестеренку заменить некому?! Вы же там все заслуженные-перезаслуженные, по триста рублей в месяц заколачиваете!.. В общем, так: что хочешь делай, но чтоб к концу спектакля продукция была! Хоть до утра играйте! У меня все!.. *(Кладет трубку. Посетителю.)* А вы говорите – трубы! Разве с такими артистами у нас могут быть трубы?!

Посетитель. А завпост говорил, что есть... Подпишите, а?... *(Протягивает бумаги.)*

Директор. Ох, и что же это за организация там у вас такая, которая без наших труб обойтись не может?... *(Читает бумаги, оживляясь.)* Ага! Тоже театр и тоже областной?! Родственное предприятие, значит?...

Посетитель. Ну конечно!

Директор. И зачем же вам трубы?

Посетитель. Так спектакль же ставим про нефтяников! Понимаете?... Стали скважину бурить прямо на сцене... ну и забурились! Премьера на носу, а труб не хватает!.. Подпишите!..

Директор. Ой, я не знаю... Осталось у нас где-то тонн пять после генералки...

Посетитель. Да вы не сомневайтесь! Мы со своей стороны тоже чем-нибудь поможем!..

Директор. Чем? Нефтью?!

Посетитель. Ну почему только нефтью?! У нас, между прочим, тоже репертуар будь здоров! Вот недавно «Вишневый сад» выпустили!

Директор. А что это, что это? Не слышал.

Посетитель. Да гарнитуры такие. Из вишни. Мы, значит, там в спектакле сад рубим и мебель делаем. Не пожалеете!.. Там шкаф, я вам скажу, особенно нашими покупателями высокоуважаемый!..

Директор. Так вот с этого нужно было и начинать! *(Подписывает бумаги.)*

Доска приказов и объявлений Гало-театра

Приказ № 16 от 14.3.84

§ 1. В связи с ожидаемым приходом на спектакль известного театрального критика приказываю 16.3 с. г. играть данный спектакль не только в костюмах и в декорациях, но и со словами.

§ 2. 18.3 с. г. открыть в театре Малую сцену. 19-го произвести там инвентаризацию, 20-го – закрыть.

§ 3. Категорически запретить:

суфлеру театра т. Седых И. И. вместо текста классических произведений подсказывать актерам реплики из пьес собственного сочинения;

машинисту сцены тов. Хомяку В. П. во время спектакля катать на поворотном круге знакомых девушек.

§ 4. Перевести по возрасту артиста Параконова В. Г. из амплуа героя-любовника в любовники-наставники.

§ 5. Завпоста Киреева Л. Г. и его помощников Кирюшина М. Н. и Кирьянова С. И. из театра уволить. Основание: превратное истолкование термина «пропитка декораций».

§ 6. Артиста Степанова А. Я., не вернувшегося в положенный срок с киносъемок, считать киноартистом.

§ 7. Актрисе Евсеевой Н. И., исполняющей главную роль в современной производственной комедии «Болваночка», несмотря на похвальное желание хоть как-то рассмешить публику, категорически запретить произносить вместо фразы «Полюбила я тебя, Захар, за твои золотые руки» фразу «Полюбила я тебя, Зураб, за твои золотые зубы».

Подпись: Директор.

4

Думали в Гало-театре и о подрастающем поколении. Думали довольно долго... И наконец придумали: «Все лучшее – детям!»

Претворяя в жизнь этот благородный девиз, коллектив Гало-театра поставил перед собой задачу познакомить детей с лучшими образцами мировой драматургии для взрослых.

Так в недрах репертуарного портфеля театра возникла написанная по мотивам знаменитой пьесы А. Гельмана «Премия» (в ней шла речь о вопиющем для тех времен факте: бригада строителей отказалась от премии) детская, проблемная, глубоко психологическая производственная драма под названием

Добавка

Действие происходит в передовом детском саду в конце 70-х. Кабинет заведующей детским садом.

Заведующая (нажимая на клавишу селектора). Мария Ивановна, гуляйте младшую группу! Как спит старшая группа?... Вы что, с ума сошли?! Конец квартала, у нас двести часов недоспано! Всем спать! Заснете – доложите!

Вбегает повариха, в руках у нее ведро.

Повариха. Валентина Филипповна, у вас есть валидол?

Заведующая. Есть.

Повариха. Вот вы его и глотайте!

Заведующая. А что случилось?

Повариха. У нас ЧП. Старшая группа отказалась от добавки!

Заведующая (*в ужасе*). Не может быть!

Повариха. Вот ведро манной каши. Я хотела разлить, а они встали и ушли. И первым – Потапов.

Заведующая. Может быть, они были сыты?

Повариха. О чем вы говорите?! Наши обычные порции!

Заведующая. Так, может быть, каша была просто невкусная?

Повариха (*возмущенно*). Как это наша каша может быть невкусная! У меня ее каждый день вся семья лопают, за уши не оторвешь! И дочкины, слава Богу, вот такие растут! А эти! Вот молодежь пошла!

Заведующая. Ну ладно, разберемся... Собирайте людей. Старшую медсестру, уборщицу, воспитательницу, главного зачинщика... И кого-нибудь из детей, кто мог бы олицетворять наш эталон упитанного ребенка. (*Все собираются.*) Стенографируйте!.. Товарищи, вы все, наверно, слышали, что в нашем деткомбинате «Светлячок» произошло ЧП. Старшая группа, предводительствуемая Потаповым, отказалась от добавки. Но прежде чем перейти к обсуждению этого безобразного случая, я хотела бы напомнить собравшимся, что коллектив нашего прославленного «Светлячка» вот уже пятый год держит переходящий торт, учрежденный районо и санэпидстанцией! Из наших стен вышли такие выдающиеся дети, как Коленька Петров – победитель межрайонного смотра коротких детских надписей на заборе! Коллектив нашего «Светлячка» первым в отрасли выступил инициатором почина по замене маркировки детских шкафчиков, заменив традиционные вишенки и яблочки на прогрессивные огурчики и помидорчики! А наш тихий час – самый мертвый в области! Да, нам есть чем гордиться! И вдруг – такая неприятность!.. Прошу высказываться.

Уборщица. Разрешите мне... Я человек простой, прямо от швабры. Бабка моя мыла пол, мать мыла и я мою. Так вот я хочу спросить: сколько можно сорить?!

Заведующая. Гм-м... Спасибо, Марья Степановна... Кто еще хочет выступить, товарищи?

Повариха. А чего тут говорить! Пусть Потапов сам расскажет, как их угораздило от нашей каши отказаться.

Потапов. Я не о себе скажу. Мне много не надо. Я о людях хочу сказать. Вот вы говорите, тетя Нина, экономия. Это по-васему, по-взрослому, экономия, а по-нашему, по-ребячьему, это называется... это... хищение общественного продукта!.. Ну съедим мы сегодня эту добавку, завтра съедим, а послезавтра сто кусать будем?... Мы с ребятами так считаем: если основная порция по калорийности будет соответствовать стандарту, тогда и добавки не потребуется! А сто мы на сегодняшний день видим в нашей ребячьей тарелке? Недолив, недосып, недовес!

Воспитательница. Это ложь! Клевета! Вот такое пятно на весь коллектив! (*Показывает, какое пятно.*)

Потапов. Спокойненько! Вот тут у меня тетрадоцка имеется... Сам я, извините,

неграмотный, но нужда заставила, и пришлось... Мы тут кое-сто прикинули с ребятами в обед... Интересно получается.

Заведующая. А ну разреши-ка полюбопытствовать...

Все склоняются над тетрадкой.

Повариха. Нет, товарищи, как вам нравится! Еще молоко на губах не обсохло, а он уже его жирность меряет!

Воспитательница. Научили на свою голову!

Заведующая. А мне все-таки непонятно, откуда он мог взять эти цифры, эти, в сущности, закрытые данные?... А ну, позовите калькулятора. *(Входит женщина.)* Катерина Дмитриевна, тут по вашей части. Посмотрите-ка эти каракули, может, вы что-нибудь поймете?

Калькулятор. А чего смотреть? Это ж я и писала...

Заведующая. Вы?... Но зачем?!

Калькулятор *(всхлипнув)*. Жалко их стало... Пришли ко мне... Этот худющий – аж светится. И с ним еще такие же. Посчитайте нам, говорят, тетя Катя, выход круп и жиров на одного человекоробенка, а то что-то кушать хочется.

Упитанный мальчик *(эталон «Светлячка»)*. А я вообще не понимаю, как можно отказываться, когда дают?! Положено – дай! А не положено – сам возьму тарелку и положу!

Голос из окна. Федя! Федя!

Потапов. Цего тебе?

Голос. Наши кушать начали!

Потапов. Не мозет быть!

Повариха. Ну вот все и в порядке! Я знала, что не выдержат! Дети – они и есть дети. Поешь, Феденька!

Потапов. Нет!

Воспитательница. Подумай о себе! Посмотри, какой ты зеленый! Ты ж растешь. Тебе сейчас кушать надо, а не правду искать.

Потапов. А как же моя ребячья совесть?!

Заведующая. Нет, товарищи, я вижу, это серьезный симптом! И мне кажется, что я как честный воспитатель после такого случая не могу оставаться заведующей вверенного мне «Светлячка». Как ты считаешь, Федя?

Потапов. Не можете, тетя!

Заведующая хочет уйти.

Голоса. Нет! Нет! Мы вас так не отпустим! Вместе заварили эту кашу, вместе и расхлебывать!

Вбегает раздатчица.

Раздатчица *(торжественно)*. Валентина Филипповна! Разрешите сообщить. Коллектив кухни добился новой трудовой победы. Благодаря прогрессивной технологии варки за сегодняшний день удалось сэкономить пять килограммов вермишели!

Заведующая (с гордостью). Вот, товарищи! Вот как мы работаем! (Потанову с укоризной.) А ты... Эх... (Машет рукой. Раздатчице.) Спасибо!..

Раздатчица. Пожалуйста! (Деловито.) Так я зашла спросить: вы свой килограмм сами заберете – или мне его вам в кабинет занести?...

Немая сцена.

Доска приказов и объявлений Гало-театра

Приказ № 17 от 3.5.84

В связи с проведением в Гало-театре смотра творческой молодежи, дирекция рассмотрела жалобы молодых актеров на недостаточную загруженность в театральном процессе. Считая впредь такое положение недопустимым, приказываю:

1. В период проведения смотра все звонки перед началом спектаклей, включая третий (самый ответственный), давать только силами творческой молодежи.

2. В плане подготовки самостоятельных работ поручить молодежи театра провести Шестую всетеатральную перепись номерков в гардеробе самостоятельно.

3. Доверить молодым на этот период и другие важнейшие участки работы. А для начала – работу на участке директора театра в садово-дачном кооперативе работников искусства «Доходное место».

Подпись: Директор.

Продолжая размышлять о жизни Гало-театра, мы можем смело сказать, что была она не только многогранной, но и разносторонней.

А если что и омрачало ее порой – так это досадная необходимость ставить спектакли.

И родилась Мечта! Вот бы поставить такой спектакль, который позволил бы коллективу театра уже больше никогда ничего не ставить! Другими словами, создать такое, как говорится, произведение искусства, чтобы его можно было показывать когда угодно, где угодно и кому угодно! Даже зрителям!

Прекрасная мечта! И, на первый взгляд, неосуществимая.

Но настал День, и вошел в кабинет Главного режиссера человек, от которого никто уж точно не ожидал никаких осмысленных предложений по части репертуара, то есть Завлит, и ликующе объявил: «Есть!» – «А не рано ли есть? – спросил Главный, посмотрев на часы. – Ведь только что завтракали!..» – «Я о другом! Пьеса есть! – сказал Завлит и положил на стол увесистую папку. – Вот! Современно, смело, безопасно! На все случаи жизни! Можете ставить, не читая!..» – «Что, и герой положительный?» – с робкой надеждой спросил Главный. «Более чем положительный! – ответил Завлит. – Что на работе, что в быту!.. Можно сказать, дважды герой нашего времени!..» – «А называется как?» – «Отлично называется!» – заверил Завлит и торжественно раскрыл перед Режиссером папку. На

титульном листе значилось: «ЛИПА ВЕКОВАЯ»...

А теперь несколько слов о создателе этой «Липы».

Автор Гало-театра. Известен своей широкой известностью. Впрочем, предоставим слово тем, кто знает его лучше других: жене Автора, самому Автору и районному врачу-психиатру.

Жена. Являясь на протяжении многих лет (в разное время, разумеется) супругой многих драматургов и режиссеров, я как театральная критик всегда видела свою задачу не только в обучении их слову «амбивалентный», но в первую очередь в популяризации их творчества. Имея возможность сравнивать этих людей (как творческих личностей, разумеется), могу сказать, что данный муж (драматург) является хорошим семьянином, прекрасно владеющим формой, активным общественником, мастером современной интриги.

Не буду говорить о своем вкладе в его творчество, о нем скажут потомки. Кстати, у нас их двое – мальчик и девочка... Скажу одно: знакомя данного автора (мужа) с произведениями других современных драматургов, я каждый раз видела, как жадно он впитывал каждое слово, сцену, а иногда даже целое действие. Но самое поразительное, что потом все это выходило из-под его пера таким ни на что не похожим, каким может быть только уже совсем гениальное произведение искусства. Так создавалась и «Липа вековая»...

Автор. От себя могу добавить, что были у меня в работе и трудности. Например, с главным героем. Правда, тут уже не по моей вине!.. Просто ввиду отсутствия у наших современных драматургов положительного героя, так сказать, нужной степени положительности мне пришлось брать его чуть ли не из головы...

Врач-психиатр. Ну что я могу сказать о своем пациенте?... Всякий талант есть отклонение от нормы. Но такого отклонения от нормы не знал еще ни один талант!..

А теперь, дорогие читатели, пришла пора познакомить вас с последним произведением нашего Автора.

Липа вековая

Гало-драма в трех действиях по мотивам современных драм

Действие первое

На сцене уходящая вдаль перспектива неперспективной деревни Липовки. На переднем плане у полуразвалившейся курной избы работы неизвестных мастеров XVI века сидит древняя мудрая старуха Варфоломеевна. Она вяжет лыко. Рядом – еще более древний и мудрый старик по прозвищу Пунктик. Он лыка не вяжет. Они беседуют.

Варфоломеевна. Все я, Пунктик, своим умом превзошла. Все тайны мне окрест открылись. Только две вещи для меня непостижимые есть: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне.

Пунктик. Так это же еще и ентот... Иммануил Кант не постигал!..

Варфоломеевна. Вот ты о Канте заговорил, а я сразу свою старшенького вспомнила – адмирала. У него тоже допрежь канты были. А теперь лампасы... Чтой-то не едет он давно.

Да и другие тоже. И средненький – замминистра, и младшенький – торговый представитель по закупке лицензионных ананасов за рубежом...

Пунктик. А чего им сюды ехать?! Тут же затоплять будут. Вон уже соседние села затопили, райцентр. Не сегодня-завтра, говорят, областной город топить начнут... Одна ты тут сидишь на пути прогресса! Можно сказать, мешаешь всеобщему затоплению... Да пойми ты! Какое дело тормозишь?! Люди океан строят! В нашем районе!..

Варфоломеевна. У, ироды... Океан!.. Нет чтобы водопроводную трубу вовремя залатать!.. Не дам! Не дам затоплять последний памятник крепостному праву! (*Крепко обнимает избу.*)

Слышен шум подъехавшего «Мерседеса». Появляется Валетов – элегантно одетый во все заграничное молодой человек с парикмахерской внешностью.

Валетов. Здравствуйте, бабушка! Я у вас эту дачу купить хочу. Мне ее местоположение очень нравится. Я до вас двенадцать суток по болотам шел и машину «Мерседес» на себе нес... Продайте! Вам она все равно ни к чему, а мы с друзьями тут будем безалкогольные оргии устраивать...

Пунктик. О, смотрите, кто пришел!..

Валетов. Да вы не сомневайтесь! Я вам за вашу избу много денег дам! (*Протягивает Варфоломеевне чемодан с деньгами.*)

Варфоломеевна (*гневно*). Нет у тебя, ирод, таких денег, чтобы я за них свою малую родину продала!..

Валетов. У меня есть! (*Протягивает ей еще один чемодан.*)

Варфоломеевна (*слабея*). Нет!..

Валетов протягивает третий. Варфоломеевна хватается за сердце.

Голос с неба. Держитесь, мама! Я лечу!..

Слышен шум крыльев. У овина приземляется дельтаплан. Из него выходит Николай – младший сын Варфоломеевны по закупке лицензионных ананасов. Валетов с чемоданами прячется.

Варфоломеевна (*оживая*). Соколик мой!.. А что ж это ты не за границей?

Николай. Не могу я там больше, маманя! Приемы, банкеты, отели роскошные!.. Да сколько же может человек из-за каких-то ананасов вот так мучиться?! Все! Буду теперь их тут выращивать!.. Вон на нашу липу привью – и пусть себе колосятся!.. (*Озирая орлиным взором окрестность.*) Земля-то у нас какая!.. Ткнешь палку – и та расцветет! (*Втыкает палку – та расцветает.*) А площадь какие!.. В общем, хватит нам равняться этим самым четырьмя Франциям!.. Пусть теперь они на нас равняются!.. Все четыре!..

Варфоломеевна (*в воодушевлении*). Вот, правильно! И женим мы тебя здесь!..

Слышен шум хорошей музыки. В густых ветвях вековой липы наплывом, как бы материализуясь, возникает заветная мечта всех героев современных драм, по тем или иным причинам оторвавшихся от родной почвы, – Девица-краса – натуральная коса. Девка ладная,

добрая, она все понимает без слов. Но смышенное выражение лица дает основание предполагать, что с годами начнет понимать и слова.

Варфоломеевна. Точно, женим!..

Николай. Я не против!.. Да боюсь, жена не согласится...

Варфоломеевна. Почему?! Как ты на ней женился, она же согласная была!

Николай. Оно-то так... Но с годами люди меняются...

Пунктик. Правильно!.. Это еще и ентот... Гераклит говорил: нельзя, мол, дважды войти в одну и ту же воду!..

Слышен шум воды.

Николай. Это еще что?!

Варфоломеевна. Да это так... Затопят нас, сынок. Не обращай внимания...

Николай (*сразу все поняв*). Не бывать же этому!.. Всё! Еду в Москву!.. Позвольте, маманя, вашим «Мерседесом» воспользоваться?!

Варфоломеевна. Это не мой.

Николай. Ну тогда тем более...

Садится в «Мерседес» и уезжает. Валетов сидит на чемоданах.

Действие второе

Кабинет среднего сына Варфоломеевны – Петра, заместителя министра. Во всю стену – карта, утыканная разноцветными флажками, обозначающими границы затапливаемых министерством территорий.

Петр (*в который раз пытаясь выпроводить Николая*). Но и ты, брат, меня пойми! Помнишь, как в детстве мечтали по океану поплавать?... А тут как раз идея возникла такое сооружение соорудить. Да где же, думаю, как не в наших краях!.. Вот я и предложил в первую очередь Липовку залить... Пусть не мы с тобой, так хоть наши односельчане поплавают!.. Но, с другой стороны, и ты прав! Ананасы для нас сейчас важнее. За ананасами у нас пока еще очереди. А за океаном – нет!.. Так что правильная твоя позиция!.. Матери передай: приеду. Вот, значит, как у вас ананасы на липе начнут цвести, так и заявлюсь!..

Затемнение. Столичная квартира Николая. В прихожей его встречает жена.

Жена (*обнимая Николая*). Пожалел бы ты себя, Эдуард! А то смотри на кого похож стал!..

Николай. На кого?

Жена. На Николая!

Николай. А я и есть Николай!..

Долгая, мучительная для обоих пауза, во время которой жена готовит обед, стирает

белье, вяжет. А муж – обедает, просматривает газеты, скопившиеся в доме за двадцать лет его отсутствия, затем начинает ремонт квартиры.

Николай (*после паузы, заканчивая ремонт*). Об Эдуарде спрашивать не стану... Зачем ворошить прошлое?... (*Берет жену за руку.*) Давай начнем все сначала?...

Жена (*глядя ему в глаза*). Давай!..

Николай. Вот и хорошо!.. Значит, ты с Эдуардом, а у меня тут тоже кое-что намечается...

Целуются.

Действие третье

На сцене снова Липовка. Появляется Человек от театра. Он рассказывает о том, что произошло в деревне за время антракта.

Воспользовавшись отсутствием Николая, вероломный Валетов заманил Девуцу-красу в темный лес и там, напав на беззащитную девушку с ножницами и импортным феном, лишил ее самого дорогого, что у нее было. То есть косы. Деревня в смятении. С одной стороны, все считают, что теперь, как честный парикмахер, он должен на ней жениться. С другой стороны – в деревне никто не знает, бывают ли вообще на свете честные парикмахеры.

Вернувшийся Николай узнает о случившемся, и в его душе поднимается буря, которая перерастает в настоящую. Слышен шум гребных винтов. Появляется Адмирал – старший сын Варфоломеевны.

Варфоломеевна (*не узнавая его*). Степан?! Ты ли это?!

Адмирал. погоди, мать! Тут сперва с более важным вопросом разобраться надо. Беда у меня! Корабль в океане тонет!.. Так вот. Приехал я к тебе за мудрым материнским советом. Как думаешь, спасти нам его или не спасать?...

Пунктик. А чего тут думать? Тут сельсовет собирать надо! Это же его прямое дело – такие вопросы решать!

Варфоломеевна. погоди, Пунктик!.. (*Адмиралу.*) А в каком океане тонет, хоть знаешь?

Адмирал. Дак рапортовали, что в вашем, местном. Северном Липовитом!..

Варфоломеевна. Нет у нас тут никакого океана! Отменили его!

Адмирал. Ты гляди!.. (*Глядит вокруг.*) И вправду отменили!.. А рапортовали, что построили...

Поняв бессмысленность дальнейшего продолжения, буря стихает. Появляются спасенные матросы, тут же демобилизуются и остаются в селе трудиться на липово-ананасных плантациях.

Николай (*обнимая Девуцу-красу – бывшую косу*). Не плачь, милая!.. Без косы я тебя еще больше любить буду!.. А косу мы тебе с полочки новую справим. Еще натуральнее!..

Слышен шум жены Николая.

Жена (*появляясь*). Не могу я без тебя, Коля! Совсем не могу!..

Николай. Почему?...

Жена. Потому что Эдуард пропал!..

В душе героя снова готова подняться буря. Адмирал тревожно поглядывает на барометр. Матросы надевают спасательные жилеты.

Николай (*глядя одним глазом на жену, другим – на невесту*). Что же нам теперь делать?...

Валетов (*появляясь*). Может, постричься интересуетесь?...

Жена (*увидев его*). Эдуард?!

Все целуются: жена с Эдуардом, муж с Девицей, адмирал с матросами. На липах пышно расцветают ананасы. Появляется замминистра Петр, вышедший на пенсию в связи с переходом на другую работу.

Варфоломеевна (*умиленно*). Ну что вам сказать, дети мои?... Любите друг друга!..

Пунктик. Вот это правильно... Это еще и ентот... Шопенгауэр говорил. Своим детям...

Фамилия Шопенгауэр как громом поражает присутствующих. Все застывают на своих местах и в глубоком раздумье жуют липовые ананасы.

ЗАНАВЕС.

6

Под силу Гало-театру были и другие неожиданные поступки. Так, желая помочь зрителям театра разобраться в своих хороших впечатлениях от спектаклей, коллектив принял смелое решение: в театре была заведена «Книга восторженных отзывов».

Вот некоторые из первых записей:

Из «Книги восторженных отзывов» Гало-театра

«Вчера всем стройотрядом были у вас на спектакле. Спасибо за доверие! Если нужно, придем еще! Молодежь всегда там, где трудно!..»

«Никогда не видел ничего подобного! Прекрасный буфет! Отличный зал ожидания! Никаких очередей у кассы!.. Жаль, до перрона далековато, но это мелочи... Словом, огромное спасибо всем работникам нашего вокзала!

Командированный».

«Большое и нужное дело делают работники театрального искусства, выключая во время спектаклей в зале свет!

Петюнин Г. Н., экономист».

«Раньше, до встречи с искусством, я, признаться, выпивал. Но теперь, побывав в вашем театре, а главное – поближе познакомившись с актерами, бросил. Понял, как это ужасно... П. Р-ов».

«Всегда с большой радостью покидаем ваш театр!
Семья Бугровых».

А теперь еще одна тема из жизни нашего храма искусства: «Гало-театр и международные связи».

Вообще говоря, об их недопустимости парторг театра предупреждал всю труппу еще перед поездкой коллектива в Болгарию... Но сейчас не об этом!.. Согласитесь, было бы странным, если бы то, что шло на нашей сцене, рано или поздно не заинтересовало бы западных режиссеров... В конце концов, хоть кого-нибудь это же должно было заинтересовать!..

Взявшийся поставить популярную советскую пьесу английский режиссер перед началом репетиций встретился с нашими журналистами.

Режиссер. Нам, деятелям английского театра, очень бы хотелось понять проблемы вашей жизни. Поэтому нас глубоко заинтересовала весьма проблемная и глубоко жизненная пьеса под названием «Шолом-Алейхема, 40». В ней, как вы помните, идет речь о том, что решение двух молодых людей эмигрировать из страны вызвало в сердцах их родителей бурю негодования и протеста. Крайне неодобрительно отнесся к этому и весь одесский двор, где жила семья.

Сейчас мы пытаемся эту пьесу поставить... Стараясь сделать ее более доступной простому английскому зрителю, мы изменили имена персонажей, перенесли действие в Англию... Да и называется она у нас не «Шолом-Алейхема, 40», а «Чарльза Диккенса, 42». Но тем не менее еще не все в ней нам самим окончательно понятно... А чтобы вам было понятно, что именно нам непонятно, приглашаем вас на репетицию...

Чарльза Диккенса, 42

Обстановка репетиции в английском театре.

Режиссер (*актерам*). Итак, господа, в прошлый раз мы остановились на том, что вернувшиеся домой на рождественские каникулы сыновья миссис Лоуренс – Гарри и Майкл сообщают матери сногсшибательное известие. Сыновья готовы?

Сыновья. Готовы.

Режиссер. Мать готова?

Мать. Готова.

Режиссер. Звучит Биг-Бен! (*Слышен удар гонга.*) Сообщайте!

Гарри. Дорогая мама! Понимая, что наше сообщение может тебя убить, мы ничего не хотели говорить тебе до завтрака. Но сейчас, когда завтрак уже окончен, мы можем сказать тебе правду. Знай же: мы с Майклом решили переехать на постоянное жительство в Россию.

Мать. О-о-о!

Майкл. Да! В Одессу, на Шолом-Алейхема, 40.

Мать. Ну что ж, решили так решили. Счастливого пути, дети.

Режиссер. Стоп! Стоп! Что это вы играете?! Что значит «счастливого пути»?! Вы же слышали: по пьесе это сообщение должно вас убить!

Мать. Да, сэр, но я все-таки не понимаю, почему... В конце концов, мои дети находятся в таком возрасте, когда человек уже просто обязан побывать в разных странах, пожить в разных городах.

Режиссер. Да. Но они же собираются поселиться в Одессе! Вы понимаете, какая это для вас трагедия?!

Мать. Ну, это скорее для них трагедия, я-то тут при чем?!

Режиссер. Так! Господа, мы же с вами говорили: пьеса эта для нас сложная, в ней много загадочного! Поэтому я прошу строго придерживаться ремарок! Вот! *(Читает.)* «Услышав сообщение о том, что дети собираются ехать за границу, мать в ужасе рвет на себе волосы и падает в обморок». Прошу вас!

Мать. О Боже! Какой это ужас – ездить за границу! Ах! *(Рвет на себе волосы, падает в обморок.)*

Режиссер. Вот! Молодец! Нормальная человеческая реакция! Идем дальше.

Гарри. Мама! Поверь! Там нам будет лучше.

Режиссер. Так, так! Уговаривайте ее!

Гарри. Ты же знаешь, здесь мне не дают ходу! Ну кто я здесь?! Простой врач! А там? О, там я могу стать главврачом!.. *(Режиссеру.)* Простите, сэр, а что, собственно, означает это странное слово – «главврач»?

Режиссер. Неважно! Во всяком случае, ясно, что это не врач, а что-то совершенно другое! Дальше! Дальше! Ваша реплика, Майкл!

Майкл. А какой там уровень благосостояния, мама!..

Режиссер. Ну? Что же вы остановились?! Вот ремарка: «Достает из портфеля и показывает матери заграничные газеты, проспекты, рекламу».

Майкл. Пожалуйста... *(Достает «Вечернюю Одессу».)* Я вот тут достал их городскую газету... Но я не знаю...

Режиссер. Читайте!

Майкл. Пожалуйста... *(Читает.)* «Вот уже три дня в нашем городе совершенно нет воды...»

Режиссер. Прекрасно!

Майкл. Да, сэр, но какое же это благосостояние?!

Режиссер. А вы не понимаете?

Майкл. Нет.

Режиссер. Ладно, будем разбираться вместе. Значит, в городе три дня нет воды. Так?

Майкл. Так!

Режиссер. Но вам же не нужно объяснять, что цивилизованные люди не могут все эти три дня, извините, не купаться! Так?

Майкл. Так.

Режиссер. А значит, это доказывает что?...

Майкл. Что?!

Режиссер. Что уровень благосостояния в этом городе таков, что люди отказались от воды и теперь купаются в чем?...

Все. В чем?...

Мать. Неужели в шампанском?!

Режиссер. Слава тебе, Господи!

Мать. Как интересно! В таком случае я тоже хочу ехать в этот город вместе с сыновьями!

Режиссер. Вот! Вот к этому-то я вас и веду! Понимаете?! Мать уже согласна ехать с сыновьями, но драма этой женщины состоит в том, что она не может этого сделать!

Мать. Господи, а что же здесь сложного? Закажет билет в авиационной компании...

Режиссер (*торжествующе*). Не может!

Мать. Ну тогда в паровой...
(в паровой)

Режиссер (*еще более торжествуя*). Тоже не может!!!

Мать. Но почему?!

Режиссер. А потому, что пьесу нужно читать, миссис Паттерсон! А в пьесе ясно сказано, вот! (*Читает.*) «Она боится, что ее осудит двор»!

Мать (*растерянно*). Какой двор?!

Режиссер. Ну-у-у... В данном случае, видимо, наш... королевский...

Мать. Ничего не понимаю!

Гарри. Действительно, сэръ, может быть, эта женщина из русского варианта... как ее... баба Роза... и была близка к русскому двору, но мы играем простых англичан, и если мы надумаем куда-нибудь уехать, то наша королева, по-моему, этого даже не заметит... А уж осуждать! За что?!

Режиссер. О Господи! Миссис Паттерсон, господа! Повторяю еще раз! Пьеса эта для нас сложная, во многом даже таинственная! Если вы боитесь, что и зрители в этом месте чего-нибудь не поймут, то постарайтесь их как-нибудь убедить! Импровизируйте, в конце концов!

Мать. Я попробую...

Режиссер. Пожалуйста!

Мать. Дети! А подумали ли вы о том, что скажет двор?! Представьте! Завтра утром наша великая королева соберет всех лордов и пэров Англии и, обратив к ним свой гневный взор...

Режиссер. Прекрасно!

Мать....скажет им: «Леди и джентльмены!»

Режиссер. Да!

Мать. «...Давайте же все как один осудим этих нехороших Лоуренсов с Чарльза Диккенса, 42 за то...»

Режиссер. Ну?!

Мать (*мучительно соображая*). «...за то...»

Режиссер. Ну же!!!

Мать. «...за то, что они уехали не попрощавшись!» Так?

Гарри. А что, по-моему, очень жизненная ситуация...

Режиссер. М-да... Но дело в том, что в пьесе есть еще более важная причина, не позволяющая вам ехать вместе с сыновьями.

Майкл. Но, сэр! Что может быть важнее королевы Великобритании?!

Режиссер. Папа!

Майкл. Римский?

Режиссер. Ваш.

Мать. Господи! А он-то почему против?

Режиссер. Не знаю! И, пожалуйста, не будем в этом разбираться, а то мы вообще никогда не закончим! Ясно одно: для него этот отъезд равносителен смерти! Пожалуйста, мистер Лоуренс, ваш выход!

Выходит мистер Лоуренс, папа Гарри и Майкла.

Папа. Извините, сэр, вы знаете, как я вас уважаю, я сделаю все, что вы мне прикажете, но объясните мне, ради Бога, почему этот папа так боится туда ехать? Он же там никогда не был?! И вообще, в чем, собственно, состоит трагедия этой несчастной семьи?! Ну не понравится им там, куда они едут, так они же всегда могут вернуться обратно!.. Или я чего-то не понимаю?

Режиссер. Не понимаете, дорогой мой, конечно, не понимаете! Но вся соль как раз и состоит в том, что никто из нас этого понять не может! Ибо это есть великая загадка русской души, о которой мы, собственно, и ставим спектакль! Так что идите! И пока вы не разрешите эту загадку, можете не возвращаться.

Папа. Но, сэр... *(Разводя руками, уходит.)*

Режиссер. Так. Все по местам! Играем финал без папы!

Слышен громоподобный удар гонга.

Режиссер. Что это? Неужели Биг-Бен? Но почему так рано?!

Слуга. Это не Биг-Бен, сэр! Это мистер Лоуренс, не в силах разрешить великую загадку русской души, бросился с Биг-Бена.

Опять удар гонга.

Режиссер. Как, опять мистер Лоуренс?!

Слуга. Нет, сэр. Это уже Биг-Бен...

Все кланяются.

Объявления на фасаде Гало-театра

Театру требуются:

1. Опытный рецензент, владеющий жанрами дифирамба, оды и панегирика.
2. Звание академического.

3. Пианист-аккомпаниатор. Оплата поаккордно.
4. Администратор, хорошо знакомый с главным администратором.
5. Главный администратор, хорошо знакомый с Уголовным кодексом.

*Другие пародии и музыкальные номера из капустников
«Спрут-90»*

Комиссар местной полиции Паоло Кампанья в самый разгар борьбы за чистоту рядов местной полиции обнаруживает, что один из его сотрудников – Джузеппе Каналья берет взятки. Возмущенный Кампанья вызывает смущенного Каналью к себе...

Серия пятая. Арест

Кампанья. О мадонна! Какой позор! Брать взятки! И это где?! В нашей самой чистой, непорочной, как дева Мария, сицилистной... то есть, это, сицилийской полиции?! Вот уж действительно, как говорится, паршивая овца все стадо портит!.. Вызывайте!

Дежурный. Все стадо?

Кампанья. Нет, этого мерзавца Джузеппе!..

Дежурный. Джузеппе!..

Входит Джузеппе.

Кампанья. Джузеппе! И не стыдно тебе, Джузеппе?! Я не могу поверить!.. Ведь мы на тебя так рассчитывали!.. Простой крестьянский парень!.. Из рабочей семьи!.. Без всякого образования!.. В общем, настоящий юрист!.. И вдруг!..

Джузеппе. Да, господин комиссар, да... Даже не знаю, как это меня угораздило!

Кампанья. Говори, кто дал тебе твою первую взятку?! (*Джузеппе отрицательно мотает головой.*) Ну?... (*Мотает головой.*) Так! Твое счастье, что у нас, как известно, во время допросов никого не бьют!.. Но ты меня знаешь, Джузеппе! После допроса я тебя так отделаю!.. Говори!..

Джузеппе. Не помню...

Кампанья. Чезаре ко мне!..

Дежурный. Чезаре!..

Входит Чезаре.

Кампанья. Чезаре, я приказываю тебе немедленно арестовать Джузеппе!..

Джузеппе. Не нужно, господин комиссар! Я уже вспомнил!.. Первую взятку дал мне как раз Чезаре!..

Кампанья. Чезаре?! Что я слышу?... Как же ты мог, Чезаре?! Отличник полиции! Наставник молодежи! Столько лет отдавший охране нашей сицилистной... то есть, это, сицилийской собственности!.. Значит, так!.. Джузеппе! После того как Чезаре арестует тебя,

ты немедленно арестуешь Чезаре!.. Антонио ко мне!

Дежурный. Антонио!..

Входит Антонио. Он под большим шофе.

Кампанья. Слушай меня, Антонио! Тебе как начальнику отдела вооруженной охраны ликеро-водочного завода я поручаю охрану этих ужасных преступников!.. Взять их!.. *(Антонио не реагирует.)* Антонио! Ты слышишь меня, Антонио?! Ты что, пьян?!! Отвечай!.. *(Антонио икает.)* Это не ответ, Антонио!.. Позор! Ты же пропил честь мундира!..

Антонио. Подумаешь, честь!.. Я и мундир пропил!..

Кампанья. О мадонна!.. Так!.. Чезаре, Джузеппе! Значит, сразу после того, как Антонио возьмет вас, вы вдвоем возьмете Антонио!.. И будете держать его, чтобы он не упал!.. Винченцо ко мне!..

Дежурный. Винченцо!..

Кампанья. Ну, сейчас вы у меня попляшете!.. *(Входит Винченцо.)* Винченцо! Приказываю тебе немедленно отвести этих мерзавцев в тюрьму! *(«Мерзавцы» начинают радостно танцевать.)* Что это вы делаете, негодяи?...

Джузеппе. Как что? Пляшем, господин комиссар!.. *(Пляшут.)*

Кампанья. Отчего?!

Чезаре. От радости, что вы поручили это сделать именно Винченцо!..

Кампанья. Идиоты! Чему вы радуетесь?! Вся Италия знает, как Винченцо ненавидит преступников!..

Джузеппе. Вот именно!.. И поэтому держит у себя в тюрьме исключительно честных людей!.. *(Пляшут.)*

Кампанья. Да подождите!! Винченцо! Что я слышу?! И не стыдно тебе?! Ты же член партии, христианский демократ!.. Как же твоя партийная совесть позволила тебе?... Все! Значит, делаем так!.. Джузеппе, Чезаре и Антонио! Слушай мою команду!.. В то время как Винченцо будет вести в тюрьму вас, вы, в свою очередь, будете вести в тюрьму Винченцо!.. Тем более, что это по дороге!.. Так, кто у нас еще остался на свободе?...

Дежурный. Джакомо, господин комиссар.

Кампанья. Джакомо ко мне!

Дежурный. Он занят!..

Кампанья. Чем?!

Дежурный. Крупным хищением на базе промтоваров.

Кампанья. Вот молодец! Берите пример!.. Ну и что, выяснил наш Джакомо, кто там занимается этими хищениями?!

Дежурный. Я же говорю: наш Джакомо и занимается...

Кампанья. Кошмар!.. Так что же, получается, у нас в полиции вообще нет ни одного честного человека?!

Джузеппе. А вы, господин комиссар?

Кампанья. Да нет, я серьезно спрашиваю!.. *(Пожимают плечами.)* Ну ладно... Тогда слушайте мой последний приказ!.. Объявляю операцию по очистке наших рядов под кодовым названием «Тайфун»!.. Итак, вниманию всех постов и должностей! Начинаем очистку!.. Значит, группа захвата арестовывает группу прикрытия! Та в свою очередь

арестовывает опергруппу! И вместе с уже арестованной группой работников управления дружной группой движутся в тюрьму!.. (Строятся, маршируют.) Кстати, не забыть бы как следует запереть тюрьму...

Джузеппе. Так кто ж ее запрет, господин комиссар, когда все арестованы?!

Кампанья. Правильный вопрос!.. Тогда делаем так: заходим в тюрьму, запираем ее изнутри, а ключ выбрасываем в форточку!.. Все! Передайте прокурору республики, что операция по очистке наших рядов успешно завершена. Все ряды арестованы!..

Дежурный. Кому передавать, господин комиссар? Только что сообщили, что прокурор республики, узнав о готовящейся чистке рядов, тут же бежал в другую республику!..

Поют: «Если кто-то кое-где у нас порой...», «О соли мио!».

Песня про одесских красавиц

Существует легенда, что самые красивые женщины живут в Одессе. И вот что случилось с одним приезжим молодым человеком, поверившим в эту легенду.

Мелодия – любая из тех, под которые поют свои песни нищие в общественном или железнодорожном транспорте.

Узнав, что в Одессе девицы,
Каких не увидишь вовек,
Приехал в Одессу жениться
Один молодой человек.

Совсем молодой человек.

Сошел на перрон он с вагона,
Окинул он взглядом перрон,
И столько увидел красавиц,
Что чуть не упал под вагон.

Под новый купейный вагон.

Он кинулся к той, что поближе,
И сразу же в загс пригласил.
Она отвечала: «Пожалста!
Вот только бы муж разрешил».

И муж ей, дурак, разрешил.

Жених полетел как на крыльях
Искать для невесты цветы.

Вдруг видит: цветами торгует
Цветок неземной красоты.

Ужасно большой красоты!

Невесту, которая с мужем,
Жених наш мгновенно забыл,
И новой избраннице сердца
Он руку свою предложил.

Всю руку он ей предложил!

Цветочница вмиг согласилась —
Был муж у нее отставник,
А он по ночам занимался
Лишь тем, что стерег свой парник.

На семьдесят соток парник.

Жених от любви своей новой
Буквально теряет свой вес.
Но тут всех цветочниц накрыли
Сотрудники ОБХС.

Районного ОБХС.

Была там сотрудница в форме,
Мундир ее всю облегал.
Те формы жених наш увидел —
И в обморок тут же упал.

Упал и ключицу сломал.

Его поместили в больницу,
Но только в себя он пришел —
Увидел красу-фельдшерицу,
И тут уже вовсе дошел.

Увидел ее – и дошел!

И вот на открытой машине
Везут жениха хоронить
Те женщины, что оборвали
Судьбы его тонкую нить.

Совсем еще тонкую нить.

Но тут катафалку навстречу
Красавица Рая идет.
Собралась вынести мусор —
Вдруг видит: страдает народ.

Страдает наш бедный народ!

Тут нужно сказать вам про Раю,
Что местных мужчин самый цвет
Давно на руках ее носит,
А вынести мусор – так нет!

На мусор желающих нет!

Она интерес проявила:
Кого это люди везуть?
Процессию остановила —
Мол, граждане, дайте взглянуть.

Хоть краешком глаза взглянуть.

Она на покойника смотрит,
И тут мы должны вам сказать:
Под силою этого взгляда
Вдруг начал покойник вставать.

Он стал постепенно вставать.

Он обнял красавицу Раю
(Как долго он к этому шел!),
Признался в любви ей до гроба
И вынести мусор пошел.

Так с Раей он счастье нашел.

Красотками, как эта Рая,
Наш славился город всегда.
Мужчину из гроба поднимут,
Хоть сами вгоняют туда.

Но все ж нам без них – никуда!

Говорит Одесса...

Из записных книжек

– Вчера пошла горячая вода. Мы набрали ванну. Теперь нам месяц будет чем мыться...

* * *

Объявление, услышанное в одном из одесских санаториев:

«К услугам отдыхающих! В вестибюле нашего санатория круглосуточно работает зеркало!»

* * *

– На свадьбу были приглашены все нужные люди, включая невесту...

* * *

– Я, знаете ли, на диете... Обедаю только в гостях...

* * *

– Вот, говорят, лучший контролер – совесть. А я, сколько ни езжу, еще ни разу ей не попался!..

* * *

– Как вы можете дышать этим воздухом?!

– А мы не затягиваемся!..

Услышано на одесском рынке «Привоз»

– Ну и где же ваша лошадь?

– Какая лошадь, мадам?

– Которую вы продаете?

– Я продаю кролика! Куда вы смотрите?

– Я смотрю правильно! Я смотрю на цену...

– Почем ваши бычки?

– Даром...

– Даром?... Ну тогда дайте мне вязочку.

– С вас три рубля, мадам.

– Минуточку! Вы же сказали – даром!

– Три рубля за таких красавцев – разве это не даром?!

* * *

– Конечно, у них там человек человеку – волк... У нас, правда, тоже не Красная Шапочка!..

* * *

– Отойди от трансформатора! Тебя ударит! Отойди, я говорю!.. Будь умнее!..

* * *

– Холодные пирожки! Холодные пирожки!

– Что вы кричите, что они холодные? У вас же их никто не купит!

– Конечно! В такую жару!..

* * *

– Внучек, куда ты?! А ну, застегни воротник! Побереги гланды, их у тебя не так много!..

* * *

– Товарищи, кто хочет принять душ – вода в чайнике.

* * *

– Вы слышали, что делается?! Купаться в море опасно для жизни. Санэпидстанция закрыла все пляжи!..

– А мне даже нравится, что они закрыты. Мы вчера купались – так хорошо, никого нет...

– Вот-вот! Завтра и вас не будет!..

* * *

– Вот сейчас все борются за свой государственный язык. Так за что в данном случае бороться нам – одесситам?

– За свой государственный акцент!..

* * *

– Вы слышали, говорят, у нас произошла полная смена кабинета.

– Что вы говорите?!

– Да, все поменяли: стол, кресла, паркет...

– А сам хозяин кабинета?

– Ну что вы! Всю мебель сразу поменять невозможно!..

* * *

Одесский двор, ночь. На галерее мальчик играет на скрипке.

– Мальчик, мальчик, подойди сюда!

– Я не могу!

– Почему?

– Я должен заниматься.

– Ночью?

– Если бы только ночью! Днем тоже.

– Но все же спят!

– Если я перестану играть, они проснутся...

* * *

– Что вы из всего делаете трагедию! Вы же не Шекспир!..

* * *

– Композитор Кальман родился в бедной еврейской семье. Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, родители купили ему рояль «Стейнвей» и отправили учиться в Парижскую консерваторию.

– Вы же сказали, что он родился в бедной семье!

– Я же сказал – в еврейской...

* * *

– Правда ли, что одесситы любят отвечать вопросом на вопрос?

– А почему это вас так интересует?

* * *

– Вы заметили – отдыхающие, когда уезжают из Одессы, обязательно бросают в море монетку, чтобы вернуться?...

– Наивные люди! Они думают, что за такие маленькие деньги можно еще раз получить такое большое удовольствие!..

– Вот, смотри, многие одесситы уехали, и что выяснилось? –
Что же?

– Выяснилось, что Земля маленькая, а Одесса большая.

Услышано в Одессе

Последний раздел нашего тома, соответствующий периоду всего в 15 лет, оказался самым объемным. Что неудивительно. Достаточно вспомнить, что это были за годы. Юмор существует всегда. Просто он иногда уходит на дно и прорывается наверх лишь анекдотами. В периоды же свободы, как правило краткие, расцветает.

Возвращаясь к аналогии с морем, можно сказать, что это был сезон бурь и штормов... Отсюда и обилие в юморе этих лет пены и мусора. Но, с другой стороны, и жемчужин было выброшено на берег немало. Сохранялась некоторое время традиция юмора хорошего вкуса в выступлениях нового поколения одесских кавээнщиков; собирал в течение нескольких лет полные залы Клуб одесских джентльменов во главе с Яном Левинзоном и Олегом Филимоновым. Рвалась публика и на комедийные спектакли театров «Ришелье» и «Комедиум».

В те же годы в Одессе появилось множество печатных изданий. И точно так же, как в начале века, в каждом из них был раздел или уголок юмора. Новое время рождало и новые формы. В мае 1991 года в первый день работы Российского телевидения в эфир вышла юмористическая телепередача «Джентльмен-шоу». Авторами и исполнителями в ней были одесситы. Много лет работают одесские авторы и для телепередачи «Городок». Конечно, тексты для телевидения имеют свою специфику. Но и среди них нашлись сцены и

миниатюры, которые мы сочли возможным включить в одесский том.

А в 1997 году по инициативе Всемирного клуба одесситов (президент М. М. Жванецкий) был основан первый после 70-летнего перерыва одесский юмористический журнал – «Фонтан». Он объединил вокруг себя известных одесских юмористов и, как мощный катализатор, вызвал к жизни новых.

Со временем на его страницах появились и специально написанные для «Фонтана» тексты иногородних авторов. Печататься в Одессе вновь стало престижно...

В. Х.

Монолог о красоте^[7]

Для Я. Левинзона

Я вот тут думал: в чем все-таки наша главная сила?... А теперь вижу – в красоте! А как говорится, когда сила есть... Ну, дальше вы знаете...

Так вот, о красоте. Ее у нас, как известно, куда ни глянь!

Представьте: в зеркале нашего самого крупного в мире озера отражается наш самый крупный в мире объект. Красота? Красота!..

Тут, правда, некоторые, с позволения сказать, ученые, хотя и с мировым именем, пугают нас, что отходы нашего самого крупного в мире объекта могут погубить наше самое крупное в мире озеро. Ошибаетесь, дорогие товарищи ученые! Красоту погубить нельзя! Хотя озеро, конечно, можно... А красота – она останется! В песнях, в былинах, в романах местных авторов!

Кстати, об авторах! То есть я насчет наших великих сибирских рек. Точнее, их крутого поворота назад... Какой красивый был проект! Ну представьте картину: текут себе, значит, эти самые реки по диким, безлюдным местам, где их красоту никто не видит. И тут появляемся мы, командуем этим рекам: «Кру-гом!» После чего они, конечно, резко поворачивают... и широким нескончаемым потоком, с лозунгами, транспарантами и криками «ура!» текут мимо празднично украшенных трибун!.. Простите, это я, кажется, о другом, хотя это тоже очень красиво...

Но вернемся к нашему проекту. Тут некоторые, с позволения сказать, писатели, хотя и тоже с мировым именем, пользуясь тем, что умеют писать, пишут во все инстанции и практически завалили нам это дело. Ну, с ними ясно. Не понимают люди настоящей красоты!..

Возьмем теперь памятники древнего зодчества. Скажем, Кижы. И вдумаемся... Ну, в меру наших сил!.. Что нам экономически выгодно – тратить деньги на их реставрацию или не тратить?... Ясно же, что не тратить! Это же, извините за каламбур, и кижу понятно!.. И вот появляется идея: снести, значит, эти старые развалюхи и на их месте построить новые. Уж что-что, а это мы умеем!.. Красиво? Красиво!.. Хотя если говорить о тех памятниках архитектуры, которые мы сегодня строим, то тут мы, как говорится, за красотой не

гонимся...

В общем, шире нужно смотреть на вещи! Не цепляться за мелочи – мол, рыба подохнет, реки засохнут, культура погибнет!.. Шире! Масштабнее! И тогда нам такие красоты откроются, что голова пойдет кругом... Даже если она есть!..

Театральный конкурс

Команда КВН Одесского университета открывает первый в нашей стране общедоступный театр абсурда!

Мы открываем этот театр в надежде на то, что, чем больше абсурда будет на его сцене, тем меньше абсурда останется в нашей жизни.

Итак, впервые на сцене пьеса под названием

Иван Иванович и его избирательная кампания, или Дороги, которыми мы выбираем

Звучит фонограмма предвыборной песни «Выбери меня!» На сцену выходит праздничная толпа. Выносят плакат: «Все на выборы Ивана Ивановича!» Появляется претендент, скромно раскланивается, садится на краешек стула.

Ведущий. Дорогие друзья! Сегодня нам выпала большая честь выдвинуть из наших рядов Ивана Ивановича!.. Несмотря на то что никто из нас никогда раньше не видел Ивана Ивановича и, наверно, никогда больше его не увидит, мы уверены, что именно Иван Иванович – это тот человек, которого мы и хотим выдвинуть сегодня из наших рядов!..

Претендент. Но я...

Ведущий. Минуточку!.. Слово – доверенному лицу Ивана Ивановича!..

Доверенное лицо. Друзья! Вот уже тридцать лет, можно сказать с самого детства, я абсолютно не знаю Ивана Ивановича! Случилось так, что мы с ним никогда не учились в одной школе. И хотя в институтах мы уже не учились в разных, особенно далеки друг от друга мы стали с Иваном Ивановичем уже в зрелые годы!.. В общем, что говорить! Многих людей я не знал в своей жизни, но так хорошо, как я не знал Ивана Ивановича, я не знал никого!.. Поэтому неудивительно, что именно мне доверили представлять Ивана Ивановича. Спасибо за внимание!..

Претендент. Но я...

Ведущий. Минуточку!.. Слово – представителю нашей молодежи!

Представитель. Мы, молодые, не знаем Ивана Ивановича всего несколько лет, но и за эти годы уже сумели оценить, какой замечательный человек не только не живет, но и не работает рядом с нами. Никогда мы его не видели рядом и в часы нашего досуга, за что мы ему особенно благодарны! Спасибо, Иван Иванович!..

Претендент. Но я!..

Ведущий. Минуточку!.. А теперь, друзья, я думаю, пора наконец дать слово тому, кто знает Ивана Ивановича меньше всех! Тому, кто даже имени такого никогда не слышал... Слово – жене Ивана Ивановича!..

Претендент. Но я же!..

Ведущий. Минуточку!.. Прошу вас!..

Жена. Ну что я могу сказать о своем муже?... Конечно, как всякая жена, я действительно знаю его меньше других. Но скажу одно: если я о чем и мечтаю сегодня, так это о том, чтобы не знать его как можно дольше! Вот!..

Претендент. Дайте же мне наконец сказать!..

Ведущий. Слово – Ивану Ивановичу!

Претендент *(со слезой в голосе)*. Друзья! Я глубоко тронут... всем... что услышал здесь!.. От себя же могу добавить, что, как и все вы, я лично тоже совершенно не знаю Ивана Ивановича! Поскольку сам я не Иван Иванович, а Петр Петрович!.. *(Все в замешательстве.)* Но если ваш коллектив оказал мне высокую честь быть именно Иваном Ивановичем, то, слово чести, с этой честью я справлюсь с честью!.. *(Заглянув в бумажку.)* Ура!..

Все. Ура!.. *(Возгласы.)* Все на выборы Ивана Ивановича!.. Работают все буфеты нашей страны и центральное отопление!..

Претендент *(поет)*. Выборы меня, выборы меня – важной птицы завтрашнего дня!..

Все, подпевая ему, уходят.

Авторский актив одесского КВН 1986–1987

Ян Гельман, Георгий Голубенко, Евгений Каминский, Анатолий Контуш, Янислав Левинзон, Игорь Лосинский, Игорь Миняйло, Сергей Осташко, Святослав Пелишенко, Олег Россиин, Сергей Рядченко, Лев Стыс, Юрий Сычев, Александр Тарасуль, Олег Филимонов, Валерий Хаит, Евгений Хаит, Владислав Царев, Игорь Шевченко

Светские беседы

- Джентльмены, хватит критики. И вообще, давайте о чем-нибудь более приятном. Например, о женщинах...
- О женщинах – с удовольствием! Социалистическая революция...
- Я же просил о женщинах!..
- Я и говорю о женщинах!.. Социалистическая революция в семнадцатом году, мне кажется, победила еще и потому, что ее штаб находился в Смольном – в институте благородных девиц.
- При чем здесь?!
- А при том, сэр, что если бы девицы были менее благородными, то революционно настроенные матросы пошли бы на штурм Смольного, а не Зимнего...

* * *

- Как вы думаете, джентльмены, почему Киев называют матерью городов русских, а Одессу – просто «мама»?
- Ну, видимо, потому, сэр, что Одесса – мама не только для русских.

* * *

- Вы обратили внимание, джентльмены, в последнее время на наших дорогах появилось много подержанных автомобилей иностранного производства...
- Ничего удивительного, сэр. Просто в битве автомобильных гигантов нам наконец-то доверили подбирать раненых!..

* * *

- Все-таки жизнь идет вперед, джентльмены! Вы обратили внимание, что женщины у нас действительно пользуются равными правами с мужчинами?
- Безусловно, сэр. А если иметь в виду право на труд, то даже значительно большими.
- Кстати, об эмансипации! Вы обратили внимание, джентльмены, что в наши дни

мужчина уже зарабатывает столько же, сколько и женщина?

– Увы, сэр! А ведь должен зарабатывать значительно больше.

– Правильно! Ибо настоящий джентльмен должен содержать не только женщину, но и семью!..

Игорь Миняйло, Евгений Хаит

Рецепт создания социалистического государства в одной отдельно взятой стране

Кипит наш разум возмущенный...

Из поваренной книги

Возьмите два-три холостых снаряда, одну шестую часть суши, полтора-два десятка обильно проспиртованных матросов, три источника и столько же составных частей марксизма, тщательно перемешайте все это – и заварите кашу.

При этом не забудьте предварительно пропустить через мясорубку Временное правительство, затем отбить почту и телеграф и, главное, крепко замочить царя.

После чего необходимо сильно подогреть рабочих, хорошенько помариновать крестьянство и, самое главное, мелко нарубить интеллигенцию.

Затем следует аккуратно отделить церковь от государства, немножко помять духовенство и тоже мелко нарезать.

Далее рекомендуется осторожно взять кулака за заднюю часть, обвалить в муке, хорошенько выпотрошить и снова нарезать, причем тоже мелко.

Образовавшуюся массу разделите на пятнадцать неравных частей, и пусть себе горит на медленном огне.

Если не доводить до кипения, лет через семьдесят будет готово.

Впоследствии готовое блюдо не забудьте украсить хреном и редькой, выложенными в форме серпа и молота.

И последнее. Перед самой подачей не забудьте проверить: если почувствуете, что в результате у вас получилось какое-то повидло, значит, вы все сделали правильно. Поздравляем! Социалистическая революция, которую заварили большевики, свершилась!..

Светские беседы

Об Утесове

– Об огромной популярности Утесова, джентльмены, говорит, в частности, тот факт, что его выступления собирали толпы народа еще в годы революции.

– Да, сэр. Помните это знаменитое столпотворение у броневика на Финляндском вокзале?

– Простите, сэр, но вы что, забыли, кто там выступал?

– Нет, я помню. Но это была торжественная часть. А в концерте – сказали, будет петь Утесов...

– Кстати, джентльмены, известно, например, что Ленин тоже ценил Утесова. Помните,

он говорил, что из всех искусств для нас важнейшим является джаз?

– Как не стыдно, сэр. Он говорил, что из всех искусств для нас важнейшим является кино!

– Можно подумать, что кино – это не про Утесова.

– Вы правы, сэр. Причем известно, что Утесов не просто снимался в кино, а даже совершил подвиг. Помните, в фильме «Веселые ребята» он сыграл роль пастуха? И это в тридцатые годы!

– И в чем же здесь подвиг, сэр?

– Ну как же! Всем известно, что пастух тогда в стране был один.

– Ну и что?

– А то, сэр, что, играя роль пастуха, артист как бы намекал, что у стада могут быть и альтернативные кандидатуры.

– Джентльмены, давайте лучше все-таки вернемся в Одессу. Ведь популярность Утесова начиналась именно здесь.

– Правильно. И он был тогда так популярен, что в честь него всех мальчиков, родившихся в Одессе, называли именем Ленья.

– Помнится, сэр, что так даже называли одного мальчика, родившегося в Днепропетровске.

– И что, он тоже стал великим артистом?

– Нет, только великим писателем. Артистом – не успел...

Анатолий Контуш, Юрий Сычев

Зоология человека

*Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим...*

Гамлет после возвращения из России

Животный мир нашей страны исключительно разнообразен, и, несмотря на то что за последние 70 лет некоторые уникальные виды успели исчезнуть, на смену им пришли другие, еще более уникальные и встречающиеся только в нашей стране.

Раздел 1. Высшие плотоядные

Бюрократ обыкновенный толстокожий. Тип – человекообразные, класс – паразиты, отряд – вредители. Ведет происхождение от крысы канцелярской. Обитает в местах труднодоступных для простого человека. Наиболее крупные особи в холодное время года покрываются дорогим мехом. Весьма агрессивен; даже находясь в спокойном состоянии, плюет на всех. Характерный признак – рыльце в пушку.

Вожак комсомольский серый. Отряд – бесхребетные, семейство – беззубые. Иногда возглавляет целое стадо. Независимо от возраста всегда является вечно молодым. Свободно болтает языком. Легко поддается дрессировке. Ядовит, отравляет молодняк.

Миллионер среднеазиатский партийный. Тип – подозрительный, класс – правящий,

семейство – обеспеченное. В последнее время все реже встречается на свободе. Осторожен: почуяв преследование, зарывает добычу в саду. Семейство является весьма многочисленным, его представители легко образуют целые колонии. Находясь в неволе, приобретает полосатую окраску. Лицензии на отлов особо крупных экземпляров выдаются только в Москве.

Раздел 2. Низшие травоядные

Колхозник нечерноземный сумчатый. Тип – безлошадный, класс – безземельный. Все чаще встречается в крупных городах; на полях страны практически не встречается. В отличие от обычных сумчатых имеет неограниченное число сумок самых неожиданных форм и размеров. Заполняет сумки, как правило, в Москве.

Инженер многодетный озверевший. Тип – несознательный, класс – неимущий, семейство – недовольное. Чаще всего встречается в очередях. Большую часть жизни проводит в поисках пищи. Неприхотлив: ест что найдет, живет где придется. Откладывает на зиму яйца, а также мясо, сахар и другие предметы первой необходимости. Осенью и зимой покрыт искусственной кожей. В течение всей жизни роет носом землю и пробивает лбом стену. Ведет советский образ жизни.

И, наконец, наиболее уникальный вид – **руководитель честный, принципиальный, предприимчивый.** К сожалению, описание этого вида в научной литературе отсутствует, поскольку на территории СССР он практически истреблен. Для восстановления численности данного вида необходимо обеспечить ему свободное беспривязное содержание и в законодательном порядке запретить его отлов. А те виды, которые будут этому препятствовать, навсегда занести в специальную «Красную книгу», которую впоследствии сжечь.

Авторы «Клуба одесских джентльменов»

Евгений Каминский, Анатолий Контуш, Янислав Левинзон, Игорь Миняйло, Юрий Сычев, Александр Тарасуль, Олег Филимонов, Валерий Хаит, Евгений Хаит, Владислав Царев

Фирма «Исполком-сервис»

Корр. В последнее время страницы многих наших газет пестрят всевозможными объявлениями, так сказать, недвусмысленного содержания. Ну, например: «Привлекательная блондинка скрасит одиночество состоятельного бизнесмена» или «Очаровательная брюнетка удовлетворит самые смелые фантазии не стесненного в средствах мужчины». Нужно сказать, что эти объявления нас уже не удивляют. Но объявление, которое мы обнаружили совсем недавно, удивило даже нас... *(Читает в газете.)* «Работники исполкома за вознаграждение готовы удовлетворить любые желания состоятельных бизнесменов...»

Вывеска: «Фирма «Исполком-сервис».

Офис. Девушка-диспетчер сидит за столом, на котором телефоны.

Девушка. Але... Да... «Исполком-сервис»... Что бы вы хотели?... Да, это мы делаем... Думаю, наш зампред вас точно удовлетворит... Предпочитаете в сауне? Желание клиента – закон!.. Да, деньги прямо ему... Заказ принят...

Корреспондент в офисе, рядом шеф.

Корр. Мы беседуем с генеральным директором фирмы «Исполком-сервис» Сергеем Петровичем Петушко... Сергей Петрович, простите, я не совсем понимаю, чего же все-таки могут хотеть наши бизнесмены от работников исполкома?

Директор. Чего могут хотеть?... Ну вы прямо как маленький!.. Чтоб любили и все разрешали!

Корр. И все-таки: что же конкретно за деньги могут сделать работники исполкома?

Директор. Работники нашего исполкома за деньги – все!

Корр. Ну и что... желающих работать в вашей фирме много?

Директор. Конечно!.. Знаете, век работника исполкома недолог. Пока он, как говорится, свежий, пока на него есть спрос, он должен успеть заработать денег, купить машину, построить дом... А бывает, и вообще повезет: обслужит какого-нибудь иностранного клиента, а тот его в постоянные партнеры возьмет...

В кадре снова девушка-диспетчер.

Девушка. Да-да... По вызову тоже работаем. Адрес, пожалуйста. Спасибо...

Смена кадра. Открывается дверь. Входит телохранитель в спортивном костюме. За ним, при галстуке, в шляпе и с портфелем, исполкомовец. За столом сидит хозяин офиса.

Телохранитель. Акционерное общество «Прогресс»? (*Хозяин кивает.*) Работника исполкома вызывали?... (*Тот кивает.*) Деньги готовы?... (*Тот кивает.*) Так, сейчас 16.00. В вашем распоряжении ровно час... (*Уходит.*)

Хозяин достает шампанское, зажигает торшер. Исполкомовец достает папку с документами, печать...

Исполкомовец. Ну что, сразу к делу, или для начала шампанское?...

Светские беседы

– Слышали, джентльмены, в Москву приезжал знаменитый испанский тенор Хосе Каррерас, и билет на его концерт стоил тысячу долларов...

– А вот в газетах пишут, что так называемые новые русские, которых в зале в тот вечер, естественно, было большинство, остались концертом очень недовольны.

– Но почему?

– Ну как? Пришли, заплатили по тыще долларов – а он, оказывается, только поет!

* * *

– Не знаю, как вы, джентльмены, а я бы очень хотел стать новым русским! Не могли бы вы мне сказать, что для этого нужно?

– Главное, сэр, не жалеть денег! Купите себе белый «Мерседес», мобильный телефон, заведите любовницу...

– Стоп! Любовница у меня есть.

– Вот видите, сэр, вы уже пытаетесь экономить!..

* * *

– Поразительный факт, джентльмены! В газетах пишут, что в одном из московских магазинов продается пальто стоимостью 60 тысяч долларов.

– Уже не продается, сэр. Один мой знакомый – ну, новый русский, – его как раз недавно купил.

– И что, он не боится носить такое дорогое пальто?

– Не волнуйтесь, сэр! Он же не дурак! Пальто все время носит телохранитель!..

* * *

- Недавно в одной из газет, джентльмены, появилась информация, что на одном из фешенебельных мексиканских курортов по просьбе новых русских был открыт специальный бассейн, который наполняют пивом!
- И что, они действительно плавают там в одном пиве?
- Ну что вы, сэр! Это же все-таки наши люди! Время от времени приходит слугитель и подливает туда водки...

* * *

- Я где-то читал, джентльмены, что недавно у нас появилось новое развлечение для богатых людей. За одиннадцать тысяч долларов можно прокатиться на истребителе «МИГ-21».
- Одиннадцать тысяч, сэр? Почему так дорого?
- Нет, сам полет стоит всего тысячу долларов. Остальные десять берут за посадку...

* * *

- Представьте, джентльмены, я прочел, что у английской королевы в Виндзорском дворце есть коллекция, в которой около двух тысяч хозяйственных сумок!
- Простите, сэр, но зачем ей столько?
- Ну как! Она же королева! Не может же она каждый день ходить на базар с одной и той же сумкой!..

* * *

- А вот еще любопытнейшая информация, джентльмены! Оказывается, в Америке существуют страховые фирмы, которые страхуют даже отдельные части тела!
- Не знаю, сэр... Меня, например, больше интересует страхование недвижимости.
- Кстати, джентльмены, я знаю смешной случай, когда один мой американский приятель, посоветовавшись с женой, решил застраховать недвижимость!
- Ну и что же тут смешного, сэр?
- А то, что жена как раз посоветовала ему обратиться в фирму, страхующую отдельные части тела!

Военная база оптовой торговли

Корр. В последнее время на руководство наших вооруженных сил в прессе обрушилась целая волна критики. На наш взгляд, эти упреки не совсем справедливы. Особенно в той их части, которая касается распродажи военного имущества. Как нам стало известно, в этом деле наконец-то наведен порядок...

Вывеска: «Военная база. Торговля оптом и в розницу». Как бы военный склад. У входа

генерал.

Корр. Мы беседуем с заведующим военной базой... Товарищ заведующий, простите, товарищ генерал, скажите, пожалуйста, какие задачи поставлены командованием перед вашей базой... простите, вашим подразделением?

Генерал. Докладываю. Раньше у нас в армии как было? Тащили все кому не лень, продавали направо и налево! В общем, дикость какая-то!

Корр. А сейчас?

Генерал. А сейчас – все иначе. Докладываю! Согласно приказу главного командования отныне каждый военнослужащий в зависимости от звания, должности и выслуги лет может вынести с территории базы и продать строго лимитированное количество военного имущества.

Корр. Это как?

Генерал. Докладываю! Ну вот ты, например, генерал-майор...

Корр. Я?!

Генерал. Ну ладно, просто майор... *(Раскрывает папку, читает.)* Вот, значит... тебе в месяц по званию и выслуге лет положено продать две гаубицы... Пришел ко мне, написал рапорт на мое имя, получил свои две гаубицы, вышел на дорогу – продал. В общем, все четко, по-военному, как и положено в наших вооруженных силах.

Корр. Да-а... Потрясающе!

Слышится характерное шипение.

Генерал. Ложись!

Оба падают. Слышен взрыв. Дым, пыль. Встают, отряхиваясь.

Корр. Это что – учения?!

Генерал. Да нет! Это наш прапорщик, козел, по старой привычке ящик с гранатами через забор перебросил...

1993

Светские беседы

– Вы знаете, джентльмены, я впервые играю в рулетку; очень боюсь проиграть и остаться, извините, без брюк...

– Смелее, сэр! Я вам советую – ставьте на красное!

– Ни в коем случае, сэр! У нас, как вы помните, уже один раз поставили на красное – и остались, извините, не только без брюк, но и без всего остального!..

* * *

– Кстати, о хороших манерах, джентльмены. Я слышал, что у работников КГБ всегда были такие полномочия, что они без стука могли войти практически в любую дверь!

– Ну почему без стука? Раз они в эту дверь входили, значит, кто-то постучал заранее...

* * *

– Удивительная новость, джентльмены! В результате проведенного социологического опроса выяснилось, что первое место в мире по потреблению алкоголя на душу населения занимаем, оказывается, не мы, а французы!

– Ничего удивительного, сэр. Видимо, половина опрошиваемых с нашей стороны к концу опроса ответить была уже просто не в состоянии!

* * *

– А вот о чем я думаю, джентльмены: если бы коммунисты все-таки опять пришли к власти, неужели исчезло бы такое завоевание демократии, как, скажем, русское издание «Плейбоя»?

– Ну что вы, сэр! Коммунисты – тоже люди!.. Просто на обложке «Плейбоя» публиковались бы фотографии обнаженных передовиков производства...

* * *

– Интересная мысль, джентльмены: «Талант должен быть голодным...»

– В таком случае, сэр, становится понятным, почему многие одесские писатели рано или поздно уезжали в Москву.

– Вы правы, сэр. В Одессе с ее Привозом для того, чтобы быть голодным, действительно нужно иметь талант...

* * *

– Слышали, джентльмены: в Одессе недавно появилась музей-квартира одного нового русского.

– И чем же он так прославился?

– Ничем. Просто он купил себе музей в качестве квартиры.

Лев Семенович и Рокфеллер

Корр. Как известно, мы сегодня учимся жить в цивилизованном обществе. Так, многие наши граждане недавно узнали, что помимо обязанностей у них есть еще и права. Более того, в случае необходимости эти права можно отстаивать даже в судебном порядке. Ну, к примеру, получить через суд компенсацию за моральный ущерб... И вот нам стало известно, что один житель Одессы обратился в районный суд с иском на Дэвида Рокфеллера за моральный ущерб, требуя взыскать с американского миллиардера ни много ни мало – один

миллион долларов... Мы беседуем с пострадавшим. *(В кадре Корреспондент и Лев Семенович.)* Простите, Лев Семенович, вы не могли бы объяснить, в чем состоит, так сказать, суть вашего иска к гражданину Рокфеллеру?

Лев Семенович. Он нанес мне серьезный моральный ущерб.

Корр. Каким образом?

Лев Семенович. Понимаете, он гораздо богаче меня. И я из-за этого сильно переживаю.

Корр. Простите, вы что это – серьезно?

Лев Семенович. Конечно! Вот, пожалуйста. Справка от врача – ухудшились анализы. Вот – от соседей, что хожу ночами, спать не даю... От жены, что ночами только хожу... В общем...

Корр. Ну что ж, спасибо... И все-таки я думаю, что будет несправедливо, если мы не выслушаем и противоположную сторону... *(В кадре Корреспондент и Адвокат.)* Мы беседуем с адвокатом Дэвида Рокфеллера. Прошу вас!

Адвокат. Мой клиент господин Рокфеллер понимает обоснованность претензий Льва Семеновича и готов удовлетворить иск на полную сумму.

Корр. Так что, выходит, Лев Семенович может получить миллион долларов?

Адвокат. Безусловно. Может получить... Но дело в том, что мой клиент послал вашему Льву Семеновичу встречный иск. И тоже за моральный ущерб.

Корр. Простите, но какой моральный ущерб мог нанести Рокфеллеру Лев Семенович?!

Адвокат. Понимаете, мой клиент господин Рокфеллер – тоже очень чувствительный человек. И когда из иска Льва Семеновича он узнал, что в Одессе живет такой бедный и несчастный человек, он тоже начал страшно переживать.

Корр. Простите, вы что это – серьезно?

Адвокат. Конечно! Вот справка от врача – ухудшились анализы... От жены – что ночами не спит... Ну, по тому же поводу от секретарши...

Корр. М-да... Ну и в какую сумму оценивает нанесенный ему моральный ущерб ваш клиент? Что, тоже в миллион долларов?

Адвокат. Ну что вы! Это же переживает сам Дэвид Рокфеллер! Поэтому – два миллиона!..

Светские беседы

О женщинах

– Простите, сэр, у меня сегодня первое в жизни свидание, – вы, случайно, не знаете, сколько джентльмен должен ждать даму?

– Настоящий джентльмен может ждать даму сколько угодно!

– Некоторые, например, ждут всю жизнь. И, между прочим, очень довольны этим обстоятельством!..

* * *

– Надо сказать, сэр, женская красота – это единственное, в чем наша страна всегда

находилась на уровне мировых стандартов.

– И какие же именно стандарты вы имеете в виду, сэр?

– Общеизвестные: 90-60-90.

– Да?! Думаю, в этом смысле, сэр, мы их даже превосходим...

* * *

– Вы знаете, джентльмены, у меня проблема. Вот многие легко знакомятся с девушками на улице, а я, например, никак не могу на это решиться!

– Тоже мне проблема, сэр! Если вы не решаетесь познакомиться с девушкой на улице, приведите ее домой и там знакомьтесь!..

* * *

– Знаете, сэр, я очень застенчивый... Может быть, вы мне подскажете: как лучше всего джентльмену познакомиться с девушкой на пляже?

– Ну, лучший способ познакомиться – это броситься в воду и предложить помощь девушке, которая тонет.

– А если она не захочет знакомиться?

– Ну что ж, тогда извинитесь и поплывете обратно!

* * *

– Да, джентльмены, все-таки прав был поэт, когда писал о русской женщине: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...».

– Ну, это было раньше, сэр. А сегодня, как известно, даже знаменитые французские модельеры с удовольствием приглашают представительниц России в качестве манекенщиц.

– А я думаю, джентльмены, что одно не исключает другого.

– Что вы имеете в виду?

– А то, сэр, что войти в горящую избу в платье от Диора по-прежнему способна только русская женщина!..

* * *

– Я слышал, сэр, что вы в этом году собираетесь жениться. Это правда?

– Ну, в принципе я это планировал... Но вот, знаете, весна уже заканчивается – а я, увы, так и не влюбился.

– Что за проблема, сэр? Так вы влюбитесь летом!

– Нет, сэр. Летом я уже планировал разводиться...

(Провожая взглядом красивую девушку.)

- Знаете, джентльмены, когда я вижу красивую девушку, я обо всем забываю.
- Даже о том, что вы женаты?
- А разве я женат?
- Конечно!
- Вот видите, сэр... Я же говорю, что я обо всем забываю!..

- А вот как вы думаете, джентльмены, почему в Одессе так много скульптурных изображений женщин, поддерживающих балконы?
- Все дело в том, сэр, что любая одесская женщина – прежде всего прекрасная кулинарка.
- При чем здесь?...
- А при том, сэр, что если чей-нибудь муж все-таки сумеет оторваться от стола и захочет выйти на балкон, то этот балкон на всякий случай лучше поддерживать...

Одесский Монмартр

Корр. Сейчас в каждом городе есть, как говорится, свой Монмартр. То есть место, где можно прогуляться и заказать портрет у одного из многочисленных уличных художников. Есть, конечно же, такое место и в Одессе...

В кадре бульвар. Сидят художники и рисуют свои модели. На переднем плане один из них зазывает прохожих.

Художник. Мадам, давайте я нарисую ваш портретик!.. Куда же вы?! Девушка, не желаете себя увековечить? Нет? Напрасно. Жизнь коротка – искусство вечно!.. Господин, стойте! У вас прекрасное лицо. Его нужно запечатлеть на полотне!..

Прохожий. И сколько?

Художник. За такое лицо – всего пятьдесят долларов!

Прохожий. Что-то дороговато...

Художник. Пожалуйста! Вон там за доллар на вас сделают карикатуру, а у меня через пятнадцать минут вы будете жить в веках!..

Прохожий. Ну, давайте попробуем...

Художник. Так, садитесь... *(Усаживает его в кресло.)* Головку выше!.. Смотрите прямо на меня... нет, лучше вдаль!.. *(Рисует, поглядывая на натуру.)* Ну все, готово! Ну прямо одно лицо, я сегодня в ударе!..

Показывает Прохожему картину. Там абстрактная мазня.

Прохожий. Что это?!

Художник. Это вы!

Прохожий. Как?!

Художник (*гордо*). Я художник, я так вижу!.. С вас пятьдесят долларов!

Прохожий. Ну, пожалуйста... (*Дает ему пять гривен.*)

Художник. Простите, что это?!

Прохожий. Это пятьдесят долларов!

Художник. Как?! Это же пять гривен!

Прохожий. Это пятьдесят долларов. Я так вижу!.. (*Забирает портрет и уходит.*)

Авторские анекдоты от «Джентльмен-шоу»

О вождях

Спрашивает как-то Надежда Константиновна после свадьбы у мужа:

– Ну и где же мы проведем наш медовый месяц, Володя?...

– Конечно, в Разливе в шалаше, Надюша. Но для конспирации туда со мной поедешь не ты, а товарищ Зиновьев...

* * *

Вспоминает водитель известного броневика: «Калымил я как-то у Финляндского вокзала...»

* * *

Снится как-то Василию Ивановичу, что он Ленин, и что Ленин думает: «Эх, не заварил бы я всю эту кашу – Василий Иванович бы не утонул!..»

* * *

Решили как-то на Политбюро присвоить Леониду Ильичу к 8 марта звание «Мисс СССР». А он обиделся и говорит: «Значит, просто как с Генеральным секретарем вам со мной целоваться уже неприятно?!»

* * *

Встретились как-то два психа. Один кричит: «Я Наполеон! Я Наполеон!», другой: «Я Жириновский! Я Жириновский!» Первого увезли в психбольницу, а второго отпустили.

Потому что оказалось, что он действительно Жириновский...

Штирлиц и Мюллер

Встречает как-то Мюллер Штирлица на пляже и говорит:

– Скажите, дружище, что это у вас на татуировке Маркс и Энгельс есть, а Ленина нет?

– А меня когда сюда к вам засылали, группенфюрер, сказали, что только немцев

можно...

* * *

Заходит как-то Мюллер к Штирлицу и спрашивает:

– Штирлиц, дружище, вы танцевать умеете?

– Умею, а что?

– Танцуйте – тут вам шифровка из Москвы пришла!..

* * *

Подходит как-то Мюллер к Штирлицу и говорит:

– Штирлиц, дружище, вы у нас уже десять лет работаете, а я вас пьяным ни разу не видел! Ну вы прямо как не русский!

– Что вы хотите, группенфюрер, на свои я не пью – валюту экономлю, а от вас, немцев, угощения фиг дождешься!..

* * *

Подходит как-то Мюллер к Штирлицу и говорит:

– Послушайте, дружище, вы не хотели бы бизнесом заняться?

– С удовольствием, группенфюрер. А что вы предлагаете?

– Ну давайте, например, в подвале нашего гестапо ночной клуб откроем!

– Ночной клуб? В подвале гестапо?! Нет, люди не пойдут!

– Не волнуйтесь, Штирлиц. Люди – это уже наши проблемы!..

Три богатыря

Встречает как-то в канун Первого мая Илья Муромец Змея Горыныча и говорит:

– Хорошо тебе, Горыныч! Ты же у нас трехголовый. В любой момент по случаю праздника на троих сообразить можешь!

– Ну и что тут хорошего, Илюша? Пьют трое, а печень-то одна!

Говорит как-то Алеша Попович Илье Муромцу:

– Слышь, Илюша! А чего это у тебя все время на поясе плачет?

– А это пейджер!

– А чего оно такое – пейджер?

– Это чтобы мне важные сообщения передавать! Последнее слово техники!

– Ух ты! Ну и чего передают?

– Сейчас посмотрим... О! Читаю: «Илье Муромцу. Есть серьезный разговор. Срочно приложи ухо к земле!..»

Встречает как-то Илья Муромец Змея Горыныча и говорит:

– Слышь, Горыныч, я давно хотел тебя спросить: вот головы у тебя три, а как, извини, насчет остального?

– Ну ты нетактичный, Илюша!

– Это чего?

– Рубишь спьяну что попало, а потом еще вопросы задаешь!..

Про Герасима

Идет Герасим, а навстречу ему Каштанка. Он ее хватить – и топить. А она вырвалась и говорит: «Вот деревня! Чехова от Тургенева отличить не может!»

Когда депутат российской Государственной думы Герасим Н. начал свое выступление со слов «Му-му...», все сразу поняли: сейчас начнет топить правительство...

О жителях Крайнего Севера

Встречаются как-то два жителя Крайнего Севера. Один другому говорит:

– Поздравь меня, однако. Первый в тундре стриптиз-бар открываю!

– А чего это такое – стриптиза?

– Ну как? Женщины будут полностью раздеваться.

– Полностью?!

– Да, но постепенно: сначала одну лыжу, потом вторую...

- Вернулся как-то один житель Крайнего Севера из командировки и говорит другому:
- В Москве был, бар заходил, джин-тоник пил!
 - Ну и как?
 - Не понравилось, однако. Не для нас это!
 - Почему?
 - А пока до льда доберешься, целый час трубочка тянуть нужно!..

Разные

Карлсон наконец-то приватизировал дом, на крыше которого он жил. Теперь на крыше живут жильцы.

* * *

Подходит как-то Пятачок к Винни-Пуху и говорит:

- Знаешь, Винни, прошелся я по магазинам и понял: надо отсюда уезжать!
- Ты что, Пятачок! Чего вдруг?
- Ну подумай сам, какое у меня здесь будущее? В лучшем случае – мясной фарш в кулинарии!
- А там?
- Ну, там... Там я беконом могу стать!

* * *

Два новых русских хвастают друг перед другом:

- А я у себя в новой квартире зимний сад устроил!
- Тоже мне! Вот я в своей новой хате зимний лес посадил!
- Ну, это круто!
- Круто-то круто! После того как жена пошла за грибами и заблудилась, пришлось вырубить...

* * *

Встречаются два наркомана, один другому говорит:

- Слышишь, кореш, отгадай загадку: зимой и летом одним цветом.
- Конопля!
- О! Как ты догадался?
- Логика! С чего бы ты меня вдруг про елку спрашивать стал?!

* * *

У одного бывшего жителя Одессы после пяти лет жизни в Америке спросили: «Говорите ли вы по-английски?» Он ответил: «Только со словарем. С людьми пока стесняюсь...»

Авторы «Джентльмен-шоу»

Игорь Миняйло, Александр Тарасуль, Евгений Хаит, Владислав Царев

До середины 90-х в подготовке сценариев передачи принимали участие *Евгений Каминский, Анатолий Контуш, Юрий Сычев, Валерий Хаит*

Рис. А. Дорфмана

Библейские истории [\[8\]](#)

Бог и Моисей

Гора Синай. Бог что-то высекает на каменной доске.

Входит Моисей.

Моисей. Господи, к тебе можно?

Бог. Кто там? А, это ты, Моисей...

Моисей. Ну что, заповеди готовы? А то у меня там народ волнуется...

Бог. Заканчиваю, заканчиваю. Я же вам говорил – погуляйте еще немножко.

Моисей. Еще погуляйте?! Мы и так уже сорок лет гуляем!

Бог. Ну, если вам так горит, то могу предложить только десять. Но учтите – эта работа не закончена.

Моисей. Ой, ладно!.. Хватит нам и десяти. Мы и их не выполним. *(Читает.)* Ага... Так... Ну, «НЕ УБИЙ» – это понятно... «НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ» – это как получится... А вот это я бы на твоём месте вычеркнул.

Бог. Что?

Моисей. «НЕ УКРАДИ». Ты что, нам не доверяешь? Слышишь – вычеркни, мы отблагодарим. Ты понимаешь, о чем я говорю?...

Бог. Так! Все! Мое слово – закон. Я ничего не вычеркиваю.

Моисей. Да? А как русские попросили, так «НЕ ПЕЙ» ты для них вычеркнул?

Бог. Так я для вас и «НЕ МОРОЧЬТЕ МНЕ ГОЛОВУ» вычеркнул. И хватит. Все! Иди и не торгуйся.

Моисей. Что «не торгуйся»? Почему «не торгуйся»? Где тут написано «не торгуйся»?

Бог. Так я сейчас впишу!

Моисей *(махает руками)*. Ой-ой-ой-ой!..

Бог. И «НЕ МАХАЙТЕ РУКАМИ» тоже впишу!.. Так что иди к народу, и начинайте соблюдать.

Моисей. Минуточку! Так это что, только для нас или для всех?

Бог. Вообще-то для всех, но спрашивать буду только с вас. Все! Несите! *(Отдает скрижали, евреи несут...)*

Авраам. Поздравляю тебя, Сарра, у нас будет ребенок.

Сарра. Ты что, с ума сошел? Мне девяносто лет.

Авраам. Правильно. Потому что если бы ты больше читала Тору, ты бы знала, что в девяносто лет ты родишь ребенка.

Сарра. Ну да! Потому что если бы ты меньше читал Тору, я бы родила его значительно раньше.

Авраам. Ничего не знаю!.. В конце концов я уже тоже не сопляк какой-нибудь восьмидесятилетний! Но если в Книге написано...

Сарра. Так, может, пригласим на помощь кого-нибудь помоложе?

Авраам. Кого? Мужчину или женщину?

Сарра. Обоих.

Авраам. Нет! В Книге написано, что мы с тобой должны стать родоначальниками всех евреев.

Сарра. А!.. За девяносто лет я бы уже могла нарожать не только евреев, а вообще черт-те кого!

Авраам. Нет! В Книге написано – только евреев. Черт-те кого и так уже нарожали. Так что, Сарра, рожай как написано.

Сарра. А как написано? Дай, я посмотрю... Э! Так ты же не там читаешь! Вот: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иосифа...»

Авраам. Ну?

Сарра. Ну так при чем здесь я?... Если вы все такие начитанные, так идите себе и рожайте!.. Ну что ты стоишь?... Иди!

Авраам. Да!.. Уговорить еврейскую женщину что-то сделать, так легче уже таки да родить самому!

30 секунд!

– Как отличить настоящую водку от поддельной?

– Очень просто. Если утром будет болеть голова у вас – значит, водка настоящая, а если у реаниматора – то поддельная...

* * *

– Как все-таки президентам России и Украины по справедливости разделить Черноморский флот?

– Им нужно пойти к ребе. И тогда независимо от результата будет ясно, кого винить, что его разделили неправильно.

* * *

– Почему в Америке вместе со «скорой помощью» приезжают полиция и пожарные?

– Это началось с приезда первых эмигрантов из Одессы. Кто-то из них, скорее всего женщина, позвонил в «скорую» и сказал: «Срочно приезжайте! Мужу плохо! У него прострел в боку, и он весь горит!..»

* * *

– Почему в Америке так поздно женятся?

– Чтобы получать не только удовольствие, но и пособие по уходу.

* * *

– Когда я говорю по-английски, надо мной смеются, по-русски – не понимают. Что делать?

– Говорите по-еврейски. Вам, по крайней мере, будут сочувствовать.

* * *

– Что будет, если фирма «Мальборо» начнет выпускать «Беломор»?

– Тогда капля никотина будет убивать не только лошадь, но и ковбоя.

* * *

– Почему в Америке мужьям разрешают присутствовать при родах?

– В виде компенсации. Видимо, не всем из них удастся присутствовать при зачатии...

* * *

– Почему все-таки Америка так обогнала Россию?

– Там думают другим полушарием.

* * *

– Можно ли считать одесскую семью неполной, если дети худые?

– Если дети худые, какая же это одесская семья?

* * *

- На улице столкнулись две машины. Как определить национальность водителей?
- Очень просто. Русские сталкиваются лоб в лоб, а евреи – нос к носу.

* * *

- Доплачивают ли вам за риск?
- За риск доплачивают. Но сильно вычитают за удовольствие.

Одесситы – авторы международного КВН

Ефим Аглицкий, Георгий Голубенко, Александр Дорфман, Эдуард Каменецкий, Евгений Каминский, Игорь Кнеллер, Анатолий Контуш, Янислав Левинзон, Юрий Макаров, Юрий Сычев, Эрнест Штейнберг

Историческая справочка [\[9\]](#)

...1 апреля 1987. Возрождение фестиваля. Он не столь масштабен, как в прежние годы, но каждый раз 1 апреля одесситы выходят на улицы и веселятся, как могут...

1991–1995. «Юморину» проводит Всемирный клуб одесситов. Вместе с президентом клуба М. М. Жванецким в Одессу приезжают его друзья – звезды юмора и выступают на всех лучших площадках города. На одной из «Юморин» проходит «Чрезвычайный съезд Юмористической партии», другая называется «Большие одесские именины» и посвящена 60-летию М. М. Жванецкого, на третьей в Одессе открывают первый в мире памятник герою одесских анекдотов Рабиновичу (идея М. М. Жванецкого, скульптор Резо Габриадзе). Во дворе, где жил Л. О. Утесов, отмечается его столетний юбилей...

1997–2000. Одесской «Юморине» возвращен ее прежний масштаб. Организацию городского праздника взял на себя молодой одесский предприниматель Александр Павловский с командой. В программе нынешней «Юморины» – карнавальное шествие, «Чисто одесские Олимпийские игры», концерты звезд эстрады, многое другое...

Одесский фальшивомонетный двор

Киоски «Союзпечати» в центре города окружены спиралями очередей. Три киоска толпа смяла и разграбила. На глазах у милиции доверчивые горожане меняли свои кровные на фальшивые. Этими событиями отмечено появление 1 апреля 1989 года продукции «Одесского фальшивомонетного двора».

А всего тремя месяцами раньше идея его создания посетила одессита в седьмом колене, в ту пору журналиста, Григория Бараца. Вместе со своими друзьями Петром Макагоном и Львом Новаком он выдвинул идею одесских фальшивых денег.

Художник-фантазер Григорий Розенберг превратил идею в эскизы, добавляя свое видение купюр как симбиоза карикатуры и социально-политического плаката.

«Деньги – лучший подарок» – этот лозунг появился на одесской фальшивой валюте, которая шла нарасхват. Особенно нравились одесситам и гостям купюры «Семь лир» (Бабель, Багрицкий, Ильф, Петров, Катаев, Олеша, Инбер), казначейский проездной билет «Семь сорок», одесские левые деньги «Два лева» и другие.

Следующим ударом по карманам горожан стала фальшивая чековая книжка, а также одноразовая монета для взяток «Один Ельцин». К 195-летию города появилась «Юбилейная монета без достоинства».

Соотношение стоимости фальшивых денег к тогда еще рублям неизменно росло в пользу первых. Вероятно, это дало фальшивомонетчикам возможность открыть отделение под названием «Самнаград». Все жители города независимо от заслуг могли самолично награждать самих себя орденами «Одессита Первозванного» и по числу ступеней Потемкинской лестницы «Одессита всех 192 ступеней».

Естественным сплавом документов и денег стала всеобщая фальшивая паспортизация одесситов. «Фальшивый паспорт – это удостоверение вашей личности» – под таким девизом в 1990 году появился «Дюкастый, портастый одесский паспорт», дававший право на «случайные экономические связи».

Остановила фальсификаторов рука грозного партийного начальника. Увидев «Подарочный партбилет», он порекомендовал руководству «Союзпечати» изъять из продажи продукцию Одесского фальшивомонетного двора.

Возродятся ли фальшивомонетчики в Одессе?

Это ли вопрос? Жила бы Одесса, а там...

О памятнике Рабиновичу

1. К истории вопроса

Идея увековечить память героя одесских анекдотов Рабиновича существовала в нашем городе давно.

Думали, например, установить на каком-нибудь одесском доме памятную доску с надписью... Ну, что-нибудь типа: «В этом доме с 1905-го по 1985 год не давали жить Рабиновичу».

Потом была мысль переименовать в улицу Рабиновича какую-нибудь одесскую улицу. Но и тут возникли сложности. Если переименовать в улицу Рабиновича, скажем, улицу Ленина, то могут обидеться коммунисты. Если назвать именем Рабиновича, наоборот, улицу Еврейскую, то, поскольку на ней в Одессе всегда находились КГБ и МВД, мог бы обидеться сам Рабинович.

Думали, наконец, назвать именем Рабиновича какой-нибудь корабль. Но стало ясно, что он в этом случае тут же отчалит, причем известно куда...

Поэтому и решили установить в Одессе именно памятник герою одесских анекдотов. Тем более что сами герои одесских анекдотов из Одессы практически уже уехали.

2. Некоторые сведения из биографии

Герой одесских анекдотов Рабинович родился еще задолго до того, как родилась Одесса. Чем сразу же вызвал смех.

С тех пор любой факт его биографии вызывал ту же реакцию.

О нем рассказывали разное. Но если это было смешно, то, значит, это было точно о нем.

Некоторые считают, будто все, что о нем рассказывают, – это анекдоты. Но на самом деле это чистая правда. Обнаруживаемое несоответствие как раз и вызывает смех.

Самое поразительное заключается в том, что в какие бы трудные жизненные обстоятельства Рабинович ни попадал – рассказ об этом всегда помогал жить другим.

3. Музейная справка

Памятники героям анекдотов стали ставить еще в древнейшие времена. Предание гласит: «Уезжает Зевс в командировку. А в это время к его жене Гере приходит простой смертный. Тут Зевс нехоти и не вовремя возвращается. И поскольку водопроводчиков еще не было, Гера сказала, что к ней пришел скульптор. И пришлось Фидию так высесть Зевса, – естественно, в мраморе. Так появился первый памятник герою анекдота. С тех пор вошло в обычай ставить подобные статуи».

В нашей стране эта традиция блюлась весьма строго. Памятники героям анекдотов стояли в каждом городе, вызывая взрывы хохота и гром аплодисментов. Но несколько лет назад народы СССР, неожиданно утратив чувство юмора, объявили памятникам войну. Первой жертвой пал Железный Феликс, вслед за ним полегли и другие каменные гости.

Приятно отметить, что Одессы эта эпидемия не коснулась. Вовочка как указывал дланью на гастрон на Московской, говоря: «Пора, товарищи, пора!», так и указывает. И знаменательно, что 1 апреля, в день рождения Николая Васильевича Гоголя, в нашем городе открылся памятник Рабиновичу. Один описал смех сквозь слезы, другой «сквозь этих слез» смеялся. Хорошо смеется тот, кто смеется искренне. И пусть никогда не наступит то 1 апреля, когда рассмеется последний Рабинович!

Георгий Голубенко, Валерий Хаит
Кабаре Бени Крика

Пикантные истории из одесской истории

Музыка разных стран и народов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шут, он же Дух кабаре.

Беня.

Соня.

Маруся, Роза, Рая, Василий Шмаровоз – их дети.

Сашка Музыкант – руководитель оркестра, роль бессловесная.

Остальные действующие лица появляются и представляются по ходу спектакля.

На сцене интерьер кабаре, вывеска «Кабаре «Одесса». Звучит музыкальное вступление. Появляются все участники спектакля в соответствующих костюмах артистов кабаре. Поют.

Мадам, месье, бон суар, панове, здрасьте!
Вас поразвлечь имеем мы в виду.
Вокруг Одессы вновь бушуют страсти,
Как в том далеком девятнадцатом году.

Опять пальба, и снова массы
Голодных, хоть уже и не рабов,
Готовы дружно брать сберкассы
И, может быть...
— Не дай бог, конечно! —
Вернуть большевиков!

И вот среди большой разрухи,
Что разыгралась на дворе,
Мы вам протягиваем руки
И приглашаем в наше кабаре!

— Кабаре «Одесса» приветствует вас, друзья!

Звучит вступление к песне «На Дерибасовской открылась пивная...» Вперед выходят солисты, поют.

У кабаре не зря название «Одесса»,
Наивно веря в наступление прогресса,
Его открыла, впрочем, не без интереса,
Вполне типичная одесская семья.

Весь вечер соло у плиты рыбачка Соня —
Поджарит рыбу вам не хуже, чем Фанкони.
А это кто сидит у кассы, как на троне?
Специалист как раз по кассам Беня Крик.

В момент обслужат вас, беседе не мешая,
Три юных грации – Маруся, Роза, Рая,
А у дверей, наш местный рэкет представляя,
Стоит весь вечер Васька Шмаровоз.

В программе сплошь у нас одесские таланты —
Легко исполнят и куплеты, и бельканто,
Кордебалет вообще с пеленок на пуантах,
И заворкестром Сашка Музыкант!

— Сегодня в программе: все для любителей одесской экзотики и почитателей советской

эротики!

– И в конце программы – соло Одессы-мамы!

Вступление к песне «Купите бублики». Вперед выходит солист в канотье.

Для нашей публики,
Отдавшей рублики,
Споем мы «Бублики» —
Вот наш сюрприз!

А если публика
Добавит рубликов,
Споем мы «Бублики»
Еще на бис!

И вновь для публики,
Собравшей рублики,
Все те же «Бублики»
Споет артист...

– А вы не боитесь, что мы таким образом разденем публику?

– Так вот, когда мы ее окончательно разденем, то

За те же рублики
Покажем публике
Не только «Бублики»,
Но и стриптиз!

Вступление к песне «Она была модистка...» Солистка в строгом пиджаке, но в очень короткой юбке. В сопровождении мужчин.

Была я пионерка —
Всегда готова!
Теперь девиз мне этот
Сгодился снова!..

Была я комсомолка —
«Даешь!» – кричала...
Теперь, зачем кричала,
Понятно стало...

Была я коммунистка
И член райкома...
– Мадам, про этот случай

Допойте дома!

Смена мелодии. Соня и дети.

– Мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимни холода?
У меня нет теплого платочка!
У меня нет зимнего пальта!
– Дети, дети, бросьте волноваться
И к тому же нервничать притом!
Ну чего нам той зимы бояться,
До нее мы вряд ли доживем!..

Вновь мелодия «На Дерibasовской открылася пивная...»

Ну, в общем, ясно всем присутствующим в зале,
Что кабаре не зря «Одессой» мы назвали,
Ведь если вдуматься, то этим мы сказали,
Что вся Одесса – город-кабаре!..

Все уходят. На сцене остаются Беня и Соня. Появляется Шут.

Шут. Вот горе-то... Беда-то какая, Господи! Нет, не могу видеть, просто сердце разрывается! Не мо-гу!.. *(Плачет.)*

Беня. Подождите! Кто? Что? Почему вы плачете? Кто вы такой?

Шут. Я кто такой?... *(Плачет.)* Да шут я, не видите, что ли? Клоун, весельчак, в общем... Нет, сейчас просто умру от горя!.. Скончаюсь сейчас!.. Как жалко!

Соня. Кого жалко?

Шут. Вас, кого же еще! *(Плачет.)*

Беня. Но почему? Почему вам нас так жалко?

Шут. Почему? *(Подзывает их поближе, доверительно.)* Глупые очень!..

Соня. Мы?

Шут. Конечно! Кабаре они открывают!.. А что у вас для этого есть?!

Беня. Ну как что! Меню, программа, вывеска...

Шут. И это все?

Соня. А что еще надо?

Шут. Да вы в какое время живете?! Вы вообще газеты читаете?!

Беня. Да как-то стараемся... не читать...

Шут. То-то и оно!.. Вот *что* сегодня больше всего нужно нашему человеку?

Соня. Наверно, еда?

Шут. Неправильно!.. Человек без еды вообще может прожить месяц. А наш человек, как выяснилось, 74 года. Причем это, оказывается, только начало!..

Беня. Ну тогда жильё там... одежда...

Шут. Ошибаетесь! Я спрашиваю: без чего наш человек совершенно не может жить?

Соня. Без родственников.

Шут. Ладно. Ставлю вопрос иначе! Абсолютно один! В пустыне! Голый, босый и без еды! Что должен иметь сегодня наш человек, чтобы чувствовать себя счастливым?

Соня. Не знаем...

Шут. Он должен иметь свой национальный флаг!

Беня. Вы думаете?

Шут. Нет, вы точно газет не читаете!.. О чем сегодня думают лучшие умы человечества? Только об одном: какой они все национальности!.. Я уже не говорю о дураках, которые только об этом и думают!.. А вы говорите – программа, вывеска!.. Что будет, так сказать, реять над вашей крышей, развеяться на ветру и полоскаться над вашими головами?

Соня. Наверное, белье?

Беня. Да подожди, Соня!.. Ну хорошо. А какой флаг, по-вашему, должен висеть над нашим кабаре?

Шут. Это другой вопрос... Как оно у вас называется?

Беня. «Одесса».

Шут. Значит, такой же, как над Одессой!

Соня. А какой над Одессой?

Шут. Нет, вы меня сегодня точно выведете!.. Одесса – это чей город?

Соня. Ну, говорят... украинский.

Шут. Нет, я серьезно спрашиваю!

Беня. Тогда... еврейский!

Шут. Ну не настолько серьезно!

Соня. Тогда мы не знаем... Как-то не думали...

Шут. Скажите спасибо, что я подумал! *(Торжественно.)* Итак, первая звезда кабаре «Одесса» русская императрица Екатерина Вторая! *(Исчезает.)*

Соня. Какая императрица?

Беня. Ты же слышала – русская! Значит, видимо, из России.

Соня. Подожди! Они же там давным-давно свергли монархию!

Беня. А кто их знает, может быть, уже и восстановили. Ты же видишь, у них там каждый день все меняется.

Соня. Ой, Беня, смотри!

Звучит вступление к песне «Дорогой длиною...» На тройке, запряженной фаворитами, выезжает Екатерина Вторая, поет.

Екатерина. Вечно об империи в заботе,

Мне, друзья, увы, не до балов!

Помогают мне в моей работе

Князь Потемкин, Зубов и Орлов!..

Фавориты. Мы ценим, матушка, твое доверие,

Для нас важней, чем сбруя для коня,

Забота царская да об империи...

Екатерина. Что по ночам так мучает меня!..

Тайну всех наук хочу познать я,

Жажду просвещения умов...

Помогают мне в моих занятиях

Князь Потемкин, Зубов и Орлов!

Фавориты. И здесь признаемся мы без смущения:

Для нас важней, чем сбруя для коня,

Забота царская о просвещении...

Екатерина. Что по ночам так мучает меня!..

Мне за все труды – одна награда, -

Да, друзья, конечно же, любовь!

Фавориты. Ну а здесь тем более мы рядом:

– Князь Потемкин,

– Зубов

– И Орлов!

Вместе. Дорогой длинною да ночкой лунною

Всегда умчать готовы три коня

Царицу славную, царицу юную...

Потемкин. Что по ночам так мучает меня!

Орлов. Нет, меня!

Зубов. Нет, меня!

Екатерина. Мальчики, не ссорьтесь!

Потемкин. Слезай, матушка, приехали...

Екатерина. Где это мы?

Потемкин. Ты же просила на курорт за границу, вот мы тебя в Одессу и доставили.

Екатерина. Хм-м... Интересно. С каких это пор Одесса стала для нас заграницей?

Орлов. Уже, почитай, год как стала... Вот хоть у аборигенов спроси... *(Бене и Соне.)* А

ну, уважаемые, вы кто у нас теперь? Заграница?

Беня. А як же!..

Потемкин. О!..

Екатерина. Что-то я не понимаю... А ну, скажи-ка мне, Зубов, какой город по моему указу от 1794 года мы здесь построили?

Зубов. Русский, матушка!

Екатерина. Точно?

Зубов. А как же!.. Да вы вокруг посмотрите! Воды – нет! Дома разваливаются, дороги проваливаются!.. Так какой же это город, по-вашему, – немецкий, что ли?!

Екатерина. Вот видите!

Беня. Простите, а еще чем-нибудь, например, вы можете доказать, что этот город русский?

Потемкин. Ну еще, например, мы можем вас выпороть!..

Екатерина. Да подождите, князь!.. *(Бене и Соне, радушно.)* Православные!..

Соня. Беня, это она нам?

Беня. По-видимому...

Соня. Но до Екатерины Второй нас же так никто не называл!

Беня. Так в этом смысле она первая!..

Екатерина. Дети мои, подойдите ко мне... (*Бене.*) Как зовут тебя, добрый молодец?

Беня. Бенцион...

Екатерина. Древнерусское имя.

Соня. Вы так думаете?

Екатерина. Конечно! Сейчас на Руси таких уже почти нет...

Беня. Вообще-то я иудей, ваше величество...

Екатерина. Да? Ну, не знаю. Может быть, нация у тебя и иудейская, но тебя лично я назначаю русским. Причем на вечные времена!.. Купцом будешь... А это, выходит, супруга твоя?

Соня. Соня...

Екатерина. Очень приятно! Назначаю тебя женой русского купца. И тоже на вечные времена!..

Соня. Я, собственно, так и планировала...

Появляются Маруся, Роза и Рая.

Беня. А это три наши дочери...

Дочери (*по очереди*). Маруся... Роза... Рая...

Фавориты (*оживившись*). Трижды приятно!..

Екатерина. Осади!.. Что, понравились?

Потемкин. Хорошие девушки...

Екатерина. Прекрасно! Значит, назначаю вас на вечные времена девушками!..

Дочери (*нав на колени*). За что, матушка?! Пощади!..

Екатерина. Не спорить с императрицей!.. Так... А еще кто у вас тут есть?

Маруся. Васька еще есть. Шмаровоз. (*Подталкивает Василия вперед.*)

Екатерина. Шмаровоз – это что, конь, что ли?

Маруся. Человек, матушка.

Екатерина (*глядя на него*). Ничего не знаю, назначаю конем!..

Василий. Ну как же, матушка?...

Екатерина. Слово русской императрицы – закон!.. Ну вот, а теперь, значит, чтобы ни у кого больше не было сомнений, что этот город русский, приказываю сей же момент поднять над ним русский флаг!.. Какое для вас тут самое святое место в городе?

Беня. Синагога, ваше величество!

Екатерина. Вот, значит, там и поднять!..

Водружают над кабаре «Одесса» русский флаг.

Орлов. А теперь, дорогие, как принято у нас на Руси по поводу всех этих прогрессивных преобразований – народное гулянье!.. Накрывай на стол!

Маруся (*вынимая блокнот, как заправская официантка*). Что будете пить?

Потемкин. А это уж как водится. По нашему русскому обычаю для начала – самовар.

Зубов. Для начала – с чаем!..

Звучит вступление к песне «У самовара я и моя Маша...» Ансамбль всех участников.

Беня. У самовара я и моя Соня -

Уж пять минут, как русская жена.

Соня. Мой русский фартук сохнет на балконе,
А над Одессой – русская луна.

Дочери. И страсти русские играют
У русских дев – Маруси, Розы, Раи.

Василий. Но их как раз от русских охраняет
Наш русский витязь – Васька-Шмаровоз!

Переход на мелодию песни гусара из оперетты «Холопка».

Орлов. Темная ночка да серый конь лихой...

Соня. Кажется, дочки, пора вам всем домой!

Зубов. Черные очи нам сердце жгут,
Хочется очень остаться нам тут.

Потемкин. Губы как кровь,
Черная бровь...

Екатерина. Под семиструнный звон гитары

Прошу разбиться всех на пары,
Смелее – и да здравствует любовь!..

Эх, душа горит!.. Прокатиться бы сейчас, да с ветерком!.. А ну, где моя тройка?!

Орлов. Ой, извините, матушка, не могу я уже больше с ветерком. Силы не те!..

Екатерина. Ну тогда свежего запрягай! Вот этого! (*Берет за руку Васю.*)

Соня. Вася! Куда ты?!

Василий. Царская служба, матушка.

Соня. В такой должности?

Василий. А что? Начну с коня, а там, глядишь, и в кучера выбьюсь!..

Музыкальное вступление к дуэту «Зимушка-зима» из оперетты «Холопка». Звучит ансамбль.

Мчится тройка удалая,
Все народы обгоняя,
Как великий Гоголь завещал.
Удалая тройка-птица
В даль неведомую мчится
Так, как будто кто ее послал.
Мир от этой тройки без ума,
А может, без ума она сама?...

Под дугой звенят, звенят бубенчики...
А в санях сидят все дети Бенчика.
И перед нами снова светлый путь,
Свернуть бы нам с него куда-нибудь.
Веселой лентою дорога стелется,
И все вокруг цветет, мычит и телится.

Мы всем народам братский шлем привет,
На птице-тройке летя в кювет!..

На сцене вновь Беня и Соня.

Соня. Что же это получается, Беня?

Беня. А что?

Соня. Выходит, мы с тобой открыли русское кабаре?

Беня. Что поделаешь, Соня. Такая наша судьба... Не переживай! Между прочим, если хочешь знать, все русские рестораны в мире открывают исключительно евреи!..

Соня. А нам теперь, как говорится, сам Бог велел. *(Поет.)*

Жили мы, Беня, и не знали,
Что приготовит нам судьба.

Беня. То, о чем мы и не мечтали,
Вдруг случилось...

Соня. Официально нам сказали,
Кем можем мы считать себя.

Беня. Боже, за что нам оказали
Эту милость,
Соня...

Соня. Беня...

Беня. Соня...

Соня. Беня...

Беня. Русская семья!.. *(Смена мелодии.)*

Соня. Россия, Россия!
Россия – родина моя!..

Слышны звуки «Марсельезы». На сцену выходят три француза. У одного в руках флаг.

Первый. Вив ля Франс!

Беня. Что он говорит?!

Второй *(Бене и Соне).* Привет, французы!

Соня. Беня, как ты думаешь, это они тоже нам?

Беня. Похоже.

Соня. Да вы с ума сошли! Какие еще французы, когда мы всего полчаса как русские!..

Второй. Что значит русские?! Кто вам такое сказал?!

Беня. Ну как же... Русские... Они говорят, что они построили этот город.

Третий. Ха! Они построили?... Ну, построили!.. Но по чьему плану?! Что вы молчите, де Волан?! Хотел бы я видеть, что бы они построили, если бы у них не было вашего проекта!.. Впрочем, что это я говорю? Не дай Бог мне такое увидеть!..

Беня. Но...

Первый. Что значит «но»?! И вообще, что это за флаг там у вас висит?! *(Своим спутникам.)* Друзья! Мне кажется, что здесь задета честь Франции!

Второй. Да. Дуэль и только дуэль!..

Третий. Вы абсолютно правы, Ришелье!.. *(Бене.)* Мсье! Я вызываю вас на дуэль!.. Где ваша шпага?!

Беня. Какая шпага?! Соня, у нас есть шпага?!

Соня. Нет.

Третий. То есть как?! У вас нет шпаги?!

Беня. А что вас удивляет? У нас много чего нет!..

Третий. Ага. Я понял. Значит, вы предпочитаете пистолет!

Беня. Послушайте, уважаемый! Если бы у меня был пистолет, у меня бы уже все было!..

Третий. Ничего не понимаю!.. Ланжерон, я вас прошу, одолжите ему свою шпагу!

Второй *(даёт шпагу).* Мсье!.. *(Беня берет.)*

Соня. Одолжить?! Ни в коем случае! Мы никогда ни у кого ничего не одалживали! Беня, верни немедленно! *(Забирает у Бени шпагу, отдает французам.)*

Третий. Так, господа... Может быть, вы что-нибудь понимаете?! *(Бене.)* Послушайте! Я вызываю вас на дуэль, и как истинный француз вы просто не можете отказаться!..

Беня. Как истинный француз я и не отказываюсь!

Соня. Беня, что ты говоришь?!

Беня. Подожди!.. *(Французам.)* Но как человек совершенно другой национальности я категорически против! *(Хочет уйти.)*

Третий. Стойте!.. Я ничего не понимаю!.. *(Бене.)* Да вы с ума сошли! Я бросаю вам перчатку! *(Бросает.)*

Беня. Вот это другое дело!.. Перчатку я с удовольствием возьму! *(Поднимает перчатку.)* Кстати, если бы вы бросили мне и вторую, я был бы вам очень благодарен! С перчатками у нас как раз сейчас сложности!

Первый. Что он говорит?!

Соня. Простите, молодые люди! А женских таких же у вас случайно нет?

Второй. А?!

Маруся *(появляясь).* Девочки, сюда! Перчатки дают!.. Кажется, французские!..

Появляется Рая.

Второй *(восторженно).* О, что мы видим?! Какие красотки!..

Маруся. Маруся...

Рая. Рая...

Третий. О-о-о!..

Соня. Что – «о»? Что – «о»? Это вы еще нашу Розу не видели!.. Розочка, выйди к людям!.. Розочка!..

Беня. Ага! Так она вам и выйдет! Вот как нужно объявлять!.. *(Встав в позу.)* Розалия! Прощу вас!.. Ваш выход во двор!..

Звучит вступление к арии Джудитты из одноименной оперетты. Появляется Роза в роскошном наряде. Поет.

Роза. Привет вам, господа!..

Как всех мужчин влечет сюда!
Не в силах по ночам уснуть,
Они готовы в путь,
Чтоб на меня взглянуть!..
Но стоит ли спешить?...
Я вас должна предупредить,
Что чудным блеском глаз могу я вас
Не только ранить, но убить!..
Сейчас польется песнь моя, —
Ловите этот миг! —
И вы узнаете, друзья,
В чем сила Розы Крик!..

Я под солнцем одесским росла!
Этот воздух с рожденья пила!
Ежедневно купалась я в море,
Где резвилась на просторе...
Образ жизни здоровый вела,
По ночам на балконе спала!
Ела ранние фрукты, друзья!..
Вот откуда вся сила моя!..

Танцует, демонстрируя силу своей красоты.

...Чтобы стать вам такими, как я,
Ешьте ранние фрукты, друзья!..

Первый (*целуя ей руки*). Боже, какая красotka!.. Все! Я у ваших ног!..

Беня. А что вас удивляет? Всем известно, что самые красивые в мире женщины живут в Одессе!

Второй. Вот! И это главное доказательство, что Одесса – французский город!.. Или вы будете утверждать, что самые красивые в мире женщины – это не француженки?...

Дочки. Ах!..

Первый. Де Волан, я вас умоляю. Две дуэли в один вечер – это много даже для вас. (*Показывает на Беню.*) Я уже не говорю о нем!.. Прощайте, мы уходим!

Беня. Но я же ничего такого не говорил!

Первый. Тогда здарсьте, мы возвращаемся!

Появляется Шут.

Шут. Нет-нет, господа. Пожалуйста, не уходите!.. (*Торжественно.*) На сцене – французские звезды кабаре «Одесса» де Волан, Ланжерон и Ришелье! Куплеты о том, ради чего когда-то делали карьеры имевшие еще европейские манеры одесские мэры!

КУПЛЕТЫ ОДЕССКИХ МЭРОВ

Мы Одессой управляли,
И немало лет!
В чем же мудрого правления секрет?
Вы спросите нас, друзья, и мы ответим вам,
Что секрет у нас один: шерше ля фам!..
Пусть откроет, скажем, де Волан,
Как возник Одессы план?..
– Ладно, только не для прессы.
Начертил я план Одессы,
Чтоб запомнить адреса знакомых дам!
– Да?!
– Ну а зачем еще был нужен этот план?...

Припев:

Лишь ради женщин,
Одесских женщин,
Мы этот город возвели!
И славой каждый
Из нас увенчан
Лишь потому, что нас они влекли!
Они зажгут вас
И успокоят,
И вы, друзья, поверьте нам,
Что жить в Одессе,
Ей-богу, стоит, —
Ведь только здесь найдете вы одесских дам!..

– А теперь расскажет всем, надеюсь, Ланжерон,
Что полезного в Одессе сделал он!
– О, немало, господа, больших и славных дел
Посвятить одесским дамам я сумел!..
– Ну а в чем же главный козырь ваш?
– Я открыл в Одессе пляж!
И с тех пор на Ланжероне
Дамы все как на ладони,
Что, конечно, украшает город наш!
– Да?!
– Я много раз не зря ходил на этот пляж!..

Припев:

Лишь ради женщин... (и т. д.)

– Вот и ваш, любезный герцог, наступает миг,
Ведь не зря вам город памятник воздвиг!..

Не пора ли наконец вам тайну приоткрыть:
Чем смогли вы одесситок одарить?

– Я отвечу вам без лишних слов:

Я дарил им всем любовь!..

– Да?!

– Ведь не зря же на бульваре,

Извините, в пеньюаре

Я стою уж двести лет, на все готов!

– Да?!

– Я стою, в любой момент на все готов!..

– Да?!

– Он двести лет стоит, а все еще готов!..

Лишь ради женщин,

Одесских женщин,

Мы этот город возвели!

И славой каждый

Из нас увенчан

Лишь потому, что нас они влекли!

Они зажгут вас

И успокоят,

И вы, друзья, поверьте нам,

Что жить в Одессе

Вообще не стоит!..

А если стоит жить, то только ради дам!..

Роза, подхватив одного из французов под руку, собирается уйти.

Соня. Розочка, куда ты?!

Роза. На променад!

Соня. Но я надеюсь, к одиннадцати ты будешь дома?

Роза. Надеюсь, нет!

Соня. Беня, ты слышишь?! Хотя чему я удивляюсь, мы же теперь французы! Наверно, у нас так принято...

Беня. Подожди, Соня. Ты все-таки уверена, что мы французы? Мы же только что были русские!..

Соня. Нет, как вам это нравится?! Он еще спрашивает!.. У человека три дочери, и все

три француженки, значит, этот человек кто?!

Беня. Ну-у... Может быть, и русский...

Соня. Беня, как тебе не стыдно?!

Беня. Значит, француз!..

Соня. Вот!.. Так что, *вив ля Франс*, месье Крик?!

Беня. Или!..

Звучит мелодия «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Все участники поют.

Париж, без сомненья, конечно же, Париж,
Но есть, без сомненья, и Одесса.
Лишь здесь побывав, ты душою воспаришь,
Как будто бы с глаз упадет завеса.

Одесса, Одесса – большое кабаре,
Ты создана лишь для развлечения.
Не жил здесь, конечно, Бальзак де Оноре,
Но дух здесь французский жил, без сомненья!
Одесса, Одесса вновь слышит на заре
Французского гимна исполнение...

Переход на мелодию финала «Марсельезы».

Отречемся от старого мира
И откроем кабаре!..

Водружают над кабаре «Одесса» французский флаг и уходят. На сцене вновь Беня и Соня. Появляется Гарибальди в плаще и соответствующей шляпе.

Гарибальди. Терпение, друзья, терпение!.. И не сомневайтесь: сегодня же вся Италия будет свободной!..

Соня. Какая Италия?

Гарибальди. Эта!

Беня. Что он говорит?

Гарибальди. Я говорю, лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

Соня. А?

Гарибальди. Родина или смерть?

Соня. Послушайте, молодой человек. Если вам нужна Италия, то это до Босфора прямо, а потом направо.

Гарибальди. Нет! Вы меня не поняли. Италия – это здесь!

Беня. В таком случае, вам нужно к психиатру. А это как раз наоборот: три квартала направо, а потом уже прямо!

Гарибальди. Понимаю вас, друзья! Конспирация и еще раз конспирация!.. Бедные мои!

Каково вам – истинным итальянцам жить под чужими флагами!..

Беня. Я надеюсь, вы не собираетесь повесить здесь еще и свой?

Гарибальди. Конечно! Я принес его на своей груди!.. Правда, я решил его пока не снимать... чтобы не простудиться... Но зато теперь, если враги захотят повесить меня, то они таким образом вынуждены будут повесить и флаг нашей свободолюбивой родины!..

Соня. О Господи, кто вы такой?!

Привлеченные разговором, появляются Маруся и Рая.

Гарибальди. Меня зовут Джузеппе Гарибальди! На врагов это имя наводит ужас. Поэтому друзьям... чтобы они не пугались, я разрешаю называть себя просто Джузеппе... *(Знакомится со всеми.)* Джузеппе... Джузеппе... *(Рае.)* Джузик... Сегодня утром мы выступаем! И верьте: победа будет за нами! Сейчас я всем раздам оружие!..

Соня. Только не это!

Гарибальди. Хорошо, тогда оружие я раздам после победы!..

Беня. Нет, это невозможно!.. Да объясните же, наконец, с чего это вы взяли, что мы итальянцы?!

Гарибальди. А как же! Чистокровные итальянцы!.. Кстати, прямые потомки выдающихся итальянских певцов. Причем все до одного!.. О-о-о!.. *(Выводит руладу.)*

Соня. Молодой человек, может быть, все-таки проводить вас к психиатру?

Гарибальди. Подождите. Вы что, действительно ничего об этом не знаете?!

Беня. Нет.

Гарибальди. Ну хорошо. С чего начинали строить ваш город?

Соня. Наверное, с водопровода.

Гарибальди. Ну, тогда его еще не начинали!.. Я серьезно спрашиваю!

Беня. Не знаем.

Гарибальди. С итальянской оперы!

Соня. Ну и что?!

Гарибальди. А кто пел на сцене этой оперы?... Молодые, красивые итальянские певцы, полные темперамента!.. Улавливаете?

Беня. Не очень...

Гарибальди. Колоссальный успех у женщин! Причем у всех без исключения!.. Ну? Продолжать?...

Соня. Подождите, подождите!.. То есть вы хотите сказать – у всех женщин, живших тогда в Одессе?!

Гарибальди. Мадам, да сколько их тогда тут было?! Тысяч десять-двенадцать... Город же только начинался! А у нас все-таки была труппа! Пять человек!.. Да что говорить, я один... кстати, об этом мало кто знает, но в молодости я тоже пел на сцене одесской оперы, и это исторический факт!.. Так вот, даже я один в роли Фигаро имел... ну, в общем, такой огромный успех у женщин!.. Нет, говорить об этом нельзя!..

Соня. Ну пожалуйста!..

Гарибальди. Нет...

Дочки. Но мы вас очень просим!..

Гарибальди. Нет, об этом можно только петь!.. Маэстро, прошу вас!..

Появляется Шут.

Шут. На сцене итальянская звезда кабаре «Одесса», выдающийся певец за свободу Италии Джузеппе Гарибальди!..

Развернутая музыкальная сцена. На мелодию арии Фигаро Гарибальди поет о своей любви к одесским женщинам. Они, естественно, отвечают ему тем же. В результате бурных проявлений чувств Гарибальди теряет последние силы, и восхищенные одесситки торжественно уносят его за кулисы. Откуда он тут же возвращается.

Беня. Так получается, что мы действительно прямые потомки итальянских певцов?!

Соня. Конечно!.. В конце концов, я тебе так скажу, Беня. Если у человека фамилия Крик, это означает, что у него точно должен быть голос!..

Гарибальди. Браво, браво!.. Ну чем не итальянский город!.. Да здравствует свободная Италия!.. *(Водружает рядом с другими флагами флаг Италии.)* Все, друзья! Я вынужден вас покинуть. Боюсь, что мы больше не увидимся. Все равно рано или поздно мне суждено где-нибудь погибнуть за свободу Италии!.. *(Обращаясь к дочерям.)* Надеюсь, прекрасная синьорина разделит со мной эту участь?

Маруся. Я согласна!..

Гарибальди. Нет, вас мы пока оставим в живых!.. *(Рае.)* Я имею в виду вас!..

Рая. Умереть за свободу Италии?

Гарибальди. Да.

Рая. Хорошо. Но только в Италии!..

Звучит вступление к арии Пепиты из оперетты «Вольный ветер». Поет.

С детства далекого мечтала
Я за свободу жизнь свою отдать!
Мучилась, страдала, бедная, не знала,
Где же за нее мне погибать.

Но лишь явились вы у входа,
И тотчас почувствовала я:
В молодые годы гибнуть за свободу
Стоит лишь в Италии, друзья!
Да, я всегда была, да-да, всегда была,
Клянусь, всегда была
Готова за свободу постоять,
А лучше за свободой побежать!..
Готова я была, да-да, всегда была,
Клянусь, всегда была
Бежать, пусть даже к дьяволу,
Лишь только бы мне к дьяволу
Здесь все послать!

Уходит вместе с Гарибальди. Беня и Соня вновь одни.

Соня. Ну что, синьор Бенедетто, чем будем ужинать? Кьянти? Спагетти?... Или все-таки эти... лягушки... с калачами?...

Беня. Ой, Соня, ты знаешь, я уже совсем запутался!.. В общем, я знаю одно: если мне сейчас еще кто-нибудь скажет, что здесь какая-нибудь там, например, Греция, то я!.. я!..

Звучит танец сиртаки. Появляется слепой древний грек с поводырем. Они в туниках. Слепой с лирой.

Соня. Кто это?!

Беня. Понятия не имею!..

Поводырь. Кажется, пришли... Запевай!..

Слепой (*бряцая на лире, вдохновенно*).

Здравствуй, о славный в веках

греческий город Одессос!..

Соня. Ты слышишь?!

Беня. Боже! Я думал, что я пошутил!..

Слепой. Как ты чудесно расцвел

за каких-то три тысячи лет!..

Сколько прекрасных дворцов

роскошью дивной сияют!..

Сколько счастливых людей

лицами радуют глаз!..

Беня. Так, понятно!.. Мы по субботам не подаем, у нас в Италии это не принято!.. До свиданья!.. (*Выпроваживает их.*)

Слепой (*ощупывая Беню*). Кто ты, о юноша стройный с дивного цвета кудрями?! (*Ощупывая Соню.*) Кто ты, о юная лань, станом стройна, как газель?...

Беня. Слушай, отец!.. Ну то, что ты слепой, – это мы поняли еще тогда, когда ты нам тут про город пел. Но вот насчет газели – это, по-моему, даже для тебя перебор...

Соня. Так, Беня! Что такое?! Если тебе не нравится, можешь не слушать!.. А по-моему, хороший поэт!.. И вообще, если слепой человек заметил то, чего не видит зрячий, то это еще не значит, что его нужно гнать!.. (*Слепому.*) Кто вы такой, дедушка? Откуда вы?...

Поводырь. Это великий древнегреческий поэт.

Соня. Неужели Гомер?

Поводырь. Почти что.

Соня. Что, такой же великий?

Поводырь. Нет, такой же слепой.

Беня. Так, все! Дальше я уже знаю! Сейчас они начнут доказывать, что Одесса – это древнегреческий город!

Поводырь. А что тут доказывать?... Всем известно, что именно на этом месте было древнегреческое поселение Одессос!

Беня. Вот! А что я говорил?! В общем... (*Становясь в позу.*) Соня, простите, газель,

слушай сюда, дорогая! Дай им в дорогу еды, пусть они... та-та идут!..

Слепой. О, вы тоже поэт? И тоже владеете гекзаметром?...

Беня. Владею, владею... До свиданья! *(Выпровоаживает их.)*

Слепой. Простите, а вот это «та-та» в последней строчке что у вас означает?

Беня. Какая «та-та»? *(Продолжает их выпровоаживать.)*

Слепой. Ну вот это: «пусть они та-та идут...» Так это куда?

Беня. Ах, это?! Ну это я вас сейчас провожу!

Провоажает. Появляется Маруся.

Маруся. Подождите, папа!.. Что вы их гоните? Как за Розой и Раей приходили, так не гнали!..

Беня. Почему ты думаешь, что это за тобой? Он же слепой!..

Поводырь. Так, наверно, поэтому она и думает!..

Беня. Идите, идите!..

Поводырь. Подождите! Стойте!.. У вас лопата есть?

Беня. Какая лопата?

Поводырь. Обыкновенная!

Соня. Видишь, Беня! Люди, оказывается, зашли одолжить лопату, а ты их сразу гонишь!..

Беня *(обескураажено).* Да? А Древняя Греция здесь при чем?!

Соня. Ну надо же было с чего-то начать разговор!.. Пожалуйста! *(Дает им лопату.)*

Поводырь *(отдавая лопату Бене).* Копайте!

Беня. Что?

Поводырь. Копайте! *(Беня копает.)* Еще!.. *(Беня копает.)* Доставайте!

Соня *(глядя вниз).* Ой, Беня, какая-то амфора!.. И на ней какой-то древний грек!.. *(Достаает амфору.)* Ой, копия ты!.. А что тут внутри?... Свиток какой-то...

Поводырь. Читайте!

Беня *(разворачивает, читает).* «Моему далекому потомку Бенитису Крикису от его древнегреческого предка Крикиса Абрамуса. Дорогой Беня! Когда ты получишь это письмо, меня, наверно, уже не будет. Но наше местечко Одессос, или как там оно теперь у вас называется, конечно, останется. Так вот что я тебе хочу сказать. Кому бы оно ни принадлежало и как бы тебе хорошо в нем ни жилось, поверь, что людям нашей с тобой национальности, на всякий случай, всегда полезно иметь при себе документ, что ты древний грек! Что я этим письмом и удостоверяю! Ты меня понял, малыш? Привет Соне!»

Поводырь. Вот так-то... Ну, прощайте!.. Прощайте!

Маруся *(появляясь с вещами).* Минуточку, а я?!

Поводырь. Ну и вы, конечно, тоже прощайте!.. *(Уходят.)*

Маруся. Стойте!.. Подождите!..

Слепой и поводырь останавливаются. Звучит вступление к песне «Миленький ты мой...» Маруся поет.

Миленький ты мой,

Возьми меня с собой,
В Греции твоей Древней
Буду я тебе женой!..

Слепой. Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но есть у меня в Греции Древней
Пусть древняя, но жена!..

Маруся. Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
В Греции твоей Древней
Буду я тебе сестрой!..

Слепой. Извините, милая, просто петь некогда!.. И сестра у меня есть... *(Хочет уйти.)*

Маруся. Да подождите!..

Поводырь. Ну что ты к нему привязалась – женой, сестрой!.. Посмотри – он же дряхлый
больной старик!..

Маруся. Больной, вы говорите?! Тогда попробуем по-другому!..

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
В Греции твоей Древней
Буду я тебе медсестрой!..

Слепой. О, это интересно! У вас что, есть специальное образование?

Маруся. Нет.

Поводырь. Какой же ты тогда можешь быть медсестрой?! Вколешь ему что-нибудь не
то – он и концы отдаст!.. Пошли!.. *(Уводит слепого.)*

Маруся. Стойте!.. Ну отдаст так отдаст! Это не страшно!..

Поводырь. То есть?!

Маруся. Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
В Греции твоей Древней
Буду я тебе вдовой!..

Поводырь. Ну дает!.. *(Подзывает ее.)* Так вот что я тебе скажу: и вдова у него есть!..

Маруся. То есть?...

Поводырь. А что тут непонятного?! Когда его первая жена однажды застукала его с
будущей второй, она ему так и сказала: «Все! Считай, что ты для меня умер!..»

Маруся. Ага... Значит, все у него есть... Слушайте, а может быть, у него хоть кого-
нибудь нету?! А?!

Поводырь. Все есть... Он же в Греции живет. Хотя стоп! Месяц назад он, кажется,
потерял двоюродного дядю!

Маруся. Так что же вы молчите?! *(Слепому.)*

Миленький ты мой,
Только возьми с собой!
В Греции этой Древней
Буду я тебе дядя родной!..

Слепой. Спасибо, милая! Как вас зовут?

Маруся. Маруся...

Слепой. Очень приятно!.. Вы меня так растрогали! Поэт не может устоять перед таким чувством... Я сочинил в вашу честь древнегреческие стихи!.. *(Берет лиру как балалайку. Поет.)*

Моя Марусечка,
Я весь навеки твой!
Моя Марусечка,
Поедешь ты со мной.
Моя Марусечка,
Теперь с тобой вдвоем
Мы в Древней Греции уютное гнездо
себе сошьем!..

Моя Марусечка!
– Ах, ты мой древний грек!
– Моя Марусечка!
– Я вся твоя навек!
– Моя Марусечка,
Ах, будь моей женой,
Моей сестрой и медсестрой...
Поводырь. И второй вдовой...

Водрузив над Одессой греческий флаг, уходят. Появляются Беня и Соня в древнегреческих одеждах.

Беня. Ну вот, Соня, наконец-то мы выяснили, кто мы такие.

Соня. О чем ты говоришь, Беня, это же совсем другое дело!

Появляется Шут. Торжественно объявляет.

Шут. Древнегреческие звезды кабаре «Одесса» Бенитис Крикис и Соня Рыбачкис!..

Вновь звучит танец сиртаки.

Соня. В нашем чудесном местечке Одессос

Мы теперь по-другому заживем!

Беня. Взять если, скажем, наш круг интересов, -

Мы другой этот круг себе найдем!

Буду я по утрам

Шествовать в местный храм,

А потом в тени олив

Мирно возлегать...

Соня. Я же, пока ты спишь,

Буду готовить фиш,

Чтоб потом в тени олив

Было что вкушать...

Беня. Вредных волнений и всяческих стрессов

Мы теперь будем мудро избегать.

Соня. И на все беды местечка Одессос

С олимпийским спокойствием взирать!

Беня. Скажем, от новых цен

Делать не будем сцен.

Соня. Просто в жизни не пойдем

Больше в магазин.

Беня. Или – еще напасть -

Прежняя станет власть!

Соня. Так у нас еще с войны

Соль и керосин!..

Ну а если ночью даже

К нам ворвется кто и скажет:

«Где тут те, кто, тра-та-та-та,

В наших бедах виноватый?!» -

То уйдет он в момент,

Так как мы ему предъявим документ!..

Появляется рыдающая Маруся.

Соня. Боже, что с тобой, почему ты плачешь?

Маруся. Бросил!.. Бросил!..

Соня. Кто?

Маруся. Да грек этот древний. Обещал жениться – и бросил!.. А еще великий поэт!

Бегает за каждой юбкой!

Соня. Но он же слепой?!

Маруся. Да? А поводырь ему зачем?...

Соня. Ну ничего, успокойся. Останешься, будешь украшать нашу старость.

Маруся. Я – украшать?

Беня. А что такое? Какая старость – такое и украшение...

Маруся. А может, еще кто-нибудь... это, ну... будет претендовать на наш город?

Соня. Не дай бог!..

Беня. Не смешите меня! Кто может на него претендовать после древних греков?...

Появляются запорожские казаки. Едут на возу, поют.

Казак. Ой, орав мужик край дороги,

Ой, орав мужик край дороги!

Гэй! Ну! Цобэ тоби тпру!..

Край дороги...

Соня *(плача)*. Беня, что это?... Ой, этого я, кажется, уже не переживу!..

Первый казак. Гэй, люды добри!.. Як тут проихаты до Херсону?...

Беня. Фу, слава тебе, Господи! Они просто проезжают мимо... *(Казакам.)* Значит, вам прямо, никуда не сворачивая. И главное – как можно быстрее!.. До свиданья!..

Первый казак. Ну, спасыби! *(Едут, поют.)*

Соня. Кажется, пронесло...

Маруся *(догоняет их, казаку)*. Подождите! А разве вы не будете претендовать?...

Беня. Маруся, не смей!..

Первый казак. На шо?

Маруся. На наш город.

Первый казак. Якый город?

Маруся. Ну, Одессу?

Первый казак. А шо, разве есть такой город?

Маруся. Есть.

Казак. Тоди будэм...

Беня. Ну почему?!

Первый казак. А потому шо мы тэпэр на всэ претендуем... Хлопци! Прыихалы!.. *(Все возвращаются.)* Всэ... Зараз будэмо пысаты пысьмо турэцькому султану...

Второй казак. Правыльно! Нэхай виддае нам нашу ридну Одэсу!..

Соня. Подождите!..

Беня. При чем здесь турецкий султан? Какое он имеет отношение к этому вопросу?

Второй казак. А мы ему по всем вопросам пышем...

Беня. Ну почему?!

Третий казак. А потому шо з намы бильше нихто нэ пэрэпысується...

Первый казак. Так... Шановна громада, прошу розсаджуваться. Почынаемо роботу... *(Все рассаживаются.)*

Второй казак. Можно по процэдури?

Первый казак. Опять?! *(Тот разводит руками.)* Ну иды, тилькы ненадовго... Значыть, так... Сьогодни в нас на повестке дня, як завжды, два вопроса: вопрос другый – пысание пысьма султану, вопрос пэрший – хто вмие пысать? *(Все поднимают руки.)* Шо, вси вмиють? ...

Третий казак. Та не... мы вси по процэдури...

Первый казак. Сыдить уже... Знаю, шо не вмиетэ... Зараз кого-нэбудь знайдэм... *(Бене.)* А ну, йды сюды!.. *(Беня подходит.)* Грамоту знаеш?

Беня. Кто, я?!

Первый казак. Ну не я же!

Беня. Ну, знаю...

Первый казак. Садысь, пыши... *(Беня неохотно садится, берет ручку.)* «Слухай, султан!.. Якшо ты, собака...»

Третий казак. Стоп!..

Первый казак. Шо?!

Третий казак. «Собака» – нельзя! Это не парламентское выражение.

Первый казак. Хорошо. Тогда пыши «кот».

Третий казак. И кот – нельзя. Это не українськэ слово!

Первый казак. Ну, пыши «кит»!

Третий казак. А кит – тэм более нельзя.

Первый казак. Почему?

Третий казак. Потому шо цэ рыба...

Первый казак. Так. Парламэнт зайшов у тупык... У кого какие предложения?

Второй казак. Предлагаю розийтысь на каникулы.

Первый казак. А потом?

Второй казак. Ну а потом, значит, собэрэмося вси пэршого сентября.

Первый казак. И шо?

Второй казак. Ну и пойдём в школу!

Первый казак. Да поймите вы! Не можэ наш народ ждаты, пока мы школу закончим!

От нас сегодня ждуть государственных решений!..

Общий шум.

Беня. Можно мне?

Первый казак. Тыхо!.. Тут ось наш грамотный просыть слова. Ну то есть оппозиция...

Свист, крики: «Ганьба!.. Гэть з трибуны!..»

Беня. Что вы кричите? Я же еще ничего не сказал!..

Второй казак. Потому и кричим, шо не сказав! Якбы сказав, уже б убылы!..

Соня. Беня, я тебя умоляю, лучше я скажу!.. *(Выходит на «трибуну».)*

Первый казак. Тыхо!!!

Соня. Дорогие мои! Поймите, мы с одинаковым уважением относимся и к вам, и к турецкому султану, но боюсь, что в данном случае ваша переписка с ним по поводу нашего города ни к чему не приведет!

Казак. Почему?

Беня. Потому что основали его русские, построили французы, населили итальянцы, а вообще все началось с греков!..

Казак. А мы?!

Беня. А вы просто каждый раз проезжали мимо!..

Слышна песня «Місяць на небі», на заднем плане «проплывает» човен, в котором казак Грицько и Маруся. Это они поют.

Казак. Тыхо, хлопци!.. Писня!.. *(Все умиленно замолкают.)*

Соня *(восторженно)*. Ну Марусяка!..

Молодой казак и Маруся подходят к Бене и Соне.

Грицько. Дорогие тато и мама!..

Маруся. Благословить нас з Грицьком на довгэ щаслывэ жыття!..

Первый казак. Оцэ добрэ дило! Тэпэр, значить, поженяться воны, народять диточок! Одного... а то й двух. И будэ цэ чысто украинськэ мисто...

Появляются француз с Розой.

Француз. Маман! Папа!.. Поздравьте нас!.. Только что ваша Роза стала моей женой!..

Соня. Розочка! К чему такая спешка?!

Роза. Как?! Вы же сами просили! Чтобы успеть к одиннадцати!..

Первый казак. Ага, значить, будэ цэ мисто украинсько-французькым...

Появляются Гарибальди с Раей.

Рая. Мама мия! Папа мия!.. Мы с Джузеппе...

Соня. Подожди! Вы же, кажется, отправлялись в Италию... как это... погибнуть за свободу!..

Рая. Это была ошибка, мама. По дороге мы все поняли: истинный героизм состоит не в том, чтобы погибнуть в Италии, а в том, чтобы жить здесь...

Беня (казак). Так что, панэ гетьман, будет это мисто еще и итальянским!..

Казак. Ну и хай! Главное, чтоб не москальским!..

Появляются Василий с Екатериной.

Екатерина. Православные!..

Василий. Осади!..

Екатерина. Молчу, Васенька, молчу!..

Василий. В общем, так, предки. Уговорила она меня! Благословляйте!

Маруся. Ну, Васька, ты даешь!..

Екатерина. Значит, не Васька он вам теперь, а князь Василий Бенционович Шмаровоз Таврический!..

Первый казак. Тьху ты, Господи!.. *(Уходит.)*

Роза. Так что благословляйте нас всех, папа и мама!..

Соня. Ну что ж, дети мои, благослови вас, как говорится, Бог!..

Появляется Шут.

Шут. А что, мадам, это идея! Бог, вы говорите? Сейчас устроим!..

Беня. То есть как вы устроите?!

Шут. А что! Для нас ничего невозможного нет!.. *(Торжественно.)* На нашей сцене суперзвезда одесского... да что там! – всемирного кабаре... В общем, вы сами знаете, кто!.. Маэстро, прошу вас!..

Звучит музыка из рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Сверху в сиянии нисходит Бог. Все в смятении.

Бог. Беня, ты слышишь меня?!

Беня. Слышу, Господи!..

Бог. А ты, Соня?!

Соня. А я даже вижу!..

Бог. Так что, все меня слышат и видят?

Все. Все!

Бог (*подходит к ним*). Так я, собственно, чего явился?... Я вот тут наблюдаю... Нет, все-таки замечательное место эта ваша Одесса! Чтобы в наши дни люди разных национальностей полтора часа беседовали друг с другом и никто никого при этом не убил?! Поразительно!.. Потому что вокруг вас, извините, не при мне будь сказано, просто черт-те что творится! Я им говорю: люди! За что это вы так сражаетесь?! Неужели за то, кому в конечном итоге будет принадлежать тот или иной клочок земли?! Так я вам уже скажу: если вы так будете вести себя и дальше, то в конечном итоге он будет принадлежать исключительно покойникам!.. И потом, кто вам сказал, что вы все разной национальности?! Вы же все произошли от Адама и Евы!.. А какой национальности были Адам и Ева?... *Вы* знаете?... Потому что я, например, не знаю!.. Судя по именам, видимо, поляки... Это я так шучу!.. Но разве они понимают шутки?... Кстати, может быть, в этом-то все и дело?... Их, например, собирают и говорят: «Днестр – это исконно русская река, случайно расположенная на территории Молдавии». И что же? Вместо того чтобы посмеяться и разойтись, они хватают в руки автоматы и начинают отстаивать эту ахинею...

Или собирают других и говорят, что поскольку Киев – это мать городов русских, то естественно, что к России он не имеет никакого отношения!.. И что вы думаете, хоть кто-нибудь улыбнулся? Наоборот! Они все проголосовали «за», отправив таким образом все остальные русские города к совершенно другой матери!.. В общем, Беня, ты видишь, с кем мне приходится иметь дело?

Беня. Ой, не говорите!..

Бог. Но ты знаешь, оказывается, все не так безнадежно!.. Вот я смотрю на твою семью и понимаю, что вы в вашей Одессе, кажется, нашли выход. Действительно, если люди, как я их об этом просил, не могут любить друг друга, так пусть они хотя бы любят женщин!.. И пусть обязательно на них женятся!..

Потому что если вы хотите, чтобы вас по ночам не беспокоила стрельба, то есть чтобы ваши ночи были спокойными, то пусть они будут брачными. Ибо не может же человек делать два своих любимых дела одновременно!.. Благословляю вас, дети мои!..

А теперь – свадьба!..

Начинается развернутая музыкальная сцена «Свадьба в кабаре «Одесса». Звучат уже известные мелодии. Все пляшут и поют.

На Дерibasовской слышны повсюду крики,
Что приглашают всех к себе на свадьбу Крики,
И если кто не знает об одесском шике,
Тот должен сам на этой свадьбе побывать!

В честь трех сестер-невест Маруси, Розы, Раи

Гудят такси и зафрахтованы трамваи!
Ну а особенно весь город поражает —
Кого привел в семью Василий Шмаровоз!..

От Мясоедовской до самого Фонтана
Игру оркестров заглушает звон стаканов!
И женихи спешат, пока еще не пьяны,
Нам за Одессу что-то умное сказать!..
Француз. Друзья, поверьте,

До самой смерти
Я не покину город ваш!

Роза. Мы с милым сняли
В Пале-Рояле
Для нас двоих прекрасный бельэтаж!

Француз. В квартире этой
Четыре спальни...

Хотя и в каждой спит сосед!..

Роза. Да, к сожалению,
Дом коммунальный...

Француз. Но для француза лучше места в мире нет!..

Соня. Почему?!

Француз. Как почему?! Вы что, забыли? Вив ля Франс! Да здравствует коммуна!..

Первый казак. Дайте слово козаченьку!..

Я скажу вам прямо:

Выпьем все за нашу нэньку!..

Беня. Что, опять?!

Первый казак. Та не-е!.. За Одессу-маму!..

Пьем за нашу нову нэньку!..

Та за нашу маму!..

Чокается с Соней, целует ее.

Шут. Италия просит слова!..

Гарибальди (*поет Соне на мелодию арии герцога из «Риголетто»*).

Налейте, налейте бокалы полней!..

Соня. Мы и так больше всех вам налили!..

Гарибальди. Поверьте, друзья, что гораздо важней

Нам за папу поднять этот тост!..

Рая. За нашего?

Гарибальди. Конечно!.. Но сначала несколько слов за Римского... (*Поет.*)

Живет святой этот в Риме,
Проходит жизнь его мимо,
Поскольку, бедный, несчастный,
В Одессе он не живет!..

Соня. Так что же за него пить?!

Гарибальди. Ну вот я и говорю!.. *(Поет.)*

Так выпьем же дружно за папу того,
Что в Одессе живет круглый год!..

Все. Да!

Гарибальди. Пусть не очень святой, но живет!..

Все. Да!

Беня. А святой тут и не проживет!..

Вперед выходят Екатерина и Василий, поют.

Екатерина. В Петербурге я была царицей,
Управляла целую страной.

Но скажу, что быть императрицей
Проще, чем в Одессе быть женой!..

Василий. Тебе, любимая, охотно верю я,

Но ты теперь навеки нам родня,
Поскольку год уже как нет империи...

Екатерина. Что по ночам так мучила меня!..

На переднем плане Беня и Соня. Звучит музыка.

Беня. Знаешь, Соня, смотрю я на все это и думаю: мог ли я, сын простого одесского биндюжника, мечтать о том, что когда-нибудь в моем доме соберутся все те, кто когда-то создавал этот город?...

Соня. Так я тебе больше скажу! Если уже даже эти собрались, то, может быть, рано или поздно сюда вернутся все те, кто уехал в более близкие времена?!

Беня. Соня, ну что ты говоришь?! Что они тебе такого плохого сделали?!

Соня. Я шучу!..

Все *(поют вместе с Беней и Соней).*

Папа!.. Мама!..

Соня. Дети!..

Беня. Внуки!..

Мы – одна семья!..

Все. Одесса! Одесса!

Одесса – родина моя!..

Шут. Ну что, папаша, поняли, какой флаг должен висеть над этим городом?

Беня. Никакой...

Шут. Правильно!.. А почему? Потому что город, который принадлежит всем, не может принадлежать какой-нибудь одной, даже самой могущественной европейской державе!..

Беня. Вы имеете в виду Украину?

Шут. Я этого не говорил!.. *(Исчезает.)*

Развернутый финал. На мелодию «Красотки кабаре» поют все участники спектакля.

Одесса, Одесса, большое кабаре —
Ты мира прекрасное творенье!
Здесь песни и шутки звучат в любом дворе,
Даешь ежедневно ты представленье!..
И пусть тот, кто хочет, участвует в игре,
Похожей на светопрестваленье.
Опять Одесса учит нас,
Что жизнь дается только раз!
Лови, лови, лови ее мгновенья!..

1992

Феликс Зинько Негр

Разные у нас на флоте люди есть. Веселые и грустные, честные и не слишком, открытые всякому товариществу и наглухо застегнутые на все пуговицы. Словом, как во всяком обществе, слепком которого мы, в сущности, и являемся. Поскольку коллективы на пароходах не так уж велики, варимся в собственном соку, и все про всех всё знают – даже скучно, никаких тебе тайн. Так, бывает, изучишь за рейс человека, что заранее угадываешь, что он ответит, что сделает, как ложку ко рту тащит.

Ясное дело, такую обстановку оживлять надо. Отсюда и травля наша морская, отсюда и «подпольные клички» – прозвища, которые обязательно возникают на каждом судне и приклеиваются к человеку, даже кочуя с ним с парохода на пароход. Спроси, как меня зовут, – не каждый вспомнит – все Борода да Борода. Ничего, привык!

Кликухи чаще всего дают по внешности. Ну, к примеру, был у нас Борман, похожий на артиста Юрия Визбора, был Майкл Белью, была Ламбада Николаевна. Но иногда человек сам определяет себе кличку.

Расскажу я вам, босяки, сегодня про парня, которого мы звали негром. Да нет! Был он таким же, как мы с вами, белым по имени Васька, по фамилии Гапочка, по гражданскому паспорту русским. Хотя черт нынче разберет, у кого чистые кровь остались, так все перемешалось. Есть у меня свояк. Он, значит, произошел от украинца и еврейки, жена же его наполовину русская, наполовину цыганка, три дочери повыходили за армянина, эстонца и, представьте себе, за китайца, а сын женился на полячке. «Скажи на милость, – жаловался он мне, – какую национальность моим внукам писать будут?» Чепуха все это, конечно, отработанный пар... Стоп!.. Занесло меня... Я ведь про негра хотел рассказать...

Каков он был человек, поймете сами из такого случая. Однажды подали нам ко второму блюду соленые зеленые помидоры. А Васька свой помидор есть не стал и оставил на тарелке. Второй механик возьми и схохми:

– Знаете, ребята, почему Васька помидоры не ест?

Все наострились, потому как усатый механик в остряках ходил.

– Так у Васьки же голова в банку не пролезет!

Кают-компания грохнула, а Васька спокойнейшим образом допил свой компот, встал, попросил разрешения, поблагодарил и ушел.

Зато на следующий день в обед он обиженно сказал механику:

– Ты тут вчера изощрялся, а у самого-то голова разве пройдет в банку?

Такой вот был парень. Но работал нормально, никаких претензий к нему не было. Один недостаток имел – больно здоров был спать. Ежели Васька уснул, с ним что хочешь делай. Хоть из койки вынь на голую палубу. Он только свернется колечком, посопит и продолжает спать. И потому поднимать его на вахту – целая проблема была, за полчаса начинать надо было.

Однажды стояли мы в ремонте, вывели из эксплуатации камбуз, переселились в гостиницу. Не помню уж, как вышло, но с койками было туго, и Ваське достался номер на двоих с настоящим негром. Ночью ребята намазали Ваське лицо сапожной ваксой, а утром стали будить. Схватив полотенце, Васька сунулся к умывальнику, увидел в зеркале совершенно черную рожу, сказал:

– Вот дураки, они вместо меня негра разбудили!

Лег и тут же снова уснул.

Скажите на милость, разве не справедливо его Негром стали звать?

Мариан Ткачев

История про капитана Без-енко – истребителя чудовищ

История эта началась и закончилась в большом портовом городе некой тропической страны, на берегу одного из океанов. Она правдива от первого и до последнего слова – ручаюсь вам головой. А ежели мало одного залога, к нему, я уверен, приложат свои головы все прочие очевидцы.

Неподалеку от порта стояла гостиница, воздвигнутая в эпоху колесных пароходов и шляпок с вуалями. Не было в ней кондиционеров и вообще никаких электронных удобств. Но зато там были крысы.

И жил в этой гостинице, на одном со мной этаже, капитан Без-енко. Он привел сюда морской буксир и теперь обучал экипаж из местных жителей сложному искусству кораблеводства. В молодости была у него пышная шевелюра, но потом он выгодно обменял ее на усы кукурузного цвета и просторный живот – из тех, что у нас в Одессе называют «накоплением» или «арбузом». Я говорю «у нас», потому что Без-енко оказался моим земляком и даже почти соседом. Мы радовались такому фатальному совпадению, и нас было, что называется, водой не разлить – особенно по вечерам в баре, где изнывали в грязном аквариуме позолоченные рыбки.

Давно лишенные информации о ходе футбольного первенства, мы жили голой теорией, а она сулила победу одесскому «Черноморцу». Без-енко был экстремистом. Он презирал меня за то, что я довольствовался в мечтах третьим местом («Черноморец» к концу первого круга был на восемнадцатом и последнем).

– Можешь подавиться своей «бронзой»! – говаривал он обычно.

Ему нужно было «золото» или, по крайности, «серебро». По вечерам он изучал полупустую таблицу, ориентировочно прибавляя Одессе очко за очком.

И вот, когда он довел наконец «Черноморец» до «золота», минуя острые рифы поражений и унылые ничейные штили, грянул гром.

Гром этот был типографский. Пришли газеты сразу за несколько месяцев. Репортажи со стадионов были хуже некрологов. Я заполнил таблицу и решил наложить на себя руки. Но мне захотелось проститься с Без-енко: он получил те же газеты.

Без-енко с секстаном в руке опирался на стол, как Луи Каторз на знаменитом портрете. «Замерял падение нашей звезды», – подумал я и спросил:

– Ну, что ты имеешь сказать?

Он безмолвствовал. Мне стало его жаль даже больше, чем себя.

– Не убивайся, – сказал я. – Еще не все потеряно. Если киевское «Динамо» потерпит поражение во всех оставшихся матчах и потом дополнительно семь раз обыграет самое себя, а все другие команды половину своих очков отдадут «Черноморцу», то мы смело берем «серебро»...

Он поднял на меня страдальческие глаза и вдруг явственно произнес:

– Мне бы стрихнинчику.

«Готов!» – решил я и на всякий случай отошел к двери.

– Можешь на меня положиться, – продолжал он, – я этого так не оставляю.

– Чего «этого»? – я перенес одну ногу в коридор и чувствовал себя уверенней.

– Они жрут мой курс, – туманно ответил Без-енко и заплакал скупыми морскими слезами.

– Старайся поменьше думать об этом. Они приналягут и все поставят обратно, на место.

Он вздрогнул:

– Хотел бы я видеть, как им это удастся!

– Подожди, – мягко, как ребенку, сказал я. – Подожди и увидишь. Кто знает, может, они уже взялись за дело...

Без-енко опять вздрогнул, подскочил к письменному столу и распахнул настежь дверцу. За нею лежали толстые, сложенные стопкой тетради. У верхней, с надписью «Навигация» и римской единицей, кто-то аккуратно по дуге отъел весь правый угол.

«Девятка!» – невольно подумал я и спросил:

– Зачем ты ее порезал?

– Это я? – Он помедлил и огляделся по сторонам. – Крысы... Тут у меня выступала семейка – мама и три дочки... Можно сказать, грызут науку!

Оказывается, вчера вечером в номер к нему пришли четыре крысы и сразу накинулись на конспекты. Капитан потребовал у портье мышеловку, но тот не понял и принес дюжину пива. Так они коротали время: Без-енко пил пиво, а крысы жрали тетрадь. Он пробовал их отогнать. Но они не спеша уходили к дыре в полу и, едва капитан возвращался к пиву, принимались опять за свое.

– Это хамки! Они делали мне варфоломеевскую ночь, – пожаловался Без-енко.

Мы бросились к директору. Но директор сослался на утвержденный выше список инвентаря и мышеловки не дал. А когда я сказал, что в списке нету и крыс, он дико разгневался и закричал, что крысы, мол, появились в отеле помимо директорской воли, и спроси они разрешения, он им бы его не дал. Тогда я зашел по другому краю и пробил вопрос насчет сохранности имущества постояльцев и разных гарантий – словом, всего, что было написано на табло, висевшем внизу, у правого уха портье. Но он отбил мой вопрос за боковую линию, ибо юридические гарантии имеют силу над людьми, а не безответственными грызунами. Отбил – и сделал рывок к моим воротам, с улыбочкой предложив опротестовать москитов и мух. Само собой, я перешел в контратаку, но директор снял телефонную трубку и объявил, что матч окончен.

Без-енко был невменяем.

И началась мистика. Крысы ели конспекты. Каждый вечер они приглашали к Без-енко

друзей и родственников. Через неделю капитан знал их всех в лицо. Он бегал к директору с ошметками тетрадей, но ничего не добился.

Тогда мы выклянчили у судового врача мышьяк. Без-енко накупил разных деликатесов, начинил их отравой и аппетитно разложил возле стола.

Крысы к угощению не притронулись.

– Офсайд? – спросил я его утром.

– Чуют... – оперным шепотом ответил Без-енко и, помолчав, добавил:

– Они подслушали, когда мы договаривались за мышьяк. Я от этих разносчиц холеры всего жду.

По его расчету выходило, будто крысы свободно понимают человеческую речь, и зря мы не называли мышьяк по науке, латинским словом. Названия этого я не знал, да и Без-енко тоже его не помнил. Но он сказал, что ничего бы от нас не отпало, если б заглянули в справочник. Все равно пригодилось бы потом для кроссвордов. Я почувствовал раскаяние. Но тут меня осенило.

– Слушай! – закричал я. – Ведь русского-то они знать не могут...

– Не терзай мне зря сердце, – сказал Без-енко. – Каждый раз, когда мой взор падает на вас, молодых, я плачу от боли. Ваши мысли, как те часы, крутятся в одну сторону. Крысы, запомни, сынок, ходят под всеми флагами и слышат все языки!..

Он довел свое рассуждение до высшей точки, заявив, будто крысы, общаясь между собою в портах, свободно могли создать всемирное лингвистическое сообщество, и допустил наличие особого языка.

– Что-то вроде эсперанто, – сказал он.

Я не стал возражать и осведомился о его планах.

– Пускай блюда полежат, – ответил Без-енко, – вдруг они захотят расширить меню...

Но крысы довольствовались одним блюдом.

Наконец наступил кризис. Раньше грызуны отставали от слушателей капитана и жрали лекции, так сказать, постфактум, теперь же они обошли студентов. Близилась катастрофа!

Капитан попробовал сыграть с ними по-честному. Он убрал с поля отравленные харчи и заменил их доброкачественными и свежими. Далее он произнес речь. Я тоже присутствовал. Незаинтересованный свидетель, по идее Без-енко, придавал больше весу его словам.

– Мадам! – обратился он к старой крысе. – Мадам, и вы, девочки! Вы сделали меня всухую. Чтоб я так жил, если у меня рука поднимется на ваше здоровье. Кушайте, не стесняйтесь. Питание – люкс! И вы будете иметь его три раза в день, или пусть «Черноморец» вылетит из высшей лиги и станет ниже «Молдовы»...

Упоминание о «Черноморце» я принял как знак духовного возрождения капитана.

– Подумайте сами, мадам (он особенно уповал на старуху!), разве можно сравнить эту старую измызганную бумагу с бисквитиками и ветчинкой! Зачем вам изнурять свой желудок? Кушайте калорийную пищу и плюньте на мои конспекты! А я буду учить по ним людей. И все останутся довольны...

Чтобы развеять их опасения, мы с капитаном надкусили все бисквиты и перепробовали ломтики ветчины.

Я покинул его во власти надежды.

Назавтра оказались съеденными еще четыре главы. Деликатесы лежали нетронутые.

– Они мстят за мышьяк, реваншистки... – тяжело шептал капитан. – Но мое терпение тоже имеет конец!

И он удалился с видом решительным и мрачным.

За обедом я попытался вернуть капитану былую форму, сообщив о победоносной ничьей, сделанной «Черноморцем» неделю назад. Для этого мне пришлось звонить в столичный пресс-центр и выложить изрядную сумму.

Но мяч прошел выше ворот: Без-енко выслушал меня равнодушно, как мидия.

Только за кофе он вдруг оживился и начал ставить вопросы по военному делу и баллистике. Тут я был на высоте. Я пересказал своими словами пару популярных статей о сокрушительной мощи ракетно-ядерного оружия. Все примеры я изложил как лично мною увиденное и пережитое. Но Без-енко интересовало архаичное вооружение. И он то и дело сворачивал на царь-пушку и всякие мушкетоны и фальконеты.

Вечером я зашел к нему поделиться алгоритмом, основанным на нашей ничьей. У меня не было под рукой приличного компьютера, но даже конторские счета выдали виды на «бронзу».

Капитан был чем-то взволнован и не мог уследить за моими выкладками.

– Слушай, – сказал он осипшим от напряжения голосом, – оставайся у меня ночевать. Я тебя удивлю!

Но я с детства не любил удивляться. Я сообщил, что мне до зарезу надо отправить письма не позже завтрашнего утра, и ушел восвояси.

Ночью гостиница проснулась от ратного грохота. Я решил, что началось извержение местного вулкана. По преданию, он молчал уже десять тысяч лет, с тех пор как в его огнедышащий кратер сошла девица, которую мракобесы-родители насильно просватали за нелюбимого, но очень богатого старика. Я даже подумал, что, в сущности, было бы глупо обижаться на этот вулкан: шутка ли – десять тысяч лет!

Все выскочили в коридор и увидели, как возле капитанского номера сизыми клубами стелется дым. Я распахнул дверь. Без-енко стоял посреди комнаты, опершись на какой-то отливавший металлом очень продолговатый предмет. В дыму я увидел изрешеченный стол, лужи крови и бившихся в агонии крыс.

– Готовы! – поведал нам Без-енко. – Всю семью скосил с первого залпа!

Он старался держаться скромно, по-геройски.

Пока прислуга выносила трупы, капитан, не выпуская из рук гигантской двустволки, доложил потрясенным соседям, как разворачивалась битва. Для начала он ударился в историю, упомянув всех прославленных снайперов – от библейского Давида до Вильгельма Телля. Капитан указал, что все они стреляли из родственных или корыстных побуждений, и далеко им до него, Без-енко, отдавшего свой не знающий промахов талант на службу науке.

Затем он перешел к стратегическому анализу. Учитывая тяжесть своего оружия и маневренность неприятеля, капитан решил навязать ему позиционный бой. Особое внимание уделялось воинской тайне. При крысах он не проронил ни слова о предстоящем деле, а ружье замаскировал казенной простыней и старыми газетами. Стволы были направлены прямо на дверцу стола, скрывавшую недоеденные конспекты.

– Прицел я навел гениально, – застенчиво улыбнулся Без-енко, – выверил все по девиационным таблицам...

Затем был приподнят край простыни, вставлены патроны, набитые крупной дробью, взведены курки. В двадцать ноль-ноль по местному времени Без-енко предпринял завершающий маневр: провертел в газетном листе, как раз напротив спуска, дыру и вставил в нее палец.

– Они все же что-то учуяли, – признал капитан, – и выслали головной дозор – саму хрычовку с племянником. Но мой каштанчик был даже ей не по зубам...

Дозор ничего не обнаружил, и подошли главные силы. Когда противник сконцентрировался вокруг стола, капитан открыл огонь.

– Скосил всю семью с первого залпа! – повторил Без-енко.

Он сделал паузу, чтобы мы смогли оценить такой триумф. Но ею, нарушив правила, воспользовался директор отеля. Он бросил увесистое свое тело в бурный поток капитанского красноречия и перегородил его напрочь. Голос директора звучал могущественно и гулко, словно эхо паровой сирены в пустой металлической бочке.

Он оплакивал простреленный стол – оплакивал, как центра нападения, переманенного в чужую команду, как боевого коня, не раз пронесившего вас невредимым сквозь пламя и пули и скоростно умершего от мигрени...

Столу этому не было цены! На него пошло дерево, выросшее в доисторическую эпоху. Потом эволюция сделала финт, и дерево оказалось уникалом мировой флоры. Ему даже не с кем было опылиться ни прямо, ни перекрестно. Тысячи лет оно мучилось и не могло умереть, ожидая, когда же придет столяр и сделает из него что-нибудь для нашей гостиницы.

Обрисовав благородство сырья, директор начал характеризовать стол как произведение искусства...

Женщины рыдали вместе с ним. Мужчины дымили сигаретами. И тогда он ударился головой о стену, прикрытую мягким ковром, и, напрягая иссякшие силы, заговорил о компенсации.

Едва была названа сумма, все в ужасе разбежались. Все, кроме Без-енко, не понимавшего на местном языке ни словечка, и меня: я не мог бросить капитана на поле, когда по его бюджету собирались пробить пенал.

– Потолочная была речь у шефа! – улыбаясь, сказал Без-енко. – Хотя я не все усек, но чудак явно обезумел от счастья, что я выступил у него в гостинице. Ты уловил: он отвалит сумасшедшие деньги, чтоб только я не переехал отсюда. Для буржуя реклама – все!

Я тактично развеял Без-енковы заблуждения и оставил его наедине с двустволкой.

Утром мы постучались в директорский кабинет. После вчерашнего надгробного плача шеф напоминал проколотый мяч. Он взял у капитана деньги (за ночь сумма похудела на две баранки) и сунул их в карман.

Зная филологическую невинность Без-енко, я сказал ему в переводе с латинского:

– Так проходит мирская слава...

С того самого дня Без-енко ни о чем, кроме опасностей и риска охоты, говорить уже не мог. Крысы в его рассказах обретали черты кровожадных и мощных хищников, в единоборстве одолеваящих человека.

– Чтобы вы могли себе вообразить, – начинал он обыкновенно, – какая сила у крысы, учтите: слоны боятся мышей. А кто, я вас спрашиваю, мышь против крысы?!

В присутствии дам он украшал свою речь блестками эрудиции:

– Интересно, что вы ответите, – говаривал он, – когда узнаете, что слово «крыса» пошло от древнеиндийского «крудхьяти»? И это значит ни больше ни меньше как «гневаться»? А веселенькие истории старого Брэма, от которых волосы встают дыбом?!

Он отсылал своих слушательниц к энциклопедиям – Детской, Большой и Малой; но прежде, чем приступить к чтению, рекомендовал им поставить по одну руку бром, по другую – валерьяновые капли и вызвать «скорую помощь».

Потом Без-енко стал держать курс на тигров. Он решил, что они тоже достаточно сильны и свирепы. Капитан изучил все их повадки и любил перечислять части тела и органы тигра, попав в которые, пуля приносит смерть – мучительную или мгновенную. Денно и ночью домогался он, чтобы я сопровождал его на предстоящей охоте. Я понял: смерти не миновать – от когтей ли зверя или от капитанского красноречия, – и дал свое согласие.

Тигров там было столько, что они иногда забегали в партер городской оперы. В парламенте поднимался даже вопрос о создании специальных ферм, где тигров откармливали бы на мясо, стригли с них шерсть, доили и приучали к упряжке. План этот увязывали с оздоровлением государственных финансов. Но едва Без-енко закончил свои приготовления, он узнал, что на отстрел каждого хищника (а капитан планировал истребить все поголовье) необходимо личное разрешение премьера. «Конечно же, – утешал он меня, – при моих заслугах разрешение будет получено»... Бог знает сколько раз на день бегал он к почтовому ящику, но, увы, бумага запаздывала.

И я уехал, так и не сходяв с капитаном в крошечную тьму джунглей.

Следующим летом я проводил отпуск в Одессе. Однажды, отобедав у родственников, я шел, как положено, на ужин к другим родственникам, но вдруг на середине пути подумал: «А ведь у Приморского бульвара вроде снимают кино...» И решив, что для пищеварения совсем неплохо взглянуть на симпатичных артисток, освещенных современной аппаратурой, я прошел по Сабанееву мосту, пересек площадь и, обогнув морские кассы, застыл, пригвожденный к тротуару... Возле входа во Дворец моряков красным по белому было написано:

Клуб интересных встреч

ОХОТА НА ТИГРОВ

Предыстория вопроса!

Моральный и физический облик этих хищников
из семейства кошачьих!

Тигр как мишень! Личные воспоминания!

Лекция капитана дальнего плавания О. О. БЕЗ-ЕНКО

Вход и выход бесплатный

Начало в 18.30

«Без пяти семь!.. – пронеслось у меня в мозгу. – Уже пропустил «Моральный и физический облик»... Надо позвонить тетке, предупредить, что я задержусь».

У кого есть «свои» в Одессе, тот знает: к столу выходят минута в минуту, как судьи на поле... А в кармане ни одного медяка! Пока я ездил на такси выменивать двухкопеечные монеты и потом объяснялся из автомата с теткой – мне пришлось поклясться маминым здоровьем, что я не попал под машину и дома у нас все в порядке, что я не брезгую жареной камбалой, а, наоборот, люблю ее больше жизни, – лекция кончилась.

Публика повалила на бульвар. Я увидел в толпе жутко красивую девушку по имени Света, с которой только сегодня утром познакомился на пляже и готов был ради нее на все. Расталкивая взопревших поклонников тигриной охоты, я бросился к ней и услышал, как она

говорила подруге:

– Вот это – мужчина! Какая сила воли!.. Наши пижоны не годятся ему на подметки...

Я повернулся и тихо пошел назад, к Сабанееву мосту, туда, где меня ждала ненавистная с детства жареная камбала.

Игорь Павлов

Дельный совет

Как-то Ной и Антиной
Шли дорогою одной.
Ной спросил у Антиноя:
«Как бы век прожить, не ноя?»
И ответил Антиной:
«Антиноя, дорогой!»

Кошмар

Аквариум полон.
Но рыбок в нем нет.
Осталась записка:
«Ушли на обед».

Одиночество

– Ах, – жалобно сказала Щука, —
Карась плывет! Какая скука!
Тут не успеешь рта раскрыть —
И не с кем переговорить.

Слон и моська

Продолжение

Слон ухватил за хвостик Моську
И посадил ее в авоську.
В авоське Моська присмирела
И говорит ему несмело:
«О господин, прошу прощенья!

Константин Ильницкий В заграничье

Поговорили

Эфир, в котором блуждают радиоволны, – стихия загадочная и непредсказуемая. Минуту назад ваш коллега по экипажу выходил из радиорубки, спокойно потолковав о том о сем со своей родней за тридевять земель, и вот уже эфир хрипит и булькает, и начальник радиостанции Ступень, посмотрев неуверенно сначала на второго помощника Ткаченко, потом на меня, протягивает трубку:

– Кажется, это вас.

– Алло, – кричу жене, – ты меня слышишь?

– Слышу, – доносится эхо.

– Как дети? – решил урвать хоть самое главное. – Дети как? Что-что?

– Она говорит, что нормально, – помогает телефонистка. – Говорит, что вы ее родненький зайчик.

– Что-что?

– Зайчик родненький.

– Что-что?

– Говорит, что любит.

– Что-что?

Выхожу расстроенный в коридор, где мается в ожидании связи Ткаченко, и развожу руками:

– Не понял даже, с кем и говорил.

– Что-что? – подскакивает Ткаченко. – А вы, часом, не с моей женой говорили?

– Не знаю, – неуверенно пожимаю плечами. – Сказала, что любит.

– Любит? – прищуривается Ткаченко.

– Что с детьми нормально.

– С детьми во множественном числе?

– Во множественном.

– Слава те, Господи, значит, не моя.

Отношения старпома с эмиграцией

– Гуляли мы с ребятами по славному городу Антверпену, – рассказывает старпом Люблинский. – Зашли в какой-то магазинчик. Сидит там такой симпатичный старичок-хозяин и газету читает. Оторвал взгляд от газеты – и на чистейшем русском языке спрашивает: «Никак русские?» «Да!» – обрадовались мы земляку. А он побагровел: «Во-он отсюда!»

Вочмен в переводе с английского – человек, который следит («воч»), сторожит. Попросту – сторож.

На рейдовой стоянке в Суэцкой бухте вочмен-египтянин в ожидании своего катера томился у парадного трапа.

– Ты комиссар? – повернул ко мне свое высушенное солнцем и годами морщинистое лицо.

Я попытался объяснить, что на теплоходе нет помполита, но вочмен неодобрительно замотал головой:

– Плохо, комиссар. Зачем обманывать? Я старый, вижу, – перевел взгляд с моих очков на блокнот с ручкой, торчащий из кармана. – Болгары уже нет комиссар, румыны – нет, одни русские. Зачем?

– Что зачем?

– Моряк хочет девочка, а ты – нельзя. Моряк хочет менять вещь, ченч, а ты – нельзя. Моряк гулять – опять нельзя. То нельзя, все нельзя – зачем? Зачем ты это делать?

– Что делать?

– Ходить, следить, писать... Хе, – улыбнулся вдруг египтянин, обнажив желтые кривые зубы. – Ты тоже вочмен. Я вочмен. Я воч хорошо. Ты воч плохо. Ай-ай-ай, ты будет бедный.

– Почему?

Старик стер ладонью улыбку с сухих тонких губ, наклонился поближе и шепотом:

– Потому. Аллах тоже воч.

Райская жизнь

Накануне вечером мы издали наблюдали изящные обводы белоснежного лайнера, выходящего с караваном судов из Суэцкого канала в Красное море, а сегодня утром лоцман Адель Вахдан объяснил, что судно, принятое нами за пассажирское, – яхта. Едва ли не самая крупная в мире яхта саудовского короля Фахда, названная именем его отца «Абдул Азиз».

– Ее недавно ремонтировали в Греции. О аллах, чего в ней только нет!

– В Греции? – не выдержал старпом, прекрасно знающий, что «в Греции все есть».

Но лоцман не понял нашего юмора, его глаза округлились свежими воспоминаниями:

– Представьте, на трубе огромные скрещенные сабли из настоящего золота. Ладно, хоть какая-то символика. Но ручки, обыкновенные дверные ручки и на мостике, и повсюду...

– Может быть, позолоченные?

– Нет, из чистого золота. Я спрашивал, я сам за них держался, – поднимает лоцман свои смуглые ладони и долго держит их, растопырив длинные пальцы, помогая нам переварить столь сложную информацию.

– У нас в газете было опубликовано интервью с королем Фахдом, – вспомнил Вахдан. – Король рассказывал о том, как старается вести праведную жизнь, какие совершает жертвования, благодеяния, а потом вдруг задумался и сам спрашивает журналиста: «Как вы думаете, попаду я в рай?» «Нет, ваше величество», – отвечает тот. «Почему же?» – удивился король. «В рай не попадают дважды».

Из цикла «Легенды и мифы народов Одессы»

Предлагаемая вниманию читателей легенда или, скорее, притча о «еврейском счастье» – одна из наиболее древних в эпосе народов Одессы. В сущности, до сих пор неизвестно, какому народу принадлежит честь ее создания. Само понятие давно приобрело наднациональный характер: образно говоря, для того, чтобы иметь еврейское счастье, совершенно не обязательно иметь счастье быть евреем.

В старые времена все по-другому было. Когда-то и счастье у людей, говорят, было не только «еврейское». Дело, словом, давнее...

Жил себе в Одессе такой себе мальчик Моня. Мальчик и мальчик. Может, на Молдаванке жил, может, в Колодезном переулке, 5, квартира 8, а может, и еще где – разве мы знаем?... Мы знаем другое: однажды на день рождения подарила Моне его бабушка копилку. «Это, – говорит, – тебе, внучок, на счастье».

А копилка та была не простая. Не то чтоб волшебная, но очень крепкая. И чем ее больше разбить стараешься, тем она крепче становится. Сейчас таких уже не делают.

Моня был мальчик бережливый: каждый день хоть по грошику, да откладывал. И кто знает – должно быть, пара-тройка твердых царских копеек в копилочке накопилась... Долго ли, коротко ли – подошла тут первая российская революция. А где революция, там, известно, и погром. Нагрянули как-то и домой к Моне. Сначала все в доме погромили да поломали, потом все поломанное позабирали, а вот когда копилку нашли – били ее, били, да так и не разбили. И так при этом устали погромщики, что самого Моню уже не тронули. «Ну, – говорят, – твое счастье!»

И еще лет пятнадцать прошло. Чего только в те годы не было! После копеек да рублей царских были и керенки, и карбованцы гайдамацкие, и «колокольчики» деникинские... Стал Моня взрослый. И вот как-то вечером заглянуло к нему одесское ЧК. Сначала все в доме обыскали да описали, потом все описанное позабирали, а вот копилочку били-били, били-били... «Что там у вас, – спрашивают, – небось золотой запас?» «Какой запас, – Моня отвечает, – может, пара-тройка копеек старых царских, да «керенок» дурацких, да карбованцев гайдамацких. А золота там нет». «Ну, – говорят чекисты, – это ваше, Моисей Давидович, счастье, что там нет золота!» И ушли...

И стал уже Моня старенький (а в копилку каждый день хоть по грошику, да откладывал!). На старости лет присылают ему как-то его дети да внуки вызов – на историческую родину. Сначала Моня и слушать не хотел – дескать, я там в тягость буду, – а потом думает: «Постой! У меня же копилочка есть! За всю мою жизнь в ней бешеные, должно быть, деньги накопились: и копейки царские, и карбованцы гайдамацкие, и рубли советские... Будет с чем к детям ехать!» Взял он молоток да по копилке как трахнет!.. Но только копилочка, которую и погромщики били – не разбили, и ЧК одесское било-било – не разбило, и румыны из Бухареста били-били – не разбили, – копилочка, конечно, в старческих Мониных руках тоже целехонькой осталась. Заплакал тут Моня и говорит: «Такое уж, видно, мое еврейское счастье!» И в Одессе остался.

До сих пор живет он, говорят, где-то на Пересыпи, на улице Черноморского Казачества, 14; а может, и еще где-то живет или давно уже умер, мы разве знаем?... Мы другое знаем: почему счастье стали называть «еврейским».

Борис Барский

Из цикла «Стихи о любви к разнообразным женщинам»

* * *

Я люблю тебя
Конфетно,
Я люблю тебя
Морожно,
Я люблю тебя
Черешно
И люблю тебя
Пирожно...
Апельсинно и
Бананно,
Ананасно и
Малинно,
Опьяненно и
Дурманно,
И еще немножко
Винно...
Мне любить тебя
Прохладно
В душноте,
Когда так летно,
Мне любить тебя
Пиратно,
И любить
Так сигаретно...
Я люблю
Головокружно,
Бесшабашно и
Тревожно,
Я люблю,
Как и не нужно,
Как нельзя,
Как невозможно...

Что-то в Вас
Не совпадает:
Вы красивы
И не глупы,
Двух вещей Вам
Не хватает —
Костяной ноги
И ступы...

Вы лежали в гамаке
С сигаретою в руке
И невольно искривляли
Тело где-то в позвонке.

Вы лежали у реки
Не близки, не далеки,
И губами выдували
Слюни, словно пузырьки.

Я хотел быть ветерком,
Я хотел быть гамаком,
Грудь Вам лапками царапать
Легкокрылым мотыльком.

Я хотел бы быть рекой,
Гладить Вас своей рукой,
Гладить волосы и тело —
Вот я ласковый какой...

Я хотел быть ветерком,
Я хотел быть мотыльком,
Только на хрен Вы мне сдались
С искривленным позвонком.

Промчатся куда-то годы,
И скажут, меня читая:
Он с детства любил природу
И женщин родного края.

Алексей Стецюченко, Александр Осташко
Самоучитель полуживого одесского языка

Фрагмент рукописи

Боршть – национальное одесское блюдо.

– Вы знаете, шё такое боршть – это регата, это флотилия в одной тарелке: дымящиеся ледоколы картошки взрезают толстые плямы жира, капустные яхточки гоняются друг за другом, огибая помидорные буйки. Помешивание ложкой приводит к трагедиям и кораблекрушениям... (*А. Грабовский «Осколки»*)

Дуля – фи́га.

– Ты будешь пустой через того жильца... Ты на этом заработаешь дулю с маком – и все. (*К. Паустовский «Мопассанов я вам гарантирую»*)

Же – усилительная частица.

– Ой, месье Бабель, – сказал он, качая головой. – Вы же сын такого известного папаши! Ваша мама была же красавица! (*К. Паустовский «Рассказы о Бабеле»*)

Жлоб – некультурный, хам, деревенщина, «амбал».

Когда Жора произнес его имя, баба Маня скривилась:

– Ай, он жлоб!

– Во-первых, вы не правы – он выписывает «Мурзилку»...

За – о, по, чем.

Встреча студентов с К. Симоновым.

– А что вы расскажете за Маяковского?

– Не знаю, я не одессит.

Занять – одолжить.

– Циперович, займите сто рублей.

– Хорошо, а у кого?

Иметь счастье – иметь возможность.

В трамвае женщина толкает какого-то старичка.

– Мужчина! Мужчина же!

– Извиняюсь, что-то не припомню, когда имел счастье доказать вам это.

Иметь бледный вид – бояться, плохо себя чувствовать, плохо выглядеть.

Моряк в Москве имеет бледный вид,
Его шатает, словно стебель на бульваре...

Кибитки красить – спецзадание, на которое отправляется надоевший или неприятный вам человек.

– Боря, иди красить кибитки, ты меня устал своей волнующей ревностью. *(Разговор в трамвае)*

Моду брать – придумывать и делать что-либо не самое лучшее.

– Хулиганская морда, – прокричал он, увидя гостя, – бандит, чтоб земля тебя выбросила! Хорошую моду себе взял – убивать живых людей... *(И. Бабель «Как это делалось в Одессе»)*

Один в Одессе – оригинальный, лучший.

– Ну как тебе мой новый галстук?

– Один в Одессе!

Чиканутый – чокнутый, слегка не в себе.

– Этот Миша – он какой-то чиканутый, у себя дома живого Ленина держит. *(Разговор в трамвае, истинный смысл которого до сих пор остается тайной)*

Штымп – человек, кадр, персона.

Некоторое время в Одессе процесс деторождения назывался «штымповкой».

Я вас умоляю – было бы о чем говорить.

– А мой младший женился недавно.

– И что? Красивая девочка?

– Ой, я вас умоляю...

Сергей Милошевич

Евангелие от лукавого

Фельетон

По информации газеты «Аргументы и факты» начала 90-х, ни одна кандидатура епископа, а также иных высокопоставленных духовных лиц не проходила без утверждения ЦК КПСС и КГБ... Многие работники церкви, которые и сейчас, в третьем тысячелетии, благополучно наставляют прихожан на путь истинный, во времена СССР являлись агентами КГБ...

В большом роскошном кабинете за длинным столом расположилась группа товарищей суровой наружности, листавших какие-то бумаги.

– Приглашайте! – нажав кнопку селектора, отрывисто проговорил круглолицый мужчина в очках, восседавший во главе стола.

Почти в ту же секунду резная дубовая дверь кабинета отворилась, и на пороге появился длиноволосый бородатый человек благообразной наружности. Костюм-тройка сидел на нем несколько мешковато; было заметно, что он чувствует себя в нем несколько неловко. Легкой походкой бородатый подошел к столу и, степенно поклонившись присутствующим,

певуче проговорил:

– Во здравии да пребудут все милостию Божьей в сией скромной обители!

– Ну, ты здесь эти свои архиерейские штучки брось! – неожиданно вспыхнул круглолицый. – Распустились там, понимаешь! Ну-ка, выйди и доложи, как положено...

Благообразность бородатого сдуло словно ветром. Лихо щелкнув каблуками, он развернулся через левое плечо и исчез за дверью. Через мгновение он вошел снова, чеканя шаг, подошел к столу и сухо отрапортовал:

– Старший лейтенант Бодайло по вашему приказанию прибыл!

– То-то же, – назидательно произнес круглолицый. – Ну, давай, докладывай.

– За отчетный период было отслужено три молебна за досрочное выполнение годового плана областью, один молебен, посвященный открытию июльского, сего года, Пленума ЦК КПСС, проведено шесть душевспасительных бесед на тему «Всякая власть – от Бога», а также собрано прихожанами двести тысяч рублей на постройку тепловоза для БАМа... – бойко затараторил Бодайло.

– Что ж, я вижу, что дела у тебя идут неплохо, – с удовлетворением отметил председательствующий после того, как прозвучала фраза «старший лейтенант Бодайло доклад окончил». – Исходя из этого обстоятельства есть мнение о необходимости присвоить тебе звание... тьфу ты, дьявол, дать тебе сан епископа.

– Служу Советскому Союзу! – расплывшись в радостной улыбке, выдохнул Бодайло.

– Да ты погоди пока радоваться, – охладил его пыл круглолицый. – Окончательное решение о твоём назначении выносит комиссия, на которую тебя, собственно, и пригласили.

– Товарищи! – обратился он к сидевшим за столом суровым гражданам. – Надеюсь, все изучили личное дело, характеристики и другие документы старшего лейтенанта Бодайло? Все? Тогда прошу задавать вопросы.

– Какова основная идея работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»? – задал вопрос один из присутствующих.

– В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» Владимир Ильич Ленин развил учение диалектического материализма о причинности и дал достойный отпор теоретикам идеализма! – прозвучал четкий ответ старшего лейтенанта.

Тут же посыпались другие вопросы: о решениях последнего съезда КПСС, о выдающихся теоретиках атеизма, основах материализма и трудах классиков марксизма-ленинизма. Изрядно вспотевший Бодайло еле успевал отвечать.

– Ну ладно, хватит! – наконец махнул рукой круглолицый. – Думаю, вы подходите. Как вы считаете, товарищи?

Услышав утвердительный ответ, он набрал номер на телефонном аппарате с гербом на диске.

– Але, Синод? Да, утвердили... Завтра прибудет в ваше распоряжение, подыскивайте епархию...

– Ну вот и все, – сказал круглолицый, положив трубку. – Как там у вас говорится: «Благослови тебя Господь». В общем, желаю успехов на новом поприще. Кстати, зайди в бухгалтерию, сегодня аванс. И про партийные взносы не забудь, три месяца не платил. Все ясно?

– Так точно! – щелкнул каблуками Бодайло. – Разрешите идти?

– Ступай! Привет пастве, – махнул рукой круглолицый. – С отчетами только не тяни. Да, чуть не забыл: зайди в спецхран, заberi свое кадило из ремонта, там микрофоны меняли.

Ну, аминь!

Иван Рядченко

Подражание пушкинскому «Евгению Онегину»

Итак, я жил тогда в Одессе.
На убыль шел двадцатый век.
Уже не в море, а в прогрессе
Купался новый человек.
А моря прежнего не стало,
Поскольку с берега хлестала
Цивилизации раба —
Канализации труба.
Да что там море! И с едою
Теперь труба. И водки нет
(Одна из горестных примет).
Не дай Господь запить водою
Вам горе! Местная вода
Уводит к предкам навсегда.
Что толку даром хмурить брови?
Во все века полно проблем.
Вот, говорят, при Воронцове
Талонов не было совсем.
Конфуз! Не ели мясо с дустом.
Бумага шла на прок искусствам.
Бежали люди, как всегда,
Но не отсюда – а сюда.
Где порто-франковская зона?
Где исцелительный озон?
В ночи привиделось – о сон! —
Что не хватило мне купона
Спокойно выкупить билет
В Одессу – в ту, которой нет...

Илья Рудяк

Двоеженец

Все это произошло с моим хорошим знакомым – популярным в то время драматургом.
В столичных театрах шли его пьесы, по сценариям его ставили фильмы, на телевидении
делали сериал.

Небольшого росточка, кругленький, длинноносый, имел он одну слабость – высокие
женщины. Женился на актрисе выше себя на голову. Она не хватала звезд с неба, но за него
ухватилась, родила ему дочку, была ему верным другом.

Однажды звонит он мне на студию:

– Старик, приезжаю на неделю с Катей в Одессу, приюти на даче, а?

– Давай, буду рад.

– Старик, и еще просьба: пригласи вечером Дюймовочку.

– Да ты спятил!

– Ради этого лечу, старик, сделай услугу.

– Твое дело. Позову.

А дело было вот в чем. Работая у нас в фильме, влюбился он в костюмершу Леру – высоченную девушку по прозвищу Дюймовочка. Кстати, остроумец, придумавший это, достоин вознаграждения.

Дюймовочка была польщена вниманием автора сценария, щедро одаряла его своей накопившейся нежностью, и он не вылезал из «Куряжа» – киностудийного общежития, где она жила.

Днем они отправлялись на Привоз и туго набивали сумки «дарами осени». А вечером, после съемок, сбегали вниз к морю, заплывали далеко, а возвращаясь, Лера выносила на руках уставшего ухажера и... кутить в «Куряж».

Наезжал он к Дюймовочке часто. Но с живой женой да к любовнице – ну и нахал!

Я встретил их, привез на дачу, там уже орудовала у стола Дюймовочка.

– Старик, ты дипломат! – и поцеловал в бороду.

Жена его, естественно, приняла Леру за мою пассивную или знакомую.

Московские напитки, одесские овощи и фрукты развязали языки, и, выбрав удачный момент, мой приятель попросил тишины и начал:

– Как известно, у царя Соломона была тысяча жен. Я хочу искренне рассказать о моих чувствах к двум любимым женщинам. Мне надоело лгать, придумывать что-то. Я люблю мою жену Катю и люблю... Леру, и хотел бы, чтобы мы все были вместе. Дружно жили одной семьей. Лера на это согласна, мы это уже выяснили, теперь, Катя, прошу тебя оценить мое правдивое признание и присоединиться к нам.

Это была не шутка, не розыгрыш, не фарс. Он говорил на серьезе, обдуманно, волнуясь.

Я, конечно, очумел от такого поворота событий, но что должна была почувствовать жена его?

Она замерла, красные пятна пошли кругами по лицу, на глаза навернулись слезы, она вот-вот готова была разрыдаться.

– Катя, милая, я сказал чистую правду, ведь это намного лучше, чем лгать, что я снова приехал на доработку сценария, а на самом деле соскучился по Лере. А побыв с нею, придумывать, что в Москве ждут читки новой пьесы, а на самом деле хочу к тебе.

Катя не могла выдать из себя ни слова. Она прикрыла руками лицо и онемела. Лера опустила голову и ждала.

– Я понимаю, так не бывает, – продолжал он. – Будут какие-то формальности, сложности, но это честнее, лучше, благороднее, чем делать вид, что все счастливы, будучи несчастными. Квартира, слава Богу, позволяет, средства тоже, надо только перешагнуть через мешанское, узколюбное понятие «законный брак». Катенька, скажи, ты согласна со мной?

– Да, да... – преобразилась вдруг Катя. – Я согласна. Это будет здорово, это будет очень, очень интересно...

– Умница, Катька! Давайте выпьем!

И началось застолье. Я сослался на дела и уехал в город.

Дальше события развивались так. Да, Катя согласилась, они провели втроем неделю на море, ходили в театры, рестораны, провожали Дюймовочку в «Куряж». Затем с Дюймовочкой проводили Катю в Москву, чтобы та подготовила квартиру для общего проживания. Затем он уехал один, пока Лера улаживала дела с работой, комнатой, выпиской.

...Дверь открыл ему огромный парень, амбал, вынес один за другим десяток чемоданов.

– Екатерина Федоровна попросила передать вам это. Тоже мне – Соломон! – и захлопнул перед его длинным носом дверь.

Леонид Авербух Четверостишия

* * *

Да! Под луной ничто не ново,
Стремленье к истине – бесплодно.
Тебе дана свобода слова?
Вот и молчи о чем угодно!

* * *

Ты «недоперепил». Ты с ног
Валился, громко пел.
Чуть больше выпил ты, чем мог,
Но меньше, чем хотел...

* * *

Я согласен с мудрецом, сказавшим:
Важно верно обозначить путь.
Человек рождается уставшим,
А потом живет... чтоб отдохнуть.

* * *

Вынести Ленина из мавзолея
Или оставить? Что делать нам с ним?

Нет, не выносят, не могут, не смеют,
Ленин по-прежнему невыносим...

* * *

Народ смеется, с прошлым расставаясь,
Меняются привычки, моды, власть.
Смеяться не грешно, но, увлекаясь,
Расстаться можно с будущим, смеясь...

Михаил Пойзнер Городские зарисовки

На книжном рынке

- Так сколько стоят эти воспоминания Рязанова?
- Сколько, сколько... Двадцать гривен!
- Да я мог бы вспомнить то же самое гораздо за меньше!
- Только вам даю в руки эту девочку...
- Почему девочку?!
- Она еще не читана! Ее никто не хотел читать... Кто сейчас понимает в девочках и в таких книгах? А?!

* * *

У меня аж две собаки. Во дворе «кавказец», а в самой хате ротвейлер. И никаких решеток, сигнализации и таких штук. И главное, сплю спокойно. Еще бы, такие кадры! Вот только одно достает: а если одна собака понадеется на другую?...

У нас на Нежинской

Первая. Ой, что я вам скажу... У нас на Нежинской в той неделе взял и повешался один сосед. Всего один!.. Ну повешался себе – и все... Нет! Так и оставил записку: «Я – агент ЦРУ. Прошу похоронить меня в Соединенных Штатах»... Он просит... Еще тот дворик...

Вторая. Ой, агент не агент... Что вы знаете!.. Вот что я вам скажу – я даже согласна его туда сопровождать...

Из женской «разборки»

Первая. ...Отойди! А то я и тебя сейчас обматерю!..

Вторая. Стоп, дорогая! Я родилась и выросла на Преображенской, в восемьдесят седьмом номере – это прямо напротив Привоза! Не отбивай у меня кусок хлеба...

Ну уже спой

В середине шестидесятых годов в Одесской филармонии выступал с концертами Иосиф Кобзон. Вечера проходили с неизменным успехом. Рассказывают, что на одном из концертов, когда Кобзон исполнял популярные в те годы болгарские песни из репертуара известных артистов Лили Ивановой и Эмила Димитрова, из зала ему передали записку: «Слушай, Иосиф! Что ты все время поешь этих болгарских песен?! Остановись! Спой уже хоть одну еврейскую – для жителей Болгарской улицы». И он спел, и не одну...

Одесса развернула его лицом к жизни.

На Староконном рынке

– Дамочка, берите, отличный зонтик! Вот, автомат работает как часики. Смотрите, щелк-щелк... Нет, раскрывать не надо! Оно что, вам сейчас печет?! Раскроете уже дома...

– Как здоровье?

– На одну драку...

Женщина в фуфайке продает... английский флаг. Ее внезапно замечает знакомая:

– Зина! Ты что, надеешься, что на фоне английского флага тебя спугают с леди?!

Ирония судьбы

Дерибасовская. Горсад. Продают картины. Среди прочего выставлена копия с известной работы Пукирева «Неравный брак». Хозяйка полотна, зажав во рту конец папиросы, обращается к заинтересовавшемуся прохожему:

– Мужчина! Вы пришли мне делать нервы? Туда-сюда крутитесь уже второй день. Хотите взять? Так хоть что-то спросите...

– Нет-нет! Извините... Просто я тоже попал в такую ситуацию.

На вашу голову...

...Мадам Призмазанова! Вам телеграмма. Но вы не волнуйтесь! Никто не умер!!! До вас едет ваша тетя из Шаргорода. И лично я не знаю, что лучше...

* * *

Когда учишь иврит, главное – научиться листать книгу в другую сторону...

Теперь на должности выдвигают не по заслугам, а по отдаче – смотря сколько потом отдашь...

Если я его знаю на рубль, то он меня знает на копейки десять...

На десерт

– Что, все? Что, уже брать мороженое?

– Уже!!!

– Сколько? По двести грамм белого? Хорошо-хорошо! Понял! Девушка! Принесите, пожалуйста, по двести грамм каждому. Из них по 150 водочки и по 50 мороженого. Вдогонку...

Инициатива

Из рассказов старого сводника

Ты думаешь, у меня не было проколов? Были...

Как-то познакомили одного с одной. Ну, там вообще не было на что смотреть. Буквально все в нерабочем состоянии... Понимаешь?

А вот ему она подошла. Ну, а он ей как раз нет. И все!

Короче, так и так, а она – ни в какую. Билась, как в последний раз в предпоследний день. Даже моя Дуся не могла помочь. Моя Дуся не могла!!! Догоняешь?!

Короче, голый номер.

И что ты думаешь? Он взял инициативу на себя. Подошел на людях: «Я согласен. Нет так нет... Но давай на минуточку зайдем в соседнюю комнату»...

И вот, когда они уединились, он тут же снял штаны: «Дура, смотри сама, от чего ты отказываешься...»

И что? Они поженились и живут душа в душу! А сколько времени потеряли зря...

Дело было так. Летом литературный музей получал заказы на лекции в санаторных клубах. «Пушкинская» тема пользовалась спросом, но в особом курортном варианте. Дабы не мучить публику, разомлевшую от моря и солнца, академизмом, я изобрела лекцию под названием «Лирические героини одесского года». Амалия Ризнич, Каролина Собаньская, графиня Воронцова, посвященные им стихи, легкие исторические анекдоты из истории одесского общества пушкинской эпохи – все вместе сплеталось, как мне казалось, в непринужденную болтовню о несомненной классике, благосклонно выслушивалось публикой в самую ужасную жару, и я радостно проводила эти часы в курортной зоне от Аркадии до Золотого Берега вместо того, чтобы изнывать в духоте центра.

И вдруг... Завершив свои речи под привычные аплодисменты, я спросила, есть ли вопросы и замечания, – ну зачем это мне понадобилось? Наверное, неохота было нырять в жару из прохладного, затененного до сумеречности зала.

И он встал в третьем ряду (всего-то было заполнено рядов пять), светловолосый худощавый человек с суровым лицом, но что была суровость этого лица по сравнению с разгневанным голосом, который обрушил на меня вопрос: «Как вы могли сказать о Пушкине такое?!»

Не побоюсь банальности – я похолодела, я не могла вообразить, что такое? Рука заведующей клубом, которая уже уверенно выводила на моей путевке привычное «лекция прочитана на высоком...», замерла... Публика, направившаяся к столовой, замерла тоже и устала с крайней заинтересованностью.

«Это же сам Пушкин! А вы такое о нем!» Он кипятился не на шутку, и не помню уже, как через этот каскад возмущения пробился мой вопрос о причине: «В чем дело? Ради бога, что не так?»

«Как это что?! Вы сказали, что за целый год у Пушкина было всего три женщины! Три! За год! У Пушкина! Да у меня на сколько больше бывает! За год-то! А это ведь Пушкин! Наша слава! Классик...»

«Вы понимаете, я ведь не говорила о любовных связях, их было больше, намного, но – знаете – на лекции... я только о тех, кто вдохновил на стихи, а так, конечно, больше, гораздо больше, тем более Одесса, вы же понимаете...» Народ вокруг толпился (кажется, на лекции их было меньше) – внимание, молчание...

Мой оппонент кивнул, согласился как-то неожиданно сразу: «Да, которые вдохновляют – этих меньше, да, у меня тоже намного меньше, а это тем более Пушкин. Благодарю».

Народ разочарованно потянулся к выходу вслед за мятежником, кто-то ему в спину сказал уважительно: «Инженер... из Харькова...» Заведующая клубом зачеркнула начатую строчку и написала: «Лекция вызвала повышенный интерес аудитории». А я с тех пор твердо помню, что «Пушкин» – это действительно наше «все».

потолок: надо бы и его...

* * *

Нет, нравится мне маленькая соседка: боевая, ничья. Жаль, заварка кончилась – посидели бы, чайку попили.

* * *

Всю ночь два ежа топотали на чердаке. Да так деловито, шумно. То ли ремонт делали, то ли большую уборку. А может, разводятся, имущество делили. Вообще мне ежи нравятся: спокойные такие, нешумные соседи. Только вот топочут иногда... Да я все равно не спал – не хотелось что-то.

* * *

Купил водки. Российской. А на этикетке по-украински. Какой-то прямо Севастополь.

* * *

Под утро долго снились цифры – немного, штук шесть, – и слегка раздражали. Проснулся, записал, чтоб не забыть. Оказалось, номер моего рабочего телефона. Теперь понятно...

* * *

Что-то давно я не женился...

* * *

Раньше думал, что победа все же важнее участия. Сейчас наоборот: все чаще хочется участия – простого, человеческого. Какие уж там победы...

* * *

Соседка подарила наручный компас. Теперь всегда могу узнать курс доллара! Хотя зачем, собственно?

* * *

Принесли повестку: «Настоящим предлагаю...» Это я-то настоящий? Смешно! Перечитал «Повесть о настоящем человеке». Повестку выбросил.

* * *

Странная она, моя маленькая соседка: пригласил ее на чашечку кофе с коньяком. «Сейчас», – говорит. Через пять минут заходит с подносом таким небольшим, а там – чашечка с кофе и коньяк в малюсенькой рюмке. Утверждает, что так привыкла. И от лимона отказалась, хотя конфету для дочки взяла. Самую маленькую.

* * *

Ежи уже неделю не топчут, я даже соскучился. Старушка давешняя зашла – заплаканная: пропали три ее любимых котенка, ангорских. А у меня вот ежи что-то затихли... Поднялся со старушкой на чердак – нашлись! Там они все, спят: ежи – клубочками, котята – калачиками. Подстелили аккуратно газету «Моряк» за август восьмидесятого года – и спят.

* * *

Похоже, простудился. Вдруг стишок сочинился:

Я говорил знакомому врачу:
– Пришей мне крылья, я летать хочу;
Мне мало этих ног и этих рук.
Пришей мне крылья, если ты хирург.

Мне высота любая по плечу —
Пришей мне крылья, мигом полечу.
А врач в ответ, спокоен и плечист:
– Ты лучше не летай, а полечись.

О, как знаком унылый перепев!
Врач, верно, не хирург, а терапевт...

Вот ведь! К чему бы такое? Может, еще расту? На всякий случай записал.

Ростислав Александров

Тринадцать фраков

Однажды на сплошь «залепленной» рекламой первой полосе газеты «Одесские новости» появилось лаконичное, набранное даже не самым крупным шрифтом и заключенное в простенькую рамочку объявление: «КООПЕРАТИВ ИДИОТОВ». И не успели еще читатели прийти в себя от недоумения, как в следующем же номере оно оказалось уже более пространным: «КООПЕРАТИВ ИДИОТОВ. Запись продолжается».

Одесситы, конечно, испокон веку привыкли ничему не удивляться, поскольку видели достаточно много, а ожидали еще большего. Например, в иллюзионе «Зеркало жизни» как-то перед самым началом сеанса, когда уже погас свет, тапер забренчал на пианино только что вошедший в моду «Матчиш – веселый танец, тара-та-та-та, Матчиш привез испанец, тара-та-та» и публика приготовилась до слез хохотать над злоключениями неподражаемого Чарли Чаплина, на экране вдруг замигала неказисто исполненная надпись: «Мине не уплачивают за 2 месяца жалованье – механик, сидящий в будке». И зал топотом да свистом молниеносно выразил свою поддержку «сидящему в будке», потому что всем понятно было – отчаялся человек.

Но кооператив идиотов?! Какой кооператив? Кто его «держит»? Кому туда надлежит записываться и что «через это будет»? Словом, неделю Одесса, как теперь говорят, «стояла на ушах», и лишь потом газета как ни в чем не бывало сообщила, что в театре миниатюр «Фарс» на Ланжероновской, 24 закончено постановкой новое обозрение «Кооператив идиотов» и запись на билеты «пока еще продолжается».

Это случилось осенью 1919 года, при «белых», когда одесситы были уже окончательно измучены более чем полуторагодовой непрерывной сменой властей, режимов, лозунгов и контрразведок, вконец устали ждать, вспоминать, надеяться, бояться, разочаровываться и «обратно» надеяться.

И в это смутное время, будто в предчувствии скорого горестного финала, в Одессе «последним парадом» открылось множество небольших театров, варьете, кабаре: респектабельное «Английское казино», залихватское «Ко всем чертям», претенциозное «Пале де кристалл», многообещающий «Наш уголок» – самое уютное место в Одессе, комически-устрашающее «Синяя борода», «Золотая рыбка» – «обед за 45 рублей с хлебом и услугами».

Ну а теперь «за фраки».

Саша Франк был куплетист «на всю Одессу». В «Комете» на Успенской улице угол Преображенской (в Одессе не говорят «На углу Успенской и Преображенской», а именно так, как в известной песне: «Как на Дерибасовской угол Ришельевской...») произошел с ним экстравагантный случай, весьма добавивший артисту популярности.

Пред выступлением Франк на минуточку отлучился из гримуборной, и этой минуточки хватило, чтоб неизвестные злоумышленники умыкнули его фрак, проигнорировав остальные аксессуары куплетиста – цилиндр, манишку и лакированные туфли-лодочки.

Не успел пострадавший в полной мере осознать происшедшее и послать кого-нибудь к себе домой за другим фраком, коих у него было не менее десятка, как вошел незнакомый молодой человек и вполне вежливо, чтобы не сказать галантно, предложил оценить похищенное. Дело было, как я упоминал, в 1919 году, инфляция уже поразила рынок, и Саша заявил, что фрак стоит никак не меньше четырех тысяч. «Получите пять тысяч, и пусть это будет залогом, который останется у вас, если фрак не вернут, но я имею уверенность, что

этого не случится», – заявил неизвестно чей посланник, положил деньги на подзеркальник и исчез. По-видимому, фрак кому-то срочно понадобился «для дела», во всяком случае часа через полтора уже другой молодой человек доставил его в «Комету». И ничего в этом удивительного не было, поскольку в криминальном мире старой Одессы адвокаты, врачи и артисты пользовались уважением и негласной неприкосновенностью – они, дескать, нас защищают, лечат и развлекают.

Но поскольку Саше Франку пришлось вернуть залог, он таким благополучным финалом был явно раздосадован: «За эти деньги я мог бы построить новый фрак и еще имел бы пару копеек». Впрочем, он мог утешиться тем, что благодаря этой истории его популярность приобрела особый смак.

По закону парных случаев подобная история произошла и со Львом Марковичем Зингерталем, которого вообще называли королем одесских куплетистов.

Популярность Зингерталя была поистине фантастичной, и случалось, что недобросовестные и беспомощные коллеги выступали в маленьких провинциальных городках под его именем, которое само по себе уже являлось залогом успеха. Такие уж нравы бытовали в актерской среде, и один куплетист, славы которому было не занимать, на гастрольных афишах именовал себя даже «кумиром Одессы, автором песни «Свадьба Шнеерсона». Правда, это случилось в начале 1920-х годов, когда публике стало уже не до веселых куплетов, падали сборы и обозначился кризис этого жанра в старом и добром его понимании. Прославившийся «Свадьбой Шнеерсона» и лелеющий эту славу возмущенный Мирон Эммануилович Ямпольский подал тогда в суд на самозванца, Зингерталь же обычно ограничивался тем, что на афишах ставил «Едет Лев Маркович Зингерталь – настоящий». Помогало это, впрочем, не всегда, но на популярность работало.

Какие бы куплеты он ни исполнял: «Я Зингертальчик – красивый мальчик» или коронные «Зингерталь, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка...» – зрители хохотали безудержно. В романе «Хуторок в степи» Валентин Катаев с присущей ему точностью деталей вспоминает: «Любимец публики Зингерталь. Это был высокий тощий еврей в сюртуке до пят, в пикейном жилете, полосатых брюках, белых гетрах и траурном цилиндре, надвинутом на большие уши. Он подмигнул почечным глазом публике и, намекая на Столыпина, вкрадчиво запел: «У нашего премьера ужасная манера на шею людям галстучки цеплять...» – после чего сам Зингерталь в двадцать четыре часа вылетел из города». И в последующие годы артисты «разговорного жанра» являли у нас собой, по нынешней терминологии, «группу риска».

Так вот, в том же 1918 году у Зингерталя, как и у Саша Франка, похитили фрак. А это было равносильно утрате мастером самого главного его инструмента. Фрак у Льва Марковича был единственный. Где и при каких обстоятельствах это произошло, вовсе не важно, поскольку в Одессе, как известно, все могли украсть, даже сигнальную пушку, которая стояла когда-то на Приморском бульваре справа от лестницы и своими выстрелами возвещала полдень.

Однако, в отличие от аналогичной ситуации с Сашей Франком, к Зингерталю никто не приходил, не оставлял залог, не обнадеживал и, тем более, не возвращал его единственный фрак. «Знающие» люди соглашались, что помочь куплетисту может только Миша. Они не говорили, кто такой этот Миша, потому что за всю историю Одессы только нескольких человек не называли по фамилии, но все и так знали, о ком идет речь: дюк – герцог Ришелье, Сашка – всемирно известный скрипач из «Гамбринуса», Сережа – легендарный велогонщик

и авиатор Уточкин, и Миша – «король» Молдаванки Винницкий, которого одесситы «держали за Япончика».

«Знающие» люди устроили встречу в одном из просторных дворов Молдаванки. В центре его стоял новенький зеленый пулемет «Максим», и на кухонном табурете восседал один из «мальчиков» Миши в лихо сдвинутой набок соломенной шляпе-канотье с черной репсовой лентой и в распахнутой студенческой тужурке, из-под которой синела-белела матросская тельняшка. А вокруг прыгали пацаны: «Дяденька Буся, жлоб, дайте хоть разик пострелять!» «Мальчик» лениво показывал им кулак с зажатými в нем семечками и продолжал виртуозно забрасывать их в рот. Этим же кулаком он молча указал Зингерталью на дверь, за которой должна была состояться аудиенция.

Рассказ-жалоба ограбленного был сбивчив и более полон эмоций, нежели фактов, но Миша терпеливо выслушал пострадавшего и по окончании его сбивчивого рассказа презрительно процедил: «Ха-ла-мид-ни-ки». Надобно знать, что «халамидниками» в отличие от «людей» воры и налетчики презрительно именовали своих мелких «неорганизованных» коллег, стоявших на самой низкой ступени уголовной иерархической лестницы как по уровню профессионализма, так и по следованию морали и соблюдению неписаных законов криминального мира. И уже из уголовного жаргона этот специфичный, ныне начисто забытый термин перекочевал в одесский язык, на котором халамидниками называли непутевых, несерьезных, словом, зряшных личностей. «Халамидники, – повторил Миша, – голову отвинчу». И деловито поинтересовался, «когда господин артист имеет завтра быть дома». И даже несведущий в подобных делах Зингерталь понял, что, как говаривал Илья Арнольдович Ильф, сегодня здесь уже ничего не покажут, но дела его, кажется, не так плохи.

Действительно, на следующий же день куплетиста навестил человек, о котором ничего нельзя было сказать, кроме того, что он молодой, осведомился: «Или вы тот, кому следует фрак?» – и вручил его, простецки завернутый в газету «Одесская почта». Последнее наводило на мысль, что фрак никак не мог быть приобретен в магазине готового платья или конфекционе, где приказчики, несмотря на пошатнувшееся время, щегольски упаковывали покупку в пакет из хрустящей оберточной бумаги.

Но не успел еще опомниться новоявленный владелец фрака, как прибыл следующий посланец, за ним еще и еще. И каких только фраков они не приносили: изрядно залоснившийся, но тщательно отутюженный фрак официанта «Лондонской» гостиницы, старинного покроя онегинский фрак, еще недавно, по-видимому, пребывавший в костюмерной одесского Городского театра, respectable фрак присяжного поверенного. В конечном счете их оказалось ровно тринадцать, а могло быть четырнадцать, если бы, как говорят в Одессе, между ними наличествовал фрак самого Зингерталя, великолепно сшитый когда-то в мастерской на Дерибасовской угол Ришельевской...

Мне довелось слышать эту историю много лет назад, когда еще были живы немало из тех, о которых теперь имею честь, долг, удовольствие и счастье рассказать, потому что, как с грустью написала когда-то наша землячка Вера Инбер, «они жили, эти люди. Многие из них прошли и скрылись, как будто их ноги никогда не топтали легкие седые травы у дороги», и на Молдаванке музыка не играла.

Ирина Полторак, Владимир Трухнин
(авторы телепередачи «Городок»)

Приходит больной к врачу

Больной заходит в кабинет.

- Здравствуйте, Сидор Семенович. Я бы хотел, чтоб вы меня посмотрели.
- А что у вас?
- У меня что-то с ушами.
- А по-моему, у вас что-то с глазами.
- Почему?
- Потому что я не Сидор Семенович, а Марья Ивановна!

- Доктор, у меня редкий медицинский случай. У меня аллергия на женщин.
- Интересно. И как же вы реагируете на женщин?
- Так в том-то и дело, что никак...

Слово за слово

- Вы что, курите? Немедленно бросайте! Курение укорачивает жизнь.
- Глупости. Мой дед курит, а ему уже девяносто лет.
- А если бы не курил, ему было бы уже сто!

* * *

Врачебный долг платежом красен.

* * *

- А что тебя на работе три месяца не было?
- Отдыхал, в горы ездил.
- Три месяца – в горах?
- Нет, в горах я был два дня. Три месяца я был в гипсе.

* * *

- У меня юбилей. Пять лет назад в этот день я сделал первый шаг к разводу.
- Да ну? Что за шаг?
- Я женился!

- Здравствуйте. Верочку можно?
- Здесь такой нет.
- А Ирочку можно?
- И такой нет.
- А Олечку можно?
- Нет!
- А Зиночку можно?
- Нет!
- А Танечку можно?
- Скажите наконец, что вам нужно!
- Как что? Мне нужна женщина, которую можно!

От великого до смешного

Пушкин у Державина.

- Гаврила Романыч! Я стихи написал! Разрешите прочесть?
- Ну давай, только покороче.
- Уж небо осенью дышало...
- Короче.
- Уж реже солнышко блистало...
- Короче!
- *(Обиженно.)* Короче – становился день! *(Плача убегает.)*

Новую мазь для лыж изобрели наши мастера. Основу мази составляет скипидар, причем смазывать надо не лыжи.

Знаменитости тоже плачут

У телефона Киркоров. Из соседнего помещения слышен стук молотка.

Киркоров. Алло! Алло! Ничего не слышу! Алло! Это Филипп. Что? Да, я сегодня даю концерт. Что? Да, буду работать под фонограмму. А? Не слышу! Я тебе перезвоню, у меня тут пол ремонтируют с утра!

Входит в другую комнату. Там мастер стучит молотком по полу.

Киркоров. Вам еще долго стучать?

Мастер. Так я же только первую доску прибиваю.

Киркоров. Как первую? Вы же весь день колотили!

Мастер. Так я сегодня тоже под фонограмму работаю. *(Кладет молоток, а звуки ударов продолжаются.)*

Однажды...

Однажды великий русский мастер Левша ухитрился подковать блоху. Благодарное животное после этого смогло не только кусаться, но и лягаться.

Однажды поссорились Кирилл и Мефодий. Так появились три популярные буквы русского алфавита.

У знаменитого американского инженера Генри Форда было три жены и одиннадцать любовниц. Однажды вечером они явились к нему одновременно. Так он изобрел конвейер.

- Странное все-таки название для журнала – «Фонтан».
- Ну почему? Согласитесь, что журнал с названием «Фонтан» – единственный в мире журнал, о котором нельзя сказать, что это «не фонтан!»...

Услышано в Одессе

Выходит в месяц раз,
Доходит с первых фраз.
А если не доходит,
То все равно выходит!

Напутствие Михаила Жванецкого

Низкое качество жизни вызывает высокое качество юмора.

У журнала «Фонтан» есть все шансы.

Я сам не хохотал уже сто лет.

Так хочется посмеяться.

Так надоело читать анекдоты.

И в Одессе охота видеть человека, а не тещу, торговку и делового остряка, сидящего на акценте.

Из акцента мы выжали все.

Сэкономим Одессу.

Здесь все гораздо глубже – и хуже, и лучше, чем в наших шутках.

Будем беречь Одессу.

Крохи остались.

Для семян.

1 октября 1997 года

Георгий Голубенко

Из цикла «Новые одесские рассказы»

Одна зеленая луковица и одно красное яблоко

Не знаю, что так пугает многих артистов и музыкантов, которые говорят, что всегда с особым волнением едут выступать в Одессу; но вот почему начиная с далекого тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года ни разу не приезжал в наш город знаменитый скрипач Гутников со своей пианисткой Мещерской, я знаю точно. Они боялись меня.

Впрочем, все по порядку. Я учился тогда в Одесской государственной консерватории! Красиво? А вы как думали?... Это уже потом я стал советским драматургом, а вначале родители все же пытались сделать из меня культурного человека. Желательно скрипача. Правда, мой педагог – профессор Лео Давидович Лембергский сразу распознал безнадежность этих попыток, поэтому во время занятий старался научить меня хоть чему-нибудь полезному для жизни.

– Смотри сюда, мальчик, и запоминай, – говорил, бывало, мой шестидесятилетний наставник мне, восемнадцатилетнему пацану, доставая из своего скрипичного футляра луковицу и яблоко. – Мой дед съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста лет. Мой отец съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста одного года. Я тоже съедаю во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко, и вот ты увидишь... Хотя ты, конечно же, не увидишь...

Я незаметно посмеивался, и, между прочим, совершенно напрасно. Прошло тридцать лет, а мой профессор по-прежнему съедает где-то в далеком Израиле во время обеда свою зеленую луковицу и свое красное яблоко и уже готовится побить семейный рекорд долголетия, установленный его отцом и дедом, а что касается меня... Боюсь, мне теперь уже действительно нужно сильно постараться, чтобы это увидеть...

Вообще, я любил учиться в Одесской государственной консерватории. Потому что государственной она была в последнюю очередь. В первую очередь она была одесской.

«Декан Рувимчик – редкий идиот!» – было написано на стене нашего консерваторского туалета. «Сам ты идиот! Декан Рувимчик», – было написано ниже. В классе контрабасов висел транспарант, который приводил в ужас всю нашу кафедру марксизма-ленинизма: «Ничего не знаю лучше контрабаса. Готов слушать его день и ночь. Удивительный, нечеловеческий инструмент!» – и подпись: «Лейбин». А какие, собственно, основания были его снимать, если Лейбин была фамилия преподавателя контрабаса?...

Мы, студенты, жили с нашими педагогами одной семьей, постоянно пытались шутить и все как один мечтали о славе. Слава имела конкретные очертания. И называлась она – сцена Одесской филармонии. Выступать там было пределом наших мечтаний. Поэтому все, что произошло в тот день одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, я помню очень хорошо. Или почти все...

– Ну что ж, мальчик, поздравляю тебя! – сказал мой профессор. – Сегодня ты впервые выходишь на филармоническую сцену!

– Как?... – задыхнулся я. – А что же я буду там играть?

– Ничего, – ответил профессор. – Ты будешь там ноты переворачивать. Играть будет Гутников. Нужно помочь его пианистке.

Для тех, кто не в курсе, рассказываю: скрипач обычно во время концерта играет все наизусть. Его аккомпаниатор – по нотам. Переворачивать их приглашают кого-нибудь из местных. Ну не возить же с собой на гастроли такую малозначительную фигуру...

Конечно, это было не совсем то, о чем я мечтал. Но я живо представил себе, как вечером я выхожу на сцену Одесской филармонии, и одна знакомая девушка, сидящая в зале, увидит... Ну, в общем, за полчаса до концерта я уже переминался с ноги на ногу за кулисами филармонии, с тревогой прислушиваясь к шуму, доносящемуся из переполненного зрительного зала. Потом появились ослепительные Гутников и Мещерская. Она – в роскошном концертном платье, он – в строгом фраке, но с настоящим Страдивари в руках.

– Здра-а-авствуйте, – поздоровался я, заикаясь от волнения. – Я тут пе-ереворачивать...

– Знаем, знаем, – сказала пианистка. – Ну что же вы так волнуетесь, молодой человек? Ноты читать умеете? Значит, когда увидите, что я доигрываю страницу, перевернете. И еще: у меня длинное платье, поэтому, когда я буду вставать со стула, чтобы поклониться, отодвигайте, пожалуйста, стул. Вот, собственно, и все. Ваш профессор сказал, что вы человек способный. Думаю, справитесь... Да, и еще: я вас очень прошу, когда мы будем уходить со сцены, уходите, пожалуйста, первым. Потом уйду я, и только потом уже солист. Понимаете? Чтобы все аплодисменты достались солисту. И вообще, ваша главная задача – нам не мешать.

– О чем ты, Мила? – улыбнулся маэстро. – Ну как он может нам помешать?...

Ох, не нужно ему было это говорить! Уже через несколько минут жизнь показала, что в этом смысле он явно недооценивал мои возможности.

Под бурные аплодисменты мы вышли на сцену, я, как и положено переворачивающему ноты, уселся слева от пианистки, взглянул на ноты, которые мне предстояло переворачивать, и понял, что сейчас произойдет катастрофа.

– Бетховен, – произнесла ведущая. – «Крейцера соната».

Пианистка взяла аккорд.

– Ничего не получится... – просипел я ей прямо в ухо. – Я очки дома забыл!..

– Что? – вздрогнула пианистка.

– Очки, говорю, забыл!.. Не вижу я ничего!..

– Спокойно! – прошептала пианистка, не переставая играть. – Следите за мной. Когда нужно будет перевернуть страницу, я вам кивну...

– Головой?... – просипел я, уже мало что соображая от волнения.

– Да, – кивнула она.

Она кивнула – я и перевернул.

– Рано! – вскрикнула она и, продолжая играть, свободной рукой перевернула страницу назад.

– Но вы же кивнули! – напомнил я ей и перевернул страницу вперед.

– Да я не потому кивнула! Не потому! – нервно зашептала пианистка, играя какой-то сложный пассаж. – Вот теперь переворачивайте!

– Вперед?!

– Да!

Я перевернул.

– Назад!

– Но почему? Вы же сами сказали перевернуть страницу вперед!

– Но вы же перевернули две!..

– Как это две?! – я приподнялся и, загородив ей нотную тетрадь, стал разбираться со страницами. – Вот одна... вот... ах, да, действительно!..

– Да что же вы делаете?! – взмолилась она и, изловчившись, шлепнула меня по рукам. Я автоматически шлепнул ее по рукам, как бы давая сдачи. Она вскрикнула. Скрипач вздрогнул и взял фальшивую ноту.

Так, толкаясь и переругиваясь, мы каким-то чудом доиграли наконец «Крейцерову сонату». Раздались аплодисменты.

– Стул отодвиньте! – ненавидяще глядя на меня, сказала пианистка. – Я же вам говорила. У меня длинное платье. Отодвиньте мой стул! Мне нужно встать и поклониться!

Я галантно отодвинул ей стул. Она встала и поклонилась. Потом начала садиться.

– Стул! – напомнила она, не оборачиваясь.

Поскольку слово «стул» теперь ассоциировалось в моей уже не работающей от страха голове исключительно со словом «отодвиньте», я его опять отодвинул. Она начала садиться на пол. Я автоматически подставил руки... Почувствовав их у себя на бедрах, пианистка взвизгнула и отскочила.

В зале прошел шумок. Там уже, наверное, давно обратили внимание, что, пока скрипач предается своему возвышенному искусству, какой-то молодой нахал у него за спиной сначала подрался с его аккомпаниаторшей, а теперь прямо на глазах у публики начал к ней грубо приставать. Я готов был провалиться сквозь сцену.

Дальнейшее плохо отпечаталось в моем сознании. Помню только, что, кажется, я все делал наоборот: переворачивал страницы, когда не нужно было переворачивать, и не переворачивал, когда было нужно. Двигал стул вперед, когда пианистка пыталась встать, таким образом припечатывая ее к роялю, и двигал его назад, когда она пыталась сесть, каждый раз ловя ее уже у самого пола.

Естественно, что после окончания каждого произведения музыканты, несмотря на аплодисменты, сразу же убегали за кулисы, чтобы хоть как-то перевести дух от этого кошмара. Но я оставался на сцене! Таким образом, получалось, что все аплодисменты доставались мне, и я каждый раз долго и церемонно раскланивался...

Но все это были, как говорится, цветочки по сравнению с финалом нашего выступления.

– Паганини! – объявила ведущая. – «Вечное движение».

– Умоляю!.. – наклонилась ко мне пианистка. – Вы только ничего не делайте! Мы сами все сыграем. Просто сидите тихо. А еще лучше – вообще отодвиньтесь!..

Музыканты начали играть, а я начал отодвигаться, естественно, вместе со стулом, издавая при этом страшный скрип. Пианистка гневно глянула на меня. Я отодвинулся еще дальше. Она опять посмотрела. Я опять отодвинулся. Потом еще и еще... Таким образом, пока они играли, я проделал довольно неблизкий путь от центра сцены в ее конец и очутился на самом краю.

В зале недоуменно перешептывались. Потом-то я понял причину. «Ну правильно, – размышляли там. – Великий Паганини, наверное, что-то имел в виду, назвав свою пьесу «Вечное движение», но зачем нужно иллюстрировать это гениальное произведение

бесконечной ездой по сцене, да еще верхом на скрипучем стуле?!»

– Да когда же это наконец закончится?! – не выдержал скрипач и, прервав исполнение, сделал шаг в мою сторону, собираясь, по-видимому, оторвать мне голову.

Я в ужасе отпрянул назад... И вместе со стулом полетел со сцены в зрительный зал.

Тут началось что-то невообразимое. И продолжалось довольно долго. А поскольку ни музыканты, ни ведущая из-за кулис больше не появлялись, то я, чтобы хоть как-то прекратить весь этот смех, свист и улюлюканье, опять вскарабкался на сцену и очень торжественно произнес: «Концерт окончен!»

Потом, много лет спустя, я часто пытался смешить народ своими рассказами, выступая на разных сценах, в том числе и на сцене Одесской филармонии, но такого гомерического хохота я уже не слышал никогда. Вот уж был поистине оглушительный провал.

Наверное, в ту ночь я не умер от позора только потому, что одна знакомая девушка до самого утра утешала меня, сидя рядом на скамейке пустынного Приморского бульвара, и к утру наконец утешила...

И тогда же, к утру, с первыми лучами солнца, встающего над обожаемым мною городом, я начал смутно догадываться, что стремление к славе вообще глупейшая вещь. И единственное, чего можно добиться на этом пути, так это падения с большой высоты, да еще и вместе со стулом.

А единственное, чего можно желать для себя в этой жизни, так это собственно жизни. Причем как можно более долгой. И нужно для этого очень немного: каждое утро – такой вот рассвет, каждую ночь – такая вот девушка, ну и каждый день, конечно, одна зеленая луковица и одно красное яблоко.

Наметанный глаз

Если бы у Коли и Оли спросили в тот день: «Какой самый короткий месяц в году?» – они бы не задумываясь ответили: «Медовый». Только через четыре месяца после его начала, когда у Оли наконец впервые возникла потребность в платье (во всяком случае, в выходном), они с Колей вышли из своей комнаты в общежитии, держа в руках отрез крепдешина, купленный им на свадьбу в складчину всеми студентами и преподавателями родного техникума, и направились к дамскому портному Перельмутеру.

В тот день Коля точно знал, что его жена – самая красивая женщина в мире, Оля точно знала, что ее муж – самый благородный и умный мужчина, и оба они совершенно не знали дамского портного Перельмутера, поэтому не задумываясь нажали кнопку его дверного звонка.

– А-а!.. – закричал портной, открывая им дверь. – Ну наконец-то! – закричал этот портной, похожий на композитора Людвиг ван Бетховена, каким гениального музыканта рисуют на портретах в тот период его жизни, когда он сильно постарел, немного сошел с ума и сам уже оглох от своей музыки.

– Ты видишь, Римма? – продолжал Перельмутер, обращаясь к кому-то в глубине квартиры. – Между прочим, это клиенты! И они все-таки пришли! А ты мне еще говорила, что после того, как я четыре года назад сшил домашний капот для мадам Лисогорской, ко мне уже не придет ни один здравомыслящий человек!

– Мы к вам по поводу платья, – начал Коля. – Нам сказали...

– Слышишь, Римма?! – перебил его Перельмутер. – Им сказали, что по поводу платья –

это ко мне. Ну, слава тебе, Господи! Значит, есть еще на земле нормальные люди. А то я уже думал, что все походили с ума. Только и слышно вокруг: «Карден!», «Диор!», «Лагерфельд!»... Кто такой этот Лагерфельд, я вас спрашиваю? – кипятился портной, наступая на Колю. – Подумаешь, он одевает английскую королеву! Нет, пожалуйста, если вы хотите, чтобы ваша жена в ее юном возрасте выглядела так же, как выглядит сейчас английская королева, можете пойти к Лагерфельду!..

– Мы не можем пойти к Лагерфельду, – успокоил портного Коля.

– Ну так это ваше большое счастье! – в свою очередь успокоил его портной. – Потому что, в отличие от Лагерфельда, я таки действительно могу сделать из вашей жены королеву. И не какую-нибудь там английскую! А настоящую королеву красоты! Ну а теперь за работу... Но вначале последний вопрос: вы вообще знаете, что такое платье? Молчите! Можете не отвечать. Сейчас вы мне скажете: рюшечки, оборочки, вытачки... Ерунда! Это как раз может и Лагерфельд. Платье – это совершенно другое. Платье, молодой человек, это прежде всего кусок материи, созданный для того, чтобы закрыть у женщины все, на чем мы проигрываем, и открыть у нее все, на чем мы выигрываем. Понимаете мою мысль? Допустим, у дамы красивые ноги. Значит, мы шьем ей что-нибудь очень короткое и таким образом выигрываем на ногах. Или, допустим, у нее некрасивые ноги, но красивый бюст. Тогда мы шьем ей что-нибудь длинное. То есть закрываем ей ноги. Зато открываем бюст, подчеркиваем его и выигрываем уже на бюсте. И так до бесконечности... Ну, в данном случае, – портной внимательно посмотрел на Олю, – в данном случае, я думаю, мы вообще ничего открывать не будем, а будем, наоборот, шить что-нибудь очень строгое, абсолютно закрытое от самой шеи и до ступней ног!

– То есть как это «абсолютно закрытое»? – опешил Коля. – А... на чем же мы тогда будем выигрывать?

– На расцветке! – радостно воскликнул портной. – Эти малиновые попугайчики на зеленом фоне, которых вы мне принесли, по-моему, очень симпатичные! – И, схватив свой портняжный метр, он начал ловко обмерять Олю, что-то записывая в блокнот.

– Нет, подождите, – сказал Коля, – что-то я не совсем понимаю!.. Вы что же, считаете, что в данном случае мы уже вообще ничего не можем открыть? А вот, например, ноги... Чем они вам не нравятся? Они что, по-вашему, слишком тонкие или слишком толстые?

– Ну при чем здесь... – ответил портной, не отрываясь от работы. – Разве тут в этом дело? Ноги могут быть тонкие, могут быть толстые. В конце концов, у разных женщин бывают разные ноги. И это хорошо! Хуже, когда они разные у одной...

– Что-что-что? – опешил Коля.

– Может, уйдем отсюда, а? – спросила у него Оля.

– Нет, подожди, – остановил ее супруг. – Что это вы такое говорите, уважаемый? Как это – разные?! Где?!

– А вы присмотритесь, – сказал портной. – Неужели вы не видите, что правая нога у вашей очаровательной жены значительно более массивная, чем левая. Она... более мускулистая...

– Действительно, – присмотрелся Коля. – Что это значит, Ольга? Почему ты мне об этом ничего не говорила?

– А что тут было говорить? – засмушалась та. – Просто в школе я много прыгала в высоту. Отстаивала спортивную честь класса. А правая нога у меня толчковая.

– Ну вот! – торжествующе вскричал портной. – А я о чем говорю! Левая нога у нее

нормальная. Человеческая. А правая – это же явно видно, что она у нее толчковая. Нет! Этот дефект нужно обязательно закрывать!..

– Ну допустим, – сказал Коля. – А бюст?

– И этот тоже.

– Что – тоже? Почему? Мне, наоборот, кажется, что на ее бюсте мы можем в данном случае... это... как вы там говорите, сильно выиграть... Так что я совершенно не понимаю, почему бы нам его не открыть?

– Видите ли, молодой человек, – сказал Перельмутер, – если бы на моем месте был не портной, а, например, скульптор, то на ваш вопрос он бы ответил так: прежде чем открыть какой-либо бюст, его нужно как минимум установить. Думаю, что в данном случае мы с вами имеем ту же проблему. Да вы не расстраивайтесь! Подумаешь, бюст! Верьте в силу человеческого воображения! Стоит нам правильно задрапировать тканью даже то, что мы имеем сейчас, – и воображение мужчин легко дорисует под этой тканью такое, чего мать-природа при всем своем могуществе создать не в силах. И это относится не только к бюсту. Взять, например, лицо. Мне, между прочим, всегда было очень обидно, что такое изобретение древних восточных модельеров, как паранджа...

– Так вы что, предлагаете надеть на нее еще и паранджу? – испугался Коля.

– Я этого не говорил...

– Коля, – сказала Оля, – давай все-таки уйдем.

– Да стой ты уже! – оборвал ее муж. – Должен же я, в конце концов, разобраться... Послушайте... э... не знаю вашего имени-отчества... ну, с бюстом вы меня убедили... Да я и сам теперь вижу... А вот что если нам попробовать выиграть, ну, скажем, на ее бедрах?

– То есть как? – заинтересовался портной. – Вы что же, предлагаете их открыть?

– Ну зачем, можно же, как вы там говорите, подчеркнуть... Сделать какую-нибудь вытачку...

– Это можно, – согласился портной. – Только сначала вы мне подчеркнете, где вы видите у нее бедра, а уже потом я ей на этом месте сделаю вытачку. И вообще, молодой человек, перестаньте морочить мне голову своими дурацкими советами! Вы свое дело уже сделали. Вы женились. Значит, вы и так считаете свою жену самой главной красавицей в мире. Теперь моя задача – убедить в этом еще хотя бы нескольких человек. Да и вы, барышня, тоже – «пойдем отсюда, пойдем»! Хотите быть красивой – терпите! Все. На сегодня работа закончена. Примерка через четыре дня.

Через четыре дня портной Перельмутер встретил Колю и Олю прямо на лестнице. Глаза его сверкали.

– Поздравляю вас, молодые люди! – закричал он. – Я не спал три ночи. Но, знаете, я таки понял, на чем в данном случае мы будем выигрывать. Кроме расцветки, естественно. Действительно на ногах! Да, не на всех. Правая нога у нас, конечно, толчковая, но левая-то – нормальная. Человеческая! Поэтому я предлагаю разрез. По левой стороне. От середины бедра до самого пола. Понимаете? А теперь представляете картину: солнечный день, вы с женой идете по улице. На ней новое платье с разрезом от Перельмутера. И все радуются! Окружающие – потому что они видят роскошную левую ногу вашей супруги, а вы – потому что при этом они не видят ее менее эффектную правую! По-моему, гениально!

– Наверное... – кисло согласился Коля.

– Слышишь, Римма! – закричал портной в глубину квартиры. – И он еще сомневается!..

Через несколько дней Оля пришла забирать свое платье уже без Коли.

– А где же ваш достойный супруг? – спросил Перельмутер.

– Мы расстались... – всхлипнула Оля. – Оказывается, Коля не ожидал, что у меня такое количество недостатков.

– Ах вот оно что!.. – сказал портной, приглашая ее войти. – Ну и прекрасно, – сказал этот портной, помогая ей застегнуть действительно очень красивое и очень идущее ей платье. – Между прочим, мне этот ваш бывший супруг сразу не понравился. У нас, дамских портных, на этот счет наметанный глаз. Подумаешь, недостатки! Вам же сейчас, наверное, нет восемнадцати. Так вот, не попрыгаете годик-другой в высоту – и обе ноги у вас станут совершенно одинаковыми. А бедра и бюст... При наличии в нашем городе рынка «Привоз»... В общем, поверьте мне, через какое-то время вам еще придется придумывать себе недостатки. Потому что, если говорить откровенно, мы, мужчины, женскими достоинствами только любимся. А любим мы вас... я даже не знаю за что. Может быть, как раз за недостатки. У моей Риммы, например, их было огромное количество. Наверное, поэтому я и сейчас люблю ее так же, как и в первый день знакомства, хотя ее уже десять лет как нету на этом свете.

– Как это нету? – изумилась Оля. – А с кем же это вы тогда все время разговариваете?

– С ней, конечно! А с кем же еще? И знаете, это как раз главное, что я хотел вам сказать про вашего бывшего мужа. Если мужчина действительно любит женщину, его с ней не сможет разлучить даже такая серьезная неприятность, как смерть! Не то что какой-нибудь там полусумасшедший портной Перельмутер... А, Римма, я правильно говорю? Слышите, молчит. Не возражает... Значит, я говорю правильно...

Один день Бориса Давидовича

Дающий быстро дает дважды.

Поэт Юрий Михайлик о герое этого очерка

Она просыпается всегда за несколько минут до него. Всматривается в любимое лицо. Тяжело вздыхает...

«Стареет, – думает она. – Вот опять новая морщина появилась. И длинная какая... От правого уха через щеку и подбородок... Аж до самой ноги... Ему бы отдохнуть пару дней... Но кому говорить?... Разве они поймут? Люди... А вдруг с ним что-нибудь?! – она вздрагивает. – А у меня дети. В этом месяце их опять четверо... Кто о них позаботится?... Кстати, взглянуть, как они там...»

Она спрыгивает на пол и направляется к картонному ящику, стоящему под столом. От этого прыжка он просыпается.

– Вот же ты сволочь, Джулька! – говорит он. – Чего расшумелась? Мог бы еще подремать. Все-таки воскресенье. Ну ладно. Раз уж поднялись – пошли на работу.

Через какое-то время оба уже сидят в маленькой комнатке на улице Пушкинской, которая громко именуется кабинетом директора детской спортивной школы, он – за столом, уставленным телефонами, она – под столом, и смотрят на дверь. Появляется первый посетитель.

«Ага, – думает Джулька, разглядывая его из-под стола. – Старые сандалии на босу ногу, штаны с бахромой... Значит, у него или крыша течет, или отопление не работает, или

желудок... В общем, наши обычные воскресные дела...»

– Здравствуйте, Борис Давидович! – говорит вошедший. – Вы меня, конечно, не знаете, но ваш сосед с первого этажа должен был с вами обо мне говорить... Видите ли, дело в том...

– Ну почему же не знаю? – перебивает его Борис Давидович. – Присаживайтесь. Попробуем что-нибудь сделать.

И тут же начинает накручивать телефон.

– Алё! – говорит он в трубку. – Это гордость нашей эпохи господин Иванов Петр Максимович? Приветствую вас. Извините, что в воскресенье... Да, это Боренька... Значит, слушай сюда. У меня сейчас в кабинете сидит самый близкий мне человек. Брат. Фамилия его... Нет, почему такая же, как у меня? Ах, потому что брат!.. Ну тогда, считай, он двоюродный... И фамилия его... – Борис Давидович закрывает трубку ладонью. – Как ваша фамилия?

– Степанов Илья Ефимович, – говорит посетитель.

– Степанов его фамилия, – повторяет Борис Давидович в трубку. – Это красивый, светлый человек. Ветеран войны, ветеран труда. Пятьдесят лет проработал на одном заводе! Так может он получить у вас квартиру, в конце концов?!

– Нет-нет!.. – панически шепчет посетитель. – Я не проработал на одном заводе пятьдесят лет! Мне всего сорок два!.. Так что и в войне я не участвовал... И квартира мне, честно говоря, не нужна! То есть нужна, конечно... Но разве они...

– Спокойно! – говорит ему Борис Давидович, прикрыв трубку. – А ну сиди ровно! Боренька знает, что делает. – И продолжает уже в трубку: – Значит, квартиру он у вас получить не может. Хорошо... Ну а крышу вы ему отремонтировать способны? Ах, тоже нет?!

– Мне только батарею поменять! – умоляюще шепчет посетитель.

– Так! – как бы не слыша его, продолжает Борис Давидович. – Ну а на что вы тогда способны там, в своем жэке? Какую-нибудь батарею несчастную он, знаете ли, и без вас поменять может. Ах, это вы как раз тоже можете? Ну и прекрасно. Тогда, значит, вы ее ему и меняете! *(Закрывает трубку.)* Понял? Вот так. А что, по-твоему, Боренька уже вообще ничего не соображает? Если бы я начал с какой-нибудь там батареи, самое большее, на что бы он согласился – это покрасить тебе почтовый ящик!.. *(В трубку.)* Так, значит, мы договорились, Петр Максимович? При каком еще условии? Что-что-что? Если я устрою тебе встречу с Николаем Степановичем?! С самим?! Ну, знаешь ли, это... Ладно, не вешай трубку. *(Крутит диск на другом телефоне.)* Алё! Это дача Николая Степановича? То есть как это – кто говорит? Не узнала, Наденька? А кто тебя больше всех любит? Правильно, Боренька! Узнала, узнала... А где там наш гигант мысли? Отец русской... ой, извините, украинской демократии? Спит? Да быть такого не может. Я думал, он вообще никогда не спит. Мы же тут все только и живем благодаря его неусыпному руководству! Разбудить? Нет. Пускай уже спит. Может быть, мы в этом случае, наоборот, проживем на какое-то время дольше... Шучу!.. Слушай, Надюша, тут у меня на проводе человек, дороже которого у меня никого нет в жизни. Мой отец! Это Иванов из тридцать первого жэка... Почему он не может быть мне отцом?! Потому что он в два раза младше меня? Ну и что? Просто он очень рано начал... Хорошо, тогда сын. Это неважно. Главное, что это красавец. Чистый человек. Нужно устроить ему встречу с твоим благоверным. Что-то там по бюджету... Что-что-что? Какому чистому красавцу ты уже устраивала такую встречу на прошлой неделе по моей просьбе?!

Ах, этому... М-да... И что, твой супруг его принял?... Вот это напрасно... Знаешь, оказалось, что этот красивый, чистый человек на самом деле – уродливое, грязное животное...

Здесь требуется пояснение. Кроме того, что пять дней в неделю Борис Давидович руководит детской спортивной школой, семь дней в неделю он руководит еще и реабилитационным центром для детей-инвалидов, построенным здесь же на Пушкинской исключительно благодаря его неумной энергии. Как ему удалось в наши дни построить этот центр, в котором к тому же лечат детей бесплатно, – это уже не тема для рассказа. Это тема для большого научно-фантастического романа. Во всяком случае, с тех пор как Борис Давидович загорелся этой идеей, все люди в его сознании четко разделились на две категории: красивые, светлые личности – то есть те, кто помогает центру или может ему помочь, и уродливые, грязные животные – те, кто не помогает, или еще помогает, но может в любой момент отказаться...

Но к центру Бориса Давидовича мы еще вернемся. А сейчас вернемся к его телефонным разговорам.

– Наденька, лапа моя родная, – рокочет Борис Давидович в трубку своим неотразимым баритоном, – значит, я могу рассчитывать, что твой гигант русской мысли примет мою гордость нашей эпохи?... Ну, в смысле, моего отца... Или сына... В общем, ты понимаешь, о ком я говорю... Только в каком случае? Если я достану для твоих родственников, живущих в Тбилиси, два билета на спектакль Резо Габриадзе? Ничего себе... Слушай, а попроще их ничего не устроит? Например, если я достану им два билета на представление Одесского цирка?... Приедут – посмотрят... Нет-нет, подожди! Не вешай трубочку. Хорошо, сейчас попробую... Значит, Резо... Резо... *(Борис Давидович начинает крутить диск следующего телефона, на ходу вспоминая номер.)* Алё! Резо, дорогой! Это Боренька из Одессы. Надеюсь, ты рад меня слышать? Нет, я понимаю, что у тебя в зале помещается всего сто пятьдесят человек... Я знаю, что к тебе от меня уже приходили... Что значит – три? Три человека?... Ах, три зала!.. Ну так тем более, что тебе тогда еще два билета?... Слушай, ты же сам говорил: искусство создано для того, чтобы человеку в этом мире стало хоть немножечко теплее... Так это как раз тот случай! Благодаря твоему искусству человек получает радиатор парового отопления...

Последние фразы Борис Давидович произносит, внимательно приглядываясь к телевизору, стоящему в другом конце комнаты. По телевизору показывают баскетбольный матч. «За две минуты до конца игры, – говорит диктор, – одесситы проигрывают два очка. Удастся ли им что-нибудь сделать?...»

– Так! – кричит Борис Давидович во все телефоны одновременно. – Никто не вешает трубку! Мне нужно срочно сделать один звонок. Вопрос жизни и смерти! – и быстро накручивает диск последнего телефона: – Алё! Это Дворец спорта? Срочно мне тренера Лебедевского! Я понимаю, что он руководит игрой. Я даже вижу, как у него это получается! Передайте – Литвак на проводе!.. Лебедевский, ты почему не выпускаешь Козлюка? Ты что, не видишь, что у тебя Подопригора все подборы проигрывает? Козлюка, говорю, выпускай! Я его зачем десять лет в своей школе учил? Чтобы он у тебя на скамейке трусы просиживал?...

«В команде одесситов замена, – доносится из телевизора. – Мяч у молодого Козлюка. Бросок! Одесситы сравнивают счет. Еще бросок! Они выходят вперед!..»

– Понял, Лебедевский?! – гремит Борис Давидович в трубку. – Всегда слушай Боречку! Черта с два бы вы в прошлом году чемпионами стали, если бы у меня телевизор хуже показывал! Всё! Можешь повесить трубку! Остальные еще не повесили!.. Значит, делаем так.

Резо, дорогой, даешь два билета родственникам Наденьки. Надюша, милая, устраиваешь Петру Максимовичу встречу с Николаем Степановичем. Петр Максимович, устанавливаешь Илье Ефимовичу радиатор парового отопления... Всем до свиданья!

– Даже не знаю, как вас благодарить... – шепчет растерянный посетитель.

– А меня-то за что? – удивляется Борис Давидович. – Кстати, вы чем занимаетесь?

– Ремонтирую слуховые аппараты.

– Так это же как раз то, что мне нужно! Значит, завтра к вам зайдет один старик. Абсолютно глухой. Отремонтируйте ему, ради Бога, его аппарат, а то я уже месяц ему кричу, что я этим не занимаюсь, а он ничего не слышит!

Потом Джулька видит из-под своего стола потрепанные лакированные ботинки известного одесского артиста, у которого, по его мнению, несправедливо отобрали водительские права, и теперь ему нечем зарабатывать себе на жизнь. Потом – изящные босоножки элегантной дамы среднего возраста. Она просит Бориса Давидовича, чтоб ее осмотрели врачи его центра.

– Но он же детский! – удивляется Борис Давидович. – А вы, извините, на школьницу уже не похожи.

– Ну вот, – горестно вздыхает дама. – Я же вам говорю, что в последнее время я плохо выгляжу...

В конце концов Борис Давидович устраивает ей визит к взрослому доктору.

Потом Джулька видит еще какую-то обувь... Еще... Вечереет.

– Ко мне еще кто-нибудь есть? – спрашивает Борис Давидович у воскресной дежурной по школе Эммы Францевны.

– Двое, – говорит она. – Посол Соединенных Штатов Америки и сантехник из центра.

– Пускайте обоих, – кивает Борис Давидович.

– О, господин Литвак! – появляясь в кабинете, восторженно разводит руками мужчина заграничного вида. – Я только что осмотрел ваш потрясающий центр!

– Я тоже осмотрел, – мрачно вторит ему сантехник.

– Я много слышал об этом центре, – продолжает посол, – но то, что я увидел, меня поразило!

– И меня поразило, – соглашается сантехник. – В подвале трубы полопались. На первом этаже кто-то раковину расколосл...

– Думаю, что нигде в мире, – продолжает посол, – мы не найдем ничего подобного!

– Ну, найти, вообще-то, можно, – говорит сантехник, – и трубы, и раковину. Например, на Староконном базаре. Но деньги нужны...

– Кстати, о деньгах, – подхватывает посол. – Я слышал, что у вас в центре бывали лидеры многих стран. Так что с деньгами и оборудованием, я думаю, у вас все в порядке!..

– О да! – соглашается Борис Давидович. – Тут мы идем со знаком плюс.

– То есть как? – спрашивает дипломат.

– Очень просто, – отвечает Борис Давидович. – После всех этих посещений у нас, правда, ничего не прибавилось, но, с другой стороны, у нас ничего не пропало!

После чего посол откланивается. А сантехник остается. И, устало глядя на него, Борис Давидович начинает в очередной раз накручивать диск телефона.

– Коля! – говорит он в трубку. – Ты же красивый, чистый человек. Честный бизнесмен!

– Это я честный бизнесмен?! – доносится из трубки удивленный голос некоего Коли. – Борис Давидович, дорогой, может быть, вы номер перепутали?

– Перестань, Коля, не скромничай, – настаивает Борис Давидович. – Я же лучше тебя знаю твою благородную душу! Просто ты своих денег тратить не умеешь. Ну кто когда-нибудь вспомнит, на каком «Мерседесе» ты ездил? А ты перечисли немного на наш центр. Мы сантехнику новую купим. Возле каждого унитаза таблички повесим с твоим именем. Тебя же люди по сто раз на день вспоминать будут с благодарностью!..

Под этот до боли знакомый текст Джулька начинает засыпать.

...Когда она просыпается, за окном уже совсем темно. А перед Борисом Давидовичем стоит и вовсе странный человек. Маленький, сухонький, в сапожках и френче, с жокейской шапочкой на голове.

– Умоляю вас! – говорит он плачущим голосом. – Поймите, эта кобыла отказывается есть тот овес, который имеется на нашем ипподроме. И мне сказали, что только вы...

– Что? Могу ее уговорить? – спрашивает Борис Давидович.

– Нет. Ну зачем же... Просто ее привезли сюда из Новой Зеландии специально для улучшения нашей породы. И вот теперь все говорят, что если вы возьметесь за это дело...

– За какое такое дело? Вы что, с ума сошли?!

– Достать ей нужный овес...

Примерно через час Борис Давидович и Джулька покидают наконец свой директорский кабинет.

Они выходят на сказочно прекрасную ночную улицу Пушкинскую, где в окружении вечных одесских платанов сияет под луной белая громада построенного Литваком детского реабилитационного центра, и думают каждый о своем.

«Литвак построил... Литвак создал... – думает Борис Давидович, глядя на это здание и на золотого ангела, парящего над входом в него. – Да разве тут в Литваке дело?! Ее это идея была. Ее... «Что ж ты, папа, – говорила она, – самых здоровых к себе в спортивную школу отбираешь, а о больных кто подумает?» Ну вот, подумал, построил. Только она этого уже никогда не увидит, доченька моя единственная... Никогда... Господи Боже ты мой, ну как же после этого верить в твою справедливость?...»

«Нет, что ни говори, – думает Джулька, – а с хозяином мне не очень-то повезло... Хотя, понятное дело, он и о себе вспоминает не часто, разве ж ему до меня?... А тут щенки. В этом месяце опять четверо. Кому б их пристроить?...»

– Да, Джульетта, – вдруг говорит Борис Давидович, – совсем забыл сказать. Насчет щенков твоих я еще вчера договорился. Хорошие люди. Берут всех четверых. Правда, за это я обещал поставить им телефон...

И они отправляются спать. Всё. Выходной день окончен. Завтра будет трудный. Рабочий.

Михаил Векслер
Потомкам на пейджер

* * *

Хорошо живется мне
Без вмешательства извне.

Идиллическое

Нам хорошо с тобой вдвоем —
Вон улыбаемся на фото.
Но и в отсутствии твоём
Есть тоже праздничное что-то.

* * *

Мы с Тamarой ходим парой,
Мы с Тamarой понятые.

Занимательная геометрия

В альбом
С какой бы страстью целовал
Я Вашего лица овал!
А будь у Вас лица квадрат,
Я целовал бы Вас как брат.

Кришнаитское

Очередная смена тела...
Как это все осточертело!

Одностишие с похмелья

Второе?... Блюдо или мая?

Мираж

По пустыне
Идет караван.
В середине —

Верблюд-ресторан.

Библейское

И водил сорок лет по пескам свой народ Моисей,
Дабы вымерли все, кто кричал: «Ю эс эй! Ю эс эй!»

Славянофильский вопрос

Войдет ли в горящую избу
Рахиль Исааковна Гинзбург?

Гусарское

Усы на фейсе —
Таки да!
Не то что пейсы
В два ряда.

Одностишие

Увы, Мария... то есть аве!

О Рае

Потеряла Рая
Честь.
У нее вторая
Есть.

* * *

Не отвернусь от нищего – как другу

Всегда пожму протянутую руку.

Оптимистическое

Товарищ, верь! Придет пора
Достатка и правопорядка,
Но до нее – на наших пятках
Напишут наши номера.

Салли

Бьют часы. В глубоком кресле,
В том, что под часами,
Утонула Салли Пресли.
Ох уж эта Салли!
Ни «спасите», ни «тону»,
Ни записки близким.
Села в кресло – и ко дну.
Тихо. По-английски.

Со вздохом

Мы как выпьем – головою в яства
Или бьем кого-нибудь по линзам.
Нет у нас еще культуры пьянства
И алкоголизма.

Из цикла «Рассказы о профессиях»

Том – патологоанатом,
Он берет работу на дом,
И у Тома на дому
Многолюдно потому.

Энтомолог Ю. Рогожин
С каждой мухой осторожен:
Ведь у мухи на лице
Не написано «це-це».

* * *

Орнитолог мистер Поллак,
Поедая перепелок,
Убедился, что у птиц
Не бывает ягодиц.

Из цикла «Времена года»

Осень. Дождик по темени.
Мне бы зонтик. От времени.

Символическая плата

Я работаю, как вол,
За фаллический символ.

И о погоде

Прогноз
Такой же,
Как всегда —
Мороз
По коже,
Господа.

К празднику

На заводе надувных изделий
Людям деньги выдали шарами,

И они над нашими дворами
На зарплате к звездам полетели.

* * *

«Да-а, – вздохнула тетя Настя, —
Человек рожден для счастья».
«Словно птица для полета», —
Согласился дядя Тихон.
«Через Днепр», – добавил тихо
Из присутствующих кто-то.

* * *

Жил, если помните, Паша.
Был он Морозовым. Наша
Контрацептивная фабрика
Имени этого Павлика.

Тост

Когда б ни состоялся вынос —
За то, чтоб мы вас, а не вы нас!

* * *

Мы сидим в столовой,
Суп едим перловый,
Слышим наших ложек
Грустный диаложек.

Зимние грезы

Снегом стать хорошо бы
В середине пути,

Одновременно чтобы
И лежать, и идти.

Из песни об одесских деревьях

Я спросил у тополя: «Где моя любимая?»
Тополь не ответил мне, но спросил: «А что?»

* * *

«Раздёнсья, – сказал я Глафире. —
Любовь – не картошка в мундире».

Мся!

Англичанин Кристофер
Англичанке Дженифер
Вечером на пристани
Сделал предложение:
«Дорогая Дженни!
Может быть, пожени...
Может быть, пожени...»
Так, произнося
Это предложение,
Волновался Кристофер.
Улыбнулась Дженифер
И сказала: «Мся!»

Трагедия

Ромео и Джульетта. Их
Балкон не выдержал двоих.

Одни за всех

Харитонов Нестор —
Человек-оркестр.
А Тамара М. —
Женщина-гарем.

Стихи о лете

На пляже Аркадия вечером
Хотел написать завещание,
Да не усмотрел за вещами я...
Теперь завещать больше нечего.

* * *

Я шел вдоль берега. Скучал.
К моллюску в домик постучал.
«Добро пожаловать!» – услышал,
Но не вошел. И он не вышел.

* * *

Я, признаюсь, с трудом
Занимаюсь трудом.
Но с большой любовью
Занимаюсь любовью.

* * *

Свой путь земной, мозоли натирая,
Я прохожу, голодный и нагой,
Так безгреховно, что ворота рая —
Привет, ребята! – отворю ногой.

Из Гюго

– Гражданин, вот вы смеетесь —
Видно, с прошлым расстаетесь?
– Да пошел ты, старый хрен!.. —
Отвечает Гуинплен.

А из нашего окна

С видом на море
Оно —
В нашей камере
Окно.

Вокруг света

Жители Оскоминки
И, конечно, Клюквинки
Шьют и носят смокинги,
Фракинги и брюкинги.
Обожают пудинги,
Кашинги, оладинги,
Разные салатинги
И другие блюдинги.
Во какие людинги!

Одностишие

«Любит?... Не любит?...» – гадают Нарцисс на ромашке

Из маркиза де Сада

Ваше «да» шито белыми нитками —
Вы в любви признаётесь под пытками.

Ночной разговор

– Глянь, огонек
Бежит, Санек!
– Так это ж, Нюр,
Бикфордов шнур.

С натуры

Несет бревно душа-девица.
Душа обязана трудиться.

* * *

Нет места подвигу в раю —
Вот что прекрасно в том краю.

* * *

Пошел поэт
Встречать рассвет.
Но, как назло,
Не рассвело.

«Фанера»

Дуэт не заметил потери певца
И «Яблочко»-песню допел до конца.

Лимерики

Один молодой человек,
Решив перепрыгнуть Казбек,
Пешком от Казбека
Дошел до Квебека,
Чтоб взять из Квебека разбег.

* * *

Пассажир из деревни Гавайи
Заходил с пистолетом в трамвай.
Популяет чуток
В пассажиропоток —
И домой. На трамвае. В Гавайи.

* * *

Гражданин из Орехово-Зуево...
Или, может из Пензы?... Да ну его!
Вот другой гражданин
Из... ну как их?... Афин.
Или Брно?... Да видал я в гробу его!

* * *

Молодой людоед из Непала
Ел людей до обидного мало.
Откусит кусочек —
И больше не хочет.
Как такого назвать каннибалом?

* * *

Бороду даю на отсечение,
Что бессмертно Марксово учение.

Представление

Я из депутатской группы
«Политические трупы».

Почему двуглавый птах
Украшает наш пятак?
Это все последствия
Атомного бедствия.

Памятник

Здесь от укусов
Комаров болотных
Погиб на аллигаторов
Охотник.

Двустиишие

Нет, не пуля – дура,
А стрела Амура.

* * *

Никого,
Кто с того возвратился бы света.
Отчего?
Возвращаться – плохая примета.

Неуставные отношения

Младший сержант «Пока!»
Сказал командиру полка.
А командир полка
ответил: «Чао-какао!»

Солдат и шилом бреется

Хоккеист из ЦСКА
Брился лезвием конька.

* * *

Киллерша после осечки
ушла от «макарова» к «стечкину».

Реклама

Большие кепки
На ваши репки.
Торговый дом
«Аэродром».

Какой-то

Мужик по селениям бродит —
Наверное, он трансвестит:
В горящие избы заходит,
Коней на скаку тормозит.

Загадка

На углу стоит девица —
И товар, и продавщица.

Из немецкой поэзии

Ни в карман, ни в капюшон
Не положишь «данке шён»!

* * *

Жароповышаю —

ще принимаю.
Несколько таблеток —
И наступит лето.

Частушки

Я такую ближнюю
Возлюбил под вишнею,
Что забыл про прежнюю,
Ту, что под черешнею.

* * *

Говорят, что в сорок пять
Баба – ягодка опять.
А до ягодного года
Баба хуже, чем Ягода.

* * *

Я на лавочке сидела
И считала части тела —
Не забыла ли чего
У миленка моего?

* * *

Полюбила я шпиона
За четырнадцать имен:
Вон идет моя Алена —
Он же Сидоров Семен.

* * *

Не ходи, душа-девица,

За Арона Кузьмича.
Неизвестно, кто родится
От такого басмача.

* * *

Я сладка и, грешным делом,
Я с лотка торгую телом.
Килограмм – полдоллара,
Что совсем недорого.

* * *

Во субботу после пьянки
Заиграю на тальянке.
Напужаю милую
Хавою нагилою.

* * *

Посижу с Камиллою,
Полежу с Полиною,
А потом и милую
Навещу с повинною.

Рис. Л. Левицкого

Вячеслав Верховский
(Донецк)

«Какой глубинный смысл!..»

Здесь пойдет о композиторах. А кто не хочет, может выйти покурить. Свой рассказ хочу начать со слова «ой!».

Ой, товарищи! Итак, я начинаю.

Это случилось в феврале.

Я вел такой образ жизни, что куда б я его ни привел – филармония.

Я туда явился с настроением. Потому что уважаю дни рожденья, а юбилеи – так вообще. А двойные – так это не только вообще, но еще и недавно.

Причем в первом отделении должен родиться Брамс, а Вагнер, если концерт не отменят, во втором. В первом Брамсу 150, а Вагнеру уже потом 170. Интрига!

Короче, в филармонии давали юбилей.

Зальчик небольшой, по сути камерный, а оркестр большой, по сути симфонический. Оркестрантам тесно – не то слово. Скрипка на скрипке и смычком погоняет. Но оркестр у нас способный: разместились, еще тесней сплотившись, и т. д.

Оркестр настроился, затих. Угомонился и зал. А вот теперь по обычаю, заведенному не нами, рампу должна осчастливить сама Людмила Ильинична Рейва, чтоб – вначале ж было слово, да? – своим вступительным открыть на сцене вечер.

В овладевшей тишине мы услышали: идет! Из сценических глубин, из задней дверки, что на сцене (на музыкальном языке – карман), она пошла, лауреат всесоюзного конкурса, прорезая собой весь оркестр.

Она двинулась на авансцену. Сцена маленькая, а оркестра полсотни, крепко сбитый музыкальный коллектив. И сидят они так плотно и так скученно, что музыковеду нужно продираться. И Рейва идет напролом, по ходу сметая пюпитры, и у пюпитров начинается падучая. Ей отвечают смычками. Не вступая в дискуссию, Рейва делает ветер: он срывает партитуры, и они кружат над оркестром, как в ноябре осенние листья.

В сражении с оркестром лектор-музыковед Людмила Рейва одержала победу. Она облегченно вздохнула, что часть своей программы отработала, открыла рот...

Теперь ей нужно покорить и зал. А в зале аншлаг. Но не простой, а аншлаг по-донецки: когда в зале треть – это уже хорошо, это даже отлично, это по-донецки просто здорово. Потому что, казалось, Донецк, да? А надо же, кто-то пришел!

И вот она взглянула на оставшихся, точней, на пришедших из тех, кто из интеллигенции остался. И осталась довольна сама: в зале – вся интеллигенция Донецка. А первое отделение – это Брамс. Она встряхнулась, одернула платье и звучно и празднично выдала:

– Брамс!

Людмила Рейва выдала Брамса, сделала паузу, чтобы мы осознали, что это не Чайковский и не Глинка никакой, и, чтоб наши глазки засветились Брамсом, повторила:

– Брамс! – и счастье в ней, как ребенок под сердцем. – Какой глубинный смысл в этих шести буквах! – сказала она и пошла себе дальше по тексту, как будто ничего такого не сказала.

Что?! Я не ослышался?! «В шести»?! Рука у меня была вот она, она была не занята ничем, и я по пальцам: раз, два, три... Их было пять!

Их пять, и это объективно. Я подумал: Рейва вгонит в оторопь народ. Но человек критического склада, я в зале в одиноком меньшинстве. А публика наивна и доверчива. И она сидит себе, внимает. Шесть букв? Съела. Она съест и двадцать шесть, не поперхнется.

Рейва как стояла, так и осталась, а я как сидел, так и задохнулся: как же так?! Я отпал, я отключился...

Бывало, Рейва откровенно заливала. Она могла перевернуть фамилию и имя композитора, но обязательно докладывала о всех его женщинах, даже если этот композитор был Чайковский.

А однажды нас оповестила: Шостакович. Что ни лето, наезжал в Москву, потому что страшно любил эти белые ночи.

Рейва!

Это где же, выходит, эти белые ночи?

И если б только ночи – это ладно. Но ведь речь-то о глубинном смысле!

Да, бывало. Откровенно заливала. Но в этот вечер Рейва превзошла.

А я за точность могу и Родину продать. И это не из принципа. А просто воспитание такое. Что мне делать? Я строчу своим интеллигентным почерком: «Их пять». И хватит, их же пять. Краткость – сестра таланта. Больше мне ей нечего сказать...

И дальше Рейву я уже не слушаю. Потому что верить ей нельзя, «глубинный смысл». А записку, краткую как сестру, по рядам я шлю на авансцену. Рейва развернет ее и – ах! Опомнится: «Извините, дорогие, я в Брамсе Иоганнесе ошиблась! Если Брамс – это глубинный смысл в пяти».

Вступительным словом, изложенным колыбельной прозой, Людмила Рейва довела до неприличия первую скрипку Вайнштока. Он отчетливо захрапел. Но, одержимая, она не замечала.

На сороковой минуте вступительного слова, когда за Вайнштоком потянулись остальные, Людмила Рейва быстренько свернулась и, представив оркестрантов, обратным ходом со сцены исчезла.

И пошел, и полился Четвертой симфонией Брамс. Но мне не до симфонии вообще. Какой мне Брамс, когда я никакой: записка! Где она блуждала, я не знаю, но к адресату так и не дошла.

Антракт. Все выходят, разминают косточки, не дают заветриться буфету. А я даже не пошел себя размять, я на месте – грустный, как больной. Я бы ушел. Ушел бы прочь куда подальше, но! Я очень люблю дни рождения, очень. А юбилеи – так вообще.

Итак, второе отдано под Вагнера. Сколько было зрителей, не знаю. Но по меньшей мере в трети зала был полный аншлаг.

Оркестр укрупнили: медь, ударные, удвоенные струнники... Потому что Вагнер – это сила, это мощь. И это, извините, безумие: наша сцена такого не выдержит. Я не знаю, как они усядутся. Уселись.

Где же Рейва?... О, идет! Наперевес со вступительным словом. Лектор Людмила музыковед Ильинична наш лауреат всесоюзного конкурса Рейва. Продираясь сквозь скелеты пюпитров, вступая в конфликт со смычковыми. Продралась, опять сделав хорошую осень.

Стоя перед нашим нехитрым аншлагом, она умильным взглядом обвела народ и лучезарно улыбнулась: мол, какая долгожданная встреча! Настроились, затихли инструменты. Выжидательная тишина заполонила всех и вся...

Собравшись с мыслью, с невероятным душевным подъемом она нам выдала Вагнера:

– Вагнер! – и на просторной груди скрестила свои маленькие ручки. – Какой глубинный смысл... – И вдруг: – Что? А? Что такое?

Вижу: ей из зала тянут. Сомнений быть не может – это я. Моя записка досказать ей не позволила.

– Товарищи, – говорит в предвкушении Рейва, – ой, тут нам, кстати, поступило!

Ну, разумеется, кстати. Еще б не разумеется! Как говорится, вам письмо, пляшите. Но – извините, тут она при исполнении. Раскрывает с превеликим любопытством, так бережно, как ракушку, и, ага, «позвольте огласить». Все: ну конечно, почему не огласить?

Читает в зал:

– Их пять.

В зале дружно наступила тишина. Немая сцена вышла образцовой. Оркестр – как народ: он безмолвствует. И никто же ни черта не понимает. Рейва тоже здесь неподалеку. Где стояла, впала в ступор. Она диву дается, не особо и скрывая.

– Товарищи, – говорит, – вот тут поступила записка. Вы о ком, товарищи, «их пять»? – и пожимает плечами. Казалось, ну чего же проще, их пять – и все понятно, но не Рейве. – Вы о ком, «их пять»? Если о Вагнере, то он один, он Рихард, тут вы, извиняюсь, ошибаетесь. А пять? Ну не знаю, – она тянула время, она не понимала содержания записки. – А-а! – наконец она вздохнула облегченно. Неужели до нее дошло?! – А-а, – говорит, – я догадалась. Вы имеете Штрауса, – она лучше догадаться не могла. – Действительно, Штраусов пять!

Штраус-отец, Штраус-сын, Штраус... – думаю, сейчас из наших кто-то ляпнет: «Святой дух», и вновь мы отступим от истины. Но нет, Донецк на высоте, в отличие от Рейвы, это факт. – В общем, Штраусов пять, но речь сегодня все же не о них. Сегодня Вагнер, он один, он, этот, Рихард. И мы ему справляем юбилей, – так умела только Рейва. – Итак, Вагнер! – она собралась с мыслью. – Какой глубинный смысл...

Я понял: отмолчаться будет дико. И с места – Брамсом – я вношу ей ясность:

– Брамс!

Подсказка? Еще бы! Но акустика такая, хоть святых выноси – не услышат. Словом, акустическая яма.

Рейва, естественно:

– Что? – всматриваясь в зал. – В чем дело, товарищ? Вам плохо?

И тут я поднимаюсь во весь рост – и оглашаю окрестности громче:

– Брамс! – я не могу молчать! Чтоб она не путала со Штраусами.

А она, вы знаете, она мне говорит с такой обидой:

– А что вы на меня кричите? – и подернулась слезой. – Сегодня праздник: Вагнер, Брамс! – во-во, уже теплее: Брамс. – Все сидят со словами: спасибо – а вы...

Я тактично что есть силы рявкнул:

– БРАМС!

До нее дошло, но, очевидно, в искаженном свете. Женщина! Она ведь и на сцене будет женщина. И на мое «Брамс» она мне представляется:

– А-а, очень приятно! А я – лауреат всесоюзного конкурса Людмила Ильинична Рейва, будем знакомы!

Публика заметно оживилась. Выходит, Рейва ей удачно пошутила. А я остался полным идиотом.

Я заметил: когда я в ударе, то я не в себе:

– БРАМС! ПЯТЬ! БУКВ! КАКОЙ ГЛУБИННЫЙ! СЛЫШИТЕ?! – уже чеканю, как Монетный двор, и – о, вот тут она услышала.

– Хватились, – отпарировала Рейва, человек большого, но недалекого ума, и иронически соорудила книксен. – Брамса мы закрыли первым отделением, – так, как будто он идет по накладной. Все в ее поддержку засмеялись, будто я действительно проснулся, но отделением позже. – А во втором отделении исполняется сто семьдесят Вагнеру, который Рихард, который «Тангейзер», который «Риенци», который «Лоэнгрин», собственно, вступлением к «Лоэнгрину», в смысле к третьему действию, мы, пожалуй, и откроем наше второе, в смысле отделение, в общем, концерта... На сцене – симфонический оркестр Донецкой... имени... Дирижер... Лауреат... Всеукраинского... Итак, Рихард Вагнер... Попрошу аплодисментами...

В душе я скрежетал всеми шестеренками. И я еще раз с места:

– Брамс – пять букв!

– Да он же пьяный! – кто-то прошуршал.

А я был трезвый, как в тылу врага.

– Так, – не выдержала Рейва, – я, кажется, уже теряю терпение. У нас такой юбилей, Вагнер, Брамс! Девочки, прошу! – и кому-то в зале помахала. – Вера, Валя!

«Девочки, прошу!» – но кто они такие, эти девочки?

И вот появляются бабки, две бабки крепкой бойцовой породы, что-то вроде службы безопасности, Валя и Вера, которые чуть что, так очень даже быстро. Подлетают, дюжие Вера и Валя. Еще им по метле, и все в порядке. Естественно, им что Вагнер, что Брамс, лишь бы не было войны. Они хватают меня под руки и приглашают прочь на выход.

Уединив меня в фойе, они покинули.

А знаете ли вы, какой зал в Донецке по акустике самый лучший? Никогда не догадаетесь. А я скажу, а я отвечу: по акустике лучше зала, чем фойе Донецкой филармонии, в Донецке не найдете. Притом что в зале ни черта не слышно. Но в фойе! Как звучал там Вагнер, как звучал! И это стало для меня открытием сезона. За всю историю в фойе я хлопал первым. И бис оттуда я подал впервые...

Когда пошел – на бис – «Полет валькирий», я от счастья чуть не умер, я уже готов был вместе с ними. Мне было так легко, что казалось: вот сейчас я полечу. Вот так и рождаются птицы...

Уже в фойе: я быстро одеваюсь. От греха подальше.

Но грех, он такой приставучий. Бабки. Те самые, Вера и Валя. Прямой наводочкой ко мне:

– Пройдемте в музыкальную подсобку.

И неотступны так, что мне уже не смыться. Прихожу я под конвоем – вижу: она, в неверном свете, Рейва, музыковед Людмила Ильинична. Что еще?!

– Это вы срывали юбилей? И зачем вам это было надо?!

– Я не срывал, я правды домогался...

– Какой правды?

И сложив ладошки на худосочной груди дилетанта, чтоб хоть как-то ей напомнить:

– Брамс! Какой глубинный...

– Ну же!

– Какой глубинный смысл в этих шести буквах! – я вздохнул.

– Спасибо за цитату. Ну и что? Все верно. Ну и что же?! Говорите.

Я:

– А то, что букв пять!

Она смотрит на меня своим соловьиным взглядом:

– А вы уверены?

Ну как вам это нравится?!

Я в конвульсиях:

– Считайте сами! Я не буду вам мешать! Бы-ры-а-мы-сы!

Но она считать не захотела, а со стола вручает мне поношенную книгу:

– Над вами даже дедушка смеется!

Раскрывает – точно: какой-то дядька мне с портрета ухмыляется.

– А это кто?

– А кто? Читайте ниже.

Читаю ниже. Я не понял... «Югань Брамсь», да-да, Брамсь. Раз, два, три... О боги, шесть! Что за черт? Но это не черт, а издание Циглера, 1907-й, Санкт-Петербург. А вот и та самая строчка подчеркнута: «Какой глубинный...» Разумеется, в шести.

– Я по ней готовилась, по книге. Я прониклась. Посчитайте...

Я Рейве не ответил ничего. Хорошо, что я умней своих поступков.

Пришел домой, рассказываю маме, а она играла в детстве на рояле. И что я выясняю? О, и что же?! Что Штраусов было не пять, а четыре.

Но сказать об этом уже было некому...

Мелочи архиеврейской жизни

Картинка с выставки

Я знал одного торгового работника. Все свое состояние он сделал на воде, еще в те годы. На газированной. Был он тупым и мелкотравчатым, лицом не вышел, вышел животом. Низкорослый, с кривыми ножками. Кстати, писать он так и не умел, а считать если и умел, то только обсчитывать...

Спустя год после кончины вдова поставила на его могиле памятник. Недавно проводывал я бабушку на седьмом участке – и увидел. Я увидел – и просто обомлел! Он – и в полный рост. Выбит на куске мрамора. Художник оказался дилетантом: выбивать он начал снизу. А на голову места хватило не очень. И голова оказалась сплюсненной. И все же художником он будет! Так уловить черты этого идиота способен не каждый!

Но самое интересное оказалось все-таки не вверху, а внизу. Это была эпитафия: «Какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало!» И подпись: «Фира и дети».

Его дети мне и на фиг не нужны, ну а Фиру я нашел:

– Какой светильник, Фира, между нами, он же был таким идиотом?!

– Идиотом – не то слово, – ответила Фира.

– А сердце, Фира?! – не унимался я.

– Оно было каменным, это сердце, – ответила Фира и заплакала.

Я изумился:

– А зачем же вы, Фира, такое отгрохали?!

И сквозь слезы Фира прошептала:

– Да нет... Это он сам, при жизни...

Печальная история

Я зашел в каморку к служителю донецкой синагоги Михаилу Моисеевичу Брукману. Старик Брукман горько плакал:

– Умер! Такой молодой! Всего семьдесят пять!

Я испугался:

– Кто умер?!

– Аронович! Такой молодой! Ловил гуппиков, собирался в Израиль, пел в женском хоре сирот – ветеранов войны. И нет человека. Звонила жена, говорит, не переживет, – и Брукман снова заплакал.

Каморка Брукмана – на втором этаже, у самой лестницы. Слышим, кто-то по лестнице поднимается, натужно, с остановками. Знакомые шаги. У Брукмана открывается дверь, и входит... Аронович:

– Здравствуй, Миша!

Брукман бледнеет и хватается за сердце:

– Изя, – говорит он не своим голосом, – ты еще здесь?!

– А где мне, Миша, быть еще?!

– А только что звонила твоя жена и сказала, что ты скончался.

Аронович садится за стол и горько плачет, капает сердечное, понемногу приходит в себя и спрашивает служку Брукмана:

– Как ей удалось сюда дозвониться?

Брукман отвечает:

– Набрала – и дозвонилась.

Аронович снова заливается слезами:

– Она, Миша, будет первой, кто дозвонился сюда с того света. Уже пять лет, как она умерла, Циля моя, радость моя, любя моя, рыба моя!.. – Аронович обильно сморкается.

Снова звонит телефон. Миша с суеверным страхом поднимает трубку. Слышит голос и меняется в лице:

– Это она!

Аронович вырывает трубку и в большом волнении кричит:

– Циленька, это ты?!

В ответ слезы.

– Циля, Циля, отвечай!

Слезы. Потом:

– Я не Циля, а Рива Львовна. Мне нужен отпевальщик Цукерман.

– Цукерман больше не практикует, – отвечает Аронович, – он уже год как в психдоме, еврейский патриот, на работе сгорел. А кто вы?

– Я Рива Львовна...

– Знаю, дальше.

– Я вдова Суриновича. Умер мой муж, – плачет.

Аронович хлопает по рычажкам и кричит:

– Миша, ты оглох, Миша, умер Суринович!

Миша совсем теряет:

– Так Аронович или Суринович?!

– Миша, ты умный или, конечно же, дурак?! Так Аронович – это я!

...Они поругались и разошлись.

Братья

Правда

В городе Донецке жили два брата Поташниковы, Зяма и Сема, а потом разъехались: один укатил в Америку, другой – в Израиль.

Американский брат стал музыкантом, израильский – в киоске продает журналы и, между прочим, совсем не жалеет.

И вот однажды продавец журналов Сема Поташников получает новый американский журнал, где на глянцевой обложке фотография его очень печального братца, сидящего за

решеткой.

Ван мэй! Катастрофа!

Продавец Сема бросает все дела и летит к телефону. В Америке раздается звонок, трубку поднимает сам брат.

– Алло, Зяма, тебя уже выпустили?!

– Откуда?!

– Из тюрьмы!

Пауза.

– А меня туда не сажали.

– А фотография?!

– А, фотография... Это я играю на арфе, но с той стороны.

– А почему ты такой тоскливый?!

– Сема, ты меня удивляешь! Ты хочешь, чтоб на Бетховене я смеялся?...

Ключья

Одессит

Одессита чувствуешь спиной – клянусь, не вру!

Однажды на остановке я услышал вопрос:

– Скажите, а троллейбусы ходят?

И последовал ответ:

– Если ходят, то да.

Я обернулся – он!

В военкомате

«Среди вас есть глухие?» Признались двое, остальные сделали вид, что не расслышали...

Услышано в Одессе:

– Посоветуйте, который час?

* * *

Вот так всегда: докопаешься до истины – ляжешь рядом.

* * *

Критик – писателю: учись скромности у своего дарования!

* * *

Правительство на народ уже не надеется, поэтому о своем благосостоянии заботится лично.

* * *

Как часто свет в конце туннеля – это озарение, что нам туда не надо.

* * *

За пятьдесят лет жизни мы с ней так притерлись, что я мог еще ничего не сказать – а она уже обижалась...

* * *

Спешите делать добро, пока не опередили конкуренты!

* * *

Все терзаюсь вопросом: улитки! Не спешат или не могут?

* * *

Мое отношение к женщине – вежливое обхождение. Десятой дорогой.

* * *

Какой разврат! Чтоб изменить гарему?!

* * *

Камень за пазухой не держу – работаю с колес.

* * *

Терзаюсь вечными вопросами: кто научил людей подмигивать, на сколько снов рассчитана подушка?

* * *

А вот интересно, как относится женщина, которая на конфетной фабрике всю жизнь заворачивает конфеты, к покупателям, которые их постоянно разворачивают?

* * *

А для кого-то Земля – всего лишь пробный шар...

* * *

А Бог-то, оказывается, есть! Даже как-то не верится...

* * *

Религиозный мир – это мафия, не поделившая господа.

Бабушка

В семье новость. И опять бабушка! Мало того, что она разговаривает сама с собой, она еще просит поддерживать *их* беседу.

Градация

Журналы для среднего класса – в глянцевых обложках, для новых русских – в лоснящихся.

Бедняга

Его осудили за взятки. Он брал маленькие взятки, и ему не хватило на судей...

Задача

Почему у человека два глаза?
Согласитесь: за этим миром нужен глаз да глаз.
А теперь считайте...

Гурман

Таранькой я питался больше часа. Прорабатывал ребрышки, косточки складировал отдельно, чешуйку, хвостик, голову...
Мама увидела:
– Да за такую работу нужно платить!

Поработали

Время его лысину протерло, а годы отполировали.

На балу

Не найдя адресата, в воздухе носились чьи-то воздушные поцелуи.

Сентенция

Как часто нас любят за то, что больше некого.

Она

Пришла в музей впервые. И, Боже, какая тупая! Она строила глазки портрету...

О себе

Я меткий: бросая в воду камень, я всегда попадаю в десятку.

Страна N

Когда все бандиты стали крупными руководителями, то здесь уж церковь отмолчаться не смогла – и причислила их к лику святых.

Факт

У нее была грудь, не терпящая отлагательств.

Аннотация

Целомудренный перевод делает наш порнофильм доступным даже самым маленьким.

Объявление

Мечтающим о равенстве обращаться к Прокрусту.

Эстет

– Вместо «укола в задницу» следует говорить «укол в изголовье ноги».

Возраст

– Извините, я чихнул или ослышался?

Успех

Увидав, как в гриле на вертеле синхронно вращаются три цыпленка, я не сдержался и воскликнул:

– Танец маленьких лебедей, исполняется посмертно!

Пропустили вне очереди.

Эпитафия

Счастьем привалило.

Оговорка с утра

Кирыл и Мефодий.

На вокзале

– Давайте взвесимся на память об Одессе!

Мудрец

– Рабинович, который час?

– Что вы спрашиваете, в это время у нас всегда полдевятого!

Заголовок

«Головокружение от успехов в лечебном голодании».

Одесский тост

Пускай вас не тревожат умных мыслей!

Праздник

Во МХАТе юбилей: мхатовской паузе – полвека!

Топография

Свой дом узнал по крику: «Алкоголик!»

Головка

Кудрявая головка. Локон кокетливо зажат краешком рта.

– Зачем? – спрашиваю, уже любя.

– А чтоб ветер не унес парика.

Будь ты проклята, человеческая искренность!..

Уточнение

Однажды на кладбище я увидел Изю Карповича Сундукера. Я, печальный, у него спросил:

– Что вы здесь делаете?

И, отметая всякие подозрения, он воскликнул:

– Нет-нет, я еще живой!..

Я и женщины

Я от женщин в постоянном восторге: либо они этого заслуживают, либо требуют...

И опять бабушка

Бабушка оставалась женщиной до самого конца.

– Ба, тебя нужно немедленно показать доктору!

Подкрасила губки:

– Ты думаешь, я буду иметь успех?

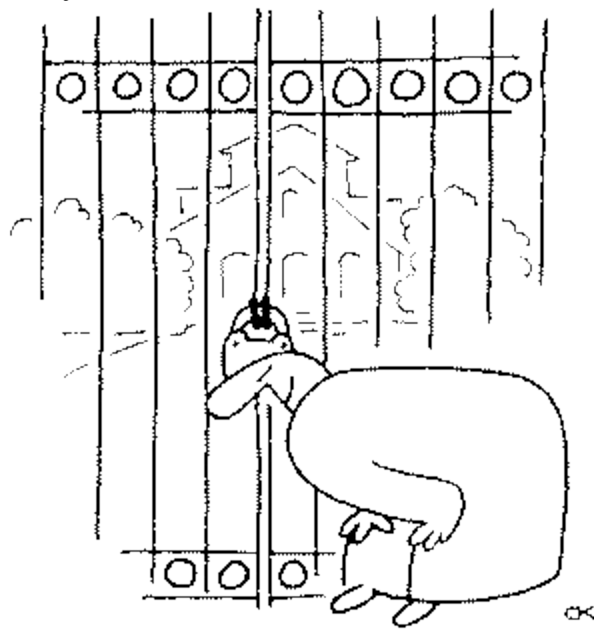

Рис. С. Куприя

Наталья Хаткина
(Донецк)

Сирена де Бержерак

Денег не было нигде. Ни в тумбочке. Ни в сумочке. Ни в карманах. Поэтесса Х.

прекратила бесполезный поиск и укоризненно возвела очи к потолку. В данном случае потолок означал небо. А взгляд – молитву. «Господи, дай мне заработать!» Очевидно, канал небесной связи как раз был свободен, потому что ответ пришел через две минуты. По телефону.

– Вы пишете стихи? – незнакомый женский голос.

– Я лучшая поэтесса нашего края! – Х. очень были нужны деньги.

– Мне... Я...

– Свадьба? Юбилей? Эпитафия?

Поэтесса раскалывала клиентов, как гидравлический пресс – орехи.

– Про любовь... – выдохнула клиентка.

– Отличная тема! – поощрила Х. – Подробности?

– Это не телефонный разговор...

На встречу Х. явилась в тщательно подобранном поэтическом прикиде: трехметровый вязаный шарф, мужская шляпа с вороньим пером и антикварный лиловый пиджак с розовыми карманами, подаренный ей в семьдесят девятом году Евгением Евтушенко.

Клиентка была просто хорошо одета. Это могла оценить даже поневоле презирующая моду безденежная поэтесса.

За столиком в кафе незнакомка без уточняющих вопросов заказала себе коньяк, а поэтессе – пиво.

– Не стесняйтесь, – заискивающе-высокомерно поощрила Х. (таким тоном в кабинетах поликлиник произносят: «Доктор – не мужчина»). – Я профессионалка. Пойму любой расклад.

Расклад был простой. Ее зовут Ангелина. Его – Эдуард. Он – женат. Она – замужем. Но любовь...

– Любовь превьше всех барьеров!

Х. давно уже не стеснялась банальности. Она давно перевела свою деятельность из разряда «служенье музам» в разряд «сервис».

«Клиент еще не определился, чего он хочет, а я уже в наручниках!» – хвастают опытные жрицы любви. «Клиента надо выдержать!» – делятся секретами опытные официанты. «Клиенту нужно подпустить комплимент!» – мудрствуют опытные парикмахерши. «Клиент любит банальность, – не мудрствует опытная поэтесса Х. – А зачем бы ему иначе заказывать стишки посторонней тетке с вороньим пером в голове?»

– Боже, как вы меня понимаете! – банальность работала. Клиентка прочно сидела на крючке.

Сговорились за десятку, пятерка вперед. Заказ будет готов завтра.

Х. могла бы выдать норму на-гора и за час, но быстрая работа почему-то ценится дешевле.

Задача была не совсем обычная: убедить загадочного Эдуарда в том, что чувства выше нелепой верности семье. Однако профессионалы знают, что и сложные задачи лучше всего решать простыми способами.

Мозг Х. не принимал участия в штамповке поздравительных стишков. Достаточно было и мозжечка. В мозжечке щелкали костяшками игрушечные счеты. Инвентаризация штампов происходила автоматически. Проверенные пары типа «юбилей – о прошедшем не жалея» и «черный фрак – законный брак» тут же были отправлены в отстой. «Кровь – любовь» оставлена как запасной вариант. Мозжечок погонял счеты туда-сюда – и выложил из

Костяшек:

Презрения достойны лицемеры!
Любовь одолевает все барьеры...

Дальше стишок полетел как шайба по льду – только успевай фиксировать. Десятка была отработана сполна.

Обычно по исполнению заказа поэтесса тут же выбрасывала клиентов из головы. Хотя при повторном обращении заученно изображала бурную радость: «Да, как же, помню, помню... Леночка и Владик! Чудная пара! Неужели уже годовщина? Рада буду поздравить! Счастливые браки сейчас такая редкость...» Пошебечет, убеждая заказчика в его неординарности, – и опять забудет.

А вот Ангелина почему-то вспоминалась: как она там? Подействовало ли приворотное зелье?

Знакомый голос вновь обратился к профессионалке в горячее предновогоднее время, когда Х. рубила капусту не хуже бродячей Снегурочки из фирмы «Свято». Ей даже заказали сценарий в двух детских садиках! Причем в одном потребовали к обязательным Зайчикам и Снежинкам добавить Покемона. Х. никогда не спорила с клиентом. Покемон так Покемон, почему бы ему не отдать слова Медведя из прошлогодней разработки? Работа кипела, бумага терпела, из ушей шел пар. И вдруг – Ангелина!

Эдуард был просто пронзен, узнав, что Ангелина пишет стихи. Он стал избранником поэтессы! И сразу перешагнул все барьеры! Теперь его надо поздравить с Новым годом, который любовники – увы, увы! – не могут встретить купно...

«Интересно, – задумалась Х., – почему это никто никогда не пронзался, узнав, что стал моим избранником? А тут один стишок – и все: пронзен, пронзен!»

Долго задумываться не было времени. Шедевр «Я телом в Новый год с семьей, зато душою я с тобой...» был сдан в обмен на целых пятнадцать рублей!

Потом на горизонте замаячил День Святого Валентина. И вновь защелкали счеты!

Сегодня я не Ангелина,
Сегодня ты не Эдуард,
Ты – Валентин, я – Валентина,
И наших чувств не сдать в ломбард!
Всякое лыко шло в строку. В День Советской Армии:
Меня бросает в вихрь измен
Гусарский твой напор,
Тебе готова сдаться в плен,
Души моей майор!
На круглый юбилей – шесть месяцев со дня знакомства:
Я помню этот день, и вкус его, и цвет,
Твой джинсовый костюм,
Мое – в цветочек – платье.
Я так хочу, чтоб хрустнул мой скелет
В медвежьем бешеном объятье.

Бесстыжая Х. тырила ритмику и некоторые отдельные обороты у некогда неприкосновенных и любимых классиков. И пусть ее простит Александр Блок – если сможет!

Между тем Ангелина изобретала самые невероятные поводы, чтобы лишний раз запустить в сердце Эдуарда бумажную стрелу.

«Как это она его с Восьмым марта не поздравила! – хихикала про себя Х. – Интересно, а он чем ее поздравил? Вот была бы ситуация, если б тоже сообразил заказать мне стишок! Вела бы я романтическую переписку сама с собой, пока крыша бы не поехала! «Люблю тебя, дорогая Х.!» – «И я тебя, Х. дорогая!»»

Но избранник Ангелины оказался недогадливым, и мозжечок Х. счастливо избежал перегрузок.

Работы хватало. Рифмованные строчки километрами клейкой паутины опутывали Эдуарда, и он жужжал в них, как мохнатый шмель, доверчивый и сластолюбивый. Вот только отмахивался от всех намеков на развод и последующий брак. Ему и так было хорошо.

Поэтесса прикипела к жизни грешной парочки. Ей нравилась роль сценариста мексиканского сериала. В стране что-то перестраивалось, лопались какие-то банки, создавались фонды, митинговали толпы – а Х. жила любовью. Правда, чужой. Должность придворного поэта приходилось совмещать еще и с психотерапевтическими сеансами. Однако гонорары ее остались прежними, хотя главные герои сериала сумели элегантно вписаться в рыночную экономику и плакали как богатые – с комфортом.

– Я чувствую, накал чувств ослабевают, – жаловалась Ангелина. – И это понятно: встречи урывками, спешка, оглядка...

Понятливая Х. кропала очередную агитку:

Рай создан для прекрасной нашей пары.
Давай с тобой поедem на Канары!
В костюме Евы, милый мой Адам,
Я снова всю себя тебе отдам!

Покуда любовники резвились на Канарах, брошенная поэтесса сидела в трусах под вентилятором и разглядывала потолок.

«Я, как сирена, заманила их на этот остров, а сама осталась с носом. С длинным таким носом, как Сирано де Бержерак. Ростан-то не врал, оказывается. Чувства отдельно, поэты отдельно. И деньги отдельно. Почему, почему у меня, идиотки, язык не поворачивается намекнуть на увеличение гонорара?!

И не такая уж эта Ангелина красавица. Была бы такая уж – стихов бы не писала. То есть я бы не писала. Интересно, какой он из себя, этот Эдуард? Какие у него глаза? Ангелина говорит, страстные. Это, наверное, черные.

Милый, милый, черноокий,
Подари мне джип «Чероки».
Если ты подаришь джип,

Значит, точно, бедный, влип...

Жизнь научила Х. мелкому практицизму. В смысле: думать прежде всего о том, что она с этого будет иметь. Мужчины научили Х. равнодушию к мужчинам. Получить что-либо с мужчин ей никогда не удавалось. Стало быть, следовало переключить внимание на более полезные вещи.

И вдруг практичная поэтесса поймала себя на том, что с интересом разглядывает новых русских, выходящих из дверей офисов и ресторанов. А этот мог бы оказаться Эдуардом? А вон тот? Достоин ли он этой страсти, этих дивных строк?

Вернувшись из своего рая Ангелина наемную сирену совершенно ошарашила. Она решила издать книгу! За столько лет накопилось! Вот только присобачить в конце отчетик о Канарах – и в типографию!

В ответ на такую наглость наемница тоже обнаглела и запросила за отчетик сумму в долларах, полученную с обидной легкостью. Поэтический сборник «Десять лет в объятьях Эдуарда» вышел тиражом в сто экземпляров и не остался незамеченным общественностью. По городу поползли слухи. Странно было бы, если бы эхо всеобщей ажитации не достигло ушей мужа Ангелины и, соответственно, жены Эдуарда. На презентацию книжки, куда, кстати, была приглашена и никем не замеченная Х., они пришли порознь, но жуткий скандал закатили сообща.

Поэтесса в своем углу чувствовала себя как в театральной ложе. Bravo, bravo! Эдуард ей понравился. Особенно то, как он даже не отшатнулся, когда оскорбленная супруга с воплем «Десять лет, брехло! Целых десять лет!» выстрелила ему прямо в физиономию пенным огнетушителем шампанского.

Ангелина с кремовым тортом на лице смотрелась гораздо хуже. Мало того что размазывала розочки по щекам, так еще и непроизвольно облизывалась.

«А ведь на ее месте должна была быть я...» – Х. под шумок выпила одну за другой пару рюмочек коньяку и поспешно удалилась.

После такого эксцесса о сохранении семей не могло быть, понятное дело, и речи. Так что Ангелина, несмотря на размазанные розочки, все равно оказалась в выигрыше. Все десять лет она мечтала видеть Эдуарда на месте законного мужа.

Разводы были тихими (все выкричались на презентации), а свадьба – помпезной. Эдуард произнес вычурную речь, похоже, сочиненную самостоятельно.

– Я люблю тебя, мой ангел, за неземную красоту, я люблю тебя, мой ангел, за многолетнюю верность, но больше всего я люблю тебя за поэтические строки – в них отражается вся твоя возвышенная душа!

В следующий раз Ангелина позвонила своей сирене через три месяца после свадьбы. Поэтесса обрадовалась.

– Опять про любовь?

– Опять!

– Боже мой, – притворно вздохнула Х. – У меня уже истощились все рифмы к слову Эдуард...

– А к Эдуарду не надо! Надо к Евгению! – потупилась клиентка.

– То есть как – к Евгению? А Эдуард?

– Эдуард – муж. А любовь... – Ангелина покровительственно усмехнулась. – Любовь

превыше всех барьеров!

Проза жизни

Психотерапия

Когда молчанье невтерпеж, пора права качать, и столько рож, и только ложь, и хочется кричать, – не лезь, приятель, на рожон, прислушайся ко мне: представь себе, что ты шпион, шпион в чужой стране...

Начальник вызвал на ковер, волной погнал понты, – молчи, вступать не стоит в спор, ты Штирлиц, Штирлиц ты.

Супруга тянет в ресторан, хоть пуст твой кошелек, сосед – в который раз, болван! – протек сквозь потолок. Какой-то хулиган гвоздем «Жигуль» твой расписал, в стране вообще сплошной содом, в мозгах – девятый вал. Спать не дает собачий лай или орут коты – молчи и рта не раскрывай: ты Штирлиц! Штирлиц ты!

Я тоже в образе с утра (и потому жива): я золотая медсестра в психушке номер два. А на больных срывать грех (ты б знал мою семью!), я успокаиваю всех и валиум даю.

Но все же теплится в мечтах: настанет день, и вот – мешок смирительных рубах мне прачка принесет, и все, кто был жесток со мной, притихнут до поры, и будет долгий выходной у доброй медсестры.

Самоидентификация

Лицом к лицу себя не увидеть. Куплю себе на вечер книжку «Тесты» и не спеша заполню честь по чести, чтобы свою загадку разгадать.

Из первого понятно станет мне, что я покладиста, хотя весьма капризна, и денежки люблю, хоть бескорыстна, немного замкнута, общительна вполне.

Картинку дополняет тест второй: влеку мужчин, сама того не зная. По типу я – красотка роковая, мой идеал – застенчивый герой.

Тест третий. Надо ж! Проверяйте сами. Все отвечала честно, я не вру! Выходит, я – мужчина, и с усами. Живу в Париже (вариант – в Перу).

Последний тест – ну, это просто блеск! Доверчива, но в меру осторожна, не знаю в жизни слова «невозможно» и обожаю быстрый жесткий секс.

Все, хватит! Беззащитное нутро не стоит выворачивать наружу. Без задних мыслей обращаюсь к мужу с невинной просьбой вынести ведро. Вот тут и узнаю...

Подруги

Там, где Элина, там всегда мужчины, жужжат, кружат и топчутся они, и если ты в компании Элины, то, бедная, останешься в тени. Зато она живет в глухом районе, где отключают воду, свет и газ, в грязи ее пятиэтажка тонет, туда не доберешься и за час. В подъезде там хроническая лужа, и лестничная клетка без перил... И мы, послушны зову

женской дружбы, за это ей прощаем сексапил.

У нашей Иры – классная квартира, и денег – просто куры не клюют, и всех забот у нашей милой Иры – прилежно обеспечивать уют. Зато у Иры – нелады с культурой. Мы об искусстве с ней не говорим! Богатый муж считает Иру дурой, компания вполне согласна с ним. Мы кофе пьем под грандиозной люстрой (вокруг – достатка стойкий аромат!), но Ира вдруг возьмет – и ляпнет глупость! И ей за это многое простят.

А наша Светка – редкая эстетка, и пару раз звала на вернисаж. Картины маслом пишет наша Светка, – как Ира говорит: «Хоть стой, хоть ляжь!» К тому же одевается премило, и поддержать умеет разговор... Зато ее сыночки... два дебила, вся школа стонет и рыдает двор. Она бы им сама дала по шее – попробуй дотянись до этих шей! Мы утешаем Светку, как умеем, и эстетизм легко прощаем ей.

Анюта чудно рыбу-фиш готовит, зато ее начальник – идиот; Лариска – эрудитка, но зато ей ужасно в личной жизни не везет.

Я не рисую, даже не пою, во всякую погоду пиво пью и жалуясь на сердце и на почки, могу средь лета от глотка простыть... Мне, слава Богу, есть за что простить напрасный дар вязать словечки в строчки.

* * *

Я, наверное, акула —
Мужа милого любя,
Все равно всю ночь тянула
Одеяло на себя.
Было бедному несладко —
Хоть вертелся он, как мог,
То, как лед, застынет пятка,
То продует левый бок.
А как вымерзла коленка,
Он ушел в одном плаще
К той, что тихо спит у стенки
И не вертится вообще.
Теплой ночи, муж неверный!
Ухожу в акулий стан.
Стелет мне постель безмерный
Ледовитый океан.

Гений

Гуляет гений одинокий
На горизонте наших дней.
Он устремился в край далекий,
Откуда нас ему видней.
Не зря он, как овчарка, рыщет

И в нетерпении дрожит...
Нет, он не дивидендов ищет,
Не алиментов он бежит.
Он истину одну лишь ценит
И к ней дотянется рукой.
А ты, не гений, ищешь денег...
Как будто в деньгах есть покой!

С приветом!

Это было жарким летом.
Ты пришел и кокнул вазу.
Ты пришел ко мне с приветом —
Это стало ясно сразу.
Ты пришел ко мне с портретом
Брата, бабушки и тети.
Ты пришел ко мне с ответом:
— Я-то за, но мама против.
Ты пришел ко мне с советом:
— Брось курить и будь скромнее.
Ты пришел ко мне с куплетом —
Вроде я так не умею.
Лучше б ты пришел с букетом,
Что к лицу и мне, и лету.
Впрочем, что теперь об этом!
Все равно ведь вазы нету.

Левая баллада

Жила-была королева,
Что любила ходить налево.
Вот шепчут ей в ухо министры:
«Давайте пойдём направо.
В соседнем замке – халява!
Шампанского – две канистры».
Согласно кивнет королева —
Но повернет налево.
Советуют ей генералы:
«Войска повернем направо!
Война будет – вроде бала,
Нас честь ожидает и слава!»
«Вперед!» – говорит королева

И армию шлет налево.
Ей шут намекает грубо:
«Возьми-ка ты кубок справа.
Не трогай ты левый кубок —
Я знаю, там точно отрав!»
В беседе с шутом королева,
Как водится, отшутилась.
И, взяв себе кубок левый,
Естественно, отравилась.
Придворные фрейлины, здраво
Уход оценив королевы,
Клялись ходить лишь направо...
Но тут же пошли налево.

Обреченность на лирику

Могла бы сочинять я гимны,
Но были б и они интимны.

Марианна Гончарова (Черновцы)

Зельман, тапочки!

Уезжал Шамис. Сказал – приходите, возьмите, что надо. Народ потянулся. Прощаться и брать.

Горевоцкие тоже пошли. Оказалось – поздно! На полу в пустой гостиной валялась только стопка нот «Песни советской эстрады», а на подоконнике стояла клетка с попугаем. Горевоцкая, тайная жадина, стала голосить – да зачем же вы уезжаете, кидаться на грудь Шамису, косясь, а вдруг где-нибудь что-нибудь. Шамис, растроганный показательным выступлением Горевоцкой, говорил, мол, что ж вы так поздно, вот посуда была, слоники, правда пять штук, книги, кримплены. А Горевоцкий шаркал ножкой – да что вы, мы так, задаром пришли. После горячих прощаний Горевоцкая уволокла ноты и попугая. Не идти же назад с пустыми руками.

Попугая жако звали Зеленый. Зеленый был серый, пыльный, кое-где битый молью, прожорливый и сварливый. На вопрос, сколько ему лет, Шамис заверил, что Зеленый помнит все волны эмиграции. Даже белую, в двадцатые годы.

Первый день у Горевоцких Зеленый тосковал. Сидел нахохленный, злой. Много ел. Во время еды чавкал, икал и плевался шелухой. Бранился по-птичьи, бегал туда-сюда по клетке и громко топал. На следующее утро стал звонить. Как телефон и дверной звонок. Да так ловко, что Горевоцкая запарилась бегать то к телефону, то к двери. Еще через сутки он прокричал первые слова:

– Зельман! Тапочки! Надень тапочки, сво-о-лочь!

– Значит, он и у Зельмана жил!.. – воскликнула Горевоцкая.

Зельман Брониславович Грес был известным в Черновцах квартирным маклером.

Последующие пять дней Зеленый с утра до вечера бормотал схемы и формулы квартирных обменов, добавляя время от времени «Вам как себе», «Побойтесь Бога!», «Моим врагам!» и «Имейте сострадание». Тихое это бормотание внезапно прерывалось истеричным ором:

– Зельман! Тапочки! Надень тапочки, сволочь!

Через неделю в плешивой башке попугая отслоился еще один временной пласт, и Зеленый зажужжал, как бормашина, одновременно противно и гнусаво напевая:

Она казалась розовой пушин-ы-кой
В оригинальной шубке из песка...

– Заславский! Дантист! – радостно определила Горевоцкая. – Я в молодости у него лечилась, – хвастливо добавила она и мечтательно потянулась.

Зеленый перестал есть и застыл с куском яблока в лапе. Он уставился на Горевоцкую поганым глазом и тем же гнусавым голосом медленно и елеяно протянул:

– Хор-роша! Ох как хор-роша!

Горевоцкий тоже посмотрел на жену. Плохо посмотрел. С подозрением.

– Может, он тебя узнал?!

– Да ты что?! – возмутилась Горевоцкая. – Побойся Бога!

– Имейте сострадание! – деловито заявил Зеленый и, громко тюкая клювом, принялся за еду.

Ночью он возился, чесался, медовым голосом говорил пошлости и легкомысленно хохотал разными женскими голосами.

– Бордель! – идентифицировал Горевоцкий, злорадно глядя на жену. – Значит, ты не одна у него лечилась!

От греха попугая решили отдать в другие руки. Недорого. Зеленый, в ожидании участи, продолжал напевать голосом дантиста, внимательно следя за Горевоцкой из-за прутьев клетки:

Моя снежин-ы-ка!
Моя пушин-ы-ка!
Моя царыца!
Царыца грез!

Вечером пришла покупательница – большая любительница домашних животных.

Зеленый пристально взглянул на потенциальную хозяйку, отвернул голову и скептически изрек:

– Ничего особенного! Первый рост, шестидесятый размер!

– Это я – первый рост?! – возмутилась покупательница и, обиженно шваркнув дверью, ушла.

– Магазин готового платья? – предположил Горевоцкий. И тут же засомневался: – Хотя... попугай в магазине...

– А может, Фима Школьник? Он немножко шил... – покраснела Горевоцкая и опустила ресницы.

– Школьник? – подозрительно переспросил Горевоцкий.

Зеленый четко среагировал на ключевое слово «школьник» и завопил:

– Товарищ председатель совета дружины! Отря-ад имени Павлика Морозова, живущий и работающий под девизом...

– Живой уголок. В сто первой школе, – хором заключили Горевоцкие.

А Зеленый секунду передохнул и заверещал:

– Зельман! Тапочки! Сво-о-лочь!

По городу разнеслась весть, что попугай Горевоцких разговорился и раскрывает секреты прошлого, разоблачает пороки прежних хозяев и при этом матерится голосом бывшего директора сто первой школы.

Из Израиля, Штатов, Австралии, Венесуэлы полетели срочные телеграммы: «Не верьте попугаю! Он все врет!»

Горевоцкие завели себе толстый блокнот, забросили телевизор, каждый вечер садились у клетки с попугаем и записывали компромат на бывших владельцев птицы.

«Морковские, – писал Горевоцкий, – таскали мясо с птицекомбината в ведрах для мусора».

«Реус с любовницей Лидой гнали самогон из батареи центрального отопления».

«Старуха Валентина Грубах, член партии с 1924 года, когда-то тайно по ночам принимала клиентов и торговала собой».

«Жеребковский оказался полицаем и предателем, а его жена его же и заложила».

«Сапожник Мостовой, тайный агент НКВД, брал работу на дом и по ночам стучал молотком. Будя соседей».

Однажды Зеленый закашлялся и сказал, знакомо картавя:

– Алес, Наденька! Рэволюция в опасности!

Горевоцкие испуганно переглянулись. А попугай с той поры замолчал. Выговорился.

И только иногда, когда Горевоцкий приходит с работы, попугай устало и грустно произносит:

– Зельман, тапочки! Надень тапочки! – и ласково добавляет: – Сволочь...

Собака

Исключения бывают из всех законов и правил.

Такой, например, закон, что хозяева похожи на своих собак. И наоборот. Есть такое? Киваете. Есть.

Возьмем, например, доктора Карташова и его овчарку Киму. Во-первых, мощь и энергия, стремление к природе. Склонность к романтике. Прически и глаза. А во-вторых,

нежная, всепоглощающая любовь к сельди атлантической пряного посола. Ну и общая ненависть к овсянке. Мало?

Тогда посмотрите на Чернышову и ее Хина. Их же путают!

Ну а у Вандорских вообще. «Иди сюда, кобель пьяный!» – кричит Вандорская. Что б вы думали? – идут оба – и Вандорский, и Ушик, дог.

Но не об этом. Не об этом. Об исключениях.

Лазарь Наумович Собельман, гигант силы немеряной, хоть и пенсионер. Но в прошлом боксер. А боксеры в прошлом не бывают. Как и учителя, разведчики или мясники. Так ведь? Одним словом, Лазарь – Самсон-борец. А его собака кто? Такое что-то, вроде блохи или хомяка. Но оно, это что-то, растопило Лазарево сердце и оказалось последней, самой пронзительной, жалостливой и нежной его любовью.

По давней привычке к порядку Лазарь называл жену Женой, сына Сыном, кота Котом, тещу – опять же исключение – называл почтительно Мамашей. Соответственно собака получила имя Собака.

– Лазарь! – говорили ему друзья, – Это никогда не станет овчаркой, Лазарь. Тебя обманули. Отдай это где взял.

– Нет! – решительно отвечивал Лазарь. – Он остается. Собельманы своих решений не меняют.

Что говорить, Собака, ласковый, любящий, преданный, забрал душу. И после того как Собака переболел какой-то мучительной собачьей болезнью, Лазарь стал звать его на «вы».

Умнейший парень, Собака умел выполнять все команды. Лучше всего у него выходила команда «Чужой!»

«Чужой!» – и Собака моментально прятался в самое укромное место, пролезая в невероятные углы и щели.

И еще замечательная команда: «А где любимый Собака чемпиона республики в среднем весе боксера Лазаря Собельмана?» И Собака мчался к хозяину, залиристо лая и прыгая, радостно лизал Лазаря в нос и приговаривал собачьи нежности. Ну не счастье ли?

Остальные команды Собака выполнял разом, быстро: садился, ложился, подавал голос, укладывался на спину, закрывал лапками глаза – «Ах-я-так-хорош!»

Ну да, не овчарка. Но как он умел слушать и сопереживать: вертел головой, водил ушами, подымал брови, постанывал, взвизгивал и пожимал плечами. Тихо, вы! У кого нет и никогда не было собаки. Да, и пожимал плечами!

И надо ж было, чтоб фотограф Ткач в похмельном гневе пнул Собаку. Просто так пнул, ни за что. Собака завизжал от боли и обиды и быстро выполнил команду «Чужой!»

– Убью, – кротко пообещал Лазарь, – убью. Если не извинишься.

– Ну извини, Наумыч, – миролюбиво заворчал Ткач.

– У Собаки, у Собаки проси прощения.

– Щас! – пообещал Ткач и назвал адрес, куда идти Лазарю, Лазаревой собаке, Лазаревой Мамаше и прочей родне оптом.

– Убью, – тихо попрощался Лазарь. И добавил: – Собельманы своих решений не меняют.

На следующее утро Лазарь выгуливал Собаку рядом с фотоателье Ткача.

– Убью, – поздоровался Лазарь. – Если не извинишься.

Ткач огрызнулся, но торопливо скрылся за дверью.

Через день Лазарь пришел к Ткачу на работу фотографировать Собаку. Все как

полагается. Оплатил у приемщицы заказ на фотографии.

– На паспорт, – приветливо попросил он Ткача, а Собаку усадил в кресло. – Собака, сидеть!

Собака сел, лег, твякнул, перевернулся на спину и закрыл лапками глаза.

– Так как?... – робко возмутился Ткач. – Он... он же все лицо закрыл... руками... этими... лапами...

Лазарь любовно усадил Собаку. Пригладил ему чубчик:

– Ну давай, фотографируй. А то, если не извинишься, знаешь сам, Собельманы своих решений не меняют. Кто ж тогда сделает нам фотографии любимого Собаки чемпиона республики в среднем весе? Правда, Собака?

Собака пожал плечами.

Вечером Ткач ждал Лазаря во дворе.

– Слышь, Наумыч, может, мировую, а?

– Ты, Ткач, конечно, умный. Но с креном в прогрессирующий идиотизм. Я ж тебе сказал, Собельманы...

– Да, да... – уныло кивнул Ткач. – Но как же... у собаки...

– Ну, ты иди, думай пока...

Лазарь истязал Ткача больше недели: гулял под окнами, приходил переделывать фотографии Собаки, потому что Собака там был на собаку не похож. Напоминал, что Собельманы своих решений не меняют.

Ткач перестал спать, есть и даже пить. Бегал муравьиными тропками от Лазаря и Собаки. Он уже твердо усвоил, что Собельманы своих решений не меняют.

В воскресенье Ткач нарядился. Как будто шел просить Собакиной руки и сердца. Лазарь открыл на стук.

– Тебе кого?

– Так это... – переминался Ткач, – я... извиниться... Так что... может...

– А где любимый Собака чемпиона республики в среднем весе боксера Лазаря Собельмана? – ласково позвал Лазарь.

Собака вышел в прихожую, настороженно и вопросительно глядя на хозяина.

– Ну?! – молча, бровями, спросил Лазарь.

– Ну?! – молча, бровями, спросил Собака.

– Это... – шмыгнул носом Ткач. – Собака... Извини, блин... Я... это... больше не буду...

Лазарь и Собака посмотрели друг на друга. Лазарь вопросительно мотнул Собаке головой. Собака пожал плечами.

Ткач уходил. Но не было облегчения в его душе. Одна растерянность и смятение. Растерянность. И смятение.

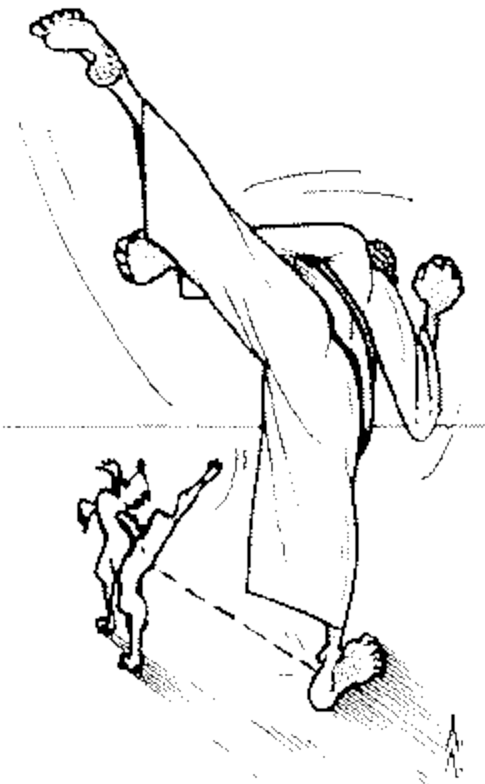

Рис. Л. Левицкого

Юрий Михайлик **На рыцарских турнирах Молдаванки**

На рыцарских турнирах Молдаванки
Все начиналось с легкой перебранки:
Воскресная терраса, тишина,
Прекрасна жизнь, и все пришли с базара,
Но в это время ей она сказала...
И ей она ответила сполна.

Прекрасна жизнь. Как солнышко светило,
Как весело гудели примуса!
Дискуссия приобретала силу —
Какие тексты, что за голоса...
Сначала все касалось сути дела,
И тетя Катя даже не глядела
На дерзкую обидчицу свою,
Пока в обычном утонченном слоге
Она скользила вдоль генеалогий,
Исследуя соседскую семью.
Но были упомянуты и дети,
А тетя Катя никому не свете
Такого не спускала, и в момент
Она шипящий примус подкачала,

Вдруг коротко и страшно закричала,
И бросила свой первый аргумент.

Читатель, я описывать не стану
Ни рубленые мелко баклажаны,
Ни свежую колхозную сметану
На небольшом соседкином лице,
Ни эти помидоры на халате,
Ни тетю Катю в молодом салате,
И в огурце, и в сахарной пыльце.

Ревела буря. Сотрясались стены.
И зрители спешили прочь от сцены,
Поскольку и театр идет ко дну.
Но всех остановил ударом грома
Могучий крик соседки: «Где ты, Рома?
Ты спишь, а эта бьет твою жену!»

И в тишине раздался звон булата.
Проснувшись, рыцарь снял со стула латы,
Меч пристегнул, взобрался на коня
И грянул в бой, жену свою кляня.
Он победит – инспектор Дорпрофсожа.
Его соперник пробудился тоже,
Но почему-то лат не надевал.
Наоборот – вздохнув спросонья тяжело,
Он снял свою воскресную рубашку
И опустил тихонько на диван.
И выкатился, круглый и упругий,
На зов своей растерзанной супруги.
Он был стратег, он смел предугадать,
Предвидел он живым воображеньем,
Как в предстоящем яростном сраженьи
Могла его рубашка пострадать, —
Вот почему он вышел полуголым.
Специалист, завпед вечерней школы,
Он был лингвист, язык преподавал,
Он русские великие глаголы
Метнул, почти не целясь, – и попал.
Мы опускаем описание боя,
А ты, читатель, выбери любое
Из классики. Ты снова будешь прав.
Ну вот, допустим, «лик его ужасен» —
Как это верно! Тут же – «он прекрасен».
Ты прав и нечто среднее избрав.

Я должен констатировать как автор:
На свете нет нетронутых метафор,
Их поиск безнадежен. И к тому ж
Тускнеют чувства, страсти иссякают,
И вот уже соперники стихают,
И первым утомился Катин муж.

Он плохо спал и он не пообедал,
А враг его, учуявший победу,
Нанес ему решающий укол.
А тут пришел Сережа-участковый,
Красивый малый, юный, но толковый,
И вынул из планшетки протокол,
Где все уже описано детально —
Вторжение в геральдические тайны,
Текст лозунгов и стоимость сметаны,
А также был указан день и час.
А впрочем, вас интриговать не стоит,
И объяснение самое пустое —
Был протокол составлен в прошлый раз,
А экземпляр оставлен про запас.

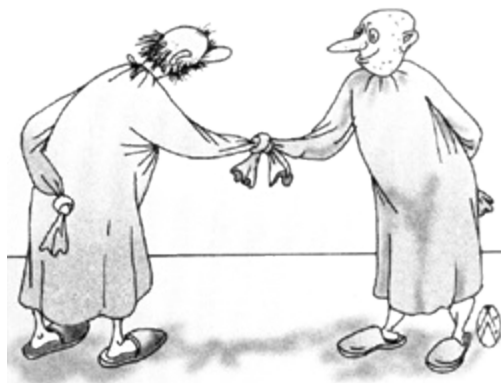

Рис. Л. Левицкого

Александр Беренштейн **Примечания к жизни**

Историю, как правило, делают люди, которые не могут ничего больше.

Правда – это то, чего вы пытались избежать.

* * *

Это был первый руководитель, который, выступая, говорил глупости, а не читал их.

* * *

Клановое ведение хозяйства.

* * *

Мы наш, мы новый миф построим.

* * *

Фанатизм – это огонь, в котором гибнут сомнения.

* * *

Сколько людей, о рождении которых можно было сообщать в сводках происшествий.

* * *

От великого до смешного – одна экранизация.

* * *

Спрос на дураков никогда не превысит предложения.

* * *

Возлюби ближнего своего – не выходи за него замуж.

* * *

Глупости, которые мы совершаем, гораздо меньше тех, на которые мы способны.

* * *

Любовь – это болезнь, при которой больные ухаживают за здоровыми.

* * *

Первая женщина была создана из ребра. Вторая сказала, что это уже не модно.

* * *

Научился читать чужие мысли – и теперь на всех обижается. Никто не понимает почему.

* * *

Человек проявляет интеллигентность, не надевая шляпу, а снимая ее.

* * *

Шутка – как пароль: своих узнаешь по отзыву.

* * *

Мерзавец. Но способен на большее.

* * *

Над этой книгой вздремнуло не одно поколение читателей.

* * *

Нет дамы без огня.

* * *

Земля – это то, что все время вертится у нас под ногами.

* * *

Упрямей факта только сплетня.

* * *

Пока шучу – надеюсь.

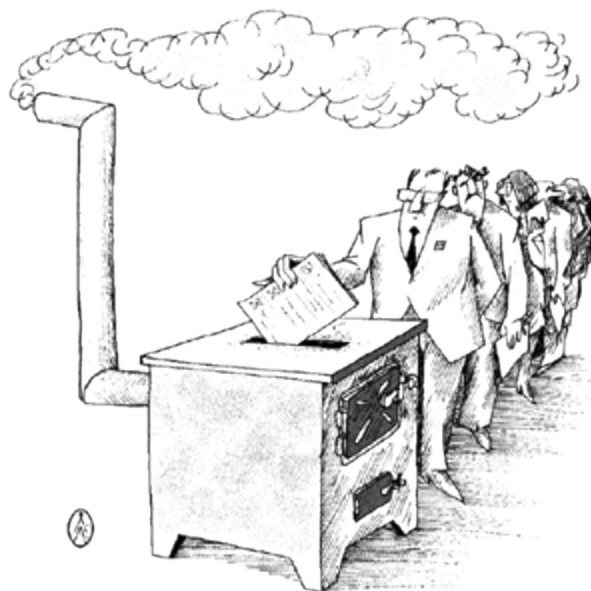

Рис. Л. Левицкого

Сергей Рядченко **В ожидании брынзы**

Юрию Сычеву

А еще говорят – темп жизни, трудно встретиться.

Темп не темп, а зевать, конечно, не следует.

Жили-были, вам скажу, Модест Митрофанович и Василий Лукич. Ходили друг к другу в гости. Да вы их знаете.

Модест Митрофанович трезвый (ММТ) водил дружбу с Василием Лукичом выпившим (ВЛВ), а Василий Лукич при памяти души не чаял в Модесте Митрофановиче подшофе. Правда, трезвый Модест Митрофанович за милую душу ладил также и с невыпившим Василием Лукичом. А что? Выпивший же Модест Митрофанович трезвого Василия Лукича на дух не переносил и норовил якшаться исключительно с Василием Лукичом нетрезвым, но тот, увы, уже водил дружбу с трезвым Модестом Митрофановичем, а нетрезвого его откровенно недолголюбивал. Путались, конечно, господа, тупиковали, но все же жить можно было, шло оно вполне своим чередом.

А потом как-то заполночь исключительно трезвый Модест Митрофанович рассорился в пух и прах с Василием Лукичом употребившим, и вознамерились они впредь не пересекаться.

И вот Модест Митрофанович как стеклышко звонит, соскучившись, своему единственному теперь другу тверезому Василию Лукичу. И, представьте, застаёт того дома чудесным образом. И рады оба. Сколько лет уже не получалось состыковаться, а тут на тебе. И зовет на радостях трезвый Василий Лукич в гости к себе такого же, как он, Модеста Митрофановича, и тот летит к нему на крыльях верной дружбы с тремя пересадками, но никакого друга, увы, не застаёт: тот убыл, не дождавшись, а встречает его в дверях Василий Лукич, на радостях принявший. А Василий Лукич, принявший на радостях, ничем не отличается от Василия Лукича, принявшего с горя или по любому иному поводу или без повода. То есть является такой Василий Лукич обыкновенным выпившим Василием Лукичом (ВЛВ), «О» можно опустить. А как мы помним, между ММТ и ВЛВ произошла размолвка, и повод ее может тут показаться притянутым за уши, за малые и большие, торчком и висячие мохнатые уши, но вряд ли все же кто-нибудь решится отказать ему, поводу, в его суровой принципиальности. А повздорили трезвый с выпившим, не сойдясь во мнении, сколько и каких именно цветов солнечного спектра различают кошки с собаками и в чем коренятся базисные различия их когнитивного восприятия. Да уж, выходит, что действительно *каждый охотник желает знать, где сидит фазан*. Именно каждый. Согласитесь, тут и с самим собой непросто договориться, не то что с другим, пусть даже другом. Вот и побили горшки. Не удержались. И вот, значит, вместо Василия Лукича ни в одном глазу встречает в дверях своей квартиры Модеста как стеклышко Митрофановича Василий Лукич уже опрокинувший, и неловко обоим. Как быть? Хоть и поссорились, а люди-то интеллигентные, порывов простых не практикуют. С другой стороны, интеллигенты, однако ж и повздорили-то не на шутку. Потоптались вежливо в прихожей, справились, как житье-бытье, а о кошках с собаками ни полслова. Из той же вежливости предлагает Василь Лукич Модесту Митрофановичу стопку на дорожку не без намека. А Модест Митрофанович возьми да не откажись. И то правда: в такой конец смотаться – вы б тоже призадумались, прежде чем просто сгоряча от ворот поворот. Принял Модест, значит, Митрофанович стопку из рук Василия Лукича, поднял, значит, за здоровье с удачей. Чокнулись, люди вежливые. И вот вам ребус почище квантовой механики: поднимал стопку да чокался один Модест Митрофанович, а опускал уже Модест Митрофанович совсем иного рода. Мчался к другу через весь город один человек, а в гостях теперь оказался совсем другой, да еще и не у того в гостях, к кому первый-то мчался, а опять же у кого-то совершенно несопоставимого. Даже у вас голова кругом, а тут какво? Самое время бы сейчас незабвенного Нильса Бора сюда с его копенгагенской интерпретацией, но только, положи руку на сердце, кто у нас ее, интерпретацию эту, хоть разок штудировал, а? О том, что любая модель реальности есть собственно модель, а не сама реальность, ну, грубо говоря, в таком духе, кто? А я вам так скажу: а никто! У нас-то и хельсинкского соглашения днем с огнем, а Хельсинки, так понимаю, поближе будут. Что уж тут о Копенгагене. Живем по Аристотелю, даже если о нем не слышали, в том смысле, что Греция-то под боком и что все у нас как? А так: либо – либо; либо так и не иначе – либо не так, и тоже баста! И третьего не дано. А оно видите как – совсем и не так бывает.

Я вам больше скажу, их, Модестов с Лукичами, на самом деле гораздо больше, чем можно себе представить. Мы на четверых указали просто для наглядности, чтоб, с одной

стороны, получить представление, а с другой – чтоб у нас же с вами шарики за ролики тут же и не заехали.

А так, конечно, есть еще и радикалы по каждой линии. И не радикалы.

Из радикалов вот, например, Модест Митрофанович крайне тверезый (ММКТ). Случается такой Модест Митрофанович в нескольких фиксированных случаях, возьмем один – проверенный многократно – после чтения газет на политзанятиях в жэке. Он тогда говорит:

– Нет, ну в самом деле, Вась, коммунизм – это светлое будущее всего человечества, и Ленин – пророк его. И слава Богу, а не то не дай Бог.

И еще:

– А капитализм, Вась, – погибель наша. Да вот, сучий потрох, сам, того и гляди, дуба даст на радость всем людям доброй воли. Есть, Вась, в мире справедливость, видишь? И КПСС – ее синоним. Есть, Вася, видишь, прогресс, и мировой пролетариат – его повивальная бабка.

Понятное дело, с таким Модестом только и может справиться что Василий Лукич, выпивший одноразово, но до крайности (ВЛКВ-1). Вот вам еще один. Изъясняется он в первом часу ночи изысканно до хрустальности, не позволяя языку заплестись, а мысли обрушиться. Говорит он тому на кухне:

– Дурак ты, Модест, каких свет не видывал. И несчастные твои дети с внуками до седьмого колена. Вот меня завтра не найдешь, кто тебя слушать станет, баран заблудший? Тебя ж добрые люди с порога спровадят. И поделом. А то еще и морду надраят.

– Меня-то за что? – возмущается крайне трезвый Модест Митрофанович. – Мне-то не за что. А вот тебе, Вась, надо бы, свинья пьяная!

– Да я, сколько ни выпью, все трезвее тебя самого трезвого, трезвый мне тут сыскался, пророк с акушеркой. Синоним, говоришь? Фюрер тебе синоним.

– Я фашист?! А ну забери назад, а то, Вась, обижусь.

– А кто первый начал? Не заберу.

– Забери. Морду надраю.

– А вот хочу видеть.

– А вот и увидишь!

И так могут всю ночь напролет без особых издержек. В общем, стоят друг друга, хранят, титаны, мировое зыбкое равновесие. А вот если, не приведи Господь, на Модеста Митрофановича радикально трезвого не сыскать вдруг Василия Лукича выпившего в один присест до крайности, то тогда, конечно, неувязочка будь здоров, тогда, хлопцы, ховайся кто может, поскольку ни одному из остальных Лукичей такой Модест ну никак не по зубам.

Есть еще и крайне трезвый сам Василий Лукич (ВЛКТ), это после посещения какого-нибудь врача с доктором. Настроение у него трагичное. Охватывает оно собою все пространство вселенной и по Евклиду, и по Лобачевскому. Оставаться крайне трезвым Лукич теперь намерен всю жизнь. Излагает он следующее:

– Человек – муравей. Живет и не знает.

Это раз.

– А помнишь, как встарь по килограмму на брата – и ни в одном глазу, и по девочкам? А ведь не ценили, Модест... Ценили? Значит, мало ценили. Где ж оно теперь, куда подевалось?

Это два.

И еще:

– Паразитируют на народе. Нам с тобой дефицит, а сами икру лопатами. Всю жизнь вкалывал, как карла. И что имею? Шиш с хреном? Без хрена. Сволочи. Голый шиш!

И:

– Это ж сколько лекарств удумали! А цены! Скажи, Модест, думаешь, стоит ради пилюль себя по миру пускать, или, может, само рассосется, а?

И неожиданное:

– Не пью и другим не советую. Скольких, Модест, из-за змия недосчитались, знаешь? Алкоголь, скажу тебе, отравка та еще. Глупость, да и только.

С этим Лукичом почти все ладят. Ворчат, нудятся при нем, но ладят. И Модест трезвый по-обыкновенному, и Модест радикальный, и прочие Модесты в разных степенях принятости или же трезвого осатанения, а избегает его категорически лишь один Модест недобравший (ММНБ), но надо сказать, что этот Модест – чужак тот еще; он не только Лукича, а вообще всего на свете чурается, сидит дома взаперти и воеет на лампочку в туалете. Это в лучшем случае. Так что погоды он не делает, и для статистики им можно пренебречь.

Остальные справляются.

Лукич супертрезвый объявляется раза два в году, перед зимой, скажем, и в конце весны, прямым из районной поликлиники, гостит коротко, исчезает внезапно, и потом ничто не напоминает о его существовании до следующего сезонного возникновения.

– Глупость какая, – в один голос рокочут остальные Лукичи, когда его супертрезвые идеи кому-нибудь из них излагает кто-нибудь из Модестов. – И бывают же, Митрофаныч, такие люди, скажи! Хоть стой, хоть падай. Не дай Бог до такого дожить.

Одни Модесты им кивают, другие увивают, но есть и парочка Модестов, кто близко дружен с этим радикальным абстинентом, и эти, разумеется, спорят с прочими Лукичами до такой хрипоты, что хоть и в рамках цивилизованности, а слюна все ж проскакивает.

То есть, как видим, тут гораздо больше, чем просто по Аристотелю: принял – не принял, и будь здоров. Даже при самом беглом наблюдении можно обнаружить множество Модестов Митрофановичей и Василиев Лукичей, разнящихся причиной, временем, количеством и качеством употребленного ими продукта. Тут есть выпившие водочки или коньячка обыкновенно (ВВ или ВК) и до крайности (КВВ и КВК), есть с утра (СУТР) или с вечера (СВЕЧ), есть полуденные (ПД) и полуночные (ПН), первого, второго и третьего дня созыва, обозначаемые, соответственно, цифрами 1, 2, 3, а свыше этого до семи дней – буквами «ЗСД» (заезд на среднюю дистанцию), а свыше семи – «ЗДД», где первое «Д» для слова «длинная»; еще есть недобравшие (НБ) и, соответственно, пере– (ПБ), коих не следует ни при каких обстоятельствах путать с буквой «К» для выражения крайнего состояния; экстремы – это никак не перехлесты и не недоборы, экстремы – это экстремы; есть еще Василий Лукич трезвеющий (ТЩ), у него аналогов среди Модестов не сыщешь, разве что в некой корреляции с ним пребывает Модест Митрофанович выпивший наскоро (ММВНС) и еще, пожалуй, Модест сильно недоспавший (СНДС) с дежурства (СД) или после рыбалки с уловом (ПРСУ) или без него (БУ); всех не перечислишь. И вот получается, что, скажем, Василий Лукич опробовавший на себе с утра коньячок с водочкой в переборе на средней дистанции (ВЛВВиКСУТРПБВЗСД) схлестнулся в полдень с Модестом Митрофановичем сильно недоспавшим и наскоро выпившим сто граммов водки после рыбалки без улова (ММПДВНСВСНДСПРБУ), и хочу видеть, как вы с этим управитесь. Чтоб за таким уследить, нужно мозгов и глаз куда больше, чем у нас с вами всех вместе взятых.

Потом, глядите, у трезвого Модеста Митрофановича – семья, дети, внуки, а выпивший, бедолага, живет один с чужими людьми. Вот ведь. И только младшая дочь трезвого Митрофаныча имеет сострадание к этому человеку и тайком предоставляет ему посильный уход. Так-то.

А Лукичи все живут бобылями, порастерялись у них за жизнь дети с женами. Иначе говоря, как по-разному у каждого дела ни складываются, а многое у разных людей в этой жизни выходит одинаковым. Вот и жуиры все Лукичи до единого как на подбор. Однако ж соседку Клаву зазывают к себе лишь трое из них – ВЛ под циферкой 3, а также ЗСД и ЗДД. <...> А два-три Модеста при этом (какие – не выдам) тайно воздыхают по Клаве и ревнуют ее к некоторым (до пяти) Лукичам.

Ну ладно. Всех не переберешь, как говорится, не перебреешь.

Так вот, опускает пригубивший Модест на тумбочку в прихожей Василия Лукича пустую стопку и видит перед собой любезного его сердцу ВЛВ на радостях. К нему-то он как раз и льнет, и потому с порога задушевничает:

– Метро надо, Василь Лукич. А то мы эдак всю жизнь прокатаем коту под хвост.

Но выпивший Лукич дружил-то как раз с Модестом трезвым, пока не рассорился, а пригубившего его он, как прежде, так и теперь, откровенно недолгобливает, и потому соглашаться с ним не намерен:

– А катакомбы? Это ж тебе не в сыре дырки. Нам метро, Модест, так все туда и уйдем. А сыщут после в Австралии. Только без толку.

– Дык ездить же людям надо. Такие концы!

– А чего ездить? – перечит Лукич и от неловкости топтания в прихожей снова разливает по стаканам. – Их что, зовет кто куда, людей этих? Сами прутся. Ну, крякнули на посошок.

Крякнули.

– Так присядем?

– Однако ж дел невпроворот.

– Однако ж гость у тебя.

– Однако ж незваный.

Конфуз, думает один. А другой зовет это *Пассаж с большой буквы*, и что он имеет в виду, живя в нашем городе, сказать невозможно.

– А помнится, говорил ты, Вась, что с трезвым Модестом расплевался. Было? Так со мной дружи. А то фыркать все мы умеем.

– Ты, позволь, Модест, выпивший, а я этого не переносу.

– Дык и сам же, Вась, тоже небось не младенец с иконочки. А при запахе.

– Не понимаешь. Во мне упругость бытия, азарт, а ты хлоп да хлоп по мелководью. Сплошная лирика. Взяться не за что.

– А мне с тобой, Лукич, душевно по-всякому, – не отступает ММВ. – Друг я тебе уж во всяком случае. Не гнал бы.

– Эх, Модест, а можешь ты, к примеру, сказать, сколько собака с котом цветов различают, а? Слабо?

– Если разобраться, то не все ли равно?

– Если разобраться, то как раз разницу-то и обнаружим.

– Ну и?

– А то, что на самом деле собака видит сорок два цвета, понял? Сорок два! А кошка – всего три: черный и белый. Или наоборот. Запутал, черт.

- Говорю ж, налей.
- Налить налью. И домой заворачивай. Нам тут вдвоем с тобой нечего.
- Как прикажете. Насильно мил не будешь.
- Да уж.
- На коня.

И тут Модест Митрофанович одним махом превращается в редкую разновидность полуденного... (впишите сами), покладистой человека не сыскать днем с огнем, а Василий Лукич по накоплению трансформируется в радикала под следующими буквами... (прошу не стесняться). Эти двое – редкие экземпляры. Нам с вами откровенно повезло. Они встречаются впервые.

Василий Лукич сразу:

- Честь для меня. Прошу в дом. Чем богаты.

А Модест:

- Ну наконец. Давно ж хотел вот так, с глазу на глаз.

И сразу берут быка за рога. Сперва хватить из погреба на стол что под руку подвернулось, а потом уж всю ночь напролет до третьих петухов – о письмах Чаадаева, и как там Герцен с Огаревым на Воробьевых горах и потом в Лондоне, и что декабристы, и Чернышевский с Бакуниным, и почему, и куда подевался чудо-террорист Нечаев, сойдя с корабля на Мадагаскаре; о психиатрии при царе-батюшке и потом, после убиенного, при совдепии и нынче, и, конечно же, о принципах работы фрезерного станка и счетчика Гейгера. Под утро, благо выходной, Лукич-2 зазывает в гости Клавдию с горяченьким, а новообъявившийся Модест Митрофанович Гусь-Хрустальный невозмутим и миролюбив под стать Гаутаме с Говиндой, а при бойке соседке умилен, как герой сериала, счастливое утро! – но в улыбке его сквозь седую щетину проступает тень несмелой догадки о том, что все, и даже это, может вдруг враз исчезнуть и больше не повториться. Однако кто это знает? И кому тот, кто это знает, уступит место в полдень или на закате, и кто ему придет на смену и завтра и потом, и будет ли знать тот, кто придет, то, что знают тот или этот? Кто знает?

Ведь всякий Модест знаком с прочими Модестами только понаслышке, равно как и всякий Лукич ведает о существовании иных Лукичей исключительно из уст всевозможных Модестов с Митрофановичами. Так тут все устроено. Пока так. Однако живут же Модест Митрофанович с Василием Лукичом, и ничего – дышат, справляются.

Оставим их всех в покое. Во избежание заворота мозгов предоставим каждого самому себе. Возникли, справили бал – и исчезли в декорациях жизни с тем, чтобы снова возродиться при сходных условиях. О, неисповедимы эксперименты Главного Лаборанта над нами, мнящими себя великими экспериментаторами!

Размышляя над этим без печали в компании близких друзей и замечательного марочного вина одиннадцатилетней выдержки, мы приходим к выводу, что при таком положении вещей правомерно допустить, что в свое время жил-был не только этот К. Маркс, но и тот, кому все это сильно не нравилось. И вообще, господа, кроме шуток, а был ли Маркс марксистом? Один из нас, кто разбирается, тут же втолковывает честному собранию, что вся наша так называемая сознательность имеет мощную химическую подоплеку, и с этим потрезвому не особо поспоришь. Да вы сами знаете.

И вот незабвенная тетя Гера приносит нам на увитый виноградом балкон, с которого видно море, наконец тарелку с брынзой и говорит:

– Мальчики, я вам так скажу. Мы до войны думали, что Карл Маркс и Фрида Энгельс – это муж и жена. А это оказались четыре разных человека.

Лучше не скажешь.

Занавес.

Лев Гольдберг (Молдова) **Всегда отыщется герой...**

* * *

Меж молотом и наковальней
Мечта становится хрустальной.

* * *

Не будешь питаться
Недели четыре —
Навряд ли удастся
Тебе харакири.

* * *

К познанию истины путем
Мы поэтапным прошагали:
Сперва узнали что почем,
Потом и кто почем узнали.

* * *

Я у парламентского входа
«Пошли!» – сказал слуге народа.
Но он сказал: «Ты что – урод?
Слуга с хозяином не пьет!»

* * *

Кто, ответьте, кто, скажите,
Кто есть истины носитель,
Если истина – в вине,
А вино – уже во мне?

* * *

Дворняжка облаяла
Смачно так, зычно так,
Что чуть не поздравил ее
С Днем пограничника.

* * *

Всегда отыщется герой,
Готовый в час суровый
Гнать в шею гнусный старый строй,
Чтоб нас прогнать сквозь новый.

* * *

Дело было вечером,
Делать было нечего...
Оттого и вечен рост
Рода человеческого.

Рис. П. Сигуты

Если вы молоды, вам вряд ли что-то говорит имя Макс Линдер. По правде говоря, сначала этот молодой человек и не был Максом Линдером. Звали его Габриэль Левьель, и вся его семья занималась вином во Франции. Я там не был и не знаю, что значит во Франции «заниматься вином»: может быть, они его изготавливали, может, продавали, но, скорее всего, просто пили. Последним занимается половина французов, поэтому молодой человек решил поискать что-нибудь пооригинальней и пошел в артисты. В парижских театрах тогда как раз вакансий не было, а вот в кинематографе – полно. «Приходите завтра, – сказали ему в фирме «Патэ». – Только костюм – ваш».

Хорошенькое дело! Где взять провинциалу в Париже приличный костюм? Он пошел к одному знакомому и начал издаലെка – с кепи. «Кепи мне самому завтра нужно, – сказал знакомый, – возьми цилиндр». Это была уже почти катастрофа, потому что под цилиндр нужно было искать фрак. Но вы будете смеяться – фрак нашелся.

И вот утром Габриэль пришел на студию, и когда режиссер его увидел, то чуть не упал со стула: «У нас комедия. Мы хотели снимать тебя в роли оборванца, который ворует у цветочницы букет. Оборванец во фраке – это кино для психушки. Но сегодня надо все закончить. Иди уже что-нибудь делай!»

Тогда фильмы снимали два дня, если съемки затягивались на три, это уже грозило убытками. Сняли как было. Через несколько дней лента попала в кинотеатры, и... такого успеха тот кинематограф еще не знал. Чаплин, Бестер Китон, Пат и Паташон – они все играли оборванцев. Но, как известно, кино в основном обожали дамочки. Какая из них будет млеть при виде бродяги?! А вот кавалер во фраке, в цилиндре да еще с д'артаньяновскими усиками – это был, как говорят в Одессе, «фураж», – хотя французы так красиво выражаться стесняются и говорят «фурор».

За пару лет молодой человек стал настолько популярен, что пришлось подумать о псевдониме. Так появился Макс Линдер.

Что вам сказать – если бы не он, мировая кинокомедия была бы совсем другой. Он был фантастически популярен. Чарли Чаплин называл его своим учителем. Европа сходила с ума. Мужчины, мечтавшие об успехе у дам, одевались а-ля Линдер.

Так вот, в 1913 году Макс Линдер приехал на гастроли в Петербург, потом был Киев. И тогда владельцы семи самых шикарных кинотеатров Одессы собрались на совет и решили послать в Киев самого уважаемого из них – мсье Полонского, чтобы заполучить Макса Линдера в Одессу хоть на денек. И дураку ясно, что если бы это удалось, то прибыль от киносеансов можно было бы не считать, а только складывать в ящик.

– Мсье Полонский, предлагайте ему любые деньги, – больше других суетился молодой Берчик Беркович. – Конечно, в разумных границах...

Мсье Полонский таки умел делать дела. Через три дня он приехал и шепотом доложил: «Едет!» Но так устроена Одесса: что сказано шепотом, знает весь город. Через несколько часов не было уже ни одного человека, который бы не готовился встречать французскую знаменитость. Парикмахерские перешли на трехсменный режим завивки и укладки,

мануфактурные магазины опустели, а вот как раз портные переселились в свои мастерские, чтобы обмерить и обшить все талии города.

И вдруг вечером накануне приезда звезды экрана Полонский получил страшную телеграмму: «15-го Линдер быть не может. Рассматриваются варианты». Такой «фетяски», как говорят в Одессе, не ожидал никто, – хотя французы в таких случаях стесняются выражаться столь интеллигентно и говорят «фиаско». Но вы же знаете: надежда умирает последней, тем более что уложенные головки уже выглядели как кукольные, а платья по последним парижским фасонам сидели как влитые.

15-го с утра привокзальная площадь была забита. Счастливики проникли в здание городского суда и висели на окнах с биноклями. Те, кто все-таки поверил вести «он не приедет», все равно пришли, но не спозаранку, – и были наказаны: на Ришельевской их зажалю между пожарной управой и вновь прибывающим народонаселением. Однако самые непоколебимые ждали на перроне. Теснимые полицией, они вглядывались в даль: не вьется ли дымок паровоза? То, что в толпе был и Берчик Беркович, не должно нас удивлять – молодость наивна. Странно, что метрах в трех от него колыхался котелок мсье Полонского.

– Мсье Полонский, что вы здесь делаете, что? – через головы поинтересовался Берчик.

– Ой, я даже не знаю. Сегодня ночью меня что-то как подтолкнуло...

Но в этот момент подкатил поезд из Киева, и удивленные пассажиры стали с трудом пробиваться к выходу. Из вагона класса «люкс» вышла, увы, только какая-то дряхлая дама с тремя собачками, но ни одна из них, сколько встречающие ни вглядывались, не была похожа на Макса Линдера.

Тут можно было бы ставить точку и отправляться по домам. Полиция уже вздохнула с облегчением. И вдруг в глубине вагонного проема появился цилиндр, потом рука в белой лайке с бамбуковой тросточкой и, наконец, знаменитые усики, лишившие покоя Европу. Это был Он!!! По перрону прокатился стон, стон вырвался на привокзальную площадь, растекаясь по прилегающим улицам. Дальше все было как в прекрасном сне: летели букеты, стрекотали кинокамеры, не удержались даже полицейские ряды и грянули «ура!».

Гостя подхватили на плечи и вынесли к народу на площади. Восседавший на плечах Берчика Берковича и какого-то биндюжника из молдаванских Линдер, воздев руку, что-то проникновенно прокричал по-французски в широкие народные массы. К счастью, рядом оказался учитель прогимназии Иглицкого некто Плих, который, чуть заикаясь, начал переводить:

– Господин Линдер не мог не приехать в Одессу, потому что кроме огромного удовольствия встретиться со всеми вами он имеет деликатное поручение от знаменитой фирмы «Патэ». Глава фирмы, наслышанный об удивительных климатических условиях Одессы, каких, к сожалению, нет во Франции, решил ликвидировать свое дело там и перевести все кинопроизводство в Одессу. Понятно, что ему нужен здесь серьезный компаньон. Господин Линдер уполномочен произвести переговоры и заключить контракт с тем из одесских кинопромышленников, кто завтра в десять утра в кабинете директора биржи предложит самые благоприятные ауспиции.

Договорив, Макс Линдер выдернул из петлицы смокинга белоснежную хризантему и швырнул ее в обалдевшую толпу. Пока массы бились за хризантему гостя, он сам прыгнул в авто и отбыл в гостиницу «Лондонскую». Вечером Линдер уже прогуливался по Дерибасовской и мило раскланивался с одесситами как со старыми знакомыми. Все были в восторге. Напрасно владелец кинематографической фирмы Дранков, следуя по пятам за

знаменитостью, несколько раз произнес задумчиво:

– Что-то этот Линдер напоминает мне Сеню Орлицкого из театра миниатюр...

Но кто стал его слушать! Не слышали этих слов и известные уже нам семь владельцев самых шикарных кинотеатров Одессы. Снова, собравшись в кабинете мсье Полонского, они держали совет – посерьезней, чем в Филях: кто станет компаньоном Патэ? Ни у кого таких свободных денег не было. Выход был один – продать свои кинотеатры и что-то еще наскрести. Трое на это решились.

Больше всех по молодости горячился Берчик Беркович. Он апеллировал к Полонскому:

– Купите мой иллюзион, Лев Самуилович! Уступлю за пять тысяч.

– Берчик, я со своим заведением горю, а тут еще твой сарай без ремонта.

– Побойтесь Бога, какой сарай?! Это же чистый дворец! Дело окупится через два месяца. У вас голова не будет болеть, что показывать. Крутите себе фильмы с Максом Линдером и только считайте деньги.

– Ой, я даже не знаю... Делаете людям добро, а потом семья голодает... Ладно, две тысячи и мой ремонт.

Торговались нагужно, некрасиво и долго. Как мсье Полонский ни отбивался, пришлось ему купить и другие иллюзионы.

А на следующий день в десять утра возле кабинета директора биржи с деньгами и надеждами толпились трепещущие претенденты на обладание всемирно известной фирмой «Патэ». Но ни в десять, ни в одиннадцать, ни, как вы догадываетесь, в двенадцать часов никто подписывать с ними контракт не явился. Это, как говорят в Одессе, был «геволт» – хотя французы, которые стесняются выражаться так изящно, говорят «дефолт».

Максом Линдером действительно оказался Сеня Орлицкий, загримированный под французскую знаменитость и подсевший в поезд на последней станции перед Одессой. Проведенное на скорую руку следствие показало, что Сеня был не совсем чужим Полонскому человеком, а как раз напротив – женихом его великовозрастной дочери. Да и учитель французской фонетики господин Плих эту фонетику уже полгода безуспешно вдалбливал в голову все той же дочери.

Когда много позже Берчик Беркович встретил мсье Полонского возле своего бывшего кинотеатра, он в лоб спросил того: «Что же вы меня погубили?» Но тот не растерялся и удачно ответил: «Берчик, тебя погубила любовь к кино! А за искусство стоит и пострадать...» Так что это он, мсье Полонский, задолго до всех специалистов впервые назвал кино искусством, и, как видите, не ошибся.

Значит, Макс Линдер не приезжал в Одессу? – разочарованно спросите вы. Почему же, приехал. Через пару дней. И даже выступал в Городском театре. Но, конечно, это было совсем не то, что Сеня Орлицкий. Поэтому в синемаатографах еще долго демонстрировались документальные кадры, как Сеня, загримированный под Макса Линдера, гуляет по Дерибасовской. И это, я вам скажу, была не какая-то дешевая комедия – это была картинка.

Жажда жизни, или Автопробег с Геннадием Хазановым

В 1972 году люди, наделенные властью, благополучно прикрыли КВН. Люди, наделенные не властью, а как раз ей не присущим – талантом, оказались без любимого дела и, как следствие, без любимого города, потому что потянулись к очагам культуры в столицу нашей родины. Первым из одесситов в Москву подался кавээновский автор и актер Юра

Волович. За ним и автор этих строк. Работали мы, как правило, для эстрады.

Эстрада не имеет гражданства, а заодно и прописки, – она кочует, периодически принося в тот или иной город весну, расцветивая его улицы афишами, а разговоры – слухами. Летом 1974 года в Одессе со всех рекламных тумб смотрели полутораметровые афиши, которые призывали увидеть оркестр Олега Лундстрема, а с ним Валентину Толкунову, Льва Лещенко, Геннадия Хазанова и еще десятка два звучных имен, среди которых очень мелко, но тем не менее значились и наши с Юрой Воловичем. В сводках Росконцерта это именовалось «сборной программой», расценки на билеты повышенные. А кто же в Одессе покупает дешевое?!

Повышенные расценки вмиг взвинтили ажиотаж. Зеленый театр распирало от гордости и контрамарочников из числа родственников и личных парикмахеров городского управления культуры.

Стоит ли удивляться, что после такого успеха сборные концерты в Одессе продлили еще на недельку. И это породило одну очень серьезную проблему. Все в коллективе знали, что мы с Юрой одесситы, и мы с гордостью «гуляли» наших коллег, демонстрируя лучший в мире театр на фоне лучшего в мире города и прочие достопримечательности. Но продление гастролей совпало с очень личным событием в жизни Воловича – с его днем рождения. Получалось, что он дома, а остальная бригада в гостях. Быть знаменитым некрасиво, а жмотом – так вообще позор! Барабанщик из лундстремовского оркестра Аркаша, всегдашний выразитель чаяний всей бригады, затолкав Юру в кусты сирени, благоухавшие со стороны служебного хода Зеленого театра, не хитрил и не юлил:

– Юра, если ты зажмешь день рождения, мы не только перестанем тебя уважать, но и не будем тебе аккомпанировать. Ребята застоялись и хотят выпить. Они уже даже купили тебе подарок.

Без аккомпанемента можно было еще прожить, ибо он сводился к тому, что в нашей сценке в один прекрасный момент все тот же Аркаша производил «блямс» по тарелкам. Правда, делал это знаменитый оркестр, и отмашку барабанам давал сам Олег Лундстрем, потому что Аркаша и на пятидесятом концерте никак не мог запомнить, на какую реплику надо «блямснуть». И заявление «ребята застоялись» тоже было из разряда гипербол. Только третьего дня мы с Юрой самолично под честное слово кавээнщиков извлекали из медвытрезвителя поштучно и развозили оптом всю медную группу оркестра и примкнувшего к ним контрабасиста. Причем, чтобы оттранспортировать медную группу на третий этаж гостиницы «Красная», пришлось даже нанимать двух швейцаров, а для контрабасиста – еще и милиционера.

Но у Аркаши в колоде наличествовала козырная карта – подарок. И, главное, Юра был дома, а домом была Одесса, и не принять гостей – такое в мозгу не укладывалось.

В рамках сборной бригады, приехавшей в Одессу, к нам двоим – бывшим кавээнщикам примыкал и Гена Хазанов, выступавший когда-то за команду КВН Московского инженерно-строительного института. Гена в дипломатических вопросах, конечно, был на голову опытнее Воловича.

– Юра, и не думай о банкете. У нас в бригаде по списку восемьдесят человек, это не считая друзей, которые на банкет придут первыми и уйдут последними. День рождения надо устроить за кулисами: легкий фуршет с тяжелой головой наутро. Без водки, которую все равно не разрешит инспектор. Значит, вино. Для тяжелой головы вина должно быть много. Значит, разливное. Думайте, орлы, где взять.

– Чтобы много и хорошего, да к тому же подешевле – надо ехать к народным умельцам, то есть на село, – вставил свои пять копеек я.

– А стаканы?! – простонал Волович.

Но для человека, который в будущем будет руководить Московским театром эстрады, разве такая мелочь могла стать препятствием?

– Зачем нам стаканы? – недоумевал Хазанов. – Вон стоит все, что нужно!

У двери в помещение, которое только воспаленный мозг мог назвать артистической гримуборной, на табуреточке стоял алюминиевый бак на сто литров с краником внизу и кружкой, прикованной собачьей цепью. Это чудо сохранилось со времен одесской холеры, о чем напоминала надпись «Кипяч. вода».

– Такой же бак валяется в кустах. Что тут думать: наполняем баки вином – и «гуляем» народ.

Итак, проблема, как придать банкету походную непритязательность, была решена. Но оставалась еще одна – собственно вино.

На следующий день, одолжив в буфете парка десять двадцатилитровых бутылей, мы погрузились в старенькую Юрину «Волгу» и втроем покинули город Черноморск, взяв курс на город алкогольной славы Шабо. Командором пробега Хазанов сразу назначил себя:

– Волович за рулем, Крапива – специалист по водке, так что вино дегустировать буду я.

Шабский винзавод нас ничем не порадовал. Его дирекция с радостью отпустила бы вино налево, но было лето, и новый урожай только бродил. А старый, судя по припухшим лицам дирекции, здесь не залеживался и прямо из штуцера находил потребителя непосредственно на заводе. Пришлось идти в частный сектор.

Частный сектор, то есть местное население, жил трудной и героической жизнью партизан белорусского Полесья. Уютный городок украшали живописные домики. И даже наметанный глаз никогда бы не определил, что под каждым из них таится бункер, а в бункере – святая святых: умопомрачительные по размерам бочки с умопомрачительным по вкусу вином. Режим секретности был спровоцирован рыскавшими по району работниками ОБХСС – отдела борьбы с хищениями социалистической собственности, которые боролись не столько за то, чтобы не расхищалась собственность социалистическая, сколько за то, чтобы умножалась их личная.

И вот в какой дом мы ни стучали, как слезно ни молили: «Хозяюшка, дай с дороги винца испить!» – перед самым носом двери захлопывались. Слава Богу, нашлась добрая душа, которая через дыру в плетне все шепотом растолковала:

– Не дадут. Ваш товарищ, тот носатый, так на одного из ОБХСС похож, что мурашки по коже даже не бегают, а сразу разбегаются...

Носатый, то бишь Хазанов, стал мрачнее тучи и тоном командора, только уже Беринга, изрек:

– Ну ладно! Сейчас в это Шабо придет цивилизация!

И решительно двинулся к ближайшему затаившемуся бункеру.

Дверь открыла хозяйка. Гена потребовал хозяина. В недрах дома послышалась возня, и на пороге появился помятый хозяин.

– Мы артисты! – с надрывом провинциального трагика бросил Хазанов в народ коронную фразу. – Нам для эстрадного номера нужно вино.

Помятый, похоже, был не из робких и захихикал:

– Розумиеш, Клава, тэпэр артысты вже в ОБХСС служать!

– Неправда, я артист! – простонал Хазанов, хотя пафос его уже не пылал, а еле тлел. – Вы меня наверняка по телевизору видели!

– Понимаешь, Гена, они целый день на работе, – шепнул ему на ухо я, – а после работы сразу начинается дегустация – это Шабо. Так что если они тебя видели, то в тумане, и вряд ли узнают.

Но большой артист, да еще слыхавший о системе Станиславского, знал, как действовать, исходя из предлагаемых обстоятельств.

– Ха, спорю на три рубля, что вы помните мою фамилию! Знаете, кто я? – Все напряглись, ожидая неожиданной развязки, и она действительно оказалась неожиданной: – Я Николай Николаевич Озеров!

– Бреешь! – аж вспотел хозяин, который, как и всякий мужик, конечно же, болел тем нашим хоккеем.

– Внимание! Внимание! Говорит и показывает Монреаль! Сегодня решающая игра нашей сборной. Только победа, только победа чехов над канадцами позволит советским хоккеистам претендовать на медали.

Это все голосом Озерова. Какое счастье, что в репертуаре Хазанова была пародия на нашего знаменитого комментатора. И какое счастье, что Николай Николаевич всегда был за кадром и не ездил дегустировать вина в Шабо.

Не знаю, изрек бы в тот миг Станиславский свое знаменитое «не верю!», но в Шабо народ был попроще, без этих старорежимных понтов, – и тут же потеплел душой, сразу скинув десять копеек на литре. А когда выяснилось, что мы берем не бутылку, а двести литров, хозяин, явно начавший приобщаться к большому искусству, сказал:

– Двести литрив?! О, це будэ добрый номэр!

И все же, как человек, наделенный народной интуицией, захлопывая багажник Юриного «волгаря», он обнял Гену за плечи и поинтересовался:

– Хлопчик, я дывлюсь, – ну, дуже ты молодой. То ты не Озеров, кажы правду, – ты мэнэ розиграв?

– Разыграл, – честно признался Гена. – Я Райкин.

И тут же исполнил вторую пародию – на Аркадия Исааковича.

Мы отъехали уже довольно далеко, а я все оглядывался в стекло заднего вида: хозяин стоял, раскрыв рот.

Уверен, что по сей день в Шабо живет легенда, как в это благословенное место приезжал Райкин, который выдавал себя за Озерова.

Завершит эту историю, увы, проза жизни. Кто бывал за кулисами Зеленого театра, знает лестницу, что ведет вниз к сцене. В тот вечер на две предваряющие эту театральную лестницу тумбы встали... нет, не бюсты с гордыми профилями основоположников театрального дела Станиславского и Немировича-Данченко, а две емкости с не менее гордыми краниками. И ни один из восьмидесяти артистов в тот вечер не прошел на сцену, не пригубив из кружки на собачьей цепи.

Делалось это так дружно, что инспектор Росконцерта, который специально ездил с каждой бригадой, чтобы блюсти ее нравственность, весь вечер мучился вопросом: что же такое поели артисты, если у них такая жажда? А это была жажда жизни, ибо ничто не сравнится с той жизненной силой, какая загадочным образом сконцентрировалась в шабском нектаре.

И лишь с последним взмахом волшебной палочки Олега Лундстрема инспектору

пришло в голову самому утолить жажду. То ли потому, что ему накапало, увы, последние полкружки, то ли потому, что чувство долга затмило остальные чувства, инспектор после аплодисментов и поклонов, ткнув в Воловича пальцем, объявил:

– А вас, Волович, я отстраняю от концертов!

Но Аркаша, выразитель чайний бригады, взял инспектора за талию и повел в проверенные кусты сирени:

– Палыч, у Юры день рождения. Если бы ты был не из своей занюханной Москвы, а из Одессы, ты бы не налил гостям?

– Ну ладно, – вмиг оттаял инспектор, не прекращая следить за рукой Аркаши, которой тот размахивал для убедительности.

Да, чуть не забыл сказать, что, когда Аркаша хотел быть убедительным, он всегда брал в руку то приспособление, которым бил в большой барабан. Я бы сказал, что оно напоминало булаву гетмана Хмельницкого, – но бессовестно соврал бы: оно было раза в три больше. А чтобы закрепить мирный договор, хозяин булавы добавил уже по-дружески:

– Кстати, Палыч, мы тут Юре на подарок скидывались, так с тебя десятка.

Юра был счастлив. Вечер был хорош и народ был хорош. Но особенно хорош был подарок. Аркаша вручил Юре... шариковую ручку. Но какую! На ней была изображена девушка в купальнике.

– Юра, поверь, это мировая вещь, такое только в Одессе найдешь! Смотри: если ручку перевернуть, – продемонстрировал Аркаша уникальные возможности подарка, – девка раздевается. Ну прямо как на одесском пляже. Мы с медной группой проверяли – очень похоже.

Людмила Уланова

(Казань)

Советская бразильская песня

В далекой ослепительной Бразилии,
Где апельсинов жуткое количество,
Жила-была красавица Эмилия
В хибаре без воды и электричества.
Она носила пончо с мокасинами,
На дона Бамбадореса ишачила
И всю страну снабжала апельсинами,
А по ночам у пристани рыбачила.
У дона необъятные владения
И счет в швейцарском банке фантастический,
А у нее – лишь кротость да терпение,
Да труд ударный капиталистический.
Ее украли в детстве похитители
И продали бедняжку на плантацию.
Она росла без любящих родителей
И пребывала несколько в прострации.
Вот раз она ловила рыбу с пристани,

Чтоб после съест с нехитрою приправою,
И в темноту она вгляделась пристально,
И поняла, что в море кто-то плавает.
А через миг его прибило к берегу
И вынесло на землю эту грешную.
Ах, как попал в Латинскую Америку
Сеньор, носящий форму кагэбэшную?
Она смотрела как замороженная —
Какой голубоглазый, чернобровенький!
А он лишь воду отряхнул соленую
И даже мокрый выглядел как новенький!
Он ей сказал: «Мы рады вас приветствовать,
Гражданка Поперецкая Эмилия!
Вам здесь отныне не придется бедствовать —
Поручено забрать вас из Бразилии.
Вы наша, вы родная, вы советская,
Ведь вас из Мелитополя похитили.
Взгляните, вот и фото ваше детское.
Вас ищут безутешные родители!»
Они пустились вплавь без промедления
Сквозь океан бескрайний Атлантический,
Им не давало утонуть стремление
Ступить на берег социалистический.
Медузы им служили пропитанием,
Спасая от голодного бессилия.
И крепла дружба в этих испытаниях,
И родилась любовь в душе Эмилии.
На свете все когда-нибудь кончается,
Закончилось и это приключение.
Конечно же, оно, как полагается,
Достойное имело завершение.
Присвоили очередное звание
И орден дали bravому Василию.
Отправилась на первое свидание
К родителям счастливая Эмилия.
Папаша оказался горьким пьяницей,
Свихнулась мать, задавленная муками.
А жили они с бабкой и племянницей
И с восьмью двоюродными внуками.
Тут бросилась Эмилия к Василию,
Напрасно ей рыдали вслед родители,
Сказала: «Я покинула Бразилию,
Чтоб вечно быть с тобой, моим спасителем!»
Но Вася посмотрел в недоумении:
«Я выполнил партийное задание —

Я вас доставил к месту назначения,
Мы больше не знакомы. До свидания». Роня слезы, горькие и чистые,
Кляня свою судьбину беспощадную,
Взошла она на скалы каменистые
И ринулась без слов в пучину жадную.
А Бамбадорес, брошенный в Бразилии,
От горя пребывал в оцепенении.
Ведь он любил прекрасную Эмилию
И собирался сделать предложение!

* * *

Сидела на ветке печальная крыса,
Случайно ее увидела актриса.
Она пропищала: «Прэлэстный тушканчик!»
И тут же ее посадила в карманчик.
Она угостила ее абрикосом,
Почистила дома большим пылесосом, —
И крыса, от страха тихонько икая,
Подумала: «Господи, дура какая!»

Жизнь поэта

Из цикла «Пушкиниана в лимериках»

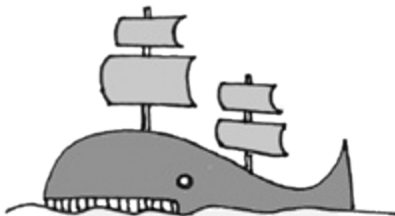
Могут все раскопать папарацци.
И до няни сумели добраться:
Мол, бежала старушка
На призыв «Где же кружка?»,
Как гаишник на хруст ассигнаций!

* * *

Был упрямым арап Ганнибал
И жениться никак не желал.
Петр сказал ему в лоб:
«Не дури, эфиоп!
Нужен Пушкин. Трудись, Ганнибал!»

* * *

Подаривши сюжет «Ревизора»,
Пушкин дальше дарил без разбора,
И кричал он: «Кому
«Мцыри», «Чайку», «Муму»,
«Мимино» и «Багдадского вора»?»

Борис Крутиер
(Москва)
Крутые мысли

Дураков, каких мало, у нас много.

* * *

Порядочный мужчина никогда не пообещает женщине того, чего не обещал другой.

* * *

Желаемое за действительное выдают без их согласия.

* * *

Не успеешь оглянуться – как уже не на что...

* * *

Выдавливая из себя раба, не раздави в себе человека!

* * *

Лучше плохая характеристика, чем хороший некролог.

* * *

Был не столько человеком, сколько его другом.

* * *

В Доме правительства не говорят о народе.

* * *

Сколько пустых мест в эшелонах власти – и ни одного свободного.

* * *

Правда – это то, что недоговаривают, когда ее говорят.

* * *

Трудно быть умным: все время чувствуешь себя дураком.

* * *

Нельзя потерять совесть дважды.

* * *

Не стареют душой ветераны сексуальной революции.

* * *

Только начинаешь привыкать к старости, как она проходит.

* * *

Не будь дураком! Слишком много конкурентов.

* * *

Чем уже лоб, тем шире шаг.

* * *

Если жена утром подносит мужу опохмелиться, то она не только умница, но и красавица.

* * *

Стоило крысам сбежать с корабля, как тот перестал тонуть.

Готов был отдать жизнь за любовь, но любовь брала только наличными.

Самая тяжелая обида переносится намного легче, если проглотить ее вместе с обидчиком.

Роман Карцев

Футбол и опера

Мой папа был футболистом. Вообще у него было сто десять профессий, но в Одессе он известен как футболист. Футбол в Одессе – это как в Италии опера. В Одессе тоже неплохая опера. Есть только два оперных театра в мире, которые не стыдно поставить рядом с одесским: венский и миланский. Так их и строили те же архитекторы. Наш театр – он обладает таким мощным излучением красоты, которое облагораживает все, что попадает в его поле. Я жил напротив.

Я жил напротив оперного театра, а с другой стороны была Канава. Это был райончик, куда вечером ходить я бы не советовал. Когда сгущались сумерки, оттуда к опере клином выходила канавская шпана. В голове шел главный бандит – Костя-капитан, он носил фуражку с «крабом» и тельник. Они направлялись к скверу перед театром. Его называли по-французски – Пале-Рояль. Немедленно били все лампочки. И если в Пале-Рояль забредал какой-нибудь поздний прохожий, выходил он оттуда уже в одних кальсонах. Это обязательно.

В молодости папа жил на Молдаванке – тоже, как известно, не институт благородных девиц. Мясники, биндюжники, налетчики, шулера, проститутки... Но папа и два его брата славились даже на Молдаванке. Жена старшего, Соня, такая была невероятная красавица, что не пристать к ней на улице было просто неприлично. И вот они пускали вперед Соню, а сами шли следом, три амбала. К Соне, естественно, чалились – и братья давали гастроль. Они были сущие артисты в драке, папа и его братья.

В общем, у меня был выбор: я мог стать бандитом или оперным певцом. Но для бандита я был слишком худой. К тридцати трем годам, уже женатый, я имел сорок семь килограммов живого веса. А в детстве меня практически не было видно. Но канавские меня не трогали. Не потому, что я тесно соседствовал с оперным театром и был такой исключительный красавец, а потому, конечно, что мой папа был знаменитый футболист. А футбол в Одессе – это наше все. На Брайтоне я недавно познакомился с одним сапожником: этот старик живет в Америке уже десять лет, и до сих пор у него висит футбольная таблица, где он ведет запись всех матчей «Черноморца». Он десять лет живет в Нью-Йорке, этот тип!

Мой папа играл до старости. Он имел колоссальную выдержку. Три раза он сидел в фашистских концлагерях. И все три раза бежал. В Одессе его уже вели на расстрел. Он дал конвойному обручальное кольцо, и тот отпустил его. Отцу повезло: малый оказался румын.

А вообще папа никогда не рассказывал о войне и не смотрел военных фильмов. Это все вранье, говорил он. Папа терпеть не мог все эти враки про войну и играл себе в футбол. А мама у нас была коммунист. О, это таки была мама! Но папа имел колоссальную выдержку плюс слава, и я всегда понимал, что прав папа.

И я тоже, разумеется, играл в футбол. Я играл в футбол без остановки с десяти утра до десяти вечера. На выдержку. У меня была такая дикая выдержка, что я, конечно, мог стать оперным певцом – на одной силе воли. Я до безумия любил оперу. Мы пролезали на все спектакли. Мальчишкой после войны я слышал их столько, что мог быть профессором консерватории. Но был один спектакль, после которого как запоют какую-нибудь арию, особенно из «Кармен», хохочу как сумасшедший. Давали Бизе. И пели: наша украинская знаменитость, русская певица, итальянец и румынский тенор. И каждый пел на родном языке. Одесситы валились из лож, так неслыханно это было смешно. Тогда я понял, что оперу надо исполнять только на итальянском.

Мне же так была дорога наша одесская интонация, что я в конце концов сделал эту изумительную речь, этот солнечный язык, пронизанный юмором в каждом звуке, своей профессией.

Сейчас мало осталось в Одессе тех одесситов, среди которых я вырос, тех, кто населял мой город, как населяет тело его душа. Они разъехались, развезли Одессу по кусочкам, и эти кусочки ставят свои интонационные ударения на улицах Израиля, Австралии, Америки, Канады...

Где, например, рыжий, который поджидал меня каждый день по дороге в школу в подворотне на Канаве? Он делал мне пальчиком «поди сюда» – и аккуратно отбирал у меня мою котлету. Иногда мама говорила: «Я не могу, я должна его видеть, кто съедает твоё питание!» – и шла со мной. И в этом случае роковая подворотня всегда оставалась необитаема. Это была такая игра. А на завтра он снова делал пальчиком... Но когда ко мне приставали пацаны побольше (а меньше меня не было в Одессе, по-моему, никого), рыжий всегда оказывался рядом и бил всякого.

Где Вадик Карузо, многоженец, игрок и незначительный певец? Каждый вечер он надевал черный костюм, бриолинил свои черные кудри, брился до синевы и выходил на Дерibasовскую с коляской. Позади гордо вышагивали его пятнадцать жен, а Вадик гулял по Дерibasовской и на ходу играл с желающими в «девятку». Проигрывались костюмы, автомобили, дачи... Потом Вадик все спускал.

Или, скажем, бессмертная мадам Гризоцкая, контролер Одесской филармонии. Ей было восемьдесят лет, она уже ничего не видела, ей говорили: «Мадам Гризоцкая, идите уже на пенсию!» И она отвечала: «Я умгу на контголе!»

Или уборщица Маня из той же филармонии: если ей вздумалось мыть пол, она выгоняла со сцены симфонический оркестр. От нее я услышал лучшую рецензию на свое выступление. Она подошла ко мне после спектакля и заметила: «Вы неплохой артист, товарищ Карцев, но слишком пересаливаете лицом!»

Это были приметы Одессы – как пляж, где все непрерывно поедали домашние припасы в безумном количестве, или как китобойная флотилия «Слава» с ее легендарным капитаном Соляником. Ах, что творилось, когда китобойцы приходили из восьмимесячного рейса! Их голодные жены с красными губами и синими цветами давили своих моряков в объятьях, как виноград, мы прыгали прямо с причала на мелкие суда и обдирали их на сувениры, а рынок на неделю заливал заморский товар. Ой, как гуляли китобойцы, как гуляла Одесса!

Больше я не вижу ничего этого, приезжая сюда. Мой город дал сильный крен, он вот-вот опрокинется и уйдет под воду, как подбитый кит.

Но кое-что осталось. Остались блески одесского разговора. Это неистребимо, это в генах, и по этому коду я всегда узнаю Одессу – на Приморском бульваре и на брайтонской дощатой набережной.

Поднимаюсь недавно по лестнице в гостинице «Красная». Швейцар кричит снизу: «Молодой человек! Молодой человек!» Слышу, уборщица реагирует: «Ну что орешь? Он правильно не оборачивается. Какой он молодой – погляди, сколько ему осталось!»

Встречаю на Пушкинской знакомую: «Наташа! Ты прекрасно выглядишь!» – «Это я еще плохо себя чувствую!»

Идет мне навстречу мужик: борода огромная, как у Маркса, грива кустом. «Ты меня узнаешь?» – вопит. – «Конечно». – «Не может быть! Меня никто не узнает! Ну как меня зовут?» – «Миша». – «Где я живу?» – «На Преображенской». – «Жену мою как звать?» – «Соня». – «Ну что там Ельцин?»...

Я совершенно убежден, что все это написано зря. Такие модуляции невозможно передать на бумаге. Это умеет один Миша Жванецкий. Впрочем, мне так только кажется – потому что я произношу и слышу все, что он пишет. Так же певец, вероятно, слышит оперу, читая партитуру, а футболист напрягает соответствующие группы мышц, слушая по радио репортаж с матча.

Что вовсе не означает, что можно описать оперу или футбол. Или драку. Или Одессу.

На пляж Одесса собиралась так...

Поход на пляж – это был ритуал.

Выбирались по несколько семей. Распределялись обязанности: кто берет водку, кто рыбу, кто салаты, кто арбуз, кто воду и так далее. В пятницу утром, часов в шесть, на Привозе все это закупалось – и начиналась готовка. К вечеру трапеза была готова. Усталые хозяйки собирали детей, чтобы в субботу пораньше пойти на пляж: нужно было занять хорошие места. Детям обещали купание, мороженое, карусель...

Часов в десять вечера вся Одесса смотрела на небо – есть ли звезды. Как правило, небо было чистым, в звездах, – и, как правило, утром шел дождь...

Дети спали. Мужчины спали. Женщины звонили друг другу.

– Как твои?

– Спят! А твои?

– Спят!

– Ну завтра пойдем!..

А на завтра дождь еще больше...

Но мы возьмем ту удачную субботу, когда погода чудная – солнце, тепло! Все идут на пляж.

Одесса ходила на Ланжерон, в Аркадию (бомонд), на фонтанские пляжи – от восьмой до шестнадцатой станции. Были еще Люстдорф и Лузановка, закрытый пляж санатория Чкалова... Но мало кто знал самый лучший в Одессе пляж – Австрийский. Он находился в порту, куда мы, пацаны, могли попасть только через забор. Роскошное место: песочек чистый, вода прозрачная, а самое главное – волнорез, маяк, уходящий далеко в море. Оттуда мы прыгали в воду, ловили рыбу, наблюдали за дельфинами. Рыбы тогда было много,

особенно бычков.

А с домашними мы ходили на Ланжерон: близко, через парк.

Субботние сборы заканчивались где-то к часу дня, и до пляжа добирались часам к двум.

В самую жару...

Всю дорогу слышались крики мамаш:

– Илюша, иди сюда!

– Рома, не трогай кошку!

– Додик, помоги маме нести!

Женщины тащили кошелки, мужчины шли впереди, вели разговоры: о футболе, о том, кого посадили, где заработать...

Минут через двадцать на горизонте появлялась полоса моря. Оно играло блесками, манило.

Потные, мокрые, мы входили в парк. Начинались споры, куда идти: то ли здесь, в парке, сесть на траву, то ли спускаться к воде.

– К воде, к воде! – кричали дети.

Но отцы уже расстилали клеенку. А женщины выкладывали еду...

Настало время рассказать, что брали с собой. Итак, пляжное меню: помидоры, огурцы, салат «оливье», котлеты из барабульки (рыбка такая), говяжьи котлеты, жареная печенка, жареная курица, селедка с картошкой, черноморская скумбрия (тогда она еще была) – копченая, соленая, жареная, деликатесы – фаршированная рыба, фаршированная куриная шейка, малосольные огурчики, много хлеба. Напитки: водка, пиво, вода.

Пока все это выкладывалось, дети кричали:

– Хочу купаться! Мне обещали!..

Ведь по дороге на пляж детям говорили:

– Вот придем – будете купаться. Нырять, плавать! Загорать! Строить песочные замки!..

Ну а пока:

– Сиди!.. Никуда!.. Пойдешь с папой!.. Сейчас покушаем...

А мужчины уже разливают по рюмкам. А женщины уже едят...

Из репродуктора сладкоголосо поют Ободзинский, Магомаев, Бейбутов, Утесов. Громко...

Только подняли рюмки «за здоровье» – в центр еды падает мяч! Скачет по рыбе, размазывает оливье...

Зловещая пауза. Самый нервный вспарывает брюхо мячу. Крики:

– Что ты делаешь?

– Тебе жить надоело?!

В ответ:

– Сиди, а то мы встанем!..

И вдруг узнают друг друга:

– О! Гриша, привет! Как Миша?

– Ничего! Это как раз его мяч!..

Хохот.

– Ну, будем здоровы!..

Истерический крик:

– Мама! Хочу купаться!..

– Сейчас дядя Леня пойдет с вами. Да, дядя Леня?

– Почему я?!

– А кто? Пушкин? Иди! Иди!

– Ладно, пошли...

Один уходит, все продолжают есть. Ободзинский поет, подключается Радж Капур. Все едят, все подпевают: «абара я, а-а-а-а, абара я, а-а-а-а...» Никто из взрослых не идет купаться. Через час мужчины отваливаются и засыпают...

Женщины закуривают и начинают обсуждать жизнь. Вдруг одна вспоминает:

– А где дети?!

Бежит к морю и еще издали истерически кричит:

– Миша, выйди с воды!.. Миша! Ты уже синий! Я тебе руки-ноги поломаю!.. Ты теперь у меня увидишь море!.. Паразит, выходи! Ты весь дрожишь!.. Я иду за папой!.. Не выйдешь?!! Так, теперь ты будешь купаться только под душем!..

Он неохотно выходит, получает крепкий шлепок по мокрым трусам и по затылку, жутко ревет. Она его успокаивает. Он ревет еще громче. А пляжники говорят своим детям:

– Видишь? И ты получишь!..

Мужчины просыпаются, выпивают, закусывают – и освобождают место для карт или домино.

Играют обычно на деньги. Азартно. Жены тайком следят, кто сколько проиграл. Едят – беспрерывно!

Игра продолжается часа два. И вдруг кто-то говорит:

– Пошли купаться!

– Да, да, – кричат дети, – купаться, купаться!

– Вот вы как раз и не пойдете. Вы наказаны! Купаться будете в следующую субботу...

Солнце уже почти скрылось за деревьями. А значит, наступает время сладкого стола: арбуз, груши, виноград – и торт!

Внезапно появляются соседи:

– Мы до вас. Вы не пробовали еще нашей рыбки... А? Под водочку хорошо пойдет!

– Витя! Лена! Вика! Маша! Дети! Все сюда!.. Разрешите выпить за ваше здоровье, за ваших детей, чтоб они нам были здоровенькими, и за нашу Одессу!

– Хай нам усим щастыть!

И опять все закусывают – это уже вместе со сладким столом. Песни, танцы в купальниках, с полными животами, свисающими до колен...

И вдруг на тебе – дождь!.. Лихорадочные сборы, всё в кучу – и бегом к трамваю. А он – битком! Кто-то животом вдавливают висящих на ступеньках. Дождь как из ведра!

Спокойно, не спеша подходит красный от выпитого Моня и говорит:

– Все в автобус! Я взял автобус, он нас развезет.

– Моня, по-моему, тебя уже развезло! – кипит его жена.

– Тихо, Зина, не позорь меня перед людьми!

– Ничего, ты у меня дома получишь! Я уже пойду с тобой на пляж!.. Ты уже меня увидишь на пляже, и ребенка, и море!..

– Зина, не порть мне вечер и жизнь, я же хотел как лучше!

Шофер:

– Так! Вы будете платить – или что?

– Кто выиграл в карты, тот пусть и платит!

– Всё, поехали! Шофер, держи, только едь плавно, моего Шурика тошнит...

И вот все дома – уставшие, почти не купавшиеся, сытые.

И ложась спать, я слышу маму:

– Скоро суббота, мы пойдем на пляж, будешь купаться, загорать...

А я уже сплю...

...И когда наступала пятница, вся Одесса смотрела на небо.

Вадим Жук
(Санкт-Петербург)
Хочу малóго

Много лет назад великий шутник Исай Котлер, бывший одно время режиссером в Театре Жванецкого, рассказал мне такую историю.

...Театр был на гастролях в Польше. Театр оказался на пляже. Роскошная полячка украшала пляж. Иван Дыховичный, игравший в те годы с одесситами, сиял и раскладывал перед паненкой свои гусарские принадлежности. Мимо. Солидный и обаятельный Витя Ильченко дельфином молодым всплывал перед нею из балтийских вод. Не пришелся.

Сирена смотрела на них как бы через соседнее чехословацкое стекло. Смотрела на Рому.

«Хочу малого!» – говорила она, произнося, видимо, «эль» как Борисова и Фрейндлих во всех отзвучавших «Варшавских мелодиях» вместе взятых.

Полячки понимают в настоящих мужчинах. Кажется, у одной из них был роман с одним французом. Кажется, это был Наполеон.

Помнится, император был тоже небольшого роста.

Хочу малого!

Хочу уже двадцать пять лет, с тех пор как увидел его впервые на сцене Театра эстрады в спектакле «8 + 8 + 8».

Хочу малого!

На эстраде, на театральной сцене, на малом и большом экране, в живом общении.

Роман Андреевич Кац. Ромочка Карцев. Почему-то фамилию надо прятать. Говорят, даже удивительный Акимов сказал Лёне Шапиро: «У актера не может быть фамилии зубного врача». Леня стал Леонидовым. Теперь, как известно, он там, где гуляют под настоящими фамилиями...

Конечно, они неразделимы – Жванецкий, Ильченко, Карцев.

Такие браки совершаются на небесах. Такие небеса синели над их милой Одессой.

...Мы сидим с Витей и Ромой на разогретой первоапрельской скамеечке перед гостиницей «Лондонская». На бульваре. Справа – Пушкин. Слева, кажется, ракетный академик Глушко. Девочки подходят к мальчикам и берут у них автографы. Я греюсь в лучах их заслуженной славы. Мы постепенно, как и полагается в Одессе, идем прогуливаться. Вот здесь жил один. Здесь – другой. Тут кто-то вылез из окна... Половое созревание, оно же – комсомольская юность. Я вставляю цитаты и литературные замечания. В Театре Жванецкого я считаюсь начитанным.

Боже единственный, как хорошо с ними!

Витя, Витечка, белоголовый журавль, на кого ты нас покинул? Французская таблетка, которую ты дал мне «от живота», до сих пор не проглочена мною. Тогда сам прошел, сейчас

не болит.

Болит душа оттого, что разрушила костлявая ваше несравненное партнерство...

Вы видели малого в антрактах его спектаклей?

Черное море, с детства вошедшее в его крепкую плоть, солеными пятнами выступает на его рубахе.

Вы, артисты, играющие крылышками ноздрей, боящиеся расплескаться!

Вам нечего расплескивать.

Темперамент или есть, или его нет.

Там, там, в измерениях иных, они сойдутся когда-нибудь, Роман Андреевич и Чарльз Спенсерович.

Они с уважением посмотрят друг на друга и одобрительно похмыкают на присущих им языках...

Оба ну очень маленькие... Но очень большие.

Что еще напишут для Карцева Бабель, Зощенко, Шолом-Алейхем, Ги де Мопассан, Михаил Жванецкий? Живи долго, малой.

Неся свою боль зубному врачу, мы меньше всего интересуемся его фамилией. Мы думаем – какие у него руки.

Ах какое сердце у Романа Андреевича Каца!

Актер, лицедей, кривляка, гистрион, шаушпиллер.

Кроткий и жесткий Рома. Живи долго, малой.

Хочу малого!

Михаил Бару
(Пушино-на-Оке)
Хокку

Раннее утро.

Сосед прибывает полку

Прямо к моей голове...

* * *

Как играет струей из брандспойта

Молодой и веселый пожарный! —

Не до криков ему из окон.

* * *

Пора одеваться.

Только крючочки на юбке твоей

Заново стоит пришить...

* * *

Этой ночью – побег...
Греет руку дрожащую ключ,
Стянутый из-под подушки жены.

* * *

На усы намотал
То, что ты мне в сердцах прокричала, —
Все равно их сбривать собирался.

* * *

Первые бабочки.
До чего разноцветны их крылышки!
А уж юбочки как коротки...

* * *

Отправил e-mail —
И ответа не жду от тебя;
Вот уже три часа как не жду.

* * *

На тарелке
Ломтик засохшего сыра
Делает мостик...

* * *

Мимолетен твой взгляд,
На меня обращенный случайно...
Уже то хорошо, что нескромен...

Борис Бурда

И Родина щедро поила меня...

Знаменитый кулинар Похлебкин писал, что, по представлению многих языческих народов, загробный мир находился под землей. Чтобы попасть туда, надо было переплыть реку, охраняемую подземным речным божеством, его самого – задобрить, подкупить, а еще лучше – усыпить его бдительность. Именно для этого, полагает Похлебкин, люди изобрели алкоголь.

Правда, божеству доставались капли – живые распробовали тоже. Древние персы даже принимали важные политические решения исключительно мертвецки пьяными – чтоб растормозить подсознание. А чтоб оно не растормозилось совсем, выполнялось только то решение, с которым принявшие его соглашались на следующий день, хорошо проспавшись и откушав местного огуречного рассола. Завоевавшие их македонцы тоже нашли в этом обычае рациональное зерно. Александр Македонский даже конкурсы проводил – кто больше выпьет. Из 300 участников одного из таких конкурсов 152 выбыло из строя задолго до финала, 58 тяжело заболели и остались калеками на всю жизнь, 44 умерли до финала, 39 после, 6 сошли с ума и только один остался жив-здоров. Так что победителя определили без труда.

Греки, правда, пили разбавленное вино, считая, что водичку не доливают только скифы, то есть мы с вами. Даже специально поили рабов до полной потери человеческого облика и водили по городу – вот, мол, смотрите, что бывает с не разбавляющими. Помогало это не слишком: спартанский царь Клеомен так и спился, несмотря на наглядную агитацию. Впрочем, что там пьяный раб! В Древнем Египте во время особо пышных возлияний вообще ставили на угол праздничного стола скелет, обвешанный погребальными украшениями, – вот, мол, что с тобой будет, если выпьешь больше дозволенного Осирисом. А толку-то?...

Да и римляне именно с этим элементом греческой культуры испытывали немалые затруднения. Сначала на римском пиру надо было выпить три раза – в честь трех граций, потом девять – в честь девяти муз. А потом уж начинали пить за здоровье хозяина – столько раз, сколько букв в его имени. А если его зовут Публий Корнелий Сципион Назика Коракулос, то в кого же столько влезет? Не зря древние римляне поговорку «истина в вине» дополняли ныне забытой второй частью – «здоровье в воде».

Не отстали от римлян и наши предки – даже религию выбрали потому, что «веселие Руси есть пити», а Магомет этого не велит. Видите ли, когда Магомет перенесся на седьмое небо и предстал перед Аллахом, он получил на выбор два сосуда. Он выбрал молоко, а вино с тех пор пить мусульманам не велено (про водку и коньяк, что интересно, в Коране ни слова).

Между тем «веселие Руси» все ширилось и ширилось. Непьющих обвиняли в прямой ереси – действительно, была такая секта аквариев, которая проповедовала причастие водой вместо вина. Так что непьющего могли ненароком и сжечь. Не говоря уже о том, что русские цари сравнительно рано додумались до водочной монополии, а когда посадишь бюджет на такую иглу, соскочить довольно трудно. Во времена построже любому, кто отговаривал посетителя кабака пропивать последнюю рубаху, просто отрубали руку и ногу – по одной, не варвары, чай, но все-таки... Это быстро привело к тому, что пришлось при Петре даже утверждать специальную медаль «За пьянство»: была она из чугуна, весила 17 фунтов и носить ее полагалось не снимая. Правда, где же логика в том, что одним из официальных наказаний чиновников за упущения было лишение казенной чарки? Не говоря уже о петровском «Всешутейшем и всепьянейшем соборе», где и сам царь, и все его приближенные вели титаническую борьбу с зеленым змием, в которой змий регулярно побеждал. Но водка в России была хороша! Екатерина II не постеснялась предложить ее в подарок и Фридриху Великому, и Густаву III Шведскому, не говоря уже о мелких итальянских и германских государях. Она посылала русскую водку в подарок Вольтеру, нисколько не опасаясь стать жертвой его убийственного сарказма. Такой же дар получили Линней, Кант, Лафатер, Гете и многие другие. Великий Линней, попробовав подарок, был столь им вдохновлен, что написал целый трактат: «Водка в руках философа, врача и простолюдина. Сочинение прелюбопытное и для всякого полезное». Умный человек и пьет с пользой для дела, а не для одной головной боли...

Кстати, водок тогда было чуть ли не больше, чем сейчас. Их перегоняли с травами и плодами, готовили наливки и настойки, и эта культура родила своих гениев. В те годы не было «Что? Где? Когда?», но была своя интеллектуальная игра – пригубить чашу со смесью разных водок и вин, поморщиться, задуматься и наконец изречь: «Медовуха, очищенная, сливянка, калганная, вишневка и абрикотин... Понятно – Москва!» И это еще не предел, ибо история сохранила память об умельцах, которые, прихлебнув более многокомпонентной смеси, без труда отгадывали слово «Навуходоносор». Любое занятие человек доводит до совершенства!

Но обвинить Европу в отсталости по этому важнейшему делу тоже язык не поворачивается. С тех пор как предтеча Билла Гейтса, создатель весьма своеобразной модели компьютера Раймунд Луллий, пытаясь изобрести лекарство от всех болезней, повторил открытие неведомого мусульманского алхимика с типично арабским названием «аль-кохоль» (во дают – сами выдумали, сами и запретили!), в Европе такое началось – на трезвую голову не выдумаешь! Уже в XV веке любой немец, встретив трезвого человека, немедленно интересовался у него: «Ду ю спик инглиш?», поскольку, по его понятиям, трезвый человек не мог не оказаться иностранцем. А через двести лет в Голландии распорядились считать недействительными все деловые бумаги, подписанные после трех часов дня, ибо в представлении законодателя любой голландец после обеда просто обязан был надраться до положения риз и за свою подпись не отвечал по определению. А знаете, кто первый в истории напился до положения риз? Что интересно – Ной. Когда на радостях по поводу благополучного исхода плавания ковчега он малость принял на грудь и валялся в

пещере голый и с залитыми зенками, его почтительные старшие сыновья зашли в пещеру спиной вперед, чтобы не видеть папочку в похабном виде, и укрыли его одеждой – положили ризы.

Впрочем, это только у нас напиваются до положения риз. А вот француз нажирается, как певчий дрозд (известно, когда петь хочется!), как монах (чем строже запрещают, тем больше пьют), как тамплиер, как ломоть хлеба в бульоне (красивый образ!), а после революции – как Робеспьерова ослица (очевидно, именно этим Робеспьерова ослица отличается от Валаамовой). Немцы напиваются, как береговая пушка, как волынка, как фиалка (наверное, по цвету носа), как тысяча человек и, когда уж совсем-совсем, как семеро шведов, о фантастической емкости которых помнят с Тридцатилетней войны. Красивей напиваются англичане: о тех, кто уже совсем хорош, говорят «пьян как лорд». Наши стелька, доска и драбадан далеко не так аристократичны. Впрочем, времена меняются, и теперь английские политологи с удивлением отмечают, что пьянство является главной причиной парламентских скандалов именно для лейбористов – партии рабочей, а для аристократичных консерваторов главная причина попадания на первые страницы бульварных газеток в наши времена – все-таки секс.

Там, где пьют вино, запойных алкашей малость поменьше – недаром в советские времена гиды в городах закавказских республик первым делом сообщали туристам о том, что вытрезвителя в их городе нет. Но, провалив контрольные цифры по алкоголизму запойному, жители винодельческих краев прекрасно наверстывали на алкоголизме хроническом. В французском языке есть даже идиома «сентябрьские дети»: в сентябре молодого вина было хоть залейся, и дети, зачатые в эти дни, не всегда могли научиться считать до трех. А во французской армии, согласно интересным воспоминаниям одного академика, было принято «пить девочек по метру» – это означало хлестать молодое вино и, пока длина выставленных в ряд бутылок не достигнет метра, этого занятия не прерывать. Кстати, этот французский академик, хотя и русского происхождения, судя по всему, не знал правил дифференцирования выпивки. А правило это очень простое: производная от выпивки есть количество выпивки, купленное на сданные бутылки (опытные алконавты изящно именуют их «хрусталем»). Согласно принятым среди одесских студентов в годы моей учебы традициям, выпивка считалась достойной внимания, если ее третья производная не была равна нулю. Кстати, для любителей математики могу предложить полезную в быту математическую формулу – $Q=(M'100):\%$, где M – вес человека в килограммах, а $\%$ – крепость напитка в градусах. Ну а Q – это количество данного напитка в граммах, которое человек может в среднем выпить, не нажив слишком больших неприятностей.

Многим приходила в голову весьма простая идея: если алкоголь так вреден, не запретить ли его к чертовой матери? Мировой опыт показывает: лучше не надо. Самый известный в истории «сухой закон» – американский «прохибишен» как раз и породил большинство тамошних гангстерских империй. Об эффективности таких запретов говорит популярный в те времена анекдот. Некий человек, приехав в незнакомый город, интересуется у портье отеля: «А где у вас можно кофе выпить... ямайского или шотландского, вы меня понимаете?» – «Видите здание напротив? Это церковь», – объясняет портье. «Как? Даже там?» – удивленно восклицает клиент. «Нет, только там нельзя, – успокаивает его портье, – во всех остальных домах можно».

И в заключение я обращаюсь к вам, о не знающие своей дозы! Не ссылайтесь на благородные вина Бургундии и Крыма, на легкое «Шабское», терпкое «Мукузани» и его

высочество мускат «Ливадия», после которого любая закуска, кроме медленного танца, кажется кошунством, – спиваются не на качественных винах, а на самогоне и шмурдяке. Не бойтесь рюмки вина, как черт ладана, – уже даже ВОЗ рекомендует для сохранения упругости сосудов стакан красного вина в день. Но не забывайте слов поэта: «Пить можно всем. Необходимо только знать точно, с кем, за что, когда и сколько», – и у вас всегда будет чем закусить. А это не менее важно, чем выпить.

День раненого таракана

Этот день издавна был особенным. Римляне, правда, предпочитали праздновать его 17 февраля, индусы – почти как мы – 31 марта. Древние германцы праздновали в этот день Новый год – и не только они. У французов, например, только в 1594 году король Карл IX издал указ о переносе начала года на первое января. А указ об этом появился именно 1 апреля. Так что до сих пор французы в этот день в шутку отмечают Новый год.

Есть и масса других толкований этой даты. У германских народов в древности 1 апреля считалось днем низвержения злого духа с неба. В Средневековье этот праздник приурочивался к пасхальным торжествам. А вот на Кавказе этот день назывался «днем подарков»: любого кавказца можно попросить о чем угодно, хоть обо всех его наличных деньгах – и он с радостью отдаст, лишь бы вы были первым, кто в этот день обратится к нему с просьбой. Так что скорее на улицу – вдруг успеете... Поверили? Вот и я вас разыграл – так, самую малость. Такой уж это праздник – 1 апреля!

Как только ни называют этот день! В Шотландии – «день кукушки», в Японии – «день куклы», в Испании – «день болванов», во Франции – «день рыбы», в США – «день дураков». Но смысл один: в этот день можно и даже рекомендуется разыграть повеселее ближнего своего и в то же время постараться не быть им разыгранным. Это не так просто – все только этого и ждут. Ожидания, впрочем, иногда и подводят. В своих интереснейших мемуарах французский академик, бывший москвич Анатолий Абрагам вспоминает, как его коллега профессор Симон с фантастическим спокойствием отнесся к сообщению о взрыве в его лаборатории, причинившем немалые разрушения. Причиной был лежащий у него на столе календарь с датой «1 апреля». Между тем взрыв действительно был...

А в России, по некоторым сведениям, все началось в 1725 году. Ранним утром жители Петербурга были подняты с постелей тревожным набатом, обычно возвещавшим о пожаре: их величество пошутили, как любили и умели. К счастью, все обошлось. И с того дня в России утвердилась традиция, которая существует и по сей день. Это достаточно типичный путь утверждения традиций на Руси. Не Норвегия, чай, где 1 апреля – праздник скорее крестьянский, и местные фермеры в этот день ходят друг к другу в гости, чтоб одолжить нож для отрезания хвостов, стеклянные ножницы, мякинный плуг, угломер для навозной кучи, комариный жир и другие столь же полезные предметы.

Не был чужд розыгрышам и великий Пушкин. Некая светская красавица буквально заставила его написать стихи в свой альбом. Ну и нарвалась: поэт посвятил ей крайне преувеличенный мадригал, и только на следующий день обнаружился подвох во внешне невинной детали – дате под стихотворением. Сами понимаете какой.

Вообще великих людей разыгрывать опасно. Ученик Кювье, нарядившийся чертом и ввалившийся к учителю с воплем: «Кювье, я тебя съем!», был мгновенно изничтожен на весьма солидной научной основе. «Копыта, рога – травоядное, ты не можешь меня съесть», –

ответил великий классификатор. Так тому недоучке и надо – следовало кричать: «Забодаю!» Легче разыграть ученого, если розыгрыш более основательно связан с его любимой наукой. Как-то раз, придя утром в лабораторию, профессор Казанского университета Александр Михайлович Бутлеров застал двух своих ассистентов за работой: стоя у вытяжного шкафа, они нагревали что-то на пламени спиртовки. На вопрос, чем они занимаются, один из них ответил: «Да вот, получаем помаленьку синильную кислоту. Если хотите, можете посмотреть, сколько уже отогнали». С этими словами он достал из шкафа колбу и так неловко протянул ее оторопевшему Бутлерову, что она выскользнула у него из рук и разбилась. Увидев разлившуюся у своих ног лужу, Бутлеров опрометью бросился вон из комнаты. Что же крикнул ему вслед ассистент? Догадаться нетрудно...

Полюбили этот праздник и многочисленные балаганщики всех времен и народов. Еще в прошлом веке один содержатель труппы факиров объявил московским жителям, что взлезет в горлышко обыкновенной стеклянной бутылки. Народ валом повалил в театр, а когда подняли занавес, на сцене одиноко стояла бутылка с надписью. Два слова, из которых и состояла эта надпись, вы без труда угадаете сами. Надо было сначала посмотреть на календарь, а потом уж в театр торопиться...

Любят первоапрельские розыгрыши и средства массовой информации, причем тоже издавна. Еще 1 апреля 1835 года газета «Нью-Йорк сан» сообщила, что двое известных ученых, Гершель и Брюс, в результате совместной работы изобрели телескоп, позволяющий рассматривать людей на Луне и Марсе. Газетчиков, говорят, потом вконец задержали просьбами сообщить, как получить доступ к этому телескопу. Так им и надо! А знаменитый «Сатирикон» даже приурочил начало своего выхода к 1 апреля 1908 года. Для журнала такой тематики – решение вполне разумное.

Что обычно удивляет в современных журнальных розыгрышах – степень доверчивости читателей. По сообщению журнала «Наука и жизнь» за апрель 1977 года, в лесах Баварии обитает... рогатый заяц! Фотография зайца прилагалась – рога действительно были ничего себе. И очень многие приняли близко к сердцу семейные проблемы баварских зайцев... Впрочем, чего еще ждать от читателя, активно востребовавшего в современных СМИ колонку астрологических прогнозов?...

Кстати, с ними тоже связан забавный розыгрыш. Французские ученые предложили любому желающему бесплатный гороскоп от лучших астрологов Франции только за одну маленькую услугу – написать, насколько верно гороскоп их описал. Масса народу клюнула, прислала время рождения и получила гороскоп. Как вы думаете, сколько процентов получивших были восхищены невероятным совпадением гороскопа с их собственным мнением о своем характере? Пять, десять, двадцать, сорок? А девяносто восемь не хотите? И это при том, что гороскоп действительно был от лучших астрологов – но для всех один и тот же. Кстати, составленный для известного всей Франции зверя и садиста, серийного убийцы, этакого тамошнего Чикатило. Даже неспортивно как-то разыгрывать современного читателя после такого...

Похожая история, но с интересным продолжением, случилась со знаменитым американским популяризатором науки Мартином Гарднером. Он опубликовал в «Scientific American» пародию на псевдонаучную статью о чудесных свойствах пирамиды, где писал, что пирамидальный колпак замедляет старение, возвращает бритвенным лезвиям остроту, и прочую чушь. Вскоре после выхода номера (естественно, апрельского) из печати Гарднеру позвонил издатель, специализирующийся на книгах такого рода, и предложил договор на

издание книги о чудесах пирамиды. Гарднер объяснил, что это была всего лишь шутка. «Тем лучше! – ответил издатель. – Вы издадите одну книгу о таинственных свойствах пирамиды, а затем вторую – с разоблачением этой лженаучной теории». Что ж, по крайней мере прагматично.

А вообще-то розыгрыш – дело опасное. Он ведь, как и донос, есть злоупотребление доверием. Так что помните: розыгрыш, во-первых, должен вызвать у разыгрываемого не обиду, а смех, и во-вторых, должен быть построен на чертах характера разыгрываемого – бережливости, скажем, или страсти к чрезмерной информированности... в общем, лень дальше выдумывать деликатные замены, но каждый раз, готовясь кого-то разыграть, подумайте, что в итоге получится. И постарайтесь не ошибиться.

Недавно всплыла история о том, как погорел один наш разведчик. Его заложила собственная жена. Что ж, случается. Интересно другое: ей пришлось писать второй донос – первый положили под сукно, сочтя глупым розыгрышем. Вот такие бывают шуточки.

Очень любят этот праздник на службе. Традиция давняя, еще со времен ильфопетровского «Геркулеса», когда каждый год в один и тот же день геркулесовцы фабриковали фальшивый приказ об увольнении Кукушкинда и клали его старику на стол, после чего он из года в год одним и тем же жестом хватался за сердце. Но прогресс в этой области двигался семимильными шагами. В годы моего инженерства всякое бывало: и телефонная просьба зайти в 517-ю комнату, а туда уже позвонили и попросили, если зайдет такой-то, попросить его зайти в 420-ю, а туда уже позвонили тоже и... ну, в общем, понятно.

Бывали и вещи позабавнее, например, демонстративный разговор при коллеге, обожающем всякие технические новинки, о том, что родственники передали из Израиля магнитофонную пленку, на которой записан крик раненого таракана. Достаточно прокрутить эту пленку в доме по два часа вечерами в течение недели – и тараканы уходят навсегда, да еще и другим рассказывают, чтоб обходили десятой дорогой. Пленку начали жалобно просить, я, малость покобенившись, дал (как записал – не скажу, самому теперь неудобно), после первого дня прослушивания мне радостно сообщили, что тараканов стало гораздо меньше, а на второй с сожалением вернули – взбесился горячо любимый всей семьей сиамский кот.

Еще одна принятая когда-то в научных кругах шуточка – где-нибудь в середине диссертации прервать научный текст сообщением типа: «Кто дочитает до этого места, получает ящик пива». Сам видел текст: «Выбираем вторичный прибор типа «Фокке-Вульф 190», так как пояснительную записку к диплому практически никто не читает». Кстати, не прочли. Да что говорить – я лично, поселяясь в гостиницах, только года два тому бросил писать в графе гостиничной анкеты «Цель приезда» бесхитростное признание «Террористический акт». Ни разу не арестовали, ей-богу!

Теперь уже, раз признался, буду осторожен. А то чего не вытворял по молодости... Записал как-то раз на магнитофон утренний блок радиопередач, начиная с семи часов, а 1 апреля запустил его через радиолу ровно в шесть ноль-ноль. Жена пришла на работу за час до ее начала и не сразу поняла, где все остальные.

...И все-таки насколько мы счастливей, скажем, немцев. У них выражение «Aprilgluck» (дословно «апрельское счастье»), этимология которого тоже, по ряду источников, связана с этим праздником, означает счастье переменчивое, обманчивое. А у нас 1 апреля – просто радость без границ. Так и нужно. Не забудьте подойти к кому-нибудь и сказать: «У тебя вся спина белая». Особенно это уместно летом на нудистском пляже. Впрочем, прав Дон

Аминадо – там лучше подойти и сказать: «Маска, я тебя знаю!» Так что не стесняйтесь, говорите – и какая разница, поверят или не поверят? Это же просто знак внимания. Кстати, что это у вас вся спина сзади? С праздничком!

Сергей Сатин
(Москва)

Страсти по нейтрينو

У богатых не жизнь, а малина:
яхты, лайнеры, в банках счета.
А я вспомнил частицу нейтрينو,
у которой вообще ни черта.
Невдомек вам, имущие классы
(даже мне невдомек), каково
не иметь ни заряда, ни массы,
ни физических свойств – *ни-че-го!*
Да вы вдумайтесь только в такое —
крыша тут же поедет сама!
Сколько это лишило покоя,
а иных так и вовсе – ума.
Ну и задал задачку ты, Боже!
Нуль абстрактный,
фантом,
мелюзга —
но нужна для чего-то ведь все же,
но ведь чем-то ж тебе дорога...
В общем, мира ясна мне картина.
От догадки своей чуть дыша,
понял я:
состоит из нейтрينو
пресловутая наша душа.
Вот она перед мысленным взором
беззаботно порхает моим —
никаким недоступна приборам,
неподвластна законам ничьим.
Пусть изложет могильная глина
по молекуле тело мое —
исключительно в виде нейтрينو
я продолжу свое бытие.
И в неведомых дальних астралах,
где не страшны ни Буш, ни Саддам,
заживет мой нейтринный аналог,
или как его правильно там...

А пока мой удел – у камина
шлифовать за строкою строку.
Правда, есть еще антинеитрино;
вот уж с ним-то я точно – ку-ку.

Меланхолическое

Когда умрет мой старый кот
(а будем все мы там),
он в рай кошачий попадет,
подобно всем котам.
Чудесен мир кошачьих грез!
Волшебен райский сад!
Там даже Дедушка Мороз
усат и полосат.
От пуза «Вискас» там едят,
покой там и уют.
И стайки беленьких котят
над головой снуют.
Пищат в траве мышей стада.
Их рай – чуть дальше, но
по старой памяти сюда
их тянет все равно.
А грызть начнет тоска – придет
к реке забвенья кот
и валерьянки грамм пятьсот
для тонуса лакнет.
И будет он на небесах
супругом многих жен,
чего внизу – увы и ах! —
злодейски был лишен...
Теченье осеней и зим
и шелестенье лет.
А там когда-нибудь за ним
и я отправлюсь вслед.
Не в курсе местных процедур,
растерян и смущен:
– Привет! – скажу. – Ты прям Амур...
– Амур-р-р, – мурлыкнет он.
– Ну что, – мурлыкнет он, – пойдем?
Хоть этот свет, хоть тот —
а первым пусть в твой новый дом
на счастье кот войдет.

Говорят, будто в Нижнем Тагиле
бренди предпочитают текиле,
Урюпинск и Лиски
склоняются к виски,
а в Лубнах – еще не решили.

* * *

Говорят, что в республике Чад
третий месяц тамтамы стучат.
Соседи боятся,
а зря: просто чадцы
от этого стука торчат.

* * *

Пущен в среду был слух, что в Одессе
продавали детенышей Несси.
Лох один взял три тонны —
а это тритоны!
А не хлопай ушами в Одессе.

* * *

Говорят, будто в Южной Корее
большинство населенья – евреи.
Но скорее всего
их там не большинство —
фифти-фифти всего их скорее.

* * *

Говорят, про Филиппа Киркорова
у Толстого написано здорово:
как пошел в первый раз

Филиппок в первый класс,
и унять невозможно с тех пор его.

* * *

Говорят, на Полярном Урале
деревянный компьютер собрали.
Без гвоздей! Топором!!
Диск, модем, Си-Ди-РОМ...
Мышь – живая (в подвале поймали).

* * *

Говорят, академик Ландау
был ну просто вулкан Кракатау.
Шмяк все точки над «і» —
и скакать по НИИ
с гиком, рыком и криками «Вау!».

* * *

Говорят, литератор Толстой
был наивный и очень простой.
Тащат бабы ребят:
«Это твой», – говорят;
он и этой даст денег, и той...

* * *

Говорят, что у физика Бора
было два детородных прибора —
главный и запасной,
что, к примеру, весной
и поддержка, и даже опора.

* * *

Говорят, президент Сенегала
с русской баней построил бунгало.
Кайф там словит и – эх! —
голышом прямо в снег,
привезенный спецрейсом с Ямала.

* * *

Говорят, у султана Брунея
тачка – авианосца длиннее.
А еще у него
удлинить естество
раза в два или в три есть идея.

* * *

Говорят, жил мужик на Валдае:
лбом на спор заколачивал сваи.
В батьку и сыновья —
Пьер, Арнольд и Илья —
тоже редкостные раздолбаи.

Василий Шимберев (Санкт-Петербург)
Любить Родину

На правах рекламы

Опытный специалист привет чувство любви к Родине.

Как скупое, но искренне выразить любовь к Родине в общественном месте. Как скрыть свою любовь среди недоброжелателей. Куда слиться в едином порыве вместе с другими патриотами. Правильные ответы на вопросы провокаторов (с элементами карате). С чего начинать, прививая любовь к Родине чужому ребенку, своему ребенку, партнеру, теще. Интимная жизнь с членом общества, не разделяющим вашу любовь к Родине. Где граница переполняющего вас чувства. Как отдыхать от любви к Родине в специально отведенных местах. Что делать, если невтерпеж, а место для любви к Родине не оборудовано. Почему ваша Родина любимее других. Как обрести Родину при потере ориентации. Влияние алкоголизма и наркомании на продуктивность любви к Родине. Групповые способы любви к Родине. Любовь по переписке. Любовь к Родине в зоне общего (строгого) режима. Экстремальная любовь к Родине. Виртуальная любовь к Родине с помощью Интернета, телевизора, холодильника, финского ножа. Какую именно Родину модно любить в этом сезоне. VIP-любовь к Родине. Вторая Родина. Как любить две (три) штуки сразу. Экономичные виды любви. Если любовь к Родине ослабевает в связи с возрастом, болезнью, учебой, замужеством, приговором суда. Как повысить температуру любви к Родине. Способы добиться взаимности.

На эти и другие вопросы вам ответят в нашем Салоне Любви. Оплата в СКВ. Выбор Родин неограничен.

Михаил Яснов
(Санкт-Петербург)
О прошлом

Всех лопали —
и все хлопали.

О внутренней политике

Что значит государство правовое?
Да значит, что имеем право воя!

Два подхода к дисциплине

1

Дис-цып! – цып! – цып! – цып! – цып! – лина.

Дисци-пли! – пли! – пли! – пли! – пли! – на.

Философское

Недешево купил удачу,
отсчитывает сердце сдачу.

Предварительные итоги

Вот и я попался на крючок
и живу, доверясь книжным слухам:
коль погибну не за пяточок,
пусть земля мне будет винни-пухом.

Баллада

Темнела даль. Светлела высь.
И лошадь перешла на рысь.
И стала даль светлым-светла.
И рысь на лошадь перешла.

Анатолий Контуш
(Франция)
Хоккей на асфальте

Осень.

Широкая улица в центре Одессы.

Акации, автомобили, асфальт.

Израильтянин, американец, немец и русский играют в хоккей возле старого здания университета.

Израильтянин стремительно проходит по краю, ловко обходя прохожих, и выходит к воротам. Короткий взмах клюшки – и теннисный мяч со стуком влетает в нижний угол. Израильтянин доволен. Он понимает, что ему нужно спешить: всего через пятнадцать лет он навсегда уедет отсюда в далекую, жаркую Хайфу, и очень может быть, что у него больше никогда не будет такого удобного момента.

Упавший на колени немец расстроен. Его команда проигрывает. Для того чтобы отыграться, ему остается не так уж много, максимум лет шестнадцать-семнадцать, и кто знает, что может случиться за это время. Он быстро достает мяч из ворот и бросает его вперед русскому. Русский – единственный из них на роликовых коньках – делает быстрый рывок по самой середине тротуара, легко опережает израильтянина и оказывается один на один с замершим в противоположных воротах американцем. Американец, невысокий и рыжий, отчаянно бросается вперед, вытянув короткую клюшку и пытаясь выбить у русского мяч, но тот изящно обходит его и элегантно закатывает мяч в брошенные ворота. Американец огорчен, но не очень: через двадцать четыре года он купит дом в штате Нью-Йорк и наконец забудет про досадный гол, пропущенный им той осенью. Русский счастлив: в это же время он будет безуспешно лечиться от алкоголизма и внезапно поймет, что во всей его жизни та возможность оказалась единственной, которую он не упустил.

Уходящие домой после занятий студенты проходят через всю площадку, осторожно огибая не замечающих их игроков и самодельные деревянные ворота с аккуратно натянутой сеткой.

Израильтянин, американец, немец и русский гоняют клюшками по асфальту грязный теннисный мяч возле старого здания университета.

Им еще нет шестидесяти на четверых.

Их национальности им еще не известны.

Их дети еще не говорят на разных языках.

Их прадеды, евреи, армяне, венгры и украинцы, смотрят на них с безоблачного неба Одессы, улыбаясь.

Осень.

Широкая улица в центре Одессы.

Середина семидесятых.

Евгений Мучник

Не по Чехову

в антракте со сцены ружье увели...

В свете последних достижений науки

Мне себя клонировать охота:
клон с утра ходил бы на работу...

Приобщаясь к заповедям

Каких кретинов, заповедь любя,
пришлось любить как самого себя!..

Не по Гоголю

Потерять свой нос я не боюсь —
с ним я постоянно остаюсь...

Железнодорожное

Вот отходит поезд от перрона,
позади и город, и вокзал.
Впереди поля и лес зеленый,
пиво, разговор под стук вагонный...
Жаль, что я на поезд опоздал!

Олег Губарь

Приколы нашего городка

Умели в Одессе их устраивать не хуже Стоянова и Олейникова (первый из них, собственно, и экспортировал оное умение из Южной Пальмиры в Северную). Начинили еще накануне очередного Нового года, предлагая в качестве подарка от Деда Мороза... «Календарь для дураков», издававшийся в двух модификациях: «Календарь для больших дураков» и «Календарь для кандидатов в дураки» («Одесский вестник», 1887, № 83). В те же предновогодние дни можно было увидеть газетные объявления в таком ключе: «По случаю

наступающего сезона грабежей и воровства 1884–1885 годов рекомендуются револьверы разных цен, необходимые в каждом доме» («Одесский вестник», 1885, № 38).

Объявления в периодической печати – вроде того, что «*по случаю* продается одно место на Старом кладбище», – вообще навевают мысль о продуманной «прикольной изощренности» авторов. По какому такому случаю, вопрошает газетный комментатор, владелец раздумал умирать («Одесский вестник», 1887, № 132)? Сюда же отменно подверстывается вот такой эпитафиальный текст: «Здесь покоится тело купца Степана Мокрина, а москательная его лавка торгует посейчас и находится там же, на Садовой улице...» («Одесский вестник», 1888, № 247). Только все это еще, так сказать, цветочки «прикола», а ягодки созревали аккурат в окаянные дни муниципальных выборов. Одесские остряки додумались до того, что включили в избирательные списки двух покойников с большим стажем – Антона Дубинина и Матвея Пашкова. Самое забавное впереди! Покойные кандидаты, обогнав живых, набрали такое число голосов, что наверняка прошли бы в Городскую думу, если бы розыгрыш *по случаю* не раскрылся («Одесский вестник», 1889, № 193 и 197).

Но вернемся к объявлениям и заявлениям. Как-то раз возмущенный (но, как оказалось, и находчивый) редактор самолично разразился свирепой филиппикой: «Виноторговец, продавший мне на прошлой неделе бутылку лимонада, смешанного с серною кислотой, выдав ее за бутылку шампанского, приглашается прислать мне в течение суток бутылку настоящего шампанского, так как в противном случае я опубликую в моей газете во всеобщее сведение имя и адрес этого промышленника». На другой день *каждый из местных виноторговцев* прислал в редакцию по экземпляру превосходного шампанского («Одесский вестник», 1885, № 65). Впрочем, случались «посылки» и похлеще: одному общественному деятелю, например, доставили однажды изящную серебряную шкатулку, открыв которую именинник обнаружил шелковую веревку, мыло и наставление, как именно ими воспользоваться («Одесский вестник», 1889, № 174).

Повеселее будет шутка мещанина Давида Гольберга, содержателя «Цирка дрессированных блох». Циркача привлекли в мировой суд за то, что он предложил купеческому сыну Самсону Ямпольскому снабдить того «двадцатью учеными блохами, четырьмя блошиными экипажами и двумя флагами, по сигналу которых блохи начинают выделять разного рода шутки»... Получив задаток в 20 рублей, Гольберг передумал обучать истца своему искусству. Дело затянулось ввиду отсутствия вещественных доказательств – дезертировавших «ученых блох» («Одесский вестник», 1888, № 211).

Забавна сделка актера и башмачника, в которой первый получил новые сапоги в обмен на единственную реплику – правда, провозглашенную с большой сцены. В эпизоде объяснения Гамлета с матерью было сделано небольшое уточнение: «Еще башмаков (сапог) не износила... Разумеется, не износила! Поскольку заказывала их в сапожной мастерской номер...» Другой театральный прикол вылился в курьезную афишу: «По случаю семейного горя, постигшего комика нашей труппы г-на Пуцмана, а именно: смерти жены, роль «веселого студента» будет исполнять за него г-н Гольц – трагик. Роль же последнего исполнит г-н Пуцман...» («Одесский вестник», 1889, № 207).

А вот трактирный розыгрыш, который был успешно осуществлен также при участии популярного комика. Сидя в теплой компании, он вдруг воззвал к великодушию и сердечности присутствующих, ссылаясь на бедственное положение одного близкого товарища. Присутствующие проявили отзывчивость – тут же собрали 50 рублей. Рассовывая

«благотворительный взнос» по карманам, комик хладнокровно изрек: «Ну вот, теперь этот мерзавец остается мне должен всего только пять рублей».

И то верно: долг платежом красен. В одном питейном заведении некий выпивоха продал приятелю за 30 копеек... собственного отца. Финал истории получился непредсказуемый: проданный за два пятиалтынных старик отказался возвращаться к сыну, остался при покупателе, отобрав при сем и все причитающееся ему имущество («Одесский вестник», 1887, № 145). Как в том анекдоте: «Ну ты себе прикалывайся, а я полетел!»

Уникум

Не стоит благодарности,
себя не берегу
и редкий дар бездарности
транжирю, как могу.

Афиша

Портфель Жванецкого. В двух отделениях.

Гастрономический ракурс

Дама – плоская, как пицца, —
нечем взгляду зацепиться.

Накурились...

«На дворе – трава,
на траве – дрова».

«Анилаг»

Юморист – о святая невинность! —
отбивал смеховую повинность.

Эколог

Детей рожаю год от года —
наотдыхается природа!

Губарики

Скажи мне, кто твой друг, и я промолчу.

* * *

Зарубежье бывает дальним, ближним и внутренним.

* * *

Окружение играет короля. И обыгрывает...

* * *

Пить надо с умом, с честью и с совестью.

* * *

Я так любил... А ты подорожала.

* * *

Тише едешь – дальше будешь.

Наталья Хозяинова

(Москва)

Разные люди

Один человек – назовем его Стоящий – был очень гордым. До того гордым, что уступить место беременной или, наоборот, пожилой женщине он просто не мог. Поэтому даже в пустом троллейбусе он ездил стоя. Мало ли – вдруг на следующей остановке кто-нибудь войдет? И ведь входили! Как-то раз вошла не просто будущая мамаша, но еще при двух малолетних чадах. И так испытующе посмотрела на Стоящего. А ему-то что? Стоит с гордо поднятой головой, глаз не опускает. После этого случая у Стоящего целый день настроение было замечательное!

А другой человек – пусть он будет Сидящим – повсюду ходил со складной табуреточкой. В троллейбусе все места заняты, а он у заднего окна пристроится, табурет развернет – и едет с комфортом. Очень его радовало, когда ему завидуют. Сложности возникали только в маршрутке, из-за тесноты. Поэтому там он свое сиденье не раскладывал, использовал его только когда ждал, в очереди. Но тут уж, конечно, все ему сильно завидовали! Другой раз Сидящий не успевал забраться в маршрутку, но что с того? Сидя можно и следующей дожждаться...

И надо же было случиться, что однажды поздним вечером Стоящий и Сидящий повстречались в пустом вагоне метро... Поступили они как обычно: Стоящий остался стоять, а Сидящий развалился на своей табуреточке. Но отчего-то Стоящий не испытал чувства законной гордости, а у Сидящего сложилось впечатление, что ему совершенно не завидуют...

До чего же порою некоторые любят делать гадости ближнему!

Леонид Барац, Сергей Петрейков, Ростислав Хаит
(Театр «Квартет И», Москва)
Новости

Зоология на марше

Псковские зоологи серьезно обогатили науку о крупном рогатом скоте. Они предложили делить быков на две категории: быки-производители и быки-потребители. Быки-производители выполняют свои прямые обязанности по долгу службы, а быки-потребители занимаются этим ради удовольствия.

За океаном

В Лос-Анджелесе впервые в истории разорился банк спермы. В головной офис банка уже выстроилась очередь обманутых вкладчиков, которые требуют вернуть им назад их вклады.

Погода не радует

Метеослужба города Когалыма сообщает, что на гражданина Шестакова выпала месячная норма осадков и нанесла ему серьезные телесные повреждения. Дело в том, что она выпала из окна седьмого этажа в эмалированном ведре.

Наконец-то!

Найден натурщик, позировавший Казимиру Малевичу для его знаменитой картины

Есть одна улетчика мечта...

Несмотря на недостаточное финансирование, летчики-испытатели ВВС России не простаивают, а продолжают испытания. В частности, сегодня они испытывают огромное удовольствие, потому что сидят за столом, пьют водку и никуда не летают.

Наука и жизнь

Подтвердилась теория возникновения Вселенной в результате мощнейшего взрыва. Вчера в британскую Академию наук позвонили экстремисты из ирландской республиканской армии и взяли на себя ответственность за этот взрыв.

Поволжский Левша

В Книгу рекордов Гиннеса попал житель Самары Дмитрий Дорошенко, как единственный в мире человек, сумевший сыграть на гармошке, в которую разбился его автомобиль.

Очередная утка

Удивительный случай произошел в больнице имени Кащенко. Лежащий больной отказался пользоваться уткой, потому что, по его словам, в этой утке спрятано яйцо, в яйце – игла, а на конце иглы – его смерть. Главврач заявил, что весь персонал устал от выходов этого пациента, тем более что он находится в больнице уже как минимум двести лет и к тому же утверждает, что она названа в его честь.

Впервые

Художник-авангардист Игорь Фомич Петренко-Шуйский впервые в истории человечества написал картину маслом вниз.

Врачебная ошибка

Житель Екатеринбурга Сергей Тужилкин обвинил своего лечащего врача в некомпетентности. Врач определил, что тот страдает вуайеризмом, то есть страстью подглядывать. На это Тужилкин сказал, что от вуайеризма он не страдает, а, наоборот, получает большое удовольствие.

Найден компромисс

Известно, что Южную Корею неофициально называют Страной Утренней Свежести, что вызывает возмущение властей Северной Кореи, которые считают это дискриминацией. И вот в рамках наметившегося сближения двух Корей экспертами найден разумный компромисс. Теперь Северную Корею будут называть Страной Второй Утренней Свежести.

Нелегкая это работа

Серьезная неприятность случилась с ресторанным обозревателем одного московского таблоида, получившим заказ прорекламирровать фирменное блюдо нового японского ресторана – живого угря, жарящегося на сковороде при госте. Журналист пытался найти точное сравнение для увиденного, но не смог придумать ничего, кроме фразы «Угорь вертелся на сковородке как угорь на сковородке». В результате через пять часов он заработал тяжелое нервное расстройство.

Происшествие

На московском заводе «Серп и Молот» случилось сильнейшее короткое замыкание. Его последствия могли оказаться совершенно катастрофическими, но, к счастью, замыкание было настолько коротким, что его никто не заметил.

Михаил Волков
(Израиль)

Сказка о менестрелях

Жил-был царь. Нрава он был либерального, воспитан на идеалах гуманизма, уважал права и мнения своих подданных и не преследовал инакомыслие. Собственно говоря, само понятие инакомыслия в стране отсутствовало. Неудивительно, что там процветали науки и искусства. В науках царь ни черта не смыслил, хотя и щедро их финансировал, а вот искусствами интересовался всерьез. Из всех искусств важнейшими царь считал поэзию и музыку, но и остальными не брезговал.

Однажды стражники привели к нему бродячего певца-менестреля, которого обнаружили сладко спавшим возле дворцовой ограды. На вопрос его величества, кто он такой и чем занимается, задержанный спел несколько песен собственного сочинения. Потрясенный царь, впервые услышавший подобное, сразу понял: вот он, долгожданный гибрид двух его страстей, – и вплотную занялся менестрелями.

Он их кормил, поил и баловал. Он спасал их от уголовной полиции и полиции нравов. Он запретил разбойникам обижать их и лично контролировал выполнение. Поэтому менестрелей в его царстве развелось видимо-невидимо. Они плодились и размножались, а также валом валили из соседних государств, где подвергались преследованиям за правду,

пьянство и разврат. С мешком за плечами и лютней в руках бродили менестрели по всем дорогам страны и пели всем, кто подвернется под руку, свои песни. Ну а слушавшие добрели и мудрели, и в их огрубевших душах зажигались трепетные огоньки дружбы, любви и братства. Приоритеты слушателей смещались из материальной сферы в духовную, и этот процесс внимательно отслеживался менестрелем. Уловив нужный момент, он спокойно выпивал и съедал все, что имелось у почтеннейшей публики. Далее, в зависимости от состояния, менестрель приставал к женщинам или задирали мужчин, а в особо удачных случаях не был уже способен ни на то, ни на другое.

Угощением (если его можно так назвать) дело не ограничивалось. За слушание песен люди обязаны были платить – законы страны запрещали пользоваться чьим бы то ни было бесплатным трудом. А тот, кто не имел денег или не хотел их зря транжирить, должен был проявлять осторожность, чтобы случайно не услышать бродячего певца. Это было не так-то просто: менестрелей можно было встретить где угодно, а ненасытность их сделалась притчей во языцех. Скоро дошло до того, что люди, завидев вдали человека с лютней, убегали сломя голову, чтобы не оказаться в зоне слышимости, если он вздумает подойти поближе и запеть.

Мало-помалу люди начали остерегаться выходить из дому без особой нужды. На дорогах стало тихо и безлюдно. Наступивший вследствие этого спад в торговле немедленно сказался на общем состоянии экономики. Жить стало хуже. Менестрели, чьи доходы особенно пострадали, всполошились и принялись искать способы их восстановить. Отчаявшись поймать кого-нибудь за городом, они стали прочесывать заметно опустевшие улицы и площади, а также театры, церкви, бани, кладбища и другие общественные места. Были отмечены попытки вломиться в дом или петать под окнами. Впрочем, их успешно пресекали: закон о неприкосновенности жилища никто не отменял.

В конце концов отчаявшиеся подданные выбрали делегатов, чтобы те пошли к царю, объяснили ему ситуацию и попросили обуздать своих любимцев. Народные избранники отправились во дворец, исполненные неясных надежд. Но при виде его величества с лютней в руках, извлекающего из нее попеременно три нестройных аккорда и фальцетом подвывающего что-то проникновенное о том, как «мы идем по дороге, босы наши ноги, светлы наши души, чисты наши уши», делегация сочла за благо побыстрее покинуть помещение.

И тогда народ решил искать выход самостоятельно. Коллективный разум – большая сила. Кто-то умный предложил: вот если бы, допустим, менестрели начали в своих песнях хулить и высмеивать царя и вообще государственное устройство, не исключено, что царь изменил бы свое к ним отношение и поприжал их хоть немного. Осталось придумать, как это осуществить. Очень просто, сказал другой умный: нужно организовать песенный турнир, где победителей будет ждать всенародная слава и хорошие призы. Победит же тот, кто сочинит самую лучшую песню на тему «Я люблю свою родину, но...» А царя нужно пригласить в качестве почетного председателя жюри, заявил третий умник. Народ заметно оживился.

Как пожелали, так и сделали. Его величество, услышав о турнире, пришел в восторг. Еще больше порадовала его тема, дающая возможность продемонстрировать всему народу широту и демократичность царских взглядов на свободу слова. Он сказал, что все расходы берет на себя и крохоборничать не намерен.

Государь не обманул. Турнир оформили на славу. Огромная поляна на берегу реки была

освещена факелами. Цветы, ленты, фейерверки, шампанское. Почетный караул в три шеренги под командой бравого генерала. Десятки тысяч зрителей. Сцена в виде лютни. За сценой – шелковый шатер, где ждали своей очереди выступить приодевшиеся и протрезвевшие менестрели. В жюри – четверо самых маститых менестрелей, чьи песни так давно стали народными, что никто уже не помнил, какая из них чья. И почетный председатель жюри – его величество, в обнимку с лютней, с которой он, кажется, даже в постели не расставался. На столе жюри красовались призы, главный из которых представлял собой модель царского дворца в масштабе 1:200, сделанную из стекла и наполненную коньяком пятидесятилетней выдержки.

Прозвучали фанфары – и началось. Один за другим выходили менестрели на «большую лютню» и, сверкая очами, пели специально сочиненные для этого случая песни. И всем посвященным в интригу стало понятно, что тема для турнира была придумана гениально. При всем хорошем отношении авторов песен к стране, государству, монархии и лично к царю, сатирическая направленность темы вкупе с желанием победить заставили их обрушиться с язвительной критикой на все сколько-нибудь заметные недостатки – или же на достоинства, которые при смене ракурса легко превращались в недостатки. Особый упор делался на демократические принципы существующего правления, которыми царь по праву гордился. Ну а многочисленные песни-антиутопии рисовали чудовищные картины угнетения и бесправия, массовые казни, пытки и истязания, головы вольнодумцев на кольях вокруг дворца, костры из книг и еретиков, их написавших, вымершие от голода деревни и, конечно, менестрелей – последний оплот свободы и нравственности – в застенках, в колодках, без воды, с вырванными ноздрями и ослепленных, в последнем порыве вдохновения сжавших в руках верную лютню с оборванными палачом струнами, чтобы перед казнью еще раз проклясть гнусного тирана и его прислужников и крикнуть им в лицо страшную правду...

Зрители, с ужасом глядевшие на разошедшихся не в меру певцов, постепенно проникались ощущением правдоподобности того, о чем пелось на сцене, хоть оно и вступало в противоречие с их собственной картиной реальности. Самые догадливые начали уже понимать, что успех затеи может заметно превзойти ожидания. Члены жюри, на первых песнях важно кивавшие в самых удачных местах, уже давно оставили это занятие и только переводили тревожный взгляд со сцены на царя и обратно.

Первые три-четыре песни царь счастливо улыбался. Постепенно его улыбка сделалась вопросительной, на лице последовательно выразились удивление, недоумение, изумление, разочарование, отвращение, испуг, гнев, ярость и, наконец, решимость. Он подозвал командира почетного караула и что-то ему негромко сказал. Генерал вытаращил глаза и хотел переспросить, но царь злобно замахнулся на него лютней. Генерал отскочил и, обратив к караулу потрясенное лицо, подал команду, которую не подавал еще ни разу в жизни.

Караул четко выполнил команду. Весело лязгнули выхватываемые из ножен сабли. Первая шеренга отделилась от двух остальных, изогнула фланги, охватила полукругом сцену вместе с шатром и через несколько секунд окружила их. Вторая и третья шеренги раздвинулись, перестроились и так же быстро и точно замкнули кольцо оцепления вокруг остолбеневших зрителей. Раздались крики, сверкнули сабли, крики оборвались. Солдаты вывели из шатра менестрелей, ошарашенных столь стремительной материализацией их метафор и гипербол, добавили к ним того беднягу, что находился в этот момент на сцене, и членов жюри, выловленных уже из толпы зрителей. Царь вышел вперед – и все замерли.

С сегодняшнего дня, провозгласил царь, размахивая лютней в такт словам, вводятся новые законы, долженствующие способствовать укреплению государства, оздоровлению общества и процветанию страны. Отныне оскорбление его величества государя и членов царской семьи карается смертной казнью, к оскорблению же причисляется все то, что не является восхвалением. Клевета на государственное устройство наказывается бессрочными каторжными работами с конфискацией имущества. За исполнение песен, не утвержденных специальным департаментом, каковой департамент завтра будет назначен, – пять лет тюрьмы с отрезанием языка. За слушание таковых – то же самое, но с отрезанием ушей. За разговоры на недозволенные темы, список которых завтра будет опубликован, – три года тюрьмы и штраф. Остальные законы будут объявлены завтра. Р-разойдись!

Оцепление сняли, и зрители, совершенно подавленные, молча разошлись. У менестрелей отобрали лютни и разбили об их головы, а их самих заковали в кандалы и увезли.

Ночью на одной из улиц столицы были слышны вопли. Там били умников – первого, второго и третьего.

Жизнь чиновника

Жил-был чиновник. Звали его господин Таймович, и служил он старшим хроником в отделе учета и согласования Департамента расписаний Министерства времени. Был у него свой кабинет на втором этаже в конце коридора, где он сидел ежедневно с понедельника по пятницу с восьми до пяти, перерыв на обед с двенадцати до двенадцати сорока, а также в субботу, но уже до часу и без обеденного перерыва.

К работе своей господин Таймович относился на редкость добросовестно, за что был весьма ценен начальством. Он никогда не опаздывал на службу и никогда не уходил домой раньше времени. Просыпался он безо всякого будильника точно без двадцати пяти семь, четырнадцать минут принимал душ, чистил зубы, умывался и брился, девять минут готовил завтрак, восемнадцать минут завтракал и пил кофе, четыре минуты одевался, в семь двадцать выходил из квартиры и через восемь минут садился в трамвай, который подходил к остановке ровно в семь двадцать восемь. Поездка занимала двадцать две минуты. Выйдя из трамвая, он пять минут шел от остановки до входа в департамент, за три с половиной минуты преодолевал четыре лестничных пролета и длинный коридор и ровно в семь пятьдесят восемь с половиной входил в свой кабинет. Полторы минуты уходило на то, чтобы снять шляпу и плащ и повесить их на вешалку, сесть за стол и принять рабочее положение. Ровно в восемь господин Таймович пододвигал к себе приготовленную накануне стопку документов и забывал об окружающем мире.

Все эти манипуляции господин Таймович совершал не глядя на часы. У него в квартире вообще не было часов: он в них не нуждался. Его внутренний биологический хронометр работал безупречно, и наручные часы он носил исключительно потому, что человек без часов на руке вызывает еще меньше доверия, чем собака без ошейника, и ни на какую карьеру рассчитывать не может.

Как-то раз, в день, когда было особенно много работы, слегка уже уставший господин Таймович на секунду поднял утомленные глаза от двух входящих и трех исходящих, лежащих перед ним на столе. Взор его случайно сфокусировался на настенных часах, висевших напротив (с точки зрения владельца кабинета, они были совершенно излишней деталью

интерьера). Часы показывали 13:56. Почему-то это показалось господину Таймовичу забавным, что он и отметил, улыбнувшись, прежде чем снова уткнуться в расписание гастролей заезжего грузчика-вундеркинда, которое ему предстояло согласовать с графиком санитарных проверок городской живодерни.

Через некоторое время он, задумавшись, в какую папку положить готовый документ, опять скользнул рассеянным взглядом по часам. Теперь они показывали 14:17, и это развеселило господина Таймовича настолько, что он даже хихикнул. Но тут же забыл о часах, так как его ждала коллективная жалоба посетителей университетского пивного ларька на позднее время утреннего завоза пива по понедельникам.

Когда он снова взглянул на часы, вид циферблата и стрелок, показывающих 14:43, заставил его от души рассмеяться. Настроение его, и до того неплохое, так стремительно поднялось, что ему потребовалось некоторое усилие, чтобы опять сосредоточиться на лежащем перед ним тексте подготовленного им к завтрашнему совещанию доклада о том, сколько времени заняла у него подготовка этого доклада.

В следующий раз, когда он посмотрел на часы, на них было 15:14. Тут уж кто угодно расхохотался бы. Во всяком случае, господин Таймович смеялся долго и всласть, испытывая при этом приятное ощущение человека, который всегда может прекратить и не прекращает только потому, что не хочет. Непонятно, как он раньше не замечал, какие забавные вещи творятся буквально под носом! Лишь чувство ответственности заставило его отвлечься от посторонних мыслей и снова углубиться в расчеты сравнительного преимущества расписания пригородных поездов за февраль над распорядком дня в центральной городской тюрьме.

Когда он в очередной раз вынырнул на поверхность, часы показывали 15:52. Ничего смешнее господин Таймович в жизни не видел. Это же надо – 15:52! Приступ гомерического хохота скрутил его в бараний рог. Кресло под ним сотрясилось. На пол полетели бумаги и карандаши. В самый разгар веселья позвонил телефон. Господин Таймович с превеликим трудом снял трубку и попытался ответить своему непосредственному начальнику, но, кроме нескольких неприличных взвизгов, ничего толкового сказать в нее не смог. Еле-еле он успокоился и принялся собирать упавшие со стола предметы. Бумаги на полу, естественно, перемешались, и пришлось их заново рассортировывать. Господин Таймович успешно справился с этим – и вдруг, подчиняясь какому-то внутреннему позыву, украдкой взглянул на часы...

Он не успел заметить, какое именно время показывали часы, но они что-то показывали, и сам этот факт окончательно доконал господина Таймовича. Он свалился на ковер и принялся кататься по нему, задыхаясь, хватаясь руками за ножки кресел и дрыгая ногами. Он ржал, как табун пегих лошадей. Никогда в жизни ему не было так дико, невероятно смешно – до колик, до спазмов в животе. Он совершенно не в состоянии был остановиться и даже не замечал остолбеневшего в дверях начальника, прибежавшего выяснить, что случилось. Подъехавшие вскоре санитары даже позавидовали господину Таймовичу, когда примеряли на него новую рубашку. Оно и понятно: у них работа гораздо скучнее.

Через месяц господин Таймович вернулся на службу. Выглядел он как обычно, только попросил убрать часы из своего кабинета, после чего так рьяно принялся за работу, как будто решил искупить грехи всех бездельников на свете. Наручные часы он тоже перестал носить, а на часы в холле и в коридорах тщательно избегал смотреть; если же они попадали случайно в поле его зрения, он ударялся в слезы и плакал до тех пор, пока на глаза ему не

попадался термометр. При виде термометра его слезы мгновенно высохали и на лице появлялась веселая улыбка. С недавней поры термометры почему-то сместили господина Таймовича, хотя, конечно, не так сильно, как газовые счетчики.

Ирина Ратушинская

(Москва)

Тост

Тетя Песя прибавила в весе
И никак похудеть не могла.
– Ой, – сказала себе тетя Песя
И до моря топиться пошла.

И туда же спешил дядя Боря.
Он виагры три пачки купил.
И шагал он, шатаясь от горя,
Убедясь, что навеки остыл.

За причалами с жизнью прощались,
Лили слезы и он, и она.
Облака над водой улыбались.
В берег пенная била волна.

Но, поднявши глаза, дядя Боря
Вдруг увидел роскошный объем.
И он вздрогнул, как кот на заборе,
Ощув в организме подъем.

Улыбнулась ему тетя Песя,
И решили они: таки да,
Недопето еще столько песен,
Утопиться успеем всегда.

Шли в обнимку обое от моря,
Целовались, как дети, взасос.
– Будьте счастливы, Песя и Боря! —
Поздравлял их одесский Привоз.

И забыли они за диеты,
За виагры и всех докторов.
Их любовь воспевают поэты
Из соседних и дальних дворов.

Если ночью услышите стоны,

Не спешите скандал поднимать.
Там не мочит никто Дездемону,
Это Песина стонет кровать.

Ну так выпьем, чтоб было у Бори,
Чтобы Песя пекла пироги,
Чтоб мы были здоровы, а в море
Чтоб топились наши враги!

Феликс Кривин
(Израиль)

Серые

Они сидели в кустах, где до них сидели многие, и серый по фамилии Волк говорил серому по фамилии Заяц:

– Я к тебе, серый, всей душой, а ты ко мне? Душа у тебя хорошая, только она ко мне почему-то не нараспашку.

Серый по фамилии Заяц продрожал что-то непонятное, простучал зубами, как в прежние времена. Тогда он только и делал, что дрожал и стучал, дрожал и стучал.

– Серый должен помогать серому, – наставлял его старый товарищ. – Если все серые дружно возьмутся...

– За кого возьмутся? – обомлел Заяц и прижал уши, готовясь куда-нибудь сигануть.

– Сиди, сиди. Позовем Осла серого. Он у нас голова. В наше время я с ним встречался по работе. Это я сейчас по кустам штаны протираю, а тогда, бывало, все от меня по кустам.

– Хорошо сидим, – нейтрально прошептал Заяц, уводя разговор от этого страшного времени.

– Нас много, серых, – разговорился Волк. – Нас только не видно, потому что мы все по кустам. А если мы объединимся, если дружно навалимся...

Эх, кусты, кусты, какие в вас разговоры! Не то что где-нибудь на лужку. Скажешь слово – и зажмуришься перед тем, как второе сказать. А второе скажешь – все вокруг сидят зажмуренные, только один какой-нибудь, самый отчаянный, глазиком хлоп-хлоп, чтоб чего-то не пропустить с перепугу.

Серый по фамилии Волк рисовал батальную картину. Как они объединятся и единым строем, единым броском – из кустов! Все как один – из кустов! Но серый по фамилии Заяц уже ничего не слышал. Он лежал, судорожно дергая лапками, словно пытаюсь удержать свою душу, которая отлетала неизвестно куда. Такая хорошая душа, не нараспашку, но тоже

хорошая... Было жаль, чтоб она отлетала, и он все дергал лапками, пытаясь ее удержать, а она все отлетала и отлетала...

– Хорошо сидим, – сказал отлетающий Заяц.

Сказка о мальчике и его бабушке, о девушке, которая выдает посылки, о почтальоне и начальнице почты, о работниках железнодорожной станции, транзитных пассажирах, а особенно о нашей brave милиции, которая нам всех преступников переловит

Один маленький мальчик надумал послать бабушке фотографию. Но фотографии у него не было, и он послал бабушке зеркальце со своим изображением – кстати, очень удачным.

Посмотрела бабушка на изображение – что-то, думает, тут не то. Какой же это внучек? Внучек у нее мальчик, а здесь девочка, причем далеко не первой молодости. Наверно, фотографию подменили на почте.

Пошла на почту. Что ж это, говорит, вы мне принесли? Я ожидаю мальчика, а здесь какая-то старая баба.

Девушка, которая выдает посылки, глянула в зеркальце и обиделась. Какая ж это старая баба? Это барышня, причем весьма приятной наружности.

Позвали старика почтальона. Ты что это носишь по квартирам? Тебе дали мальчика, а ты кого принес?

Посмотрел почтальон – так это же мальчик! Правда, уже в возрасте и с усами, но пусть кто-то скажет, что это девочка.

На шум явилась заведующая почтой. Она бы, конечно, сказала, что девочка, но глянула, а там один нос. Лицо у заведующей было рассчитано на трюмо, расположенное горизонтально, а тут всего лишь карманное зеркальце. Нос – и тот еле поместился.

Пошли на станцию, куда фотографию привезли на поезде. Сбежалась вся станция, плюс транзитные пассажиры. Все рассматривают фотографию, одни говорят – мальчик, другие – девочка, но каждый восклицает: какое впечатляющее, незабываемое лицо!

Кончилось тем, что всех забрали в милицию, для выяснения, как и чего. Милиция смотрит – и ничего не понимает. Тебе нужен мальчик, бабуля? Так вот же он! Да еще какой боевой! Он тебе переловит всех преступников!

Идет бабушка домой и плачет. Вот такая у нас, плачет, милиция. Такая, плачет, почта, такая железная дорога. Да это же все одна бражка, одна шайка-лейка, шатия-братия, организованная преступность. У всех рыльца в пушку.

Пришла домой, вынула из конверта своего мальчика, а там опять старая баба...

Сказка о вилке по имени Ложка

Жила-была вилка по имени Ложка.

Быть может, судьба засмотрелась в окошко,

Быть может, она заглянула в бутылку,

Когда вместо ложки состряпала вилку.

И так это вышло нелепо и глупо,

Что бедная вилка не может без супа,
На щи и борщи проглядела гляделки,
Ночуя и днюя в глубокой тарелке.

И все ж постепенно, от супа к окрошке,
Освоила вилка профессию ложки.
Трудилась на совесть. Одно неприятно —
Что все из нее выливалось обратно.

И тут разыгрались вокруг аппетита:
Да что ж это, братцы? Едим, а не сыты!
И даже, стремясь накалить обстановку,
Один аппетит объявил голодовку.

Такая вот вилка по имени Ложка.
Из ложки такой не накормишь и кошку.
На эту бы ложку накалывать мясо,
Была б она вилоккой высокого класса.

Она даже внешне похожа на вилку.
Но просто судьба заглянула в бутылку,
А может, она замечталась немножко,
Когда создавала несчастную ложку.

Но – ложка не ложка, а все же при деле.
Она от работы уже на пределе.
А если покуда не все еще сыты,
То, братцы, умерьте свои аппетиты!

А время беспечно бежит по дорожке
И черпает годы не вилоккой, а ложкой,
И черпает счастье не ложкой, а вилоккой...
Ну просто не может судьба без бутылки!

Рис. Л. Левицкого

**Юрий Макаров
(США)**

Это сладкое слово обида

Когда я звоню моему приятелю Фиме, первое, что он мне говорит: «Ну что ж ты никогда не позвонишь?» Это вместо здарсьте. Фима не сумасшедший. Просто он соблюдает эмигрантский этикет.

На знамени нашей эмиграции начертано одно гордое слово: «Обида».

Именно одно.

Именно гордое.

И именно «Обида».

Это чувство никакого отношения не имеет к тому, что в словарях толкуют как «несправедливо причиненное огорчение». Какое к черту огорчение! Упоение обидой. Всепобеждающая мощь поджатых губ. Веселое сверканье оскорбленных глаз. Обида, будоражащая кровь и побуждающая к действию.

В этой обиде нет ничего от унылого хныканья. Это захватывающая игра, в которой побеждает лишь тот, кто досконально владеет искусством быть обиженным. Вернее, тончайшим из искусств стать обиженным, то есть объявить себя обиженным раньше, чем это сделает партнер.

Разумеется, это высокое искусство не на чужой земле родилось. Оно было впитано с молоком матери и желчью отца, взлелеяно на родине и вывезено за океан непосредственно в крови, в виде ма-а-леньких таких пузырьков, затаившихся где-то между красными и белыми кровяными тельцами. Этот вирус до поры до времени дремлет в венах, чтобы однажды вырваться на простор и показать окружающим кузькину мать.

Да, быть обиженным бывало модно и до эмиграции. И многие были признанными

мастерами этого дела. Моя теща Сима, например, пребывала в постоянном состязании, кто на кого первым обидится, со своей родной и любимой сестрой Раей. Правду говоря, их игра в обиду особым разнообразием не отличалась и даже была нудноватой для окружающих, но сами участницы удовольствие получали несказанное.

Они умели обижаться друг на друга в любой ситуации, даже без свидетелей, один на один, но, конечно, предпочитали публичные выступления.

Количество родственников, сослуживцев и знакомых с обеих сторон, непрерывно отмечающих знаменательные события, позволяло сестрам выступать на людях не менее раза в неделю.

Конечно, обижаться эффективнее всего было госте. Сами понимаете, тут тебе и уход с хлопаньем дверью, и знаменитое: «Чтоб моей ноги в этом доме!..», и победный клич: «Фима (Сема), что же ты сидишь?!» Но, как и в любом другом чемпионате, количество игр на чужом поле соответствовало количеству выступлений на своем. И ровно через неделю, на очередных именинах, проигравшая дома имела все шансы отыграться в гостях и так обидеться на всю жизнь, что хватало на целую неделю.

На что обижались сестры? Так я вам и сказал... Как будто можно запомнить причину... Ну хорошо, вот вам одна.

Сима в гостях у Раи. Рая подает на стол свой коронный «наполеон». Гости волнуются, они знают, что Раин «наполеон» – это что-то с чем-то. Сима сидит настороженно: уже десерт, уже конец вечера, а повода все нет! Кто-то из гостей, просто чтобы скрыть глотание слюны, просто чтобы шевелить ртом якобы для дела, задает вопрос хозяйке:

– А что, Раечка, наполеончик сегодня сладкий?

– Сладкий, Ромочка, сладкий, – кремовым голосом отвечает Рая, нарезая торт. – Слава Богу, чуть-чуть не подгорел...

На этих ничего не значащих словах Сима внутренне делает стойку борзой, услышавшей хруст ветки под заячьей лапой.

А Рая, выдавив ножом из торта очередной заварной бурунчик, заканчивает еще более ничего не значащими словами:

– ...Но чуть-чуть ведь не считается, правда, Симца? Чуть-чуть... не считается...

Всё! Курок нажат, спичка зажжена, веревка лопнула! То, что для вас невинное бормотанье, для Симы... Это ее сейчас нарезают ломтями тупым ножом! Это ее вишневую кровь разливают по стаканам вместо компота. Это у Раи *чуть-чуть* не подгорел, это у Раи *не считается*, а у Симы на прошлой неделе таки да сгорел именинный торт прямо перед приходом гостей! Сгорел до углей, так что пришлось срочно посылать Фиму в ресторан «Море» за позорными покупными пирожными. Чуть-чуть не считается? Считается! Впрочем, пылающая от восторга обиды Сима уже в дверях:

– Фима, что же ты сидишь? Ты что, не слышишь, *о чем* тут говорят?!

Дверь бабахает, едва удержавшись в косяке. Гости хором вздрагивают, привычно фиксируют доносящееся с лестницы: «Чтобы ноги моей в этом доме!..» – и, облегченно вздохнув, тянутся к «наполеону».

Рая, как бы извиняясь перед гостями, разводит руками, при этом роняя с ножа на лысину Семы густую сладкую каплю, и говорит с искренней любовью:

– Ну? Как вам нравится эта самашедшая?...

Вот такие бывали поводы. Но все это детский лепет по сравнению с эволюцией искусства обиды в условиях эмиграции. Поверьте мне, настоящая еврейская обида рождается

все же в неволе. Я имею в виду – на свободе чужбины.

...Когда мы с женой впервые прилетели в Нью-Йорк, в аэропорту Кеннеди нас встречали близкие друзья. В разные годы мы их провожали в эмиграцию – кого из Одессы, кого из Москвы, провожали, казалось, навсегда, – и вот, надо же, они и мы опять все вместе, как ни в чем не бывало, неразлейвода, дружба навеки, ура.

Веселой гурьбой, взаимно перемазавшись губной помадой наших дам, мы поднялись на автостоянку на крыше терминала и расселись по машинам. Мы с женой естественным образом попали в машину именно той пары, которая нас официально пригласила в гости в Америку и у которой, как у хозяев, мы поселялись на недельку. Растроганные встречей, мы вертели головами, глядя через стекла, как наши остальные друзья рассаживаются по своим отдельным американским машинам, при ночном освещении и легком возбуждении казавшимся шикарными. Хлопнула последняя дверца, и наша кавалькада двинулась к первому в моей жизни американскому хайвею. «Вот и замечательно, – приговаривали хором наши друзья-хозяева, – стол уже накрыт, сейчас приедем, нальем, поговорим!..»

Через сорок минут мы подъехали к симпатичному двухэтажному домику. И уже осмотрев дом, восхитившись подвалом, узнав основные английские слова: «моргидж», «бэйсмент», «иншуренц» и будучи почти укушенным японским пекинесом, я очнулся и выглянул в окно. Никакая кавалькада из аэропорта не прибыла, машина наших хозяев одиноко насупилась под навесом. Наши ближайшие друзья не приехали к своим ближайшим друзьям, чтобы отметить приезд их ближайших друзей. «А где же... все?» – попытался спросить я, но тут прибыла хозяйка и потребовала идти немедленно в «ливинг».

Надо признать, что стол был действительно накрыт по-людски, и налить налили, и даже гости были. Три пары незнакомых нам людей, с которыми у нас не было ничего общего, принялись активно, наперебой расспрашивать нас о том, как именно плохо сейчас живет в России. И, не дожидаясь наших ответов, рассказывать, как именно замечательно им живет в Америке. Отчаянно захотелось соврать что-нибудь хорошее о российской жизни, но то ли от усталости, то ли от отсутствия фактажа пришлось напиться...

А наутро я узнал, что остальные наши друзья не приехали в этот дом потому, что они все уже давным-давно друг с другом даже не разговаривают. И то, что они собрались вчера вечером на территории одного аэропорта, это вообще подвиг с их стороны.

– Понимаешь, – шептала жена, – они тут все друг на друга обижены. Они мне вчера даже говорили, кто на кого и за что, но я ничего не поняла...

– Идиотизм! – возмутился я. – Что же нам, со всеми теперь по отдельности встречаться? С ума посходили в этой Америке...

– Ты не понял, – жена постучала меня пальцем по лбу. – Никто с тобой не собирается встречаться. Они на нас с тобой уже тоже обиделись.

– На нас? Когда? За что?!

– За то, что мы из аэропорта поехали к Лиле с Борей...

– А куда же нам было ехать? Мы же здесь... Они же... Мы же думали... Что мы должны были делать, черт подери?!

– Не знаю, – вздохнула жена. – Наверное, не надо было нам сюда ехать...

...Это только тот, кто Богом обижен, считается в народе дураком. А тот, кто сам умеет ловко обидеться, обычно чувствует себя куда умнее остальных. С годами я стал привыкать, что чувство обиды – это неотъемлемая часть внутреннего мира эмигранта. Обида – это его достоинство. И его гордость. Даже если вам уж совсем нечем гордиться, в кармане всегда

есть возможность обиды. «Я с ней не разговариваю!»... «Мы к ним не ходим!»... «Нет, если там будут Канецкие, мы туда ни ногой!»... О, муки эмигранта, приглашающего родственников и друзей, к примеру, на свой юбилей! Самая грандиозная и невыносимая задача – рассадить гостей. Из ближайших друг к другу любезнейших ста двадцати персон ни одна персона с другой рядом не сядет. Вот вам проект успешного русского ресторана: двести столов, каждый на одного человека, все столы отделены друг от друга бронированными перегородками. Вот где хорошо и безопасно собраться большой дружной семьей...

Из полной удивительных историй народной антологии эмигрантской обиды меня восхищают многие примеры. Мать, не разговаривающая с дочерью за то, что та не добавляет тертые помидоры в икру из баклажанов... Партнер, обидевшийся на партнера за то, что тот, отдыхая в Лас-Вегасе, выиграл в рулетку двести долларов... Друзья детства, обидевшиеся на своих друзей детства за то, что у тех в доме в 94-м году обедал Жванецкий... И так далее.

Но особенно я люблю историю экскурсовода, который насмерть обиделся на всю сопровождаемую им же группу туристов. Надеюсь, полюбите эту историю и вы.

Итак, русскоговорящий экскурсовод, назовем его Абрам Вареник, повез группу русскоговорящих же туристов из Нью-Йорка, скажем, во французскую Канаду. (Для тех читателей, кто думает, что я специально придумал смешное сочетание имени и фамилии героя этого рассказа, вынужден сообщить, что ничего такого смешного у меня получиться не могло, потому что настоящее имя экскурсовода Давид Суп.)

Надо сказать, что Вареник был хорошим экскурсоводом, а может, даже и лучшим из лучших. Во всяком случае, он был человеком образованным и не мог себе позволить отправиться на экскурсию, не зная о ней буквально ни бельмеса, как это делали все остальные его коллеги. Что-то Абрам знал в силу своего ума и высшего образования, что-то черпал из туристических проспектов накануне тура. Как культурный человек он просто не мог иначе. Как ни странно, именно культура и подвела.

Экскурсовод Вареник был культурным человеком.

Его экскурсанты – нет.

В принципе, в любой экскурсии русскоговорящих туристов интересовали только две вещи: входит ли в ее стоимость питание и как захватить передние места в автобусе. И больше ничего. Ни чем отличался Ван Гог от Гогена. Ни в каком году индейцы продали Манхэттен. Ни сколько синих полос на американском флаге. Ни-че-го.

«Эта экскурсия с питанием?» – спрашивали туристы и, не слушая ответа, расталкивали друг друга локтями и коленками, штурмуя автобус, чтобы занять переднее сиденье раньше тех, кто имел на него билеты.

Это очень расстраивало Абрама. Не только жадность русскоговорящих туристов к питанию и передним местам. Вообще: отсутствие культуры.

Абрам Вареник был настоящий российский интеллигент и поэтому любил свой народ. Но случилось так, что впервые в жизни он столкнулся со своим народом только в Америке. В прежней жизни Абрам был не гидом, а инженером в проектно-институте, и общался соответственно с людьми своего уровня. Жил Абрам на улице Щепкина, а народ в основном проживал на Привозной. По выходным, пока народ бесновался на стадионе, Абрам отсиживался в филармонии. Разумеется, и на родине Абрам мог случайно встретиться в одном автобусе со своими будущими туристами. Но тогда ему вовсе не нужно было с ними общаться, зарабатывая на хлеб, и из того автобуса можно было легко сойти на любой остановке... Здесь же он должен был терпеть их рядом целый день, а иногда даже и два.

Говорить с ними. Отвечать на их вопросы. Мирить их в борьбе за питание и передние места. О ужас, расселять их в гостинице...

И поэтому иногда Абрам Вареник не сдерживался.

– Надо быть помягче, Абрам, – говорил ему после очередной жалобы бывший комсомольский работник, позже беглый новый русский, а теперь хозяин турагентства Флоткин. – Все ж таки это люди.

– Нет, – тихо отвечал Абрам.

– Что нет? – удивлялся Флоткин.

– Не люди.

Начальство Вареника прощало и снова отправляло в очередную поездку, потому что он все равно был лучшим гидом.

Поездка во французскую Канаду была последней каплей.

Абрам и сам почувствовал неладное, когда еще при посадке в автобус, сразу после битвы за переднее сиденье и вопросов о питании, выяснилось, что агентство продало на один билет больше, чем следовало. А поэтому лишний турист – огромная неопрятная дама в мохеровом берете должна была занять место непосредственно рядом с гидом, на его сиденье. Было еще свободное место в конце автобуса, но от него дама с гневом отказалась. Обычно гид располагался на двойном сиденье один, вместе со своим микрофоном и вспомогательными брошюрами, а в этот раз Абрам (к счастью, мужчина небогатырских размеров) был вынужден примоститься в оставшемся от мохеровой дамы уголке.

То есть экскурсия сразу пошла как-то наперекосяк. Они еще не доехали до французской Канады и вообще до какой-либо Канады, Абрам еще не окончил свой предварительный рассказ о поэзии провинции Квебек, когда дама в берете вынула из своей сумки толстый целлофановый пакет, набитый бутербродами с домашними котлетами, и стала их есть. Луково-чесночный заряд ударил гордого Вареника прямо в его культурное сердце.

– Прекратите немедленно, – сказал он даме. – Вы здесь не одни. Полчаса назад у нас был ланч. Как вам не стыдно устраивать такую вонь!

– Шо? – крикнула дама, но вовсе не подавилась. – Он меня еще будет учить? Када хочу, тада ем! Фры кантры!

Этот ее переход на английский, видимо, окончательно сбил Вареника с рельсов.

– Да, буду учить, – прошипел Абрам мхатовским шепотом, поражающим до шестнадцатого ряда. – Буду тебя учить, дрянь, если тебя до сих пор никто не научил быть человеком!

Он попытался вырвать у дамы пакет с бутербродами, но та, более опытная в боевой жизни, изловчилась и прижала еду к груди, одновременно двинув Абрама по щиколотке острым носком туфли.

Тогда Абрам вскочил и, стоя почти на одной ноге, обратился ко всему автобусу.

– Слушайте, вы, – сказал он срывающимся голосом человека, готового на все. – Я понимаю, что лучше обращаться к стенке. Но я заявляю вам в первый и последний раз: если это животное, – он указал перстом на мохеровую даму, все еще давящую котлеты о грудь, – если это животное сейчас же не выбросит в окно ту дрянь, которую она протащила в автобус и собирается здесь жрать, отравляя атмосферу... Не в окно, конечно, а вот в это мусорное ведро с крышкой... Если она немедленно не сделает этого, я умываю руки. Больше вы от меня не услышите ни слова! Понятно вам?

Туристам было непонятно, поэтому один из них, заспанный мужчина с проволочными

кустами рыжих волос в ноздрях, спросил:

– У тебя что, псих, крыша поехала? Тоже мне, напугал! Ну и заткни поддувало! Очень нам надо слушать твою трескотню... Люди тут отдыхают, а не это самое! Не в Союзе, блин... Кушайте, женщина...

И автобус радостно заржал.

– Ах, так! – крикнул Абрам врагам культуры. – Тогда получайте, мерзавцы! Отдыхайте как знаете!

На этих словах он воткнул свой микрофон в ту часть мохеровой дамы, где к груди был прижат сверток с бутербродами, быстрыми шажками рванул по проходу в самый конец автобуса и уселся на пустом последнем сиденье.

С этой минуты экскурсия во французскую Канаду проходила практически без гида.

Сначала это туристам даже нравилось, но потом они слегка заскучили.

– Это что за город?... – спрашивали туристы, вглядываясь в окошки.

– А не знаю, – равнодушно отвечал Абрам с последнего сиденья.

– А сколько еще ехать?...

– А не скажу.

– Нам бы в туалет...

– А мне наплевать!

– А мы будем жаловаться!

– Ха-ха!

Водитель привычно делал остановки в достопримечательных местах, русскоговорящие туристы выходили из автобуса и неприкаянно топтались, пялясь на непонятные соборы с памятниками. Некоторые, наиболее ушлые, пытались поначалу прибиться к чужим группам, но быстро поняли, что во французской Канаде гиды говорят даже не на английском, а вообще черт его знает на чем, и прекратили дергаться.

– Слышь, мужик, – просили они Абрама, – кончай бочку катить, скажи хоть, на каком языке они говорят в этой своей французской Канаде?

– А понятия не имею! – отвечал обиженный гид.

Лишь однажды за всю экскурсию он позволил себе более пространный комментарий. Группа застряла в музее возле огромной картины на потустороннюю тему. На картине многочисленные грешники готовились к наказанию в аду.

– Что, интересно? – весело спросил Абрам у своих туристов. – Знаете, кто тут изображен? Вы все, вот кто!

Группа в ужасе отшатнулась. А Абрам продолжал:

– Вот этого, без лба, узнали? Да вот же он среди вас, неандерталец, – и Абрам ткнул пальцем в сторону мужчины с кустами в ноздрях. – А вот этот урод – это вы, уважаемый, такое же хамло!.. А вот и наша супружеская парочка, места девять и десять, узнаете?... А вот эти трое – вы, вы и вы, мадам. Такая же жирная свинья и такой же безмозглый взгляд!..

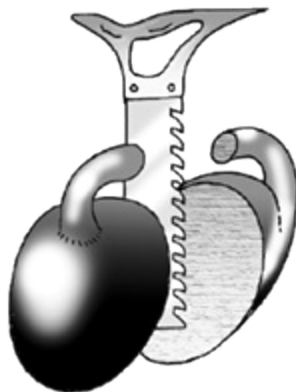
Туристы не догнали Абрама только потому, что тот знал в этом музее все ходы и выходы. Домой он вернулся на попутном автобусе из другого агентства.

– Знаешь, Абрам, ты меня очень обидел, – сказал ему хозяин турагентства Флоткин, которого жалобщики приходили бить. – Так что не приходи сюда больше.

– Ну и черт с тобой! – ответил бывший лучший гид.

Так обиделись друг на друга еще два эмигранта. Хотя Флоткин в данном случае был в явном выигрыше – он обиделся раньше.

Поэтому, когда звонит мой приятель Фима, я снимаю трубку и, не давая ему опомниться, спрашиваю первым: «Ну что ж ты никогда не позвонишь?» Это вместо здарсьте.

Александр Мусти

История. Краткий курс

Из цикла «Имена существительные»

Депутат, буржуй, бедняк,
Забастовка, лозунг, флаг,
Митинг, контра, мироед,
Революция, декрет.

Шашка, конница, обрез,
Красный, белый, вошь, ликбез,
Спекуляция, погром,
Пайка, вобла, вождь, нарком.

Мавзолей, троцкист, кулак,
Приговор, этап, барак,
Темп, стахановец, зэка,
Кадры, камера, чека.

Пятилетка, знамя, рост,
Норма, домна, тачка, пост,
Смычка, фракция, центрист,
Чистка, план, оппортунист.

Оккупация, штрафбат,
Плен, налет, прорыв, захват,
Танк, граната, командир,
Кремль, парад, победа, мир.

Мощь, разруха, стройка, вклад,

Сев, макуха, сталь, прокат,
Культ, репрессии, тиран,
Съезд, доклад, народ, обман.

Правда, оттепель, колхоз,
Старт, ракета, совнархоз,
Кукуруза, коммунизм,
Лысина, волюнтаризм.

Дисциплина, диссидент,
Партактив, эксперимент,
Награждение, успех,
Поцелуи, брови, смех.

Пленум, речь, апрель, накал,
Марш, протест, союз, развал,
Перестройка, экстремизм,
Рэкет, гласность, плюрализм.

Доллар, акция, бюджет,
Голодовка, бомж, пикет,
Забастовка, лозунг, флаг,
Депутат, буржуй, бедняк...

Каламбуры любви

Оправдание

Напрасно ты ревнуешь, бедная!
На самом деле все не так:
За женщинами я не бегаю —
Я просто ускоряю шаг.

Откровение

Врубился я не сразу,
Когда на склоне дня
Произнесла ты фразу,
Сразившую меня:
– Был день сегодня чудный,
С ним так расстаться трудно!

Пожалуй, я не прочь
С ним провести и ночь...

Нетерпение

Вот наконец они соединились,
И, торопясь, он обратился к ней:
– Вы, милая, сегодня мне приснились.
Я вас люблю! Скорей, скорей, скорей!
Я вас люблю! Надеюсь, что взаимно.
Нам каждая секунда дорога!
Уж год в мобильной связи состоим мы,
А это очень дорого пока...

Взаимопонимание

Проводим отпуск врозь и все раздельно празднуем,
Спим в разных комнатах, обедаем кто как
И даже сериалы смотрим разные —
Все, словом, делаем, чтоб сохранить наш брак.

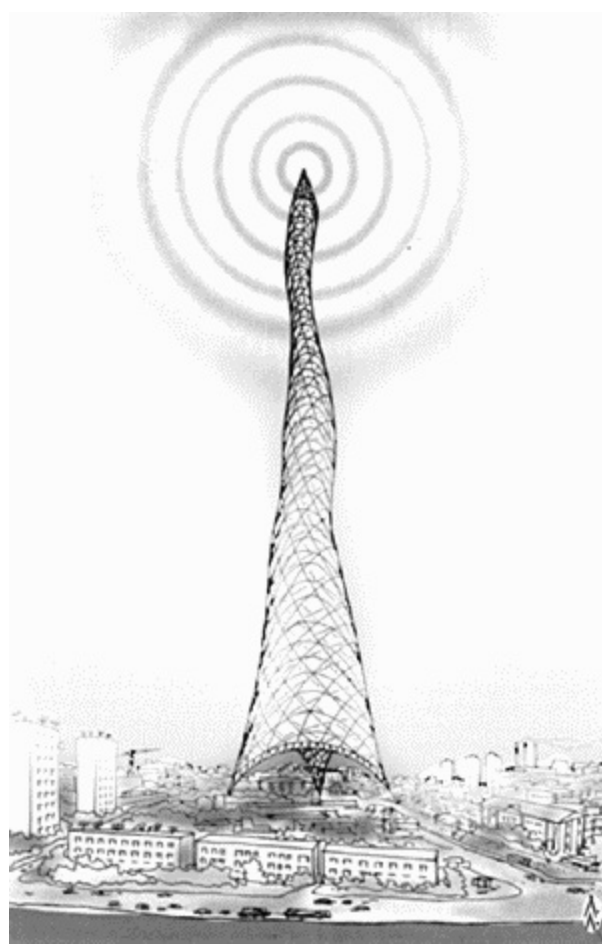

Рис. Л. Левицкого

**Семен Лившин
(США)
Дама с собачкой Баскервилей**

Пародия на дамский детектив

Сыщик-любитель Нюра Вульф, то есть я, с утра только и успела, что раскрыть полтора преступления да написать детектив. Вдруг зазвонил телефон. Я сразу узнала Алексея Степановича Ягодкина, старшего оперуполномоченного по особо мокрым делам. В душе он оставался все тем же романтичным Лешей, которого я помню еще со школьной скамьи подсудимых. Надевая бандитам наручники, Ягодкин по-прежнему краснел от смущения. А если порой ему случалось застрелить в день трех-четырех правонарушителей, он никак не мог заснуть, пока полковник Травушкин, которого все – и подчиненные, и уголовники – звали просто «Дядя Ваня», не почитает ему на ночь «Незнайку в Солнечном городе».

Но сейчас в голосе лейтенанта Ягодкина звучал металл:

– Выручай, Нюра! Надо внедриться в банду Шпока. Там ищут гувернантку для собаки. Адрес: Большая Инвесторская, дом шесть.

Так-так, это, кажется, бывшая Стахановская. Набросив первую попавшуюся шубку из шиниллы и антикварные кирзовые сапоги, чтобы выглядеть настоящей прислугой, я

выскочила на улицу. По небу плыли изящные, чуть присобранные в талии облачка, – видать, от Юдашкина.

Я быстро нашла роскошный особняк со скромной табличкой «Тимофей Шпок, заслуженный киллер республики». Над входом висел лозунг «Народ и мафия едины!»

Шпок оказался представительным мужчиной в безукоризненном смокинге и безупречном бронежилете. Глядя на меня своими пронзительными глазами, он учтиво спросил:

– Имеете ли вы опыт общения с животными?

– Еще какой! – затараторила я. – Первый муж был скотина, второй – козел, третий...

– А как насчет английского? – перебил он. – Наша Леди ведет род от знаменитой собаки Баскервилей, и по-русски она пока ни бум-бум.

– Перед вами автор русско-собачьего разговорника! – вдохновенно соврала я.

Хозяин достал пачку долларов толщиной с мой роман «Кровавая канарейка».

– Дам вдвое больше, если присмотрите и за сукой, и за ее хозяйкой. Ясно?

Не помня себя от радости, я выскочила из офиса и плюхнулась в свой дряхлый «Запорожец». Все, завтра же куплю новый, с тонированными стеклами! Вдруг рядом я заметила незнакомого мужчину.

– Вам куда? – вежливо спросила я.

– В морг, – ответил он и упал. В спине у него торчал кинжал.

«Кстати, давно бы уже пора поточить кухонные ножи», – подумала я и побежала звонить Ягодкину.

– Ладушки, – ответил он, – сейчас пришлю экспертика к трупику. Какой он из себя?

– Мужик как мужик... молчун такой. Одет, правда, странно: носки красные, рубашка зеленая, галстук желтый. Я б своего мужа за такое убила!

– Мы проверим и эту версию, – сказал Леша. – Спасибо, Нюлочка!

От его слов я покраснела до кончиков сапог и помчалась домой к Шпоку. Его жена Лора, дамочка с порочными глазами и ушами, пожаловалась на капризы заморской собаки:

– Купишь ей дешевую игрушку – она с ней играть не хочет. Купишь дорогую – тут же всю сгрызет. Что делать, ума не приложу...

– А вы не показывайте собачке чек на игрушку, – посоветовала я.

– Отпад! – вульгарно всплеснула руками Лора. – Айда знакомиться с псиной.

Я увидела крохотную болонку с жалобными глазами и удивилась: ведь у Конан Дойля был описан огромный пес, способный загрызть человека.

– Да за те бешеные бабки, что нам обошлась эта тварь, я сама кого хошь загрызу! – прорычала хозяйка. – Не жрет ничего, оттого и стала такая мелкая. А мы уж ее кормили и парной телятинкой, и диетическим грогом, и яйцами Фаберже всмятку...

Поначалу Леди не шла на контакт. Но я славлюсь своим умением разговорить любого. Помню, как-то я так долго спрашивала одного глухонемого, который час, что в конце концов он не выдержал и заорал: «Я, я поджег склад – только отвяжись!!!» Сейчас мне мешало присутствие хозяйки. Тут ей позвонили, и Лора стала кокетничать с художником Сморчковым.

Я включила магнитофон, вмонтированный в носовой платок. Потом сказала Леди: «Гив ми лапу, плиз!» – и положила ей овсянки. Она вмиг слизала ее и, обливаясь горячими слюнями, языком жестов поведала мне свою историю. Лучик сочувствия зажегся в моем сердце.

Когда скромная болонка приехала в Москву из английской глубинки, Лора тут же нацепила ей трусы от Труссарди, роскошный «Роллекс» и повезла сватать к крутому бульдогу из Киева. Но тот позволил себе столь бесцеремонное обращение с гостьей, что в Леди выиграли ее баскервильские гены, и она мигом откусила наглецу лапу с перстнями. С тех пор ее держат взаперти, на платиновой цепи. «Если бы нашлась какая-нибудь чуткая родственная душа...» – жалобно скулила Леди. Я вспомнила о Лешином Шарике. Он копия хозяина, только у Леши уши не купированы. Но приживется ли простая дворняга в доме, где все кишит снобизмом?

От Ордынки до Стромьинки мела поземка. Любуясь снежинками, изящными, как звездочки на Лешиных погонах, я пыталась собрать все факты воедино. Собака Баскервилей. Труп в машине. В огороде бузина. В Киеве шавка. Кто стоит за всем этим? Но дома Кешка, мой младший сын, а может, и внук, потребовал сказку о Белоснежке и семерых гномах. Выслушав ее, он спросил:

– Слушай, а бывают гномосексуалисты?

Зазвонил телефон.

– Леди пропала! – визжала в трубку Лора.

Не желая связываться с этой истеричкой, я побежала прямо к Шпоку. Его кабинет был пуст. На полках виднелись мемуары «Ни дня без кистеня», поваренная книга «100 блюд из цианистого калия», учебник «Феня для «чайников». У камина стояло чучело медведя с дырочкой в правом боку.

– Это был мой дипломный выстрел, – неожиданно раздался голос Шпока.

Я вздрогнула. А он продолжал как ни в чем не бывало:

– Приехал я в Первопрестольную учиться на дилера, но недобрал баллы и попал на киллерское отделение. Представьте себе, не жалею. Знаю, кое у кого сложилось негативное отношение к нашей профессии: мол, западная мода. Между тем разбой – старинное русское ремесло. Помните, у Лермонтова: «Выхожу с братвой я на дорогу»? Это ведь о моем прапрадеде Ваньке-Каине, знаменитом ушкуйнике. Он отбирал деньги у богатых и раздавал их бедным, то есть коллегам по шайке. Если вдуматься, киллер – это же санитар общества.

Я слушала его, поддавшись очарованию бархатного баритона. Но почему всемогущий Шпок так откровенен со мной? Видно, ему, как и бедняжке Леди, не с кем поговорить по душам.

Однако пора было переходить к делу. Начала с его жены. Я высморкалась в магнитофон – пошла сделанная мною запись. «Стасик, милый! – сюсюкала Лора. – Приезжай поскорее, мой придурок на работе!» Мужской голос визгливо ответил: «Ладно, Лорусик».

– Опять этот мазилка Сморчков... – помрачнел Тимофей Иванович. – До того запарился со срочными заказами, все руки не доходят его проучить.

– Давайте я попробую! – неожиданно вырвалось у меня.

Шпок расхохотался:

– Да эта бестия вас так уроет!

Но во мне проснулся азарт сыщика-любителя. Не зря же родители назвали меня в честь знаменитого детектива Ниро Вульфа! Я заскочила домой, чтобы подготовиться к решающему randevu. Дети тут же обступили меня с просьбами дать им поесть, купить ботинки, решить задачи. Откуда в нынешнем поколении столько прагматизма?!

– Мама, тебе кто-то лаял по телефону, – вдруг вспомнил Кешка.

Господи! Трясущимися руками я набрала записанный им номер. Из сбивчивого тьяканья

Леди я поняла, что ее взяли заложницей. Оказывается, прежний хозяин завещал любимой собаке миллион фунтов стерлингов, престижное Стаффордширское болото и титул герцогини. А Лора инсценировала похищение, чтобы бежать с Леди и своим любовником Сморчковым в Англию. Ну, погодите!

Я позвонила Лоре на мобильник и, старательно коверкая слова, сладко пропела:

– Это есть герцогиня Шпок? Срочно приехать в английское посольство за квитанция оф дворец. С собой иметь трудовая книжка, три фото без короны и ваш собачонка.

– О-о!.. – проблеяла дуреха. – Я есть мчаться к вам!

Теперь – Сморчков. Нужен небольшой маскарад. Я надела пальто задом наперед и сунула контактные линзы за обе щеки, но художник все равно меня узнал.

– У меня алиби, – хладнокровно заявил он. – Во время похищения собаки я участвовал в отчетной оргии московской богемы. Вот справка оргкомитета.

Пока я разглядывала документ, меня ударили по голове чем-то тяжелым. «Ох, плакала моя прическа, сделанная в салоне «Фея Плюс!»» – успела подумать я, прежде чем изящно плюхнуться в снег. Очнувшись, я поняла: надо немедленно предупредить Шпока! Однако пока я доковыляла до его особняка, Сморчков успел влить в ухо спящему хозяину отравленные щи. Он отшвырнул меня в угол и занес над несчастным кинжал. Но тут чучело медведя вскричало голосом полковника Травушкина:

– Ни с места! Все арестованы!

Сморчков кинулся наутек, но полковник произвел предупредительный выстрел ему в голову. За окном радостно завывали милицейские сирены. Вбежал Алеша с Лорой наперевес. Он лихо козырнул мне и сказал:

– Нюра, как тебе идет эта шишка на макушке!

Вдруг на наших руках защелкнулись стальные браслеты.

– Именем Российской Федерации, – сурово сказал полковник, – объявляю вас суженым и суженой.

– Горько! – отозвался Тимофей Шпок, выплевывая отравленные щи.

Эпилог

И вот я вновь сижу на своей уютной творческой кухоньке, дописывая роман о моих приключениях сыщика-любителя. (Кстати, на днях мне досрочно присвоили звание «старший дилетант».) Леди, моя первая читательница, преданно заглядывает мне в глаза. Бедняжка хлебнула лиха. Чтобы тайно выехать в Англию, на историческую родину своей собаки, Лора подвергла ее пластической операции, превратив в козу. Но Шарик не бросил подругу в беде. Сейчас у них уже семеро козлят.

Суд учел чистосердечное раскаяние Шпока, а также то, что он добровольно передал свою богатейшую коллекцию оружия и ядов подшефному детскому дому. Тимофей был условно осужден по статье «Изнасилование в пределах необходимой обороны».

Что касается Лоры и трупа в красных носках, то с ними мы еще встретимся на страницах моих новых детективов. Приятных вам ужасов, друзья!

Евгений Микунов

(Киев)

Знаете ли вы...

- ... что у двоечников дома на стене висит расписание пропуска занятий?
- ... что если хорошо потереть эбонитовую палочку, то появится Фарадей и скажет: «Слушаюсь и повинуюсь»?
- ... что начальники тюрем в дни рождения заключенных искренне желают им долгих лет?
- ... что есть грабители, которые отнимают ценности не угрожая оружием, а хвастаясь им?
- ... что йоги подкладывают на стулья канцелярские кнопки только любимым учителям?
- ... что синоптики за плохую погоду получают столько же, сколько и за хорошую?
- ... что султаны не танцуют со своими женами, а водят с ними хороводы?
- ... что с появлением машины времени можно будет многое отложить на вчера?
- ... что иногда рыба и рада бы клюнуть, но боится, что уху пересолят?
- ... что если на бескозырках пишут название военного корабля, то на тубетейках – кличку корабля пустыни?
- ... что быки часто спорят с тореадорами, на кого все-таки ходит народ?
- ... что многие клады спрятаны государством для проверки честности своих граждан?
- ... что в нашей армии отныне запрещено пользоваться биноклями, так как враг в них кажется ближе и страшнее?
- ... что использование попугаев вместо почтовых голубей существенно экономит бумагу?
- ... что у президента Путина есть дома несколько копилочек в виде олигархов?
- ... что если зонтики обычно забывают в метро, то парашюты – в самолетах?
- ... что пунктуальные люди просто балдеют, услышав начало шестого сигнала?
- ... что пони в отличие от коней не ржут, а только хихикают?

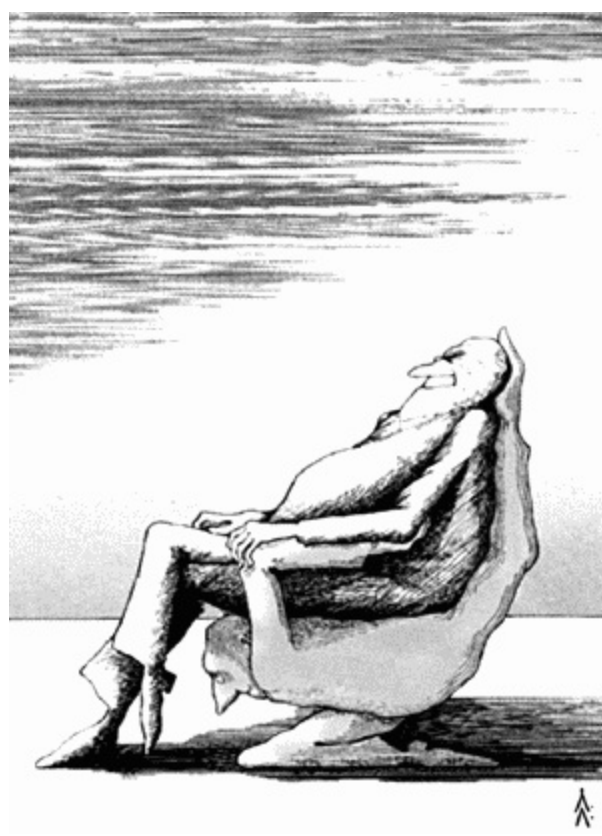

Рис. Л. Левицкого

**Игорь Иртеньев
(Москва)**

Визуальная галлюцинация

На днях в американском штате Гавайи принят закон, согласно которому врачи получили право выписывать пациентам в качестве болеутоляющего легкие наркотики типа марихуаны. Правильно. Давно пора.

Пару лет назад довелось мне оказаться на поэтическом фестивале в не менее поэтическом городе Амстердаме. В свободное от декламации время я знакомился с местными достопримечательностями, а в качестве гида ко мне был приставлен аспирант факультета славистики, милый молодой человек по имени, кажется, Ян. То, что в Амстердаме можно легально приобрести легкие наркотики, известно и ребенку. Согласитесь, глупо было бы не воспользоваться этим демократическим завоеванием. Тем более что собственный мой опыт сводился к одному косяку, да и то пущенному по кругу на школьном дворе в далеком шестьдесят третьем. А тут еще, как на грех, разболелся зуб. Дай, думаю, попробую, – может, и пройдет заодно. Чем черт не шутит. И я, слегка стесняясь, спросил у Яна: мол, типа, вот тут у вас говорят, что вроде бы...

– Марихуана? – с ходу врубился он. – Ноу проблем.

Пройдя пару кварталов, мы зашли в кофе-шоп, так здесь называются опиумные курильни. Ян объяснил, что это его любимое место, здесь обычно собирается университетская профессура, но аспирантов тоже не шугают. Мы взяли пакетик, сели за

столик, Ян высыпал половину, ловко свернул мастырку и протянул мне вместе с пакетиком.

– А сам? – спросил я.

– Не могу, у меня сегодня турнир. Я лучше кока-колу.

Забыл сказать, что он ко всему был еще и шахматист-любитель. Странные они там все-таки какие-то.

Никакого особенного кайфа от выкуренного я не почувствовал. Трава и трава. Мы вышли на улицу и отправились к гостинице. До нее отсюда было минут десять ходу. По дороге Ян предложил выпить пива, и мы спустились в какой-то подвальчик. Бар был самый обычный, если не считать черного датского дога, описывающего плавные круги под потолком.

Какое-то время я с интересом наблюдал за его полетом, но, ощутив и сам легкое головокружение, вышел на воздух. Улица за это короткое время неузнаваемо изменилась. Мне стало не по себе.

– Ян, – крикнул я, – пошли скорее домой!

Из подвала вышел какой-то тип, отдаленно напоминавший моего провожатого, но гораздо старше и одетый совершенно по-другому. Он как-то злобно глянул на меня, и мы зашагали к отелю.

«Зачем я с ним иду, – подумал я, – ведь совершенно очевидно, что он хочет меня убить. С другой стороны, он знает дорогу. Сейчас мы с ним дойдем до места, а там, может, удастся как-то его обмануть».

Чтобы усыпить его бдительность и как-нибудь отвлечь от криминальных замыслов, я решил завести разговор на политическую тему. В Москве вот-вот должны были состояться выборы в городскую Думу, и я собирался голосовать за фельдмаршала Кутузова, который выдвигался по нашему округу и пользовался поддержкой либеральной интеллигенции. Основным его конкурентом был старый партийный аппаратчик Константин Станиславский. Весь этот хитрый расклад я подробно объяснил своему молчаливому, угрюмому провожатому. Слушал он меня с большой неприязнью.

И без того поганая ситуация усугублялась тем, что геометрия пространства все время подлым образом менялась: улица, которую предстояло пересечь, становилась вдруг шире в несколько раз, дома лезли один на другой. Словом, все признаки наркотического опьянения были налицо. Надо отдать мне должное, я отлично все сознавал и постоянно контролировал каждый шаг. Кое-как все же добрались до места.

Мой попутчик – а им, к счастью, оказался все тот же милый, симпатичный Ян – на прощание пожелал мне успешно выступить завтра на вечере, пообещав непременно прийти. Мне стало ужасно стыдно за свои нелепые подозрения. Рассыпавшись в благодарностях, я попытался поцеловать руку славному юноше, после чего вошел в отель и сел в лифт.

Поднимался я долго, часа, наверное, полтора. Наконец вошел в свой маленький номер, где испытал чудовищный приступ клаустрофобии. Первым делом плотно закрыл окно на случай, если взбрдет в голову оттуда спрыгнуть, – в подобном состоянии люди, как известно, способны и не на такое. Жутко хотелось пить. В ванную, ясное дело, пойти было нельзя. Одно неосторожное движение – грохнешься головой о кафель. Надо бы вызвать «скорую» заранее. Но как? По-английски я не говорю, а по-голландски они, естественно, не понимают. Короче, влип. С трудом раздевшись, лег. Свет гасить не стал, чтобы в темноте не мучили кошмары. Голова работала отлично. Я поэт Иртенев, приехал на фестиваль читать стихи. Надо вспомнить, какие именно. Ни одна строчка в голову не лезла. Ничего страшного,

это состояние скоро должно пройти, причем ровно в тот момент, когда Ян сделает свой первый ход. Вопрос только, когда же эта сволочь его сделает.

В этот момент маленький трамвайчик, на переднем сиденье которого я сидел, с жуткой скоростью выскочил на площадь и как бешеный стал носиться вокруг Одесского оперного театра. Все правильно, у них же сейчас проходит Декада украинского искусства. Вот пройдет, и все будет в порядке. Тем временем на площадь не спеша выехала на велосипеде здоровенная розовая амеба. «Визуальная галлюцинация, – торжественно объявила она. – Визуальная галлюцинация». «Ну вот, а я тебе что говорил? – удовлетворенно обратился я к поэту Иртеньеву. – Спи, дурачок». И заснул как убитый.

Через сколько я проснулся, сказать точно не могу. Голова была абсолютно ясная, мир вокруг обрел естественные пропорции, проклятое наваждение сняло как рукой.

Да, чуть не забыл самое главное. Зубной боли как не бывало. Так что рекомендую с чистой совестью.

Урок труда

Невольно вспоминаю Николая
Петровича, учителя труда.
Он, сам того нисколько не желая,
Привил вперед на долгие года

Мне ненависть такой высокой пробы
К общественно полезному труду,
Что могут испытать лишь юдофобы,
Узревшие Давидову звезду.

Явившись в класс наутро после пьянки
И волю дав трясущимся рукам,
Он раздавал тяжелые киянки
Трясущимся своим ученикам.

По детским пальцам ею попадая —
А это деревянный молоток, —
Всею кожей ощущал уже тогда я,
Насколько будет мир ко мне жесток.

Склонясь в халате синем над тисками,
Я твердо знал, предчувствуя судьбу,
Что мне свой хлеб не добывать руками,
Пахать придется на чужом горбу.

На нем же въехать в райскую обитель
Мне суждено, когда настанет срок.
Прими же благодарность, о учитель,
За твой когда-то данный мне урок,

Что не служил я ямщиком на почте,
Что тяжкий молот выше не вздымал.
Твой прах истлел на алкогольной почве,
Но ты судьбу мою не поломал.

Ты мир духовных мне открыл сокровищ,
И сам того не ведая тогда,
Простой советский Николай Петрович,
Учитель ненавистного труда.

Елена Каракина **Мой друг Партникер**

Эту историю рассказал мне один из непревзойденнейших мастеров устного рассказа Боря Бонд. Привожу ее практически дословно.

«Моего друга Партникера принимали в украинские казаки... Однако стоит сказать пару слов о самом Партникере. Личность это весьма незаурядная, являющая великолепный пример единства и борьбы противоположностей. Есть люди, которым книги заменяют все на свете – жен, возлюбленных, карьеру, положение в обществе, а также завтрак, обед и ужин. Партникер из них. Сказать, что он библиофил, – ничего не сказать. Он любитель книг, хранитель книг, читатель книг и охотник за книгами. Но при этом он так же походит на книжного червя, как австралийский кролик на Московский метрополитен. В его заваленной книгами квартире можно повстречать кого угодно – художников в невообразимых хламидах, девушек-вамп с кровавыми губами и лиловым маникюром, тихих инженеров-алкашей, отмороженных музыкантов, длинноволосых поэтов, изобретателей вечного двигателя и прочую весьма разношерстную и разновозрастную полубогемную публику, которая базировалась раньше в «Зосе» и «Яме», а теперь потихоньку расплзлась по «Сугробам», «Трактирам», «Семи ветрам» и прочим злачным местечкам.

Партникер – убежденный борец за трезвость. Он посвятил свою жизнь истреблению всех алкогольных напитков, которые когда-либо существовали в истории человечества, – от приземленного «сухарика» до возвышенной «Массандры» и от мутного деревенского самогона до прозрачного, как горный хрусталь, «Довганя». Истребляет он это все, естественно, не один, а в той самой тусовке, которая толчется среди раритетов, и, надо отдать ему должное, так же легко дает книги «на прочит» (что у книжников совсем не в заводе), как и деньги на очередную бутылку, и делится своими познаниями (у него память настоящего ученого-энциклопедиста) так же просто, как и последней рюмкой водки. Можно охарактеризовать его в трех словах – книжник, душевед, пофигист. Вот его-то и принимали в украинские казаки.

Как-то к нему домой занесло VIP – Очень Важную Персону, некоего Синепупенко-Рюрикова, в одном лице являющегося, кажется, предводителем дворянства и верховным писарем украинского коша. Сидели они тихо-мирно с Партникером за бутылочкой водки или чего-то там еще, и выяснилось, что у писаря-предводителя, как говорят американцы, «есть проблема». Проблема состояла в том, что дружественные казаки Канады отправили в

Одессу целый пароход штанов. Соблазнительно написать, что это были горячо любимые казаками романтические шаровары, но, увы, это были совершенно банальные, хотя тоже многими любимые джинсы «Levis». Канадцы отдали их одесситам совершенно бесплатно, но с одним условием: вручать только пожелавшим вступить в казацкий кош. Вот дворянин-казак и предложил Партникуру пару штанов на этих условиях.

Джинсы, сами понимаете, на улице не валяются, и Партникур сразу согласился. Но сказал, что могут возникнуть некоторые препятствия, и пожелал узнать сопутствующие условия.

– Первое условие, – сказал предводитель-писарь, – выпить стакан водки.

– Ну, за этим, как ты понимаешь, дело не станет, – доверчиво глядя в глаза собеседнику, ответил Партникур.

– А второе условие, – сказала Очень Важная Персона, – перекреститься.

– Но я же не крещеный, я, как ты догадываешься, еврей, – предупредил Партникур.

– А это нам неважно. Важно, чтобы был соблюден протокол приема, – сказал предводитель, в котором окончательно проснулся главный писарь коша.

Но и в Партникуре проснулась торгашеская жилка предков, и он возразил, что за одну пару штанов не станет публично осенять себя христианским символом. А вот за две – это совсем другое дело.

– Две пары штанов – это серьезно, – сказал он.

– Я не уполномочен делать такие щедрые подарки за вступление в казачество, – загрустил предводитель.

– Да, но я же при этом становлюсь если не совсем отступником, то почти отступником, – возразил Партникур.

– Ладно, – решил писарь, – вступай за две пары.

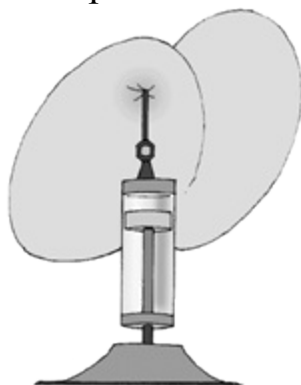
– Но этого мало, – загорячился Партникур, в котором все отчетливее стала проступать национальная страсть к торговле. – Понимаешь, моя религия на три тысячи лет древней твоей. И что же, за то, чтобы вступить в твой детский религиозный сад, я возьму всего две пары джинсов? Вот если вы к ним приложите шаблюку и бунчук – тогда я буду считать себя совершенно удовлетворенным казаком.

Тут бедный писарь-предводитель поперхнулся очередной рюмкой.

– Нет, – сказал он. – Я тебе этого обещать не могу. Я обязан собрать громаду и посоветоваться с ней.

С тем и ушел.

Так Партникур и не отказал себе две пары штанов с саблей и бунчуком. А что до стакана водки – сами понимаете, это «не проблема».

Александр Редькин

Микропроза

А знаете ли вы, что...

...поскольку в Индии корова является священным животным, то индийская женщина имеет право потребовать у мужа развод, если тот в течение года ни разу не назовет ее коровой.

Опять большевики?!

На организационном съезде партии «Молодежь за свободный секс» при обсуждении первой статьи устава: «Об отношении к сексуальным меньшинствам» делегаты разделились на секс-большевиков и секс-меньшевиков.

О подписной кампании

Успешно проходит подписная кампания в городе Энске. Благодаря четкой и слаженной работе сотрудников местной прокуратуры за короткий срок оформлено почти триста подписок о невыезде.

Маленькие хитрости

Если у вас грязные окна, а мыть их не хочется – женитесь.

Записки из сумасшедшего дома

У моих соседей по палате мания величия. Один называет себя Молотовым, другой – Маленковым. Они думают, что можно обмануть товарища Сталина...

Сервис крепчает

Посетители ресторана «Волна» могут принять участие в чайной церемонии: посетитель предлагает официанту чаевые, но тот с возмущением отказывается. Это повторяется четыре раза, и только на пятый раз официант как бы нехотя берет чаевые.

Совет

Если вы хотите иметь собственного корреспондента – купите его.

Мы рождены, чтоб...

Восходящее солнце спустилось в залив,
и от берега с шумом уходит прилив,
и жара наступила, хотя и январь,
придорожная пыль превратилась в янтарь.

Вот Ротару со Шмыгой поют в унисон,
Билла Клинтона им подыграл саксофон.
Вот с подносом идет Пугачева сама
в кабинет, где пьют пиво герои Дюма.

Древнеримский прошел мимо нас легион,
и фонтаны забили внезапно из скал.
То не старая сказка, не сладостный сон —
то пришел новый русский и все заказал.

Сергей Махотин
(Санкт-Петербург)
Вы Семина не видели?...

Миша двигался к доске так неохотно и медленно, что, когда он наконец дошел, наступил второй урок.

– Слушаю тебя, – печально промолвила учительница физики.

– Стихотворение Пушкина «Зимнее утро», – так же печально отозвался Миша. – «Мороз и солнце, день чудесный...»

– Постой, что ты несешь? – удивилась учительница. – Какой мороз, какое солнце?! Ты правило буравчика учил или нет?

– Правило буравчика? – Миша растерянно хлопал глазами.

– С тобой все ясно! – сказала учительница. – Неси дневник.

Миша вздохнул и пошел к своей парте.

Он двигался так неохотно и медленно, что, когда он наконец дошел, наступил уже третий урок.

– К доске пойдет... – учитель географии открыл журнал. – К доске пойдет Семин. В прошлый раз мы говорили о Валдайской возвышенности. Покажи на карте, где она находится.

Миша двигался к карте так неохотно и медленно, что, когда он наконец дошел,

наступил четвертый урок.

– Валдайская возвышенность... – начал он, тыкая указкой в пластмассовый скелет.

– Какая еще Валдайская возвышенность?! – удивилась учительница биологии. – О чем я только что рассказывала? Повтори.

Миша задумался. Он думал так неохотно и медленно, что очнулся, лишь когда из класса, шумя и толкаясь, стали выбегать одноклассники.

«Обед!» – догадался Миша и направился в столовую.

Ел он долго. Сначала щи. Потом сосиски с вермишелью. Потом пил чай со сдобной булочкой.

Время от времени ему слышались какие-то посторонние звуки, звонки, крики: «Каникулы!»

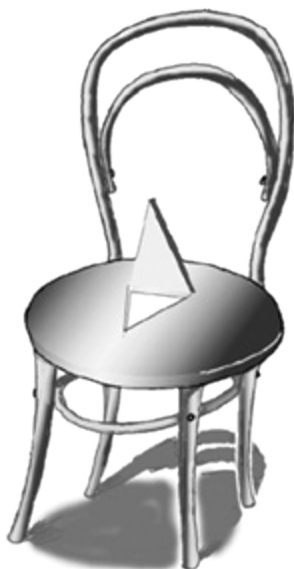
Миша допил холодный чай, встал и двинулся в свой класс.

– А, Семин! – остановила его в пустом коридоре классная руководительница. – Давно тебя не видела. Одноклассники твои меня навещают. Такие молодцы! Слава Лейкин писателем стал. Игорь Лепихин – артистом. А у Курочкина с Лисовой двойняшки родились, обе рыженькие. Ты заходи почаще, – кивнула она на прощание.

Миша понял, что уроки кончились, и пошел домой.

По пути он то и дело останавливался, вспоминал правило буравчика, повторял про себя стихотворение Пушкина и пытался представить себе Валдайскую возвышенность.

Он шел так медленно, что я начал зевать и непременно заснул бы, если б не поставил в этом месте точку.

Александр Свиначук
Иронические миниатюры

Все путем

В глазах мы собственных растем,
Одну из двух избрав систем.
И все у нас теперь путем,
И как всегда – опять не тем.

Дождался

Когда мне звезданули в глаз,
Я понял: вот он, звездный час!

Неразлучные

– Я вынужден уйти к другой.
– И я с тобою, дорогой!

Телеграмма с курорта

«Данное ранее слово
Сдержать до конца не готова».

Диалог

– Откуда будешь? Как дела?
– Неплохо. Буду из горла.

Секс-бомба

Тротиловый ее эквивалент
Не оценил как следует клиент.

Встреча

Гляжу себе и думаю:
Ну до чего ж красавица!
Какой примерно суммою
Я мог бы ей понравиться?

Тихий вечер

Я леплю из пластилина
С длинным носом Буратино.
Дали б водки – я бы пил,
А не черт-те что лепил.

Лозунг

Товарищ, верь, пройдет она —
Башка с большого бодуна!

Томная дама

Она вздыхать любила томно,
Как огнедышащая домна.
Но жаль, что в отношеньи домен
Мой опыт более чем скромн.

Не доросли

Как-то мне набили глаз
У ларька пивного.
Тяжело пока у нас
Со свободой слова!

Ни капли

Ни капли с утра и ни капли в обед.
Причина – пипеток в наличии нет.

«Спартак» – чемпион!

Вчера фанату повезло:

Набил сопернику табло.

Встреча

Что утром явился, не подала вида,
Открыла, услышав настойчивый стук.
В глазах ее нежных застыла обида,
В руках мускулистых – чугунный утюг.

Творческий тайм-аут

Я не писал почти полгода
Стихов для нашего народа.
Набравшись сил, могу опять
Еще полгода не писать.

Валерий Хаит
Доля шутки

Избранное из услышанного

Я затормозил и прислушался.
Мысленно достал авторучку.
Сергей Довлатов. «Заповедник»

Наша соседка по двору, как ее тогда все называли – мадам Спирт, страшно любила похвастаться. И вот она рассказывает о посещении своего сына, сидящего в тот момент в тюрьме за спекуляцию:

– Мой Сеня!.. Раечка, если бы вы видели его камеру! Такой второй камеры нет на свете! Оттуда не хочется выходить!..

* * *

Мой друг художник Олег Сон рассказывал, что в винном подвальчике, куда он ходил с друзьями, время от времени появлялся старичок, который утверждал, что он Гаврик из катаевской повести «Белеет парус одинокий», и за стакан вина рассказывал, как там было на самом деле...

* * *

Еще один рассказ Олега Сона. У него есть приятель, который назвал своего кота Брамсом. Так вот этот приятель, глядя на кота, время от времени произносит:

– Обрати внимание: Брамс! Какое в сущности прекрасное имя для кота и какое нелепое – для композитора!..

* * *

Пожилая женщина – преподаватель географии категорически против выезда семьи в Израиль:

– Я не хочу, чтобы мои внуки жили в стране, в которой нет полезных ископаемых!..

* * *

Юля Женевская подарила историю. Едет она в такси. Впереди женщина средних лет в платочке пытается перейти дорогу в неполюженном месте. Мечется по мостовой – вперед, назад, от одной машины к другой. Шарахается от них. Машины, не снижая скорости, объезжают ее. Водитель такси, где сидит Юля, останавливается, опускает стекло и говорит женщине:

– Ну иди уже, комнатная!..

* * *

– Ой, Яша, как я рад, что я тебя давно не видел!..

* * *

Объявление на столбе: «На 16-й станции Фонтана сдаются комнаты на сезон или на более меньший срок».

* * *

Еще одно объявление на столбе: «Любовь нечаянно нагрянет!.. Звонить по телефону...»
И – телефон.

* * *

– Что вы подслушиваете, когда вас сюда поставили подсматривать!..

* * *

Разговор после концерта известного артиста эстрады, юмориста:

– Между прочим, каждый уважающий себя артист эстрады должен иметь сегодня хотя бы один пошлый номер!

– Правильно. А если он себя по-настоящему уважает, то и два!

* * *

В проектно-институте, где я когда-то работал, у нас в отделе были сотрудники с такими фамилиями: Бант, Шарф, Фрак, Щеголь... Самое интересное, что фамилия начальника отдела была Портной.

* * *

На Привозе. Есть петрушка обыкновенная и есть кудрявая. Женщина приценивается:

– Почему ваша кудрявая?

– Одна гривня.

– Почему так дорого? Всегда было дешевле!

– Да?... А вы знаете, сколько времени пришлось ее завивать?...

* * *

Три полных женщины садятся в машину на заднее сиденье. Волнуются, что не поместятся. Одна говорит:

– Давайте сядем черепицей!..

* * *

– Чтобы борщ получился, ему нужно полностью отдаться!..

* * *

Врач сказала:

– Кардиограмма – как рыба. Она всегда должна быть свежей...

* * *

В феврале 96-го Зиновий Ефимович Гердт снимался в Одессе у какого-то греческого режиссера и жил с женой в гостинице «Красная». Завтрак из любви и уважения к артисту приносила в номер сама метрдотель ресторана – видная, яркая одесская женщина. Она стучала в дверь и, когда жена Гердта ей открывала, торжественно входила в номер и спрашивала:

– Ну что, мой уже встал?

* * *

В парикмахерской. Я пытаюсь как-то руководить процессом. Парикмахерша:

– Да не волнуйтесь, мы работаем без брака!

– Как это?

– А оно ж отрастает!..

* * *

Мой приятель однажды в сентябре позвонил в еврейский центр – ему какой-то документ был нужен. Телефон долго молчал, потом мужской голос ответил:

– Никого нет.

– А где все?

– Они там свой жидовский Новый год отмечают.

– Что?! Как вы... Кто вы такой?!

– Я сторож...

* * *

– Молодой человек, вы не могли бы проводить меня до дому?

– Только взглядом!..

* * *

Из монолога старого одесского конферансье:

– Ну, что вы не смеетесь?... А, старая шутка?! Что ж, значит, вы интеллигентные люди. Вы понимаете, что над старостью нельзя смеяться, старость надо уважать!..

* * *

В семидесятых. На пивной будке – табличка: «Пива нет». Внизу мелом приписано: «Куба – да!»

* * *

– Вы даже себе не подозреваете!..

* * *

Я спросил у философа Авенира Умова:

– Скажите, Бог есть?

Он – тут же:

– Поживем – увидим!..

* * *

Меня в очередной раз перепутали с Аркадием Хайтом. Объясняю жене, что это неудивительно: Хайт – постоянный автор Хазанова, создатель фильма «Ну, погоди!», лауреат Государственной премии.

Жена говорит:

– Подумать только, одна закорючка – и я могла бы быть женой знаменитого человека!..

* * *

Водитель – женщине, едва не попавшей под машину:

– Что вы ходите по Одессе, как корова по Индии!..

* * *

Я как-то читаю вслух объявление в местной газете: «Мужчина 60 лет, спортивного телосложения ищет женщину не моложе 50 лет для интимных встреч...»

Жена говорит:

– Он что, геронтолог?...

* * *

Игорь Миняйло об актере:

– Так умел держать паузу – суфлеры не выдерживали!..

* * *

– Люди этой графы очень порядочные...

* * *

– Ты у меня исчезнешь, как бульки на воде!..

* * *

Врач «скорой помощи» рассказал, как его однажды вызвали к умирающей старушке. Приехали, он мерит ей давление, пытается помочь. Она слабеющим голосом:

– Вы женатый человек?

Он:

– Нет...

Она вдруг быстро садится и бодрым голосом кричит мужу:

– Сема, а ну быстро кофе доктору!

И тут же врачу:

– Доктор, вот что я вам скажу: у меня есть племянница...

* * *

Фраза, услышанная на Привозе:

– Такая интересная женщина – и не ест творог!

* * *

Михаил Жванецкий о каком-то начальнике:

– Как это ему удается?! Он говорит «фост», но при этом ухитряется говорить «хвакт»...

* * *

– Собираешься ли ты уезжать?

– При малейшей возможности – нет!

* * *

В одесском русском театре был замечательный артист Леонид Маренников. За годы работы он переиграл множество ролей. Публика его просто обожала. Как-то в пьесе Ивана Рачады «Когда мертвые оживают» он получил роль Гитлера. И на каждом спектакле стоило Гитлеру выйти на сцену, как зал тут же взрывался аплодисментами.

* * *

– О, он известный художник. Продолжатель дела Айвазовского на суше...

* * *

В церкви, расположенной по соседству с редакцией, с утра без перерыва били в колокола.

Я спросил у Миши Векслера:

– Ты не знаешь, чего это они звонят целый день?

– Видимо, дозвониться не могут...

* * *

С утра он плохо себя чувствовал.

– Ты что, пил вчера?

– Ну если б знал заранее, что буду так себя чувствовать, конечно бы выпил!

* * *

Приятель сказал:

– У нас демократия в противозачаточном состоянии.

* * *

Говорю Мише Векслеру:

– О, вижу, у тебя спички на столе? Ты что, курить начал?

– Ага... Вот спички уже купил...

* * *

Открытие моего молодого друга Жени Каминского, живущего ныне в Америке:

– Я понял, что «судьбоносный» – это про евреев. Потому что для еврея нос – это его судьба!

* * *

На Привозе.

– Что это у вас за яблоки? Почему они такие разные?

– А почему ты красавица, а я нет?!

* * *

Знакомый купил своему пятилетнему сыну ежика.

– Папа, а как с ним играть?

– Как хочешь, так и играй.

– Как хочешь – жалко...

* * *

В переполненном автобусе.

– Женщина! Не нахальничайте задом!

* * *

Жена меняла десять долларов в обменном пункте. Кассирша говорит:

– А что это у вас за купюра? Какая-то она не такая.

– А я, между прочим, у вас ее на сдачу и получила.

– Да? То-то, я смотрю, на ней лицо знакомое...

* * *

Женщины собирают каштаны.

Одна говорит:

– Я слышала, от моли хорошо.

Другая, вздохнув:

– А я каштаны люблю бескорыстно...

* * *

Конферансье на сцене.

– Это, между прочим, шутка... Нет, можете не смеяться! Просто чтобы потом не говорили, что шуток не было...

Это мне Гарик Голубенко подарил. Видимо, сам придумал...

* * *

Жена приятеля за что-то его пилит. Он говорит:

– Знаешь, о чем я подумал? Когда я с тобой из-за этого разведусь, мне этого будет очень не хватать.

* * *

Много лет назад позвонил своему загрипповавшему приятелю:

– Как ты себя чувствуешь?

– Ну что тебе сказать?... Из носа течет – соседи снизу жалуются!..

* * *

– ...И зачем тебе так стараться быть молодой?

– Ну, во-первых, я привыкла...

* * *

Правоверный еврей на банкете. Официант разносит горячее.

– Простите, это что – говядина, телятина?

– Свинина.

– Ой, считайте, что я не спрашивал!

* * *

Вспомнил мой друг Володя Горбулин – в прошлом автор и режиссер днепропетровской команды КВН. Много лет назад вместе с капитаном их команды Сашей Янгелем зашли они в Одессе с бутылкой шампанского к Семену Лившину. Его мама только что вымыла пол. Шампанское открыли неудачно – залили полкомнаты.

– Ой, простите, вы только что вымыли пол...

Мама Семена говорит:

– Ничего-ничего. Давайте условимся и на будущее: наши полы – ваше шампанское...

* * *

З. Е. Гердт говорил об N.:

– Видеть его – одно удовольствие. Не видеть – другое.

Это мне Гриша Горин подарил.

* * *

Застольных дел мастер. Незнакомым представляется как первый разливальщик города. И действительно, из любой бутылки в любое число рюмок и стаканов одним движением наливает одинаково.

О себе с гордостью говорит:

– Я первый в разливе. Как Ленин!

* * *

В Одессе был замечательный дом. Радушные хозяева, вечно гости, застолье, умные разговоры. Потом хозяин ушел к другой женщине. Дети уехали. Жена осталась одна. Тяжело заболела. В общем, грустная история.

Друзья дома говорили:

– Нет, как он посмел! Как он посмел изменить наш микроклимат!

* * *

Миша Векслер рассказал:

– Еду я сегодня в автобусе, смотрю, стоит в проходе негр, обмахивается газетой – жарко ему... Я с трудом удержался от фразы: «Это тебе не Африка!»...

* * *

Наша соседка говорила:

– Идет страшная зима, а в доме ни грамма вермишели!

* * *

Олег Филимонов был гостем на пятидесятилетии Хазанова. Там познакомился с Александром Коржаковым. Тот говорит:

– Ну что, выпьем за Президента?

Олег:

– С удовольствием.

Попросили у официанта виски со льдом. Чокнулись.

Коржаков говорит:

– До дна.

И через паузу:

– Для проверочки!

Выпили.

Филимонов спрашивает:

– Лед съест?

* * *

Миша Векслер сказал:

– Я не только люблю деньги, но и ревную их к другим...

* * *

Так творится новая мифология.

Он подарил приятелю смешную историю. Тот ее рассказывает иначе.

– Погоди, там же все было не так!

– Поздно.

– Почему?!

– Я уже имел с этим успех...

* * *

Недавно услышал возглас:

– Не нравится?... Езжайте в наш Израиль!..

* * *

Он женился на молодой. Ему шестьдесят, а ей двадцать пять.

– Ничего, она его догонит.

– Что ты такое говоришь?!

– Ну, не знаю... Во всяком случае, им по дороге...

* * *

Еще один подарок Гарика Голубенко.

Муж и жена:

- Ты куда?
- В магазин.
- Деньги взяла?
- Взяла.
- Смотри не трать!..

* * *

Знакомая рассказала.

Подходит к окну ее дачи соседка и кричит:

- Ляля, ты не голая? Я могу с тобой говорить?...

* * *

К нам пришел электрик из домоуправления. Стал чинить розетки. Жена, пока он работал, читала «Московский комсомолец». Вдруг тихонько подзывает меня и говорит:

- Хорошо, что ты дома.
- Почему?

Она показывает мне заголовок газетной заметки: «Электрик из жэка оказался маньяком».

* * *

Миша Векслер рассказал.

Идет он по улице – навстречу явно подвыпивший мужик.

- Слышь, который час?
- Полвосьмого.

Тот растрогался.

- Спасибо, брат. А то никак время не мог узнать. Мне до тебя одни евреи попадались.

* * *

Когда лет двадцать назад в Одессе построили новый театр оперетты, Гарик Голубенко сказал:

– Если справедливо утверждение, что архитектура – это застывшая музыка, то наш новый театр представляет собой настоящую музыкальную комедию.

* * *

Миша Векслер рассказал.

Мужчина продает старые книжки. Особенно много из серии «ЖЗЛ» – от Еврипида до Чкалова.

– Почему вы их продаете?

– Разные люди – разные цены...

* * *

Жена звонит в аэропорт.

– Скажите, аэропорт сегодня принимает?

– И самолеты тоже...

* * *

Одесский пляж. На топчане лежит человек, читает газету. К нему подходит пожилой мужчина, внимательно присматривается.

– Простите, вы случайно не сын Льва Марковича?

– Нет.

– Но вы так похожи на Льва Марковича. Наверно, вы все-таки его сын...

– Я же сказал, нет!

– Странно, вы просто копия Лев Маркович. Признайтесь – вы его сын.

– Оставьте меня в покое!

Мужчина отходит, но все-таки возвращается.

– Простите, я понимаю, что надоел, но мне кажется, вы меня разыгрываете. Конечно, вы сын Льва Марковича!

Тот, устало:

– Ну хорошо, я спрошу у мамы...

Ефим Аглицкий подарил. Видимо, придумал.

* * *

Идет конкурс на лучший анекдот с бородой.

Один из участников начинает:

– Встречаются как-то Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом...

Член жюри:

– Э-э, нет! Это уже с двумя бородами!..

* * *

Она говорила о своем муже:

– Деньги на него идут, как айсберг на «Титаник», но он уворачивается. «Титаник» не

смог увернуться, а он уворачивается...

* * *

Жванецкий кому-то:

– Я все время спотыкаюсь о вас глазами!..

* * *

Олег Губарь рассказал.

Был он с другом на Привозе. Идут по рыбному ряду, старушка продает живых раков. Один упал на землю и уползает. Олег показал на него хозяйке.

– А, ничего. Он как муж – погуляет и вернется.

Олег говорит:

– Приползет...

* * *

Три подруги. Одну из них зовут Розалия. Когда кто-то из двух других делает удачную покупку – ну там шляпку или платье – и примеряет ее, выражение восторга у них всегда одинаково:

– Розалия треснет!

* * *

Замечательный скрипач Сергей Стадлер давал как-то концерт в одесской филармонии. Вдруг выключили свет. Час искали свечи. Никто не расходился. Нашли.

Стадлер играл вдохновенно. Знатоки говорили: «Игра стоила свеч...»

* * *

Из старых записей. Продавщица газированной воды – на претензии покупателя:

– Это у меня вода теплая?! Да чтоб у вас ноги были такие теплые, когда вы умрете!..

* * *

Мой друг и бывший соавтор Леня Сущенко в паре с Игорем Кнеллером были когда-то лучшими актерами одесской команды КВН. Славились еще и тем, что могли часами импровизировать. Лучше всего это у них получалось, когда они изображали Василия

Ивановича и Петьку. Помню, Игорь с Леной запевают:

– Черный ворон, что ж ты вьешься
Над моею головой?...

Глаза их поблескивают – видно, что-то уже придумали. Они допевают куплет, Чапаев спрашивает:

– Петьк, а Петьк! Ты бы хотел Лениным быть?
– Не, Василий Иванович.
– А чего это?
– Чубчик жалко!
...Черный ворон, что ж ты вьешься...

* * *

В группе первокурсников четыре мальчика и пятнадцать девочек. Собрались у кого-то дома. Ребята быстренько уселись, девочкам мест не хватило. Одна из них говорит:

– Здесь мужчины есть?
– Мужчины есть. Стульев нет!..

* * *

На шестидесятилетия Жванецкого. Вечер вел Александр Ширвиндт. Вначале на сцену почему-то пустили струю густого дыма. Ширвиндт появился и тут же сказал:

– Помните, у Лермонтова: «Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке уже не было»...

Зал грохнул.

* * *

Рассказывает подруга жены.

– Вчера пришла массажистка, мнет мне спину, бурчит, приговаривает: и это у вас плохо, и это... Вдруг оживляется: «О-о, у вас хороший...» Думаю: ну слава Богу, хоть что-то хорошее у меня нашла! «...У вас хороший сколиоз!..»

* * *

В застольном разговоре возникает тема: что происходит с Одессой. Многие, мол, уезжают, город становится другим. Словом, жива ли еще Одесса?

И тут кто-то предлагает за нее выпить.

Пряатель говорит:

– Так что, будем все-таки чокаться или нет?...

1993–1999

Они прославили Одессу

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью – были...*

В. Жуковский

I. 1900–1920

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925), писатель-юморист, драматург, театральный критик. Неоднократно бывал в Одессе и писал о ней.

Багрицкий (Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895–1934), поэт. Родился в Одессе, с 1925 года жил в Москве.

Бобович Борис Владимирович (1896–1975), поэт, участник одесской литературной жизни 1910-х гг.

Вертинский Александр Николаевич (1889–1957), артист эстрады. Неоднократно выступал и подолгу жил в Одессе.

Давидка Г. (Гутман Давид Григорьевич), одесский журналист.

Дон Аминадо (Шполянский Аминад Петрович) (1888–1957), поэт, прозаик. Сотрудничал в одесских газетах.

Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922), журналист, театральный критик. С 1893 года в течение нескольких лет жил в Одессе, был ведущим сотрудником газеты «Одесский листок». Фельетоны этого периода вошли в его книгу «Одесса, одесситы и одесситки» (1895).

Зозуля Ефим Давидович (1891–1941), прозаик, фельетонист. Первые публикации – в одесском журнале «Крокодил». В 1914 году уехал в Петроград.

Куприн Александр Иванович (1870–1938), писатель. Неоднократно бывал и подолгу жил в Одессе.

Лери (Клопотовский Владимир Владимирович) (1883–1944), поэт, фельетонист. Сотрудничал в «Одесском листке».

Незнакомец (Флит Борис Давидович) (1883–1937?), журналист, драматург, редактор и издатель ряда одесских журналов на протяжении четверти столетия.

Олеша Юрий Карлович (1899–1960), писатель. Юность провел в Одессе, с 1922 года жил в Москве.

Picador (Круковский Виктор Владимирович), автор юмористических стихотворений, шаржей. Сотрудничал в одесском журнале «Крокодил» (1911–1912).

Тузини (Топуз Николай (Наум) Исаевич) (1888–19??), автор юмористических стихотворений, куплетов, пародий, текстов комедий. Сотрудничал в одесском журнале «Крокодил» (1911–1912).

Тэффи (Лохвицкая Надежда Александровна) (1894–1952), поэт, прозаик, драматург. Эмигрировала из Одессы в 1920 году.

Фавн (Воровский Вацлав Вацлавович) (1871–1923), публицист, критик, фельетонист. Публиковался в одесских газетах.

Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич) (1882–1969), писатель, критик, литературовед. Юность провел в Одессе.

Эмиль Кроткий (Герман Эммануил Яковлевич) (1892–1963), поэт, писатель-сатирик. С 1911 года сотрудничал в одесских журналах и газетах.

Эскесс (Кесельман Семен Иосифович) (1889–1940), поэт. Писал пародии, песни для репертуара В. Хенкина. С 1911 года сотрудничал в ряде одесских журналов и газет.

Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927), писатель. Родился в Одессе. С 1921 года жил во Франции, затем в США.

Ямпольский Мирон Эммануилович (1892–19??), одесский литератор.

II. 1920–1940

Арго (Гольденберг Абрам Маркович) (1897–1968), журналист, литератор, автор многих пародий на одесских писателей.

Архангельский Александр Григорьевич (1889–1938), поэт, король пародий. Его пародии на Бабеля, Олешу, Катаева, Инбер, Утесова и др. пользуются широкой известностью до сих пор.

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940), писатель. Родился в Одессе.

Жаботинский Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880–1940), писатель, журналист. Родился в Одессе. В 1900-е годы – сотрудник газеты «Одесские новости», печатался под псевдонимом Altalena.

Ильф (Файнзильберг) **Илья Арнольдович** (1897–1937), писатель, соавтор Е. Петрова. Родился в Одессе, с 1923 года жил в Москве.

Инбер Вера Михайловна (1890–1972), поэтесса, прозаик. Родилась в Одессе. В 1922 году уехала в Москву.

Катаев Валентин Петрович (1897–1986), писатель. Родился в Одессе, с 1922 года жил в Москве.

Кирсанов Семен Исаакович (1906–1972), поэт. Родился в Одессе. В начале 20-х уехал в Москву.

Козачинский Александр Владимирович (1903–1943), писатель. Юность провел в Одессе, с 1925 года жил в Москве.

Петров (Катаев) Евгений Петрович (1902–1942), писатель, соавтор И. Ильфа, брат В. Катаева. Родился в Одессе, с 1923 года жил в Москве.

Саша Черный (Гликберг Александр Михайлович) (1880–1932), поэт, прозаик. Родился в Одессе, в 1920 году эмигрировал.

Славин Лев Исаевич (1896–1984), писатель. Родился в Одессе, с 1924 года жил в Москве.

III. 1940–1965

Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968), писатель. В 20-е годы работал в одесской газете «Моряк».

Утесов (Вайсбейн) Леонид Осипович (1895–1982), артист эстрады, снимался в кино. Родился в Одессе.

Шнайдер Александр Петрович (1914–1991), журналист, фельетонист одесской газеты «Знамя коммунизма», печатавшийся под псевдонимом Карп Полубаков.

* * *

Фотоиллюстрации *Олега Владимирского, Дмитрия Зюбрицкого, Георгия Исаева, Сергея Калмыкова, Генриха Намиота, Михаила Рыбака, Леонида Сидорского.*

notes

Скрипка у бельгийского скрипача Эжена Изаи (Исайе) была похищена в Мариинском театре в Петербурге, где в декабре 1907 года состоялся его концерт.

Дубровин – один из основателей и руководителей черносотенной организации «Союз русского народа», редактор-издатель погромной газеты «Русское знамя».

Пеликан – черносотенец, голова Одесской городской управы в годы реакции.

Пусть будет стыдно тому... (*фр.*).

Красивый жест (*фр.*).

Опубликовано в журнале «Юность» № 8 за 1974 г. Авторы – Валентин Крапива и Юрий Макаров.

Опубликовано в журнале «Фонтан» № 4 за 1998 г. Автор – Георгий Голубенко.

Опубликовано в журнале «Фонтан» № 1 за 1998 г. Авторы – Георгий Голубенко и Игорь Кнеллер.

Продолжение. Начало – в разделе 1965–1985.